ПАДЕНИЕ
ЦАРСКОГО РЕЖИМА

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ
допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства

РЕДАКЦИЯ

П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Т. I.

ДОПРОСЫ:

А. Н. Хвостова, Е. К. Климовича, А. Д. Протопопова.
С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера,
В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андроникова.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград
Гатчинская-26.

Гиз. № 6552. Ленинградский Гублит. 11945. 29 л. Отп. 10.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Чрезвычайная следственная комиссия Временного Правительства.

Статья П. Е. Щеголева V

Предисловие к первому тому XXVIII

Допросы и показания:

1. Допрос А. Н. Хвостова 18 марта. 1
2. Допрос ген. Е. К. Климовича 19 марта 54
3. Допрос А. Д. Протопопова 21 марта 111
4. Допрос ген. С. С. Хабалова 22 марта 182
5. Допрос А. Т. Васильева 22 марта 220
6. Допрос Б. В. Штюрмера 22 марта 221
7. Допрос Б. В. Штюрмера 31 марта 231
8. Показания В. Л. Бурцева 1 апреля. 293
9. Показания А. Н. Наумова 4 апреля 329
10. Допрос кн. М. М. Андроникова 6 апреля. 361
11. Показания А. Н. Наумова 8 апреля. 403

Приложение.

Письменные показания А. Т. Васильева (к его допросу 22 марта) 420

Необходимые исправления 433

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 1917.

I.

В вышедшем 5 марта 1917 года первом номере «Вестника Временного Правительства» был распубликован следующий указ Временного Правительства Правительствующему Сенату: «Временное Правительство постановило: учредить верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». А 12 марта было опубликовано и следующее положение о «чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств».

I. Чрезвычайная следственная комиссия учреждается при министре юстиции, в качестве генерал-прокурора, для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств и состоит из председателя, пользующегося правами товарища министра юстиции, двух товарищей председателя и четырех членов, назначаемых приказами Временного Правительства.

При комиссии состоят лица, командируемые министром юстиции для производства следственных действий.

Для участия в делопроизводстве комиссии председателю ее предоставляется привлекать как должностных лиц всех ведомств, так и частных лиц, в отношении первых — по соглашению с их непосредственным начальством и с сохранением за ними их постоянных должностей и окладов.

II. Для выполнения возложенного на комиссию поручения лицам, командируемым для производства следственных действий, предоставляются все права и на них возлагаются все обязанности, принадлежащие следователям по уставам уголовного судопроиз-

водства, военно-судебному и военно-морскому судебному, с соблюдением нижеследующих правил:

1) Возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемых, а также производство осмотра и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции производятся с ведома и соглашения чрезвычайной следственной комиссии.

2) Лица, производящие следствия, имеют право требовать личной явки для допроса всех лиц, означенных в примечании к ст. 65 уст. угол. суд. .

III. Чрезвычайной следственной комиссии принадлежит право давать предложения лицам, производящим следственные действия, и постоянное наблюдение за совершением таковых действий.

IV. Акты окончательного расследования комиссия представляет со своим письменным о дальнейшем направлении дела заключением генерал-прокурору, для доклада Временному Правительству.

Положение подписано министром - председателем князем Львовым, скреплено министром юстиции А. Керенским и датировано 11 марта 1917 года. («Вестник Временного Правительства», 12 марта 1917 г., № 7.)

Впоследствии это положение о чрезвычайной следственной комиссии было дополнено следующим постановлением, объявленным в указе Временного Правительства Правительствующему Сенату от 27 мая.

III.Чрезвычайной следственной комиссии предоставляется право расследовать преступные деяния, учиненные лицами, перечисленными в отд. 1 сего положения, хотя бы во время их совершения лица эти и не состояли в указанных в отд. 1 должностях или вообще на службе, а также и иные преступные деяния, учиненные должностными и частными лицами, если комиссия признает, что эти преступные деяния имеют тесную связь с деяниями, подлежащими расследованию комиссии, согласно отд. 1.

IV. При комиссии состоят лица, назначаемые министром юстиции для наблюдения за производством предварительных следствий. Лица эти пользуются указанными в уставе уголовного судопроизводства правами лиц прокурорского надзора, наблюдающих за следствиями, за исключением права непосредственного предложения производства следственных действий [1]).

Вот и все законоположения, которыми регулировалась деятельность чрезвычайной комиссии. Для полноты следует еще добавить, что в виду особого и сложного значения деятельности бывшего департамента полиции в помощь чрезвычайной комиссии постановлением Временного Правительства 15 июня (опублико-

---

[1]) Постановление подписано князем Львовым и министром юстиции Переверзевым и опубликовано в «Вестнике Временного Правительства», № 76 от 10 июня 1917 г.

ванным в «Вестнике», № 88, от 24 июня) была учреждена при министерстве юстиции «особая комиссия для обследования, согласно указаниям названного главного начальника ведомства, деятельности бывшего департамента полиции и подведомственных департаменту учреждений (районных, охранных отделений, жандармских управлений и розыскных пунктов) за время с 1905 по 1917 год».

Было постановлено (п. III): «возложить на эту комиссию: а) исследование всех дел, имеющих отношение к политическому розыску и сохранившихся в архивах департамента полиции и подведомственных ему учреждений; б) сношения с исполнительными комитетами и комиссиями, работающими на местах по данным местных архивов, а в случае отсутствия такой работы на местах, — принятие мер к охране и разработке местных архивов; в) обращение за получением материалов и сведений, касающихся политического розыска, ко всем правительственным и общественным учреждениям; г) производство опроса чинов департамента полиции и жандармского надзора и лиц, имеющих касательство к политическому розыску, как находящихся в местах заключения, так и пребывающих на свободе, и д) удовлетворение требований правительственных органов и общественных учреждений по справкам, относящимся до политического розыска.

(п. IV). Передать архивы бывшего департамента полиции в ведение министра юстиции, а управление архивом возложить, на основании приложенного временного штата, впредь до окончания работ чрезвычайной следственной и особой комиссий, на особую комиссию для обследования деятельности бывшего департамента полиции, предоставить в распоряжение указанного архива все сохранившиеся архивы и делопроизводства подведомственных бывшему департаменту полиции учреждений (районных охранных отделений, жандармских управлений и розыскных пунктов).

(V). Предоставить министру юстиции издать наказ для комиссии для обследования деятельности бывшего департамента полиции и определить конечный срок действий комиссии.

(VI). Уполномочить названного (отд. V) главного начальника ведомства назначить председателя комиссии для обследования деятельности бывшего департамента полиции, с введением его в состав чрезвычайной следственной комиссии сверх четырех членов, предусмотренных положением об этой комиссии. («Собр. узак.» 1917 г., ст. 363).

Эта «особая комиссия» делала два дела: отбирала дела департамента полиции, которые могли бы дать материал для чрезвычайной комиссии, и выясняла состав секретной агентуры розыскных органов империи.

II.

Председателем следственной комиссии Временного Правительства был назначен известный московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев. В первый состав комиссии вошли: сенатор С. В. Иванов, сенатор (бывший прокурор с.-петербургской судебной палаты) С. В. Завадский (оба были товарищами председателя и составляли президиум), главный военный прокурор, назначенный на эту должность Временным Правительством, ген.-майор В. А. Апушкин, прокурор харьковской судебной палаты Б. Н. Смитген, доктор философии В. М. Зензинов. Пребывание последнего в комиссии было крайне непродолжительно (две-три недели); С. В. Завадский ушел из комиссии 16 мая, а В. А. Апушкин занялся специально военным отделом. В апреле месяце в состав комиссии вошли прокурор московского окружного суда Л. П. Олышев (на короткое время, с 20 апреля по 16 мая), непременный секретарь Российской Академии Наук, академик С. Ф. Ольденбург и прокурор виленской судебной палаты А. Ф. Романов (работавший до 1 сентября). В течение месяца членом комиссии состоял профессор Д. Д. Гримм, заменявший на время отсутствия С. Ф. Ольденбурга. Наконец, со времени учреждения особой комиссии по расследованию деятельности департамента полиции в состав чрезвычайной комиссии на правах члена вошел председатель особой комиссии П. Е. Щеголев. Делегатами от временного комитета Государственной Думы был Ф. И. Родичев и от исполнительного комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — Н. Д. Соколов.

О том, как понимала свою задачу следственная комиссия, как вела работу и каких результатов достигла, можно узнать из доклада, сделанного ее председателем на заседании Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов [1]):

---

[1]) Доклад напечатан в № 95 от 28 июня 1917 года «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Приводим доклад с некоторыми сокращениями, исправляя многочисленные ошибки плохой стенографической записи и не лучшей газетной корректуры. Несмотря на внешние недостатки, мы сочли необходимым процитировать доклад, так как он является источником при изучении истории комиссии и единственным высказыванием ее руководителя. Есть еще позднейшие, зарубежные, пропущенные через эмигрантскую призму воспоминания о комиссии работавших в ней сенатора С. В. Завадского (Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, т. XI, стр. 5 etc), С. А. Коренева (там же, т. VII, стр. 14 etc), А. Ф. Романова и В. М. Руднева (Русская летопись, изд. «Русский Очаг». Париж, кн. 2, 1922). К этим воспоминаниям мы еще вернемся в одном из следующих томов настоящего издания.

— IX —

«Товарищи, мой краткий, по возможности, доклад о работах чрезвычайной следственной комиссии, которая существует уже довольно долго и о деятельности которой вы должны знать больше, чем вы можете узнать из отрывочных заметок, сообщаемых нами в газеты, должен был бы быть маленьким вступительным очерком к нашей с вами беседе по этому вопросу; кроме цели осведомления вас и ваших товарищей на местах, мне хотелось бы теперь же разъяснить все те недоразумения, которые могут у вас возникнуть в связи с деятельностью комиссии, которая по необходимости, в силу поставленных ею задач, должна проходить несколько скрытно. Иной способ ведения дел мешал бы нашему делу, которое мы считаем делом вашим, делом первостепенным или, во всяком случае, очень большой исторической важности, и портить которое мы не можем позволить себе поэтому ни на одну минуту.

Вы знаете, что с первых дней победы революции Временное Правительство пришло к мысли о создании чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима.

Вы понимаете сами, товарищи, что эта работа в такой постановке могла бы оказаться безбрежной, и поэтому волей-неволей нужно было ограничить задачи этой комиссии. Это первое ограничение заключается в самой задаче этой комиссии. Наша задача — ликвидация старого режима. Но даже эта поставленная задача—судить представителей старого режима,—была бы очень тяжела и обширна. По необходимости следственная комиссия, называемая верховной, ограничила свои задачи только высшими лицами государства. Она взяла в сферу своего ведения, соответственно своему названию, только лиц первых трех классов, только высших сановников павшей Империи.

Такова скромная на первых порах задача этой самой комиссии. Но когда мы приступили к реализации этой задачи, мы сразу поняли, что наша скромная работа над материалом центральных канцелярий, к которой мы приступили, превращается в громадную задачу. В результате наших расследований, как бы их ни ограничивать, как бы ни запираться в скромных рамках уголовного преступления, получается документальное доказательство одной тезы, что русской революции не могло не быть, что русская революция неизбежно должна была прийти и неизбежно должна была победить.

Наш материал, когда он будет опубликован всецело, быть может, покажет и перед вами и перед всем миром, что нет возврата к прошлому, что мечты о прошлом, если забредают в отдельные головы, разбиваются о тот материал, который постепенно стекался в нашу комиссию. Приятно констатировать, что этот вопрос решен в высшей степени легко и довольно убийственно для

врагов русской свободы и русского революционного народа. Оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима. Можно сказать: «те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали». Вы понимаете, что нам, комиссии, представилось, когда мы пришли к этой мысли, что это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения. И вы понимаете, как с этой точки зрения важна и ценна та позиция, на которую нам удалось стать потому, что при иной точке зрения, если бы суд этот положил в свою основу законы какие-нибудь иные, а не существовавшие тогда, их сторонники могли бы перед всем миром сказать: «да это — законы ваши, а не наши, это — законы вашего времени, мы жили при других условиях, как же вы хотите карать и наказывать нас за то, что мы сотворили, по законам, установленным уже после того, как вы отогнали нас от власти!»

Вы понимаете, что с точки зрения комиссии, которая, мне кажется, совпадает с точкой зрения революционного народа, было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не могли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории. Так осторожно мы подходим к этому материалу, товарищи, создавая эти процессы.

Эти процессы исключительны не только в силу самых преступлений, совершенных старым режимом, но также и потому, что, по крайней мере за истекшее столетие, не было процесса во всемирной истории, когда на скамью подсудимых следовало бы усадить и судить не отдельных министров, а целый совет министров. Вы понимаете, товарищи, что старый режим и старый строй не мог себе представить министра на скамье подсудимых. В высшей степени интересные в этом отношении документы попали к нам в связи с делом Сухомлинова. Я уже несколько раз через представителей печати высказывал мое глубокое убеждение и радость по поводу того, что дело Сухомлинова пойдет еще этим летом, дело, которое, при существовании старого режима, никогда бы не увидело света.

Я по необходимости даю вам только общий очерк, но я даю этот общий очерк не на основании моих впечатлений, как гражданина, я даю этот общий очерк по документам, и вы можете сказать, что все, что вы услышите здесь, находит подтверждение в актах следственной комиссии. Надо вам сказать, что эти документы блестяще рисуют то общее положение, в котором жила Рос-

сия последних месяцев режима, и объясняют социальную структуру того общества, которое выносило на себе негодный политический строй, теперь свергнутый.

Вся деятельность правительственной власти старого режима, с точки зрения существовавших тогда законов, оказывается нарушавшей этот закон. Есть целые ведомства, которые ни одного дня не могли прожить без преступления. Есть целое ведомство — министерство внутренних дел, — где никто из высших чинов этого самого ведомства не мог бы делать своей работы, не нарушая существовавших законов. Ведь вы знаете, что в составе министерства внутренних дел был департамент полиции, — очерк его работы я дам несколько ниже, — и вы поймете, что если в результате этих работ устанавливается эта гнилостность, то порочна и преступна вся система.

Мы стали в нашей комиссии, — может быть, вы присоединитесь в этом отношении к нам и скажете, что мы были правы, — на такой точке зрения: мы рассматриваем целиком, мы развертываем всю картину последних месяцев и годов павшего режима, с известной точки зрения мы ведем широкую расследовательскую работу; другая часть нашей комиссии занимается криминализацией этой работы, а именно: по мере развертывания общей картины, по мере объективного установления преступлений, совершенных должностными лицами, смотрит — не подходят ли они под действие того или другого уголовного закона. Те преступления, которые они совершили и совершали в большом количестве, — эти преступления очень несложны в своем юридическом выводе. Если вы обратите внимание только на заключительные строки будущих обвинительных актов, вы разочаруетесь, — вы скажете: это формула обычного злоупотребления властью, формула бездействия и еще чаще типичная формула превышения этой власти. Но дело не в этом, товарищи! если вы просмотрите исторические страницы будущих обвинительных актов, вы увидите, что эти, по необходимости, схематические формулы наполнены таким большим и глубоким жизненным содержанием, что нам представляется неважным, что столь незначителен, и сух, и короток, и обычен этот самый наш вывод. Важен тот жизненный комплекс деяний данных людей, та историческая картина жизни правящего класса и правительственной власти в последние дни существования старого режима, которая предшествует и будет предшествовать на страницах обвинительного акта этому краткому, сухому и, в сущности такому ненужному даже, объективному выводу. Вы знаете сами по опыту процессов, на которых вы, может быть, бывали, что нас занимает сущность жизненного случая, она держит нас все время в своих руках, и так неважен тот заключительный вывод, который формулируется по необходимости в терминах закона. Мы так понимаем свою задачу,

и защищайте нас, работников самой этой комиссии, в случае нападок в этом отношении на нас, защищайте, если даже дружественный нам человек будет говорить, что в своей работе мы допускаем какие-либо натяжки закона, что, будто бы, все эти деяния старого режима таковы, что не укладываются в рамки той или другой статьи русского уголовного кодекса. Это совершенно неверно, мы принципиально воздерживаемся от каких бы то ни было натяжек, довольно было натяжек в старом режиме. Мы — работники в пределах поставленной нам задачи. Мы хотим, чтобы от того упрека, который столь заслужили люди, работавшие в старое время по политическим процессам, мы были свободны, и поэтому мы принципиально не допускаем в этом отношении никаких натяжек и берем только то, что является бесспорным. Мы в этом видим ваше достоинство, которое мы призваны охранять. Я скажу вам о результатах нашей работы сперва, потом о тех методах, которые мы избрали, и потом о том, в чем может выразиться ваша помощь нашей работе на местах.

Одним из выводов нашей комиссии является следующий вывод. Вы знаете, что моментом революции мы представляем себе тот момент, когда народ вырвал у представителя верховной власти власть, им себе присвоенную. И вот какое интересное наблюдение вы можете вывести из материалов нашей комиссии. Оказывается, что верховная власть в последние месяцы существования старого режима сама постепенно делегировала частички своих верховных прав в руки министров или высших своих служащих. Позвольте мне ярким примером иллюстрировать это положение. Вы знаете, что в случае роспуска Государственной Думы и Государственного Совета — в последние месяцы и годы старого режима они были особенно часты — мы все в стране думали — и так должны были бы думать все, которые желали бы мыслить по старой формуле конституционного строя, — мы думали, что в борьбе народа, хотя бы несовершенных его представителей — Государственной Думы, — с министерством выступает представитель верховной власти, берет сторону своего министерства и распускает Государственную Думу. По крайней мере мы повсюду, на всем протяжении России, читали телеграммы, подписанные Николаем II, — этими телеграммами распускалась Государственная Дума. Мы думали, что этот носитель верховной власти выступает в этом отношении против Государственной Думы. Ничуть не бывало. Оказывается, что еще до того момента, каждый раз за последние годы—такова была практика, как только начала существовать Государственная Дума—еще до ее функционирования в ту или иную сессию министры старого режима уже озабочивались получить подписи царя, под текстом незаполненным, на бланках, которыми этим министрам предоставлялось право распустить Государственную Думу. Таков и был момент последнего и рокового

роспуска Государственной Думы. Сперва это несколько вуалировалось, товарищи, сперва испрашивалось разрешение распустить Государственную Думу и Государственный Совет по соглашению с председателями этих учреждений, а потом решили уже и не вуалировать его, а просто испрашивали эти бланки затем, чтобы распустить Государственную Думу и распустить Государственный Совет тогда, когда этого потребуют обстоятельства.

И вот другой пример из деятельности министерства юстиции: из многочисленных сел и весей государства Российского к носителю верховной власти стекались просьбы о помиловании. Оказывается, в целом ряде случаев власть заранее делегировала своему министру право отвергать это самое помилование. Позвольте мне рассказать вам еще один маленький момент игры с Думою, который, быть может, запечатлеется в вашей памяти. Это была игра с III Государственною Думою. Вы знаете, что раньше чем создалась и родилась эта III Дума, были созданы систематические уголовные процессы как I Думы (процесс о выборгском воззвании), так и II Думы (процесс депутатов с.-д. фракции этой Думы), а потом уже создали III Думу. Вы знаете, что предшествовало ее рождению. Сами творцы проекта этой III Государственной Думы создали два варианта ее существования, и вот тот вариант, на основе которого существовала до времени революции эта Государственная Дума, люди, создавшие его, сами назвали проектом бесстыжим по пренебрежению к интересам народа. И вот создавшие по этому бесстыжему проекту III Думу, путем преступлений, стали играть с этою самою Думою, стремясь всемерно к одному— к осуществлению такого строя, который предшествовал строю 1905 — 1906 г.г. Стали играть для того, чтобы творить законодательство в порядке ст. 87, стали искусственно не созывать Государственную Думу, стали искусственно укорачивать ее сессии. Дошли до того, что вырабатывали проекты для Думы и выработанные проекты держали в портфелях, пока Дума существует, для того, чтобы внести их без Думы — к чему беспокоиться! — в этот период бездумья.

Дошли до того, что при существовании порядка, который не знает законов иных, как принятых государственными учреждениями, т.-е. Думой и Советом, за короткое время создали 384 закона помимо Думы. При чем, товарищи, здесь были и законы, которые обременяли народ новыми налогами, были законы, которые вводили новые повинности даже личного характера (это закон об инородцах, введение которого повлекло за собою кровь сотен и тысяч людей). Были и другие законопроекты, которые выражали уже чисто классовые интересы — вроде законопроекта о допущении труда под землею для малолетних, не достигших 15 лет, и для женщин,—законопроект, который недавно отменен. Вот, товарищи, основные линии преступлений старой власти. Они

устанавливаются путем документальных данных, и так полны исторического значения эти нарушения, что, если рассказать вам подробно о том, как они боролись со свободой слова и печати, какими ухищрениями они стремились ввести предварительную цензуру, как боролись они с профессиональными союзами и собраниями, союзами, работавшими даже на пользу войны, — буржуазными, вы увидите, что документальным установлением всего этого не только сажаются на скамью подсудимых министры, все это совершавшие — пусть только они пойдут хотя бы в арестантские роты, — но, кроме того, вбивается толстый осиновый кол на могилу старого павшего самодержавия.

Вот это, быть может, кроме результатов судебных, и есть та задача, которая, будучи выполнена в рамках судебного исследования, будет иметь значение для судеб всего русского народа. Мне хотелось бы, товарищи, оставаясь в пределах этого общего очерка, остановить ваше внимание на действиях и на деятельности двух ведомств, которые были особенно преступны. Это деятельность, во-первых, ведомства министерства юстиции. Общий характер министерства юстиции, которое было, собственно говоря, министерством не правосудия, а министерством «неправосудия», которое играло с принципом несменяемости судей, которое целиком подчинило судей влиянию центральной власти, которое вторгалось вообще в более или менее выдающиеся уголовные дела, которое занималось укрывательством убийц, как это было в деле Ишера, имя которого, быть может, будет связано с министром Щегловитовым и с ним войдет в историю. Вы знаете, быть может, об этом частном случае из газет. Он стоит в связи с назначением Толмачева градоначальником в Одессу. Толмачев принес туда скверные и преступные приемы. Тех, в которых хотели видеть политических преступников, стремились убить ночью при переводе из одного участка в другой. На скамье подсудимых будут сидеть люди, которые это сделали, вплоть до Толмачева, но самое ужасное—это то, что здесь руки приложило и само ведомство правосудия; оно, вместо того, чтобы раскрыть это дело, покрыло его путем испрошения повеления высочайшей власти. Эти люди, несомненные (и по собственному признанию) убийцы, были возвращены в среду свободных и незапятнанных граждан. Это частный случай, характеризующий министерство, но он так тяжек и возмутителен, что когда допрашивали министра юстиции, как он до этого дошел, он не мог разъяснить свою вину и на вопрос наш, чем он может оправдать это, он говорил: «Ведь это же было так преступно: заподозрив в чем-то совершенно маленького безвредного человека, носители местной одесской власти сговорились его убить. Вот почему, — говорил глава тогдашнего правосудия, — мы не могли поставить это дело — оно было слишком ужасно». Когда в ответ на это последовал вопрос одного из членов комис-

сии: а неизмеримо ли более ужасно то, что вы, стоявший во главе правосудия, допустили безгласность этого случая, что вы вместо наказания отпустили этих людей на свободу, — он должен был признать, что, быть может, это деяние является еще более ужасным.

Затем, товарищи, систематическое пресечение законного течения процессов. Вы, быть может, из сообщений газет понимали, что совершающий преступление мог оказаться ненаказанным только потому, что он принадлежал к какой-нибудь партии черной сотни, Союза русского народа. Этот порядок низводил Россию со степени державы европейской на степень деспотической—азиатской страны, ибо только там возможно такое пресечение нормального течения процесса.

Я бы слишком задержал ваше внимание, если бы останавливался на деятельности департамента полиции. Это сплошное преступление. Если вам очень интересно, так как, быть может, в живом слове непосредственного общения вам до вашего отъезда из Петрограда никто не расскажет про тот ужас, который творился там, позвольте занять несколько лишних минут. Все мы, товарищи, жили при действии старого режима, и все мы знали, что в департаменте полиции делается что-то ужасное. Вы знаете, по совести говоря, должно быть, не настолько развращено было воображение русского человека, чтобы он представил себе то, что там творилось. Передо мной документ, который является хартией вольностей департамента полиции и который является положением ее беззакония. Этот документ называется «Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармском и розыскном отделениях». Целые поколения, отдавшие себя полиции, приложили руку к созданию этой инструкции. Все они постепенно совершенствовали эту систему. Последняя редакция, продукт самой извращенной и преступной на мой взгляд фантазии, лежит передо мной: «единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскных органов в революционной работе, является внутренняя агентура. Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центра революционных организаций и уничтожения в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-нибудь типографии или мертво-лежащего на сохранении склада оружия срывать дело розыска».

Вы понимаете, товарищи, что это плод, которому надо было дать созреть. Люди, которые там сидели, должны были развивать свою преступную деятельность для того, чтобы, как снежный ком, оплести целый ряд людей добродушных, быть может, доверчивых, любящих родину, стремящихся к ее счастию, и в момент наибольшего напряжения этой деятельности должна была последовать.

ликвидация, но ликвидация с некоторым расчетом, с тем, чтобы провокатора оставить на свободе; но одного оставить опасно, нужно оставить еще несколько других лиц с ним вместе, чтобы не обнаружить его и чтобы был фермент брожения, — то, что называется «на разводку».

Когда мы докопались до этих документов, когда сошел с теоретической базы вопрос о том, занимались или не занимались провокацией, когда мы привели § 5 инструкции, то увидели, что эти люди оказались припертыми к стене; они оказались припертыми и другими процессами, которые мы поставим, которые будут иллюстрировать, в виде отдельных частных случаев, это общее положение. Вы знаете, товарищи, дело социал-демократа депутата 4-й Думы Малиновского; они его где-то наметили, они проводили его снизу вверх, они делали членом Думы совершенно сознательно, они устраняли на его пути все препятствия. Они устраивали ему поездки по России, отпускали заграницу, и вы понимаете, товарищи, сколько, с точки зрения тогда существовавшего закона, больших и малых преступлений он создал вокруг себя во время своих поездок и какое бесчисленное количество людей погубил, отправил в тюрьму, в ссылку и т. д.

Позвольте возвратиться к документам: «наиболее подходящими для привлечения к работе в агентуре можно считать следующие категории: арестованные по делам политическим, слабохарактерные революционеры, вообще революционеры разочарованные или обиженные партией, а также нуждающиеся материально, бежавшие из места ссылки, преследовавшиеся раньше и т. д.». Но что тяжело сказать для судебного ведомства старого режима и что должно быть ему вечным укором—«в случае успеха склонения в сотрудники, необходимо принять, по соглашению с прокурорским надзором, меры к изъятию из дознания таких протоколов допроса, которые могут провалить заагентуренного обвиняемого». Вы понимаете, тут ведомство юстиции работает вкупе и влюбе с ведомством внутренних дел. И нам пояснили, что когда дело доходило до того, что человек должен был стать провокатором, тогда прокуроры старого режима, работавшие по политическим делам, стыдливо покидали комнату, в которой оставался жандармский офицер, с тем чтобы вернуться в нее тогда, когда все дело было кончено».

«В видах предупреждения побега и, с другой стороны, способствования успеху дознания, необходимо стремиться иметь сотрудников из числа лиц, содержащихся под стражею». И мы в списках агентов-сотрудников департамента полиции видим людей, которые получали за это время усиленное жалованье, но сидели ряд месяцев в тюрьме, и были даже отдельные случаи, когда такой агент находил нужным и выгодным в течение нескольких лет пробыть в каторжной тюрьме старого режима. Товарищи, тут есть и флер.

Тут объявляется, что нужно избегать провокаторства, но что же называется провокаторством, как не то, о чем я вам говорил и раньше? Это снежный накопляющийся ком, это сотрудник, облепленный людьми, из которых нужных оставляли на разводку. Что же это, как не провокация — проведение сотрудника на верхушку государственной лестницы, или требование, чтобы сотрудник непременно прошел всю революционную иерархию и непременно втерся в центр, и тогда ему, центральному, как видно в деле Малиновского, цена в десять раз дороже — вместо 50 руб. 500 руб. в месяц? Тут прямо говорится, что в каждом данном случае, когда нужно сделать какое-нибудь активное действие, заведывающему розыском должно взвесить, прежде чем разрешить ему это сделать, в какой мере исполнение поручения будет служить успеху розыска.

Хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатого вещества и пр., а также предоставление квартиры для собраний, указание своего адреса для явки—все это возможно было только с разрешения жандармского управления, жандармского начальства. Устраивались искусственные побеги (как, напр., Петрова) лиц, бежавших с каторги и затем попавшихся, проводили провокацию в Думе, как это было по делу Малиновского, как это было по делу Шорниковой, когда одной рукой писался циркуляр о том, чтобы искать Шорникову, а другой рукой устраивали Шорникову на место сестры милосердия в общину Красного Креста или сиделицею в винной лавке, при чем вносили за нее залог, переводили ее в качестве сотрудника из одного охранного отделения в другое.

Я на этом позволю себе закончить... Товарищи, когда мы, юристы, с ужасом спрашивали министров и их товарищей, на каком законе вы основывали свои действия, они говорили: такого закона нет, но так действовал мой предшественник, а их родственники, когда они были арестованы, в обиде на комиссию говорили: зачем вы привлекаете одного министра и не привлекаете другого? Нам приходилось их успокаивать, говоря: погодите, до всех дойдет очередь.

Вот выборы в Государственную Думу. Конечно, мы знали многое из газет, но как отвратительно документально в этом убедиться, — оказывается, что полностью руководство выборов было из центра. И затем министр по окончании всего дела или товарищ министра давал циркулярные телеграммы, чтобы была уничтожена вся секретная переписка по выборам, т.-е. совершив преступление, путем преступления нового, путем циркулярного распоряжения, пытались замести следы преступления.

Вы знаете, что у нас в комиссии есть военный и морской отдел. Здесь поражает, товарищи, равнодушие к делу армии. По делу Сухомлинова уже установлен тот момент, когда гибнущая армия на Карпатах, в лице своих представителей,

вопила о снарядах, а в это время центр не делал решительно ничего. Это-то преступление, помимо сношения с каким-нибудь германским агентом, с нашей точки зрения, еще глубже позволяет нам поставить обвинение по 108 ст., т.-е., в государственной измене, т.-е. в поспешествовании неприятелю во время военных действий. Слава богу, что не вернется никогда это возмутительное по начальству рапортование о том, что все обстоит благополучно, это насильственное прекращение расследования целого ряда судебных процессов. Мы эту общую картину будем иллюстрировать отдельными делами и среди отдельных дел поставим на суд преступления центра в связи с особенно близким нам и вам так называемым Ленским делом. Вы знаете, что доклад Манухина по этому делу был затерт здесь в центре. А между тем этот доклад в смысле проверки происшествия выяснил ужасную вещь: он выяснил, что местная заводская администрация была недовольна действиями власти, как еще за несколько лет до этого случая, до апрельского расстрела, в связи с другой стачкой, администрация приисков во время забастовки, не желая уступать рабочим, жаждала столкновения, когда администрация приисков, надеясь, что в рабочих будут стрелять, приготовляла в больнице места для будущих раненых и приглашала священника для напутствия будущих умирающих, если бы они после этого расстрела оказались.

Товарищи, вы видите таким образом, что с ограничением особ первых трех классов, со всеми другими ограничениями, комиссия стоит перед огромным трудом, но она надеется в общих чертах закончить разработку до 1 сентября, до 1 сентября она надеется взять все то, что имеет политическое значение, из злоупотреблений всех ведомств, и поставить их на суд, с обвинительным актом, полным содержания, но с обвинительными формулами, однако, вытекающими непосредственно из содеянного, без всяких натяжек, ибо вы сами видите, что если встать на точку зрения натяжек, то из этого можно было бы вывести неизмеримо больше преступлений, а этого мы не хотим, мы хотим все поставить ясно и гласно, пусть на весь мир огласится все содеянное ими и пусть они понесут ту кару, которая им отмерена по тем законам, которые они сами написали и которых сами же не соблюдали.

Я говорю, что к 1-му сентября мы постараемся кончить это расследование, но до 1 сентября мы постараемся поставить отдельные процессы. Вы знаете, товарищи, что момент нам не благоприятствует, вы знаете, что мы встречаем трудности чисто технического свойства — отсутствие транспорта, расстройство почты, неорганизованность до сих пор милиции. Товарищи, я опять возвращаюсь к первому вопросу. Вы понимаете, что в центре и на местах судебная власть, занятая очередной работой, не может заняться этим делом. Можно создать такие комиссии в центре

и на местах, которые бы вместе с представителями судебного ведомства работали и ставили бы процессы параллельно нашей комиссии. Только при этом условии мы криминализируем то, что подлежит криминализации из прошлого режима, только при этом условии мы станем до известной степени на путь, успокаивающий народную совесть. В самом деле, если они нарушали закон, так отчего же они не понесут должной кары? Я говорю главным образом о должностных лицах, амнистия их не коснулась, и мне представляется, что только при сотрудничестве на местах и в центре, только при таком сотрудничестве возможно сделать всю ту громадную работу, которую мы здесь делаем.

А мы делаем ее так. У нас в основной комиссии работает 25 следователей-техников, сведущих, опытных, знающих работу. Они совершенно самостоятельны, они должны соблюдать этот же самый закон, во имя того принципа, который мы взялись соблюдать, — бить врагов их же оружием. Затем, есть наблюдающие, это общественный элемент, это молодые присяжные поверенные, вместе с тем и общественные деятели, которые следят, чтобы не пропустили чего-либо общественно-интересного, указывают на то, что может иметь политический интерес. Затем, во главе комиссии стоит президиум, который состоит из двух частей: из части общественной и части деловой. Часть деловая состоит из сенаторов и других лиц судебного ведомства, часть общественную представляют Родичев от бывшей Государственной Думы, академик Ольденбург и, наконец, представители Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Товарищи, в этой общественной нашей части нам нужна поддержка и вашего съезда, поддержка ваших организаций на местах — там, в этих будущих комиссиях. И я, воспользовавшись здесь съездом прокуроров судебных палат, собрал их вместе с нашей комиссией, и мы обсуждали вопрос о работе на местах. Они чувствуют, что они тоже не могут ее сделать без помощи общественной работы, и, быть может, в результате расследовательские ячейки будут также заведены и вами на местах.

С этой точки зрения мы ведем широкое политическое расследование, с этой точки зрения мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач, но вместе с тем это соотношение придаст нашим будущим процессам громадное значение и интерес, оно вкладывает в них громадное общественное и политическое содержание.

Позвольте мне, раз я делаю деловой доклад лицам делового съезда, позвольте мне в нескольких словах остановиться на наших нуждах. Их несколько. Я возьму из них наиболее важные. Мне кажется, что совершенно необходимо урегулировать вопрос о внесудебных арестах. Подавляющее большинство носителей старой власти будет привлечено к ответственности. Я говорю о высших

должностных лицах, но есть ряд лиц, которые терлись около этих носителей власти, которые не являлись должностными лицами. Они не могут отвечать в уголовном порядке за должностные преступления. И относительно этих лиц нужно урегулировать вопрос о внесудебных арестах в этом смысле: кого же можно освободить и кого нельзя. Это уже не дело нашей комиссии, как чисто судебное, это область соседняя, но, как вы знаете, часто трудно бороться и работать, имея под боком какую-нибудь неорганизованную работу. Затем, другой вопрос, который нам следует поднять, заключается в следующем: это демократизация суда присяжных, чтобы наша работа не пропала, чтобы она прошла через суд. Этот суд должен быть представлен широкими демократическими слоями русского революционного народа. Только тогда наш материал найдет себе правильную оценку. Еще одна к вам просьба.

Товарищи, много распространяют легенд относительно содержащихся под стражей. Одни говорят — и эта версия поддерживается родственниками, близкими и знакомыми арестованных и, быть может, находит себе сочувствие в части прессы — одни говорят, что положение арестованных страшно плохо, что их чуть не мучают, истязают и т. д. Товарищи, нужно это опровергнуть совершенно твердо и определенно. Этим не только никто не занимается, но мы считаем, что это не нужно и это было бы позорно для русского свободного народа. Нужно отгородиться в этом отношении от прежнего, нужно сказать, что вы—старые люди, старая власть действовали такими приемами, какими мы действовать не желаем и которые мы принципиально отвергаем. Но, товарищи, отвергните также и другое. Другие говорят, что им живется легко, что мы чрезмерно им потакаем. Товарищи, нужно стать в этом отношении на деловую почву, нужно отменить маниловщину. Товарищи, мы делаем серьезное дело — криминальную оценку лиц, нарушивших закон, который при них существовал, и было бы также скверно делать в этом отношении какие-либо поблажки. Тут я должен сказать: их режим строг и суров, он почти такой же, какой был при старом режиме. Я говорю: почти такой же, с тем лишь изменением, что они едят теперь из солдатского котла. Но это, конечно, мы применяем к тем из них, которые здоровы. В нашем ведении не находятся тюрьмы, — они находятся в ведении министерства юстиции, в ведении прокурора палаты, — но мы сносимся с арестованными и всегда обращаем внимание на то, что говорят врачи: если врач говорит, что что-либо разрушает их здоровье, то это должно быть устранено. Им не дают лакомств, но раз возникает вред для их здоровья, им дают необходимые пищевые продукты, им дают улучшенную пищу, хлеб, молоко и яйца. Комиссия позаботилась о том, чтобы за этим следил врач, кото-

рый пользуется, я думаю, общим доверием демократии, это доктор Манухин, ученик Мечникова, друг Горького, аппробированный в этой своей должности Петроградским Советом Р. и С. Депутатов, и мы считали, что мы правильно ведем в данном случае эту среднюю линию, не по пути старого режима, и без всякого, так сказать, розового отношения к тем людям, которые погрешили перед русским народом.

Товарищи, еще одна просьба, эта просьба следующая. Нужно сказать: и на местах и здесь трудной работе следственной комиссии мешают эксцессы отдельных лиц. Они основаны на недоверии. Но ведь мы взываем к тому, чтобы люди работали в нашей среде, так что о недоверии речи быть не может. Если не может быть здесь недоверия, то подсудимых во что бы то ни стало нужно сохранить здесь до суда. Помните, товарищи, что наше расследование продолжается, что изо дня в день, из недели в неделю они нам нужны, чтобы распутать тот клубок, который они сами запутали, и в этом отношении нам нужно удерживать тех, кто не осведомлен, кто говорит: «Да что с ними разговаривать? Совершенно ясно, что они виноваты». Так деятели старого режима стремились мешать говорить тем, кто мог бы говорить о их преступлении. Этого делать и допускать нельзя. Я, товарищи, хотел бы, чтобы это дело было окружено доверием. Я, да и все другие члены комиссии, готовы дать все возможные объяснения.

Вы понимаете, что по самому свойству работа не может быть гласной, тем не менее печать уже информируется все больше и больше. Но нужно дорожить ячейками страны, нужно, чтобы вы, встретившись с ними, выслушав наши изустные комментарии, могли бы к мертвым строчкам, которые вы читаете на страшных газет, добавить точное изложение точки зрения комиссии.

Вот , товарищи, моя точка зрения, вот точка зрения нашей комиссии, вот то, что мы сделали. Мы считаем, что мы должны работать над этим делом с большой выдержкой. Мы должны заботиться о том, чтобы исследовать глубоко. Мы должны позаботиться о том, чтобы их мудро судили и мудро обвинили, если их вина подтвердится. А она подтвердится несомненно. Только такое сдержанное, глубокое, спокойное, я бы сказал, величавое отношение — ваше и других групп народных — к этим процессам, только оно достойно тех великих событий, которые мы переживаем, той величайшей в мире революции, которую вы и ваши братья совершили».

Эта речь председателя комиссии, профессионального юриста, произнесенная накануне июльских дней, производит странное впечатление оторванным от жизни юридическим идеализмом. Речь рисует силыные стороны дела комиссии, но рельефно и выпукло вскрывает и слабые стороны этого дела.

III.

Чрезвычайная следственная комиссия разделила судьбу всех начинаний Временного Правительства. В законоположениях комиссии и всей ее деятельности — обычная для Временного Правительства недоговоренность, половинчатость, двойственность. Созданная революцией, комиссия не имела сил, да, пожалуй, и не чувствовала охоты возвыситься до революционного отношения к объекту своих расследований. Отбросив в сторону средних и низших агентов режима, комиссия сосредоточила свое внимание на особах первых трех классов и обошла молчанием царя, «представителя верховной власти». Из двух задач, поставленных комиссией, не была выполнена основная задача — собрать следственный материал, достаточный для изобличения и осуждения высших сановников империи. И не потому не была выполнена эта, можно сказать, священная и первая задача следственной комиссии, что работа ее была прервана Октябрьской революцией, а потому, что в своей деятельности комиссия была связана по рукам и ногам существовавшим сводом законов и отточенным и ухищренным юридическим мышлением почти всех ее членов. Применяя к деятелям старого режима созданные ими же законы, комиссия оказалась стесненной законами об амнистии, изданными Временным Правительством, ибо оказалось, что амнистия, которая по смыслу революции должна была освободить от ответственности за преступления, совершенные во имя борьбы за революцию против правительства, покрыла и преступления, совершенные во имя борьбы с революцией за правительство против народа. Классический пример: жандармский полковник с ведома директора Департамента полиции устраивает побег осужденному на каторжные работы революционеру, завербованному им в секретные сотрудники. Казалось бы, вот случай, когда можно предать и того и другого суду за устройство побега по статье, довольно сурово карающей, но преступники, подводимые под эту статью, уже амнистированы. Связывал действия комиссии и закон о давности. Ни одного процесса (кроме сухомлиновского, материал для которого был собран до комиссии) комиссия не поставила, да и жалеть об этом не приходится: как ни доказывал в своей речи на съезде Советов председатель комиссии правильность юридического подхода, процессы, почти все сводившиеся к «превышению и бездействию» власти, были бы в революционное время просто смешны. Общее содержание преступлений сановников первых трех классов — обман народа, и вдруг это огромное содержание оказалось бы замкнутым в формуле бездействия и превышения власти.

Но не чувствуя ни сил, ни возможности выполнить основную следственную задачу, комиссия направила свою деятельность

в область, подведомственную скорее ученому историческому обществу, а не чрезвычайной следственной комиссии, — область исторического расследования, подбора письменных и устных свидетельств к истории падения режима. В этой области работа комиссии была много плодотворнее, чем в криминальной. В своих заседаниях она допросила не только целый ряд подлежащих следствию сановников первых трех классов, но и целый ряд общественных деятелей разного калибра: от Родзянко и Гучкова до Бурцева и Чхеидзе. Все допросы были застенографированы. Конечно, показания и объяснения, данные в комиссии, — разной искренности и разной значительности, но в совокупности они дают богатейший материал по истории падения режима, дают подробности и краски для широкого полотна и действительно дают разнообразную аргументацию на тему о решительной неизбежности русской революции. И даже те допросы, на которых «особа высших классов», какой-либо министр, явно старается отмолчаться и дать минимум фактических сведений, ценны тем, что дают характеристику героя допросов. В этих показаниях, допросах и объяснениях встают во весь рост ничтожные и в своей ничтожности зловещие фигуры деятелей старого режима, министров и проходимцев, рисуется картина гнуснейшего и отвратительного развала. Накануне революции мы жили неподдававшимися проверке слухами и рассказами о необыкновенных подвигах этих дельцов, и, правду сказать, не верилось этим чудесным рассказам, и приходилось в умственном представлении процентов пятьдесят относить за счет сплетнических вымыслов, но прочтите теперь допросы Хвостова, Протопопова, Белецкого и вы увидите, что действительность не только подтверждает рассказы на все сто процентов, но идет и дальше этих «сплетен». С этой точки зрения допросы читаются, как роман.

Допросы и опросы производились в торжественной обстановке в парадном зале Зимнего дворца, где помещалась комиссия, или в канцелярии Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где содержались арестованные сановники. Присутствовали члены комиссии, секретари, стенографистки.

Допросы вел обычно сам председатель комиссии Н.К. Муравьев и в редких случаях его отсутствия заменявший его товарищ председателя. Предлагались вопросы и членами комиссии и в редких случаях специально вызванными прикомандированными к комиссии следователями. Помимо ответов, которые приходилось давать на вопросы в пленуме комиссии, большинству привлеченных предлагались еще вопросы следователями в порядке следственном, уже в целях будущего предания суду.

Всего комиссия произвела 88 опросов и допросила 59 лиц. По категориям допрошенных можно разделить на следующие группы:

I. Министры старого режима — М. А. Беляев, князь Н. Д. Голицын, И. Л. Горемыкин, Н. А. Добровольский, П. Н. Игнатьев, В. Н. Коковцов, А. А. Макаров, Н. А. Маклаков, А. Н. Наумов, Н. Н. Покровский, А. А. Поливанов, А. Д. Протопопов, Г. Е. Рейн, барон В. Б. Фредерикс, А. А. Хвостов, А. Н. Хвостов, Б. В. Штюрмер, Д. С. Шуваев, И. Г. Щегловитов, князь Н. Б. Щербатов.

Товарищи министров, сенаторы, губернаторы: А. Н. Веревкин, князь В. М. Волконский, В. Ф. Джунковский, С. Е. Крыжановский, И. Н. Ладыженский, А. В. Лядов, А. А. Нератов, Н. В. Плеве, А. А. Рейнбот, Н. Д. Чаплин.

Генералы: Н. И. Иванов и С. С. Хабалов.

II. Директора Департамента полиции, жандармские генералы — деятели политического розыска: С. П. Белецкий, А. Т. Васильев, С. Е. Виссарионов, А. В. Герасимов, И. М. Золотарев, К. Д. Кафафов, Е. К. Климович, М. С. Комиссаров, П. Г. Курлов, А. И. Спиридович, М. И. Трусевич.

III. Общественные деятели: В. Л. Бурцев, С. И. Зарудный, Ф. А. Головин, А. И. Гучков, А. Р. Ледницкий, Н. Е. Марков 2-й, П. Н. Милюков, М. В. Челноков, Н. С. Чхеидзе, А. И. Шингарев.

IV. Проходимцы: князь М. М. Андроников, дворцовый комендант В. Н. Воейков, А. А. Вырубова, генерал-историограф Д. Н. Дубенский, О. Н. Лохтина, И. Ф. Манасевич-Мануйлов.

Допросы всех этих лиц воспроизводятся полностью в настоящем издании по стенографическим записям, сделанным в комиссии. Стенограммы поступали в редакторскую коллегию и здесь тщательно исправлялись. Главным редактором стенографических отчетов был покойный поэт А. А. Блок, и деятельное участие в редактировании принимали М. П. Миклашевский и Л. Я. Гуревич. Эти допросы должны были дать материал для обширного отчета, который комиссия должна была подготовить для доклада правительству. Общая редакция отчета была возложена на Е. В. Тарле, но из множества отдельных глав этого исторического исследования была готова только одна общая работа А. А. Блока на тему: «Последние дни режима». Она была напечатана впоследствии в «Былом» (№ 15, 1920) и отдельно.

К сожалению, в моем распоряжении не оказалось нескольких допросов в отредактированном тексте, и в этих случаях пришлось восстанавливать текст по первоначальным стенографическим записям. Допросы расположены в хронологическом порядке. К отчетам добавлены и тесно связанные с ними пространные письменные объяснения А. Т. Васильева, С. П. Белецкого и А. Д. Протопопова. В приложениях помещены неизданные исторические документы и материалы, о которых идет речь в допросах.

Каждому допросу предпослано содержание-перечень тем, вокруг которых вращался допрос. К каждому тому издания

прилагается указатель собственных имен с краткими биографическими данными о всех деятелях старого режима.

IV.

Настоящее издание, воспроизводящее с научной точностью материал исторического значения, предназначено не столько для историков, сколько для широкой читательской массы. Все дальше и дальше отодвигается от нас старый режим, он становится в полном смысле слова историческим. Придет время, и у нас появятся воспоминания, записки и исторические работы, основанные на изучении материалов, но пока среди этих материалов на первом месте стоят издаваемые отчеты; читая их, мы слышим голоса особ и сановников, рассказывающих, как они разваливали и хоронили режим. Правда, они предпочитали сдержанность и умолчание, когда речь шла о верховном носителе власти; сам верховный носитель допрошен не был, но тени его, жены и того, кто был над ними, «святого» старца Распутина, бродят по страницам книги.

Систематизация материала, данного допросами комиссии, дает возможность классифицировать его по следующим крупным рубрикам. Двенадцать тем освещены этими допросами. Вот они — с наиболее значительными подразделениями.

I. Отношение власти к осуществлению манифеста 17 октября и к основным законам изд. 1906 г. Детали: подавление и ликвидация революционного движения 1905 г.; проекты к реставрации и тяга к их осуществлению; акт 3 июня и история (поводы и мотивы) его издания; пользование ст. ст. 17, 18, 87, 96, 116 и др. основных законов и пределы этого пользования.

II. Власть и законодательные учреждения. Детали: правительство и Госуд. Дума: организация выборов и злоупотребления, при этом допущенные; созывы Госуд. Думы; перерывы ее занятий; роспуски и бланковые указы; судебные преследования депутатов Госуд. Думы и порядок возбуждения преследования и устранения из Думы (в частности: дела о Выборгском воззвании и о с.-д. фракции 2-й Госуд. Думы); агентурное наблюдение за Госуд. Думой. Правительство и Госуд. Совет, власть и назначенные члены Госуд. Совета (невключение в списки присутствующих); меры для усиления правой группы Госуд. Совета; председатели Госуд. Совета и тенденция их назначений.

III. Власть и печать. Детали: виды и формы давления правительства на печать: использование для целей внутренней политики военной цензуры; вопрос о цензуровании стенографических отчетов Госуд. Думы и об опубликовании в периодической печати депутатских речей; правительственная печать, поддержка органов правой печати (Главн. Управл. по делам печати, Департамент полиции, секретные фонды — рептильный фонд); проекты широкого

экономического давления на печать в политических целях (проект создания грандиозного акционерного общества и подкупа прогрессивных деятелей печати); воздействие на иностранную печать.

IV. Власть и организация народных сил. Детали: правительство и рабочие организации (политические, профессиональные, рабочие группы при Военно-Промышленных Комитетах и пр.); правительство и общественные организации (Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз Городов, Земгор, Военно-Промышленные Комитеты и др.).

V. Власть в последние дни режима. Детали: план борьбы с революционным движением и подготовительные меры; вооруженная борьба с восставшим народом.

VI. Суд как орудие старого режима в борьбе за существование. Детали: подбор личного состава и нарушение принципа несменяемости (назначения, увольнения и перемещения чинов ведомства); требования, предъявляемые к судебным деятелям, и давление министерства юстиции на суд и на судейскую совесть и независимость (ревизии Судебных Палат); случаи вмешательства министерства юстиции и влияния его на ход отдельных дел; прекращение дела до суда и 23 ст. основных законов; представления министра юстиции о помиловании или смягчении участи осужденных, одиозные и привилегированные категории осужденных: 1) осужденные по политическим делам, а также лица, об облегчении участи которых возбуждены были ходатайства присяжными заседателями; 2) погромщики, члены Союза русского народа, должностные лица и в частности чины полиции, совершившие преступления при подавлении аграрных и иных волнений, осужденные за изнасилование и пр.; министерство юстиции, военно-полевые суды и смертная казнь; министерство юстиции и тюрьма, каторга и ссылка (применение телесных наказаний к политическим заключенным).

VII. Внутренняя политика старой власти. Детали: правительство и местные самоуправления; правительство и рабочее движение (Ленское дело); правительство и правые организации; продовольственный вопрос; помощь беженцам.

VIII. Департамент полиции. Детали: общая характеристика его деятельности: органы политического розыска; система политического розыска: наружное и внутреннее наблюдение; личные характеристики; департамент полиции и провокация: общая система (секретная инструкция, циркуляры, воспитание жандармов, результаты ревизий жандармских управлений и охранных отделений); отдельные случаи (Азеф, Малиновский, Кирюхин, Подфигурный, Ратимов (дело Никитенко и др.); общее наблюдение Департамента полиции за революционным и оппозиционным движением и попытки влиять на него (ежегодные отчеты, внутреннее освещение общественных организаций и оппозиционных пар-

тий, поддержание раскола внутри с.-д. партии); Департамент полиции и суд: невозбуждение или прекращение судебных дел в конспиративных целях сокрытия секретных источников или сотрудников Департамента полиции; руководящие указания Департамента полиции жандармским офицерам о даче ими показаний судебным властям и на суде; представления Министра Внутренних Дел о помиловании осужденных провокаторов и секретных сотрудников; укрывательство секретных сотрудников, разыскиваемых судебными властями (дело Шорниковой и др.); устройство мнимых побегов (дело Петрова и др.); роль Департамента полиции в отдельных судебных делах (прекращение дела Манасевича-Мануйлова, дела Бейлиса и др.); секретные фонды Департамента полиции и расходование их: рептильный фонд (его история и практика; Департамент полиции и главное управление по делам печати); поддержка правых организаций и отдельных правых деятелей, в частности правых членов Государственной Думы и Государственного Совета; злоупотребление агентурными и другими секретными суммами (присвоение, расходование этих сумм на посторонние цели и пр.); денежные выдачи из секретных сумм Департамента полиции Распутину и распутинцам; отдельные злоупотребления (дело Пец и др.).

IX. Политика правительства по национальному вопросу. Детали: общая характеристика; польский вопрос; еврейский вопрос; дело о призыве инородцев; борьба с немецким засильем.

X. Правительство и война. Детали: общий развал власти и деятельность Совета Министров; деятельность Военного Министерства; злоупотребления по освобождению от воинской повинности; отношения высшей власти к Германии и германцам.

XI. Нарушение неприкосновенности корреспонденции. Детали: способы пользования перлюстрационным материалом.

XII. Крайние правые организации. Детали: правые кружки членов Государственного Совета и иных сановников: группа Римского-Корсакова, кружок Штюрмера; Ширинский-Шихматов и его записка; Союз русского народа; Союз русского народа и убийство Иоллоса.

Вот схематическое содержание исторического материала, который можно извлечь из допросов и показаний, застенографированных в комиссии 1917 года и в настоящее время воспроизводимых в нашем издании.

П. Щеголев.

К ПЕРВОМУ ТОМУ.

В первом томе помещено 11 допросов 9 лиц. Здесь представлены: А. Н. Хвостов, Е. К. Климович, А. Д. Протопопов, С. С. Хабалов, А. Т. Васильев, Б. В. Штюрмер, В. Л. Бурцев, А. Н. Наумов, князь М. М. Андроников.

На первом месте—пресловутый Алексей Николаевич Хвостов, беспардонный и жизнерадостный шут, последовательно: губернатор, член Думы, министр внутренних дел. Его показания поразительны по своему откровенному цинизму, безудержной наглости и полному отсутствию сознания какой-либо вменяемости поступков, какой-либо ответственности. «Алексей Хвостов—у власти»—благодарная тема для оперетки, ибо развертываемая им в показаниях картина его министерства, его властвования превосходит все, что создавало воображение авторов опереточных и водевильных текстов.

Вторым был допрошен кратковременный директор Департамента полиции (при А. Н. Хвостове) генерал Е. К. Климович, начавший свою карьеру в охранных отделениях, заведывавший московским охранным отделением, бывший одно время московским градоначальником. Он очень сдержан в своих словах, старается прикинуться совсем чистым и приличным деятелем и отгородиться от разгульной шайки Хвостова, Мануйлова, Штюрмера, но за его спиной тяжкий груз интенсивной работы по политическому розыску. Он, конечно, не выше других его сотоварищей на этом поле и, как они, вкусил от древа провокации. Вкушал он, повидимому, не за страх, но и за совесть, потому что он был не просто в официальных сношениях, а в интимной дружбе с замечательной представительницей секретной агентуры Зинаидой Жученко. Показания Климовича — своего рода введение к тем откровенным разоблачениям других директоров Департамента полиции, которые читатель прочтет в следующих томах нашего издания. Но и сдержанные показания Климовича дают все же немало штрихов к картине правления Штюрмера и Манасевича-Мануйлова.

Третьим выступает последний министр внутренних дел царского правительства, А. Д. Протопопов, бывший член Думы, про-

мышленник, участник разговоров о сепаратном мире, человек, несомненно, «не в себе». Его показания на многочисленных допросах и в пространных объяснениях, писанных в уединении крепостной камеры, совершенно откровенны. Кроме честолюбия, он не имел никаких рессурсов к государственной деятельности, никакой политической программы. Впрочем, отсутствие политической программы характерно почти для всех деятелей царского режима. Он «обожал» Николая II, как монарха и человека,—вот и все, что было на его знамени. Но нет, мы были бы несправедливы к Протопопову, ежели бы начисто отказали ему в какой-либо политической программе. И у него был проект реформ для своего времени. Проект был комбинацией из трех... реформ: Протопопов думал спасти Россию, дав судебную ответственность министров, расширение прав евреям и жалованье духовенству. Земство оставалось еще в придачу. Страдавший и на воле в период высшей своей власти недержанием слов и мыслей, Протопопов производил тяжелое, жалчайшее впечатление на допросах. Слушая его бессвязные речи, трудно было представить, что этот человек мог хоть одну минуту оставаться на вершине власти. И еще страннее было представить, что был монарх, который находил отличным такого министра.

Генерал С. С. Хабалов, командовавший войсками петроградского округа, облеченный всяческими полномочиями, был допрошен на тему о борьбе с надвигающимся революционным взрывом в последние дни февраля 1917 года и дал любопытнейшие свидетельства о растерянности властей. Этот неумный генерал, производивший впечатление своей свирепостью и мнимой энергией, растерялся, как последний прапорщик, когда стал во главе борьбы с растущим революционным движением. В его руках еще были верные правительству части войск, но он так испугался, что раз навсегда потерял веру в благонадежность каких-либо частей войск, а раз потеряв веру, какое сопротивление он мог оказать?

Следующий персонаж — последний директор Департамента полиции Васильев, ставленник Протопопова. Он недолго побыл директором и не успел еще показать свою индивидуальность; в сущности он выступает вторым лицом, на втором положении, подыгрывается к своему министру и повидимому оказывает ему помощь в использовании Департамента полиции для личных целей. Послать агента для разведывания, что говорят о министре в правительствующих кругах, перлюстрировать письма лиц, интересующих министра,—вот повседневная работа директора Департамента полиции при Протопопове. С таким же подобострастием, с каким работал сей директор при министре Протопопове, он предлагал свои силы и способности для закономерной помощи Временному Правительству: такое впечатление производит печатаемое нами его заявление.

За Васильевым идет Штюрмер, давший пространнейшие показания и поразивший в них полным отсутствием какой-либо государственной точки зрения, круглым непониманием основных законов. Быть может, впрочем, Штюрмер на допросе старательно преувеличивал свою природную тупость страха ради, но и за всем тем его умственная ограниченность бьет в глаза. Этот старик с внешностью испанского гранда, с вдумчивым выражением лица и благообразной наружностью был в действительности самым беззастенчивым хищником и авантюристом; он совершенно не разбирался ни в средствах достижения, ни в людях, которые помогали ему.

За Штюрмером следует В. Л. Бурцев. Он был допрошен, как специалист по раскрытию провокаторов, но в это время мягкосердечие мешало ему воспринимать в должном свете деятельность крупных дельцов политического розыска (Герасимова, Спиридовича). Ему казалось, что он все понял и потому должен все простить. Поэтому он простодушно верил генералу Герасимову — хищной жандармской акуле, — когда тот рассказывал ему о своем участии в попытках антидинастических переворотов.

Вслед за Бурцевым дал показания кратковременный министр земледелия, — А. Н. Наумов. Наумов пришелся не ко двору в шайке, окружавшей царя, и был ею извергнут очень скоро. Его показания дают очень ценный и объективно выдержанный материал.

Министерскую группу заключает проходимец и авантюрист, безответственный политический делец князь М. М. Андроников — фигура очень колоритная, — необходимое дополнение к Хвостову и сопернику по обделыванию темных дел Манасевичу-Мануйлову. Показания его, очень откровенные и циничные, освещают жизненный путь ответственных русских сановников конца режима.

Указатель собственных имен ко всем томам издания будет дан особым приложением.

П. Щеголев.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНИЯ.

I — XI.

I.

ДОПРОС А. Н. ХВОСТОВА

18 марта 1917 г.

Содержание: Обстоятельства назначения Хвостова министром внутренних дел. Первая встреча с Распутиным. Знакомство Николая II с Хвостовым. Уход Хвостова из губернаторов в Государственную Думу. Борьба Хвостова с «немецким засильем». О фирме «Сименс и Шукерт» и др. О Маклакове, Щербатове и Николае II. Назначение Хвостова министром внутренних дел с тем, чтобы, по желанию царицы, товарищем его, заведующим полицией и охраняющим Распутина, был Белецкий. Подозрение о немецких происках в Царском Селе. Синдикат «общества русских строительных заводов». О международном банке. Осведомители Хвостова—Ратнер и Свешников. Обыск у Хвостова перед его смещением. Кружки «темных сил». Наблюдательные листки охранного отделения о Распутине. Комиссаров и охрана Распутина. О Белецком. Кружок Бурдукова. Манус, Мещерский, Вырубова, Бурдуков. Обложение с разных сторон императорской четы. Лица, которых ввел Хвостов в свое министерство. Характеристика России и губернаторов в частности. О Беляеве и контр-разведке. Общая характеристика кружка Бурдукова. Сазонов, как первый, пустивший в ход Распутина. Кружок Андроникова. «Ценность» кн. Андроникова. Адроников и Сухомлинов не поделили Распутина. Андроников и Бурдуков. Кружок Андроникова. Андроников и Распутин. Ради чего Андроников проводил Хвостова? Многообразие охраны Распутина. Манасевич-Мануйлов секретарь при Распутине. По повелению Николая II 24 агента охраняют Распутина. Секретари Распутина. Питирим. Антураж Распутина вел грязные дела, но в шпионаже Хвостовым уличен не был. Таинственные поездки Распутина с Манасевичем на военном автомобиле. Борьба Хвостова с Манасевичем. Вырубова и ее кружок, Доклады Хвостова Николаю II. О Распутине и Александре Федоровне. Обыск у Хвостова. Арест Васильчиковой. О Распутине, как «удобной педали» для немецкого шпионажа. Рубинштейн через Распутина наводит справки о наступлении. Отзывы Распутина о Николае II и его жене. Хвостов подбирает сотрудников. Политическая платформа распутинцев. Характеристика Александры Феодоровны. Распутин посылает Николая II открывать Государственную Думу. Братание Николая II с Распутиным и отставка Хвостова. Антураж императорской четы: Пален, Воейков, Фредерикс, Голицын. Николай II о своей независимости. Нилов. Саблин. Взгляд Воейкова на войну. О великой княгине Елисавете Федоровне. Отношение царских дочерей к Распутину. Попытки Хвостова отделаться от Распутина. Мастерское наблюдение Белецкого за Хвостовым. Инсценировка истории со Ржевским и покушением на Распутина. Роль Манасевича. Осипенко. Планы разделаться с Распутиным. О назначении

Штюрмера, Беляева и Трепова. Падение Хвостова. О Манасевиче-Мануйлове. Сближение Штюрмера с Манасевичем в Ярославле. О книге Манасевича и Риве с биографиями государственных людей. Роль Распутина в замене Поливанова Беляевым. О Белецком. Распутин и Николай II. Распутин и военные тайны. О назначении Беляева Александрой Федоровной. Александра Федоровна заботится о германских военнопленных. О слежке за Хвостовым. О салоне бар. Розен. Об «агентских листках» и об агентах. О филерских журналах, записочках и выписках и об их авторах. Андроников и Бурдуков. Еще об автомобиле Манасевича. О Курлове и Белецком. Кому вредил Распутин?

Председатель. — Алексей Николаевич, вы уже были допрошены один раз 15 марта — не правда ли?

Хвостов. — Да.

Председатель. — Вам известно, что вы в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии?

Хвостов. — Да.

Председатель. — Я просил бы вас, не стесняясь рамками допроса, который с вас снят, рассказать нам все, что вам известно и как члену Государственной Думы и по должности министра внутренних дел, — о действиях бывших министров и прочих высших должностных лиц, расследованием действий которых мы заняты. Нас интересует, конечно, и та тема, которую вы задели при показании, данном вами г. Коровиченко, т.-е. тема о тех кружках, которые стояли рядом с правительством или, быть может, позади его и оказывали известное влияние. Эта тема подлежит углублению... В частности, мы просим вас остановиться на следующем: в своей деятельности министра внутренних дел испытывали ли вы, и в какой мере, и при каких обстоятельствах, — давление этих кружков, о которых вы уже давали показание? Вот канва... Благоволите начать.

Хвостов. — Я должен доложить, что вполне подтверждаю все, уже данное мною в показании. В сущности, это показание я считаю своей обязанностью дать, при чем оно не касается дел должностных и вверенных мне по должности министра внутренних дел, а лишь того, что случалось узнавать по этому поводу и что не входило непосредственно в задачу министра внутренних дел...

Председатель. — Я не понял вашу мысль... У нас не может быть здесь никаких тайн: вы не только в праве, но вы обязаны показать нам абсолютно все то, что вы знаете.

Хвостов. — Кроме тех обязанностей, которые на меня возлагались по должности, я руководствовался долгом русского человека, потому что вопрос касался больного для меня места — я разумею вопрос о шпионаже...

Председатель. — Не расскажете ли вы в такой последовательности: при каких обстоятельствах вы были назначены министром внутренних дел? Это — сперва...

Хвостов. — Может быть, вы мне разрешите взять более глубоко? Вы изволили сказать, что я должен показать то, что мне известно было раньше в качестве члена Государственной Думы... Уже издавна, в качестве члена Государственной Думы, я обратил внимание на немецкое влияние, которое, мне казалось, имелось в правительстве. Я занялся...

Председатель. — Вы когда обратили на это внимание?

Хвостов. — Еще членом Государственной Думы, почти в самом начале прибытия моего в Петроград — в 1912 году... До этого для меня, как служившего в провинции, те или другие влияния на петроградские сферы должны были оставаться в стороне... Единственный раз, когда мне пришлось встретиться с Распутиным, — это было в Нижнем Новгороде, когда я был губернатором. Ко мне приехал Распутин, мне в то время мало известный, о котором я слышал в виде толков, доходивших до провинции. Он предложил мне место министра внутренних дел. Было это, насколько я помню, — за недѣлю или дней за десять до убийства Столыпина. Я был удивлен его появлением, не придавал ему такого значения, какое впоследствии обнаружилось... Я крайне удивился возможности ухода Столыпина, так как в провинции нам казалось, что Столыпин — сила непререкаемая, нам казалось невозможным, чтобы он колебался, шатался или уходил... Распутин объявил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, — «посмотреть мою душу»...

Председатель — Кем послан?

Хвостов. — Неопределенно: из Царского послан — посмотреть мою душу... Это казалось мне, в то время непосвященному, несколько смешным, и я с ним поговорил шутовским образом, а потом, через несколько времени, я послал полицмейстера свезти его на вокзал. Распутин уехал...

Председатель. — Вы говорите, вам показалось странным, что это происходило еще при жизни министра внутренних дел, — вы выразили сомнение по этому поводу?

Хвостов. — Я выразил сомнение. Он сказал, что Столыпин должен уйти. Но, по правде сказать, я с ним серьезно не говорил... Я считал, что он одно из духовных развлечений в Царском Селе, но не считал серьезным, чтобы он мог иметь значение при назначении министров... Я знал, что в это время ко мне относился в высшей степени благосклонно бывший император Николай II... Его хорошие отношения ко мне завязались впервые, когда я был губернатором в Вологде и докладывал о возможности соединения вологодских рек с Сибирью чрез Урал. На это обстоятельство я, главным образом, напираю. Это его очень интересовало, я делал ему часто доклады, которые были более радужны, в смысле экономических перспектив, чем все остальное, что делалось в России в это время. Вот этим я обратил на себя его внимание...

В предпоследний раз, перед указанным приездом Распутина, я был принят государем *сидя,* что считалось высшим знаком благоволения. Разговор велся об общих предметах.

Председатель. — А когда в последний раз перед этим визитом Распутина вы были в Царском?

Хвостов. — Я с точностью не помню, но так месяца за полтора... Мне было известно от близких лиц, от иностранных посольств, что обо мне постоянно ведется разговор на охоте... Но этот самый приезд Распутина в высшей степени поразил меня, и я к нему отнесся не серьезно. После этого мне пришлось быть уже в Царском...

Председатель. — Алексей Николаевич, вы говорите, что ваше отношение к этому приезду было отрицательным; но это не избавляет нас от необходимости несколько подробнее остановиться на нем: только ли для этого приезжал Распутин?

Хвостов. — Исключительно для этого.

Председатель. — Какой еще разговор был между вами?

Хвостов. — Разговор исключительно этот. Он сказал: «Приехал посмотреть твою душу»...

Председатель. — Т.-е. только эти несколько слов?

Хвостов.—Он изъявил еще желание посмотреть мою семью... Моей семьи еще не было... Я считал излишним вводить его в мою семью. Я не серьезно к этому отнесся... Тут была ярмарка: она кончалась. Мне было не до того, чтобы беседовать с ним. Я отнесся к этому в высшей степени легко... Когда, через месяц после этого, я приехал сюда, то я увидел ко мне совершенно обратное отношение. Я был принят в высшей степени неприязненно, в высшей степени сухо, что, после предшествующих приемов, мне показалось неособенно приятным. Это послужило основанием тому, что тогда казалось странным: я ушел из губернии, пошел в Государственную Думу... Уйти я сразу не мог, прошло порядочное время, около года: но во всяком случае, в этот промежуток времени, я делал все возможное, чтобы попасть в Государственную Думу по Орловской губернии, и уже все мои мысли были за то, чтобы уйти, — видя, что здесь мне отрезаны все дальнейшие пути...

Председатель. — Что же, уезжая, Распутин какие-нибудь угрозы делал по вашему адресу?

Хвостов. — Болтал по обыкновению: говорил, что он уже обо мне послал телеграмму.

Председатель. — Какого содержания?

Хвостов. — Содержания совершенно не помню в подробностях... Мне потом достали текст (всегда на почте есть свои люди, которые сообщают потом подробное содержание). Но-я текста не помню.

Председатель. — Приблизительно, какого содержания?

Хвостов. — Отрицательное ко мне отношение... Что-то такое: «Хотя бог на нем почиет, но чего-то не достает»...

Председатель. — Скажите еще: он вам говорил, от чьего имени из Царского Села он являлся — от отрекшегося государя или от государыни?

Хвостов. — Он прямо сказал: от отрекшегося государя.

Председатель. — А телеграмму кому он послал?

Хвостов. — Он послал телеграмму — адреса я не видел, но кажется, Вырубовой (потому что через нее шел доклад)... Этот эпизод очень короткий. Я привел его для того, чтобы показать, когда состоялась наша первая встреча... После этого, когда я попал в Государственную Думу, то, ближе сталкиваясь со всеми обстоятельствами, будучи обижен тем фактом, что мне пришлось уйти, — одним словом, задетый этим фактом, — я естественно занялся, главным образом, выяснением вопроса о Распутине, т.-е. насколько влиятелен он и насколько другие люди имеют влияние на царскую Ставку, — потому что, у кого что болит, тот про то и говорит! Раз это связано с моим уходом, со всем этим, моя мысль заставила меня вникнуть в это ближе, чем это диктовалось интересами гражданина или вообще русского человека... Здесь я стал до некоторой степени убеждаться, что существует влияние... Но в то время Распутина то высылали, или он оставлялся по настоянию нескольких лиц, то он опять возвращался... И как-то (не помню через кого именно) я имел сведения, что обо мне говорили: что он ругал меня, поносил меня. Это еще более усилило во мне недовольство... Скоро наступила война, и я занялся немецким шпионажем и немецким засилием. Этот вопрос меня в высшей степени заинтересовал. Когда я собрал некоторые сведения, мне пришлось, по этому поводу, говорить — сначала о синдикатах, которые были замаскированным немецким капиталом, затем я говорил о немецком засилии прямом — не замаскированном... По поводу моей речи о немецком засилии я стал получать много писем, многие приходили и знакомились со мной. Я познакомился практически с новым кругом лиц, до тех пор совершенно мало мне известным. Из этого знакомства я вынес впечатление, что мне еще раз придется говорить в Государственной Думе, и мною еще был намечен вопрос о немецком капитале и, главным образом, о русской электрической промышленности, так как из разговоров, которые велись разными лицами, я убедился, что около этой электрической промышленности зарыт немецкий капитал, который влиял косвенно на шпионаж.

Апушкин. — Вы познакомились с немецким капиталом в русской электрической промышленности; вам не приходилось, в связи с этим вопросом, слышать фамилию Эйснера?

Хвостов. — Нет... Тут столько фамилий, в связи с электрической промышленностью, что всех не запомнишь... Меня еще

интересовали военные заказы, которые делались: трубочки и запальники, которые исполнялись разными электрическими фирмами — «Сименс и Шукерт», «Сименс и Гальске» и «Всеобщей Компанией электрической промышленности»... Я делал расчеты, сколько и когда получили они заказов... Когда заказы эти ими не представлялись, то за это ничего им не было, никаких штрафов они не платили. Ручаться за эти сведения я не могу, потому что доставлялись они частными лицами... Но, проверив их, устранив факты, которые представлялись неправдоподобными, несколько фактов оставил для себя, с которыми я должен был выступить впоследствии... В этот промежуток времени случился поворот по отношению ко мне в Царском Селе со стороны отрекшегося императора. Дело в том, что он продолжал относиться ко мне безразлично; но тут был Маклаков, к которому он относился очень хорошо. Я оставался совершенно в стороне. Но потом обстоятельства... кажется, не он сам назначил, а обстоятельства заставили его назначить Щербатова, с которым, повидимому, у него ничего общего не было!.. После Маклакова у него не было человека, на которого он мог бы опереться, который ему был бы симпатичен. На Щербатова было какое-то недовольство, и здесь опять он стал вспоминать обо мне. Об этом я слышал косвенно — опять таки через нескольких иностранцев...

Председатель. — Вы не можете сказать, через кого?

Хвостов.—Точно не могу сказать,—не помню... Но косвенно очень многие передавали... Одна старая дама великосветского кружка передавала мне, что об этом говорили у английского посла, что, будучи во флоте, бывший император обо мне вспоминал. Я особенно в это не углублялся, но так или иначе, мне было известно, что там относятся ко мне более или менее хорошо. Потом мне стало известно, что бывшая императрица не дает своего согласия на мое назначение—в виду того, что я проштрафился тогда и не успел искупить свои вины относительно отъезда Распутина.

Председатель. — Вы говорите, как о деле обычном, для вас естественном, — что *императрица* не дает согласия: что же? Вы об этом знали? С каких пор вы стали знать, что не император, а императрица?

Хвостов. — Когда я приехал в Петроград и стал ближе узнавать о Распутине, я знал тогда то, что было более или менее тогда достоянием всех...

Председатель. — Но будьте добры вкратце сказать: вы с достаточной твердостью это установили?

Хвостов. — Это я уже потом твердо установил. Я исторически подхожу к этому предмету...

Апушкин. — Вы ставите возвращение к вам некоторого внимания со стороны бывшего государя в связи с вашим интересом к электрической промышленности и прочим предприятиям?

Хвостов. — Я ставлю это в связь с тем, что ушел Маклаков, который увеселял двор, и явился Щербатов, с которым ему было скучно.

Апушкин. — А другие лица не могли заинтересовать двор вами?

Хвостов. — Я лично ставил такую связь: государь мне сказал, что он обратил внимание и с жадным интересом следил за моими речами. Моя речь о немецком засилии его заинтересовала.

Это личное мое впечатление. Речь моя была сказана в мае 1915 г. Если бы только моя речь, то сразу я был бы вызван и назначен. (Так мне, по крайней мере, казалось, может быть, другие думают иначе: впечатления разные бывают)... В мае был Маклаков, в июне Маклаков ушел: был назначен Щербатов. Я начал получать сведения, что царь мною интересуется, в июне месяце. В это время, приблизительно летом, я почувствовал переворот: мне стало известно, что, опять таки, если я там не был принят, то этому, будто бы, мешает Распутин и что Александра Федоровна не была согласна. Впоследствии мне удалось узнать (я расшифровал), что был разговор; но Александра Федоровна не особенно сочувствовала моему назначению. Но после того бывший государь ей сказал, чтобы она меня приняла, и она меня приняла, и уже после того, как она меня приняла, она дала согласие на мое назначение. Как я потом узнал из источников третьестепенных, идущих от Распутина, она дала свое согласие с тем условием, чтобы товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и охраняющим Распутина, был назначен сенатор Белецкий. Это мне стало известно более точным образом — агентурным путем — потом, когда я стал министром внутренних дел... Я решил принять предложение, которое мною было получено. В самом начале я был вызван государем поговорить о текущих делах. Он мне ни слова не сказал о моем назначении, говорил о текущих делах, говорил, что читал мои речи, — вполне со мной согласен; говорил об общем положении вещей, — говорил долго... Потом простился со мной и сказал, что будет с большим интересом читать мои речи в Государственной Думе. Когда он говорил со мной, у него уже было написано письмо Горемыкину, потому что в тот же день, когда я приехал домой, Горемыкин получил приказ, в котором было сказано, что меня назначили министром внутренних дел... Таким образом, он говорил одно, а на деле уже было решено другое, — и разговор о моих будущих речах был просто приятным разговором... Так как я мало интересовался вопросами чисто полицейского характера, я считал, что мне гораздо удобнее, если будет лицо, всецело ответственное, которое будет охранять Царское Село; будучи совершенно незнаком с этим делом, я боялся брать на себя охрану Царского Села и был очень доволен, что на другом лице будет лежать эта обязанность. Я думал, что благодаря обходному движению (всякий человек думает, что ему удастся

сделать больше, чем он потом сделает) — я думал, что если прибегну к обходному движению, несмотря на эту охрану, мне удастся добиться чего-нибудь по выяснению этих кружков, которые меня интересовали, и относительно Распутина... Но это было самомнение, которое свойственно каждому человеку: на самом деле вышло несколько иначе... Когда я был назначен, у меня явилась масса других дел. А, кроме того, я, главным образом, заинтересовался выяснением того, что мне казалось загадочным, что казалось невыясненным, и находил нужным все это расшифровать и разгадать... Я стал последовательно изучать все кружки, которые так или иначе окружали немецкий капитал. Мое представление было следующее: в целях завоевания — может быть, я ошибался, но мне казалось, что в целях завоевания России, — Вильгельм отправлял капиталы: и цель эта была политической, а не только экономической...

Председатель. — Простите, одну минуту... Когда вы представлялись бывшей государыне, она вам не говорила о предстоящем назначении и не поставила вам некоторых условий?

Хвостов. — Нет, она только сказала: «Вас очень хвалит государь, о вас он говорит много приятных слов!..»

Но то, что она говорила, это были только любезные слова. Она говорила: «Я — с удовольствием, — рада вас видеть назначенным... Но мне бы хотелось — это мое желание, — вы, может быть, удовлетворите его, с своей стороны представив сенатора Белецкого в свои товарищи?..» Но это она говорила мягко, кругло... Она не говорила: если не согласитесь, то я не соглашусь на ваше назначение... Это было сказано в дипломатической форме. Было сказано: «Я буду приветствовать ваше назначение, буду очень рада, но вы, с своей стороны, сделаете мне удовольствие, и мы тогда будем спокойны, потому что — вы сами понимаете — мы находимся в постоянном волнении и нам приятно, чтобы опытный человек охранял нас... Вы — в смысле охраны — не особенно сведущи...» Одним словом, все это было сказано в мягкой форме...

Председатель. — В то время, как государь на приеме вам не говорил о назначении вас министром, в это же время, в мягкой форме, бывшая императрица говорила с вами о назначении вас министром, поставив условием назначение вашим товарищем Белецкого?

Хвостов. — Бывшая императрица говорила: «Мы уйти никуда не можем, а вот вы можете уйти, и нам было бы желательно, для нашего спокойствия, чтобы был опытный человек, который бы охранял нас...» Теперь я возвращаюсь опять к немецкому капиталу. Мне казалось, что этот немецкий капитал ведет завоевание, одновременно политическое и экономическое, и идет различными формами: заграницей устраиваются общества, — электрические, металлургические и пр., которые имеют свои филиальные

отделения здесь, чтобы доходы все шли туда и не проживались здесь, а распределялись там среди держателей их акций... Мне казалось, что для охраны этого немецкого капитала существует связь между лицами, которые владеют большею частью немецких капиталов и которые работают при помощи этих капиталов и получают дивиденд: это директора банков, которые получают 500-тысячные оклады, — очевидно, не за свой труд, а за какую-нибудь политическую миссию!.. Потом, рядом с этим, для того, чтобы охранять в России капиталы, одних банковых людей достаточно, и тут является влияние на чиновничество, на известный ряд чиновников, которые действуют — в силу ли своего родства, а, может быть, — ради выгоды... Потому-то им необходима придворная охрана, которая может влиять на Царское Село. Для этого, так или иначе, они должны заполучить некоторых из придворных лиц, а не тех, которые не имеют никакого значения... Кроме того, тут обратила мое внимание группа остзейского дворянства, которая имеет близкую связь с так называемыми «кругами» или «партиями» при дворе, которые с малолетства получают придворные чины и высокие звания, которые получаются обыкновенно через двадцать-тридцать лет службы...

Председатель. — Обратило ли на себя ваше внимание то обстоятельство, что для охраны этого капитала нужен, опять таки в интересах сохранения этого капитала, чисто военный шпионаж?

Хвостов. — Я и говорю, что для охраны немецкого капитала во время войны мне казался необходимым военный шпионаж, который и существовал в действительности... Первое мое внимание было обращено — еще когда я был в Государственной Думе (как я уже показывал, и это, кажется, записано в моем показании) — на историю воссоздания русского флота... Мое внимание обратила на себя ревизия сенатора Нейдгарта... После моей речи о синдикатах я имел случай получить от одного лица всеподданнейшую докладную записку Нейдгарта — сводку о данных его ревизии. В этой всеподданнейшей докладной записке Нейдгарт указывал на существование синдиката судостроительных операций, который образовало «Общество русских судостроительных заводов» вместе с разными немецкими фирмами, например, Виккерс и др... Смысл этого синдиката был тот, чтобы отдельные фирмы не могли брать дешевле тех цен, которые назначит это «Русское Судостроительное Общество». При чем в синдикате было сказано откровенно, что прибыль должна быть чуть ли не 100% — ровно рубль на рубль! Нейдгарт находил, что раз существует синдикат, который себе гарантирует 100%, это является помехой для воссоздания флота, потому что, если Государственная Дума ассигнует 500 миллионов или один миллиард, то можно было сто кораблей построить; а при таких условиях, что нужно нажить рубль на рубль, можно построить только 50, т.-е. вдвое меньше...

Нейдгарт находил необходимым чуть ли не предать военному суду деятелей этого синдиката... Это меня заинтересовало, и когда я стал ближе подходить к этому вопросу, то оказалось, что «Русское Судостроительное Общество» финансируется... Синдикат устраивается так: несколько обществ назначают условия относительно технических средств постройки: одни дают патенты на оборону, другие патенты на миноносцы... Но необходимо, чтобы банковые учреждения финансировали это предприятие. Взялся финансировать их «Международный банк». Когда я ближе подошел к «Международному банку», то выяснилось, что за месяц до войны главным акционером банка был Ландсгаузен, который имел огромное количество паев этого «Международного банка»... Мне один знакомый принес отчет собрания, где, до войны, свободно печаталось, кто сколько паев представил, — и было синим карандашом подчеркнуто: фамилия Ландсгаузен — столько-то... У него было больше, чем у остальных... Меня спросили: как мог Ландсгаузен или тот же «Международный банк» до 1912 — 13 г. руководить воссозданием этого флота?.. Я заинтересовался, кто является представителем... Оказалось — австрийский подданный — Заруба! Меня это поразило тем более, что, как потом оказалось, этот австрийский подданный отбыл за границу со всеми секретами, вместе с двумя директорами этого банка: Шульцем и другим — фамилию я его не помню, — но оба оказались иностранными подданными...

Председатель. — А вами была прослежена связь между этим «Русским обществом судостроительных заводов» и какими-нибудь придворными или безответственными кружками?

Хвостов. — Нет, этого я не прослеживал... В данном случае я следил только за «Международным банком», и тут мне представилась странной связь «Русского Общества» через Зарубу, который был австрийский подданный... Затем меня интересовали электрические предприятия. Мне давали справки: когда заказывали столько-то фирме «Сименс и Гальске», и они в срок не исполняли, то неустойка с них не взыскивалась, а перекладывалась на дальнейшее; когда же другие фирмы, более русские, пробовали выполнять такие заказы, с них взыскивалась неустойка, и им не давали дальнейших заказов...

Председатель. — Раз вы интересовались этим вопросом, не останавливались ли вы на том, кто стоит за акционерами этих банков: не было ли там членов из безответственных кругов?

Хвостов. — Я пробовал всячески подходить к этому, но видел, что всякие попытки напрасны... Например, я интересовался «Электрическим Обществом 1886 г.», но все попытки мои коснуться этого общества сейчас же пресекались...

Председатель. — Что же вы не пытались этот факт расшифровать?

Хвостов. — Для меня было ясно, что здесь что-то неладно... Я пытался узнать, что именно? — но ничего узнать не удалось! Но все-таки я могу назвать двух лиц, которые давали мне ценный материал по этому делу: это Павел Ратнер, известный электрический деятель, задержанный заграницей: он явился ко мне и, будучи совершенно разных взглядов и убеждений со мной, передал мне эпизод, как его задержал во время войны в Берлине директор «Дейтч-Банка». Последний просматривал списки и вредных для немецкой промышленности лиц задерживали. Другой — был профессор Свешников...

Председатель. — Вы говорите: ваши попытки бороться с этим влиянием всякий раз пресекались. Не можете ли вы назвать конкретный случай, когда ваша попытка была пресечена и кем?

Хвостов. — Ко мне приехал Свешников, когда я был министром внутренних дел, и заявил мне категорически, что такой-то немецкий деятель объявил, что так как я начал поход против «Электрического Общества» и туда назначил своим представителем Шадурского, который ведет себя неприлично (с их точки зрения), то я выскочу вон...

Председатель. — Кого вы назначили?

Хвостов. — Шадурского, который, как судебный человек, взялся за это дело и был моих взглядов. Я ему указал на необходимость борьбы. Когда приехал Свешников и сказал, что «ваш представитель ведет себя неприлично», то я попробовал назначить двух представителей в эту комиссию «Общества 1886 года»...

Председатель. — Что же именно вам сказал Свешников?

Хвостов. — Он сказал, что немцы говорят, что «вы вылетите вон, потому что вы пошли дурным путем», — но так как он сообщал и раньше разные сказки, то я подумал, что он шутит... Я пробовал послать туда Ратнера, специалиста (а Шадурский не владеет техническими знаниями), но князь Шаховской, бывший министр, категорически мне отказал и вошел в спор с советом министров. Министр внутренних дел не имеет, дескать, права иметь двух представителей... А почему я не имел права? — Один представитель с правом голоса — для юридических соображений, а другой для чисто технических... Мне, однако, в этом отказали. Поэтому Шадурскому было трудно спорить по этому вопросу. Ратнеру сказали, что он остается в Берлине. Он был потрясен. (Он был директором «Электро-передачи», которая основывалась на американский капитал и имела целью использовать силу финляндских водопадов.) Когда Ратнера задержали в Берлине, сюда дают приказ экстренно созвать собрание общества «Электро-передачи»; Ратнера выкидывают вон из директоров, и без него постановляют возвратить всем американцам капитал, как ненужный, и, таким образом, использование водопадов не состоялось, а арендует их немецкое общество... Все это ясно.

Председатель. — У вас был прежде отдельный экземпляр записки Нейдгарта, — а теперь он в вашем распоряжении?

Хвостов. — Я не могу его найти. . . Может быть, он где-нибудь у меня спрятан. Но у меня, при моем уходе, был произведен обыск. А ранее — в виду того, что у меня имелись документы Распутина, — меня предупреждали, что я должен все, что касалось Распутина, передать или уничтожить,—иначе все будет пересмотрено: будет обыск. . . В это время я уничтожил все документы и даже частные, домашние счета пришлось рвать. . . При чем с меня взяли подписку, которую с министров не берут, что у меня — такого-то — ни одной строчки о Распутине не остается. . .

Председатель. — Кто вам об этом заявил?

Хвостов. — Ко мне явился сам Штюрмер и передал высочайшее повеление о том, что я должен все вернуть. . .

Председатель. — Изустное высочайшее повеление?

Хвостов. — Да. . . И взял расписку. . .

Председатель.— Так что вы лично ему передали документы?

Хвостов. — Большая часть была уничтожена, а часть — ему передана. . . Но он ничего не имел против того, чтобы я уничтожил. . . Я боялся, что у меня нечаянно будет что-нибудь дома, в ящиках. . .

Председатель. — К этому мы вернемся позже, а теперь позвольте просить вас продолжать о кружках.

Хвостов. — Когда я подошел к немецкому капиталу и впервые узнал в Совете Министров о том, что нельзя иметь двух представителей, что вопрос этот тормозится в Совете Министров и там не пройдет, я стал интересоваться кружками, которые влияют на Царское Село, думая установить ту связь, о которой вы спрашивали. Мне удалось напасть на несколько кружков. Одним из влиятельных кружков был кружок Бадмаева.

Председатель. — Из кого он состоял?

Хвостов. — Там были разные личности. . . Выяснилось, что ему пишут из Царского и что он пишет, что близок с дворцом, имеет связь. . .

Председатель. — Кто ему пишет?

Хвостов. — Мне удалось выяснить, что тот кружок, который имеет постоянную корреспонденцию, ему пишет. . . Конечно, все это шло не от бывшего государя, а, главным образом, от Александры Федоровны. Никого не интересовало, кто пишет Николаю II, а интересовало, кто пишет Александре Федоровне, потому что она руководила этим делом, а он находился под ее влиянием. . .

Председатель. — Вы можете характеризовать деятельность этого кружка? Вам удалось установить, из кого состоял этот кружок?

Хвостов. — Там были разные личности... Был Курлов... Когда я являлся с докладом, меня интересовало, кто может класть палки в колеса... Например, я явился с 12 — 13 законопроектами о коренных реформах в Остзейском крае. Положим, они не проходят — меня интересует: почему? Интересует: почему освобождаются пасторы?.. Или тот или другой вопрос политического характера, в отношении немецкого засилия: почему тот или другой вопрос пройдет или не пройдет?.. Для этого мне нужно было знать всю географию, мне нужно было знать, сколько этих кружков, кто корреспондирует и в какой мере нужно было заткнуть рот...

Председатель. — Это скорее история, чем география...

Хвостов. — Так как это меня интересовало, я узнал, что Бадмаева трогать нельзя...

Председатель. — Почему?

Хвостов. — Потому, что он корреспондировал с Царским Селом. Я знал, что там бывал Курлов и градоначальник Балк...

Председатель. — Назовите еще кого-нибудь.

Хвостов. — Впоследствии у него бывал Протопопов, но не при мне. От Бадмаева доставлялось вино Распутину. У Бадмаева лечились разные лица — там был разный сбор... Из ярких лиц я не помню никого: крупных имен там не было... Относительно Беляева я не помню, был там он или нет...

Смиттен. — По вопросу о том, что Бадмаев находился вне досягаемости и вы не могли его арестовать, вы получили какое-нибудь приказание из Царского Села, чтобы его «не трогать», или у вас только сложилось такое впечатление?

Хвостов. — Это было мое впечатление... Мне было известно, что он писал туда и что ему писали; что он знает многое о том, что делается в этих кружках... Но категорического я ничего оттуда не получал: это было только мое впечатление... Мне там никто ни слова не говорил о Бадмаеве, никакого разговора не было о нем...

Председатель. — Для вас приблизительно выяснилась деятельность этого кружка?

Хвостов. — В кружок Бадмаева я не проник, хотя и хотел проникнуть, и поэтому ничего не могу сказать... Это был кружок, наименее меня интересовавший. Я ни разу лично его не принял, потому что я мало им интересовался...

Мне казалось, что этот кружок не имеет связи с «Электрическим Обществом» и немецким капиталом, которые меня, главным образом, интересовали... Потом был кружок Бурдукова...

Соколов.—Митрополит Питирим принадлежал к этому кружку?

Хвостов. — Я не знаю.

Соколов. — Так как вы за Распутиным очень хорошо следили, вы не знаете: Распутин посещал Бадмаева? Если ваши агенты

доводили его до квартиры Бадмаева, не могли они установить лиц, с которыми он там встречался?

Хвостов. — Нет. . .

Соколов. — Вы сами туда не проникли, но, может быть, там был кто-нибудь из ваших знакомых?

Хвостов. — Из знакомых тоже никто не был. . .

Соколов. — Может быть, вы знаете, какие там возбуждались вопросы: был ли это политический салон?

Хвостов. — До меня доходили сведения, которые проверить я не мог. . .

Соколов. — Чем вы объясняете возможность для Бадмаева переписываться с Царским Селом? Как возникла эта переписка и почему императрица или ее дочери вступили в эту переписку?

Хвостов. — Я думаю, что Распутин говорил, что он хороший доктор.

Соколов. — Вы думаете, что эта связь установлена Распутиным? Где Распутин познакомился?

Хвостов. — Я знаю, что Бадмаев бывал у Распутина на Гороховой. . .

Соколов. — Значит, не только Распутин бывал у Бадмаева, но и Бадмаев бывал у Распутина.

Хвостов. — Я интересовался, кто первый пошел. . .

Председатель. — Донесения ваших агентов об этом кружке — о том, кто там бывал, — вероятно, имелись у вас в письменной форме?

Хвостов. — Все донесения в письменной форме были сожжены. . .

Председатель. — Но это были вторые экземпляры?

Хвостов. — Нет, это были оригиналы.

Председатель. — Где они были?

Хвостов. — До ухода Белецкого, листки охранного отделения, «наблюдательные листки» Распутина мне не представлялись. . . С наблюдательными листками Распутина, которые велись охранным отделением, я познакомился при приеме должности от Белецкого, когда мне было дано все дело о Распутине, т.-е. тогда, когда я должен был принять на себя все это дело. А до этого я даже начальника охранного отделения не видел, чтобы не вышло двоевластия. . .

Председатель. — А за кружком Бадмаева вы сами установили наблюдение?

Хвостов. — Я сам установил. . .

Председатель. — Вторые экземпляры этих листков где были?

Хвостов. — Вторых экземпляров не было.

Председатель. — Кто же эти лица, которые по вашему поручению наблюдали за кружком Бадмаева?

Хвостов. — Были некоторые лица: одно время мне рассказывал тот же Комиссаров о Бадмаеве. . .

Председатель. — Комиссаров не был тем лицом, через которое вы наблюдали за Бадмаевым?

Хвостов. — За Бадмаевым я, в настоящем смысле слова, не наблюдал... Я ограничился двумя-тремя расспросами. Мне рассказывали, — я не помню кто... Была одна дама, которая случайно встретила такого-то, другого-то в кружке Бадмаева... И потом, вообще, о нем были общие разговоры, но меня они не интересовали, я не углублялся и не приставлял специальных лиц — агентов.

Председатель. — Но вы заявляете, что через некоторых лиц вы наблюдали?

Хвостов. — Через некоторых лиц, например, через Комиссарова: он был членом кружка, был вхож...

Соколов. — Вы упоминали, что составлялись записки, листки; кто составлял эти листки?

Хвостов. — Чаще всего те лица, которые составляли охрану Распутина, может быть, и Комиссаров... Я должен заявить, что у меня не было специальной агентуры о Бадмаеве.

Председатель. — Вы сказали, что дубликатов не было: а эти листки вы потом уничтожили?

Хвостов. — Были листки о Распутине, а о Бадмаеве специальных листков не было.

Соколов. — Может быть вы расскажете, что вам говорил Комиссаров... Он рассказывал, не как внешний филер-наблюдатель, а как присутствующий?

Хвостов. — Комиссаров — в высшей степени талантливый, способный комик, и просто рассказывал, с точки зрения комической для меня... А потом будет видно, что Комиссаров дальше меня предал: выдал тайны, которые я ему поручил к исполнению... Относительно Распутина я не могу ему доверять всецело. Но он в комических тонах передавал разные анекдотические эпизоды, — я точно вспомнить не могу то, что он говорил... Помню, что в комических тонах рассказывал о Распутине... Бадмаев пытался даже ко мне притти, но я не захотел его принимать... Если бы я придавал ему большое значение, я его бы принял и сам постарался бы проникнуть в кружок, чтобы узнать, что и как... Я нисколько не углублялся, может быть ошибочно, но считал, что он валяет дурака...

Соколов. — Вы наблюдали через Комиссарова и отдельных лиц, вы установили факт переписки между Бадмаевым и Царским Селом. Вы, вероятно, интересовались не только фактом переписки, но и содержанием этой переписки?

Хвостов. — Вот этого я не трогал. Я не мог следить за всем... Бог с ним, пускай сидит себе!.. Я только иногда комические эпизоды узнавал...

Соколов. — В ваших руках не было писем к Бадмаеву или от Бадмаева?

Хвостов. — Нет. Мне в высшей степени трудно было делать наблюдения, потому что наблюдение было в руках человека, охранявшего эти кружки — каким был Белецкий. Раз все наблюдение и филерское охранное отделение ему подчинено, — ведь меня может совершенно запутать, если я сам начну наблюдать... Отрывочные сведения могли быть у меня через случайных лиц или через знакомых, проникнувших во многие кружки... Повторяю: ошибочно или нет, но я за Бадмаевым не пытался наблюдать; это меня менее интересовало, чем другое... Если бы я знал, что будет вопрос о шпионаже наверху или что-нибудь в этом роде, то я, может быть заинтересовался бы... Я думал: бог с ним! — если он шарлатан, то шарлатан...

Председатель. — Значит, Белецкий охранял этот кружок?

Хвостов. — Он охранял все кружки. Но меня этот кружок интересовал менее других. Мне почему-то казалось, что между ним и «Электрическим Обществом», которое меня интересовало, нет связи. Почему мне так казалось — не могу сказать. Это было мое впечатление...

Смиттен. — Что вы имеете в виду под словом «охрана»? Эти кружки находились под наблюдением агентов Белецкого или охранного отделения, или они охраняли, обеспечивали безопасность известных лиц?

Хвостов. — Я могу твердо сказать, что это касалось охраны обеспечения личности — относительно Распутина...

Председатель. — Еще один вопрос: когда Белецкий ушел, вы имели возможность получить листки о наблюдении за Распутиным? Вы не можете сказать,—в департаменте полиции был особый отдел, какая-нибудь часть, которой была поручена охрана Распутина?

Хвостов. — Нет, департамент полиции не охранял: это было в охранном отделении, как это мне потом удалось выяснить. После того, как Белецкий ушел, я был всего 10 дней, и первое, что удалось сделать, — это добиться его назначения в Сибирь. Первое, что я предложил начальнику охранного отделения, — дать мне то, что мне было недоступно раньше...

Председатель. — Это вы изложите, когда вы перейдете к кружку Распутина, как центральному... Благоволите рассказать о других кружках.

Хвостов. — Потом был кружок Бурдукова, кн. Андроникова, кружок Вырубовой...

Председатель. — Расскажите про кружок Бурдукова.

Хвостов. — Я иду по степени меньшего их значения, в моих глазах, — по степени их меньшего значения для меня... Я коснусь кружка Бурдукова, в который я сам даже не стал проникать. Ведь не разорваться же: надо дело делать, не только же об этом думать!.. Относительно кружка Бурдукова должен сказать, что там был известный финансист Манус — очень богатый человек...

Он имел «Российское транспортное общество» и другие российские промышленные общества... Это «Транспортное общество» обратило на меня свое внимание потому, что там было много немецкого капитала. Поэтому я обратил внимание на это «Транспортное общество» и на разные перевозки: нет ли там какого-нибудь немецкого шпионажа? Вот этот Манус казался тогда человеком довольно подозрительным... Манус участвовал раньше в кружке кн. Мещерского, и на его деньги отчасти издавался даже «Гражданин». (Как говорят, он сам писал под псевдонимом «Зеленый».) Меня поразило, что некоторые телеграммы в Царское Село, которые посылались и которые иногда мне попадали в руки (я говорю: «иногда», потому что перлюстрация почтовой станции была в руках Белецкого, так что мне удавалось только урывками от кого-нибудь получать, — если кто хотел выслужиться, например)... Таким образом, за подписью «Зеленого» были получены в Царском Селе телеграммы к Вырубовой, которая передавала их во дворец. Так как меня заинтересовал «Зеленый», т.-е. псевдоним Мануса, я и выяснил, что он имел близкие отношения к Бурдукову: он помогает ему и держит на большом жалованьи — не за его труды, а для того, чтобы проводить его дела, как мне казалось... Потому что едва ли Бурдуков способен был на какой-нибудь серьезный труд и на какие-нибудь коммерческие дела!.. Мне казалось, Манус держит Бурдукова для того, чтобы посылать его по разным делам; коммерческие люди любят оставаться в тени, и Манус, как коммерческий человек, посылал всюду Бурдукова... Вот этот самый Бурдуков корреспондировал с лицами, которые имели в Царском вес: это были Нилов и Саблин (Нилов влиял на государя, как известно, а Саблин — на Александру Федоровну). И вот, некоторые лица приносили мне такую перлюстрацию... Обычно перлюстрация шла к Белецкому, а потом — частью — попадала ко мне: то, что Белецкий считал нужным мне давать... Помимо Белецкого, один из желавших выслужиться принес мне записку такого содержания; из записки я узнал, что Манус (знали его Игнатием Порфировичем) получил от Саблина следующее письмо: «Вы, Игнатий Порфирович, мне не приказывайте ругать Барка: вы три дня тому назад приказывали хвалить его, — я его хвалил... Как же возможно сразу его ругать?». Вот такого содержания была записка. Я стал расследовать, и выяснилось, что дела проводятся Бурдуковым: с одной стороны он действует через Саблина и Нилова, а с другой стороны — через Распутина... Такое было с разных сторон обложение: если какое-нибудь дело нужно было провести, — с одной стороны, скажет Распутин пророчески, что так надо. А с другой стороны, Александре Федоровне скажет один, другой — Николаю II... И дело может быть проведено...

Родичев. — Вы можете сказать, какие дела могли быть проведены через Бурдукова?

Хвостов. — Маленькие дела... Все дела, большею частью, коммерческие: право жительства, постройки каких-нибудь сухарных фабрик... Это меня не интересовало. Меня интересовало «Электрическое общество», а сухарные фабрики и др. — бог с ними совсем!.. Я знал, что там бывал Белецкий и другие лица...

Апушкин. — Вот, вы говорили по поводу сухарной фабрики: это имело отношение к нуждам армии... В связи с этим, не бывал ли там кто из Военного Министерства: ген. Сухомлинов, например, — не помните? — или вообще из чинов Военного Министерства?

Хвостов. — Не помню... Я установил, что такой кружок есть. Для меня это было ясно. Я считал: пускай себе проводят дела... Я ведь всего был пять месяцев...

Председатель. — А Мануйлов-Манасевич бывал у Бурдукова?

Хвостов. — Не могу вспомнить...

Руднев. — Вы, как министр внутренних дел, не могли заниматься мелкими делами. Но не поручали ли вы какому-нибудь помощнику выяснить все эти дела?

Хвостов. — Нет, не поручал. Оттого у меня такие отрывочные сведения, что я не мог никому поручать... Только по уходе Белецкого я набрал несколько лиц, которым мог давать поручения. Таких лиц, которые могли установить сношения с Царским Селом, у меня не было...

Руднев. — Когда вы вступили в Министерство Внутренних Дел, были некоторые лица, которых вы привели с собой, к которым вы относились с доверием (например, А. Б. Шадурский, которому вы поручили департамент общих дел), но были и другие лица?

Хвостов. — Я перевел директора канцелярии Писаренко и директора духовных дел Петкевича.

Руднев. — Не будете ли добры сказать имя и отчество Писаренко и Петкевича и где они находятся?

Хвостов. — Борис Васильевич Писаренко остался директором, а Георгий Болеславович Петкевич ушел в отставку.

Руднев. — Еще кого вы перевели?

Хвостов. — Не помню... Мелких, — потому что крупные все должности были заняты. Товарищами министра оставались: Плеве, Волконский и Белецкий. Директором департамента земского отдела — Неверов. Все это были такие лица, которым нельзя было давать таких тонких поручений, как сношение с Царским Селом...

Руднев. — А директором департамента полиции кто был?

Хвостов. — Директора не было, а исполнял временно должность его — Кафафов, мой товарищ по московскому университету. Он не касался полиции. Полицейская часть была всецело в руках Белецкого... Только потом, по уходе Белецкого, мне удалось набрать лишь таких лиц, которых я хотел. Шадурского я взял директором департамента общих дел, потому что ничего общего с адми-

нистрацией департамент общих дел не имеет. Я сам, будучи губернатором, много терпел от двоевластия. Мне хотелось, чтобы какая-нибудь железная рука их обуздала... Я знал Шадурского за человека твердой воли, за человека, который доведет до конца начатое, и мне хотелось, чтобы он немного порасчистил, — чтобы не мне на них кричать, а чтобы был какой-нибудь человек, который бы на них рычал и кричал... Самому неприятно играть роль пугала, а без этого в России, — вы меня простите! — нельзя... В России сто губернаторов: у кого тетушка, у кого камергер, у кого шталмейстер... Нужно их держать в руках: делать это трудно, потому что у каждого есть заручка!.. А Шадурскому было все равно... И он привел их в такую субординацию, что я по сравнению с ним оказывался милостивым... Человек уже на все соглашается, потому что Шадурский его напугает судом и другими репрессиями... А если я говорю, что его переведут в другую губернию, — он благодарит!.. Такому человеку, как Шадурский, поручить такое тонкое дело, как Царское Село, было опасно, потому что, если бы он узнал, что идет перлюстрация писем, он снесся бы с охраной... Была опасность самому быть обысканным, тем более, что существовала контр-разведка, которая находилась в руках человека, преданного Александре Федоровне: военная контр-разведка была у товарища военного министра Беляева...

Председатель. — Какое отношение было военной контр-разведки к вам?

Хвостов. — За мной было наблюдение военной контр-разведки: мои телеграммы были под ее наблюдением...

Председатель. — Кто же производил военную разведку и с каких пор было организовано внутреннее наблюдение?

Хвостов. — Я не знаю. Но она имела военное наблюдение за внутренними делами...

Председатель. — Вы говорили, что во главе разведки стоял товарищ военного министра Беляев?

Хвостов. — Да, был Беляев, как товарищ военного министра... Должен сказать, что в некоторых случаях контр-разведка даже мешала: очень трудно было доводить разведку до конца... И потому все мои сведения имеют отрывочный характер, как, например, о кружке Бурдукова... У меня было мало времени: всего пять месяцев. Кружок Бурдукова для меня был установлен...

Председатель. — Как вы его расценивали?

Хвостов. — Как только я расценил, что Бурдуков находится в сношении с Саблиным и Ниловым, для меня это стало ясным. Я знал, что Распутин ездит туда, получает разные инструкции по разным делам; но это все не касалось центрального вопроса, который меня интересовал — «Общества 1886 г.»; мне казалось, что на него не было какого-либо давления через этот кружок. Тут выхлопатывались льготы «Русскому обществу пароходства и тор-

говли», так как Бурдуков был моряк, и это дело морское; но электрического — там не было. Может быть, меня провели, но так мне сообщили. . .

Соколов. — Кто был Бурдуков?

Хвостов. — Он состоял в Министерстве Внутренних Дел, числился. . .

Соколов. — Он имел придворный чин?

Хвостов.—Он имел придворный чин: был шталмейстером, имел отношение к кн. Мещерскому, получил наследство от него, жил довольно обеспеченно. . .

Председатель. — Как вы расценивали кружок Бурдукова — высоко или низко?

Хвостов. — Я его расценивал, как очень влиятельный кружок, потому что он имел влияние и был не меньше, чем следующие кружки. . .

Председатель. — Вы не упоминаете в связи с этим кружком имя Сазонова?

Хвостов. — Это сведение исходило от Манасевича-Мануйлова: было влияние на Распутина, шло через Сазонова, который первый изобрел Распутина, первый пустил его в ход. . . Распутин служил у него, подавал галоши, был прислуживающим при редакции, и Сазонов потом влиял на него. Но тут идет чисто фантастический рассказ, который мне также сообщили (не знаю, стоит ли на нем останавливаться), а именно, что Распутин, будучи у Сазонова, был простым мужичком, но, будто бы, группа «черных оккультистов» вселила или передала ему коллективную силу гипноза. . . Будто бы, были кружки «белых оккультистов», которые эту силу снимали. . . Но это — область потустороннего мира, и когда я до этой области дошел, то сказал, что я в это не верю, и это перестало меня интересовать. . .

Председатель. — Объявляю перерыв.

После перерыва.

Председатель. — Будьте любезны продолжать.

Хвостов. — Следующий кружок был кн. Андроникова, который меня больше заинтересовал, потому что я здесь почувствовал некоторую связь с электрическими и другими обществами, в особенности — «Обществом 1886 г.». Кн. Андроников представлял собой, с моей точки зрения, калейдоскоп: с одной стороны он был осведомителем о том, что делается в Царском Селе, то-есть — в той области Царского Села, которая мне, как министру внутренних дел, была интересна, — в той области, которая недоступна простой агентуре департамента: в области интимной жизни Царского Села. . . Он был знаком с камердинером в Царском Селе, который был не то, что простой лакей, а лицо, имеющее известный

чин,—дежурящий при кабинете... В силу этого знакомства и дальнейшего знакомства с Воейковым, он мог быть полезным министру внутренних дел в смысле осведомления: можно ли, например, какой-нибудь доклад возбуждать или не следует возбуждать? .. С одной стороны, он имел эту ценность, а с другой, — он занимался проведением довольно крупных дел, и поэтому у него останавливались разные лица, частью занятые проведением своих частных дел — личных и имущественных; а других он интересовал своей должностной стороной... Кн. Андроников имел сношения с Распутиным... Вначале они были хорошие, и Распутин мог на него влиять и он на Распутина... Затем в этом кружке произошел раскол — Андроников с Сухомлиновым не сумели поделить Распутина. Каждый из них, поссорившись, влиял на Распутина, при чем кн. Андроников повлиял на Распутина так, что Сухомлинов был предан суду и что над ним решено произвести следствие; но затем тот же Распутин повлиял на то, чтобы освободить Сухомлинова!.. (Это было после меня.) Кроме того, он повлиял на то, чтобы Андроникова выслали в Рязань. Так что влияния их колебались... Кружки не могли поделить Распутина: Бурдуков ненавидел Андроникова, а Андроников ненавидел Бурдукова. У одного можно было почерпнуть сведения об Андроникове и наоборот. Андроников рассказывал о Бурдукове... Бурдуков рассказывал: «Это ужасный человек!.. И вы его пускаете к себе?..» — Все это зиждилось на том, что каждому хотелось заработать, и один у другого отнимал кусок хлеба!.. У кн. Андроникова в кружке бывал Варнава, затем бывал генерал Саблин...

Председатель. — Кто еще бывал?

Хвостов. — Масса молодежи — чуть ли не с улицы! Но видимо разграничивались: молодежь сидела отдельно от других лиц, и с Варнавой и Беляевым ничего общего не имела... Я знаю, что там было много евреев, которым надо было выхлопотать право жительства: все они туда обращались... Так как Андроников посещал председателя Совета Министров и других министров, то он был полезен Манасевичу-Мануйлову... Он не говорил о своих делах, но самый факт его посещений министров истолковывался в департаменте, как имеющий известное значение: «Как же не сделать Андроникову, — он часто бывает там-то...» Он пытался показать свое величие, — например, мелким чиновникам, которые были в хороших отношениях с Бурдуковым...

Был такой случай: он мстил Палеологу, потому что Палеолог бывал у Бурдукова... Они спорили, — делили кусок хлеба между собой!.. У Андроникова бывал Варнава: он одно время даже жил у него... Но с каждым днем, по моим наблюдениям, Распутин дальше отходил от Андроникова (под влиянием ли Сухомлинова— я не знаю...). Так что Андроникову приходилось самому к нему ходить (закончилось это высылкой его в Рязань: это было без

меня). Мне кажется, Андроников, бывая у Горемыкина и всюду, старался что-нибудь говорить в пользу «Электрического общества», — говорил что-то о *швейцарском капитале,* — одним словом, — все, что приводилось в газетах... Затем, — ужас, что он только не нес на Шадурского!.. Он говорил: «Помилуйте, ваш представитель в комиссии позволяет себе бог знает что!..»

Это было для меня основанием заинтересоваться. Поэтому я откинул Бурдуковский кружок и занялся этим делом. Он приставал с Шадурским, — в особенности, что он невоспитанный человек... Одним словом: он ему стоял поперек пути как в департаменте общих дел, так и по пути *электрического дела*... Тогда я стал ближе присматриваться. И, как потом мне удалось выяснить, Андроников принимал некоторое участие в том, чтобы смягчить ко мне отношение Александры Федоровны: цель была та, чтобы меня взять в среду правительства с тем, чтобы не было моих выступлений о немецких капиталах и, главным образом, — об электрических предприятиях!..

Председатель. — Значит, Андроников, чтобы вас обезвредить в Думе, проводил вас?

Хвостов. — Не проводил, а хвалил меня... Надо вам сказать, что Распутина в это время не было. Он был в это время в Сибири, и с ним сносились по телеграфу по этому поводу... (Я пробовал достать телеграмму, но это мне не удалось.) Но, во всяком случае, Андроников проявлял живой интерес к этим электрическим предприятиям и постоянно корреспондировал с Распутиным... Был ли там Белецкий я не знаю, но к нему там относились благосклонно.

Председатель. — А бывал там ген. Беляев?

Хвостов. — Я не знаю: я лично не видал и по рассказам лиц, которые там бывали, не слышал.

Председатель. — А Бурдуков бывал?

Хвостов. — Говорили про молодежь, которая бывала у того и другого.

Председатель. — Лично вы там не видали Белецкого?

Хвостов. — Я знаю, что там бывал Варнава, видел раз Распутина...

Соколов. — А сын Горемыкина бывал?

Хвостов. — Я знаю, что Андроников у старого Горемыкина бывал, и я этим иногда пользовался, так как мне именно нужно было знать, что там делается... Но, во всяком случае, об электрических обществах они не говорили; они чувствовали, что нельзя мне об этом говорить, но говорили мимоходом о «бедных швейцарцах»... Через Андроникова я старался узнать и ближе подойти к Распутину, — узнать, что там делается... За Распутиным и Белецким было предоставлено наблюдать Комиссарову и создана специальная агентура: Распутина охраняла агентура департамента полиции, дворцовая агентура Спиридовича да еще разные банковые

деятели: какие-то евреи всегда тут торчали. . . Одним словом, он постоянно корреспондировал с разными банками через этих господ. Так что одновременно его всегда охраняло человек 9—10. . .

Председатель. — Будучи у него в квартире?

Хвостов. — Охрана департамента полиции была на лестнице; а комиссаровские агенты и ближайшая его охрана — те внутри квартиры, — все это под видом его охранителей! . .

Иванов. — Кем был назначен Комиссаров для наблюдения за Распутиным?

Хвостов. — Белецкий установил. Наблюдение — дело охранного отделения. Но все они проверяли друг друга: Белецкий не верил охранному отделению, а дворцовая полиция не верила им обоим. . . На это я натолкнулся, когда мне хотелось ближе подойти к действиям Распутина: но оказалось, это невозможно, в виду взаимного недоверия. . . Потом были охранные автомобили, которые охраняли Распутина. Затем был целый штат «секретарей», — целый штат охранников. . . Секретари там поочереди дежурили: очередь была правильная. Секретарей было 4 — 5. У одного из секретарей, Манасевича-Мануйлова, в распоряжении был военный автомобиль, за которым не могли угнаться охранные автомобили. Я сделал попытку, чтобы этот автомобиль отобрали, и сказал Поливанову. Тот отобрал, но приказано было снова вернуть! . .

Соколов. — Вы, по вопросу об охране Распутина, имели собеседование с журналистами, с Гессеном и др.: вы указывали, что, кроме этих охран, вы сами, по просьбе государя, установили личную охрану?

Хвостов. — Мне было объявлено Штюрмером, что я обязан охранять Распутина. . .

Соколов. — Штюрмер в качестве высочайшего повеления приказал охранять?

Хвостов. — Я потребовал бумагу и, так как этой бумаги не было, я не мог назначить этой охраны. Тогда он сам на себя взял и приказал Глобачеву назначить, вместо 3-х, 4-х — 24 агента. Одним из секретарей был Симанович, другим — Волынский (известный по делу Ал. Свирского); затем был инспектор народных училищ города Петрограда, — фамилию его я забыл (но его легко найти: я писал о нем графу Игнатьеву, требуя его увольнения, что граф и исполнил впоследствии). . . 4-й — Манасевич-Мануйлов, и женщина — секретарь, которая была при нем вроде сестры милосердия и которая была затем арестована. . . (фамилию ее я забыл, но не Петушинская). Она при нем жила на квартире. Эти секретари были при нем постоянно. Я задался целью выяснить: кто из них имеет политический характер и кто для проведения частных дел, для денежных интересов? Я успел обыскать их всех. Когда я начал их обыскивать, то у них у всех, у кого 20 —

30 дел — самых грязных дел! — было для проведения... В особенности у инспектора народных училищ и у Симановича... Запечатанные конверты с письмами Распутина, такого содержания: «Милай сделай!», — а по какому делу — не сказано... Эти письма могли ходить без его ведома...

Соколов. — На чье имя письма?

Хвостов. — Без адреса. Письма эти секретарь давал. Дела были самого грязного свойства! Там была история помилования 100 дантистов, которая дала секретарю около 100 тысяч (но Григорий получил только шубу и шапку)... Когда я начал обыски, то получил приказание прекратить их.

Председатель. — От кого вы получили приказание?

Хвостов. — Я получил от Вырубовой письмо от имени бывшей императрицы немедленно прекратить эти обыски; и обыски были прекращены, а секретари были Штюрмером выпущены. А все-таки дела были хорошо известны в охранном отделении!..

Смиттен. — У вас сохранилось письмо Вырубовой?

Хвостов. — Это письмо было потребовано Штюрмером лично: оно не было уничтожено, а было потребовано им по приказу Танеева...

Председатель. — А какого содержания было это письмо, вы не помните?

Хвостов. — Просто сказано: прекратить!.. Частичку этого письма успел сфотографировать мой приятель. Я такие письма рвал. Если какие-нибудь не разорвал, то, может быть, и найду...

Председатель. — Кто из ваших приятелей это сделал?

Хвостов. — Мне бы его не хотелось называть, но фотографию я постараюсь достать...

Апушкин. — В письме Вырубовой была ссылка на чье-нибудь распоряжение?

Хвостов. — Для меня было ясно: было просто приказание — «немедленно прекратить!..»

Апушкин. — Для вас не было сомнений в подлинности этого письма?

Хвостов. — Не было сомнений, так как я знал почерк Вырубовой.

Апушкин. — Кто вам его передал?

Хвостов. — Не помню — лично, или каким другим путем... но ясно было приказание — прекратить...

Председатель. — А вскоре затем пришел Штюрмер и потребовал это письмо обратно?

Хвостов. — Да, через два дня, — даже через день! Когда я это письмо получил, то по привычке (если неприятное письмо, то я его всегда рву)—прочел, разорвал и бросил в корзину... А когда с меня стали требовать, я говорю, что его у меня нет, но—к счастью!—оно в корзине нашлось, так что его пришлось подклеивать...

Соколов. — А в какой момент ваш приятель его сфотографировал: когда оно было уже разорвано?

Хвостов. — Моему приятелю хотелось иметь на память такую вещь, что Распутина хотели обыскать, но это не удалось!.. (Я не помню, — вышло ли, что оно разорвано.) Они думали, что я могу шантажировать, а я его разорвал на мелкие кусочки со злости, так что пришлось подклеивать на бумаге... Это страшный труд! Но иначе могли не поверить... Говорят: «вы спрятали его; покажите! — Такой важный документ!..» И этот документ удалось вернуть Танееву...

Председатель. — Самому Танееву?

Хвостов.—Одним словом,—Танееву: Штюрмер ли прислал или через Решетникова это письмо было возвращено... Я не помню фамилию, но тому, который был секретарем богадельни Вырубовой...

Около Распутина были: Симанович, Волынский, инспектор народных училищ... Имел влияние Мудролюбов — обер-секретарь св. синода. Он был в качестве постоянного секретаря по духовным делам, — тот самый Мудролюбов, который ездил с Питиримом в Ставку. Потом появился секретарь Питирима — Осипенко, который бывал у Распутина. В сущности говоря, Распутин создал Питирима!.. Он его переводил на Кавказ (тогда стала известна телеграмма Распутина: «Суслик на Кавказ, а к нам — благословенье»... Телеграмма ходила по рукам в Государственной Думе. «Суслик на Кавказ», — когда он устроил Питирима на Кавказ из другой епархии, а «к нам благословенье», т.-е. в Тобольск Варнаву: по-гречески Варнава значит «благословенье»... Варнава под этим «благословеньем» и шел с тех пор). Протежировал Распутин Питириму через Осипенко... Осипенко распоряжался всем, а Питирим, как манекен, делал то или другое, — что этому кружку было нужно!.. Питирим играл такую роль: он постоянно всем объяснял, что он с Распутиным не знаком, его не знает... Так что некоторые элементы прогрессивной группы Государственной Думы, как, например, латышский элемент, его посещали часто... Он и меня в этом уверял часто. Но, когда мне несколько раз говорили, что Распутин в лавре у Питирима, тогда я решил проверить и поехал сам в лавру, в сопровождении — я не помню кого; сопровождавший остался в швейцарской, сам же я поднялся вверх, без всякого доклада, и — застал Распутина, Питирима, Осипенко и др.!.. Питирим был в высшей степени смущен: он не знал, как найти клобук... Распутин говорил: «Что ты стесняешься?..» Был большой конфуз: Питирим меня уверял, что он не знаком с Распутиным, а я застал у него Распутина... Питирим, возмущенный на мой визит в лавру, после этого доносил на меня жалобу в Царское Село. Жалобы были не серьезны: что я посещаю Вилла-Родэ, пьянствую, — не серьезные жалобы... Но мне приходилось давать объяснения. Я отвечал,

что митрополиту не подобает и знать про такие места и знать, посещаю я их или нет (все это в комических тонах)... Мне даже некогда было туда ездить: все это были мелкие дрязги, мелкие истории! Мое впечатление было, что Питирим был в руках у всей этой компании. Мудролюбов, это человек дела, старый консисторский секретарь: он все знал — все делопроизводство. Первым делом обер-прокурора синода было увольнение Мудролюбова из синода, когда, по требованию Штюрмера, его взяли в Министерство Внутренних Дел управляющим духовными делами; а потом его сделали чуть ли не директором канцелярии синода (при новом обер-прокуроре). Вот это весь кружок. Моя задача состояла в том, чтобы выяснить, кто из них является шпионом и кто занимается мелкими делишками, чтобы заработать хлеб... Это разделение было в высокой степени трудно. Не могу с ясностью сказать, что такое вся эта компания (и Волынский и др.); может быть, они и шпионили, но уловить их я не мог... А в грязных делах они участвовали. Политического же давления они не оказывали, т.-е. они мне не попались в этом...

Председатель. — Т.-е. в шпионаже или в политическом давлении не попались?

Хвостов. — Теперь, когда я ушел, ген. Глобачев (начальник охранного отделения) выразил одному моему знакомому свое сожаление, что я относился к начальнику охранного отделения с недоверием и не спросил его об этом кружке, потому что он мне мог указать, кого нужно было и как обыскать, так что я бы знал, кого надо было искать и арестовывать. Я не был с ним откровенен; я только принимал его доклады. Доверия же тем, кто служил при Белецком, я оказывать не мог. Но ген. Глобачев, кажется, заслуживал доверия. Глобачев выражал сожаление, что я от него конспирировал... При Белецком, каждый из агентов посылал свое показание, — посылал в свое охранное отделение. И, кроме того, являлся с докладом Комиссаров к Белецкому и, повидимому, и начальник охранного отделения являлся к Белецкому. Большого труда стоило узнавать от них, что там делается. Но потом удавалось от разных лиц, в особенности от комиссаровских агентов, и кое-что и от него самого, а именно то, что там было огромное количество людей, вечная толкучка, вечный праздник... И потом, из тех *листков,* которые мне удалось получить, я имел возможность установить, что там велся дневник ежедневно, каждый час, каждую минуту о том, что делал Распутин (кроме того времени, когда его упускали из виду, когда его Мануйлов на автомобиле куда-то увозил или же он сам исчезал)... Записывалась каждая минута: «Пришла Шаховская», «поехал с Муней Головиной к Добровольскому», «вернулся», «поехал куда-то»... — все эти вопросы целиком освещались...

Но потом жаловались, что трудно уследить, куда он уезжал с Манасевичем-Мануйловым на военном автомобиле... Мне было крайне подозрительно: куда он на военном автомобиле уезжал? Справиться было невозможно, и потому мое внимание не столько сосредоточилось на Симановиче и Волынском, сколько на том, что Манасевич-Мануйлов, по каким-то темным делам, на военном автомобиле увозит куда-то Распутина: потому что, если не темные дела, — зачем же его так стремительно увозить, что его невозможно было догнать?.. Никакие охранные агенты его догнать не могли!.. Я попытался лишить его этого автомобиля...

Председатель. — А по чьему распоряжению был у него автомобиль?

Хвостов. — Генерала Поливанова... Повидимому из Царского Села было распоряжение дать ему автомобиль. (Этот автомобиль сперва ген. Поливанов отобрал, но получил предписание этого не касаться...) Я установил номер автомобиля (мне хотелось отнять его, так как я не мог установить, куда Манасевич-Мануйлов доставляет Распутина). И вот, мне удалось установить № автомобиля, но трудно было ездить за этим автомобилем... Мануйлов-Манасевич постоянно у него бывал, постоянно ему внушал... Он ему внушил назначение Штюрмера. Не Штюрмер создал Мануйлова, а Мануйлов создал Штюрмера! И не Питирим создал Осипенко, а Осипенко создал Питирима! Осипенко видел в Питириме фигуру очень ограниченную; а Мануйлов взял через Гришку того, кого нужно было, председателем Совета Министров и Министерства Внутренних Дел... Потому что Мануйлов был постоянно с ним... Принимая во внимание характеристику, которую имел Мануйлов по делам департамента полиции, — характеристику его, которую представил взятый мною товарищ министра Климович, — я в высшей степени отрицательно относился к Мануйлову, и у нас взаимно постоянно выходило недоразумение... Одним словом, началась борьба. При чем он находил, что я врежу тем, что начал расследование и шумлю по делу Распутина, обвинял меня при дворе, что разговорами о Распутине я колеблю престиж власти и трона, начал про меня пускать всякие небылицы в Царском Селе... Одним словом, борьба у нас шла вовсю — открытая!..

Председатель. — Мануйлов-Манасевич, как стоял в Царском?

Хвостов. — Он стоял близко к кружку Вырубовой: он там постоянно бывал, бывал у Распутина... Вырубова, с моей точки зрения, как мне казалось тогда (может быть, я ошибаюсь) — несчастная женщина, — истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина... Несомненно, Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем, никогда ни один гипнотизер не мог на меня подей-

ствовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза... И на эту дурковатую истеричку он влиял поразительно: она целовала полы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину, — всех он привозил, которые ему понравятся, всех он привозил к ней в гости, чтобы укрощать ее гордыню, — всех заставлял угощать, кормить, чтобы смирить ее гордость... Он заставлял ее делать все, что ему было угодно, чтобы показать ей свою силу! У Вырубовой бывало много лиц, она была завалена различными прошениями, которые она должна была передавать во дворец и исполнить их; что там исполняла, что нет — не знаю... Она была завалена десятками писем, прошениями и просьбами, при чем, — так как ее опутал Распутин, а ему близки были кружки низменные, — то прошения были грязного свойства. Рядом с прощением министра было письмо горничной о назначении ее при уборной такого-то вокзала, — вот этакие бывали прошения! Или: тот-то просит во дворце место для горничной. А так как компания была или Симановича или разных его знакомых, то прошения были дешевого свойства. И все это она с покорностью исполняла, повинуясь и покоряясь, слепо веря, что враги Распутина были врагами ее, а друзья Распутина были ее друзьями...

Председатель. — Как исполняла она эти просьбы?

Хвостов. — Мне кажется, что при дворе она была единственным человеком, которому доверяли всецело... С моей точки зрения, там запирались от всех и ко всем было полное недоверие, было подозрение, что каждый подходит к бывшему императору для того, чтобы что-нибудь получить: один — одно, другой — другое, а третий — третье... А тут казалось, что это преданная женщина, которая с 17 лет — в течение 20 или 10 лет — была во дворце... Потом говорили, что она так глупа, что она не может от себя выдумать какие-нибудь тонкости... Например, как бы серьезный человек ее ни назуживал, чтобы объяснить ей какую-нибудь политическую теорию, она его слов повторить совершенно не могла! А простые вещи, которые Распутин ей говорил, что у того «душа плохая», а у другого — «хорошая», — она хорошо понимала, это было доступно ее разуму, это она могла передавать... И ее слушались, не заподозревая ее в том, что у нее были виды. В этом кружке меня интересовало, кто же тут влиял? Мне казалось совершенно ясно, что Распутин был там центром, а остальные марионетки... Так что мое впечатление: кто близок к Распутину, к кому он благоволит, — благоволит и она. Благоволит он к Бурдукову, — благоволит и она к нему!.. Некоторое самостоятельное влияние на нее имели отец и мать Танеевы. При чем мне казалось всегда странным, что Танеев, заигрывающий с либеральной частью общества, друживший с Кривошеиным, Спа-

совичем и др., — в обществе ее проклинал, говорил, что это — позор семьи, ужас! — про собственную дочь свою говорил, что она от него открещивается... А за кулисами, как мне передавали разные лица, он сам постоянно звонил по телефону и бывал, постоянно общался с ней и был очень мил и дружен... И, повидимому, никаких проклятий не было; если бы проклятия, — то и отношений никаких бы не было! И вот мне казалось в высшей степени подозрительным, когда Танеев забил страшную тревогу с письмом, которое было написано ею и отобрано и которое содержало в себе угрозы по отношению ко мне... Это меня убедило, что Танеев был тут при чем-то... Ибо что же ему было особенно беспокоиться? Ведь он дочь проклял, — почему же он оберегал ее? Дочь написала письмо, — почему же он принимал такое участие? Говорили, что Танеев очень беспокоился: но что же я мог сделать с этим письмом — шантажировать? — Может быть, он думал, что я буду у ней просить пять рублей?.. Так вот — это кружок Вырубовой. Если кто-нибудь к ней обращался через Распутина, то она делала с удовольствием, беспрекословно, не имея своей критики. Я был у ней несколько раз, чтобы посмотреть, — есть ли там какая-нибудь критика?.. У меня была глупая мысль: нельзя ли повлиять, чтобы как-нибудь устранить Распутина? Я ей доказывал, что это необходимо сделать, думал подставить какого-нибудь монаха, который был бы без гадостей, не вел бы к гибели... Но ничего не удавалось: я всякий раз наталкивался на влияние Распутина! Когда, в конце концов, я потерял всякое терпение, — я сделал об этом доклад бывшему императору; он выслушал доклад вполне благонадежно, но ничего не ответил и ничем не реагировал. Было два таких доклада. После каждого доклада он передавал Александре Федоровне, которая сейчас же сообщала по телефону Распутину. Я не успевал вернуться к себе, как мне передавали, что Распутин ругается: «Как он смел? Я ему покажу! Я его прогоню: он был там, меня ругал»... У меня, к сожалению, этих докладов нет: при обыске, который был в моем отсутствии, их отобрали. Это было 28 февраля или 1 марта в мое отсутствие, когда я был в Орле. В мое отсутствие был произведен обыск возмутительного свойства: ворвалось 25 человек солдат (при чем с ними был студент), приставили детям маленький револьвер, отобрали письма к бывшему императору, копии, черновики (подлинники остались у него)... По счастью, у меня сохранилась копия письма, которую я передал А. Ф. Керенскому (чтобы при каком-либо вторичном обыске не отобрали бы и последнего документа!)... И из этого письма видно, что я докладывал несколько раз о Распутине, говорил, что это ведет к гибели царского дома. Там, в этом письме, было сказано... (документально, не голословно, а заявляю: можете проверить!) — в этом письме я просил быть принятым, чтобы дать объяснение по делу Ржевского и подтвердить о Рас-

путине... Несмотря на то, что царь ко мне относился хорошо, я не был принят, — по настоянию Александры Федоровны...

Председатель. — Во время этой борьбы с Распутиным Вырубова действовала на Александру Федоровну или непосредственно на бывшего императора?

Хвостов. — Нет, на Александру Федоровну... Борьба началась с моих докладов. А после ареста фрейлины Васильчиковой борьба приняла острый характер... Фрейлина Васильчикова прибыла с письмом от гессенских и голштинских принцесс: ничего серьезного эти письма не представляли, — содержание самое простое (копии были сняты мин. вн. дел)... Там было несколько писем, — одно было к Александре Федоровне, другое — к Марии Павловне; говорилось о том, что необходимо помнить, что всему виною Англия (все то, что вы читали в газетах); что мы так любим друг друга: русские — немцев, а немцы — русских; что бедная Германия стонет от этой войны; что, если бы не Англия, мы бы давно примирились: все валилось на Англию... Когда я узнал, что Васильчикова приехала, я сейчас же поехал в Царское, сразу доложил, что необходимо арестовать Васильчикову, и он дал мне право с ней поступить, как мне заблагорассудится. Я лично ее обыскал: я не доверял Белецкому, потому что я видел, что он все время охраняет эти кружки... Я сам поехал в Асторию, взял Белецкого и сам лично произвел обыск, т.-е. при мне обыскали... Я взял эти письма и, по моему распоряжению, сначала ее выслали в Черниговскую губернию... А потом, когда она стала протестовать и продолжала действовать, я предложил ее выслать в Вологодскую губернию, а департаментом полиции ей было назначено кормовое содержание, чтобы не умереть ей с голоду, потому что у нее не было никаких средств... Потом, по этому поводу, в прессе говорилось, что она была шпионкой департамента полиции: ей просто было назначено небольшое содержание, чтобы она могла существовать... После того, как Васильчикова была арестована, у меня начались большие обострения со всей этой компанией...

Председатель. — Какие обострения? в чем и в какой связи это находилось с Васильчиковой?

Хвостов. — Мне говорили, что Гришка ругается...

Председатель. — Остановитесь на этом: почему Распутин заступался за Васильчикову?

Хвостов. — Повидимому, под чьим-нибудь давлением: очевидно, кто-нибудь был недоволен.

Председатель. — Как вы себе представляете роль Распутина?

Хвостов. — Он был очень удобной педалью для немецкого шпионажа... Хотя я его не улавливал в шпионаже, но, логически, мне казалось, что он шпион, — не сознательный, а — орудие для шпионажа, потому что было очень легко через него узнавать, что делалось в Царском... Очевидно, немцы, как очень умные

люди, не будут узнавать через какого-нибудь писаря Ивана, а через того, кто осведомлен...

Председатель. — В чьих же руках он был орудием шпионажа?

Хвостов. — Мне кажется, что он был в руках немецкой агентуры. Я пытался их поймать, но не удалось... Было несколько подозрительных лиц, но данных у меня не было. Была у меня в подозрении графиня Гартонг: о ней велось расследование, которое потом было прекращено — еще до меня... Она была подозрительна. Потом была подозрительна княгиня Долгорукая, проживавшая в Астории: какая-то авантюристка, которая купила титул, вышла замуж за кн. Долгорукого, — и Распутин у нее бывал (впоследствии в этом убедили «листки», которые были сожжены)... Это видно из моих показаний по делу Рубинштейна: в этом показании я подробно изложил причину, почему я считал, что Распутин шпион...

Председатель. — Что эти листки в себе заключали?

Хвостов. — Они заключали такие факты. Один пример я помню ясно: Распутин ездил в Царское, и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... При чем Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того: покупать ли в Минской губернии леса или нет? (Потому что, если будет наступление, значит можно покупать: тогда они представили бы большую ценность; если же нет, если не будет наступления, — то не следует...) Мне сообщили, что Распутин поехал с таким поручением; а когда приехал, то, действительно, он рассказывал, что он говорил в Царском Селе. Он говорил об этом эпизоде так подробно, что он остался у меня в памяти. (Если бы я знал, что это понадобится, я бы все эти листки не сжег!.. Это я тогда подробно показывал по делу Рубинштейна. Можно из этого дела сделать выемку... Я это подтверждаю: тогда я показывал то, что было.) В этом деле я помню следующее. Распутин рассказывал так... Надо сказать, что трезвый он ничего не рассказывал, но ему нужно было бутылку портвейна или мадеры, и тогда он рассказывал. Лица эти знали, как с ним поступать, привозили его в ресторан, вливали в него бутыль мадеры, и он рассказывал, что он делал в Царском Селе. Я должен сказать, что он относился в высшей степени презрительно к личности бывшего императора и очень одобрял бывшую императрицу, говорил, что она умница, что она — Екатерина II, и вообще страшно восхвалял ее... Он так относился к бывшему императору, что сыщики становились втупик: им неудобно было записывать в листки, а между тем, они должны были записывать все. Он его иначе не звал, как «папашка»: «Приезжаю я, говорит, в Царское, — вхожу: папашка сидит грустный... Я его глажу по голове и говорю: что грустишь? — Он говорит: — «Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя!»... И привел

один факт, — рассказывали ему, будто бы часть войск, полк, приводили представляться, и он проходил в новых сапогах; затем, проходил другой полк — тоже в новых сапогах: оказывается, они за пригорком переобувались, будто бы это Саблин установил... (Я просил проверить, расспрашивал Вырубову: не было ли такого факта? Она говорит: «Да! это ужасно, что Саблин выяснил»...) Так вот, бывший император говорит: «Наступать нельзя»... «Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. «Ружья будут только через два месяца: раньше не могу»... Нужны ли были Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес, или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и чтобы потом могли послать 5 — 6 корпусов на Верденский фронт, — это трудно установить... В деле о шпионаже Рубинштейна, Манасевич-Мануйлов, как опытный человек, мог отводить — как старая лисица от норы — всякое дело!.. Мне кажется, что потому дело Рубинштейна не поставлено на суд и не будет поставлено: потому что такой опытный человек, как Манасевич-Мануйлов мог отводить, куда угодно... Если посмотрите дела департамента полиции, — надо удивляться, как он еще не сидел: за мошенничество его потребовали из Франции, за мошенничество из Италии... Ген. Климович утверждал, что это одна десятая часть того, что было на самом деле... Когда у меня были эти сведения собраны, я сделал государю категорический доклад. Он отошел к окну, не хотел слушать, делая вид, что это его не интересует... Я его попросил выслушать. Доклад был настолько полный, настолько удалось повлиять на него, что он отдал в мое распоряжение Белецкого и Комиссарова и сказал: «Делайте, что хотите, и возьмите в товарищи министра кого хотите. Я вам верю!..»

Председатель. — Когда это было?

Хвостов. — За неделю или полторы, — в начале масленицы в 1916 г. Одним словом, путем этого доклада удалось его убедить, и он прямо позволил — одного назначить в Иркутск, а другого в Ростов... Я просил назначить только подальше!.. Ибо, если я их оставлю, они все равно будут поперек дороги... А места даны хорошие: я думал, что они будут безвредны. А там, месяца через 3 — 4, и с ним, Распутиным, расправлюсь! Все это было так и сделано. Таким образом я сейчас же Шадурского переместил в товарищи министра; Коробкова, как человека сурового,—в директора департамента общих дел, а Плеве, на которого я не мог рассчитывать, — сенатором; а на место Плеве — Пильца, заведомого врага Распутина, который мне помогал в Ставке, подготовлял почву против Распутина; я надеялся, что, благодаря тому, что я беру Пильца, мне легче будет... Потом я взял Климовича — техника сыскного дела, так как я на себя не брал ответственности за охрану царской семьи. Мне нужен был человек, который бы был враждебен Штюрмеру (в это время Штюрмер был председа-

телем Совета Министров). Я знал, что Климович враждебен Штюрмеру: я слышал, как он возмущался назначением Штюрмера. Мне нужно было подобрать такую компанию. Я думал, что раз мне удастся устранить Белецкого и Комиссарова — потом я примусь за Штюрмера: он уже останется один, без департамента полиции, без помощи, которую ему Белецкий мог оказать, и что, таким путем, мне удастся и со Штюрмером покончить... Но тут они мне инсценировали дело Ржевского... Я не могу скрыть, что с моей стороны были некоторые попущения...

Соколов. — Вы говорили о кружке Распутина и сказали, что одни секретари обделывали имущественные дела, а другие имели политический характер. Мне бы хотелось, чтобы вы дали сведения, какова же политическая сущность этого кружка: чего он добивался во внешней политике и во внутренней? Какими признаками это можно характеризовать?

Хвостов. — Пожелания на их знамени были отличны от тех, которые были в действительности... Их знаменем была поддержка царского дома, — поддержка несколько однобокая: в лице Александры Федоровны... — Это было политическое знамя. Под этим знаменем каждый воровал и крал, сколько мог...

Соколов.—Это не политическое знамя, а чисто корыстное...

Хвостов. — Их знаменем была поддержка единства России не в лице слабовольного человека, каким они считали, с точки зрения Распутина, императора, а в лице будущей Екатерины II — Александры Федоровны...

Соколов. — А помимо отдельных слов Распутина, хорошо рекомендовавшего императрицу и отрицательно характеризовавшего императора, проявлялся ли политический характер в каких-нибудь словах и выражениях Распутина? Проявлялись ли в нем германофильские тенденции?

Хвостов. — Этого мне не удалось узнать... Я считаю, что он был не сознательным шпионом.

Соколов. — Независимо от шпионства можно отстаивать программу, что надо прекратить войну в интересах России, в интересах династии...

Хвостов. — Распутин настолько знал мое мнение, что, когда я пытался его наводить на эту тему, чтобы быть более осведомленным, он каждый раз произносил какие-то туманные пророчества...

Соколов. — Выходит, что они своим вождем считали молодую императрицу. Каковы были ее воззрения, какова ее программа?

Хвостов. — Она была со мной в высшей степени осторожна и производила впечатление очень умной и блестящей... Но до того момента, пока не касались вопроса религиозного...

Соколов. — Последнее меня не интересует... Вы говорите, что она умная и образованная: она говорила с вами, как с министром внутренних дел, касалась тем политических, государственных?

Председатель. — Для характеристики будьте любезны и религиозного вопроса коснуться...

Хвостов. — Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным...

Председатель. — Что же? Вся религиозность сводилась к Распутину?

Хвостов. — Религиозность была захвачена Распутиным — это был «пророк», который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом.

Председатель. — Что же тут подразумевалось: сверхъестественное происхождение Распутина?

Хвостов. — Она намекала, что ждала, когда я из неверующего обращусь в верующего, но этого мне не говорила.

Председатель. — В разговорах с вами она избегала вопросов политических и вопросов войны. А что вам было известно через других лиц об ее отношении к этим вопросам?

Хвостов. — Это меня интересовало. И через Вырубову я пытался узнать и сам подымал вопрос: почему то-то и то-то распоряжение было?.. Там принимали часто гр. Палена (это был председатель евангелических обществ). У меня было заготовлено несколько проектов о лишении приходов их чисто немецкого характора (чтобы чисто немецкий кастовый характер духовных консисторий уничтожить), я подозревал, что она мешает проведению этого... Я пробовал это говорить... И, когда говорил, что она немцев поддерживает, то Вырубова и другие говорили, что она так самолюбива, что не будет поддерживать Вильгельма, и желает сохранить престол для своего сына; что все делается для сына, которого бог дал при помощи распутинских пророчеств... Что-то мистическое было в ее любви, помимо любви матери к сыну... И, казалось, она не поступилась бы своими интересами и интересами России ради торжества Вильгельма, который далек и с которым у гессенских свои счеты. Так что, как я ни пробовал найти отголосок немецких симпатий, — я их не нашел.

Соколов. — Это относительно внешней политики, а по внутренней имелась какая-нибудь программа?

Хвостов. — По внутренней — ограждение самодержавия.

Соколов. — Усиление царской власти или предоставление прав обществу?

Хвостов. — Никаких прав обществу, но безусловное и определенное ограждение своих интересов. На этом я строил подозрение, что это немецкие шпионы, что они давят на Распутина и втолковывают ему разные действия и назначения, которые возбуждают общество, т.-е. действуют провокаторским путем, чтобы сеять пропасть между обществом и царем. Это отчасти было пред-

метом моего доклада, что мы не знаем, кто влияет на Распутина: враги или нет... С другой стороны, я должен сказать, что месяца за 2 — 3 до посещения бывшим императором Государственной Думы (значит еще в декабре) был такой листок: — «Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того, чтобы сидеть на лестнице, лучше у него посидеть; для него же это компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит: кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался?..» Он говорит: «Сказано мне подумать, как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь?»... Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит?»... Распутин говорит: «А знаешь что? Я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать»... После этого мне было смешно, когда несколько либеральных членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза... Я собрал все доводы, чтобы поколебать это положение: получил все назначения, но тогда он пошел к ней, а она сказала Распутину, и когда я приехал, — все было известно... Потом наступило говение... Я слышал от лица, которое было при этом говении, что царь позвал его, Распутина, вместе причащаться и говеть, и в день причастия они обнялись, и государь сказал: «Мы никогда с тобой не расстанемся, и ты ничего не думай». Распутин говорит: «Мне нужно уехать и я приехал проститься!»... Царь сказал: «Мы не расстанемся с тобою — ни за что на свете!»... Тогда-то он вынул бумажку: мою отставку...

Соколов. — Кто вам это сообщал?

Хвостов. — Мне говорили, что это было рассказано со слов духовника Васильева.

Соколов. — У Распутина они находились под известным религиозным влиянием. Вероятно, около них был и кружок культурных, образованных людей, с которыми они совещались? Не можете ли вы характеризовать этот кружок?

Хвостов. — Там часто бывал гр. Пален... Я сказал Вырубовой: «Как же вы говорите, что императрица не за немцев, а Пален там всегда торчит?..» (Пален был мой враг.) На это Вырубова сказала, что Пален там просто бывает... Воейков держался Распутиным, и Андроников был его осведомителем по разным политическим делам. (Я проверял потом: Андроников действовал через некоторых командиров.)... Воейков, когда с ним приходилось говорить о Распутине, разводил руками и говорил, что он ничего не может

поделать, что он бессилен... Так как с ним был хорош Пильц, то я напускал Пильца, с которым я был в хороших отношениях, и он точил Воейкова и осведомлял меня, что Воейков говорит по этому поводу: он заявлял, что он его убедил, что он понимает, но дальше этого не пошло. Может быть, Воейков боялся сказать... По крайней мере, Кауфман Туркестанский, с которым я в хороших отношениях, тоже имел разговор и потерпел фиаско... Но меня интересовал с точки зрения немецкого влияния Фредерикс: мне кажется, он выжил из ума окончательно (например, в Ставке, он раз чуть в окно не вышел вместо двери)...

Председатель. — А из фрейлин кто?

Хвостов. — Там были: Воейков, Фредерикс, Пален, кн. Н. Д. Голицын, — по делам благотворения... Потом гоф-лектриса Шнейдер, которая там пела и читала; статс-дама Нарышкина (но она политических дел не касалась: могла оказать протекцию). Придворная партия Александры Федоровны хотела провести кого-нибудь из своих людей, но мне получить кого-нибудь из придворной партии не хотелось. Мне хотелось взять человека, который, с моей точки зрения, был бы добропорядочный и ограниченный настолько, что не может иметь особого влияния. Надо иметь кого-нибудь... Просто взять — нельзя, потому что надо иметь поддержку при дворе: я остановился на Татищеве, — человеке в высшей степени порядочном...

Соколов. — Кто из политических друзей мог иметь на императрицу влияние? Был ли у нее кружок лиц, с которыми она советовалась о политических делах?

Хвостов. — Я такого кружка не знаю. Там были две-три молоденькие фрейлины... Я имел разговор по этому поводу с бывшим императором. Я говорил ему: «Вас окружают лица и разные кружки» (я повторил его слова): — «Каждый желает что-нибудь выманить, каждый из них желает, очевидно, что-нибудь получить»... Так что, если у вас будут о чем-нибудь ходатайствовать или что-нибудь проводить, — я на то и министр внутренних дел: если вы мне скажете, я расследую первопричину: какой из кружков может производить давление на того или этого генерал-адъютанта... Я говорил ему, что эти генерал-адъютанты могут быть под подозрением... Он сказал мне: «Неужели вы думаете, что на меня может кто-нибудь влиять, что я могу поддаваться влияниям? — Мы с императрицей никого не видим, ни с кем не советуемся: вместе решаем вопросы»... Как мне приходилось выяснить через дворцовую прислугу (чтоб знать, что делается во дворце) — они, действительно, сидят втроем: Александра Федоровна, Николай II и Вырубова... Саблин чаще других бывал...

Соколов. — Его должность какая?

Хвостов. — Дежурный флигель-адъютант... Сестра Вырубовой (Пистолькорс) бывала, как ее сестра: она там пела дуэты с бывшей

императрицей, пела английские романсы, — это я знаю, так как видел сам эти романсы... Она была сама не самостоятельной величиной, а так сказать — при Вырубовой. И к ней благосклонно относился Распутин, т.-е. — так говорят... Он на нее смотрел не как на политическую величину, и чрез нее никаких просьб не проводилось. Она просила меня одного флигель-адъютанта провести в вице-губернаторы... А между тем, будучи там (так как она пела дуэты), она имела возможность только намекнуть императрице или кому-нибудь другому, и этот флигель-адъютант был бы сделан губернатором, не только вице-губернатором... Настолько ее политическое влияние было мало, что я даже не обратил внимания на ее просьбу: это не была политическая величина. Там был еще близкий человек — Нилов, но он относился враждебно... Нилов — пьяный человек, и его любили за морскую грубость, потому что, будто бы, за этой грубостью скрывается правдивость, чистота: если человек груб, думают, что он правдив... Там всегда было искреннее страстное стремление услышать правду, но всегда нападали — то на Распутина, то на глупого морского волка... Потом — Саблин; мне представляется совершенно ясным, что это был человек преданный, но человек бедный... При дворе жить без средств трудно, а они не догадывались никогда для своих приближенных сделать в денежном отношении жизнь приличной, как это делалось раньше... Что же? Несчастный флигель-адъютант живет на две с половиной тысячи: ведь этого на чаи не хватает!.. Лакеев, гоф-фурьеров сто человек: всем надо дать на чай — и как давать... Откуда взять? — Жалованья всего две с половиной тысячи; в чины их не производят, потому что сам император полковник и о чинах не думает; они отстали от своих сверстников, они только что в генералы произведены, а их сверстники давно уже генерал-лейтенанты!.. Денег нет, — он и связывается с какими-нибудь господами: то с Манасевичем-Мануйловым, то с золотопромышленным обществом, или играет на бирже: нужно же как-нибудь промышлять!.. Вот как мне кажется... А, может быть, Мануйлов его уловил...

Соколов.—А у самого Саблина политическая программа была?

Хвостов. — Не думаю... Политическая твердость и преданность — да: это человек исполнительный... Они выбирали таких людей, и положение их было трагическое. Говоришь одному, говоришь другому, — каждый с вами соглашается; но сказать *там* — никто не смеет!.. Целый вечер — в шахматы, в шашки: могли бы сказать, но не смеют... При дворе было шестнадцать, семнадцать, приблизительно: Нарышкин, Долгорукий, Бенкендорф, Мейендорф, и т. д. Каждый из них следил за другим с страшной ревностью и боялся, как бы другой не получил больше, чем, по военному чину, ему полагается. Эта слежка за тем, чтобы один через другого не перепрыгнул, не попал бы в министры двора, создавала полную

нивелировку: никто не смеет ничего сказать, у каждого из них своя роль. Скажешь им что-нибудь,—они говорят: «Я только двери открываю!» или: «Я только в шахматы играю!»... И тот считался тактичнее, который о политике никогда не упоминал. По отношению к Распутину они делились на две части: все знали о нем, но некоторые вели знакомство и пытались на него опереться, а некоторые с ним совершенно не были знакомы... Так, например, Нарышкина, старая женщина, жившая здесь постоянно, когда с ней заговоришь о Распутине, то она говорит, что она такого не знает. Между тем она остается там служить... Ведь Тютчева, когда узнала о нем, не стала служить, а Нарышкина, которая знает о нем, видит его влияние, говорит: «Я не знаю, нет!.. Я не знаю его, — я закрываю глаза»... Фредерикс, который видит, что Распутин ведет к гибели, когда ему говоришь об этом, отвечает: «Нет, я такого не знаю!.. Я этого мужика не знаю»... — Таково желание: и оставаться там и, вместе с тем, закрывать глаза на подобные явления... Нилов, как мне передавали, пробовал действовать против Распутина... Но раз или два его оборвали, — и он перестал... Он стал вести свои дела насчет выпивки, не касаясь уже насчет политики... Воейков, единственный человек, который, как мне казалось, мог что-нибудь сделать; но и тот клялся, что он влиял, но из этого ничего не вышло... В последний раз (когда я получил отставку), я все ему объяснил, — он сказал мне: «Да, что же делать, мы все идем к гибели!»...

Соколов. — Вам известно его отношение к Германии с одной стороны, и к союзу нашему с Англией, Францией и Италией — с другой?

Хвостов. — Я с ним беседовал по этому поводу: он, в этом отношении, был определенно за войну... Может быть, потому, что он знал мое мнение...

Соколов. — Граф Фредерикс имел большое личное влияние на Царское Село?

Хвостов. — Бог его знает...

Соколов. — Может быть у него были другие лица, влиявшие на бывшего императора: его личный секретарь, чиновник для поручений?

Хвостов. — Я не знаю. Я знал только, что его дочь за Воейковым...

Соколов. — А лиц, окружавших Воейкова и Фредерикса, вы не знали?

Хвостов. — После меня появился какой-то Гротгус...

Соколов. — А Гротгуса вы сами не знаете?

Хвостов. — Нет. Потом, Мейендорф, Бенкендорф, — они производили вполне казачье впечатление: ходили в папахах...

Соколов. — А полковника Ломана вы не знали?

Хвостов. — Я слыщал о нем, видел его... Это был приятель Белецкого.

Соколов. — Он был ктитором Федоровского собора. Он был близок к Распутину? Бывал у Распутина?

Хвостов. — Да, бывал.

Соколов. — А дочки императора бывали?

Хвостов. — Я хотел докончить... Я хочу сказать о генерале, который заведывал дворцом — князе Путятине, который тоже не смел слова сказать (пожимал с сочувствием руки, но слова сказать не мог). Нарышкин не умеет двух слов связать, но он честный человек (и он там теперь остался: не лягается — не так, как поступили Голштин-Готорбские со своими разоблачениями!) Но — недалекий человек и о политике двух слов связать не может... Я старался выяснить, нет ли там еще кого-нибудь... Меня интересовал образ Елизаветы Федоровны. Получив письмо Васильчиковой, я сделал маленькую пробу: письмо Васильчиковой я запечатал и послал ей (якобы от Васильчиковой)... О ней ходили слухи в Москве, что она шпионка... Но, оказывается, она не приняла посылки, вернула письмо нераспечатанным и написала министру внутренних дел: «По газетам я узнала, что приехала такая-то, прислала мне письмо, которое я посылаю для вскрытия, потому что это от женщины, с которой я не желаю иметь ничего общего»... Вообще очень критически она отнеслась к этому... Несколько раз пробовал я говорить с Васильчиковой о Распутине: она тоже была в ужасе и говорила мне, что она больше о Распутине говорить не может, потому, будто бы, что ей грубо в Царском сказали, чтобы она не смела вмешиваться...

Соколов. — А дочки по отношению к Распутину делились или одинаково к нему относились?

Хвостов. — Мне казалось, что делились в это время... Но теперь я узнал, что иконка положена от всех.

Соколов. — А тогда, как вам казалось?

Хвостов. — Тогда казалось, что Ольга относилась к нему не благожелательно. По отношению к Ольге он вел себя бесчестным образом: он распространял всюду слух, — всем говорил, — что он с Ольгой в близких отношениях... И говорил он это всем тем, кто приходил для проведения своих дел, для того, чтобы показать свое величие. Он говорил: «Мать мне надоела: я с дочкой, Ольгой»... Так как он неоднократно позволял себе это говорить, я очень этим заинтересовался. Один раз он позволил себе в присутствии нескольких лиц сказать: «Хотите я вызову Ольгу? Она в Петрограде, она ко мне приедет...» Мне об этом сообщили, тогда я приказал арестовать ту, которая приедет, — все равно, кто это будет: приедет Ольга, — Ольгу арестовать... Но, оказалось, что это была публичная женщина с Глазовой улицы: шубка такая, похожа... А провинциалы думали, что он, действительно, Ольгу к себе вызывает... Этот случай убедил меня в том, что для спасения родины нужно от него избавиться... Другие дочери относились к нему

с почтением; может быть и роптали, но с почтением относились: потому что, живя в атмосфере безусловной веры со стороны матери, и они, может быть, веровали... Потом я узнал с большим удивлением, что на образке написано «Ольга» (может быть, фиктивно, т.-е. мать написала, заботясь об ее душе, без ее ведома; может быть, она сама написала)... Но мне казалось так (и в кружках говорилось), что Ольга относится к Распутину отрицательно. Маленький факт я связываю с этим: когда я удалился в отставку, когда была назначена за мной слежка, я поехал в Елец, агенты поехали за мной... В это время моя сестра была в Севастополе. Туда поехала царская семья, и одна дама ничего лучшего не нашла сделать, как сказать, представляя мою сестру: «Это сестра бывшего министра внутренних дел». Александра Федоровна моментально повернулась спиной, а Ольга демонстративно подошла к ней и беседовала с ней. Это маленький факт... Но я был убежден, что у нее с Распутиным не было никаких отношений, а этот факт подтвердил мое мнение... Так что, если есть надпись на иконе, то это могло быть помимо нее... Я думаю, в делах охранного отделеиня, если оно не сожжено...

Председатель. — Вы затронули тему о том, как нужно избавиться от Распутина, и упомянули о Ржевском...

Хвостов. — Я решил отделаться от Распутина и потому раньше входил в те или другие отношения с Комиссаровым и с некоторыми другими агентами, — которым все равно, что сделать... Но они меня надули, водили за нос. Между тем, я массу денег выдал... А потом меня подводили несколько раз, но нельзя было доказать моего участия во всех этих предложениях, так как никто, в таких случаях, бумаги не дает... — Письменного предложения не было: как доказать?.. Поймают человека, который с чем-нибудь пришел: как связать его со мной? — Мало ли что: он пришел от себя, а на меня показывает!.. Белецкий все знал, как потом оказалось, — все Распутину передавал: каждый наш шаг, каждый наш разговор были ему доподлинно известны... Он вел мастерски наблюдение!.. В конце концов, вышло так, что люди эти доходили до полного отчаяния, а уловить меня нельзя — царь тогда хорошо относился ко мне... После же отставки моей уже трудно было доказать, как я действовал, и тогда они прибегли к инсценировке покушения. Раньше говорили: «Он задумал нечто такое, но он бумаги на себя не даст». А дело Ржевского — тут им удалась инсценировка, благодаря тому, что я дал бумагу на себя... Им этого только и нужно было... Дело заключается в том, что Иллиодор пытался заграницей издать книгу: «Святой чорт». Об этом обеспокоились в Царском Селе, так как Иллиодор решил издать эту книгу и разбрасывать ее с аэроплана по фронту войскам... Хотели ее купить сразу. Но если и купить, он может по черновику опять издать, следова-

тельно, может шантажировать: «Купите, — год не выйдет»... Получит еще столько-то, — опять, «не выйдет»... Мне самое важное было войну кончить: и тогда, — пиши, что хочется!.. Надо было послать человека, знакомого с Иллиодором. А в это время в составе охраны был Ржевский. Он мне был знаком по Нижнему-Новгороду, он был корреспондентом тамошней газеты и газеты «Русское Слово», и, как корреспондент «Русского Слова», проник к Иллиодору, когда тот был заключен... Это ловкий аферист. Я считал, что нужно послать кого-нибудь знакомого Иллиодору, потому что с незнакомым он не войдет в соглашение. Мне сказали, что с ним знаком Ржевский. Я позвал к себе Ржевского и говорю ему: «Дело очень щекотливое!» (А в это время Белецкий вел против меня кампанию, потому я никому другому не мог поручить это дело...) Я решил послать Ржевского. Вызвав к себе его, я предложил ему деньги. Он говорит мне: «Нет, денег мне совершенно не нужно: вы потом мне заплатите за это дело... А вы мне дайте право на приобретение валюты»... Дело же было так: в это время было большое затруднение с приобретением валюты, а, между тем, русских денег нельзя вывозить, нельзя поехать с русскими деньгами, — нужно валюту купить здесь. (Была здесь большая заминка с валютой: можно было валюту приобрести через кредитную канцелярию в Государственном Банке, — и то так, что каждый из тех, кто работает на оборону или из правительственных чинов, должен писать об этом предложение в кредитную канцелярию; кредитная канцелярия дает предложение Государственному Банку — отпустить такому-то за деньги русские такую-то сумму... Целая канцелярская волокита: пять мест! — «исходящие», «входящие» — нужно написать, и тогда получить...) Ржевский отказался от денег, а от Белецкого, по книге расходов, получил пять тысяч на расходы — совершенно самостоятельно от департамента полиции, как потом об этом в газетах и было напечатано... Мне же он говорил, что денег ему не нужно, а нужно ему предложение о валюте... Я говорю правителю канцелярии: «Написать предложение о валюте в кредитную канцелярию» (не помню, сам ли я подписал или правитель канцелярии, — во всяком случае, по моему распоряжению, написано предложение в кредитную канцелярию)... Предложение идет в кредитную канцелярию. Там все записывают: одним словом, несколько документов, которые связывают меня, — что я предлагаю эту валюту дать... Потом Ржевский едет и на каждой почти станции скандалит: то того оскорбит, то другого, и говорит: «Вы меня не смейте трогать!..» Сейчас же об этом доносят, и остается письменный след, что Ржевский проехал с особым секретным поручением министра внутренних дел... Потом, он приехал туда, и начинает из Христиании своей любовнице телеграммы писать:

«Успех дела...», «Третий будет...» На телеграфе Манасевич-Мануйлов перлюстрирует и подкладывает в досье... Выходит: министр внутренних дел сидит на месте, а досье составлено из таких телеграмм!.. Он телеграфирует, а не я!.. Когда Белецкий арестовал его, у него нашлась особая тетрадочка — все отпуска его телеграмм, все это нашли! Выемку производил Манасевич-Мануйлов и все следствие вел. Ржевского арестовали на границе и сделали выемку на квартире. Следствие производили двое: Манасевич-Мануйлов и Осипенко. Когда на процессе председатель спросил, почему Осипенко производил следствие, он говорит: «Потому что Манасевич-Мануйлов был заинтересован в этом деле...» Вот каким образом они производили следствие...

Председатель. — Тогда вы были министром?

Хвостов. — Да, я был министром... Но раз у кого в руках деньги и охрана, — тому и служат... Все это было у Белецкого — они ему и служили... И, таким образом, я очутился в таком положении... Наконец, Ржевский имеет нахальство мне телеграфировать: «Позаботиться о том, чтобы были даны деньги трем лицам, о которых я телеграфировал...» Он думал, что я эту телеграмму разорву; а я ее Штюрмеру послал... Вот тут положение было трагическое, потому что начальником охранного отделения был уже Глобачев. (Белецкий ушел.) Ржевский ему подчинен — он же должен производить дознание при помощи охранных чинов... Ржевский — то ко мне, то к Штюрмеру! — Говорит: «Ради бога простите!» Мне председатель Совета Министров говорит об опасности... Человек не знает, куда деваться... Развал полный вносится в среду жандармов!.. И, в конце концов, когда такое досье набрали, все это Распутин возил в Царское Село; при этом Распутин требовал, чтобы царь сам производил допрос этих публичных женщин, которых он набрал в свидетельницы, но этого не случилось... И Распутин Штюрмера ругал дураком, что он не заметил... Это дело возобновлялось несколько раз: его пытались куда-нибудь пристегнуть... Следствие вел и Манасевич-Мануйлов с Осипенко, которые никакого следственного материала иметь не могли. Тут видна была какая-то простая и грубая инсценировка: они знали, с какой публикой они имели дело — с нее и этого было достаточно! Ржевский сам говорил, что для того, чтобы убить Распутина...

Председатель. — Вы перешли к этому рассказу от утвержденая вашего, что вы дошли до полного отчаяния и решили, что как-нибудь нужно от Распутина отделаться.

Хвостов. — Это было раньше, чем начались мои опыты отделаться; это было довольно быстро, — в течение трех недель... А через неделю уже инсценируют!

Соколов. — Может быть, вы расскажете о ваших попытках по отношению к Распутину...

Хвостов. — Я говорил Комиссарову: «Нельзя ли, как-нибудь, когда Распутин поедет пьянствовать, его пришибить?» Пробовал через агентов подходить.... У меня был адъютант преданный... Он лет 11 при мне состоял (еще когда я был губернатором в Новгороде). Он был на войне, был тяжело ранен, я его выписал из больницы и взял к себе, как бывшего по четвертой очереди... Он казак, который бы на все пошел... Но казак тоже иногда ничего не может сделать!.. Он человек провинциальный: фамилия его Каменков...

Председатель. — А что вы знаете о деятельности Штюрмера?

Хвостов. — Относительно Штюрмера я пытался что-нибудь реальное узнать, но, кроме рассказов, ничего не узнал: документов не видал...

Председатель. — Как он был назначен?

Хвостов. — Он был назначен по требованию Манасевича-Мануйлова...

Председатель. — Он был назначен, когда вы были министром внутренних дел?

Хвостов. — Да, при мне, — по настоянию Распутина.

Председатель. — Почему вы знаете?

Хвостов. — Распутин сам говорил, что я чолод, что царь хочет меня сделать председателем Совета Министров, но, что это не нужно, что нужно посадить надо мной «старшего...»

Председатель. — Как Штюрмер сошелся с Распутиным?

Хвостов. — Он раньше виделся с ним... А потом Манасевич-Мануйлов устроил свидание в квартире своей хорошей знакомой — Лерма, там они и видались... (Один из планов избавиться от Распутина был, когда он шел на свидание к ней.) Потом они видались на квартире гр. Борха... Это тоже темная личность...

Председатель. — К какому же кружку вы относите Манасевича-Мануйлова?

Хвостов. — Безусловно, к Распутинскому, а не Андроникова... Он может быть бывал у Андроникова, но он гораздо важнее в глазах Распутина, чем Андроникова... — Я могу рассказать подробности в отношении того вопроса, который вы мне предложили, — в отношении того, как Комиссаров взялся уничтожить Распутина, но потом торговался с Белецким (кто больше даст, кому выгоднее служить?). Тогда ему не поверили, что он обладает возможностью уничтожить Гришку. Чтобы доказать, — он отравил всех кошек на квартире Григория: значит, он мог бы и самого Распутина отравить... Это послужило ему доказательством перед Белецким, перед тем кружком... Когда Распутин вошел и увидел, что кошки все дохлые, он говорит: «Это князь Андроников перетравил кошек!...» В результате

Андроникова в Рязань выслали... Тут же, вместе, мешается трагизм государства в таких фактах!.. Манасевич-Мануйлов больше влиял на Питирима. Манасевич-Мануйлов вел раньше иностранную агентуру и наблюдал за послами, при этом неизвестно, в чью пользу это наблюдение... Это в высшей степени опасный человек!.. И этот Манасевич-Мануйлов сажает Штюрмера. Гришка говорит: «Хотя он старый, но ничего! — справится...» К Штюрмеру Распутин относился с презрением: — «Он, — говорит, — ничего: «хороший!..» — и через Манасевича-Мануйлова действовал на Штюрмера, как ему было угодно...

Соколов. — Почему Манасевич-Мануйлов пожелал посадить в председатели Совета Министров Штюрмера?

Хвостов. — Он его раньше знал в Ярославле. (Манасевич был агентом заграничным, у него чинов не хватало...) Он был в Ярославле начальником арестантских отделений при Штюрмере, и там они познакомились. При постройке был тюремный инспектор, который подробно рассказывал о постройках в Ярославле...

Председатель. — К какому времени это относится?

Хвостов. — Это было лет 20 тому назад... Штюрмер пришел с фирмой определенной и ясной... Мне хотелось, кроме фирмы, каких-нибудь доказательств принадлежности к немецкой партии или к иудейской... Прежде, говорят, он был вхож к немецкому послу: было ли это по консервативным убеждениям или так, — но, во всяком случае, фирма была самая печальная!.. Сразу были выгнаны из Министерства Внутренних Дел разные экзекуторы, которые требовали отчета... Одним словом, он свои счеты сводил с теми, кто ему мешал, когда он заведывал департаментом общих дел... Манасевич-Мануйлов стал своим человеком, и все стало через него делаться... Я слышал, будто один француз — Риве, который участвовал в разных делах с Манасевичем-Мануйловым, вместе с ним издал биографии русских государственных людей и что там были такие, за которые Штюрмер заплатил большие деньги, — чтобы книга эта не вышла в свет...

Председатель. — Что вы знаете относительно желания Распутина провести в Военное Министерство ген. Беляева?

Хвостов. — *Я* это знаю по «листкам...»

Председатель. — А эти листки документировали те разговоры, которые слышали ваши агенты у Распутина?

Хвостов. — Лично я ничего не слыхал, и с Распутиным о Беляеве ничего не говорил. Но эти листки говорили, что Распутин очень хвалит Беляева. Ругая Поливанова, он говорил: «Вот Беляев хороший министр был бы, — что там папашка смотрит!..» и т. д. Потом, будто, он рассказывал, что он ничего поделать не может с Поливановым: «Папашка не хочет его увольнять!.. Александре я сказал, что бог желает, — а папашка уперся... Что же ты сделаешь!..»

Председатель. — Каким образом Беляев сошелся с Распутиным?

Хвостов. — Я это объяснял просто известным карьеризмом: Беляев был товарищем, а ему хотелось быть министром.

Председатель. — А вы не успели себе выяснить, какие силы стояли за спиной Белецкого?

Хвостов. — Я считал, что Белецкий просто желает сесть на мое место! Меня на эту мысль наводило то, что он не переезжал из своей квартиры и чего-то ждал: мне казалось, что он прямо хотел переехать на Фонтанку и что он это подчеркивает...

Председатель. — Вы не можете ли сказать, верно ли это?

Хвостов. — Мне противен стал Белецкий, потому что его хвалил Распутин, а тот, кого он проводил, мне делался неприятен...

Председатель. — Откуда у вас убеждение, что Распутин пользовался безграничным доверием как самого отрекшегося императора, так и императрицы, что они с ним совещались по самым важным государственным вопросам?

Хвостов. — Я вынес это впечатление, потому что, например, скажет Распутин «папашке» поехать в Думу, — и поедет!..

Председатель. — Так что назначения министров, по вашему мнению, всецело зависели от Распутина?

Хвостов. — Например, про Горемыкина он говорит: «Я скажу старика выгнать, потому что старик совсем не годный!..»

Председатель. — Какие еще имеются у вас примеры подобного влияния Распутина?

Хвостов. — Сейчас не помню... Если бы я тогда записал все!.. Были выгнаны Самарин и Щербатов. Меня очень интересовало, кто ко мне премьером на шею сядет, и вот, например, такой факт. Одно время мне пришлось выехать в Москву, чтобы разгрузить узел. Мне хотелось, чтобы была произведена ревизия дорог. Я сделал доклад, что необходима сенаторская ревизия железных дорог и, по логике, я указал ген. Нейдгардта, который делал сенаторскую ревизию. (Я его указал потому, что мне очень понравилось его ревизионное заключение, так как, мне казалось, действительно, мерзостью брать 100% при воссоздании флота...) Когда меня бывший император спрашивал: «Кого же вы думаете ревизующим сенатором сделать?» — я указал на Нейдгардта. Тогда мне страшно воспротивились — весь Совет Министров был против: «Как смеет министр внутренних дел касаться путей сообщения?! Хоть умри, а это не ваше дело!» Конечно, Горемыкин страшно противодействовал... И тут состоялось назначение Трепова...

Председатель. — Трепов был назначен через Распутина?

Хвостов. — Не знаю, через кого; но он был полной неожиданностью для всех. В это время Трепова подзудили: он поéхал

в Ставку, и, как серьезный человек, сказал, что он не допустит этой ревизии, что он только что назначен: дайте ему осмотреться! — потому что ему оскорбительно, что он, будучи только что назначен, сразу подпадает под ревизию... (На этой почве у нас сразу же на рога!) Он привез из Ставки бумажку, что ревизия отменяется. Мое положение получилось странное: я выхлопотал эту ревизию, Нейдгардту сказал, тот передал... Началась междуведомственная история!.. На императора это страшно подействовало, и ему неловко стало, что я попросил, он согласился, а затем — отменил. Тогда он посоветовался с Григорием, как рассказывал сам Григорий: «Со мной, — говорит, — папашка советовался: как быть? — он обидел «внутреннего», но и «железного» не хочет обидеть... Но я ему сказал: ты их позови, поставь рядом, да не приказывай, а скажи: — «будьте вы в мире,— что вам ссориться — будьте по-божьи!..» Когда я этот рассказ получил, я посмеялся... Через несколько дней я еду с очередным докладом (обыкновенно доклады были в 5 час., тут, почему-то в 11 час.). Доклад был очень краткий. Меня просят подождать в приемной. Минут через 10 является Трепов. Нас зовут вместе в кабинет, и тут происходит буквальное повторение того, над чем я, за три дня перед тем, смеялся! Вошел император, обратился к нам и говорит: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился...» После этих двух фактов, могло ли быть у меня сомнение в том, что там гипнотическое влияние?!.

Председатель. — На чем основано ваше утверждение относительно того, что Распутин собирал и распускал Государственную Думу. Так по «листкам» выходило?

Хвостов. — Кажется, Комиссаров передавал, что Распутин говорил: «Вот я сижу и думаю: собирать или нет Думу?» Вот, раз такие вещи попадаются в «листках», и раз он меня поставил на очную ставку с Треповым, — почему он не мог собирать и распускать Думу?

Председатель. — Распутин знал военные и государственные тайны и рассказывал о них?

Хвостов. — Я думаю, что, попадая в психологический момент, он передавал направо и налево... А что он не был сознательным шпионом, меня убеждает то, что он тогда бы молчал: только бессознательный шпион может рассказывать извозчику; половому, какому-нибудь купцу, женщине, музыканту из Вилла-Родэ!.. Значит, это не был сознательный шпион, потому что иначе он бы хранил это и говорил только тому, кому об этом ведать надлежит...

Председатель. — А из чего вы заключаете, что назначение Беляева было желанием Александры Федоровны?

Хвостов. — Ее желанием было то, о чем постоянно нашептывали... Распутин говорил, что она — «старалась, что она и так, и этак, а папашка не хочет...» Я уверен, что это была прямо гипнотическая штука! Но как Беляев подошел к нему? — Я не знаю. Я хотел даже выяснить, но это было в высшей степени трудно... Беляев заведывал контр-разведкой. Когда я говорил Комиссарову, нельзя ли через агентов выяснить, почему Беляев близок к Распутину, то мне сказали: «Там контр-разведка: мы провалимся с попыткой установить самостоятельное, непосредственное наблюдение... Там контр-разведка, — они наших прогонят, потому что они имеют право: они строже, чем агенты департамента полиции...» (Агенты департамента полиции должны немедленно уступить контр-разведке, которая строже, в смысле наблюдения, всякой другой разведки...)

Председатель. — Вам известно, что Беляев, еще до назначения его министром, проник к бывшей императрице Александре Федоровне и бывал у нее в интимной обстановке?

Хвостов. — Мне говорили, что бывал.

Председатель. — Через кого вам известно?

Хвостов. — Я не помню, через кого... Это было так давно... А потом, уже после того, как я ушел в отставку, мне передавали, что он бывал, потому что заведывал военнопленными... Было это или нет — я не берусь судить. Но что он заведывал военнопленными, — это факт. Александра Федоровна постоянно поручала через разные сферы узнать о каком-нибудь Фиттингофе или других пленных, чтобы им облегчили положение, разрешили носить оружие и т. д. Беляев, на этой почве, получал необходимые указания. А потом, лично я должен засвидетельствовать, что, когда обо мне повели агентуру и стали за мной следить по пятам (меня не обманешь! — я вижу, как эти агенты шныряют около меня, ходят, кружат: лица определенные...) — тогда я посмеялся в департаменте кому-то из бывших служащих (кажется Климовичу)... Жена моя говорит ему: «Как вам не стыдно, все-таки? Что же вы наблюдаете за моим мужем?» Или я ему сказал: «Что же вы наблюдаете за мной: что я? — пойду бомбы делать?.. Только что был я министром внутренних дел и мне шагу не дают пройти!» — Климович сейчас же позвонил в охранное отделение (я раньше показал, что кто-то из департамента полиции, — забыл кто; но, сейчас, я вспомнил кто: это был Климович...). Он спросил у ген. Глобачева: «Что — Алексей под наблюдением?..» — Он говорит: «Нет». — Климович говорит мне: «Помилуйте, какие пустяки! Вот я сейчас спрашивал Глобачева: он утверждает, что, безусловно, — нет!» — А он, как директор департамента полиции, был обязан сказать правду, а во всяком случае, директор департамента полиции должен был знать, нахожусь ли я под наблюдением или нет... Но он утверждал, что

нет, и привел доказательство, что Штюрмер знает, что Климович мною назначен и что, очевидно, если бы он захотел установить наблюдение в Царском, то поручить это лицу, мною назначенному, — все-таки было опасно, хотя бы у него и никакой связи со мною не было; и, что если даже я и нахожусь под наблюдением, то, очевидно, — под наблюдением контр-разведки... А потом мне надоели, настолько за мной наблюдали! В связи с убийством Распутина меня чуть не арестовали... Я говорил Гучкову на Кавказе: «До чего мне надоели агенты: ходят по пятам!» — Даже дети мои, наблюдая из окна, смеялись, видя, как сыщики застегивали мне фартук, когда я садился в экипаж (у меня была лошадь), а потом за мной ехали...

Председатель. — Вы знаете что-нибудь о салоне баронессы Розен?

Хвостов. — Относительно этого салона у меня было большое подозрение... Я до него добирался, но в пять месяцев ни до чего не добрался... Если бы я у власти находился не пять месяцев, а больше, я бы добрался... До меня доходили слухи, что там бывают типы разнообразного характера, что она страшно широко живет (вечные оргии, пьянство) и вместе с тем, нет у нее никаких средств к существованию... Туда приезжали великие князья, различные близкие великим князьям люди, разные дамы, которые с ними вращались, там скапливался самый странный элемент... Меня удивило, что там же очутился Ржевский. — Представьте себе: обедает там Добровольский, великий князь Борис Владимирович, их дамы, а завтракает — Ржевский!..

Председатель. — А какое отношение, по вашим сведениям, министр юстиции имел к этому салону?

Хвостов. — По моим сведениям, он имел близкое отношение: по моим сведениям, он там часто бывал. Меня поразило потом, что Беляев там часто бывал. Когда я ему говорил: «Что же вы у баронессы Розен бываете?» — он мне отвечал: «Там очень интересно — многое можно узнать от великих князей...» Я думаю: если многое можно было узнать от великих князей, — это многое могли узнать какие-нибудь немецкие господа, которые туда попадали!.. В особенности меня поразило, что там Ржевский бывал. Меня удивляло, что такая изящная, элегантная женщина могла иметь дело с такой, с моей точки зрения, рванью, как Ржевский!.. Все это мне казалось чрезвычайно подозрительным. (Говорили потом, что там есть какой-то инженер, который дает деньги... Но этого инженера никто не видал...) Тут были и артисты и корреспонденты самого обычного свойства, тут же — фешенебельные куртизанки... Меня еще поразила такая вещь: у княгини Долгорукой, о которой я говорил, была дочь — испанского или португальского происхождения: эта дочь вышла замуж (нашла дурака — князя Оболенского, которого из церкви

выгнали вон), и, под фирмой Оболенской, поехала делать свои дела... В России, если она Бель-Гвазини, к ней подозрительно относятся; ну, а княгиня Оболенская всюду вхожа!.. Говорят, что и баронесса Розен хотела также стать княгиней Оболенской... Не знаю, стали или нет, не знаю даже, почему ей нужно было титул получить...

Председатель. — Будьте добры назвать нам несколько лиц из тех, кто вам листки писал. У вас нет копий?

Хвостов. — Какие-нибудь кусочки завалящие, может быть, и найдутся... Хотя, едва ли! — Так меня перетряхнули с обыском.

Председатель. — Вряд ли вы у себя их держали... Может быть, у ваших друзей сохранились?

Хвостов. — У меня захватили все досье — целые тетрадки. Отчего эти тетрадки были у меня? — Я их имел для доклада, когда я ожидал, что после письма, мною написанного, я буду принят бывшим государем: я хотел эти листки отобрать и дать ему...

Председатель. — Вы это письмо нам доставите?

Хвостов. — Если оно цело.

Председатель. — А фотографию доставите?

Хвостов. — Если эта фотография цела, потому что при обыске все рвали...

Председатель. — Расскажите теперь несколько подробнее о «листках».

Хвостов. — Листки эти были психологически подобраны: я хотел императору показать все те листки, где его звали «папашкой...» Они у меня были не все вместе, но систематизация этих листков нужна была для того, чтобы вручить бывшему государю. Я на словах ему все сказал; но эти листки были систематизированы...

Председатель. — Раз у вас фотография письма сохранилась, может быть сохранились и копии этих листков?

Хвостов. — У меня не сохранилось ничего, — только письмо: это единственный документ, который сфотографирован.

Председатель. — Фотографии листков у вас нет, но может быть копии есть?

Хвостов. — Копий тоже нет.

Председатель. — Вы обещаете справиться?

Хвостов. — У меня было в двух экземплярах; но все это было вместе, там же: все это было уничтожено...

Председатель. — В двух экземплярах? Не затем же, чтобы их вместе держать?

Хвостов. — Ведь это было недели две или полторы до обыска: они все были приготовлены, чтобы получить недостающие и систематизировать...

Председатель. — Вы постараетесь их доставить?

Хвостов. — Я постараюсь. . .

Председатель. — Может быть вы назовете нескольких из тех лиц, которые явились авторами этих листков?

Хвостов. — Я думаю, что лучше всего вам об этом Комиссаров расскажет. . .

Председатель. — Комиссаров ведь вам не составлял эти листки?

Хвостов. — Он не составлял; он мне рассказывал. . .

Председатель. — Комиссаров вам сведения доставлял, а кто автор этих листков?

Хвостов. — Я не могу никого из них назвать: не потому, что я не хотел бы назвать, а потому что они были взяты из агентуры. . .

Председатель. — Вы из какой среды их брали? Из агентов охранного отделения или из какой-нибудь другой среды?

Хвостов. — Мне доставляли всякие листки. . . А сами-то они ведь, — с подложными паспортами. . .

Председатель. — Каким путем вы пришли к этим людям: кто вам их дал? — Ведь до того, как вы сделались министром внутренних дел, едва ли вы с ними видались?

Хвостов. — Мне дал их Комиссаров; но, таким образом, от Комиссарова же были и другие лица, которые мне доставляли сведения. . . Потом, я говорю о «листках»: а ведь это просто записочки. . .

Председатель. — Это так называемый «журнал агентов»?

Хвостов. — Нет, журнал у меня был другой — филерский, из охранного отделения. . . А эти лица часто записочки, выписки делали из этого журнала. . .

Председатель. — Эти люди, которые толкались около Распутина, — они с вами непосредственно говорили или у вас были лица, заведывающие ими?

Хвостов. — У меня были люди. . .

Председатель. — Сколько человек?

Хвостов. — Кажется, четыре было.

Председатель. — Может быть, вы старшего можете назвать?

Хвостов. — Это вы можете узнать у Комиссарова. . .

Председатель. — Но ведь вы и потихоньку от Комиссарова держали людей?

Хвостов. — Если Комиссаров назовет людей, то я их могу указать.

Председатель. — Комиссаров, как вы говорили, вас отчасти надувал, и вы имели самостоятельных агентов: может быть про ваших агентов Комиссаров и знал через своих контр-агентов, но мне бы хотелось узнать от вас?

Хвостов. — Фамилии их я не знаю, я найду может быть способ выяснить. . . А потом словесно многие мне рассказывали: просто

из моих некоторых знакомых, которых я просил вникнуть, внедриться... По поводу кружков, например: Андроников, Бурдуков... Они мне рассказывали... Из всего этого составляли, правда, листки подробные, — они у меня были, и в делах охранного отделения должны были сохраниться...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, вы не дознались, куда Мануйлов-Манасевич на этом быстроходном автомобиле периодически увозил от вас Распутина?

Хвостов. — Я совершенно понятия не имею! Я подозреваю самые худшие дела: какие-нибудь совещания, может быть по каким-нибудь своим аферным делам, которые должен был проводить Распутин, получая что-нибудь за проведение дела... Я говорил Поливанову, что этот автомобиль мне надоел, что он мне подозрителен...

Председатель. — Что же военный министр не мог ничего сделать? Не мог протестовать против предоставления Распутину этого военного автомобиля?

Хвостов. — Повидимому, он ничего не мог сделать, потому что этот автомобиль остался у Распутина...

Соколов. — Вы не знаете, какую роль играла фрейлина статс-дама Буксгевден? Затем вы упоминали, что Андроников был информатором у министра внутренних дел. Вы не можете других информаторов назвать?

Хвостов. — В Царском Селе главным информатором был Андроников...

Соколов. — Кроме него, — в интересах освещения не только Царского Села, но и общего течения, — у департамента полиции и охранного отделения были информаторы?

Хвостов. — Я этого совершенно не знаю: меня это совершенно не касалось. Там, повидимому, были свои информаторы...

Соколов. — А у Белецкого были свои информаторы?

Хвостов. — Должно быть, были... Повидимому, — контрразведка: эти господа известны охранному отделению, но и то не всем офицерам... Каждый офицер свою карьеру строит на том. Если ему попадется хороший информатор-сотрудник, он никому его не отдаст: только сам этих господ знает и с ними говорит... Иногда, если у офицера хороший информатор, он его выведет в люди — сделает начальником сыскного отделения... Поэтому, конечно, этот офицер никому его не передаст, потому что, если он передаст, то ему самому будет грош цена, его не возьмут ни в какую должность!.. Если у кого-нибудь из сыскной части есть информатор, то это его пожизненное родовое имущество, в редких случаях он передает его кому-нибудь... По крайней мере, Белецкого обвиняли, когда он ушел, что он никому не передал... Меня интересовало, кого он мог передать: был ли у него какой-нибудь информатор? Мне говорили, что если информатор был, то не у него, а у дирек-

тора какой-нибудь контр-разведки, который проверял начальника сыскного и жандармского управления: правильно ли он все дает, не врет ли в своих донесениях? Правильно ли организуют надзор? Тогда было обвинение на Белецкого, что будто бы...

Соколов. — Когда Белецкий делал доклад по департаменту полиции, он, вероятно, ссылался в докладе на то, что это ему сообщил такой-то агент?

Хвостов. — Это так не делается. Только один кто-нибудь может руководить делом: если он доказывает, что такая-то вещь устанавливается, его не спрашивают, Иванов или Петров это ему сказал, а факт принимается на веру...

Завадский. — Какую роль в этих темных кружках играл Курлов?

Хвостов. — Положение Курлова при Белецком было несколько плачевно, потому что Белецкий Курлова никуда не допускал... Потом, в отместку, Курлов — при Протопопове — послал Белецкого на Кавказ — ревизовать!.. Эти два специалиста переварить друг друга не могли: мог быть всецело хозяином один или другой!.. Поэтому мне бывало смешно: как только Курлов начинает проситься, Белецкий говорит: «Такого человека близко допускать нельзя, он скомпрометирует!..». Наоборот, когда Курлов стал у власти, он находил, что Белецкого лучше послать на Кавказ!.. Повидимому, у них заговора не могло быть, потому что каждый хотел быть всецело хозяином положения...

Иванов. — Вы изволили подробно очень рассказать о вашей борьбе с влиянием Распутина, при чем вы указали, что это влияние ведет к гибели России. В чем, собственно, вы видели эту гибель?

Хвостов. — Я видел краеугольную, основную причину гибели — и до сих пор вижу в этом причину всего совершившегося теперь, — что, в глазах правых кругов, ведь монарх должен же на кого-нибудь опираться: на крайне правую организацию, на левые или центр... Распутин своей деятельностью довел до того, что не только центральные, мирные, лояльные круги не стали ему доверять, а что даже правые организации не стали ему доверять и сказали, что не могут больше существовать... Я не могу быть заподозрен в крайней левизне, но, в конце концов, — всему есть предел — в глазах тех, кто не хотел извлекать тех или других коммерческих выгод... И это вредило больше, чем сто революционных организаций, которым можно было противодействовать!..

Председатель. — Когда вы к нам пожалуете, чтобы доставить, если вам удастся достать их, фотографии и копии с охранных листков, а также списки лиц, которые давали эти листки?

Хвостов. — Я в понедельник хотел проводить семью в Орел... Если мне удастся это сделать до понедельника, то я у вас буду в понедельник. Если я могу достать эти документы в Петрограде,

тогда в понедельник днем, а если их нет в Петрограде, тогда я постараюсь узнать, где они, — и достану. . .

Председатель. — Может быть, вы утром к нам зайдете?

Хвостов. — Непременно зайду, если я в Петрограде найду что-нибудь. . . Если нет в Петрограде, я узнаю где, и съезжу в Москву.

Председатель. — Я просил бы вас не задержать, по возможности. . . Я должен вас предупредить, что факт вашего допроса станет известным, и вы будете объектом запросов со стороны представителей печати: нам бы хотелось, чтобы вы отклонили беседу с репортерами. . .

Хвостов. — Это в моих интересах. Мне неприятно, чтобы меня трепали. . . Если же вы разрешаете мне ссылаться на комиссию, то я буду избавлен от всякой назойливости. . .

II.

ДОПРОС ген. Е. К. КЛИМОВИЧА

19 марта 1917 г.

Содержание: Назначение Климовича директором департамента полиции. Состояние бюджета департамента. Секретные суммы. Состав и гонорар членов совета министра внутренних дел. Расход на Распутина. Гонорар Манасевичу-Мануйлову и его положение в министерстве Шгюрмера. Шгюрмер и Манасевич. Министр Штюрмер и общественные организации — Земский и Городской союзы. Вопрос об ответственном министерстве. Уход Климовича из департамента полиции. «Непочтительный» отзыв Штюрмера о Климовиче. Отношения между Штюрмером и Манасевичем-Мануйловым. Манасевич, Шгюрмер и Распутин. Оплата автомобилей Распутина. Связь Штюрмера с Распутиным. Вырубова, Курлов, Решетников, Бадмаев. Письма от Распутина. О Гермогене. Андроников. Союз русского народа. Орлов, Дезобри. Пятимиллионный фонд и шефские суммы. Слежка за Распутиным. Провокация и департамент полиции. Секретные записки о 5 миллионах Шгюрмеру на секретные надобности. Заграничная агентура и ее бюджет. Мануйлов во главе заграничного сыска. Где документы о 5 миллионах? Арест Петца. Ратаев и Лебедев. Провокация против войны на заводах. Отделение при контр-разведке под лит. «А». Записка Штюрмера в Ставку с обвинением Земского Союза. Штюрмер и план охраны Петрограда. План охраны Москвы. Настроение войск в Петрограде по данным департамента полиции. О 1-м съезде военно-промышленного комитета. О сыскном отделении. О прокурорском надзоре. Отношение великой княгини Елисаветы Федоровны к распутинщине. Об участии союза русского народа в убийстве Иоллоса. О правых организациях вообще. О связи Андроникова с великим князем Александром Михайловичем. О деятельности Абросимова. Воейковская охрана. Деятельность Спиридовича. Герасимов. О дефиците в 600.000 р. Кафафовский циркуляр.

Председатель. — Генерал, вы находитесь в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии — под первоначальным наименованием: Верховная комиссия по расследованию и пр. Вы несколько позже будете допрошены судебным следователем; но Комиссия постановила предварительно, так как она занимается расследованием деятельности высших должностных лиц старого режима, сделать вам первоначальный допрос, потому что, как лицо, стоявшее во главе ведомства на правах товарища министра, вы не можете не знать о некоторых действиях ваших сослуживцев и вашего начальства, которые входят в круг ведения Следственной Комиссии.

Следственной Комиссии принадлежат права, принадлежавшие раньше первому департаменту Государственного Совета. Относительно вас существует у Комиссии право, но и у вас есть не только право заявить о своих действиях, а и обязанность. От Комиссии зависит затем возбуждение предварительного следствия. Вы ориентированы в правовом отношении вполне. Благоволите сказать, в каком порядке вам угодно дать показание: т.-е. будете ли вы говорить так, в том же порядке, как Комиссия занимается расследованием действий высших должностных лиц? Может быть, вы сперва возьмете тот период вашей деятельности, когда вы были директором департамента полиции на правах товарища министра и будете любезны изложить деятельность Министерства Внутренних Дел и лиц, стоявших во главе в этот период. Но если вам угодно принять другой план, то постольку, поскольку это не будет препятствовать целям и задачам Комиссии, это вам будет предоставлено.

Климович. — Я просил бы указать, какие вопросы я должен осветить Комиссии, потому что на правах товарища министра я был назначен директором департамента полиции около марта месяца прошлого года, а может быть в конце февраля.

Председатель. — Около марта?

Климович. — Около 1 марта 1916 года и пробыл директором департамента полиции всего по 15 сентября прошлого года.

Председатель. — Может быть, вы изложите, при каких обстоятельствах состоялось ваше назначение, как вы вашу работу исполняли? Со стороны кого и какие были встречены препятствия, если таковые были в течение ващей работы? — Вот в каком порядке...

Климович. — Приглашен я был на должность директора департамента полиции министром внутренних дел Хвостовым. Предложение это было для меня совершенно неожиданно. Я получил по телефону предложение приехать в Петроград.

Председатель. — Вы были тогда московским градоначальником?

Климович. — Да. Когда я приехал в Петроград, то мне объявили, что государь император соизволил на мое назначение директором департамента полиции.

Председатель. — Вскоре после назначения Хвостова последовало ваше назначение?

Климович. — Это было после того, как он решил расстаться с товарищем министра Белецким. При А. Н. Хвостове я был директором департамента 2 или 3 недели, не больше. Я при первой же встрече просил А. Н. освободить меня от этой обязанности и принять мое прошение об отставке.

Председатель. — Когда вы просили?

Климович. — Когда он пригласил меня к себе. А. Н. был довольно смущен этим. Он, повидимому, не ожидал отказа; но, говорит, что теперь поздно разговаривать, уже государь соизволил.

Как узнал потом, уже был указ в это время. Тогда мне было предложено подождать еще один день, подумать, и в течение этого дня Алексей Николаевич обещал мне гарантировать мое будущее. При таких условиях, я не счел возможным отказаться, принял назначение. Моя работа с Хвостовым была очень мимолетна. Я не могу сказать, чтобы она была чем-нибудь отмечена. В это время внимание министров поглощено было делом Ржевского, которое шло помимо меня, и я только некоторые брошенные слова слышал по этому делу от министра. Вскоре затем А. Н. Хвостов ушел и был назначен министром внутренних дел Б. В. Штюрмер. Я прямо подчеркиваю, что собственно моя работа с Хвостовым ничем ознаменована не была.

Председатель. — Ведь Б. В. Штюрмер одновременно с Хвостовым был председателем Совета, при Хвостове — во главе Министерства Внутренних Дел, а после ухода Хвостова, продолжая оставаться на посту, принял портфель министра внутренних дел.

Климович. — До этого времени я видел Штюрмера только два раза, как московский градоначальник. Один раз в комиссии по продовольственному вопросу, в которой он председательствовал. Это было за несколько дней до моего назначения, когда я еще был московским градоначальником. После его назначения министром внутренних дел, как-то резко изменились отношения Б. В. ко мне. Первый прием был сделан очень любезно, но, будучи у него еще на Конюшенной ул., в доме, где он жил на частной квартире, я в приемной его встретил некоего Мануйлова и чуть ли не в первое или второе свое посещение счел своим долгом доложить председателю Совета Министров, что личность Мануйлова мне очень хорошо известна, что лицо это обладает известной предприимчивостью в смысле добывания денежных средств. Пользуется для этого близостью к лицам высокопоставленным и что несомненно пребывание у министра г. Мануйлова бросит в будущем тень на самого министра. Г. Штюрмер мне на это сказал, что с Мануйловым он собственно никаких дел не имеет, что он знает его только мимолетно и сказал, как мне показалось, детскую фразу: так как Мануйлов такой элегантный господин и хорошо владеет французским языком, то он (Штюрмер) не видит никаких причин оказывать невнимание... Он подчеркнул, однако, что дел с ним никаких не имеет. Между прочим, он добавил: «Если вы имеете какие-либо сведения о нем в департаменте полиции, то представьте мне через несколько дней». Я приказал собрать большую справку из дел департамента полиции о Мануйлове, которая изобиловала указаниями на его постоянное стремление присвоить себе не принадлежащее звание и на этой почве вымогать деньги... Приведу, кстати, слова, которыми была украшена известная резолюция, принадлежащая еще Столыпину. Резолюция эта гласит — чтобы точно ее сказать: «Пора сокра-

тить этого мерзавца». Это на докладе о Мануйлове, который служил тогда в Министерстве Внутренних Дел и был уволен по этой резолюции Столыпина. Это письмо с резолюцией Столыпина было представлено Штюрмеру. Он просил вкратце рассказать все дело. Он покачал головой: «Да, да, какой негодяй. Хорош господин». Такая фраза была сказана.

Председатель. — Что, вам не пришлось проверить правильность утверждений тогдашнего министра о мимолетности его знакомства с Мануйловым?

Климович. — Я должен сказать, что я позволяю себе просить отличать то, что я могу показать, как факт, в котором я удостоверился, от моих предположений и моих собственных заключений. Один факт мне указывал на то, что были сношения Штюрмера с Мануйловым приблизительно лет 7 тому назад. Потом попало в мое распоряжение уже документальное данное: это проглянуло на процессе Мануйлова, в виде эпизода с делом Месаксуди. Потом мое личное впечатление, которое я не могу ни одним фактом подтвердить, но оно привело меня к тому убеждению, что там отношения существовали давние, что это была, так сказать, — неискренность со стороны Штюрмера... Потом другое заключение такое, — что Б. В. видимо желал бы искренно, мне кажется, отделаться от Мануйлова, но, по каким-то обстоятельствам, не мог. Докладываю, однако, что это лишь мое впечатление... Через 2 — 3 дня у меня был Б. В. Штюрмер по поводу материального положения департамента полиции, бюджета и сумм департамента. Должен сказать, что когда я принял департамент полиции, то бюджет его был очень потрясен, совершенно потрясен. Повидимому, если бы итти тем же темпом, то у меня не хватило бы приблизительно 600.000 р. для того, чтобы окончить год, — это на все учреждения. Там было довольно много лишних расходов. В числе этих расходов были очень крупные содержания некоторым лицам, которые никаких обязанностей при департаменте полиции не несли. Может быть, они несли в другом месте, об этом мне неизвестно, но они оплачивались из департамента, хотя на самом деле здесь обязанностей не несли. Был целый ряд членов совета министра, получающих содержание из департамента полиции, между прочим было зафиксировано содержание тому же Мануйлову в 18.000 руб. в год.

Председатель. — По какой должности, собственно?

Климович. — Он числился в распоряжении министра внутренних дел и, опять таки, я своими глазами не видел, но убежден, что был откомандирован в распоряжение председателя Совета Министров. Содержание по этой должности причисленного к Министерству Внутренних Дел ему никакого не полагалось, ибо такой должности по штату нет, — это компенсировалось из секретных сумм департамента полиции.

Иванов. — В чьем распоряжении были суммы секретные? Кто ими распоряжался: министр или директор департамента?

Климович. — В сущности министр распоряжался. Право распоряжаться имел министр или товарищ министра, заведующий департаментом полиции. Во всяком случае, порядок был такой для того, чтобы производить расходы из этих сумм. Это разделялось на целый ряд подразделений. Собственно у департамента полиции существовала своя смета, домашняя, и в пределах этой сметы распоряжался директор департамента. Когда же выходили назначения какие-нибудь вне этой сметы. . .

Председатель. — Сметы на эти секретные суммы?

Климович. — Да. Сметы, довольно подробно составленные по 4 отделам. . . Если же они выходили из сметы, тогда получалось распоряжение от министра сделать такой-то расход, предварительно составлялся об этом доклад. Он утверждался министром и вносился в смету, как подлежащий исполнению.

Иванов. — Так что 18.000 Мануйлову, как члену совета министра, проводились через министра?

Климович. — Некоторые были по высочайшему докладу, но во всяком случае ни одной такой выдачи директор департамента полиции своей властью сделать не мог.

Иванов. — Хотя бы на правах товарища министра?

Климович. — Я должен оговориться: хотя я и оставался юридически все время на правах товарища министра, но фактически я был им всего только, кажется, месяц, потому что товарищем министра, заведующим департаментом полиции, был вскоре назначен. . .

Иванов. — Вы изволили указать, что бюджет был потрясен и не хватало 600.000 рублей. В течение какого периода это было — при Белецком или до него, за какой год? Ведь до вас был Белецкий. Не знаете ли, кто распоряжался этими суммами?

Климович. — Я позволяю себе доложить, что в делах департамента полиции неоднократно мною представлялись Б. В. Штюрмеру справки относительно состояния бюджета, при чем все статьи, потрясающие бюджет, были введены в особый доклад, так что я не сомневаюсь, что этот доклад можно в департаменте полиции сейчас найти.

Председатель. — По какому делопроизводству?

Климович. — По третьему делопроизводству: вице-директора генерала Лерхе, к сожалению, в настоящее время покойного — генерала Дитерихса и, вместо него, Симановича. Но это человек новый, он был назначен после моего ухода и был, во всяком случае, человек свежий. Я знаю, я могу утверждать, что ни одной копейки в суммах департамента полиции, такой, которая не была бы отмечена, по чьему распоряжению она была выдана, нет. По крайней мере, за мою бытность в департаменте полиции я за это ручаюсь.

Родичев. — Вы говорите, что члены совета министра получали суммы из департамента полиции. Вы можете назвать их имена?

Климович. — Нет.

Председатель. — Это все — тоже по третьему делопроизводству?

Климович. — Может быть. . . Виноват, но позвольте объяснить. Мне представляется так: у совета министра есть кредит, в общем 70.000 рублей, при чем количество членов совета министра совершенно не ограничено. Может 70.000 получать один, могут получать и десять, могут 70.000 делиться на семьдесят человек. Это не относится к департаменту полиции, но я невольно соприкоснулся с этим. Нормальный оклад членов совета министра от 7 до 10 тысяч. Эти 70.000 шли на штатных членов совета, но при частых переменах министров являлось положение такое, что нужно было сбыть какого-нибудь чиновника. . .

Председатель. — Нужно было сбыть чиновника?

Климович. — Было желательно сбыть какого-нибудь чиновника. . . И вот тогда его назначали сверхштатным.

Председатель. — Будьте добры продолжать ваше изложение.

Климович. — В вопросе о суммах не предвижу никаких затруднений. Если нужно, поясню, сколько угодно, и сам восстановлю в памяти при помощи, если мне будет позволено, моих ближайших сослуживцев — Лерхе и чинов третьего делопроизводства. Каждая копейка, выданная из секретных сумм, записана в мою бытность. Когда я вступил в должность директора департамента, я застал целый ряд анонимных выдач на известное г. министру или товарищу министра употребление. За мою бытность таких выдач было очень мало. Одна такая выдача была, кажется, в размере 1.000 рублей, и я, безусловно, скажу, что по моему впечатлению — это был расход, связанный с Распутиным: на выезд ему давали или что-то такое, но сумма очень ограниченная. . .

Председатель. — Вы можете вернуться к нити вашего рассказа.

Климович. — Когда я докладывал этот бюджет г. министру внутренних дел, я указал ему, между прочим, на то, что тот Мануйлов, о котором у нас был разговор, получает очень крупную сумму. Я попросил позволения прекратить ему содержание и получил на это указание министра оставить ему 6.000 вместо 18.000. Тогда Мануйлов был приглашен мною к себе. Перед тем я просил министра, если можно, его удалить, но министр сказал: «Куда я его дену?» А когда я сказал, что он состоит в распоряжении председателя Совета Министров, но Б. В. Штюрмер, может быть, по забывчивости (ибо память у него была плохая) категорически отрицал это и говорил, что он в его распоряжении не состоит. Тогда я попросил его позволения взять Мануйлова в мое распоряжение в департамент полиции с тем, что мне позволят его уволить через несколько дней. Мне казалось, что если уволить его непо-

средственно из распоряжения председателя Совета Министров, он может сделать больше шума, чем если провести через департамент полиции. Согласие я на это получил и объявил об этом Мануйлову. Тот категорически запротестовал против перечисления в департамент полиции и через несколько дней написал мне письмо о том, что Б. В. отменил это свое распоряжение. Я доложил об этом Б. В. Штюрмеру.

Председатель. — Мануйлов вам написал об этом?

Климович. — Я должен сказать, что с этого дня я заметил резкое к себе охлаждение со стороны Б. В. Штюрмера. Это охлаждение приняло, я позволяю себе сказать, неприличную форму. Когда я явился на следующий день к Штюрмеру по какому-то делу с докладом, в котором мне нужно было процитировать заметку из газет в три строчки, и взял газету в руки, он крикнул мне резко: «Что вы читаете, — говорите наизусть»... Мне пришлось ему сказать, что так как в этой заметке каждое слово имеет значение, а она состоит из нескольких слов, я наизусть затрудняюсь произнести. После этого я решил просить об освобождении и понял, что мне не место быть директором департамента полиции. Я обратился к министру юстиции Хвостову.

Председатель. — Вы обратились к нему с просьбой?

Климович. — Я обратился с просьбой, не согласится ли он ревизировать высочайшее соизволение.

Председатель. — Это было в каком месяце?

Климович. — Я не могу сказать. Это было, кажется, в апреле... Виноват, впрочем, это уже второй этап обращения моего к Хвостову. Перед этим, встретив Гурлянда, я говорил об отставке с ним, зная, что он так близок к министру. Я рассказал ему, что министр меня так принял, и просил его не отказать выяснить вопрос, будет ли принята моя докладная записка, если я подам об отчислении.

Председатель. — Вы через него хотели выяснить вопрос об отчислении или о переходе в Сенат?

Климович. — Я был готов уйти куда угодно. Как в Сенат я попал, позволю себе доложить об этом. Через несколько времени, тогда же, Гурлянд об инциденте со Штюрмером сказал: «Вы не обращайте на это внимания, я заведомо знаю, что министр против вас ровно ничего не имеет, но он был просто не в духе, раздражен. Не придавайте этому значения». Несколько дней прошло, я продолжал ходить с докладами к министру внутренних дел. Когда министр перебрался сюда...

Председатель. — Куда перебрался?

Климович. — На Фонтанку, 16. Сколько я ни просил министра назначить мне определенный день и час для доклада, мне было сказано: «По мере надобности». Каждый раз, как я являлся с докладом, мне всегда говорилось, что времени нет, пожалуйста, кончайте скорей. Доклады продолжались 10 — 15 минут — такие,

которые требуют два-три часа времени. По существу у меня создалось такое настроение, что я не исполняю своих обязанностей, ибо одну из главных служебных обязанностей я видел в том, что я обязан переложить в голову министра экстракты тех сведений, которые собственно поступают в департамент полиции. Тем более, что сведения были с точки зрения существовавшего тогда режима далеко не благоприятные. И в политическом отношении совершенно определенно, так сказать, обрисовывалось общее недовольство. В организациях городских и земских союзов были приняты известные резолюции, совершенно определенно указывавшие на назревшее неудовольствие в обществе. Эти сведения, поступавшие в департамент полиции, были мною собраны, отпечатаны даже в виде известной записки, записка эта была разослана в кабинет не только министру внутренних дел, но и остальным членам кабинета, а также губернаторам.

Председатель. — Вами?

Климович. — Департаментом полиции, с одобрения министра внутренних дел, но я должен сказать, что одобрение Б. В. Штюрмера, в данном случае, было какое-то неясное. Когда я представил эту записку и спрашивал, надлежит ли ее послать, он говорит: «Да, конечно». Когда я ее разослал, через несколько дней он спрашивает меня: «Зачем вы ее послали?» Я это объясню немного дальше. Несколько позже был возбужден вопрос, по инициативе кажется Государственной Думы, о легализации Земского и Городского Союзов, т.-е. о Земском и Городском Союзах. По этому поводу Б. В. Штюрмером было созвано междуведомственное совещание, при чем присутствовали три товарища министра внутренних дел, присутствовал ваш покорный слуга, директор департамента полиции, градоначальник, начальник до делам местного хозяйства Анциферов, а из посторонних, если не ошибаюсь, Покровский. Был еще Гурлянд там. Общая тенденция была такова, что собственно правительству утверждать устав не желательно. Я был несколько иного мнения по этому поводу, я придерживался той точки зрения, что устав необходим для Земского и Городского Союзов, ибо я считал, что, во-первых, нельзя отрицать необходимости известной планомерной деятельности этих союзов, а с точки зрения политической, наибольший вред приносит неясность и неопределенность этого положения, пределы которого не были точно установлены уставом. При чем, когда я докладывал, по поступавшим тогда в департамент полиции сведениям, о том настроении, которое господствовало в Земских и Городских Союзах, то мною были сказаны немного смелые слова, я от них не отказываюсь и теперь, — что положение идет безусловно к изменению существующего строя в России, что правительство, министры не могут относиться к этому пассивно, что вопрос о том, быть ли строю ответственного министерства, о котором тогда шла речь, или существующему министерству, при-

надлежит компетенции его императорского величества и что обязанность Министерства Внутренних Дел — довести о создавшемся положении до сведения его величества.

Смиттен.—Это высказывалось Министерством Внутренних Дел?

Климович. —Это было сказано мною на совещании. Должен сказать, что видно было, что товарищи министра, которые там были, судя по их репликам и полусловам, разделяют это мнение.

Смиттен. — Штюрмер председательствовал?

Климович. — Да, но слов его не было слышно, он внимательно слушал, что говорили. Для меня это был крик отчаяния; потому что говорить министру о том, что я докладывал — ставить на обсуждение его величества, нужно ли ответственное министерство или нет, было для меня роковым — для моей служебной карьеры. Но я предчувствовал, что я получил бы очень жестокий укор, в конце концов, как директор полиции, за то, что ту волну надвигающегося движения и переворота, который ныне совершился, я, директор департамента полиции, не видел и никому не сообщил об этом настроении. Если я посылал эту записку всем министерствам, то это потому, что я думал, что Совет Министров, прочтя это, найдет нужным поставить и доложить его величеству о создавшемся положении, ибо на то, что Б. В. Штюрмер будет докладывать его величеству, у меня надежды не было.

Председатель. — По какому делопроизводству этот доклад находится?

Климович. — По шестому. Доклад этот отпечатан.

Председатель. — Потом мы получим ваши бумаги, тогда вы может быть будете их нам комментировать. . .

Иванов. — К какому времени относится этот журнал и где находится?

Климович. — Я думаю, что никакого журнала не было. На меня произвело впечатление, что никакого журнала не писалось, что это совещание было частного ведомственного порядка. После этого совещания я начал делать попытку избавиться от службы департамента полиции и обратился к министру юстиции. Я, к сожалению, состоянием никаким не обладаю, жил исключительно тем, что получал на службе, так что я должен был заботиться о том, чтобы не потерять совершенно источника существования. Я тогда отправился к министру юстиции. Я представился ему и напомнил, что по инициативе министра внутренних дел было исходатайствовано соизволение на назначение меня в Сенат, и спросил его, возьмет ли он меня или нет. Он убедительно просил подождать, пока Государственная Дума не будет распущена на каникулы. Чем он руководствовался при этом, не знаю. Я думаю, что, хотя он и считал себя министром юстиции, но, очевидно, думал, что может быть перемена министерства. Затем он высказал такой взгляд, что он против моего назначения в Сенат, в том смысле, что назна-

чение в Сенат лишит его возможности назначить меня на более активную деятельность, к которой он считал меня подходящим.

Председатель. — Это вам говорил кто?

Климович. — А. А. Хвостов, министр юстиции. Он принял меня любезно, но отказал, попросил не торопиться, повременить и сказал, что считает мою службу в министерстве полезной и потому не желает, чтобы я уходил оттуда. При таких обстоятельствах я продолжал службу месяца полтора. Наступили летние каникулы. Государственная Дума разъехалась. Я воспользовался данным мне сроком и опять обратился к Хвостову. Но еще раз получил указание подождать хоть неделю. Выждав неделю и направляясь к министру юстиции третий раз, я перед тем подал докладную записку Б. В. Штюрмеру с просьбой освободить меня от обязанности директора департамента полиции... Я пропустил еще один эпизод; я должен сказать, что через месяц после моего назначения директором департамента полиции был приглашен товарищ министра А. В. Степанов, и я совершенно был устранен от должности товарища министра и остался только при функциях директора департамента полиции; имел ежедневно раз или два раза доклады у товарища министра Степанова, с ним несколько раз был с докладом у Штюрмера, но скоро совсем перестал ходить к Штюрмеру, потому что все мои попытки к нему проникнуть кончались неудачей. Я предпочел обращаться за санкцией к товарищу министра, который все-таки иногда бывал призываем к Штюрмеру.

Председатель. — А у А. В. Степанова вы часто бывали с докладом?

Климович. — Нормально фиксировано было один-два раза, но я бывал чаще, постоянно с ним общался по телефону, вице-директор по моему поручению докладывал товарищу министра. Так что у него бывало четыре доклада.

Председатель. — Сейчас идет изложение внешней истории вашего положения. Будьте добры ее продолжать.

Климович. — Когда я подал докладную записку Штюрмеру, он выслушал меня очень любезно и сказал: «Да, да, все-таки я не доволен, у вас в бытность вашу огласились секретные циркуляры, которые не должны были оглашаться». Действительно, два пустых циркуляра, разосланных всем жандармским управлениям, были оглашены, т.-е. не оглашены, а было удостоверено, что они находятся в больничных кассах. Другого укора какого-нибудь он не сделал. «Что же, — говорит он, — вы может быть хотите получать крупное содержание? Вы идете на значительно меньшее в Сенат. Вы много хотите?» Я ответил: «я получаю 10.000 р., и если вы будете любезны исходатайствовать, я буду просить 12.000 рублей».

Председатель. — Этот разговор произошел в каком месяце?

Климович. — Этот разговор произошел накануне ухода Б. В. Штюрмера, т.-е. за два дня.

Председатель. — Т.-е. из Министерства Внутренних Дел на пост министра иностранных дел?

Климович. — Это было в июне месяце. Через день или через два после подачи этой докладной записки происходит перемена министерства. Я не знаю, может быть это анекдотический эпизод, но как характеристику отношения Штюрмера, ко мне злобного, я должен указать, что на следующий день после ухода Штюрмера я проезжал на автомобиле по Троицкому мосту, у меня шина лопнула, автомобиль остановился. Подъезжает ко мне автомобиль, в котором сидят два чиновника Министерства Внутренних Дел: Балашов и Граве, любезно обращаются ко мне и говорят: «Не угодно ли пересесть в наш автомобиль»? Говорю: «благодарю, я сейчас поеду дальше». — «Что, — говорят они, — вы остаетесь директором департамента полиции?»—«Почему?»—«Да, как же произошла смена министра». — «Я знаю». — «У А. А. Хвостова о вас был разговор и у вас нет причины уходить». — Я на это отвечаю: «Раз Б. В. Штюрмер будет председателем Совета Министров, у него будет второй департамент полиции». Это была очень неосторожная фраза с моей стороны. «Я все-таки, мол, предпочитаю уйти, иначе моя жизнь будет невозможная»... Сейчас же эта фраза была передана Б. В. Штюрмеру и была предметом особого обследования, которое, кажется, никаких дурных последствий для меня, в конце концов, не имело. Но все-таки слова мои были предметом дознания, производимого министром внутренних дел: о моих неуважительных, якобы, отзывах о председателе Совета Министров... В тот же день вечером меня попросил к себе Хвостов, я приехал к нему. Он говорит: — «Я уже получил от Белецкого, как министр юстиции, письмо о назначении вас в Сенат, но я теперь не министр юстиции, а министр внутренних дел, и потому я покорнейше прошу вас остаться». Я на это доложил, что собственно те отношения, которые установились с главою правительства, могут только принести вред службе, а не пользу, и я покорнейше прошу освободить меня. Хвостов сказал, что никого нет для того, чтобы заменить меня, что он ко мне относится с известной долей уважения, считая, что он оградит меня от неприятностей и покорнейше просит меня остаться. И я остался. Был отпущен на 10 дней на Кавказ навестить семью. Когда я вернулся с Кавказа, недели через две, мне было предъявлено обвинение в оскорблении главы правительства непочтительным отзывом, благодаря тому эпизоду, который произошел на мосту. Я говорю: «Совершенно верно, такие слова я действительно произнес, нисколько не отказываюсь от них и еще раз убедительно прошу, освободите меня, пожалуйста, от должности директора департамента полиции». Но Хвостов категорически поставил для меня так вопрос, что это вопрос самолюбия—остаться

или уйти. Я принужден был подчиниться, и месяца полтора после этого, накануне ухода А. Хвостова, совершенно неожиданно для него и для меня 15 сентября состоялся указ о назначении меня сенатором.

Председатель. — Совершенно неожиданно не только для вас, но и для министра внутренних дел?

Климович. — Безусловно, я это утверждаю, со слов министра внутренних дел, который сказал мне, что это его крайне оскорбило, так как это прошло совершенно без него. Эти слова им были сказаны.

Председатель. — Таким образом, внешняя ваша история закончена. Так вот теперь будьте добры сказать, вы были до известной степени сослуживцем Штюрмера; что вы можете сказать об его действии на посту министра внутренних дел, о соотношении между министром внутренних дел и теми группами и силами, которые стояли за пределами официального правительства, и в частности об отношениях министра внутренних дел к Манасевичу-Мануйлову и Манасевича-Мануйлова к министру внутренних дел?

Климович. — У Мануйлова-Манасевича были какие-то отношения с министром внутренних дел, т.-е. не с министром внутренних дел, а с Борисом Владимировичем Штюрмером, еще до назначения последнего министром внутренних дел. Это для меня ясно. Формальное же подтверждение имею только в одном факте: Месаксуди, полковник, находившийся в Петрограде, когда он хлопотал по делу своего брата, обратился в Манасевичу-Мануйлову, и Мануйлов сказал, что он будет хлопотать через Штюрмера. Это было лет семь - восемь, может быть и десять тому назад, следовательно оказалось, что Мануйлов-Манасевич уже тогда какое-то отношение имел к Штюрмеру. Может быть он врал, может быть он хвастался этими отношениями, я, конечно, не беру на себя ручательства, но этот эпизод проскользнул в процессе Манасевича-Мануйлова.

Председатель. — Скажите, где это дело? По какому департаменту полиции имеется то дело о Мануйлове-Манасевиче, те свидения, экстракт из которых вы представили, в виде записки, министрам?

Климович. — По шестому делопроизводству, особый отдел.

Председатель. — Теперь продолжайте.

Климович. — Затем опять таки лишь догадка, — я видел, что Манасевич-Мануйлов исполняет какие-то секретные поручения Штюрмера. В отношении этих секретных поручений мои догадки свелись к тому (потом это отчасти подтвердилось), что Манасевич-Мануйлов поддерживал связь между Распутиным и Штюрмером. Это мое предположение основано на следующем: во-первых, Манасевич - Мануйлов доставлял иногда в департамент полиции

некоторые счета по поездкам с Распутиным в Царское Село, счета за автомобиль. Обыкновенно являлся гр. Борх, состоявший при Штюрмере, и заявлял мне, что министр просит оплатить такие-то и такие-то счета. Эти счета, не веря Мануйлову, я посылал в гараж проверить, когда гараж подтверждал, то я уплачивал. Это были пустые счета в размере от 8 до 100 рублей. Небольшой расход.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, с какой точки зрения вы проверяли, ездил ли Распутин в Царское Село?

Климович. — С той точки зрения, не приписал ли Мануйлов-Манасевич к этим счетам, так как на это он был способен, например, один счет уменьшился на двадцать рублей после проверки.

Председатель. — Почему вы находили нужным это требование исполнять? Распутин — Распутиным, а зачем департаменту полиции расплачиваться?

Климович. — Собственно, секретный фонд находится в распоряжении министра внутренних дел. Если распоряжается товарищ министра, то он распоряжается за министра внутренних дел; если распоряжается директор департамента, то это вопрос полномочия. Но во всяком случае, ответственность за эти пять миллионов лежит всецело на министре внутренних дел.

Председатель. — За какие пять миллионов?

Климович. — Общей секретной суммы. Следовательно, если я получал от министра внутренних дел ордер или приказание уплатить такой-то счет, то, конечно, я должен его уплатить, потому что это его распоряжение. Зачем эти поездки? — Мне отчета в этом не отдавали. Собственно с Мануйловым-Манасевичем я никогда не видался по поводу этих счетов. Он обыкновенно ко мне не смел заходить, а ко мне заходил гр. Борх и говорил, что такие-то счета представлены. Затем это посылалось в третье делопроизводство, из третьего делопроизводства приносилось мне для оплаты и так как я имел приказ оплатить, то я оплачивал, тем более, что деньги были пустые.

Смиттен. — Вы изволили сказать, что вы проверяли счета через гараж: вас интересовал только размер платы или куда ездил Распутин?

Климович. — Куда он ездил — я знал; это не представляло для меня никакого секрета. Наружное наблюдение за Распутиным вели, и я знал, что, действительно, такие поездки были; для меня вопрос был в том, чтобы Мануйлов не приписал, потому что я знал, что имею дело с таким лицом, которое на это способно.

Председатель. — Вернемся к нити вашего рассказа. Для вас было ясно, что Мануйлов держит связь между Штюрмером и Распутиным?

Климович. — Для меня было ясно и другое, что собственно в этом отношении оказывает услуги Мануйлов министру внутрен-

них дел. Но какие услуги, я не знаю. В смысле периодического осведомления? Но казалось, между Распутиным и Штюрмером была еще другая связь, более прочная. Например, были сведения, что Распутин бывал у Штюрмера, бывал каждый день. Потом я знал, что Распутин сам относился к Мануйлову не особенно доброжелательно, пользовался его услугами, но расценивал его не с высокой точки зрения, как указывали мои агентурные сведения.

Председатель. — Так вот значит об отношениях Штюрмера к Манасевичу-Мануйлову и Распутину. Может быть вы знаете его отношения и к другим лицам?

Климович. — Я должен сказать, что если взять все то, что я имел случай докладывать ему, по количеству времени, за все время, что был директором департамента полиции, то в общей сложности я побеседовал с ним четыре или пять часов и из этих четырех или пяти часов два или два с половиной часа ушли по крайней мере на различные вопросы относительно опять таки Распутина или связанных с ним дел, например, поездки Гермогена, о котором была сделана какая-то сенсация, будто он хотел убить Распутина. Я знаю, что я очень скоро был обрисован в Царском Селе, как человек крайне ненадежный, при наличности которого жизнь Распутина якобы находится в опасности. Я был охарактеризован, как «хвостовец». . .

Председатель. — Кем вы были охарактеризованы?

Климович. — По-моему я был охарактеризован Штюрмером.

Председатель. — Так говорили ваши агентские донесения?

Климович. — Об этом агентских донесений я получать естественно не мог. Но была случайная встреча у меня с Вырубовой, которая мне прямо сказала: «За что вас Штюрмер так ненавидит?» Это было после ареста Мануйлова. Она же мне сказала: «Б. В. Штюрмер говорил мне, что охрана Распутина поручена именно Мануйлову и что он за нее совершенно спокоен». Я должен доложить, что никогда охрана Распутина на Мануйлове не лежала. Охрана Распутина была поручена Б. В. Штюрмером непосредственно начальнику петроградского охранного отделения и, с моего ведома, ему было предоставлено 4 филера, которые его сопровождали. Что касается Мануйлова, то ясно было по докладам этих филеров, что Мануйлов никаких обязанностей по охране не нес. Может быть он имел неизвестные мне обязанности, но, по своему характеру и поведению там, безусловно никаких охранных обязанностей, в смысле охранения Распутина, не нес. Следовательно, за фразу подобного рода, брошенную, сказанную не то Вырубовой, не то императрицей, я не могу поручиться. Я слышал от Вырубовой эту фразу. Она была сказана для того, чтобы проверить меня. Несомненно, она была фразой ложной. Штюрмеру было хорошо известно, что такие поручения на Мануйлова не возлагались. Когда

та же Вырубова спросила: «За что вас Штюрмер так ненавидит?» Я ответил: «Не знаю». — «Зачем вы арестовали Мануйлова?» Я говорю: «Если бы мой брат родной сделал такие гадости, как Мануйлов, я бы его также арестовал». Тогда Вырубова сказала: «У меня только что были Никитина и С . . . . . [1]) и говорят, что теперь Григорий остался совершенно без охраны». Но это все была инсценировка. Если я виделся в своей жизни и разговаривал с Вырубовой два раза и два раза с Распутиным, то эти беседы были необходимы. Это было в бытность министром А. Хвостова. Но оба эти свидания и с той и с другим я имел с разрешения министра, по предварительному докладу, и они имели целью только ориентироваться в том, что собственно говоря, какие темные выступления против нас предпринимаются. И, конечно, в некотором роде эти встречи результаты дали.

Председатель. — А именно? Будьте добры вкратце изложить.

Климович. — После этого разговора с Вырубовой, вернувшись в Петроград, я протелефонировал Распутину следующую вещь. Я говорю: «Григорий Ефимович, что же вы врете, что это я вас хочу убить?» Так было, именно в такой форме.

Председатель. — Вам так сказала Вырубова?

Климович. — Она мне сказала, что охрана снята. Тогда он сказал: «Да нет, ничего подобного». Я спросил: «Разве ваша охрана была поручена Мануйлову? Мне Вырубова сказала, что Мануйлов был арестован только для того, чтобы отнять у вас охрану». Он сказал на это: «Она сейчас у меня будет, я ей скажу, что это неправда». Таким образом, это была одна из паутин, которая плелась вокруг Хвостова и вокруг меня в Царском Селе, и приходилось, к сожалению, не игнорировать такие вещи, потому что создавались легенды самые невероятные.

Председатель. — Это — один случай; а другой случай? Вы говорите, что два раза беседовали с Распутиным?

Климович. — Другой случай был раньше. Это был последний. Виноват, я еще не кончил по второму случаю. . . Распутин сказал тогда: «Позвольте, я к вам приеду» — и приехал. . . Разговор был короткий в той же форме, как по телефону.

Председатель. — Он приехал к вам на квартиру?

Климович. — Приехал ко мне на квартиру. Это было в воскресение. Я был в департаменте, но он не сообразил и приехал ко мне на квартиру. Он мне сообщил, что Вырубова у него была, и он ей объяснил, что Мануйлов никогда его охраной не был и поэтому арест Мануйлова не есть устранение его охраны, и разбил легенду, которая была создана, что будто бы Министерство Внутренних Дел занимается устранением его, Распутина.

Председатель. — И затем еще другой случай?

---

[1]) Фамилия не застенографирована.

Климович. — Другой случай был перед этим. Это было за месяц до этого. Он мне довольно таки мало понятен. Я его могу только объяснить, так сказать, без ручательства за справедливость объяснения. Мне было передано, что Штюрмер просил ее величество доложить государю императору о необходимости меня удалить с поста директора департамента полиции.

Председатель. — Кто? Штюрмер просил бывшую императрицу?

Климович. — Да, — говоря, что я его оскорбляю. Это было в связи с инцидентом на мосту. Ее величество уклонилась от этого, и вслед за этим мне сообщили, что Вырубова ищет свидания со мною. Я ее никогда еще не видел и не знал. Я тогда обратился к А. А. Хвостову и спросил, не поставит ли он мне в укор, если я съезжу. Он говорит: «Пожалуйста, пожалуйста и узнайте, в чем там дело». Я приехал и говорю ей: «Вы желали меня видеть?» — «Вы были керченским градоначальником?» Я говорю: «Да, был». «Теперь императрица задалась вопросом о создании санатории для солдат. Там, я слышала, есть место в Керчи. (И действительно там есть казенное место в 200 десятин, очень хороший участок земли — прибрежный). Вот расскажите мне по этому поводу»...

Председатель. — Ваш разговор был в таком роде?

Климович. — На меня это произвело впечатление смотрин, — было как бы приказано меня посмотреть, но из этого абсолютно ничего не вышло, разговор был только в этих пределах... Я распрощался и уехал. Через несколько времени мне говорят: «Вам нужно повидаться с Григорием Распутиным».

Председатель. — Кто говорил?

Климович. — П. Г. Курлов. Пришел и говорит: «Вы с ним познакомьтесь». Я говорю, что мне не к чему. «Нет, вы знаете, тут надо считаться. Я знаю, что вы ничего не ищете, но могут вам сделать неприятность. Вы, пожалуйста, повидайтесь». Агентурные сведения меня предупредили, что это именно были смотрины Вырубовой и что должен смотреть меня и Распутин. Это мне было обидно.

Председатель. — В какой момент?

Климович. — При вступлении Хвостова — вот в этот период. Я позволяю себе представить короткое умозаключение. Штюрмер ушел с поста министра внутренних дел. Вопреки его желанию, я был оставлен директором департамента полиции. Нужно было меня удалить. Тогда начинается давление в Царском Селе. Это давление встречает некоторое противодействие, в смысле, может быть, некоторых благоприятных отзывов обо мне. Сомнения возникли.

Председатель. — Со стороны кого?

Климович. — Думаю, что со стороны императрицы.

Председатель. — Которая вас лично знала?

Климович. — Она меня никогда не видела. Вероятно, она слышала обо мне от Елисаветы Федоровны, которая меня любила и очень внимательно относилась ко мне. Может быть, это был отголосок ее слов, и тогда являлась необходимость проверить слова Штюрмера — удовлетворить ли его просьбу или нет? — Прсверить путем личного впечатления, которое я произведу. При чем это впечатление поручается проверить Вырубовой и Распутину. Извините, это, может быть, мое смелое предположение, но я не могу себе иначе объяснить.

Председатель. — Что же? Смотрел вас Распутин? Как же это было?

Климович. — Да, смотрел. Меня смотрела первая Вырубова, а после этого одно из лиц, стоящих недалеко от Вырубовой, говорит, что Распутин должен вас посмотреть.

Председатель. — Одно из лиц, стоящих близко к Вырубовой, кто именно?

Климович. — Н. И. Решетников.

Председатель. — Кто же этот Решетников?

Климович. — Решетников из Москвы.

Председатель. — Да, помню. Там, где остановился Распутин...

Климович. — Вас, — говорит, — будут смотреть. Я ответил, что не знаю, как это будет. Через несколько дней является Курлов и говорит: «Вам нужно повидаться с Распутиным». Я отказался. Тогда он говорит: «Поедемте со мной вместе к Бадмаеву. Вы подумайте об этом до завтра». Я сказал: «Хорошо». На другой день я пошел к Курлову и говорю: «Знаете, Петр Григорьевич (я избрал благовидный предлог), меня Штюрмер и так не любит, а если узнает, что я виделся с Распутиным, подумает, что я веду какую-нибудь закулисную интригу. Мне это было бы крайне неприятно. Увольте меня, я не поеду». Я категорически отказался. «Ну, как знаете», — сказал Курлов. Я вернулся домой. Через день или два телефон звонит. «Кто такой?» (Это был первый телефон от Распутина.) «Я, — говорит, — Григорий Распутин»... — «Что вам нужно?» — «Вы генерал Климович?» — «Я». — «Мне вас повидать нужно: люди под вас копают». — «Спасибо, что хотите помогать, но мне это не нужно». — «Вы приезжайте ко мне». — «Нет, я не могу приехать». «Одевайте статское платье и приезжайте». Я говорю: «У меня статского платья в заводе нет». «Так не приедете?» — «Нет». — «Тогда я к вам приеду»... Я говорю: «Это ваше дело». — «Вы дома?». — «Да, дома».

Председатель. — Вы как раз из дома говорили?

Климович. — Да из дома. Является на автомобиле. Вот это первый приезд.

Председатель. — С кем-нибудь или один?

Климович. — Один, но мне потом говорили, что какой-то господин еврейского типа стоял внизу. Это, должно быть, Сима-

нович. Но ко мне он пришел один. Тогда я в первый раз его видел. Пришел, перекрестился на образа, поклонился от дверей. Я предложил ему кресло. Сел в углу комнаты, скрестивши ручки, очень скромно. И вот разговор стенографически передаю. «Да, да, да. Я вот рад. Вот, вот. Хорошо, что я вас вижу». Я говорю, что очень рад; чем могу служить? — «А скажите, пожалуйста, Белецкий хороший человек?» Я говорю: «Ничего». — «Ах, да, да, да. А Сухомлинова за что посадили?» — Я говорю: «Не знаю, там сенаторы разбираются в этом деле, а мне совершенно не известно». — «Нешто за пушки, что пушек не было?» Я говорю: «Может быть и за пушки». — «Да если ведь из-за пушек, так другие больше, чем он, виноваты». Я молчу. Это намек на Сергея Михайловича. «Да другие-то знаете, что больше виноваты?» — Я говорю: «Не знаю, кто виноват в этом деле, там разберутся». — «Да, да, да. А вот мне про вас говорили, что вы зверь». — Я говорю: «Смотрите, какой зверь». — «Ну, мало ли что люди говорят. Все люди врут. Ну, до свиданья»...

Председатель. — Он говорил с вами на ты или на вы?

Климович. — Он говорил мне: «ты, ваше превосходительство», иногда говорил вы. Я стенографически старался, возможно точно, передать эту беседу. Я об этом вообще, как о курьезе, рассказывал довольно много, не делал секрета из этой беседы, потому что она мне казалась анекдотичной. Он ничего не просил. На меня произвело впечатление, что или с уходом Штюрмера, потеряв связь с министерством внутренних дел, он ищет возможности завести знакомство с директором департамента полиции, чтобы обращаться к нему с просьбами; либо, как мне казалось более верно, то, что мне подсказал Решетников, что меня пошлют «смотреть». Вот какая цель.

Председатель. — А он не писал вам?

Климович. — За бытность мою директором департамента полиции, я раза три или четыре получал письма от Распутина, которые начинались всегда так: «Милай дарагой, помилуй его грешнаго» — и обращался с какой-нибудь просьбой. Все эти письма в делах департамента полиции подшиты. Все просьбы признаны были неосновательными и оставлены мною без последствий.

Председатель. — Это были бланковые письма без упоминания лица, за которое просят?

Климович. — Я не знаю, были ли это его собственноручные каракули, либо чужие, но лицо являлось лично.

Председатель. — Но в письме было имя лица, или это было бланковое письмо, годящееся для всякого?

Климович. — Пожалуй, что бланковое.

Председатель. — Вы добрую половину своих показаний посвятили Распутину. Может быть то, что я спрошу, вам неизвестно,

но все-таки я хотел вам поставить вопрос: в вашу бытность в Министерстве Внутренних Дел или в распоряжении министра внутренних дел, не было ли случая, когда вы ясно видели, что по данному вопросу Штюрмер исполняет просьбу и распоряжения Распутина, Манасевича-Мануйлова или кого-нибудь еще?

Климович. — Видите ли, я должен сказать, что Б. В. мне не доверял совершенно, и потому с первых же шагов, когда у нас было столкновение, по поводу Мануйлова, он видел, что я других точек зрения держусь. И он, хотя передавал мне просьбы Распутина, но должен сказать, что всегда это делал в такой форме: «Вот вам такое-то письмо». «Какой-то офицер просил через Распутина, там забегали многие». — «Вот представьте мне справку по этому делу». — «Слушаюсь». Я чувствовал, откуда было указание. Я фамилию помню, Зубов, полковник какой-то из Новгорода. Справки я эти посылал. Потом было, что он мне передает 2 — 3 письма Распутина и говорит: «Вот возьмите на ваше распоряжение».

Председатель. — Каких вопросов касались?

Климович. — Обыкновенно кого-нибудь освободить, сидящего по пьяному делу. Какие-то пустяки. В делах департамента полиции есть эти письма.

Председатель. — Как ни случайны были ваши доклады, все-таки некоторые распоряжения общего характера по департаменту полиции исходили от имени министра внутренних дел?

Климович. — Затрудняюсь вспомнить. Ни одного кажется распоряжения общего характера не было. По частности может быть кое-какие были резолюции, а общего характера не было. В этом-то была вся горесть службы, что я тщетно просил Христом богом дать мне какие-нибудь общие директивы. . .

Председатель. — Но все-таки в отдельных распоряжениях, которые вам отдавал министр внутренних дел, не встречались ссылки на бывшую императрицу или на Царское Село?

Климович. — Нет. Даже в том случае, если даже были вопросы, связанные с Царским Селом, которые я несомненно знаю, что были. Например волновал приезд сюда Гермогена. Он волновал Царское Село, потому что г. Мануйлов, как я имел достоверные сведения из редакции «Вечернего Времени», написал Вырубовой аноним, что приехал сюда Гермоген, что хвостовцы его допустили сюда, и жизни Григория угрожает опасность.

Председатель. — Это кто написал?

Климович. — Это Мануйлов написал и это письмо попало к Вырубовой. Так как я знал, что этот аноним был послан туда, мне совершенно понятной стала та ажитация, в которую, по поводу приезда Гермогена, впал Штюрмер, уверяя меня, что в департаменте полиции есть распоряжение, высочайшее повеление, о воспрещении Гермогену въезда в Петроград. Мне ставили

в укор, что я прозевал подобного рода распоряжение. Но как я ни искал, такого высочайшего повеления о воспрещении въезда Гермогену в Петроград никогда не было, и поэтому я найти не мог. Тогда Штюрмер заставил меня весь департамент полиции перерыть в течение 3 дней, уверяя, что такое распоряжение есть. Но в этом, как мне кажется, его уверил Мануйлов. С другой стороны, Мануйлов своим анонимом так намуссировал настроение в Царском Селе, что это передалось Штюрмеру. Вот к сожалению подобного рода инциденты поглощали большую часть моего общения с министром внутренних дел. Что касается деловых, то их было так мало, что я в конце концов был совершенно без руля и без ветрил и не знал, что делать. Между тем обстановка была на столько серьезная, что она требовала получения каких-нибудь директив. С другой стороны отсутствие определенных каких-нибудь указаний заставляло меня. . .

Председатель. — В бытность вашу директором департамента полиции была получена бумага через Штюрмера с ссылкой на волю тогдашнего государя или государыни о том, чтобы особа Распутина охранялась, как особа царской фамилии?

Климович. — Мне Штюрмером сказано это не было, но приблизительно, без упоминания царской фамилии, в таком смысле было сказано Штюрмером генералу Глобачеву, который мне об этом доложил. Вообще об охране Распутина Штюрмер никаких разговоров со мною не вел.

Председатель. — Это все ведал генерал Глобачев и петроградское охранное отделение?

Климович. — Я об этом все узнал, но не от Штюрмера, а от исполнителя.

Председатель. — О существовании каких кружков безответственных и влиявших на тогдашних министров и на направление внутренней политики вам известно?

Климович. — Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Один из моих случайных знакомых задавал этот вопрос, я обдумывал его и пришел к такому выводу. Мне казалось, что какой-нибудь организации влияющей нет, — это хаос, полный хаос. По-моему, в центре этого хаоса все же стояла г-жа Вырубова. Это все мое личное впечатление. К ней, потом, примазывались те, кому удавалось. В данном случае, удавалось немногим пройти; например — Мануйлову. Если не непосредственно к Вырубовой, то к Никитиной, к Распутину. Засим, то, что группировалось около Распутина, в широком политическом смысле, политических целей оно, несомненно, не преследовало, а скорей преследовало цели чисто извлечения личных выгод. Затем приходилось мне встречаться с господином, который один раз у меня был. Это Андроников. Но он стоял как будто бы в стороне от распутинской и мануйловской компании. Он поразил меня своей беззастенчи-

востью, и мне кажется, он лгал, неправду говорил о том, что изобрел способ влиять на его величество. Он говорил, что издает газету, и, если он желает сделать кому-нибудь гадость, то пишет в этой газете передовую статью, берет корректурный оттиск и посылает в Ставку, с запросом, можно ли ему печатать.

Председатель. — Про какую газету идет речь?

Климович. — Я не помню, какое название. У Андроникова была какая-то газета, кажется «Голос Русского». Потом он цинично мне заявил о том, что он таким способом и пользуется, что этот способ очень могучий. Он заявил об этом при первом знакомстве. Знакомство это произошло потому, что у него очутился железнодорожный билет департамента полиции, данный ему до моего вступления в должность директора департамента полиции кем-то, и этот билет он присвоил себе. Я требовал, чтобы он вернул билет, и написал ему резкое письмо такого содержания: «Если билет не будет возвращен, я буду вынужден сообщить в Министерство Путей Сообщения, чтобы его признали недействительным». Тогда он приехал ко мне и, желая импонировать своей силой, дал мне понять, что он может написать на меня какую угодно грязную статью, что эту статью печатать не будут, а в Ставке ее прочтут.

Председатель. — Вы высказали сомнение в существовании связи между Андрониковым, Распутиным и Манасевичем-Мануйловым?

Климович. — Мне она в данный момент не была ясна. Мне казалось, что они конкурирующий элемент.

Председатель. — На чем, по вашему тогдашнему впечатлению, основывались вес и значение Андроникова, хотя бы в смысле возможности передать в Ставку газету в корректуре и заставить прочесть?

Климович. — Я Андроникова только один раз видел. По-моему это в высшей степени предприимчивый, неразборчивый в средствах человек, который, благодаря своей крайней беспринципности, может быть довольно силен и пробираться туда, куда ни один порядочный человек не проберется.

Председатель. — На тот вопрос, который я вам задал, ваш ответ можно понять так, что вы не знаете, есть ли там кружки, что был хаос и отдельные лица?

Климович. — Да, которые группировались в шайке, так сказать, независимые.

Председатель. — Каково было отношение при вас департамента полиции к организации союза русского народа и к другим реакционным группам?

Климович. — Я лично по возможности их избегал; но в сущности и у департамента, собственно говоря, можно сказать почти никаких не было отношений к ним за мою бытность директором

департамента полиции. Я говорю почти, а можно сказать: совершенно никаких не было. И вот скажу, в чем они состояли за мою бытность директором. Ко мне приезжала одна дама, кажется Степанова, если я не ошибаюсь, издававшая рабочую газету, кажется она же Дезобри, приезжала раза три-четыре просить какого-нибудь содействия. Я этого содействия не дал.

Председатель. — Содействия чему?

Климович. — Материалом для издания. Но я не дал. Затем в департамент полиции обращался неоднократно Орлов, известный в России; ему было ассигновано, кажется, если не ошибаюсь, 100 руб. жалованья и 100 руб. на какой-то кружок. При моем вступлении я прекратил в самом начале эти выдачи им совершенно. Я считал, что их деятельность за последнее время настолько опустилась и свелась только к извлечениям материальных выгод из торговли патриотическими идеями так, что мне противно было давать им что-либо. Но впоследствии Орлов так назойливо приставал через кого-то к А. Н. Хвостову, приставал и ко мне письмами, посланиями, целым рядом прошений, что А. Н. Хвостов приказал выдать то, что ему было назначено. Вот этим ограничились сношения.

Председатель. — Это денежное сношение. А сношение...

Климович. — Сношений не было. И должен сказать, что это сношение для нас было всегда большим бичом, потому что обыкновенно какой-нибудь отдел союза русского народа предъявлял довольно ультимативные требования, довольно дерзкие, абсолютно невыполнимые, так что сношения с ними старались не иметь. Может быть сношения ограничивались посылкой каких-нибудь подозрительных телеграмм, да и то не помню...

Председатель. — По должности директора департамента полиции или просто так, частным образом, вы не знали ли о выдачах вот из этого самого 5-миллионного фонда в направлении субсидирования отдельных лиц, известных по реакционной деятельности, или отдельных групп союза русского народа или других организаций?

Климович. — Вот я говорю, что выдача из этого фонда касалась Орлова.

Председатель. — Вы говорите о департаменте полиции, но не весь фонд был в распоряжении полиции.

Климович. — Пятимиллионный фонд — весь. На этот пятимиллионный фонд содержалось охранное отделение, всероссийские учреждения заграничной агентуры и самый департамент полиции содержался, потому что штаты его настолько устарели, что расходы в три раза уже переросли свой номинальный штат. Потом содержание дворцовой охраны, воейковской организации, охраны во время поездки государя. Так что расходов было очень много из этого фонда. Я должен сказать, что из этого фонда других выдач я не знаю и субсидий таких патриотических орга-

заций тоже не было. Я думаю, что вы возьмете сметы и отчеты: там до копейки все есть; если вы найдете там темные места, то они будут озаглавлены так: «Выдано на известные нужды министру или товарищу министра».

Председатель. — А есть на известные нужды директору департамента полиции?

Климович. — Да, но за мое время не было.

Иванов. — А министрам было?

Климович. — При Штюрмере было. . .

Председатель. — Вы не касаетесь тех сумм, которые были в безотчетном распоряжении самого министра?

Климович. — 54-х тысяч, так называемой шефской суммы, я не касался.

Председатель. — Эти 54 тысячи входили в пятимиллионный фонд?

Климович. — Входили. . Они выдавались ежемесячно и шли вообще на содержание различных. . .

Иванов. — Скажите: вы поступили при А. Н. Хвостове, незадолго до его ухода?

Климович. — Недели за две, за три.

Иванов. — Скажите, А. Н. Хвостов не поручал ли вам надзор за Распутиным, ничего не говорил, что его интересует, что его заинтересовала его деятельность?

Климович. — В то время, до моего прихода еще, при Распутине была охрана, двое или трое, по распоряжению начальника охранного отделения, охраняли его. Собственно говоря, эти агенты не столько имели целью охрану Распутина, сколько информацию о его поступках и, в этом отношении, начальник охранного отделения непосредственно, как вопрос щекотливый, докладывал министру внутренних дел, избегая лишних ушей, лишней передачи директору департамента полиции, если было что-нибудь, заслуживающее внимания. Так что, собственно говоря, со мной в этом отношении никаких разговоров А. Н. Хвостов не имел. Но мне было известно, что в то время уже при нем состояли эти лица.

Иванов. — При Хвостове были эти лица или раньше?

Климович. — До Хвостова.

Иванов. — Когда вы поступили, вы указывали на то, что бюджет был расстроен и около 600 тысяч не хватало? Вы, конечно, интересовались в то время, почему это? Вы определяли этот недостаток путем ознакомления со всеми расходами, со всеми кредиторами, которые были в распоряжении полиции. Так вот: при ком были произведены такие расходы, которые вызывали такое расстройство, при Хвостове или при Штюрмере, — вам известно? И за какой период? Вы знакомились с этой сметой, вам это должно быть известно. . .

Климович. — В этом отношении я должен сказать, что меня интересовал бюджет в начале года с 1 января. Старый год, конечно, меня не интересовал. Я вступил почти в начале января. Только два месяца, полтора месяца был при Хвостове.

Иванов. — При ком наибольшие расходы вызвали расстройство?

Климович. — Я должен сказать, что расходов излишних не было, довольно много причин вполне лойяльных и легальных для дефицита в этом бюджете.

Председатель. — Теперь разрешите вам поставить в опрос. Будьте добры изложить, какое отношение было, в вашу бытность директором департамента полиции, лиц, которые были при департаменте, в то время непосредственно под вашим начальством, и затем некоторых начальников охранного отделения к вопросу о провокации? И скажите также, каково было ваше личное отношение и действия. В этом направлении я делаю некоторое тут разделение, ибо действия могут отличаться от того, что желательно, и затем желательное одним лицам, нежелательно другим.

Климович. — Я прошу позволения пояснить понятие провокации.

Председатель. — Это интересует нас в смысле создания агентами известных фактов, которые с точки зрения действующих законов являются преступными, в смысле участия агентов в деятельности революционных учреждений и групп, и в совершении ими лично поступков, которые являются преступными с точки зрения законов.

Климович. — Так как агенты охранных отделений секретно состоят в то же время членами революционных организаций, ибо, не состоя членами революционных организаций, не соприкасаясь с ними, никаких информаций дать нельзя. Департамент полиции, в этом отношении, стоял на точке зрения...

Председатель. — При вас?

Климович. — Я позволю себе сказать, что эта точка зрения не только моя, но она тянется в течение десяти, по крайней мере, лет. Раз член революционной организации сообщает о принадлежности или участии в революционных организациях, это уже само по себе представляет преступление с точки зрения закона. Следовательно каждый участник как бы является уже ответственным, если он не заявит об этом законной власти. Казалось юридически заявление законной власти о том или другом преступлении снимает с участника непосредственное обвинение в участии.. .С другой стороны, до какой степени допустимо это — вопрос очень больной и очень острый. Допустимо ли участие сотрудников в революционных организациях? Совершенно отказаться от этого участия — значит потерять возможность информации. Информация является

необходимой не только в интересах репрессии, но и в интересах высшей администрации: для тех или других распоряжений, которые должны быть, ибо, когда знаешь, — можешь принять те или другие меры совершенно иначе. Поэтому департаментом полиции информация такая была признана необходимой. Вопрос в степени допустимости. Провокацией собственно называлось такое участие секретных сотрудников в деятельности тех или иных революционных организаций, которое способствует либо воссозданию организации, либо развитию деятельности ее, либо вовлечению новых членов в организацию: тем более, конечно, то, что могло быть самым роковым — возможность оклеветания кого-нибудь или симуляции каких-нибудь революционных выступлений. Я должен сказать, что моя деятельность в этом отношении вся была направлена к самой беспощадной борьбе с теми явлениями, которые я только что перечислил и которые считал совершенно недопустимыми. Я должен сказать, что за последнее время, вот когда я был директором департамента полиции, самая деятельность подпольных революционных организаций расплылась в значительной мере, и собственно там освещения такого реального не было. Т.-е. освещение-то было, но деятельность реальная, конкретная собственно была очень слабою. Из отрицательных сторон деятельности, если были нарушения такие, какие я только что перечислил, — это собственно два случая. Я собственно два случая наблюдал за время, что был директором департамента полиции. Оба очень мелких и оба были расследованы. Один собственно не привел ни к каким плохим результатам, — это в Полтаве. Сотрудник — агент заявил о том, что, кажется в Киеве, собирается кружок украинской молодежи. Нелепые сведения, несоответствующие действительности, заставившие директора департамента полиции обратить на это внимание. Был командирован специальный офицер из департамента полиции для того, чтобы проверить это обстоятельство. Резолюция после этой проверки была такова, что ничего не произошло, никто не был арестован. Арестовать приказано было лишь этого агента. Циркулярный был отдан приказ, чтобы никто из офицеров не пользовался его услугами.

Председатель. — Вы помните его фамилию?

Климович. — Не помню. Я ведь непосредственно с сотрудниками никогда не имел сношения.

Председатель. — А кличка его?

Климович. — Не помню. Это полтавский инцидент. Полтавское дело. Находится оно в 6-м делопроизводстве. Ездил полковник Зеварзин. Я остался недоволен им. Второй случай был в Пензе у полковника Е. Кременецкого, начальника жандармского управления. Там был случай совершенно грустный. В сущности, там сотрудник, повидимому, спровоцировал, чуть ли

не печатные издания или воззвания. Я вначале очень горячо к этому отнесся и даже сообщил начальнику штаба о невозможности оставления там на службе этого офицера, но потом был командирован туда чиновник департамента полиции Дмитриев, статский советник, который высказал, что в данном случае со стороны начальника жандармского управления была не злостность, а была ошибка, что он стал жертвою обмана, при чем начальник управления доказывал это письмом самого сотрудника, который сообщал сведения, не соответствующие истине. Характерно было то, что начальник управления мог быть введен в заблуждение сотрудником. В этом отношении из письма видно, что он имел от начальника управления совершенно иные соответствующие инструкции. Я сделал тогда распоряжение, и этот сотрудник тогда же был заключен в тюрьму. Весь материал был передан прокурору. Что касается начальника управления, то я бы все-таки его не оставил, но не мог этого решить, потому что это совпало с моим уходом.

Председатель. — Позвольте перейти к общему вопросу, от которого вы несколько уклонились, — к вопросу о провокации. В делах департамента полиции есть записки совершенно секретные об организации внутренней и внешней охраны; они относятся к вашему времени. Совершенно секретные без права перепечатки?

Климович. — Они старые, вероятно, десятилетнюю давность имеют. Может быть они перепечатывались при мне, не помню.

Председатель. — Но общий вопрос не выдвигался при вас? Общий вопрос о внешнем и внутреннем наблюдении в связи с вопросом о провокации, о сотрудничестве в связи с провокацией?

Климович. — Я должен сказать, что нового ничего не выдвигалось. Приняв старое существующее положение, я шел по нему— по этому пути. Но борьба с провокацией в данном случае, казалось мне, должна вестись в частных случаях. Там, где эта провокация есть, она должна быть искоренена. В этом отношении я обращал строгое внимание на конкретные случаи. Что касается общих директив, то общие директивы существовали до меня, они были даны ранее. Они были даны в той форме, чтобы сотрудники никакой активной деятельности в революционных организациях, могущей привлекать туда новых членов, не проявляли и не могли развивать эту деятельность, поднимать настроение, чтобы сотрудники ограничивались, если они члены революционной организации, пассивной ролью. Роль которой называется конспиративной, т.-е. лица, принимающего на хранение предметы передающего. Словом, эта роль считалась пассивной, а не активной. Пропагандисты считались абсолютно недопустимыми.

Председатель. — Но ведь вам известно, что некоторые ваши сотрудники занимали выдающиеся положения в партийных органи-

зациях и собственно, чем больше они принимали участия, чем больше выдавалось их положение, тем более они ценились, как сотрудники. Как примирить эти два положения?

Климович. — Это очень трудно примирить, но примирить можно только таким положением, что, например, состоя членом известной организации, сотрудник в этом комитете не играл никакой роли, а ограничивался участием.

Председатель. — Но вы говорите о возможности, но позвольте поставить вопрос о действительности, не то, как могло бы быть, а то, как было, с такой точки зрения, как удержаться на этой грани, очень острой.

Климович. — Во всяком случае начальники охранных отделений постоянно подтверждали, что имеют сотрудников в своем распоряжении, и они должны неоднократно настаивать на том, чтобы те не переходили в активность, а сумели бы сохранить пассивное положение в тех или других организациях. Ведь этот вопрос для нас был острый уже потому, что, совершенно не предвидя вопроса о государственном перевороте, который случился, мы имели дело всегда с судом. Если сотрудник играл активную роль, то он должен же был предстать на суд в качестве обвиняемого, что создавало соответствующему офицеру совершенно драматическое положение; это совершенно роняло репутацию офицера, как не сумевшего удержать своего сотрудника в должных рамках. Я должен сказать, что из агентов, которые у меня были в последнее время, наиболее смущал меня работой некий Абросимов.

Председатель. — По какому городу?

Климович. — По Петрограду.

Председатель. — Клички не помните?

Климович. — Не помню. Абросимов — член военно-промышленного комитета. Я несколько раз обращал внимание начальника охранного отделения, чтобы его удержать, чтобы он не становился на пораженческую позицию, что я лично считал преступлением. Его часто посылали с своей революционной организацией, и он везде проповедывал оборонческую точку зрения. Что же касается до его работы в военно-промышленном комитете, то все-таки в тех пределах, в которых эта организация не преследовалась теми законами, которые существовали до переворота.

Председатель .— Значит, по вопросу о факте, тут вы собственно признаете, что имеете совершенно непримиримые противоречия. С одной стороны, ваш сотрудник должен больше знать, и чем больше он знает, тем он для вас ценнее, он должен двигаться по некоторой иерархии, с другой стороны, продвигаться может только тот, кто активно работает, стало быть, кто совершает с точки зрения закона некоторые преступные действия.

Климович. — В этом отношении я вполне признаю, что это положение чрезвычайно трудное, чрезвычайно острое и крайне неблагодарное. И этим, собственно говоря, все время я очень тяготился. Попав раз в охранное отделение в Москве в 1906 году и сойдя с этого пути, слава богу, в градоначальство, я всеми фибрами души, даже до доклада моего об отставке включительно— ведь когда я подавал мое прошение об отставке А. Хвостову, я не знал, что у меня будет Мануйлов-Манасевич и Штюрмер — я не хотел вести этой деятельности, которую считал для себя крайне тяжелой. Я должен сказать, что невероятное искусство, мало искусство, счастливое стечение обстоятельств, может при этой системе удержать сотрудника от того, что именуется провокацией, что очень легко впасть в невольную провокацию. Не будем говорить о невольной провокации, невольный грех — не есть грех, но вообще это — вещь крайне тяжелая и крайне трудная. Я должен признать, что я разделяю вашу точку зрения.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, генерал: положение, затруднительность которого и вы, все, господа, чувствовали, не обострялось ли оно тем, что, в сущности говоря, из центра, из департамента полиции все эти вопросы решить было нельзя? В Костроме, в Архангельске были жизненные случаи, которые заставили переходить эту грань. Можно ли было по такому острому вопросу человеку, стоящему в центре, сладить с этой невозможностью для спасения позиции?

Климович. — Это было очень трудно. Но я должен вам сказать, что в пределах доступного и возможного, т.-е. в том, что видел мой глаз, куда хватала моя подозрительность, я усиленно боролся с этим положением. Но сплошь и рядом приходилось встречаться с совершившимися фактами.

Председатель. — Вам был известен харьковский случай. Это один из многих, где из шести членов преступной организации трое оказались сотрудниками местного охранного отделения?

Климович. — Это к какому времени относится? Я что-то не помню.

Председатель. — Перейдем к формальному вопросу, касающемуся этой же самой организации. Какие сотрудники ведались с центрами департамента?

Климович. — Ни один. Я исторически вам скажу. Со времени М. И. Трусевича, который был директором департамента полиции в 1905 году, департамент полиции от всякой агентуры непосредственной отказался. Эта агентура была при Зубатове, Гуровиче и Мельникове. Этим периодом она кончилась. И с вступлением Трусевича в департамент полиции, я должен сказать, начинается по возможности усиленная борьба, устанавливается надзор за недопущением провокации. И только как — то не знаю. Но знаю, что М. И. Трусевич очень волновался некоторыми вопросами

деятельности петроградского охранного отделения. Вообще же, где можно было бороться, он боролся с этим. Конечно, сплошь и рядом приходилось считаться с совершившимися фактами, как я уже говорил, но они были ограничены.

Председатель.—Вы немного односторонне поняли мой вопрос. Я хотел вам задать вопрос: не было ли таких агентов, таких сотрудников, которые, работая на местах, тем не менее представляли собой настолько крупную величину, что вознаграждались за счет центра, за счет сумм департамента полиции?

Климович. — Вот теперь?

Председатель. — Будем говорить — за ваше директорство.

Климович. — Нет, не было. Позвольте. . . Я не могу вспомнить ни одного. Я не помню.

Председатель. — «Старый» по Москве вы не помните?

Климович. — Нет. Может быть, вы скажете его название?

Председатель. — «Пиер» по заграннице.

Климович. — «Пиер»? — что-то мне вспоминается. Чтобы быть точным, на ваши вопросы я должен сказать безусловно, категорически, что за счет департамента полиции сотрудники не вознаграждались. В общем бюджете департамента полиции есть известная сумма на содержание охранного отделения и на ведение или содержание секретной агентуры и вот эти суммы и компенсируются по усмотрению начальника охранного отделения.

Председатель. — Нет, простите, это не так. Ну, например, таким образом: лицо, получающее 500 рублей в месяц, как было; это лицо получало из сумм московского охранного отделения, или за счет сумм департамента полиции?

Климович. — Такое лицо было еще в бытность мою начальником московского охранного отделения 10 лет тому назад.

Председатель. — Когда вы были директором департамента полиции, кличка «Старый» вам не знакома?

Климович. — Нет. Вы знаете, директор департамента полиции так далеко стоит от непосредственной агентуры, которая ближе заведуется особым отделом, что может быть мне не известно. Я не буду отрицать вам категорически; что этого не было, но я прямо говорю, что не знаю, и мне кажется, что этого не было. «Старый» это по Москве?

Председатель. — Он кажется при вас был. Я скажу, чтобы навели справку. Скажите, пожалуйста, какие сведения. . .

Климович. — Я даже такого большого оклада не помню по Москве. Там кажется максимум было 200 рублей.

Председатель. — Я не помню, было ли это в ваше директорство, но такие сведения в департаменте полиции были настолько законспирированы, что они передавались от одного директора департамента к другому, и к ним особый отдел и представители этого отдела не имели отношения.

Климович. — Вступивши в должность директора департамента полиции, я никаких законспирированных сведений не получил и, уходя с должности директора департамента полиции, никаких законспирированных сведений не сдавал, если не считать несколько бумажек, которые находились в денежном шкафу директора департамента полиции, которые собственно не представляли сведений, но может быть создавали немного щекотливое для министра положение и потому они передавались. Например, был доклад—вы, вероятно, его в департаменте полиции найдете — об ассигновании 5.000.000 на какие-то надобности, и по нему последовала резолюция его величества: «Согласен, но при условии, если расходование этих денег будет подчинено государственному контролю». Я знаю, что деньги не были использованы, так сказать реализована эта бумага не была, но она хранилась в шкафу директора департамента полиции. Что касается сведений особо законспирированных, то я должен сказать, что я таких даже не знаю. Во всяком случае я категорически утверждаю, что они одного законспирированного сведения я не принял и ни одного не сдал.

Председатель. — Но вам известно, что фамилии некоторых лиц, высших сотрудников, зашифровывались?

Климович. — Да, но они дальше особого отдела не шли.

Председатель. — Когда вы говорили о законспирированных сведениях, то вы не имели в виду низшей стадии законспирирования, как зашифровывания?

Климович. — У директора сведений о сотрудниках никогда не было. Вообще этих сведений директор, по своему положению, не мог иметь. Если я начну брать списки сотрудников и их растеряю, тогда конспирация пропадет. Директор работает 18 часов в сутки. Его рвут все время на части. Так что сведений о сотрудниках у меня, как у директора, безусловно не было. Вот вы говорите «Старый», может быть, это известное лицо, но я по фамилии ни одного назвать не могу за редкими исключениями, случайными, с которыми я имел сношения, как начальник охранного отделения, но только клички мы знали. Ведь директора интересует сущность сведений, а не то, кто их дал.

Председатель. — Я бы просил задать вопросы в этом направлении. Затем мы объявим перерыв.

Соколов. — Вот для меня неясно ваше показание в ваших объяснениях: в чьем ведении были заграничные агенты?

Климович. — Заграничные агенты в специальном ведении заграничной агентуры. Это особое учреждение.

Соколов. — Это отделение находилось при департаменте полиции? Лица, заведующие им, в вашем же помещении?

Климович. — Нет, в Париже.

Соколов. — Вы от этих заграничных агентов не имели непосредственных сведений?

Климович. — Эта агентура была на учреждении охранного отделения любого имперского. Оно должно было давать сведения. Оно имело свой бюджет. Мое личное убеждение сводилось к тому, что это совершенно бесполезное, дорого стоящее и съедающее наш бюджет учреждение. Когда мы коснулись вопроса о бюджете департамента полиции, обнаружилось, что раньше мы платили в Париж франк, тут стали платить рубль; масса чинов была призвана на военную службу, нужно было нанять новых, для того, чтобы выполнить работу тех, которые ушли на службу и содержание которых сохранялось. Парижская агентура съедала наш бюджет, сколько я ее знаю в течение 10 лет. Я бы ее с удовольствием уничтожил и считаю, что департамент полиции страшно выиграл от ее уничтожения.

Соколов. — Вам была известна деятельность этой агентуры? Агенты сотрудники заграничного отдела вам были известны?

Климович. — Сведения они присылали в департамент полиции, но я имен не помню. Я думаю, что там можно их установить, во всяком случае.

Соколов. — Помните вы фамилии отдельных лиц, клички?

Климович. — Я помню, что какой-то «Пьер» или «Шарль» приезжал оттуда и просил известную компенсацию расходов. Может быть ему было выдано что-нибудь. Я не помню.

Соколов. — Когда говорили о Вырубовой и Распутине, вы сказали, что ваши агенты сообщали вам, что Вырубова хочет видеть вас.

Климович. — Это не агент. Это московский знакомый мой Решетников.

Соколов. — Вы сказали, что Решетников передал, что Распутин хочет видеть вас. Но раньше вы указывали, что у вас были агентурные сведения?

Климович. — Я не хотел называть Решетникова. Это единственный мой источник.

Соколов. — Он был у вас на роли агента?

Климович. — Нет, на роли знакомого. Я не хотел его называть.

Соколов. — Кн. Андроников имел железнодорожный билет, выданный ему до вас, как агент департамента полиции?

Климович. — Он попросил билет, как одолжение, чтобы куда-нибудь съездить.

Соколов. — Он не являлся агентом для министра внутренних дел, таким агентом, чтобы разузнавать об известных настроениях в обществе?

Климович. — Не могу сказать. Может быть, если уметь извлекать корни квадратные из того, что они говорят. Не знаю, какие были взгляды у министра внутренних дел, но он случайно годовой билет получил из департамента полиции. Ведь эти

господа бывают очень осведомлены и можно извлечь какую-нибудь пользу.

Председатель. — Кто при вас заведывал парижской охраной, заграничной охраной?

Климович. — Красильников.

Председатель. — Вы не знаете о том, что Штюрмер хотел назначить Манасевича?

Климович. — Красильников представлял по существу, на мой взгляд, пустое место.

Председатель. — Сколько они получали денег?

Климович. — Много. Красильников тысяч около 14-ти.

Председатель. — А вообще вся заграничная агентура?

Климович. — Я боюсь сейчас вам соврать, мне неловко, если я ошибусь, ведь это моя специальность. Но она большие деньги стоила. Я думаю около 150.000.

Председатель. — А какая сумма из этих денег была в безотчетном распоряжении заведывающего охраной?

Климович. — В безотчетном распоряжении никакой суммы не было. Мы можем назвать безотчетными суммами только те, которые попадают на секретную агентуру. Я не могу вам сказать.

Председатель. — Так вам известно, что Штюрмер на место Красильникова прочил Манасевича-Мануйлова?

Климович. — Я боюсь сделать категорическое заявление, но я позволяю себе сказать такую вещь, что Красильников плохо разбирался в получаемых им сведениях. Он иногда департамент полиции страшно озадачивал своими донесениями. Видно было, что человек присылает целую кипу сведений, в которых он разбираться не может, которые нас волнуют, и тревожат, и пугают, и мы должны посылать ему запросы, выяснять обстоятельства дела. У меня было желание его сменить, и я думал пригласить на эту должность генерала Коттена, который командует бригадой в настоящее время в действующей армии. Я доложил об этом...

Председатель. — Это бывший начальник московского охранного отделения?

Климович. — Начальник петроградского отделения, ушедший года 3 тому назад в строй.

Председатель. — Он имел какую-то командировку заграницу?

Климович. — Когда его Р... подстрелил в Париже.

Председатель. — Так это был, Коттен?

Климович. — Я его знал, как опытного человека, прекрасно знакомого с революционным движением. Наш идеал такой: чем меньше пишешь, тем приятнее. Ничего нет хуже, как лишний балласт. Штюрмер согласился на это предложение. Он написал письмо военному министру. Министр тоже изъявил охотно согласие. Но когда он явился сюда, то сказал: «Нет, я передумал». Вслед за этим Степанов мне сказал, что предполагается создать

в Петрограде какое-то бюро, которое будет заведывать заграничной агентурой, и во главе этого бюро будет сидеть Мануйлов. Как он будет заведывать, неизвестно, не то выедет в Париж, не то будет сидеть в Петрограде. Какая-то непонятная структура. Это я слышал с чужих слов...

Зензинов. — Вы были в это время начальником охранного отделения в Москве?

Климович. — Да, в 1907 году.

Зензинов. — Вам известно было об Азефе и Жученко?

Климович. — Азеф у меня никогда не был, а Жученко была сотрудницей у меня.

Зензинов. — Вы знаете ее положение в партии?

Климович. — Это представляется мне, главным образом, из ее отношений с видными деятелями партии социалистов-революционеров. И, во-вторых, положение ее в партии было в роли конспиратора, т.-е. роли человека, исполнявшего конспиративные поручения, в смысле предоставления ночлега, хранения, передачи тех или иных предметов.

Зензинов. — Вы не знали, что она была членом партийной организации и занимала определенное партийное положение? Вам не известно было, что она была членом областного комитета?

Климович. — Мне известно было, что она даже занимала положение конспиратора одной боевой организации, т.-е. определенного члена партии, приглашенного на роли конспиратора. А то, что она была членом областного комитета, — это мне неизвестно. Мне известно, что до этого еще она занимала какое-то положение в технике, в смысле конспиративного хранителя литературы, это известно; но, чтобы она была в организации... нет. И можно сказать, что Жученко на мой взгляд представлялась исключительно умной и проницательной, весьма корректным человеком, так что собственно, в смысле провокации с ее стороны, я, по правде сказать, если вы мне говорите... (не кончает фразы). В бытность мою начальником охранного отделения, в одном случае, ее положение было действительно очень шаткое, был один инцидент, но, что вы мне говорите, что она была членом областного комитета, это мне неизвестно.

Председатель. — В двух словах скажите, пожалуйста, какой это был щекотливый инцидент?

Климович. — Это было в связи с покушением, т.-е. то, что ей дали на хранение бомбу.

Председатель. — В связи с каким покушением, когда?

Климович. — Это было в 1906 году, покушение на Дубасова в Москве, оно было предупреждено, было ликвидировано и не состоялось.

Председатель. — Это покушение на Тверской?

Климович. — Нет, это покушение было предупреждено, не состоялось. Это было весной 1906 года.

Зензинов. — В бытность вашу директором департамента полиции вам делались доклады о секретных сотрудниках?

Климович. — Нет, меня интересовали, собственно, сведения, доставляемые секретными сотрудниками, не их личность.

Зензинов. — Но вы все-таки некоторых из них или по личным отношениям или по их докладам знали?

Климович. — Личные отношения у меня были с ними только 10 лет тому назад. За это время, я переменил 3 градоначальства, даже 4, потому что в Москве был 2 раза, затем директором департамента и, наконец, сенатором. По правде сказать, у меня то, что было тогда, изгладилось из памяти, наконец, и люди очистились. Они ушли. Я думаю даже, что в Москве нет ни одного сотрудника из тех, которые были при мне, в мое время. Сотрудником можно быть года 2 — 3, это ведь очень краткосрочно вообще. Я, как директор департамента полиции, имел 4—5 часов на сон в сутки потому, что меня рвали по всем поручениям, и входить в такие мелочи, как личности сотрудников, являлось бы слишком затруднительным. Только случайно мог быть известен мне тот или другой. Вот, как я назвал уже фамилию Абросимова, который стал мне известен потому, что я обратил внимание на его деятельность по провокации в Пензе и Полтаве, т.-е. кажущейся провокации. А фамилий всех сотрудников не помню, это слишком мелкие подробности.

Зензинов. — Вот еще один вопрос. Вы назвали, между прочим, полковника Балашева. Вы можете назвать его имя и отчество и какую должность он занимал?

Климович. — Имя и отчество я забыл, а должность — он состоял штаб-офицером для поручений при Министерстве Внутренних Дел.

Смиттен. — Меня интересует судьба переписки относительно 5 миллионов аванса, которые были испрошены Штюрмером. Эту переписку где можно найти?

Климович. — В денежном, собственно говоря, не в денежном, потому что там денег нет, в железном шкафу директора департамента полиции.

Смиттен. — В его личном кабинете?

Климович. — Нет, не в личном, а в его служебном кабинете.

Смиттен. — Вы можете его описать?

Климович. — Если вы войдете из приемной, то направо, очень большой.

Смиттен. — Может быть вы будете добры ответить на следующий вопрос: известна ли вам деятельность вашего предшественника по департаменту полиции, Белецкого, с точки зрения каких-нибудь неправильных действий, допущенных им по службе?

Климович. — Нет, конкретных данных у меня нет. Мне казалось, что у Белецкого была система любезности: оказывать всем любезности, и с этой точки зрения, может быть, часто слишком широко, в ущерб интересам служебным, могли у него все испросить и пособия и прочие выдачи — очень щедры были раздачи на вспомоществование. Но никаких конкретных случаев его злоупотреблений мне не попадалось. В отчетах денежных вы найдете: «Такие-то суммы на известные его превосходительству надобности», а что это такое, я не знаю, может быть дело, может быть злоупотребление.

Смиттен. — А самый эпизод, инсценировка дела Ржевского и Иллиодора. Вы можете указать какие-нибудь обстоятельства, которые бы свидетельствовали о подлогах или обманных действиях Белецкого?

Климович. — Белецкого я не знаю. Дела Иллиодора, Ржевского и Белецкого я коснулся только тогда, когда появилось это знаменитое письмо Белецкого в газетах. Я имел с ним один разговор только по поводу несуразности этого поступка.

Смиттен. — Какие отношения были у Белецкого, в качестве директора департамента, по службе и в особенности, в соприкосновении с теми тайными кружками, влиявшими на прежнюю внутреннюю политику, и каково было положение его в зависимости от этих кружков?

Климович.—Насчет его зависимости—неудивительно, конечно: многие прилагали старания, чтобы с этими кружками жить в ладу и им угодить. Тем более Белецкий, как вообще искательный человек.

Смиттен. — Так факты были?

Климович. — Я видел желание угодить многим, а в детали не входил. Я приехал, вошел в работу сегодняшнего дня и копаться в прошлом не мог.

Смиттен. — Так что вы фактами не располагаете?

Завадский. — Следовательно, вам неизвестен эпизод, когда Белецкий с Мануйловым арестовали известного Петца?

Климович. — Это мне известно только из жалобы, поданной самим Петцом.

Завадский. — Петц вам говорил что-нибудь?

Климович. — Нет, он мне ничего не говорил, но только написал жалобу. Он подал жалобу. Так как усматривались здесь со стороны Мануйлова-Манасевича признаки уголовного преступления, 940 статьей предусмотренного,—ложный донос, то было направлено к прокурору окружного суда; что дальше, я не могу сказать.

Завадский. — Но у вас ведь было производство в департаменте полиции?

Климович. — Собственно расследование по жалобе было. Справка была взята из охранного отделения Петрограда, из кото-

рой выяснилось, что действительно, сколько я помню, Петц был арестован по приказанию Белецкого; затем этот Петц был освобожден недели через две. И дело это уже, так сказать, не было предметом моего обследования. А меня, когда я обратился в петроградское охранное отделение, более всего интересовало то, что Петц заявил, что, попав на службу автомобильной роты, будто бы он, по распоряжению охранного отделения и департамента полиции, подвергался преследованию со стороны особого надзора. Я старался выяснить этот вопрос, было ли распоряжение со стороны департамента полиции или охранного отделения, дабы его отменить, если оно до меня было сделано. Но никакого указания, чтобы такое распоряжение это было сделано, я не получал, так что очевидно распоряжение это было симуляцией с чьей-то стороны; чтобы прекратить это, я написал военным властям письмо, что департамент полиции никакого особого стеснения при прохождении военной службы Петцу не делал.

Родичев. — Что вы можете сказать о значении секретаря митрополита Питирима Осипенко, об участии, которое он принимал в разных действиях наружной и внутренней полиции?

Климович. — Я ничего не могу сказать о том, чтобы он принимал какое-нибудь участие в действиях наружной или внутренней полиции. Во всяком случае Осипенко мог принимать участие только в действиях Мануйлова-Манасевича полиции, если можно так выразиться; но в нашей полиции нет.

Председатель. — Что за Мануйлова-Манасевича полиция?

Климович. — Как сказано в письме, которое было послано в Царское Село на имя Вырубовой и напечатано в «Вечернем Времени»; письмо написано машинисткой, под диктовку Мануйлова-Манасевича, появляется Осипенко и распоряжается, чтобы это письмо в Царском Селе было подложено... Это мелкий интриган.

Родичев. — При обысках он присутствовал? Например, в делах Мануйлова-Манасевича выяснилось, что он при обыске присутствовал.

Климович. — Мне кажется, это ошибка; он был у Мануйлова-Манасевича, когда его обыскивали, в гостях, но, в качестве должностного лица, не присутствовал. Это Мануйлов-Манасевич присутствовал на обысках, сам выдавая себя за члена комиссии генерала Батюшина или за уполномоченного председателя Совета Министров. Этому безусловно верить нельзя, и Осипенко никакого отношения не имел.

Родичев. — Какое отношение департамента полиции к военной контр-разведке?

Климович. — Никакого, т.-е. мы оказываем содействие, если нас просят.

Родичев. — А агенты полиции Ратаев и Лебедев — вам известны?

Климович. — Ратаев известен, а Лебедев нет.

Родичев. — Значит, Ратаев был подчинен департаменту полиции?

Климович. — Ратаев когда-то был во главе бюро заграничных агентов.

Родичев. — В 1916 году?

Климович. — В 1916 году. Ратаева, кажется, взяли до моего еще вступления. Ему платили небольшие сравнительно деньги, и он должен был по масонству написать какое-то целое сочинение, но он прислал такую чепуху, что я даже не читал.

Родичев. — Вы знаете, что Ратаев бывал в Швейцарии и действовал в качестве агента русского правительства весной и летом 1916 года?

Климович. — Не знаю. Единственно может быть по масонству что-нибудь.

Родичев. — По какому масонству? Я хотел вас спросить, вы говорите, что вам это совершенно неизвестно, так что посещение Нарышкиной Монтрё вам тоже неизвестно? Вы даже предположения не можете сделать, в какой роли он находился в качестве агента в Швейцарии? Имя его вам тоже неизвестно. А Лебедев?

Климович. — Василий Николаевич, может быть, бывший начальник московского сыскного отделения?

Родичев. — Я не знаю, какой. Вопрос, который я задал, находится в связи с разоблачением Милюкова в своей речи, в которой он свидетельствует, что Ратаев и Лебедев были агентами русского правительства в Швейцарии и постоянно появлялись в салоне Нарышкиной, той г-жи Нарышкиной, покровительством которой в свое время пользовался Штюрмер. Кроме того, мне известно, что военный министр заявил в официальной бумаге, что Ратаев и Лебедев были агентами.

Климович. — Ратаев был пенсионером департамента полиции, это значит, что он выслужил пенсию и жил на покое. Последнее время, до моего еще вступления в департамент полиции, он жаловался на дороговизну жизни, вызванную войной, просил дать ему приватный заработок и, кажется, предложил свои услуги, сколько мне помнится, я говорю, что это меня мало интересовало, потому что это было еще до меня, и я никаких распоряжений по сему не делал, — кажется, по масонству доставлять известные сведения департаменту полиции.

Председатель. — По чьей же инициативе департамент полиции заинтересовался масонством?

Климович. — Не могу сказать; это было еще до меня. Я помню, что при мне посылалось кажется 150, может быть 200 добавочных по старому распоряжению. Он представил какую-то тетрадь, которую заведующий отделом принес, и говорит

«Ваше превосходительство, не стоит читать, не ломайте голову: совершенно ничего интересного нет, чепуха». Я сказал: «Чепуха» и не стал читать. Может быть, там и было что-нибудь, но мне неизвестно.

Родичев. — Милюков называл эти два имени в своей речи, а потом я видел письмо военного министра Шуваева к Родзянко, в котором военный министр называл эти два имени, как агентов.

Климович. — Может быть они по военной разведке работали, может быть по шпионажу. Я с этим вопросом незнаком, эта область меня не касалась. Очень может быть...

Родичев. — Теперь по вопросу о провокации. Я хотел вам сказать следующее. Вы упоминали имя Степановой-Дезобри. Вам, вероятно, известна та речь, с которой Степанова обратилась к рабочим Путиловского завода, указывая на то, что война есть дело богачей, в интересах которых она ведется, и что рабочие в этом не заинтересованы, что они, напротив, должны стремиться к миру?

Климович. — Мне эта речь неизвестна; независимо совершенно от того, была ли эта речь, я ни одного из домогательств Дезобри, обращенного ко мне, не удовлетворил, ибо я считал нужным беречь каждую казенную копейку, в которой у меня был дефицит, а не выбрасывать ее совершенно бесплодно. Я считал ее деятельность совершенно бесполезной. Мне речь ее была неизвестна. Тогда бы я считал ее деятельность вредной.

Родичев. — Из дела особого совещания по обороне выяснилось, что на Путиловском заводе действовали, в качестве проповедников против войны и в качестве провокаторов, чины охранного отделения. Вам об этом известно что-нибудь?

Климович. — Нет. Но позвольте мне представить маленькое предположение, которое, может быть, прольет маленький свет, — я не ручаюсь за него: это только предположение. Я думаю, что такое обвинение к чинам охранного отделения не может абсолютно относиться, что чины охранного отделения готовы принять на себя всю вину, которая есть на охранном отделении, но зачем же... (не договаривает). Тут было при контр-разведке отделение под литерой «А», какие-то организации, я не знаю, что это было, они должны были настроение дать рабочим, но, словом, рабочая информационная организация, маленькая, состоящая приблизительно из 100 человек. Я знаю об этом деле, потому что начальник охранного отделения докладывал мне и просил нашего протеста против такого действия контр-разведочного отделения, если не ошибаюсь, — капитана Смирнова. Их два, один полковник Якубович, а другой Смирнов при главном управлении генерального штаба. Может быть, я ошибаюсь в фамилиях, я боюсь соврать, но я знаю, что он добывал какие-то информации о настроении рабочей среды. Вот эти именно, никем не руководи-

мые, около ста агентов собирались в какой-то сборной комнате и все сообща получали какие-то инструкции. Потом генерал Глобачев говорил, что замечается какое-то нежелательное влияние этих господ на рабочую среду, может быть, незлостное, но нежелательное; они желают получить популярность и стать демагогами. И то, что вы изволили сказать, относится, может быть, к деятельности этой организации, потому что самая структура политического сыска, которая была в деятельности охранного отделения, исключает возможность обвинения в таких действиях сотрудников и агентов: те занимаются конспирацией, а не прямо...

Председатель. — Скажите, соответствующее дело есть в охранном отделении в связи с докладом Глобачева о деятельности этой организации?

Климович. — Я помню, что был доклад либо товарищу министра, либо министру. Я помню, что Александр Васильевич Степанов заинтересовался деятельностью этой организации; но я ушел раньше, чем успели что-нибудь сделать...

Председатель. — По вашим сведениям, кто контр-разведкой под литерой «А» заведывал?

Климович. — Кажется, Смирнов. Я не видел никого. В литере «А» их было двое: Якубович и Смирнов.

Председатель. — А вы думаете, что бывший товарищ министра Степанов знает об этом?

Климович. — Он позже меня оставался, думаю, что знает.

Родичев. — Теперь я прошу вас ответить на вопрос о Штюрмере. Вам известно или неизвестно о записке, которую представил Штюрмер в Ставку, записки, касающейся Земского Союза и обвиняющей его в том, что Земский Союз не занимается своим специальным делом, а организует революцию?

Климович. — Не знаю... Если дело касается той записки, которая была составлена при департаменте полиции из сведений о Союзе, то такая записка действительно была составлена по поступающим сведениям; это не было измышлением департамента полиции, а это была сводка поступающих в департамент полиции сведений о политической деятельности Земского Союза. Вы разумеете в Ставку его величества? Мне неизвестно, чтобы записку представили в Ставку, потому что для его величества, конечно, оно бы потребовало более детальной разработки, а департаментом полиции такого всеподданнейшего доклада не разрабатывалось; помимо департамента полиции, может быть, где-нибудь в другом месте...

Родичев. — Вам что-нибудь известно об обстоятельствах, при которых совершалось перемещение Штюрмера с места министра внутренних дел на пост министра иностранных дел?

Климович. — Нет, неизвестно...

Председатель. — Объявляю небольшой перерыв.

После перерыва.

Председатель. — Позвольте вас спросить — во время событий, повергших за собою падение старого строя, вы были в Петрограде?

Климович. — Да, я был в Петрограде.

Председатель. — Вы были сенатором действующим или нет?

Климович. — Действующим, по I департаменту.

Председатель. — Вы принимали участие в текущей работе департамента?

Климович. — Точно так.

Председатель. — Что вам известно по вашей прежней деятельности о мерах того, что называется охраной Петрограда и что, во время этих событий, проявилось в форме выставления против народа сотен пулеметов?

Климович. — По поводу этого мне ничего неизвестно, ибо я оставил департамент полиции за полгода до этих событий. После оставления мною департамента полиции переменился министр, новая форма была управления петроградского военного округа, новый градоначальник в Петрограде, и какие распоряжения делались в последние полгода, мне совершенно неизвестно. Что касается прежних распоряжений в бытность мою директором департамента полиции, то я должен сказать, что когда я был московским градоначальником, то там, на случай всевозможных волнений, был разработан план мобилизации полиции, мобилизации войск. Разработать план без указаний каких-либо его деталей было поручено министрам и петроградскому градоначальнику, тогда еще князю Оболенскому.

Председатель. — Со стороны какого министра?

Климович. — Штюрмера.

Председатель. — В должности министра внутренних дел?

Климович. — Да.

Председатель. — К какому времени это относится?

Климович. — Это относится к апрелю 1916 года.

Председатель. — Распоряжение это было к кому направлено?

Климович. — К градоначальнику. Был он запрошен, есть ли у него разработанный план, и указана желательность разработать такой план по департаменту полиции, план охраны Петрограда. Должен сказать, что в бытность мою директором департамента полиции, Петроград находился в распоряжении военных властей, министру подчинен не был в деле охраны порядка, и потому, в данном случае, ограничились только напоминанием необходимости подумать. Как же исполнено будет это, в то время, этот вопрос в задачу департамента полиции, в мою бытность там, не входил. Я не знаю, что было впоследствии. Что же касается пулеметных частей, передачи полиции пулеметов, это, по правде сказать, для меня явилось сюрпризом.

Председатель. — Пулеметы в руках полиции были для вас новостью?

Климович. — Совершенной новостью. И затем по тому, как происходили события, насколько я один день наблюдал, будучи еще на свободе до вечера 27 февраля, я должен сказать, чего я здесь не видел из того, что предполагалось в Москве на случай охраны. Там предполагалось занять проходы, предполагалось в идею поставить полиции — не передавать отнюдь своих прав военным властям при усмирении беспорядков и, что полиция, если беспорядки будут (это была моя идея, которую я для Москвы высказал и которую я сохранил по сей день), полиция сама должна прекратить беспорядки, а войскам передавать власть спорадически в том лишь случае, если она не может известный эпизод ликвидировать собственными силами немедленно, вслед же затем опять устранять войско, после ликвидирования эпизода, и опять распоряжаться этим делом полиции. Тут же я видел совершенно обратное. В первый же день, как я слышал, власть была передана командующему войсками безгранично, и какие бы то ни было административные меры были устранены. Я категорически заявляю, если в этом отношении возбуждались какие-нибудь вопросы, то я не давал никаких указаний, так как не считал себя в праве давать указания командующему военным округом, который мог сказать мне: «Вы вмешиваетесь не в свои дела». В бытность мою директором департамента, были запрошены петроградский и прочие градоначальники и предложено было им обратить внимание и выработать, на случай волнений, план для поддержания общественного спокойствия и порядка. Но детализации этого плана и даже ответов, в частности от петроградского градоначальника, не последовало, насколько я помню.

Председатель. — Не последовало со стороны Оболенского?

Климович. — Ни от кого. Может быть, если ответы и последовали, то ограничивались следующим: «принято к сведению, план вырабатывается». А какой план — не знаю.

Председатель. — По какому делопроизводству могла пройти эта бумага?

Климович. — По шестому.

Председатель. — Вы не привлекались ни в каком качестве к Хабаловскому совещанию, которое было перед этими событиями?

Климович. — Нет. Вообще со времени своего ухода из департамента полиции я уже не имел никакого к ним отношения. Должен сказать, что Протопопов, ожидая своего назначения, предложил мне опять остаться в департаменте полиции, но я категорически отказался.

Председатель. — А за это время вы не были в сношениях с генералом Курловым?

Климович. — С ним были те сношения, о которых я имел уже случай вам рассказать.

Председатель. — А после того нет? А по делам департамента полиции?

Климович. — Никаких.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, генерал, с каких пор полиция стала обучаться пулеметному делу?

Климович. — Мне неизвестно.

Председатель. — Вы можете утверждать, что в бытность вашу директором департамента полиции полиция не обучалась пулеметному делу?

Климович. — Могу сказать, что, по крайней мере, со стороны департамента полиции в этом отношении никаких распоряжений издаваемо полиции не было. Мне кажется, что вообще гражданская власть не могла бы внушить полиции такую мысль, во-первых, по той простой причине, что гражданская власть пулеметами не располагает, я лично считаю пулеметы в полиции проявлением исключительного подчинения военным властям учреждений полиции — в некоторых областях, в виду обстоятельств военного времени... Я говорю опять...

Председатель. — Это ваше предположение. Но вам неизвестно, гражданская ли власть или власть военная выдвинула идею орудия борьбы с внешним врагом передать в руки полиции?

Климович. — Я категорически могу только утверждать одно, что при моей бытности директором департамента полиции слово «пулемет» произнесено не было. Я лично, если бы я был директором департамента в последнее время, категорически протестовал бы против этого, потому что, по моему мнению, слова «полиция» и «пулемет» несовместимы. В моем предположении, полиция имеет право обратиться к войскам для восстановления порядка, а войска обязаны по закону исполнять ее требования; но указывать войскам способ исполнения этого требования и водворения порядка, холодным ли оружием, пулеметом или артиллерией, — это не входит в компетенцию гражданских властей, и в этой области моих распоряжеий никогда не давалось.

Председатель. — По этому вопросу у г.г. членов комиссии нет вопросов?

Соколов. — Когда, в бытность вашу московским градоначальником, разрабатывался у вас план борьбы с городским движением, то привлеклись к обсуждению этого плана военные лица, так что этот план вырабатывался совместно градоначальством со штабом округа?

Климович. — Этот план вырабатывался таким образом. Полиция имела два предложения...

Председатель. — К какому времени это относится?

Климович. — Это в бытность мою московским градоначальником. План был такой. Полиция, в случае беспорядков, сводилась в команды полицейских чинов, потому что разумелось, что во время беспорядков, врозь, единично, полицейский на посту, в сущности, держаться не может, так как его собьют. Или, по второму плану, — полиция сводилась на первый пост, соединялась для безопаснности, а следующие посты совершенно снимались.

Председатель. — Это так называемое третье положение?

Климович. — Я не помню по номерам. Сводились городовые в команды. А затем, следующее положение, — это приглашались войска и каждой воинской части придавался наряд полиции. Вот тут были весьма серьезные суждения вместе со штабом округа о том, какие пункты должны быть заняты войсками. Город был распределен на районы, и в каждом районе полицейский чин ознакомлял военных чинов с расположением казначейств, банков и прочих учреждений, которые подлежали охране, особенно военных складов, а также тех, если можно выразиться, дефиле, занятие которых должно было бы препятствовать чрезмерному скоплению толпы в одном месте. Конечно, система сводилась к тому, чтобы по возможности, пользуясь реками, в Москве — Москвой и Яузой, разделить и избежать большого скопления толпы в данном месте.

Соколов. — Эти совещания происходили в градоначальстве или в штабе округа?

Климович. — Знаете, я даже хорошо не помню... Мне кажется, я только в одном совещании принимал участие.

Соколов. — Может быть, были там ваши помощники? А со стороны штаба — офицер?

Климович. — Да; был командирован мой помощник.

Соколов. — А со стороны штаба—начальник штаба, а может быть, дежурный генерал?

Климович. — Может быть, дежурный — я не помню.

Соколов. — Вам не знакома фамилия жандармского генерала Гордона в Петрограде?

Климович. — Я совсем такой не знаю.

Соколов. — А не жандармского генерала с такой фамилией вы не знаете?

Климович. — Видите, что касается жандармского, я могу почти с уверенностью сказать, что такого не знаю. А не жандармского — я не знаю, но кажется, был Гордон.

Председатель. — Командир Преображенского полка? Нет, это не то.

Соколов. — Вы сказали, что раньше в Петрограде тоже вырабатывался такой план?

Климович. — Этот московский план довольно тщательно был продуман в Москве и послан для сведения петроградскому градоначальнику.

Соколов. — А разрабатывался он как?

Климович. — Я слышал, что разработка какая-то здесь была, но ни участия в ней я не принимал, ни осведомлен не был.

Соколов. — А ваши сведения о том, что военные власти разрабатывали план по поводу беспорядков, к какому времени относятся?

Климович. — Я ясно этого не помню, не могу сказать.

Соколов. — Это в вашу бытность директором департамента?

Климович. — Не помню.

Соколов. — Но доходили до вас сведения, что план разрабатывается, и вспоминаете вы, что как будто штаб разрабатывал?

Климович. — Как будто.

Соколов. — Принимали ли вы в соображение настроение войск? Не возникали ли у вас предположения, что войска могут перейти на сторону народа?

Климович. — Нет. Я считал бы, что если войска переходят, то это конец.

Соколов. — Были ли какие-нибудь сведения о том?

Климович. — У нас в Москве сведений никаких не было.

Соколов. — А в Петрограде сведения были?

Климович. — А в Петрограде эти сведения поступали относительно гвардейских городовых, но они были совершенно нелепы. Эти сведения касались преимущественно вопросов династического переворота. Такого они характера были, собственно говоря. Очевидно представляли собою измышления плохо осведомленных лиц, потому что теперь можно сказать, что собственно, о династических переворотах в войсках и речи не было.

Соколов. — Сведения относились к солдатскому или офицерскому составу?

Климович. — Мне кажется, что эти сведения, чуть ли не поступали из правых кружков или так называемых диллетантских осведомленных и, если обращать внимание на них, то надо прекратить деятельность департамента полиции, так как тогда невозможно разбираться, где истина, где ложь...

Соколов. — Какие у вас были органы наблюдения за настроением в войсках петербургского гарнизона и Балтийского флота в Кронштадте?

Климович. — Видите ли, я в данном случае попрошу не смешивать. Я не буду защищать департамент полиции, вин на нем лежит много. Но нельзя приписывать ему того, что ему не принадлежит. Есть организации, которые работали параллельно... Вы, г.г. члены Комиссии, изволили указать, что на Путиловском заводе рабочие принимали провокаторов как-то... Я совершенно убежденно говорю, хотя предположительно, но убежденно вполне, что это была совершенно другая организация, не имеющая никакого отношения к департаменту полиции. То же самое, что

касается настроения войск. Собственно мы, по отношению к внутреннему району, конечно, имеем кое-какие сведения, в зависимости от того, насколько наша агентура партийная соприкасается с воинскими частями. Я помню, что было возбуждено относительно флота в Кронштадте судебное дело, указывающее — в деталях я не могу сейчас сказать — на участие, на совершенно определенную партийную ячейку... Но в общем, — я резюмирую все имевшиеся в то время в моих руках сведения: настроения войск, в смысле обработки их под углом революционным, так мы привыкли называть партии конспиративные, было весьма благополучно, т.-е. в смысле старого режима. И если этот акт произошел, то вам, конечно, лучше судить, потому что я уже 20 дней изъят совершенно из воли, но мне кажется, мое убеждение, что это явление чисто стихийное и основанное на общей, на полной дезорганизации правительства и на полной потере веры и уважения к нему, которые вкоренились в широких слоях населения; а вовсе не плод партийной агитационной работы. Это мое убеждение, и мне кажется, что эти войска, которые теперь переменили строй, будь немножко возглавлены кем-нибудь другим, явились бы ярыми защитниками порядка. Войска распропагандированы не были в широких массах, в прямом смысле этого слова. Только, мне кажется, они не верили больше в того, веру в кого им приказывали защищать.

Соколов. — Вы упомянули об этом деле в Кронштадте, во флоте, которое было поставлено на суд. Откуда сведения об этой партийной революционной ячейке проникли к вам?

Климович. — Это было в общем порядке. Поступали сведения в местное жандармское управление. Оно сообщило, если я не ошибаюсь, командующему Балтийским флотом, тот произвел соответствующие обыски и аресты.

Соколов. — Меня интересует вот что. Вы уже упомянули, что сведения о жизни партий вы получали от некоторых членов этих партий, которые соответственно вознаграждались за такие сведения о вредных организациях. Об организациях матросов вы получали эти сведения от сотрудников, которые были матросами и входили в эти организации?

Климович. — Я должен сказать, что уже по существу, с довольно давних времен, лет 8 тому назад, если я не ошибаюсь, в бытность Курлова, а потом и Джунковского, последовало распоряжение, дабы среди военных не иметь совершенно сотрудников военной агентуры. С тех пор, по существу, жандармские офицеры перестали приобретать агентуру среди военных.

Председатель. — Но имел такую агентуру департамент полиции?

Климович. — Т.-е. розыскные органы департамента полиции.

Председатель. — Вы не считались с тем, что должны иметься агенты в ведении других учреждений?

Климович. — Т.-е. вы разумеете контр-разведку, может быть?

Председатель. — Да, контр-разведку. Попытку Сухомлинова через Мясоедова устроить агента под видом лица, которое заведует шпионажем в армии.

Климович. — Т.-е. контр-шпионаж. Я не заведывал этим, но в последнее время меня это обстоятельство стало тревожить...

Председатель. — Какое обстоятельство?

Климович. — То, что мы совершенно не осведомлены относительно состояния войск. Тем не менее изменить это распоряжение, конечно, не было в моей силе, и я не имел никакого права. Однако, жандармским офицерам не воспрещалось иметь и получать сведения от тех своих агентов, которые в последнее время призваны почему-либо в войска. Но только отнюдь не из находящихся на фронте... Было категорически заявлено, что если агент находится в войсках на фронте, то никакого отношения жандармским чинам с ним иметь нельзя. Было также категорически запрещено моим чинам добывать из среды нижних чинов какие-нибудь сведения...

Соколов. — Ваши сведения относительно Балтийского флота, стоящего частью в Кронштадте, частью в Гельсингфорсе, касающиеся революционных кружков на боевых судах, откуда они были получены, если вы не имели внутри армии агентов?

Климович. — Мне кажется, что это дело возникло в стадии освещения до моего вступления в департамент полиции. Во-вторых, я позволю себе сказать, что эти сведения, относительно военных кружков, могут получаться департаментом полиции без наличности всякой агентуры, в собственном смысле этого слова, в самой военной среде. Ибо так или иначе, все эти кружки действуют под руководством комитетов и организаций, так сказать, вольного состава. Следовательно, имея освещение в этом вольном составе, можно получать частичные сведения об этих организациях.

Соколов. — Так что вы полагаете, в этом именно и была связь между этими революционными кружками во флоте и рабочей средой и так далее?

Климович. — Но, я повторяю, что если мне память не изменяет, я это дело застал уже в период формального дознания.

Соколов. — Но вы могли знать. Теперь, вот что скажите. Это распоряжение генерала Джунковского и Курлова о том, чтобы департамент полиции и управление жандармское не имели внутренних наблюдателей в военной среде, не последовало ли оно после того, как сделано было прямое указание, что эти внутренние информаторы на самом деле вступили на путь провокации?

Климович. — Нет, я думаю, была другая причина. Я позволяю себе занять несколько времени. Когда в 1905 и 1906 г.г. было

вооруженное восстание в Москве, то редкие из командных частей не приезжали в охранное отделение, чтобы не спросить, не имеется ли каких-нибудь указаний на настроение в их части и, нужно сказать, что страшно интересовались и старались всеми силами, по понятным причинам, вполне ориентироваться в этом и даже, если нужно, помочь охранному отделению что-нибудь сделать. Впоследствии, когда наступило благополучие политическое в России, то, к сожалению, пришел очень неумелый состав жандармских офицеров. И преимущественный укор, который бросается нам, в смысле провокации, он именно вызывается не злостной волей, — повторяю, что департамент полиции совершенно честно и упорно боролся с тем, что именуется провокацией, — а вызывается именно неопытностью и неподготовленностью того или другого офицера, который в это время был одурачен ловким агентом. Вот, когда наступило затишье, в то время существовала так называемая военная агентура, и во время этого затишья военная агентура, не имея никаких сведений политических, давала разные сведения охранному отделению о том, что там-то пища плохая, там штаны дают рваные или платье. За неимением ничего другого, охрана сообщала эти сведения по команде вверх — в департамент полиции. Департамент полиции сообщал военному начальству, а военное начальство сверху вниз шло в части по этим сведениям. Департамент полиции смотрел, что такое явление, как рваные штаны или плохая пища, могут способствовать нежелательному настроению войска и считал невозможным утаивать эти сведения. Других сведений, чисто политических, не поступало в военные команды полков. Указания на то, что у них пища плоха, штаны рваные или вообще что-нибудь неладно, — оправдывались. Тогда страшно обижались на вмешательство посторонних организаций, и на этой почве возникали нарекания, а еще другие, быть может, справедливые нарекания были, благодаря неопытности офицеров. Многие из сотрудников, приобретенных глупо и неумело, получая деньжонки от розыскных органов, нахальничали, распускались, говорили: «Вот если, фельдфебель, ты этого не сделаешь, я донесу на тебя в охранное отделение», словом, это были не сотрудники, а хлыщи, если можно так выразиться, в политическом смысле. И, конечно, наличность их вредила военной дисциплине. Вот на этой почве, с одной стороны (якобы департамент полиции вмешивается во внутренний быт и хозяйство воинских частей), и старались ввести коррективы, которые опровергали все сведения департамента полиции и военного начальства, и делали это не всегда добросовестно и принципиально, а лишь с целью во что бы ни стало доказать, что у них все очень хорошо идет. С другой же стороны, некоторые бестактные выходки неумело приобретенных и неумело руководимых сотрудников вызывали целый ряд бесед, которые заканчивались тем, что департамент полиции со своим управле-

нием решил безусловно руки прочь от воинских частей, решил агентуру прекратить.

Соколов. — А по вашему мнению, когда наступило политическое благополучие в России, к каким годам?

Климович. — Я нахожу, что это с 1907 по 1912 год.

Соколов. — В этом году вы какую занимали должность?

Климович. — Я в это время все был градоначальником.

Соколов. — Где?

Климович. — В Керчи, Ростове и Москве.

Соколов. — Вы указали, что вы были два раза в Москве.

Климович. — Я был градоначальником в Москве до назначения керченским, т.-е. это было в 1908 и 1909 г.

Соколов. — Вам известно, что в 1912 г. в Кронштадте судом слушалось дело, где судились несколько сот матросов, которое закончилось постановлением морского министра оправдать многих подсудимых, так как они были вовлечены провокацией жандармского управления?

Климович. — Я в это время был далеко, в Керчи, затем в Ростове, и мне это неизвестно.

Соколов. — Разрешите мне перейти к другому вопросу...

Председатель. — Если у других членов нет вопросов по этому делу.

Соколов. — А что, бывали случаи, что департамент полиции оказывал услуги в контр-разведках военных? Бывали ли случаи, что вас просили дать указания, не является ли то или другое лицо германским шпионом?

Климович. — Я не помню. Дело в том, что в такой форме вряд ли могли к нам поступать такого рода требования. Вряд ли то или другое лицо называлось германским шпионом. Большинство этих сведений поступало от контр-разведок, более конспиративные сведения не называли германских шпионов, а только говорили: «покорнейше просим доставить сведения о таком-то лице или установить наблюдение за таким-то лицом», а результаты контр-разведок ревниво не выпускали из своих рук.

Соколов. — Значит, вам неизвестно. Вы показали, когда говорили о деятельности вашего сотрудника Абросимова, что он стоял всегда на почве обороны государства от внешних врагов. А что, по вашим сведениям, старая деятельность всех общественных военно-промышленных комитетов всегда отстаивала оборонческую точку зрения?

Климович. — Я должен оговориться, что Абросимов не мой сотрудник. Он был сотрудником петроградского охранного отделения, и сведения его мне лишь попадались.

Соколов. — Деятельность всей рабочей группы Военно-промышленного комитета стояла на почве идеи обороны государства?

Климович. — Да, я сам участвовал в военно-промышленном комитете.

Соколов. — Вы не наблюдали преступности этой группы?

Климович. — Собственно, преступности, простите, с точки зрения старого строя, преступности, укладываемой в рамки уголовного уложения, с моей точки зрения не было, за исключением может быть первого съезда военно-промышленного комитета, который происходил 1 марта 1916 года, здесь, в Петрограде: на этом съезде, если не ошибаюсь, рабочий Капцан, представитель от Самары или от Саратова, а потом еще два или три человека, фамилии которых я не помню, поднимали вопрос об учредительном собрании. Но тем не менее, вопрос этот обсуждался. Я, однако, министру юстиции Хвостову ставил вопрос: не следовало ли бы применить ст. 132 или 129 — не помню, — применительно не к организации, а к отдельным лицам? Хвостов признал, что в сущности это так.

Соколов. — Но значит, я правильно понял первую часть вашего показания, что в организации, в период вашего директорства, вы ничего такого, что по нашему старому укладу почиталось бы преступным, не замечали?

Климович. — Да, кроме именно выступления отдельных лиц.

Соколов. — Чем вы тогда можете объяснить арест этой группы?

Климович. — Арест этот произошел приблизительно через 5 месяцев после моего ухода; но я не знаю, удовлетворит ли вас то, что мне рассказывали, как слух. Мне говорили, что она выпустила определенное воззвание, преступное, с точки зрения старого строя. Но я его не видел и не знаю.

Соколов. — Вы не знаете, было ли это до вас?

Климович. — Я был так счастлив, что я устранился от должности директора департамента полиции, и мне было не до того. Я старался забыть все это по возможности скорее.

Соколов. — Сыскное отделение было в ведении департамента полиции?

Климович. — Оно было, строго говоря, в ведении губернаторов и полициймейстеров, но подчинено департаменту полиции. Департамент полиции имеет к нему относительное отношение, непосредственного руководства нет, так как там руководит прокурорский надзор — представители права. Так что департамент ограничивается соответствующими средствами и личным составом.

Председатель. — А разве не было сделано попыток централизировать сыскную работу?

Климович. — Попытки такие были, очень благие попытки, но только — с точки зрения старого строя, не с точки зрения какого бы то ни было строя государственного. Это была попытка организации центрального регистрационного бюро. Словом, под-

нято это дело было потому, что оказалось, что все сыскные отделения автономны, и преступник, переехавший из одного города в другой, теряется.

Председатель. — Следовательно была попытка централизации?

Климович. — Ныне эта попытка реализована до известной степени, не скажу, чтобы она достигла блестящих результатов, но заведено центральное бюро...

Соколов. — Во всяком случае, начальники сыскных отделений числились по департаменту полиции. Они были в вашем ведении, в личный состав вы их назначали, вы их увольняли, вы представляли их к наградам?

Климович. — Начальник сыскного отделения — штатная должность. Назначение начальника сыскного отделения производилось губернатором, по соглашению с прокурорским надзором.

Соколов. — Сыскному отделению, которое создано для розысков по уголовным преступлениям, давались поручения для розысков по политическим делам?

Климович. — Нет.

Соколов. — По чьему повелению производились розыски по политическим делам?

Климович. — Я не знаю.

Соколов. — Вам известна деятельность Грегуса, начальника рижского сыскного отделения?

Климович. — Он был при мне предан суду, возникло это дело о нем...

Председатель. — По должности начальника харьковского сыскного отделения?

Климович. — Кажется. Но, в сущности, я не помню, не могу вам сказать, наверное...

Соколов. — О деятельности его в харьковском сыскном отделении, что вам известно?

Климович. — Я знаю, что там поднимался вопрос по поводу истязания. Был запрошен губернатор. Губернатор не отрицал этого факта. И он ответил, что уже возбуждено судебное следствие.

Смиттен. — Позвольте вам засвидетельствовать, что следствие еще не окончено и находится в производстве у судебного следователя.

Соколов. — Как фактически осуществлялся прокурорский надзор над деятельностью сыскных отделений?

Климович. — В сущности, так как деятельность сыскных отделений отличается от деятельности общеполитической тем, что, главным образом, туда идут специалисты, — устав уголовного судопроизводства...

Председатель. — Короче, если можно...

Соколов. — Если в том или ином сыскном отделении производится истязание, должно быть это известно прокурорскому над-

зору? Существовали конкретные служебные сношения между прокурором и сыскным отделением? . .

Председатель. — Это уже общий вопрос.

Соколов. — По закону как фактически осуществлялся в деятельности тех сыскных отделений, которые вам известны, прокурорский надзор?

Климович. — Дело в том, что для того, чтобы было известно какое-нибудь нарушение, нужно, чтобы оно обнаружилось. Если люди позволяют себе какое-нибудь нарушение закона, то об этом сами не говорят прокурорскому надзору. Надо, чтобы последовала либо жалоба, либо заявление начальника полиции или полициймейстера об известном злоупотреблении, доложено было губернатору и губернатор дал бы этому ход. Мне кажется, что лица, которые служат в сыскном отделении, так тесно сплетаются с прокурорским надзором и полицией, что, если бы истязание было, они не долго оставались бы на службе.

Соколов. — Я перейду к другой области. Вы упомянули о том, что Елисавета Федоровна знала вас по московской вашей деятельности. Какой случай мог великой княгине напомнить о вашей деятельности?

Климович. — Помимо всяких случаев, я бывал у великой княгини, как частный знакомый.

Соколов. — Возникали у вас разговоры по поводу вашей деятельности?

Климович. — Она спрашивала меня: как в городе? Все ли благополучно? Я бывал у нее часто, так как я относился к ней с глубоким уважением и пользовался, с своей стороны, ее вниманием, чисто личным. . .

Соколов. — Вам не приходилось говорить с великой княгиней в период влияния Распутина на ход государственных дел?

Климович. — Приходилось.

Соколов. — Приходилось выслушивать мнение ее?

Климович. — Великая княгиня прямо мне не говорила, точку на і не ставила, но я совершенно определенно чувствовал крайне отрицательное ее, должен сказать скорбное, отношение, к тому явлению, которое называется «распутинщиной». Ведь она очень кроткая.

Соколов. — За вашу деятельность московского градоначальника были там домогательства со стороны союза русского народа по отношению к градоначальнику, вмешивались ли патриотические организации в деятельность градоначальника: представляли ли они свои донесения, требовали ли арестов?

Климович. — Простите, какие организации?

Соколов. — Союз русского народа.

Климович. — Нет. Вскоре, после моего вступления, явилась ко мне депутация с известным Орловым во главе. Поднесла хлеб-

соль и этим дело ограничилось. Они рады приветствовать каждого нового градоначальника. Какого-либо ко мне обращения не было. Вот единственно там был какой-то Кедров или Кельцов, который приходил несколько раз просить денег.

Соколов. — А таких указаний, что тех или иных лиц надо арестовать, что они являются революционерами, они не делали?

Климович? — Нет. В 1905 и 1906 г.г. это было. Ведь я начальником был в последнее время — с 1915 г.

Соколов. — В 1906 году вы где были? Вы были градоначальником в Москве?

Климович. — В 1906 году я был начальником охранного отделения, а потом помощником градоначальника.

Соколов. — Меня интересуют ваши сведения за пребывание ваше в должности начальника охранного отделения в 1906 — 1907 году. Убийство Иоллоса было как раз в этот период?

Климович. — В 1906 году.

Соколов. — Что вы раскрыли по поводу этого убийства, кем оно было учинено?

Климович. — По поводу убийства Иоллоса я ничего не мог раскрыть, он был убит около 15 марта, а с 24 марта я уже не был начальником московского охранного отделения.

Соколов. — Об участии в этом убийстве союза русского народа или других подобных организаций вы ничего не знаете?

Климович. — Я должен сказать, что я об этом ничего не знаю. Я предполагал — и это предположение мое об участии этих правых организаций, — оно явилось пост-фактум в этом деле; я думаю, что это не без них, конечно, обошлось. Но таких реальных данных, которые могли бы служить доказательством их участия, я не имею. Я должен сказать, что в убийстве Иоллоса мне наиболее правдоподобной представляется та версия, в которой это убийство было изложено в газетах в 1907 году Бурцевым. Другой версии у меня нет. Убийство это представляется мне феерическим, уродливым: ведь выходит, что Иоллоса убил революционер по подстрекательству члена союза русского народа Казиницына. Говоря откровенно, додуматься до такой комбинации, если бы мне не подсказали, я не мог бы. Об участии союза русского народа в этом убийстве мне стало известно после смерти Казиницына. Для меня это был один из толчков, который меня решительно оттолкнул от правых организаций, заставил избегать общения с ними. До этого случая, должен сказать, что представители правых организаций у меня бывали, они на мой взгляд представлялись более ограниченными, чем кто-либо, потому что в мании своего бессмысленного сыска требовали прямо того или другого действия, по их указаниям, и отнимали у меня много сил и времени. Чаще других приходил ко мне Н. Н.Ознобишин. Толковал

все про династический переворот — это был его конек. Сколько мне нужно было сил, чтобы его убедить в том, что он говорит чепуху. Приходили ко мне люди и говорили, что там-то скрыты бомбы, оружие, это было во время вооруженного восстания: никогда почти сведения эти не подтверждались. С другой стороны, когда я отказывал им в обыске, они страшно обижались. Когда я жаловался на это тяжелое положение градоначальнику, в этот год, он мне дал жизненный практический совет: «А вы не слушайте их, но и не отталкивайте, потому что, должен сказать, правые организации в 1906 году были не те, что в 1908 году, они представляли собою известную идейность, а потом они выродились в чисто коммерческие предприятия».

Соколов. — Когда они были недовольны, что вы им отказываете в том или другом обыске или практических мерах, они не высказывали угроз, что им придется прибегнуть к самосуду, к убийству тех лиц из общественных организаций, которых вы по их донесениям не арестовывали?

Климович. — Этого они мне прямо, категорически не говорили, но чувствовать это можно было. Это объясняется тем, что деятельность правых организаций — это было в феврале 1906 года, когда я в первый раз в жизни попал в Москву, — деятельность этих правых организаций выразилась в организации дружин для борьбы с выступлениями левых партий.

Председатель. — Для борьбы с кем?

Климович. — С выступлениями революционеров в 1905 году. Я этих дружин уже не застал. Они расплылись, когда я приехал. Но меня просил тот же Ознобишин помочь воссозданию этой организации. Я отнесся категорически определенно-отрицательно и сказал: «Если будут какие-нибудь организации, хотя бы с целью поддержания порядка, оказания помощи властям, то я знаю одно, что ружье заряженное, особенно когда находится в руках незрелых, юных, всегда стреляет само и, если они создадут эту организацию, я буду поставлен в необходимость с ними расправляться жестоким образом. Поэтому прошу меня избавить от этого». После этого он был со мною осторожнее.

Соколов. — Возвращаюсь к деятельности Андроникова. Вам известна была связь его с великим князем Александром Михайловичем?

Климович. — Я видел его один раз, по поводу сбора на воздушный флот, я знал, что он большой плут и шантажист. Но, слава богу, судьба меня от него избавила, и я с ним не сталкивался.

Соколов. — В поле вашего наблюдения не было общества возрождения русского флота?

Климович. — Нет, я сталкивался уже после того, как Александр Михайлович принял на себя устройство сбора в пользу воздушного флота.

Соколов. — А о деятельности неких Архипова и Баранова и Соколовского вы ничего не знаете?

Климович. — Нет.

Соколов. — Ваша служебная деятельность началась в городе Вильно?

Климович. — Нет, я был сначала в Житомире в корпусе жандармов. В полку я был в Люблине, потом перешел в Житомир... Потом я был в Вильно в 1904 году начальником охранного отделения и 7 месяцев полициймейстером.

Соколов. — Вы не были знакомы там с Комиссаровым?

Климович. — С Комиссаровым я воспитывался.

Соколов. — Вы не встретились с ним в Вильно в 1904 году?

Климович. — Нет, не встретился.

Соколов. — Ваша служебная деятельность не перекрещивалась с деятельностью Комиссарова?

Климович. — Она совпадала. Он был одно время помощником московского охранного отделения, когда я был заведующим особого отдела департамента полиции.

Соколов. — А в Вильно вы с ним не сталкивались?

Климович. — Нет.

Соколов. — Приблизительно в этих годах Комиссаров был капитаном артиллерии в Вильно?

Климович. — Он был в мортирном полку и приехал спросить меня о правилах поступления в корпус жандармов.

Соколов. — Вам известно, что прежде, чем явиться к вам, он принадлежал к военной революционной организации офицерской? По деятельности начальника охранного отделения, вам не приходилось это установить?

Климович. — Нет.

Председатель. — Мне хочется спросить вас относительно Абросимова. Вы относились положительно к его деятельности, но в вашем рассказе было какое-то «но». Что же вам в деятельности его не нравилось?

Климович. — Я себе позволю обобщить сказанное раньше относительно провокации вообще. Я должен сказать, что я не отрицаю наличность провокации, как несчастный случай, в смысле ошибок тех или других офицеров корпуса жандармов, ставших жертвой этой провокации. Я только скажу, что департамент полиции, это центральное учреждение, всеми силами и я, ваш обвиняемый в данную минуту, всеми силами и фибрами души, сколько было возможно, употребляли все силы, чтобы этого не было. Что касается Абросимова, я обращал внимание начальника охранного отделения, что он излишне резвый в своей деятельности, что он идет на лезвее, вот-вот может сорваться. Начальник мне ответил: «В этом отношении, я ему уже сделал указания и буду его удерживать».

Смиттен. — За время вашей службы, возникало против вас обвинение в неправильных по службе действиях?

Климович. — Нет, никогда.

Смиттен. — В форме расследования начальником или в форме судебных дел, против вас направленных?

Климович. — Может быть, мои действия когда-нибудь и проверялись начальством, но за всю свою служебную деятельность ни одного замечания, выговора или административного взыскания я не получал.

Председатель. — Относительно организации воейковской, вы мельком упомянули, а потом вы отошли от нее...

Климович. — У него своя дворцовая охрана, она содержалась также на средства департамента полиции, входила в бюджет пятимиллионного фонда.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, что вы знаете о деятельности Спиридовича?

Климович. — Его деятельность протекала вне моего круга, ибо он принадлежал к дворцовой охране. Лично я не высоко расценивал его. Он был начальником охранного отделения в Казани 12 лет тому назад, был там ранен, прострелен и после этого был в департаменте полиции некоторое время. У меня никакого соприкосновения с его работой не было.

Председатель. — Вы его плохо оценивали в каком отношении?

Климович. — Как большого карьериста, стремящегося к созданию чего-либо не для пользы дела, а для личного блага.

Председатель. — Где вы были, когда здесь был процесс о приготовлении к цареубийству, в котором фигурировала фамилия Спиридовича?

Климович. — Я не помню.

Председатель. — Это дело о лейтенанте флота Никитенко и почтовом чиновнике Наумове.

Климович. — Фамилия эта мне известна, но я процесса не помню. Во всяком случае это дело такое крупное, что оно меня коснулось бы, если бы я был здесь, но очевидно меня здесь не было. Когда я был директором департамента полиции, то деятельность петроградского охранного отделения протекала совершенно автономно.

Председатель. — Где вы были, когда Герасимов был начальником охранного отделения?

Климович. — Сначала в Вильно, Москве и, наконец, заведывающим особым отделом в департаменте полиции. И в это время для нас составляло, для меня и для директора департамента полиции Трусевича, некоторый кошмар то, что мы не могли добиться сведений от петроградского охранного отделения. Оно считало себя автономным, имея непосредственный доклад министру внутренних дел.

Председатель. — А когда министром стал Столыпин?

Климович. — Столыпин совершенно игнорировал нас. Департамент полиции был обречен с одной стороны на невозможность внести корректив в свою деятельность, а потом этот мощный аппарат, петроградский департамент полиции, для своей собственной информации, был лишен возможности получать сведения от охранного отделения, ибо Герасимов ничего не сообщал.

Председатель. — В каких отношениях был Герасимов со Спиридовичем?

Климович. — Вероятно в безразличных, не могу сказать, я не знаю. Во всяком случае не в плохих, в приличных, ни в особенно теплых, ни в холодных.

Председатель. — Ведь они служили одновременно: Герасимов начальником охранного отделения, а Спиридович начальником дворцовой охраны.

Климович. — Герасимов представлял такую мощную фигуру в то время, что Спиридович с ним считался.

Иванов. — Я просил бы опять возвратиться снова к вопросу, который я поднял. Вы вступили в должность непосредственно за Белецким и тут, столкнувшись с положением финансовым, с кредитами, пришли к заключению, что дело пришло в расстройство. Очевидно вы просматривали денежные дела; не производило ли впечатление на вас, что там были произведены неправильные расходы?

Климович. — Рассматривать подробно не приходилось; мне не была поручена критика действий моих предшественников. Но, конечно, ознакомиться с этим я должен был. Я не был непосредственно после Белецкого; я был после Молова. Белецкий был ведь товарищем министра. Был сначала Молов, затем Кафафов исполнял эту должность и, наконец, я. Мне Хвостов сказал, что он не будет назначать товарища министра, ибо государь сказал, что он не желает, чтобы было всесильное политическое министерство, что поэтому он и оставляет департамент полиции в своем ведении и меня приглашает в качестве директора департамента полиции. Но так как мне нужно было дать право присутствовать в комиссии Государственной Думы, Государственного Совета и Совета Министров, то мне были даны права товарища министра с этой целью. Когда Штюрмер вступил, тогда он нашел возможным и нужным пригласить директора департамента полиции в товарищи министра и хотя юридически от меня это право не было отнято, но фактически из расписки и из кредитного дела я был исключен. Я был директором на правах товарища министра фактически недолгое время: недели три, может быть месяц. Я должен сказать, что, когда мне пришлось доложить о финансовой части департамента полиции, то он начал с таких слов: «Если мы пойдем так, то у нас не хватит 600.000 рублей для того, чтобы свести бюджет». Я спросил: «Почему? . .»

Председатель. — Хотя это было в начале года, в марте месяце?

Климович. — Да, но уже видно было... Два месяца, если помножить на шесть, давали дефицит в 600.000 рублей. — Я спросил: «Почему?» — Да, — говорит, — причины есть разумные: во-первых, у нас есть заграничные агенты, — там, где мы платили франк, платим рубль; потом около ста человек служащих департамента полиции, привлеченных на военную службу, приходится их заменять и оплачивать из этого кредита; наконец, расходы на некоторые предметы тоже возросли чуть ли не втрое, карандаш стоил 5 коп., теперь — 10 коп., машинки, разные другие предметы...» Из всего этого и составился дефицит. Он состоит в следующем: 150.000 рублей содержания всевозможным членам Совета Министров, сверхштатным чинам, потом была широкая выдача на разные расходы, на расходы «известные» по ордерам товарищей министров, «разные» без указаний на что. Я на это сказал так: «Вперед расходов без указания на что — не будет, выдача денег на разные секретные нужды по возможности будет сокращена». В сущности все это и было сокращено и, в конце концов, я добился того, что, когда я оставлял департамент полиции, то дефицит образовался не в 600.000 рублей, несмотря на то, что дороговизна возросла, а только в 400.000 рублей: 200.000 рублей удалось сохранить.

Председатель. — При вас был издан так называемый Кафафовский циркуляр?

Климович. — Нет... Кажется нет. Да, я помню, в начале моего поступления был запрос о нем: так что несколько раньше.

Председатель. — Как обстоял вопрос об освобождении от воинской повинности агентов охраны? Этот вопрос не возбуждался в недрах департамента полиции?

Климович. — По существу, он возбуждался. Был такой циркуляр; он был когда-то похищен, из-за него я и имел укор.

Председатель. — Какой циркуляр?

Климович. — Собственно не циркуляр, а письмо, касающееся вопроса об освобождении агентов от воинской повинности.

Председатель. — Письмо ваше кому?

Климович. — На имя начальника жандармского управления, дабы он сообщил имена и фамилии агентов, для освобождения от воинской повинности. Этот вопрос находился в стадии обсуждения и было послано отбойное письмо, что подобного распоряжения не будет. Переговорил вскользь с военными властями, конечно, всех освобождать нечего, но некоторых, может быть, было бы желательно. Военные власти, однако, отнеслись как-то сухо к этому. Мы решили не воевать из-за этого и этот вопрос отменить.

III.

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

21 марта 1917 г.

Содержание: Отношение к Государственной Думе. Поездка заграницу, деятельность около события конца февраля 1917 г. Обстоятельства назначения Протопопова министром внутренних дел. Первая встреча с государем в присутствии Алексеева. Травля Протопопова в связи с его предположением издавать газету. Посещение кружка Бадмаева. Первая встреча с Распутиным. Продовольственная разруха. Фактическое назначение Протопопова министром внутренних дел. Была ли у него политическая программа? Его отношение к Государственной Думе, к ответственному министерству, к правым партиям, к Распутину. О 87 ст. основных законов. О переговорах с Вартбургом в Стокгольме. О доброте Николая II. Вопрос о расширении прав евреев. Протопопов о продовольственном деле, о прогрессивном движении, свободе религий. Жалобы на травлю. Субсидии Маркову 2-му и союзу руского народа. О военно-промышленном комитете. О министерстве доверия. О контр-разведке и Манасевиче-Мануйлове. Сближение с Распутиным. Охрана Распутина. Курлов. События конца февраля. Действия по поводу надвигавшихся событий. О Стокгольском совещании. Отношение к назначению и программе Штюрмера. Запросы губернаторам. Распоряжение об аресте рабочих групп. Пользование ст. 87. Переговоры об издании газеты. Разговоры с Распутиным. Адрес прогрессивного блока. Предполагавшийся роспуск Думы. Сведения полиции о нарастании движения. О Курлове, Бадмаеве, Распутине. Письмо Хабалова с запрещением совещания групп. Меры к поддержанию спокойствия. Конкретная картина свидания с Вартбургом. Влияние на Протопопова со стороны Распутина, Вырубовой и Андроникова. Смещение Степанова. Отношения Протопопова к делу убийства Распутина. Записка Орлова. Разговоры с Александрой Федоровной. Грузинский съезд. Просьбы Протопопова об увольнении. О принадлежности Вырубовой и Распутина к одному дружескому кружку. Посещение Царского Села. Доклады государыне и государю, совместные собеседования с приближенными. Государыня — истинно консервативный человек. Признание Протопопова, что он не разбирался в настроениях Государственной Думы. Главнейшие реформы, намеченные Протопоповым. Отношение к Штюрмеру. Назначение 16-ти членов в Государственный Совет. О причинах ухода Макарова. 50.000 р., полученные от директора Соединенного Банка. Бурдуков, Манус, Рубинштейн.

Председатель. — Александр Дмитриевич Протопопов, вы перед лицом Чрезвычайной Следственной Комиссии, которая учреждена актом временного правительства для рассмотрения и рассле-

дования преступных по должности деяний бывших должностных лиц: министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так военного и морского ведомств. Несколько позже вы будете допрошены судебным следователем, представителем следственной власти. В настоящем заседании вы имеете дать объяснение комиссии, которая заменяет, вследствие этого указа, 1-й департамент Государственного Совета. Так что дача объяснений Комиссии является не только вашим правом, но и вашей обязанностью. . .

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. . . . дабы Комиссия, выслушав ваше объяснение, имела суждение в дальнейшем о том, надлежит ли открыть предварительное следствие по поводу тех действий, которые вам могут быть инкриминируемы.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Так что юридическая сторона вам ясна?

Протопопов. — Совершенно ясна.

Председатель. — Так благоволите теперь дать ваше показание. В интересах сохранения времени, я должен вам в нескольких словах очертить схему этого показания, объяснения, по каким вопросам ждет от вас Комиссия, но это — рамки в видах вашего удобства и в интересах сохранения времени. Вам, конечно, если вы будете иметь объяснить что-либо Комиссии, принадлежит право расширить рамки вашего объяснения.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Я бы сказал, что вам надлежит объяснить Комиссии о тех обстоятельствах, при которых вы были назначены на пост министра внутренних дел, прежде всего руководствуясь, как канвой, историческим прохождением вами вашей деятельности. Значит вы попутно должны дать объяснение о ваших собственных действиях по тому основному моменту русской политической государственной жизни, которую вы знаете и мы знаем, но также попутно вы должны рассказать Комиссии о тех отношениях, в которые вы становились с высшими должностными лицами старого порядка, по поводу важных моментов государственной жизни прошлого режима. В частности, вами должно быть освещено ваше отношение к Государственной Думе, ваша поездка за границу, и затем ваша деятельность около события конца февраля настоящего года, который вам, по крайней мере в значительной мере, хорошо известен. Вот значит канва ваших объяснений, рамки. В этих пределах вам будут задаваться вопросы, на которые вы будете отвечать, но повторяю, если вы имеете чем-нибудь дополнить объяснение Комиссии, вы должны это сделать.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Вот после этого вы приступите к вашим объяснениям.

Протопопов. — Первый вопрос — каким образом я был назначен?

Председатель. — Да.

Протопопов. — Когда я вернулся из-за границы, то тогда я видел тогдашнего министра иностранных дел Сазонова, которому я рассказал все те замечательные происшествия, которые были с нами за границей: зачем я был оставлен, по просьбе Барка, в Лондоне, что заставило меня отстать от моих товарищей, по поводу русского займа. Затем я там же рассказал по поводу моей встречи в Стокгольме с г. Вартбургом. Весь мой рассказ показался интересным Сазонову, и он сказал, что было бы важно все это подробно рассказать государю, и затем, когда он поехал в Ставку, он, должно быть, доложил государю. Приехав обратно из Ставки, Сазонов написал мне письмо о том, что государь желает меня видеть, числа он мне не назначил и рекомендовал мне обратиться к Нератову, к своему товарищу, которого он оставил вместо себя. В это время он уехал в Финляндию, оказалось, вместо него назначен Штюрмер. Через некоторое время Штюрмер мне сказал, что государь меня вызывает в Ставку. Государь был очень ласков со мною. У меня был довольно долгий разговор с государем, в течение дня три раза и затем вечером, после обеда, он мне сказал: «А теперь мы поговорим». Я ему подробно говорил о еврейском вопросе...

Председатель. — Прежде, чем перейти к еврейскому вопросу, мне, и, вероятно, всей Комиссии хотелось бы, чтобы вы не скользили по поверхности; вы, конечно, знаете, какие вопросы нас интересуют: я просил бы вас остановить ваше внимание на этих основных вопросах. Вы говорите о мелких моментах, о переговорах со Штюрмером, что вы три раза говорили с государем, нам же интересны те обстоятельства и те влияния, которые вас привели к власти, будьте добры на это и опираться.

Протопопов. — Слушаюсь, я так и хотел. Так вот первая встреча была эта с государем. Вечером он был со мной очень ласков и сказал: «Мы успеем еще с вами поговорить».

Председатель. — Относительно еврейского вопроса?

Протопопов. — Да, потому что я его довольно широко поставил. Вот первая моя встреча с государем, при которой присутствовал Алексеев.

Председатель. — Простите, какой был повод для встречи с отрекшимся государем. Зачем вы были вызваны в Ставку?

Протопопов. — Я был вызван в Ставку для того, чтоб рассказать, как я был за границей, что там было замечательного. Я думаю, что о нашей поездке писали послы. Вероятно, это и послужило поводом, по крайней мере, это было сказано в письме Сазоновым, который писал, что государь желает меня видеть, срока не назначил, а о сроке надо спросить у Нератова.

Председатель. — Значит, вам указал на желание видеть вас в Ставке бывший министр, т.-е. тогда настоящий министр иностранных дел Сазонов?

Протопопов. — Да, у меня письмо есть, вероятно, оно цело, я много раз снимал копию с него, потому что оно мне было нужно, ибо меня сопровождала тяжелая атмосфера травли, которая началась с того, что мне хотелось издавать газету, и это — газета, которая первая заставила поднять против меня большую травлю, какой до этого я никогда не испытывал. Если я не обратил внимания на эту травлю, то только потому, что я был глубоко убежден, что дело это — дело хорошее.

Председатель.—То, что вы называете травлей, и ваша история о предположении издавать газету, это частные эпизоды, к которым мы вернемся впоследствии, а пока благоволите остаться в рамках общих, основных.

Протопопов. — После того, как я видел государя, он меня спросил, куда я еду, я сказал, что еду в Петроград, на том основании, что дела, которые без меня оставались здесь, а именно текстильный комитет, который я основал для снабжения одеждой армии, должны были притти в плохое состояние и, правда, пришли в состояние неладное. Тогда он говорит насчет одежды для армии: «Вероятно, это шло у вас хорошо, потому что я много слышал об этом». Я говорю: «Не хорошо, а было выработано 160.000 кв. арш. на одежду для армии». Потом я приехал в Петроград и пробыл недели полторы, две, я не помню точно сколько времени, а потом на короткий срок поехал к себе в деревню; затем из деревни я приехал обратно в Петроград и уже дорогой получил телеграмму о том, что мне предлагают пост министра. Я думал, что пост министра торговли и промышленности, и был этим очень счастлив, но оказалось, что не министром торговли, а министром внутренних дел. Когда я сюда приехал, здесь я слышал об этом еще и еще раз. Слышал я у доктора Бадмаева. Есть такой доктор Бадмаев, у которого я лечился очень давно и, между прочим, я там видел несколько раз, может быть двенадцать или пятнадцать, Распутина. Я знал, что этот кружок осведомлен о предположениях, которые имеются, и действительно через некоторое время...

Председатель. — Почему вы знали, что этот кружок осведомлен?

Протопопов. — Потому что я на Распутина смотрел всегда, как на одного из влиятельных челядинцев...

Председатель. — Как?

Протопопов. — Челядинцев. Такие были люди, как, например, долго служившие при императоре Александре II, такие есть при дворе лица, которые являются влиятельными. Конечно, для меня не представляло секрета, что Распутин бывает часто при дворе и в курсе всего того, что там делается. А потом, когда я был

министром внутренних дел; когда я видел его, я так себе и объяснял его влияние. Во-первых, это был не вполне нормальный, по моему мнению, человек, который действительно пользовался свойством особого взгляда; он мог на некоторых, в особенности женщин, влиять гипнотически, на маленьких тоже детей. Я лично, когда был назначен...

Председатель. — Вы опять скользите по поверхности. Ваши объяснения очень интересны, но после того, как вы изложите факты. Вы скользнули по поверхности ваших отношений к кружку Бадмаева. Вы вскользь упомянули, что вы у него лечились, вы действительно давно у него лечились, но вы его посещали не для лечения только.

Протопопов. — И для лечения.

Председатель. — Лечение нас не интересует, нас интересуют факты, касающиеся ваших отношений к кружку Бадмаева, и, значит, вопрос о назначении вашем министром внутренних дел, между прочим в этой связи.

Протопопов. — Я затрудняюсь указать факты, я фактов никаких не могу привести. Я видел там только несколько раз Распутина, раза четыре или пять встречался с ним там, но собственно Штюрмер уверял меня в том, что он меня предложил; но я впоследствии не доверял этому, потому что государь мне сказал, что я его личный выбор. Это он мне буквально сказал: «Вы мой личный выбор», это его слова. Даже на указе, который был, было написано: «Дай бог в добрый час». Он особенно подчеркивал, что он меня хотел на этом месте. Теперь хлопотал ли обо мне Распутин? Вероятно, да, потому что он меня всегда в лицо хвалил, а, во-вторых, я к нему относился так — вся та мерзость, что была там, весь тот вред, который этот человек сделал, я не мог приписывать лично ему. Это — паршивый кружок, который его окружал, безобразных, безнравственных людей, которые искали личных выгод, которые проталкивали через него грязные дела. Это мне казалось ужасным. Я ничего подобного не делал. Моя цель была ликвидировать, чтобы не было скандала, пьянства, чтобы кутежей было меньше и, если хотите, это было до известной степени достигнуто. Он мне сказал, что я из тех людей, которых должны слушать. Я должен сказать, что и Бадмаев просил Распутина бросить пьянство. Он никогда его не угощал; может быть, какая-нибудь мадера стояла на столе, но никаких толканий по этому пути не было. Я начал с того, что я был против него в 3-й Государственной Думе. Когда я его увидел? Первый раз я увидел его, когда был болен и шесть месяцев лежал больной у Бадмаева на Спасской, не мог встать с постели. Бадмаев привел ко мне Распутина. Я был сильно удивлен видеть этого человека. Я его представлял себе другим, с мягкими манерами. Я сам уроженец Нижегородской губ., и он мне напомнил нижегородского

старообрядческого начетчика. Потом, смотрю, неглупый человек, но не в полном рассудке, с серыми проницательными глазами.

Председатель. — Может быть, сделать маленький перерыв?

Протопопов. — Нет, пожалуйста, будем продолжать. Как прикажете дальше итти, что вам угодно знать?

Председатель. — Как вам угодно.

Протопопов. — Если перейти к тому, что я хотел сделать, это можно говорить?

Председатель. — Да, конечно.

Протопопов. — Когда я приехал первый раз к государю, то я действительно ему доложил, что опытности в этих делах не имею; он сказал мне, что он желает, чтобы я этим делом занимался, он верит, что я буду чисто и честно исполнять это дело. Я говорю, что, конечно, я сделаю все, чтобы это было честно и чисто. Почему? Потому, что действительно сору в избе было очень много. Тогда я себе не отдавал отчета, до какой степени это министерство в итоге не Министерство Внутренних Дел. Оно совершенно поставлено так, что там внутренней политики нельзя делать, ибо нельзя делать политику, ничего не давая. Основа русская — это есть земства, что я мог сделать для земства? Ровно ничего. Земство, со всеми своими денежными средствами, отошло к Министерству Земледелия, это прежде всего. Первое, что меня поразило, это — продовольственная разруха. Это было гораздо доступнее моему пониманию, моей подготовке. Я чувствовал, что в этом деле могу принести пользу. Я видел, что было полное убийство частной инициативы, об этом я говорил, когда единственный раз был в Государственной Думе, что никак нельзя гений целого народа, который слагается из частного почина, взять и поставить в рамки казенной чиновничьей указки. Я считал вредными твердые цены, ибо твердые цены не прибавляют количества товаров, а потом, товары, которые нужны были в России. Я утверждаю, что это можно было сделать так, как я говорил в Государственной Думе. У меня был план тот, который потом Риттих стал выполнять: разверстки нужного количества; на армию нужно было 480.000 пуд., потом это значительно возросло, затем были некоторые запасы на потребности губернии, тогда и я бы предложил твердые цены снять и открыть свободную торговлю; это был у меня план, который я хотел провести, потом мне хотелось провести это через земства, иначе сделать нельзя, но не через Земский Союз, как таковой, а земство, как таковое. Земский Союз и Союз Городской, мне казалось, меня часто называли врагом общественного — я крепко против этого протестую. Это глубокое недоразумение. Вся моя жизнь показала это...

Председатель. — Мы сделаем маленький перерыв.

После перерыва.

Председатель. — Александр Дмитриевич Протопопов, нам бы хотелось в интересах истины, не стесняя вас и предоставляя вам полную свободу, тем не менее, ввести в некоторые рамки ваше объяснение. Такими рамками могли бы быть ваши ответы на такие вопросы, кем фактически и при каких обстоятельствах вы были назначены на пост министра внутренних дел и какие при этом вам были поставлены задачи, какова была ваша политическая программа, затем, каково было ваше, в качестве министра внутренних дел, отношение к Государственной Думе, к вопросу о министерстве доверия или об ответственном министерстве, который интересовал в то время страну. — Каково было ваше отношение к левым и правым партиям и в частности, каково фактически ваше отношение к Распутину, к кругу Распутина, к кружку Бадмаева. В пределах этих вопросов нам бы хотелось знать, каково было ваше отношение к факту замены Штюрмером министра иностранных дел Сазонова, т.-е. передача портфеля Штюрмеру; портфель министра иностранных дел был тогда в руках Сазонова и в частности ваши отношения к 87-й статье основных законов. Затем нам хотелось бы иметь краткие сведения о вашей поезке за границу и о переговорах, которые вы вели в Стокгольме с Вартбургом, с представителем Германии, во всяком случае с тем человеком, который говорил с вами от лица Германии. Затем нам интересно знать, каково ваше отношение и ваши действия в отношении последних февральских событий, которые привели к падению старого режима. Вы совершенно свободны в ваших сообщениях, но в интересах истины я бы просил держаться этого порядка.

Протопопов. — Если бы вы мне позволили записать.

Председатель. — Вам будут даны карандаш и бумага.

Протопопов. — Тогда я запишу.

Председатель. — Если хотите, я вам еще раз прочту. Господа, я думаю, что будет полезно это, если даже мы на это потратим три минуты.

Протопопов. — Я очень плохо вижу.

Председатель. — У вас пенснэ в камере, можно принести.

Протопопов. — Это далеко, — ничего, я так постараюсь.

Председатель. — Так первый вопрос: когда фактически и при каких фактических обстоятельствах (нам бы хотелось знать объективную сторону) вы получили портфель министра внутренних дел.

Протопопов. — Когда фактически и при каких обстоятельствах... (пишет).

Председатель. — Вторым вопросом мы поставили вопрос о том, какие задачи были вам поставлены.

Протопопов. — Какие задачи, задачи мне поставлены... (пишет).

Председатель. — Какие задачи вы сами себе ставили, т.-е. какова была ваша политическая программа.

Протопопов. — Так, слушаюсь.

Председатель. — Сюда может войти вопрос и по продовольствию, но не с его технической стороны, а с его политической стороны.

Протопопов. — Это ужасно, я прошу меня извинить — у меня голова скверная, работает она плохо.

Председатель. — Это поможет вам ориентироваться. В частности, каково было ваше отношение в Государственной Думе к вопросу о министерстве доверия и об ответственном министерстве.

Протопопов. — К вопросу об ответственном министерстве (пишет).

Председатель. — К 87-й ст., я говорю потому, что вы понимаете меня, я бы должен сказать к вопросу о применении этой ст. 87-й.

Протопопов. — К ст. 87-й (пишет).

Председатель. — Затем к факту замены Штюрмером министра иностранных дел Сазонова, затем к вопросу об общественных организациях и их деятельности, каково было ваше отношение к левым и правым партиям. Здесь я просил бы вас включить вопрос о субсидиях.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель.—Затем, каково было ваше отношение к кружку Распутина и Бадмаева.

Протопопов. — Как к кружку? Это не есть кружок.

Председатель. — Вы мою мысль понимаете, тогда вы скажете.

Протопопов. — Они разные.

Председатель. — Это вопрос другой. Вы великолепно понимаете, что вас спрашивают о кружке Распутина и Бадмаева. Затем, нам нужно с некоторых точек зрения, которые вы понимаете, знать о вашей поездке за границу в отношении тех переговоров, которые вы вели.

Протопопов. — Я не вел переговоров.

Председатель. — Той беседы, которую вы вели в Стокгольме с Вартбургом.

Протопопов. — Беседе... (записывает).

Председатель. — Затем, каково было ваше участие в событиях в конце февраля и начале марта в Петрограде. Передавая нам все это, вы попутно коснетесь фактов, касающихся деятельности высших должностных лиц старого режима, министров, главноуправляющих и прочих лиц как гражданского, так и воен-

ного ведомств, которых, согласно акту временного правительства от 4 и 11 марта, мы должны коснуться...

Протопопов. — «Кем и при каких обстоятельствах я был назначен»? Это я вам уже доложил. Это недостаточно?

Председатель. — Как вы хотите.

Протопопов. — Я думаю, что это именно исчерпывающая вещь, потому что собственно никого не просил за меня хлопотать никогда, я ни к кому не обращался с такою просьбою и еще более кого-либо этим утруждал. Я думаю, что могу быть назначен министром торговли потому, что об этом неоднократно говорил государь, и я знаю, про меня государю говорил Сазонов и М. В. Родзянко и затем говорил Шуваев. Он мне сам это передавал. Затем, после моей поездки, Барк передавал, что в разговоре государь лестно отзывался. Затем Бенкендорф, посол в Лондоне, говорил, что он про меня писал, так, что я поэтому и сделался известным государю. Тем более это было интересно, что тогда нами был затронут политический вопрос, именно о равноправии народностей и так как он большой защитник равноправия народностей...

Председатель. — Кто?

Протопопов. — Бенкендорф, лондонский посол. Мы были большими защитниками равноправия. Я спросил его: «Можно ли сослаться на вас?» Потому что понимал, насколько трудно трогать этот вопрос. Он говорит: «Можете. Je suis un homme brûlé». Собственно, дело было так. Я сидел дома, звонит Штюрмер и говорит: «Вам предлагают такой-то портфель». Я говорю: «Позвольте...». — «Я вам предлагаю». — «Как?» — «Я просил государя и вас назначили».—Я говорю: «Я буду думать».—«Нет,— говорит, — нужно немедленно телеграфировать, государь ждет ответа». Тогда я говорю (у меня действительно в эту минуту было дурное чувство в душе, потому что это мне польстило). «Хорошо, попробую». Под влиянием чего я это сказал, я не знаю. Вы можете сказать: вы дела не знаете. Я шел все-таки с определенной целью в душе сделать доброе. Я верил в то, что я сделаю доброе. Я не понимал, как это трудно и как легко напротив сделать зло. И вот, таким образом, я попал. После этого я был вызван, при чем вызывал меня государь. Я хотел посмотреть, из чего состоит это министерство. Но оно такое нескладное, оно такое неладное мне досталось, что, действительно, его никак в голову было не положить, как одно целое и стройное. Когда-то это была мощная вещь, теперь вещь немощная, ибо нельзя сделать ничего, если не делать, не творить. А в министерстве необыкновенно трудно что-нибудь сделать, трудно в смысле внутренней политики, ибо там департамент полиции, собственно говоря, это есть осведомительная часть, которая очень подробно дает вам политические справки. Но ведь это не есть политика. Я видел движение, которое подымалось

кверху, я его боялся: думал, вот захлестнет, и будет большая беда. Кроме того, я стал любить государя. Он такой добрый, ласковый, так доверчиво ко мне относился, что мне казалось невозможным, чтобы теперь произошел сильный переворот. Я думал, что это будет во вред и государству и во вред тому самому человеку, которого я стал любить. Хороший человек, добрый, и он охотно шел на всякого рода доброе, например, помилование кого-нибудь, это было моментально. С еврейским вопросом он согласился очень легко, как только я стал на точку зрения Государственной Думы, и все, что я сделал в этом вопросе, это было сделано с его ведома. Циркуляр мой в Москве, который значительно расширял право жительства евреев, при чем давал права тем, которые фактически живут, этот циркуляр, чтобы там их не трогать — был издан с ведома государя. Гораздо более широкие рамки разработаны уже в департаменте общих дел у вице-директора Путилова и, если бы мне удалось провести, я сделал бы кое-что доброе. И государь шел легко, боялся только того, что не время. Я говорил: «Время, всегда время». — «Нет, теперь война, и есть известного рода антисемитизм, который развился в войсках, так что лучше моего имени не впутывайте». Вот, собственно, как дело делалось. Но через Совет Министров я надеялся провести те пять пунктов, которые совершенно готовые лежат в департаменте. Эти пункты очень расширяли права евреев. В итоге это было бы сделано, потому что, вероятно, я бы собрал большинство голосов в Совете с этой штукой. Но моя работа затянулась еще тем, что вышло крупное недоразумение. Дорошевич, который был у меня, сказал: «Вас гонят в правый угол». Я сказал: «Идет, меня не загонишь, я даю честное слово». — «Вас гонят и загонят. Всегда так в России у нас делается». Я тогда был ужасно самоуверенным и сказал: «Нет, не загонят».

Теперь какие задачи мне были поставлены? Никаких мне никто задач не давал. Мне говорили: «А что вы думаете по этому вопросу или по этому?» Так было, но задач никаких не давали.

Какая была моя программа? Программа моя была такая. Я думал, что во время войны весьма важно довести войну до конца, при чем так, чтобы к концу войны можно было бы дать другой строй, чем тот, который был. Я думал дать ответственное министерство к концу войны, это я думал, а пока я бы ограничился другим: судебною ответственностью по вотуму Думы министров перед Сенатом или Особым Присутствием Сената. Эти мысли были мною изложены, и я даже дал их члену Думы Г. Д. Караулову, который был у меня, и только просил не говорить, что это от меня, ибо эта мысль была передана государю, им одобрена, и он находил ее приемлемой, но только потом сказал, что нужно ее юридически хорошенько разработать. Потом вышел перерыв.

Месяца полтора, или почти полтора, я не работал, я заболел действительно.

Теперь, какие задачи я себе ставил? Во-первых, продовольственное дело. Это было в первую голову, а потом стояло на очереди и прогрессивное движение. Очевидно, удержать это движение можно до известной степени, но движения, стоя на месте, не удержишь, поэтому я понимал нужду, необходимость движения, и я клал его в следующих вопросах: в еврейском вопросе, в религиозных вопросах, в свободе религии. Вот почему духовный департамент был мною перевернут вверх дном. Мне казалось невозможным оставить то положение, которое есть. Вот почему Шептицкий переехал в Ярославль. Но все это делалось урывками, так нескладно, так скверно работалось, что для меня было это сущее мучение, это была не жизнь, а каторга. Затем я стал с самим собою в контры, я стал с своею душою в контры. Так вышло все ужасно, что нельзя представить, что может быть неудачнее. Риттих как-то мне сказал: «Вам рок смотрит в глаза, берегитесь его». Быть может, есть и правда. Действительно, я могу сказать, все складывается не так, как я хотел, когда я был в Думе. Значит, вот те задачи, которые я себе ставил. Я скажу следующее: зла я никогда не хотел, напротив, я хотел быть доступным, и, думаю, я им был. Я был доступен каждому горю до такой степени, что даже об этом может мой штаб-офицер сказать. Ко мне люди подходили на улице, и я их сажал в автомобиль для того, чтобы они могли сказать, что им нужно. Я не опасался тех осложнений, которые могли быть, хотя я чувствовал, что я объект, но я не хотел быть их причиною, а, может быть, стал ею. Но весь ужас, корень моих бедствий, я вижу в этой газете. Я хотел ее издавать. Для меня это казалось хорошим начинанием, а вышло, бог знает, что. На меня начали лить помои без конца. Когда я просился уйти, а я три раза просился уйти, последний раз я сказал государю, что не могу быть полезным потому, что я слишком заплеванный человек. Правда, я сначала относился крайне хладнокровно, я думал, как можно заплевать? У всякого человека есть известные недочеты, недомыслия. За мной грязи, подлости нет. Я никогда чужого не брал, злого не желал и не хотел верить, что можно при этих условиях заплевать, а оказалось, можно действительно заплевать и уничтожить.

Затем мое отношение к Государственной Думе. Я прямо думаю, что это недоразумение. Сначала я не понимал. Федор Измайлович, вы меня знаете давно, я не лгу, я положительно не понимал, откуда взялась та атмосфера, которая меня окружила, такая ужасная атмосфера. Мне говорили, что Волконский высмеивал меня в Думе. Передавал смешным образом то, что я в частном совещании просил быть не товарищем министра, а товарищем. Может быть, это было и не так. Моя задача, которую я ставил себе, это

возможное расширение земств. Оно сделано. Тобольское земство внесено. Потом земство в Прибалтийском крае должно было разрабатываться, я об этом просил Анциферова. Затем, я предполагал сделать выкуп немецких земель на тех же основаниях, как в 1864 году. Я думал дать возможно больше, в Думу попали маленькие кусочки, одна треть вместо половины. Затем относительно должностных лиц, это в виду продовольствия. Я хотел опереться на большое число должностных лиц разрешением избирать одну десятую полного ценза, хотя бы не из состава гласных. Это было внесено. Потом тобольское земство внесено туда же. Затем волостное земство, и вообще я земство ставил на первую очередь. К Государственной Думе я относился совершенно спокойно и думал: кричат на меня, но это пройдет, какой вздор! И вдруг я вижу какой-то барьер. Первый раз я приехал в бюджетную комиссию в мундире. Мне это поставили в упрек. Мне нужно было быть на представлении и ехать в час, а тут какой-то господин давал долгие объяснения, и мне оставалось говорить 25 минут. А приехал, повторяю, в мундире потому, что надо было ехать в Царское. Но я плохого не чувствовал после этой речи, а потом это как-то разрослось. Потом я просил М. В. Родзянко устроить у себя на квартире свидание, и тут ко мне почувствовали уже большую вражду. Это не нужно? Простите я плохо думаю...

Председатель. — Нет, нет, пожалуйста.

Протопопов. — Как прикажете.

Председатель. — Может быть, вам легче будет отвечать на вопросы.

Протопопов. — Я очень плохо думаю. Я искренно говорю, я плохо соображаю, у меня скверно работает голова.

Председатель. — Вы говорите, что к Государственной Думе относились спокойно?

Протопопов. — Совершенно.

Председатель. — Когда вы говорите это, то некоторую психологию вашего отношения вы утверждаете. Нам бы хотелось услышать ваш ответ на вопрос, каково было ваше отношение к факту существования и работы Государственной Думы во время войны.

Протопопов. — Ах, во время войны.

Председатель. — То-есть в то время, когда вы были министром, как вы относились к возможности и желательности править страной без Государственной Думы?

Протопопов. — Без Государственной Думы, я думал, править нельзя, когда я был там. Все переменилось, когда я был назначен министром: ко мне относились неладно, как к министру, я был для них не министр, на меня смотрели очень косо, и, естественно, я думал, что найду опору в Думе. И вот накануне того, как я в первый раз пришел туда (министры устроили так), мне сказали, что Пуришкевич будет говорить против меня речь, сообщили ее содер-

жание и думали, что мне легко будет отвечать, когда у меня эта речь была записана.

Председатель. — Кто вам сказал содержание речи?

Протопопов. — Положительно не помню. Вероятно, либо Крупенский, либо Ознобишин, я не помню кто.

Председатель. — Или Марков 2-й?

Протопопов. — Маркова 2-го я тогда не видел.

Председатель. — А когда вы начали видеть Маркова 2-го?

Протопопов. — Приблизительно в январе. Я его видел раза четыре, кажется.

Председатель. — То-есть, что вы называете видели? Вы его видели в Думе?

Протопопов. — Нет, нет. Он был у меня.

Председатель. — Я понимаю в том смысле, что между вами и им установились некоторые внедумские отношения. А отношения между вами и Крупенским?

Протопопов. — Ох, это с детства. Я с ним был в кавалерийском училище.

Председатель. — Но когда установились ваши встречи с Крупенским в связи с делами Государственной Думы, в бытность вашу министром внутренних дел?

Протопопов. — У меня почти их не было. Он бегал ко мне, и я к нему ездил. Он быстрый человек, всегда больше всех знает. У меня особых дел не было с ним, кроме этой знаменитой записки абриса речи, декларации.

Председатель. — Чьей речи?

Протопопов. — Декларации Думы, которую я передал Штюрмеру в руки.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Это было вначале.

Соколов. — Перед 1-м ноября?

Протопопов. — Да, кажется. Он сказал, — вот в чем будет заключаться декларация. Я говорю, — тогда я дам Штюрмеру. Ну хорошо,—говорит,—только ты мне верни. Я так и сделал. Дал Штюрмеру, а затем, я не знаю, каким образом вышло, что это сделалось известным в Думе.

Председатель. — Вы немножко уклонились в сторону. Позвольте задать вопрос: Крупенский и Марков 2-й получали деньги за это осведомление?

Протопопов. — Крупенскому ни одной копейки не давал, нет.

Председатель. — А Маркову 2-му?

Протопопов. — Да, я ему давал и вот почему. Совершенно не свойственно мне, так сказать, быть крайним правым, следовательно, совершенно является необъяснимым, каким образом я на эту патриотическую организацию мог отпускать деньги. Это случилось вот почему. Во-первых, их, правых, постоянно кормили все.

Следовательно, если бы я не подкармливал эти учреждения монархические, то это составило бы исключение из правила, а в былое время, когда я видел, что монархический принцип падает ужасно, мне казалось, нельзя сделать иначе, как дать эти деньги, — вот почему.

Председатель. — Сколько вы платили Маркову 2-му?

Протопопов. — Я думаю, за все время всего тысяч сорок.

Председатель. — За все время вашего министерства. Были определены эти передачи?

Протопопов. — Я не хотел определять, потому что у него был очень большой вкус—l'appétit vient en mangeant, а у меня, наоборот, вышло, что подтвердит директор департамента полиции, что в последний раз, когда ему передавал деньги, я усомнился в необходимости передачи этой денежной субсидии.

Председатель. — А когда этот последний раз был?

Протопопов. — В начале февраля, вероятно.

Председатель. — Сколько было в последний раз передано?

Протопопов. — Тысяч десять.

Родичев. — После того как он обругал Родзянко, сколько вы ему дали?

Протопопов. — Я ему за это не дал. Я не так был сердит на Родзянко. Мне очень грустно...

Председатель. — Просто последовательность объективная?

Родичев. — Вы не прекратили уже после этого выдачи?

Протопопов. — Нет.

Родичев. — Сколько после этого?

Протопопов. — Не помню, но не прекратил.

Председатель. — Вы говорите, что, значит, его аппетит разыгрывался, аппетит приходил по мере того, как он получал. Что же, конкретно скажите, он просил у вас большое количество денег?

Протопопов. — Он говорил: «что даете пустяки». Я ссылался на то, что денег нет. Нужно сказать, что я только теперь, раздумывая, вижу, как много я не знал в этом ведомстве. Да оно и понятно, потому что фактически им я не мог управлять, и потом все приключения... Ведь не было дня, чтобы не было приключения, чтобы не было какого-нибудь толчка, странного толчка, как, например, запрос дворянства по поводу Варбурга. Все складывалось так ужасно, ведь это выбивало меня. Я не мог внимательно и последовательно работать.

Председатель. — Давайте совершенно спокойно выясним эти вопросы, сюда относящиеся. Вы говорите, что Марков 2-й говорил, что ему этого мало. Сколько же ему полагалось в месяц.

Протопопов. — Не то, чтобы я сказал в месяц. Ну, в месяц 10 — 15 тысяч.

Председатель. — Десять-пятнадцать тысяч в месяц?

Протопопов. — Может быть, и двадцать тысяч.

Председатель. — А он требовал больше?

Протопопов. — Он говорил: помилуйте, две с половиной тысячи стоит бюро.

Председатель. — Какое бюро?

Протопопов. — Отдел союза русского народа.

Председатель. — Так что ему нужно было больше. Скажите, он давал вам отчет в этих деньгах?

Протопопов. — Нет, никогда. Тут случилось еще одно обстоятельство. Тут не один Марков был, тут целая группа лиц, которые были заинтересованы в том, чтобы субсидии шли.

Председатель. — А именно?

Протопопов. — Все правые группы.

Председатель. — Ну, назовите некоторых из них.

Протопопов. — Возьмите из Государственного Совета, есть лица, которые заинтересованы были очень.

Председатель. — Кто?

Протопопов. — Я сказал бы, почтенный Римский-Корсаков.

Председатель. — Ну еще.

Протопопов. — Я ему лично не платил, но он был заинтересован.

Председатель. — Вы говорите, что был заинтересован в этих получках?

Протопопов. — Нет, нет извините. Я этого не говорю, что он получал деньги, он не получал. Я давал, Маркову, собственно, не я лично, но все равно давал Маркову деньги, а затем Римский-Корсаков, я не знаю, чтобы он тут был заинтересован, но он говорил мне, что это необходимо, тут и газету он примешивал.

Председатель. — Как называется эта газета? (Протопопов старается припомнить.)

Смиттен. — Может быть, это «Русская Быль»?

Протопопов. — Кажется, да. Правым нравилось, что я даю эти деньги. Если бы не давал, это правым не нравилось бы.

Председатель. — Да кто из правых, назовите?

Протопопов. — Да их ужасно много.

Председатель.—Но, вероятно, чем-нибудь выражалось, что это нравилось? Мне кажется, по началу вашего рассказа, вы сказали, что, собственно говоря, не один Марков 2-й хотел получать эти деньги.

Протопопов. — Нет, виноват, я плохо выразился. Марков 2-й единственный человек, который получал. Извините, я сказал один, но еще был другой, которого прислал, как будто, Голицын или Щегловитов. Это — Орлов московский. Я первый раз его видел. Он принес брошюру и на издание этой брошюры я дал две тысячи рублей. И вот этот мне принес счет.

Председатель. — То-есть впоследствии принес?

Протопопов. — Да, через месяц. Но он так отвратительно вел себя в Москве. Мне писали об этом, я ему больше денег не дал, я сказал, что он больше не получит. Отвратительно вел себя тем, что говорил, что я такой ему близкий человек, одним словом — негодный господин.

Председатель. — До вас дошли сведения, что Орлов занимался в Москве вымогательством?

Протопопов. — Этого мне не сказали, что вымогательством, а, что будто он утверждал, что он мне первый друг, и тогда я ему поставил это на вид и сказал, что это не так.

Председатель. — В таком случае, чтобы выяснить вопрос о деньгах, я поставлю вопрос: очевидно, Марков не один получал деньги, но целый ряд лиц или по крайней мере некоторые лица из Государственной Думы и Государственного Совета были заинтересованы в этом, т.-е., может быть, настаивали на том, что Марков 2-й получал?

Протопопов. — Они этого никогда не говорили, но они говорили: вы понимаете, Александр Дмитриевич, какое трудное время, что вообще правые организации, это единственно, что остается у монарха. Вы должны их поддержать. Я поддерживал вовсе без восторга. Это было для меня сделкой с совестью, но я это делал.

Председатель. — Но вы, может быть, припомните, кто именно настаивал на субсидировании правых организаций?

Протопопов. — Ведь целый ряд лиц, трудно сказать. Ну, вот, правый Корсаков, как я помню; да ведь и все не против были.

Председатель. — Из каких средств выдавали?

Протопопов. — Это средства департамента полиции, так называемые секретные средства, но я в них очень плохо разбирался, потому что я до последнего времени никак не мог себе представить, каким образом и какие средства там имеются. Я думал, что я это узнаю при рассмотрении бюджета и тогда с этим ознакомлюсь лучше и, кроме того, был изготовлен отчет. На отчете я написал: «Ничего не понимаю, прошу доложить», ибо очень путано было сделано, и я не мог разобраться.

Председатель. — Вы помните, что в 1916 году по департаменту полиции вам докладывали о том, что если так будут тратиться деньги, то департамент встанет перед большим дефицитом? Вам говорили об этом?

Протопопов. — Что получится дефицит? Да, и меня даже удивило, куда деньги девались. Об этом мне сказал и директор департамента полиции, говорил и Лерхе, вице-директор, заведывавший счетною частью. Об этом они мне сказали в день моего поступления, что там дефицит 6.000.000. Вот эта цифра осталась у меня в голове. Каким образом был дефицит?

Председатель.—В день вашего поступления в начале сентября?

Протопопов. — В конце сентября 1916 года.

Председатель. — Что эти субсидии Маркову 2-му были и раньше, или они были установлены вами?

Протопопов. — Сохрани меня бог. Они были раньше.

Председатель. — Размер оставался тот же или вы изменили?

Протопопов. — Я думаю, что я их убавил.

Председатель. — Вы не знаете из разговоров с Марковым, давно ли он получал эти деньги?

Протопопов. — Я никогда не спрашивал.

Председатель. — По департаменту полиции вы не интересовались узнать? Ведь это значительная выдача государственных денег, вы назвали цифру 15.000 в месяц!

Протопопов. — Это вопрос, всегда ли. Можно выдать 15.000, а потом ничего не дать, значит нельзя же сказать...

Председатель. — У вас приходилось в месяц тысяч 15.

Протопопов. — Я не могу сказать точно.

Председатель. — То, что мы рассматриваем, это есть часть общего вопроса, мы отвлеклись от общего вопроса, от вопроса о вашем отношении к Государственной Думе. Значит, в разъяснение того, что вы сказали, отношение ваше к Государственной Думе было спокойное.

Протопопов. — Спокойное.

Председатель. — Я поставил вам вопрос, что нас интересует политическая сторона, отношение министра внутренних дел к Государственной Думе, как к представительству народному. Вот, значит, будьте добры рассказать.

Протопопов. — Я определенно говорю, что против Государственной Думы я никогда не шел. Теперь, когда Государственная Дума стала так резко говорить...

Председатель. — Что значит против Государственной Думы? В смысле ее уничтожения?

Протопопов. — В смысле уничтожения, конечно, для меня было немыслимо думать.

Председатель. — Не об уничтожении, а о роспуске?

Протопопов. — Для того, чтобы создать новую, об этом была речь, но я перед этим шагом задумывался иной раз.

Председатель. — Вопрос стоит так: страна требует существования Государственной Думы и ее работы, а представителями тогдашней верховной власти издавался указ о роспуске Государственной Думы. Этот указ контрассигнировался министром, не правда ли? Каково было ваше отношение?

Протопопов. — К роспуску?

Председатель. — Т.-е. к перерыву ее работы.

Протопопов. — Я не голосовал против перерыва.

Председатель. — А вы, значит, голосовали за перерыв?

Протопопов. — Т.-е. вы говорите о голосовании в Совете Министров?

Председатель. — Вы голосовали за перерыв в Совете Министров. Почему?

Протопопов. — Да. Потому что, когда этот вопрос стоял на очереди, я был поставлен в ужасное положение; как только Государственная Дума открывается, начинает страшно меня бранить, страшно бранить, у меня осадок личный сделался. Дело в том, как я сказал в самом начале, что Дорошевич сказал мне, что меня загонят в правый угол, я действительно себя видел в правом углу, но не душой, а в правом углу по всем своим поступкам. Каким образом это было, как это сделалось? Потому что я был всегда человеком середины и теперь остаюсь и остался человеком середины. Теперь о роспуске Государственной Думы. Почему я мог голосовать за перерыв? Потому что Государственная Дума страшно поднимала настроение в стране. Мне делалось страшно. Я видел, что мы не дотянем до конца войны, и произойдет то, что произошло. Мне казалось следующее: лекарства нет, и мы не можем его придумать, это факт. Во-первых, мне казалось следующее: оппозиция станет на свое место, все, работающие по вопросам государственным и общественным, все должны стать на свои места. Во-вторых, я отлично видел, что в сущности правительства нет. Я отлично понимал, что нельзя вести войну, не опираясь на общественные силы, без мобилизации всех сил страны. Я понимал это отлично, но та форма, которую, мне казалось, приняла общественность, посягнув и вступив в правительственную сферу, делает то, что надлежит делать правительству. Получилась уже такая вещь, что общественность захватила власть, и мне казалось это не вполне правильным. Хотелось мне, чтобы правительство было правительством, но я сам видел, что нет системы. Возьмем казенное строительство.

Председатель. — Это частный вопрос. В сущности вам казалось, что общественность того времени внедряется или входит в круг правительственных обязанностей? Какой вывод? Вы стали тогда против общественности.

Протопопов. — Нет, извините, я думал, что как можно быть против общественности. Быть против общественности, это значит сказать, что нельзя войну вести, ибо без общественности правительство физически не могло бы вести войны. Я не мог сказать — я против общественности — а кто же будет вести войну? Вот какая вещь получилась. Мне казалось тогда, что правительство должно делать то, что делали общественные учреждения. . .

Председатель. — Как вы считали, какой правильный образ действий по отношению к общественности? Вы говорите, что вам было ясно, что правительство должно делать то, что делает общественность; что же делать с общественностью, которая, по вашему мнению, входила в круг правительства?

Протопопов. — Работать самому правительству и тогда, когда правительство будет работать, общественность будет делать то, что от нее требуется. Я представлял это себе в смысле производства и распределения богатства. Мне казалось, что распределение богатства, в данном случае, это дело правительства, а производство...

Председатель. — Т.-е. распределение богатства вы считали...

Протопопов. — Производство богатства, это вопрос общественных учреждений, личной инициативы, распределение богатства, распределение денег это вопрос правительства.

Председатель. — Каких денег?

Протопопов. — Каких хотите денег. Возьмите всю продовольственную кампанию. Громадные суммы денег на это затрачены, а работает, очевидно, общественность, без этого нельзя. Кто, каким образом, по округам или губерниям, кто дает импульс, кто же дает направление в этом деле? Конечно, правительство. Вот как мне казалось, что в общественных учреждениях... Вот, например, военно-промышленные комитеты. Я глубоко был не согласен с их структурой, потому что всякая мобилизованная промышленность мелкая и крупная...

Председатель. — Как вы относились к военно-промышленным комитетам?

Протопопов. — Я к ним относился так, как вы это видели. Под моим председательствованием был съезд большой металлообрабатывающей промышленности, и мы великолепно жили, так как члены военно-промышленного комитета были членами и этого съезда. Но, конечно, я относился критически к тому способу ведения дела, находил его неправильным.

Родичев. — Как относились вы к участию рабочих в военно-промышленных комитетах?

Протопопов. — Я находил, что это вещь крайне опасная, ибо участие рабочих в таких кучках в 60-ти местах России могло бы быть опасным.

Родичев. — Вы знали, что там провокаторы сидели?..

Протопопов. — Сохрани господи, Федор Измайлович, что вы!

Родичев. — Там сидели провокаторы.

Протопопов. — Не может быть, Федор Измайлович. Вы меня убили, не может быть.

Председатель. — Так мы будем продолжать.

Родичев. — Таким образом вы признаете...

Протопопов. — Да нет, Федор Измайлович, какие агенты сидели, я не знал, я определенно говорю, — нет, я не знал.

Родичев. — Вы знаете это обстоятельство. Довольно, пойдем дальше.

Протопопов. — Я этого не знаю. Я говорю определенно нет; я десять раз даю вам честное слово, спрашивал, когда мне давали

листки, нет ли тут провокации, мне смеялись и говорили, что нет провокации.

Председатель. — Этот вопрос исчерпан. Позвольте считать, что в силу сложившихся обстоятельств вам в Совете Министров приходилось, при вопросе о перерыве Думы, становиться на сторону перерыва.

Протопопов. — Да.

Председатель. — Вы сказали раньше, что у вас было положительное отношение, если не ошибаюсь, к министерству доверия, так ведь?

Протопопов. — Нет, извините, я в этом отношении, понятно после войны, считал, что непременно нужны глубокие перемены. Я думал, но что же, я ничего не мог сделать? Ведь это была одна мечта, в этом был весь ужас моего положения. Я хотел сделать крупные творческие реформы; с одной стороны, еврейский вопрос меня интересовал, с другой стороны, мне хотелось непременно сделать еще многое против немецкой политики, которая была ужасно вредна, — я в Совете Министров против немецкого землевладения спорил, — я хотел провести большие коренные реформы, меня интересовал менонитский вопрос, но нужны люди...

Председатель. — Мы несколько уклонились. Давайте выяснять вопрос о министерстве доверия.

Протопопов. — Я думал, что нужна судебная ответственность перед Государственной Думой.

Председатель. — Вы в вашей деятельности отрицательно относились, для данного момента, к осуществлению ответственного министерства, чего требовала вся страна.

Протопопов. — В данном случае я думал, что нужно министерство судебной ответственности.

Председатель. — Значит, страна желала министерства доверия, ваш же проект был, в противовес этому, судебная ответственность министров перед лицом Государственной Думы.

Протопопов. — Да, хотя нужно сказать, что государь отлично понимал, что необходимо сделать движение навстречу желаниям народа, и он это сделал бы после войны.

Председатель. — Он это отлично понимал, а пока?

Родичев. — Пока что — назначил Штюрмера.

Протопопов. — Вот как это случилось, видите ли, это последнее назначение, оно продиктовано тем, что, когда валится все, нужно брать таких людей твердых.

Председатель. — Каких же людей?

Протопопов. — Столпов.

Родичев. — Вы знали, кто такой Штюрмер?

Протопопов. — Я потом только узнал. Это были люди, которые меня называли перед государем сумасшедшим. Это бог знает что такое, там клевета такая шла.

Председатель. — Где, там?

Протопопов. — У царя, там прямо говорили, что я сумасшедший. Вначале государь мне сказал, когда я спросил, кто? Он сказал — оба.

Председатель. — Кто оба?

Протопопов. — Трепов и Штюрмер.

Преседатель. — А мне казалось, что вы говорили про их сумасшествие.

Протопопов. — Т.-е. обо мне говорили все время. Один мне говорил — он про вас сказал; а когда я спрашивал, другой мне говорил — он про вас сказал; тогда я спросил государя. Государь мне говорит — оба про вас сказали. Вообще мне было очень трудно, я три раза просился уйти, три раза.

Председатель. — Вернемся к вашему назначению.

Протопопов. — Мне казалось возможным сделать все по-хорошему. Я совершенно не ожидал такого настроения, которое оказалось, я его не ожидал, потому что хотя у меня были сведения из департамента полиции о том настроении, которое идет, но в такой мере я не ожидал. Одна из вещей, которая мне не нравилась, это — контр-разведка, я убежденно постоянно против нее спорил, говорил, что она идет по пути преступлений.

Председатель. — Почему вы это думали?

Протопопов. — Потому что вместо того, чтобы освещать те вопросы, которые нужно было освещать, они хватались за сахар, за булку, там где сладко. Вся эта публика была скверная; ведь в контр-разведке состоял Мануйлов-Манасевич, это мне было известно, только, пожалуйста, не думайте, что он был в Министерстве Внутренних Дел при мне. Прошлый раз министр юстиции мне сказал, что Манасевич-Мануйлов был в Министерстве Внутренних Дел, — утверждаю, что нет.

Председатель. — Так про скверную публику...

Протопопов. — По-моему, публика была скверная, она занималась вымогательством, в этом я убежден, но доказательств у меня нет, это было мое впечатление. Я просил государя о помиловании Добрушкина, потому что туда посылают либо людей, которые ничего не понимают, либо выпускают на них такого трезора.

Председатель. — Кого вы имели в виду, когда говорили о сквернной публике, пристраивающейся к контр-разведке.

Протопопов. — Я скажу, во главе был генерал Батюшин. Я не смею сказать, что он нечестный, но он человек умный, свирепый. Я повторяю, это мое впечатление, я могу ошибиться. Потом был и Резанов и Логницкий.

Председатель. — Кто в ваше время состоял в контр-разведке в вашем министерстве?

Протопопов. — Как, в вашем министерстве? У меня не было контр-разведки.

Председатель. — Нет, кто был при вас в Военном Министерстве во главе контр-разведки?

Протопопов. — Батюшин. Он от Ставки зависел, он имел большой вес.

Председатель. — Через кого он имел вес?

Протопопов. — Я думаю, через Алексеева.

Председатель. — Это ваше предположение?

Протопопов. — Мое предположение.

Председатель. — Вначале вы сказали, что о вашем назначении вам позвонил Штюрмер.

Протопопов. — Т.-е. он не позвонил, а позвал к себе и сказал мне, что государь меня предложил. . .

Председатель. — Когда это было? Незадолго до вашего назначения?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Когда вы сблизились с Распутиным?

Протопопов. — Никакой близости у меня с ним не было.

Председатель. — Когда вы начали с ним встречаться?

Протопопов. — Я его впервые увидел, когда я лежал больной у Бадмаева. Бадмаев привел его ко мне. Это было на мызе в Спасском.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Три года тому назад. Я был страшно болен, у меня был миэлит и неврастения.

Председатель. — Затем дальше?

Протопопов. — Я его первый раз тогда увидел. Вообще я его видел в жизни раз 15 — 16. Я это вспомнил, сидя в своей камере, и записал себе; да, приблизительно 15 — 16 раз я его видел всего-навсего.

Председатель. — Какие были за эти встречи между вами разговоры, касающиеся дел государственной важности?

Протопопов. — С ним говорить систематически нельзя было. У него бывали мысли верные, а иной раз совершенно чепуховые, совершенно вздорные. У него была характеристика людей, он людей мало видел, но довольно метко определял. Это свойство у него было; потом, зло не говорил про людей, это мне нравилось.

Председатель. — Нам хотелось бы знать, что он говорил в отношении своих связей к Царскому Селу, в отношении своих влияний.

Протопопов. — Он к этому относился так, что не скрывал своей близости совершенно. Он звал царя «папой», царицу «мамой». Видно было, что он был, как я раньше сказал, челядинец, близкий человек.

Председатель. — Он звал их так, как вы говорите, «папой» и «мамой», не в более грубой форме?

Протопопов. — При мне никогда, он никогда не бывал в тех видах, в которых он бывал, когда он пьяный говорил, грубые, безобразные вещи, но я вполне допускаю, что он в пьяном виде мог говорить такие вещи. Повторяю, что в пьяном виде я его никогда не видел. Всего я его видел 15 — 16 раз. Потом, гораздо позже, я узнал, что он, кажется, 16 лет был при царской семье. Может быть, я ошибаюсь, он пришел богомольным и чистым человеком. Это здесь его испортили. Я это слышал.

Председатель. — Вам известно значение Распутина в делах Царского Села при государе?

Протопопов. — Распутин был близким человеком и как с близким человеком с ним советовались. Лично мне он говорил: «Вы будете министром, вы будете министром».

Председатель. — Когда он это вам говорил?

Протопопов. — Три года тому назад.

Председатель. — В 1916 году?

Протопопов. — Он мне постоянно говорил: «Только, чтобы царя увидеть».

Председатель. — Разве он так редко видел царя?

Протопопов. — Нет, чтобы я увидел царя, но тогда я этому не придавал значения. Дурная мысль, несчастная мысль насчет министра мне приходила после моей поездки за границу, но я никогда не просил никого.

Председатель. — После вашей поездки за границу?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Как велась охрана Распутина?

Протопопов. — Совершенно не знаю определенно. Я спрашивал только, охраняют ли его? Говорят, охраняют и больше ничего.

Председатель. — Вы не имели донесения лиц, охраняющих Распутина?

Протопопов. — Нет, я интересовался, потому что этим интересовались другие. Я и спрашивал, есть ли охрана? — Есть, больше ничего.

Председатель. — Когда Курлов появился в Министерстве Внутренних Дел? В бытность вашу министром внутренних дел?

Протопопов. — Я вам скажу, я считал Курлова честным человеком, мне про него много говорили. Может быть, я ошибаюсь, это мой однополчанин, я знаю некоторые дурные его стороны, но в денежном отношении я всегда считал его честным человеком, человеком очень умным. В последнее время, после того как с ним случилась беда одна за другой, я видел, как этот человек, — он жил у Бадмаева...

Председатель. — Что вы называете бедой?

Протопопов. — Убийство Столыпина, которое его сокрушило совершенно, потому что Столыпин ему написал письмо, что он назначен сенатором. Убийство Столыпина и потом следствие было для него очень тяжелым, тут он остался без гроша, долго жил у Бадмаева.

Председатель. — Когда он жил у Бадмаева?

Протопопов. — После убийства Столыпина, и тогда, встречаясь часто с ним — потому что я постоянно ездил на Спасское,— больше и больше знакомясь с ним, я видел, что этот человек внутренне вырос против того, что я знал раньше. Потом он женился, у него дети хорошие. Мне казалось, что он недурной человек. Так я и теперь думаю, что он недурной человек; конечно, может быть, я ошибаюсь, может быть, у него есть какие-нибудь дурные стороны, мне это неизвестно. Но во всяком случае я считал его способным и честным человеком.

Председатель. — Скажите нам про его отношения к Министерству Внутренних Дел.

Протопопов. — Я хотел его сделать командиром корпуса жандармов, но не мог этого сделать.

Председатель. — Вы это хотели, но что вы сделали фактически?

Протопопов. — Фактически он был причислен при мне и короткое время он был председателем особого совещания.

Председатель. — Будучи назначенным?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Ведь председатель особого совещания — это товарищ министра.

Протопопов. — Нет, это только права товарища министра.

Председатель. — Кто председатель особого совещания?

Протопопов. — Лицо, имеющее права товарища министра, но не товарищ министра.

Председатель. — Значит, ему были предоставлены права товарища министра?

Протопопов. — Да, как всегда, ведь в Министерстве Внутренних Дел была масса людей на правах товарища министра.

Председатель. — Кем и когда Курлову были предоставлены права товарища министра?

Протопопов. — Государем, но когда — не помню.

Председатель. — Кем?

Протопопов. — Государем, но когда не помню.

Председатель. — В каком порядке?

Протопопов. — В порядке доклада.

Председатель. — О назначении Курлова имеется письменное распоряжение государя?

Протопопов. — Я этого сказать не могу, доклад есть.

Председатель. — Чей доклад?

Протопопов. — Самого министра внутренних дел, Протопопова.

Председатель. — Вы не можете припомнить, где этот доклад имеется?

Протопопов. — Вероятно, в канцелярии.

Председатель. — Вы сообщили для распубликования в Сенат?

Протопопов. — Нет, тут он скоро подал в отставку. Тут возникла история. Государственная Дума совершенно правильно меня запрашивала и если бы я отвечал, то я бы сказал, что формально я тут погрешил. Когда Курлов был назначен, я подумал, что это подымет страсти, а мне не хотелось... чтобы это принимало широкую огласку, потому что все с ужасом говорили — Курлов, Курлов. Тогда я спросил, как поступают в военных кругах при назначении? Военных министров не опубликовывали. Так как он был военный, то мне казалось, что он может быть не опубликован. Кажется, тогда был Макаров.

Председатель. — Вам это казалось логичным или законным?

Протопопов. — И то и это законно.

Председатель. — Значит, вам так казалось. Вы немножко уклоняетесь в сторону.

Протопопов. — Честное слово, я не уклоняюсь. Мне казалось это просто, я не думал, законно это или нет. Я думал, раз не опубликовывается, стало быть, и здесь можно не опубликовывать. В этом смысле я спросил министра юстиции.

Председатель. — Кто в то время был?

Протопопов. — Макаров.

Председатель. — Что он ответил?

Протопопов. — Ни два ни полтора. Это дело затянулось.

Председатель. — Когда вы спросили об этом министра юстиции?

Протопопов. — Когда я писал рапорт.

Председатель. — Так что вы писали ему рапорт?

Протопопов. — Рапорт был на столе, он был написан и подписан, рапорт был послан, но не опубликован потому, что я взял его обратно.

Председатель. — Что сказал министр юстиции?

Протопопов. — Что его нужно опубликовать.

Председатель. — Вы его взяли назад?

Протопопов. — Я его взял назад потому, что Курлов занял это место, и после этого он сделался причисленным.

Председатель. — Что же у вас фактически делал Курлов в министерстве или в департаменте?

Протопопов. — Он был недолгое время председателем совещания.

Председатель. — Значит, он только председательствовал в особом совещании?

Протопопов. — Нет, он вообще впутывался.

Председатель. — Что же значит впутывался? Что он делал?

Протопопов. — Товарищем министра он не был, но он был в курсе.

Председатель. — Что вас заставило взять и пригласить человека, ненавистного как обществу, так и народу?

Протопопов. — Совершенно верно, с моей стороны это была громадная ошибка.

Председатель. — Что вас заставило это сделать?

Протопопов. — Я думал, что это ничего, что он хороший человек и докажет, что он хороший человек. Это громадная ошибка. Раз вы меня здесь спрашиваете, то я скажу так: я делал ошибку за ошибкой. Скажу и то, что и мои товарищи по отношению ко мне тоже делали ошибки. Было следующее... Я скажу, что я вычитал третьего дня такую фразу, что и маленькое, даже незлобивое сердце никогда не нужно сразу бить и добивать, потому что оно тогда делается действительно нехорошим, потому что рождаются дурные чувства.

Председатель. — Перейдем к событиям конца февраля, к тому, что вы знали об этих событиях, и каковы были ваши действия в противовес этим событиям?

Протопопов. — Вы говорите о событиях двадцать третьего февраля?

Председатель. — Да, и последующие, которые привели к уничтожению старого режима.

Протопопов. — Я их не ожидал совершенно. Я ожидал их 14-го числа, перед открытием Думы. Мне сообщили, что перед открытием Думы может быть забастовка, при чем все могут пойти к Таврическому дворцу.

Председатель. — Когда созвали Думу 14 февраля, вы думали, что она будет распущена?

Протопопов. — Всякие были предположения.

Председатель. — Но ваше предположение какое было?

Протопопов. — Мне было бы приятно, если бы Дума начала работать.

Председатель. — Но какое было ваше предположение — распустить возможно скорее, или дать ей работать, чего желала страна, общество и народ?

Протопопов. — Конечно, работать. Страшил меня тот подъем, тот толчок, который давала Дума всей стране.

Председатель. — Это вас страшило?

Протопопов. — Это вело к известному перевороту, конечно, я не был настраже переворота. Это понятно.

Председатель. — Так, это частный вопрос о 14 февраля и о Думе. Теперь позвольте попросить вас изложить, что вы

знали о надвигавшихся событиях, и то, что вы делали по поводу этих надвигавшихся событий, вам известных.

Протопопов. — Все это делалось не в Министерстве Внутренних Дел. Начальник военного округа пользуется правами генерал-губернатора. Значит, всякого рода мероприятия шли больше из штаба.

Председатель. — А меньше?

Протопопов. — А меньше, что же? Министерство Внутренних Дел служило тому, что прикасалось к самому населению.

Председатель. — Что же прикасалось?

Протопопов. — Департамент полиции.

Председатель. — Что он делал?

Протопопов. — Он следил, доносил и давал мне донесения.

Председатель. — Какие распоряжения исходили от вас?

Протопопов. — От меня прямых распоряжений ни единого раза не было, кроме ареста группы рабочих депутатов.

Председатель. — Это от вас исходило?

Протопопов. — Нет, оно состоялось по ордеру военного начальства.

Председатель. — Мы хотим знать существо.

Протопопов. — Я был при этом. Говорят: вот факты, вот такие-то прокламации, такие-то журналы, с такого-то времени. Это было доложено Хабалову, он согласился.

Председатель. — Кем доложено?

Протопопов. — Департаментом полиции.

Председатель. — Т.-е. кем из департамента полиции?

Протопопов. — Глобачевым.

Председатель. — Т.-е. начальником охранного отделения по вашей инициативе рабочие были арестованы?

Протопопов. — По моей инициативе или нет? Скажу — нет.

Председатель. — При вашем участии?

Протопопов. — При моем согласии.

Председатель. — Чья была инициатива?

Протопопов. — Я не сумею сказать, но думаю — Хабалова, я же считал, что нужно арестовать и предать суду.

Председатель. — Какие были ваши действия по поводу готовившихся событий?

Протопопов. — Никаких. Плана защиты я не знал. Я спросил у Балка, он показал мне, что расписано по дням, но полиция, как таковая, и градоначальник подчинены генерал-губернатору и, следовательно, до министра внутренних дел они никакого касательства не имеют.

Председатель. — Какое было ваше отношение к пулеметам?

Протопопов. — Я прочел в газетах, что в полиции применяются пулеметы; я спросил об этом Балка, и он сказал, что должно быть молодые солдаты учатся.

Председатель. — Это опровержение было напечатано?

Протопопов. — Вероятно, да.

Председатель. — Вы справлялись только у Балка?

Протопопов. — Да.

Председатель. — А вы не сносились с департаментом полиции или начальником полиции?

Протопопов. — Не помнится. Градоначальник должен знать.

Председатель. — Известно ли вам, что пулеметы рассылались и передавались в руки полиции и в других городах Российской империи при вашем министерстве.

Протопопов. — Честное слово, говорю, мне это неизвестно.

Председатель. — Так что вы утверждаете, что вы не имели никакого отношения к вооружению полиции в Петрограде и вне Петрограда?

Протопопов. — Определенно отрицаю, в первый раз об этом слышу.

Председатель. — Теперь у нас остался вопрос по поводу Стокгольма. Не можете ли вы высказаться по этому вопросу?

Протопопов. — Стокгольмское заседание вызвало столько противоречий, что в конце концов я стал сбиваться, но у меня есть запись в маленькой путевой книжке, которая находится у бывшего губернатора А. С. Ключарева, ныне заведывающего беженцами.

Председатель. — Почему?

Протопопов. — Потому, что они очень много разговаривали, я ее и отдал.

Председатель. — Когда?

Протопопов. — Незадолго до этих событий. Там все записано. Но там, например, записано Ашберг, но на самом деле это Варбург, я спутал имя. Так что подробности чрезвычайно разнятся. Я совершенно не хочу сказать, что Олсуфьев исказил нарочно, но в его поступках я нахожу следующую некорректность... Во-первых, когда я доложил собранию представителей, то он не имел права брать оттуда и печатать.

Председатель. — Вы не находите возможным сказать о самых событиях?

Протопопов. — Конечно, конечно. Факт тот, что в какой комнате, это не имеет значения, кому принадлежит эта комната...

Председатель. — Но дело в том, в чьей комнате?

Протопопов. — Это было в комнате гостиницы «Гранд-Отель»,

Председатель. — В нанятой комнате?

Протопопов. — В нанятой.

Председатель. — Кем?

Протопопов. — Не помню. Ах да, мне накануне опять кто-то сказал, что со мной желает видеться лицо, имеющее отношение к посольству.

Председатель. — «Кто-то», ведь это серьезная вещь. Лицо, имеющее отношение к германскому посольству, желает с вами видеться, и это вам «кто-то» говорил. Кто же это «кто-то»?

Протопопов. — Мне казалось, Ашберг, мой знакомый стокгольмский банкир, а оказалось Варбург.

Председатель. — Ведь это серьезное событие.

Протопопов. — Серьезного тут нет и большого тут нет. Это есть интересное событие. Я думал, что Варбург советник посольства, потому что при посланниках нет советников, но он есть филиальный агент Германии и даже какой-то господин, кажется, Мзура в «Новом Времени» написал, что Варбург довольно большой господин, не маленький. Начался разговор с того, что он вспомнил мое интервью в Лондоне, и, говоря, что у нас скоро прибавится новый союзник в Германии — голод, он говорил, что это ошибка.

Председатель. — Кто говорил?

Протопопов. — Варбург. Он говорил, что у них прекрасная организация, что голода теперь нет, и что они теперь предупреждают события, а не пресекают. Затем говорил, что в этой войне виновата одна Англия; если бы Англия откровенно сказала, что она будет на стороне России, тогда войны не было бы. Вся ответственность этой войны падает на Англию. Во всяком случае он сказал, что Германия всегда больше даст, чем Англия, Англия всегда обманет Россию, как обманула в 1878 году. Он очень интересно говорил, что Германия не преследует никаких завоевательных целей, а желает только исправления курляндской границы, т.-е. той, что была в мирных условиях. Относительно Франции говорил, что Эльзаса нельзя трогать, а относительно Лотарингии,—можно говорить о том, чтобы пересмотреть границы и возвратить. Затем относительно Польши он говорил так, что Польша есть в России, Австрии, но нет в Германии, и Польша может быть образована только из этого. Я спросил: этнографическая граница или географическая? Он говорит — географическая. Тогда я говорю о громадном разделе Польши. Тут он мне сказал относительно Бельгии, что ее восстановят *(не слышно)*, имел секретный разговор с Англией *(не слышно)*, которая — слышал Олсуфьев, но он постоянно пишет. Что записано в книжке все более верно.

Председатель. — Зачем вы передали эту книжку Ключареву?

Протопопов. — Потому что было много разговоров в помещичьих кругах, и я хотел передать ее, чтобы он ее показал.

Председатель. — Тут есть маленький вопрос, поставленный одним из членов комиссии — как вы отнеслись к факту замены Штюрмером Сазонова?

Протопопов. — Конечно, неодобрительно. Я с Сазоновым был в хороших отношениях, и мне было очень жалко, когда он ушел.

Родичев. — Вы знали, кто такой Штюрмер?

Протопопов. — Нет, плохо.

Родичев. — Вы знали его роль при Питириме?

Протопопов. — Чуть-чуть, я его очень мало знал.

Родичев. — Когда вы ступали в министерство, а вы вступили через Штюрмера, вы выяснили, какова его программа?

Протопопов. — Нет, не выяснял.

Родичев. — Но вы репортерам, вас интервьюировавшим, сказали, что были согласны с этой программой.

Протопопов. — Это я сделал громаднейшую глупость.

Родичев. — Вы, значит, вступали в министерство без программы?

Протопопов. — Я говорил, что раз это объединенное министерство, я не имею права высказываться.

Родичев. — Вы знали, что вас объединяет?

Протопопов. — Нет. Федор Измайлович, я знаю, вы меня сейчас загоните в угол, и я безусловно уступаю вам. То, что я пошел в министерство, было более, чем ошибка, это было несчастье.

Родичев. — Скажите, когда вы вернулись из-за границы, вы были у государыни и посетили ее раньше, чем государя?

Протопопов. — Этого я не помню.

Родичев. — Это имеет большое значение, потому что вы были назначены через Распутина Штюрмером, может быть, через императрицу?

Протопопов. — Помнится, что я был у императрицы, когда я был министром, а до назначения я не был.

Председатель. — Какая беседа произошла между вами и государыней?

Протопопов. — Ничего особенного. Совершенно спокойная тема.

Председатель. — Я говорю о государственном содержании.

Протопопов. — Мы очень мало трогали эту тему. Она была очень образованный человек, с ней было очень интересно говорить, например, о физиократах.

Родичев. — Вы рассчитывали, что будете опираться на общественное мнение страны? Как вы согласовали совместную деятельность со Штюрмером и надежду опираться на доверие страны?

Протопопов. — Я прямо скажу, что в ту минуту, когда я принял министерство, у меня было честолюбие, которое бегало и прыгало, значит, я сделал непродуманно и несознательно; если бы я сделал это продуманно и сознательно, или поговорил бы с людьми, которые относятся дружелюбно и спокойно, может быть, ничего бы не было.

Родичев. — После 1 ноября, как могли вы отнестись спокойно к тому обстоятельству, что Штюрмер, на брошенное ему в лицо

обвинение, не отвечал опровержением этого обвинения, а пригрозил Милюкову привлечением его к ответственности за клевету?

Протопопов. — Это мне, конечно, не нравилось. Я бы сейчас ответил, но я знал, что Штюрмер вообще не оратор.

Родичев. — Как вы могли остаться, когда он не мог ответить?

Протопопов.—Потому что меня ужасно обидели, меня самого. Ведь вы помните, меня министры обидели: они заранее сказали, что ни один министр не может отвечать, не прочитав в совете речи, которую он хочет сказать с кафедры. Позвольте, как это так? Я знал, что меня заденут в Думе, и хотел отвечать и, конечно, этой речью многое было бы избегнуто. Они меня подловили, — сначала напиши. Я написал и, когда я прочел, мне говорят — все-таки не говорите. Тогда я говорю, — позвольте, я буду отвечать, как член Государственной Думы.

Родичев. — Почему вы не вышли в отставку?

Протопопов. — Потому, что был глуп и раньше сделал колоссальную ошибку, а потом еще и потому, что разозлился, меня злили, злили. Хотя я три раза просился, но, правда, недостаточно энергично и твердо. Если бы просился тверже, тогда бы я действительно ушел, но тут зло меня взяло. Видите, Федор Измайлович, ведь меня бичевали, меня били, как никого не били, били все, и я сделался не тем человеком, который я есть.

Родичев. — Как вы отнеслись к назначению кн. Голицына?

Протопопов. — Это очень почтенный человек, я его видел первый раз в жизни.

Председатель. — Его роль в тверском земстве вам неизвестна?

Протопопов. — Совершенно неизвестна.

Родичев. — И вы не позаботились узнать об этом?

Протопопов. — Я знаю, что он дядя Ушакова, моего товарища.

Родичев. — А что он был товарищем Штюрмера по экзекуции тверского земства, это вы знали?

Протопопов. — Я из вашей речи узнал, что он в тверском земстве что-то набедокурил.

Родичев. — Значит, к отсрочке занятий Государственной Думы вы отнеслись положительно? А к назначению Штюрмера?

Протопопов. — Я со Штюрмером никогда дружен не был, вы знаете, сколько он мне неприятностей сделал.

Родичев. — Как вы проектировали новые выборы, как вы к ним готовились?

Протопопов. — К ним я совершенно не готовился.

Родичев. — Никаких мер не принимали, никаких запросов губернаторам не рассылали?

Протопопов. — Хотел разослать или разослал — не помню; но о том, какое влияние война окажет на списки избирателей, — это, помнится, я послал.

Родичев. — А не случалось вам говорить, что вы хотели бы роспуска Думы?

Протопопов. — Я думаю, что нет, а может быть.

Председатель. — Какой же смысл такого запроса губернаторам, — как влияет война на изменение списков?

Протопопов. — Нужно было продлить еще полномочия.

Председатель. — Но как же, какой смысл?

Протопопов. — Будет ли более левая или более правая.

Председатель. — Т.-е. вы решение вопроса о роспуске Думы хотели поставить в связь с тем вопросом, предполагается ли более. . .

Протопопов. — Я так сильно не думал об этом. Мне хотелось выяснить, можно ли делать или нет.

Председатель. — Т.-е. с точки зрения — можно ли делать выборы в осуществлении надежды получить правую Думу.

Протопопов. — Не правую. . . Где же правую можно надеяться получить. . . Немыслимое дело, никто не мог надеяться.

Председатель. — Но более правую.

Протопопов. — Возможно более правую.

Родичев. — Вам не случалось лицам, которые к вам приходили в качестве просителей административных мест или крупных назначений — не случалось излагать, что их ожидает?

Протопопов. — Федор Измайлович, это очень трудно представить, я никогда не заставлял их быть людоедами.

Родичев. — Я вам конкретизирую. Не случалось ли вам говорить: вам придется принимать крутые меры. Не случалось вам предупреждать лиц, которые приходили к вам искать места?

Протопопов. — Может быть, но не думаю.

Родичев. — Тем, которым вы делали экзамен их политической благонадежности?

Протопопов. — И потом, чтобы он уходил, не получивши места? . .

Родичев. — Не случалось вам?

Протопопов. — Нет, вы знаете, я резко никогда не говорил.

Родичев. — Вполне удовлетворен. Скажите, вы говорите, не по вашей инициативе, но с вашего ведома был арестован рабочий военно-промышленный комитет, и список арестованных был составлен министерством внутренних дел?

Протопопов. — Совершенно не знаю.

Родичев. — Не знаете, все были арестованы, или не все?

Протопопов. — Безусловно Министерством Внутренних Дел, в этом нет сомнения, потому что откуда военное ведомство могло узнать.

Родичев. — Следовательно вы знали об этом списке?

Протопопов. — Нет, я списка не видел.

Председатель. — Но Александр Дмитриевич Протопопов не отрицает, что он отдал распоряжение об аресте рабочих групп.

Родичев. — Меня интересует этот вопрос потому, что не все были арестованы.

Протопопов. — Я знал, что 4 человека не было арестовано, но потом они были арестованы.

Родичев. — Не был арестован Абросимов, следовательно, вы об этом знали.

Протопопов. — Позвольте, Федор Измайлович, как это вы говорите, я знал, что 4 человека было не арестовано и в том числе Абросимов. А что вы хотите этим сказать — вы хотите поставить вопрос, знал ли я, что в рабочей группе есть сотрудники? Вы это хотите сказать?

Председатель. — Да.

Родичев. — Простите, мы вас спрашиваем, а не вы нас спрашиваете.

Протопопов. — Простите, если я вас обидел.

Председатель. — На вопрос о том, что в рабочей группе были сотрудники, вы говорите — да, мне об этом говорили.

Протопопов. — Мне говорили, что у нас есть сотрудники в военно-промышленном комитете.

Родичев. — Кто говорил?

Протопопов. — Либо Глобачев, либо... департамент полиции не в курсе дела.

Председатель. — Дело идет не об имени, а о том, что в составе рабочих, входивших в военно-промышленный комитет, были сотрудники.

Протопопов. — Этого я не могу сказать о рабочих. Но в военно-промышленном комитете у нас есть... Позвольте, мне даже говорили, помнится мне, какой-то счетовод был. — Сотрудники, вообще, есть, это я знал, мне это говорили.

Родичев. — Скажите, пожалуйста, за время вашего министерства было весьма деятельное пользование 87-й статьей? Вы разделяли ли ту точку зрения, что 87-й статьей можно пользоваться для всех мероприятий, даже для учреждений министерства?

Председатель. — Т.-е. разделяли ли вы тогда, в бытность вашу министром, потому что сейчас нам не важно...

Родичев. — Во всех предположениях о законоположениях по 87-й статье вы были против?

Протопопов. — По 87-й статье министерство Рейна ведь при мне не проходило.

Родичев. — Министерство в ваше время очень усиленно пользовалось 87-й статьей?

Протопопов. — Личное мое министерство или Совет Министров?

Родичев. — Совет Министров вообще; вы вотировали против?

Протопопов. — Иной раз за, иной раз против.

Родичев. — А сами вы пользовались статьей 87?

Протопопов. — Ведь я провел часть рассмотренного думского законопроекта, это вопрос о полиции. Ведь тогда была забастовка полиции в Москве, громадная вещь, пришлось это провести в порядке 87-й статьи.

Председатель. — Громадная вещь — вы увеличили жалованье полицейским.

Протопопов. — Их положение было ужасное, они получали 17 рублей, полиция бастовала. То, что я внес по 87-й статье, а потом в Государственную Думу, была часть рассмотренного в комиссии 3-й Государственной Думы законопроекта.

Родичев. — В бытность вашу министром, рассылались ли по местным учреждениям циркуляры о том, как действовать во время народных волнений?

Протопопов. — Лично мною нет.

Председатель. — Лично вами нет. А по департаменту полиции?

Родичев. — Лично вы ответственны за деятельность Министерства Внутренних Дел.

Протопопов. — В самом деле ведь нельзя же лицо, которое имеет известный круг власти, делать ответственным за эту власть в полном объеме. Ответственен ли Хвостов за беспорядки в Москве? Конечно, нет, не может быть ответственным в полной мере то лицо, которое не выходит из пределов своих обязанностей. Например, если товарищ министра разъясняет и посылает циркуляры, я являюсь косвенно ответственным, как министр, за товарища министра, но только нравственно, юридически же ответственность падает всецело на него.

Соколов. — Вы назначены были в начале, кажется, сентября министром внутренних дел?

Протопопов. — Нет, помнится 20-го.

Завадский. — 16-го сентября.

Соколов. — Вот вы в первой части вашего рассказа сказали, что ваши свидания с государем, где возник вопрос о вашем назначении, были в июне. Вы вернулись из-за границы, имели разговор с Сазоновым, после которого последовало приглашение государя в Ставку, и тогда возник вопрос о вашем назначении министром.

Протопопов. — Нет, государь мне сказал, что мы будем иметь случай поговорить.

Соколов. — Вы тогда предполагали, что вам будет предложен пост министра торговли и промышленности?

Протопопов. — Я думал.

Соколов. — С этим временем совпадают ваши переговоры об издании газеты?

Протопопов. — Это было раньше, до заграничной поездки.

Соколов. — Но это совпадает с заключением договора, вы в это время в договор внесли пункт о том, что ваши права и обязанности по газете отпадают в случае получения министерского поста.

Протопопов. — Это было вначале внесено Осокиным во время составления договора; по этому делу разговоры шли очень долгие. Началось это во время съезда металлургического. Я понимал, что все хотят этой газеты, и у меня возникла мысль создать этот крупный орган, в котором пайщиками были бы представители торговли и промышленности.

Соколов. — Когда это было?

Протопопов. — Это было до моего отъезда за границу, потому что я говорил об этом в Лондоне.

Соколов. — Это было до вашей поездки за границу, вне связи с разговором с отрекшимся государем. Я понимаю, что после разговора с государем у вас могла мелькнуть мысль. . .

Протопопов. — Мелькнула мысль.

Соколов. — . . . что вы можете быть министром, но в связи с какими обстоятельствами вашей жизни, до поездки вашей за границу, могла мелькнуть у вас мысль, что вы можете быть министром?

Протопопов. — У меня была фантазия: Михаил Владимирович Родзянко говорил мне, что я мог бы быть министром торговли и промышленности.

Соколов. — У вас эта мысль мелькала, в связи с разговором с Родзянко, настолько, что вы считали возможным это внести в деловой договор?

Протопопов. — Не у меня. Это мысль самого создателя этого органа Осокина и финансирующего учреждения этого банка.

Соколов. — Вы не спрашивали Осокина, почему у него мелькала мысль, вступая в договор, что он должен оговорить, каковы будут последствия в случае вашего вступления на пост министра. Одно из оснований — вы сообщили ему разговор Родзянко, который не указывал специально, что вы можете получить пост министра.

Протопопов. — Он мне говорил: «Вот я сегодня сказал государю, чтобы вас назначили министром торговли и промышленности».

Соколов. — Не было ли у вас других оснований, разговоров с Бадмаевым или другими?

Протопопов. — С Бадмаевым вечное хихиканье и смешки, что я буду министром; когда я поехал за границу, газетная молва сопровождала меня, что я буду министром.

Соколов. — Нас газетная молва не интересует. Меня интересует разговор с Бадмаевым, вечные смешки, вечное хихиканье, что вы будете министром.

Протопопов. — Вы желаете знать, базировался ли я на том, что сказал мне Распутин? Я прямо скажу, что Распутину я не верил, считал и считаю до сих пор, что он устроить меня не мог; советовать он мог, но решать не мог.

Соколов. — Бадмаев вам говорил, теперь выходит, что и Распутин вам говорил, что вы будете министром.

Протопопов. — Нет, Распутин мне ничего не говорил. Он говорил, что нужно только видеть государя, и я буду министром.

Соколов. — Это было до поездки за границу?

Протопопов. — Я не искал...

Соколов. — Вы не подтверждаете, что Распутин неоднократно говорил вам, что стоит побывать у государя и вы будете министром.

Протопопов. — Нет, не то, что неоднократно, а один раз это было сказано.

Соколов. — Сколько лет вы знакомы с Бадмаевым?

Протопопов. — Лет 20 — 25.

Соколов. — Когда вы стали встречать Распутина у Бадмаева?

Протопопов. — Когда я был болен.

Соколов. — Когда это было?

Протопопов. — Около трех лет назад.

Соколов. — Вы сказали, что встречались с Распутиным раз 12 — 15.

Протопопов. — Я подсчитывал это, я его видел раз 15.

Соколов. — Какие разговоры были у вас с Распутиным при ваших встречах на политические темы?

Протопопов. — Политических тем я не затрагивал, но, допустим, он терпеть не мог Хвостова или Белецкого. Он скажет: «А плохой, плохой». А о политике я не мог с ним говорить — какие могли быть с ним политические разговоры? Последнее время он, действительно, давал некоторые советы, даже практического свойства: например, для того, чтобы не было хвостов, сделать так, чтобы в одну дверь пускать, а в другую выпускать.

Соколов. — Вы сообщили, что он говорил вам о своем влиянии в Царском.

Протопопов. — Нет, он так не говорил, это было ясно. Он, повидимому, ни перед кем не скрывал, что он там человек близкий.

Соколов. — С кем?

Протопопов. — Близкий для всей семьи.

Соколов. — С бывшей государыней, государевыми дочками; а из лиц, окружающих государыню?

Протопопов. — Самый близкий к государю и государыне человек — это была Вырубова. Она была свой человек.

Соколов. — Эту близость с Вырубовой, с Распутиным, вы вынесли из разговоров с Распутиным или другими?

Протопопов. — Все про это говорили.

Соколов. — Вы сообщили, что когда Крупенский передал вам адрес прогрессивного блока, вы передали копию декларации Штюрмеру. Что же Штюрмер, узнав, что это передал Крупенский, член прогрессивного блока, счел нормальным это явление? Или как он отнесся к этому, в виду того, что Крупенский был должностным лицом, как к чисто случайной его товарищеской услуге?

Протопопов. — Я лично думал, что́ я Штюрмеру покажу адрес, но что он не будет оглашать его; для меня было большим сюрпризом, что он снял копию.

Соколов. — Я спрашиваю, как Штюрмер отнесся к этому?

Протопопов. — Я поступил нехорошо, передав это Штюрмеру, но я думал, что можно будет сговориться, может быть будет ответ на это.

Соколов. — Штюрмер знал, что Крупенский член прогрессивного блока?

Протопопов. — Я не знал.

Соколов. — Создается такое положение: Крупенский — член Государственной Думы, член прогрессивного блока, сообщающий главе правительства о том, что предполагает прогрессивный блок; как он отнесся к роли Крупенского?

Протопопов. — Он ничего не говорил.

Соколов. — А как вы отнеслись, как к товарищеской услуге или как к выполнению служебного долга?

Протопопов. — Я не считаю, чтобы Крупенский был на жалованье, в качестве информатора того, что происходит в думской среде; он часто сообщал мне.

Соколов. — Значит, вас не поразила явка Крупенского с таким докладом?

Протопопов. — Я скажу, что это дело неладное, неладное.

Соколов. — Вы приписываете это его дружеским к вам отношениям?

Протопопов. — Да, но я считаю, что это было не больно хорошо.

Соколов. — Из вашего показания я вывел следующее: когда вы задумали возможность роспуска Думы, вы считали этот роспуск опасным. Какие перспективы вам рисовались?

Протопопов. — Я считал, что это потрясет страну, потому что цементировала...

Соколов. — Вы считали, что могут возникнуть волнения и беспорядки?

Протопопов. — Совершенно понятно.

Председатель. — Вы устали. Может быть сделать маленький перерыв.

Протопопов. — Я не устал. Я так благодарен, что вы меня спрашиваете, у меня так накипело.

Председатель. — Вы в состоянии продолжать?

Протопопов. — С радостью.

Соколов. — Не было ли на эту тему у вас разговоров с вашим товарищем Волконским, которому вы сообщили о вашем намерении распустить Государственную Думу, а Волконский сказал, что это опасно делать?

Протопопов. — Нет, многие мне рассказывали, что Волконский передает все разговоры, которые я с ним имею. Я с ним был очень дружен. Я застал его на уходе, ибо А. Хвостов хотел его устранить. Я просил государя не устранять, я относился к нему с полным доверием. Я не знаю, что я ему сказал, может быть иной раз я ему и высказывал какие-нибудь мысли; я к нему относился как к товарищу, у меня была 10-летняя с ним дружба.

Соколов. — Как ваша мысль вам рисовалась?

Протопопов. — Я не мог быть органически против Государственной Думы.

Соколов. — Вы говорили, что так как Государственная Дума повышает настроение, и так как настроение это опасно, то это привело вас к соображению о роспуске, хотя бы в виде временного перерыва. Значит, в конце концов вы нашли возможным распустить Государственную Думу и вместе с тем предусматривали, что из этого могут произойти волнения в населении.

Протопопов. — Я все-таки колебался до конца, думал — можно распустить, нельзя распустить, и в душе, когда я об этом думал, я колебался — никогда не пришел к убеждению, что можно распустить.

Председатель. — Когда в Совете Министров зашел вопрос о роспуске Государственной Думы, вы вотировали за роспуск?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — За перерыв?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Когда вы убедились, что перерыв может повлечь за собой народное волнение...

Протопопов. — Конечно, конечно, я думал. Заметьте только, когда я пошел — в министерство ли Штюрмера или другое министерство, я служил тому режиму, которого теперь нет, естественно я думал о том, что служить нужно. Я говорю, может быть это была роковая ошибка, что я пошел, но она была совершена; конечно, я думаю, что да, это была роковая ошибка. Но совершенно естественно ведь и при новом режиме, если останусь жив, я останусь на что-либо способным, я буду при нем жить и служить родине, чтобы быть полезным, как смогу, и буду считать нарушением закона...

Соколов. — Вы предусматривали возможность волнений в населении за перерывом занятий в Государственной Думе, но все-таки считали, что этот перерыв нужен для сохранения режима, и когда

был выбор, охранять ли режим или вызвать волнение населения, вы предпочли охранять режим, чем избегнуть волнений в населении?

Протопопов. — Я никогда так не думал, охранять режим или вызвать волнение в населении: во-первых, одно исключает другое — вызвать волнение в населении, это не спасает режим, а сломит его.

Соколов. — Почему же вы, предусматривая возможность волнений в населении, все-таки согласились на перерыв в занятиях Государственной Думы.

Протопопов. — Последний раз, 25-го, были уже волнения громадные. Перерыв тогда прошел единогласно, не было ни одного человека, который возражал бы против.

Соколов. — Чем же мотивировали это вы и ваши товарищи министры в тот момент, когда волнения начались?

Протопопов. — Думали, что на следующий день волна упадет.

Соколов. — Под влиянием?

Протопопов. — Нет, не роспуска, а потому, что пошли слухи, что рабочие стали на работу.

Соколов. — Но для чего же нужен был перерыв?

Протопопов. — Чтобы волнения вновь не начались.

Соколов. — Вы приписывали Государственной Думе, считали ее возбудителем настроения и концентрацией этого настроения.

Протопопов. — Да, это была ошибка, потому что если бы Государственной Думы не было, это было бы хуже.

Соколов. — Вы сообщали, что из департамента полиции к вам шли слухи о нарастании движения. Как рисовалось в отчете департамента полиции это движение?

Протопопов. — Движение это рисовалось мне таким образом, что вся Россия взбаламученное море, и притом — где слои, которые были бы довольны? Таких нет. — Где слои, на которые можно было бы опираться, внушали бы доверие? Таких нет, — вот какую картину представляла вся Россия.

Председатель. — Следовательно?

Протопопов. — Очевидно кувырнемся, полетим. Вот почему мне вообще хотелось сделать так, чтобы люди имели счастие чтобы они могли быть довольными, вот почему мне хотелось провести еврейский вопрос, обеспечить духовенство.

Соколов. — Об этом вы говорили в вашей программе, но мне хотелось бы другого; в этих сведениях о нарастании движения — каковы были сведения департамента полиции о настроении войска, офицеров, командного состава?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Отвратительные для старого режима?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Какие же?

Протопопов. — Не могу сказать.

Соколов. — Ожидалось ли, что в случае волнения войска перейдут на сторону народа?

Протопопов. — Не ожидалось, в войсках ведь у нас нет агентов.

Соколов. — Вы ожидали, что в случае появления волнений войска подавят их?

Протопопов. — Трудно сказать. Мне казалось, что все, что касалось фабрик и заводов, это — это левый элемент, а то, что пришло из деревни — это правый элемент. Это мое мнение было, и который элемент возьмет верх, как будет, — бог знает.

Соколов. — Это в войсках, так что вы по этому вопросу не думали, не знали, что войска станут на сторону?

Протопопов. — Для меня это явилось неожиданностью.

Соколов. — Теперь перейдем к вопросу о Курлове; вы говорили, что у него было два несчастья, первое — убийство Столыпина, а второе?

Протопопов. — Его выгнали из Риги.

Соколов. — Вам было известно. . .

Протопопов. — Ничего неизвестно.

Соколов. — Вам было известно, что он был устранен, очевидно, из-за неблаговидных поступков?

Протопопов. — Нет, он ничего неблаговидного не сделал. Ведь об этом есть особое расследование генерала Баранова.

Соколов. — Я потому и спрашиваю. Значит, вы знали, что он сделал? Принимая его на службу, вы знали результаты комиссии генерала Баранова?

Протопопов. — Это нуль, он ничего не сделал, это расследование ровно ничего не представляет.

Председатель. — Вы сказали на вопрос члена Комиссии, что у вас было барановское расследование; теперь вы говорите, что это ровно нуль, т.-е. не имело никакого в ваших глазах значения.

Протопопов. — Нет, само по себе оно ничего не говорит, что сделал Курлов дурного.

Председатель. — Нуль в том смысле, что не оказалось никакого преступного действия Курлова?

Соколов. — Характеризуя положение Курлова в вашем министерстве, вы сказали, что он был по должности председателем особого совещания, но впутывался во все.

Протопопов. — Как впутывался, неужели я это сказал?

Председатель. — Действительно, вы это сказали, может быть вы разъясните, что это значит?

Протопопов. — Неужели я это сказал, что он впутывался, это значит я плохо выразился — отвратительно. Дело в том, что Курлов человек, который специализировался на департаменте полиции, человек, который был врожден к этому делу.

Соколов. — Так что он, значит, впутывался в дела департамента полиции, я так понимаю.

Протопопов. — Я думаю, что нет, потому что Васильев человек самостоятельный, самолюбивый. . .

Соколов. — Вы считали его врожденным к этому делу, он был председателем особого совещания, где директор департамента полиции является докладчиком, так что, пользуясь своим положением председателя, не мог бы он действительно держать в своих руках дела департамента полиции?

Протопопов. — Думаю, нет, но как человек более юркий. . .

Соколов. — Рожденный для департамента полиции, поставленный на место, где он может влиять на дела департамента, он действительно и влиял на департамент полиции?

Протопопов. — Я право не знаю.

Соколов. — В Минске, где он был.

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Вам была известна история Курлова в 1905 году, когда прокурор минского окружного суда Бибиков хотел привлечь его к ответственности за расстрел в Минске мирных жителей?

Протопопов. — Я этого не знал.

Соколов. — Может быть вы знали, что то лицо, которое вы приглашали на пост товарища министра внутренних дел. . .

Протопопов. — Я не знал в подробностях. Я знал, что в него кинули там бомбу.

Председатель. — Вы были с ним на «ты», были дружны?

Протопопов. — Я с ним однополчанин.

Соколов. — Во время убийства Столыпина вы были товарищем председателя Государственной Думы?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — Вы были членом Государственной Думы? Жили в Петрограде? Вы не вспомните ли историю — не в связи с убийством Столыпина, когда Курлов был товарищем министра при Столыпине, когда арестовывали Лопухина, был произведен обыск у этого самого Бибикова?

Протопопов. — Не знал.

Соколов. — Вы знали, что Курлов не пользовался хорошей репутацией в обществе, что для вас его назначение на пост товарища министра связывалось с известной неприятностью.

Протопопов. — Сознавал.

Соколов. — Под каким давлением было сделано это назначение, зачем вы себе причинили эту неприятность?

Протопопов. — Совершенно верно. Я причинил ее себе по двум причинам: я считал, что не всегда человек виноват, когда его бранят; для меня это было слишком неутешительным примером, потому что бранить так ужасно, как меня бранили, так жестоко. . .

Соколов. — Это соображение ясное. Теперь, вторая причина.

Протопопов. — Я очень верил, что он переменится. Мне казалось, что этот человек умный, сумеет принести пользу делу и поставит дело. Я считал, что это большая умница. Это отнять у него нельзя; прекрасно знает законы, этого отнять нельзя.

Соколов. — Ведь вы сказали, что у вас директором департамента полиции был Васильев, которого вы считали честным и пригодным человеком.

Протопопов. — Да ведь я поставил его.

Соколов. — Для чего же вам был нужен Курлов?

Протопопов. — Курлов близкий человек. Мне хотелось провести его на место, об этом мне неловко говорить.

Смиттен. — Командиром корпуса жандармов?

Протопопов. — Да, вот куда мне хотелось, но так как я этого не мог сделать, мне помешали, то...

Соколов. — Курлов был близким и Бадмаеву?

Протопопов. — Очень.

Соколов. — Вы за последнее время часто с ним встречались у Бадмаева?

Протопопов. — Он жил у него три года.

Соколов. — Значит, при ваших встречах у Бадмаева с Распутиным и Курловым...

Протопопов. — Я не так часто бывал.

Соколов. — Еще кто бывал в ваших совместных посещениях?

Протопопов. — Совместных не было никогда.

Соколов. — Сам Бадмаев, Курлов, приезжал Распутин, разговаривали одновременно Бадмаев, Распутин и вы. Еще кто бывал?

Протопопов. — У него дети есть, смотря где, на даче или в Петрограде. На даче чужих никогда не было.

Соколов. — Почему Распутин бывал у Бадмаева, какая связь?

Протопопов. — Они дружны были, друг друга очень любили.

Соколов. — А Вырубова бывала у Бадмаева?

Протопопов. — У Распутина бывала, у Бадмаева нет.

Соколов. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Нет. Может быть и бывал, я не знаю. Манасевича-Мануйлова я встречал у Белецкого несколько раз, хотел его взять даже корреспондентом газеты, ведь он был в «Новом Времени».

Соколов. — А вам было известно об определенном его положении в Министерстве Внутренних Дел?

Протопопов. — Это стало мне известно, когда я пришел в министерство.

Соколов. — Что же вам стало известно?

Протопопов. — Просто человек совершенно невозможный.

Соколов. — Нет, а его положение в министерстве?

Протопопов. — При мне он уже не был.

Соколов. — А раньше он был чем?

Протопопов. — Кажется, причисленным к министерству, но при мне не было. Его уже выгнал Хвостов.

Соколов. — Когда вы сделались министром внутренних дел, тогда вы не узнали о делах Курлова что-нибудь не одобрительное?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — Вот об удалении его сразу после убийства Столыпина.

Протопопов. — Сразу.

Соколов. — А о его обвинении в растратах?

Протопопов. — Нет, какие растраты? Я помню потому, что это было дело Трусевича. Трусевич был назначен. У нас в Думе говорили, что получил 900 тысяч рублей, когда на самом деле получил 300 тысяч.

Председатель. — Где получил?

Протопопов. — При Столыпине 300 тысяч вся охрана стоила.

Соколов. — Так что растрата 900 тысяч совершена не была, было 300 тысяч, но тогда на что же он охранял? Так что вы считаете, что вся охрана царя за время пребывания в Киеве должна была стоить 300 тысяч?

Протопопов. — Я считаю, что всякого рода охранные и секретные деньги ужасно опасны.

Соколов. — Легко впасть в соблазн?

Протопопов. — Оттого я и сделал предосторожность и просил у государя разрешение, чтобы некоторые суммы были известны не только мне, но и контролеру, что и записано в советском журнале. Но до этих сумм не добрались.

Соколов. — Так что вы, приглашая Курлова, знали, что против него были известные нарекания в связи с 300 тысяч или 900 тысяч?

Протопопов. — Я не верю, чтобы он украл, потому что он совершенно нищий.

Соколов. — Вы, значит, игнорировали эти слухи?

Протопопов. — Я не игнорировал, я боялся.

Соколов. — Из вашего показания я записал следующие слова: «Даже незлобивое сердце никогда не нужно сразу бить и добивать, потому что оно тогда делается действительно нехорошим и потому рождаются дурные чувства». Вы этим определяете свою политику. Какие дурные чувства были у вас?

Протопопов. — Вот если бы Дорошевич мне сказал...

Соколов. — Какие у вас дурные чувства явились под влиянием нападений на вас общественных элементов?

Протопопов. — Родился известного рода протест, — а вот я все-таки... Если бы на меня так не нападали, я бы не протестовал. А вот я буду сидеть, и все-таки я сидел. Злоба была.

Соколов. — Позвольте вернуться к 14 февраля. У вас получены были сведения, что 14 февраля готовится движение в Госу-

дарственную Думу, вы знали об этом. Какие меры вы приняли к тому, чтобы этого движения не было?

Протопопов. — Это не мое дело, принимать или не принимать меры. Это дело главнокомандующего войсками, как генерал-губернатора, и они принимались и мне ничего не говорили. Например, во время забастовок, им принимались меры по разговору с министром торговли. Брали в окопы известный возраст. Я даже этого не знал.

Председатель. — Кого брали в окопы?

Протопопов. — Рабочих.

Соколов. — Но вы нам сказали, что, конечно, военные власти не могли без сообщения Министерства Внутренних Дел арестовывать группы рабочих военно-промышленного комитета, так как где же военным знать. Значит, военные, по вашему мнению, самостоятельными сведениями о готовящемся 14 февраля движении не могли располагать, значит ваш орган, ваше министерство должно было сообщать ему.

Протопопов. — Безусловно сведения сообщались, помимо меня было непосредственное сношение с начальником округа.

Соколов. — А что они сообщали?

Протопопов. — Вероятно, то же самое, что и мне. Ведь Хабалов написал письмо А. Гучкову о том (помните письмо), что запрещает совещания, группы и т. д.

Соколов. — Вам известно было об этом письме?

Протопопов. — Он читал его даже в Совете Министров.

Соколов. — Значит, Хабалов в Совете Министров говорил о необходимости сорганизоваться и о необходимости бороться 14 февраля против движения. Не сообщал ли он, какие меры вырабатывались, чтобы бороться?

Протопопов. — Совершенно нет. Под его председательством меры вырабатывались в штабе или градоначальстве.

Соколов. — Но кто был от Министерства Внутренних Дел?

Протопопов. — Балк.

Соколов. — А в центральных органах не была вам известна фамилия генерала Гордона?

Протопопов. — Первый раз слышу.

Соколов. — А какие лица участвовали?

Протопопов. — Не могу сказать, это совершенно до меня не касается, ибо на театре военных действий ответственность за меры, для поддержания спокойствия, принимается командующим войсками.

Соколов. — Так что вы совершенно не интересовались, какие меры?

Протопопов. — Мне говорили, что будут специальные.

Соколов. — Вы представляете, конечно, что если есть движение, демонстрации, манифестации, то есть и разного рода способы

борьбы. Можно воспрепятствовать, чтобы толпы не проникали в город, можно разделить, можно убедит. Вы, думая, так сказать, о судьбах родины, не пытались узнать, какие меры приняты генералом Хабаловым?

Протопопов. — Он не мог мне сообщать. Я меня было расписание частей, которые мне дал Балк.

Соколов. — Что это значит расписание частей?

Протопопов. — Кажется, шесть полициймейстерских частей в городе и какая часть где сидит, войсковая и полицейская, все меры находятся в одних руках.

Соколов. — Как по расписанию рисовался план борьбы?

Протопопов. — Совершенно не могу сказать, ну тысяч 12 всего можно считать.

Соколов. — Вы не определяли характера мер, что меры будут кровавые, жестокие?

Протопопов. — Это зависит от того, как разыгрываются события. Естественно, когда начинается бойня, то она делается отвратительной, но я должен сказать, что 25 числа... У меня нет под рукой тетрадочки, я все думал, в чем я грешен...

Председатель. — Какого месяца?

Протопопов. — Я попал сюда 27. Да 25 я уже вечером не был министром. Я ушел из дворца вследствие того, что была послана телеграмма государю, что необходимо снабдить диктаторскою военною властью и большой, даже широкой властью председателя Совета Министров, и так как одновременно с этим говорили, что очень на меня люди сердятся, что толпа наэлектризована моим именем, то это беспокоило министров и думали, что лучше будет, если я сложу с себя это звание, на что я имел право, так как по 158 статье Совет Министров имеет право принимать экстраординарные решения, и тогда я сложил и ушел, ночуя в этот день в канцелярии.

Председатель. — В чем же выразилось это?

Протопопов. — Это постановление Совета Министров, которое принято и должно быть записано в журнале.

Председатель. — Должно быть или записано?

Протопопов. — Должно быть. Все должны помнить, потому что мне Голицын говорил: «Я вас очень благодарю от имени Совета за то, что вы приносите себя в жертву».

Председатель. — Вы сказали, что в Совете Министров Хабалов читал это расписание?

Протопопов. — Нет, письмо по поводу запрещения собраний.

Председатель. — Как он попал в Совет Министров?

Протопопов. — Он ходил очень часто, потому что всякого рода объявления народные о крепких напитках и так далее проводились через Совет Министров обязательным постановлением.

Смиттен. — Это то самое заседание Совета Министров в день роспуска Государственной Думы, когда вы перестали быть министром внутренних дел?

Протопопов. — Нет, тогда я еще был, а это в Мариинском дворце вечером 25 числа, так часа в 4.

Смиттен. — В какой день?

Протопопов. — У меня выходит 25 число.

Смиттен. — Не число, а день.

Протопопов. — Вы знаете, когда сидишь в этой штуке, забудешь все дни и часы.

Соколов (обращаясь к председателю). — Разрешите мне спросить, у меня вопрос отдельный о заграничной поездке (обращаясь к Протопопову). — Следя за вашим сообщением о том, что вам Варбург говорил во время свидания, я поражался степенью вашей памяти, потому что вы буквально говорили то, что писали в газетах.

Протопопов. — Я очень много раз об этом рассказывал.

Соколов. — Все так, как вы говорили, и теперь думаю, что у вас этот эпизод крепко засел в голове. Мне хотелось бы опереться на эту память и восстановить конкретные картины. Значит, это было не в частной квартире, а в гостинице. Теперь, с кем вы пришли и кого увидели?

Протопопов. — Это, я должен сказать, я могу спутать, точно так же, как мог спутать и Олсуфьев, в особенности Олсуфьев.

Соколов. — Кто там был?

Протопопов. — Там был Поллак.

Соколов. — Кто это Поллак, это русский подданный?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Он не играл роли нашего информатора за границей?

Протопопов. — О, нет, он очень хороший человек.

Соколов. — Кто он, промышленник?

Протопопов. — Кажется, промышленник.

Соколов. — Потом кто?

Протопопов. — Я думал Ашбург, а там оказался Варбург. Олсуфьев, которого я просил..., а он говорит, что я выдумал немца, а между тем я хотел...

Соколов. — А вы не ожидали, что там будет не Варбург, а сам посланник?

Протопопов. — Я думал это.

Соколов. — Варбург не говорил, что посланник случайно не был?

Протопопов. — Я написал, но это не соответствует истине и вернее, так сказать, натяжка в разговоре, беллетристика; провести грань точную, где начинается искажение беллетристическое трудно. Ведь, когда рассказываешь или записываешь, то легко впасть в ошибку.

Соколов. — С кем из русских вы встречались после переговоров с Варбургом? Вы сколько дней пробыли еще в Стокгольме?

Протопопов. — С утра до послезавтра.

Соколов. — В эти полутора суток кого вы еще видели из русских?

Протопопов. — Там живет Марков, журналист.

Соколов. — Не встречались ли с кн. Бебутовым?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Вы не были знакомы с ним раньше?

Протопопов. — Нет, не помню.

Соколов. — А как вы встретились?

Протопопов. — В гостинице, в холле.

Соколов. — Вы подошли к нему?

Протопопов. — Нет, ни в каком случае не я. Наверно он ко мне подошел, но я помню — Бебутов. Эта фамилия осталась у меня в памяти.

Соколов. — Он не принимал участия, чтобы устроить собеседование с Варбургом?

Протопопов. — Не помню.

Соколов. — Но возможно, что он принимал участие?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — О чем вы говорили? Политические темы затрагивались?

Протопопов. — Я мельком помню фамилию, но я его не узнал бы, если бы увидел.

Соколов. — Я не имею больше вопросов.

После перерыва.

Завадский. — Можете ли вы сказать, когда вы были министром внутренних дел, на вас были попытки влиять со стороны Распутина, Вырубовой, Андроникова и др.?

Протопопов. — Это определенно. Но никоим образом никаких дел и никаких денежных дел я по своему званию не имел.

Завадский. — Например, Распутин просит, чтобы вы сделали губернатором такого-то.

Протопопов. — Это постоянно бывало. Масса записок было. Ведь получишь бог знает сколько из них $^{7}/_{8}$ совершенно невозможные и безобразные.

Завадский. — Я считаю, что в России всякий министр, даже не министр, а начальствующая часть получает записки от знакомых и может их исполнять или не исполнять, но получать от Распутина было другое дело. Он давил на министров, потому что он был, как вы говорили, челядинец.

Протопопов. — Он на меня особенно не давил, а просто писал: «Милай, дорогой»... а потом безобразие какое-нибудь. Это совершенно верно.

Председатель. — Я вас должен просить давать более определенные ответы. Вас спрашивают, хотят выяснить влияние Распутина. Вы говорите — особенно не давил. Вы не можете не знать, что когда вы говорите — особенно не давил, то, в сущности, вы этим ничего не отвечаете, даете уклончивый ответ. «Особенно не давил» в этом разумного содержания нет, это есть уклончивый ответ.

Протопопов. — Я категорически отвечаю, что исполнял только то, что мне казалось возможным, а остальных требований я не исполнял, и это будет $^{7}/_{8}$.

Завадский. — Позвольте предложить такой вопрос: то, что считали возможным, а исполнили ли бы вы, если бы просьбы Распутина не было?

Протопопов. — Если бы пришел этот самый человек, то я, быть может, и исполнил бы.

Завадский. — Примера не можете вспомнить?

Протопопов. — Ведь все мелочные, так не могу. Крупного, большого ни одного назначения он у меня не просил.

Завадский. — Так что у вас не было назначения вроде назначения Белецкого до вас?

Протопопов. — О, нет.

Завадский. — А вот меня тогда интересует такой вопрос: на каком основании, сделавшись министром внутренних дел, вы сейчас же сместили Степанова?

Протопопов. — Со Степановым была история следующая. Во-первых, Степанов был в очень дурных отношениях со Штюрмером и очень много было сделано в этом отношении. Затем я его мало знал, Степанова, но он мне казался человеком порядочным. Но тут вышла история, которая заставила наши отношения кончить. Это история Мануйлова. Приносит мне письмо секретное Степанов, которое он получил из генерального штаба или из главного штаба, где было изложено при препроводительной записке, что Мануйлова какой-то франт вызывает в Копенгаген на съезд директоров, будто бы, но это надо понимать иначе, что это какое-то совещание.

Председатель. — Простите, я не усвоил вашу мысль, вам стало известно. . .

Протопопов. — Мне принес эту бумажку Степанов.

Председатель. — Когда?

Протопопов. — Недели за полторы, две. Вот он читает и все неясно. Ссылка на письмо. Я его спрашиваю: «Письмо приложено?» «Нет, — говорит, — письма нет». Тогда я ему говорю: «Будьте любезны, снимите копию, оставьте копию, а в этом генеральном штабе сверьтесь, почему нет подлинного письма. Я судить по этому не могу, как с этим быть». — «В Ставку отослать?», он мне так сказал. «Нет,—я говорю,—какая Ставка?! Сначала надо разобраться». Когда он мне эту штуку прочел, а потом прошло

два, три дня, я спрашиваю, а он говорит: «Это оказалось вздор, и письмо совершенно не подтверждает содержания бумаги», — будто он там был. . .

Председатель. — Т.-е. там в штабе, он, Степанов?

Протопопов. — Да, Степанов. «А копию, — говорит, — извините, я позабыл снять».

Председатель. — С чего копию?

Протопопов. — Да вот с этой бумаги. Это была бумага из штаба.

Председатель. — Он ведь вам ее дал?

Протопопов. — Он и увез ее с собой в штаб и больше я не видел. Мне это показалось подозрительным в связи с тем, что говорил Штюрмер, что бояться можно. И вообще я неодобрительно отношусь к тому, насколько мне это известно, как было ведено дело Мануйлова.

Председатель. — Вы на другой вопрос переходите. Что вам в этом казалось подозрительным и по какому поводу в связи с этим Штюрмер сказал, что нужно остерегаться?

Протопопов. — Он мне все время говорил, что нужно остерегаться.

Председатель. — Остерегаться Степанова в каком смысле?

Протопопов. — Что человек этот очень хитрый.

Председатель. — Что же он изменник, шпион?

Протопопов. — Нет, что он неверный.

Председатель. — Что вам казалось подозрительным?

Протопопов. — Почему не оставил копии, почему письма подлинного не показал, и, потом, по правде сказать, в Степанове мне было неприятно одно обстоятельство: он человек может быть очень хороший и даже, думаю, что хороший человек в общем, честный, потому что мне последующие обстоятельства показали, что он, вероятно, искренний человек, но он выпивал много: каждый вечер был выпивши.

Председатель. — Вы уклонились в сторону от вопроса. Что именно вам показалось подозрительным и в каком отношении, т.-е. в чем вы подозревали в тот момент Степанова?

Протопопов. — Просто, что опять таки Мануйловская история подымет смуту, которая, в сущности говоря, до меня совершенно не касалась.

Председатель. — Нет, простите. Вам, министру внутренних дел, товарищ министра внутренних дел предъявляет копию бумаги, полученную от штаба. В этой бумаге содержится указание на конспиративную переписку Манасевича-Мануйлова через Копенгаген с Германией, с которою Россия находится в состоянии войны. Так вот, — что делает русский министр внутренних дел с этой, предъявленною ему русским товарищем министра внутренних дел, бумагою?

Протопопов. — Хочет проверить ее.

Председатель. — Что же русский министр внутренних дел сделал распоряжение о проверке этой бумаги?

Протопопов. — Это было сделано.

Председатель. — Вы утверждаете, что это распоряжение было сделано?

Протопопов. — Утверждаю.

Председатель. — Что же русский министр внутренних дел проследил, чтобы это распоряжение его было исполнено?

Протопопов. — Проследил, потому что я спросил Степанова. Он сказал, что разобрал, что письмо подлинное.

Председатель. — Что же он разобрал? Министр внутренних дел убедился, в чем заключался разбор этой таинственной переписки через Копенгаген с Карлсбадом. В чем заключался разбор?

Протопопов. — Мне сказал товарищ, что это не оказалось правильной передачей.

Председатель. — Что не оказалось правильной передачей?

Протопопов. — Содержание этой бумаги не оказалось правильной передачей.

Председатель. — Вы помните содержание той бумаги, которую он передавал?

Протопопов. — Я не помню.

Председатель. — Она содержит в себе перехваченное письмо Манасевича-Мануйлова из Копенгагена о назначении Манасевичем-Мануйловым свидания в Карлсбаде, и об этом вы говорили раньше. Что же сделал русский министр внутренних дел по этому поводу?

Протопопов. — Он сказал своему товарищу: проверьте.

Председатель. — Не будем начинать снова. Товарищ министра сделал это?

Протопопов. — Проверил и сказал, что это письмо не имеет основания.

Председатель. — Это сказал товарищ министра внутренних дел Степанов?

Протопопов. — Да, сказал, что подлинное письмо не соответствует передаче.

Завадский. — В таком случае, что же вам не понравилось в Степанове?

Протопопов. — Ничего особенного не понравилось, потому что мне говорили, что он человек неприятный, человек неверный, которому я имел основания не доверять. Я думал, что он вводил меня во искушение нарочно.

Председатель. — Значит, вам Степанов сказал, что в этой переписке Мануйлова с Германией через Копенгаген нет ничего подозрительного?

Протопопов. — Да, — говорит, — это пустяки. Он мне так сказал, а это оказалось неправильно.

Председатель. — На мой ясный вопрос вы отвечаете ясным — да?

Протопопов. — Что именно, что да?

Председатель. — Т.-е. вам Степанов сказал, что в этой переписке нет подозрительного, что вы за Россию можете успокоиться?

Протопопов. — Да, в этом смысле, так и поняли.

Завадский. — Кроме влияния Распутина, у вас были какие-нибудь просьбы и давления со стороны Вырубовой, Андроникова?

Протопопов. — Андроникова? Ни под каким видом, он даже уехал из Петрограда.

Завадский. — Но когда это было все, в сентябре?

Протопопов. — Несколько раз я его видел.

Председатель. — Не было случаев, чтобы раньше назначения лиц на пост по Министерству Внутренних Дел вы рекомендовали этому лицу или другим, кто его рекомендовал, отправиться к Распутину?

Протопопов. — Нет, этого положительно не помню.

Председатель. — Вы не помните?

Протопопов. — Как, к Распутину? Перед тем, как я возьму на службу?

Председатель. — Да.

Завадский. — Лицо, которое в Заамурье...

Протопопов. — Это Хогондоков. Нет, это положительно, нет, определенно отрицаю, потому что он был представлен государю и государыне, помнится так. Но при чем же тут Григорий Ефимович? Может быть я его и спрашивал, знает ли он его?

Завадский. — Почему министр внутренних дел спрашивает, знает ли он?

Протопопов. — Распутина? Это я так думал, я не считал ничего предосудительного в этом спросить.

Смиттен. — Ваш ход мысли?

Протопопов. — Ход мысли такой: знает или не знает? Ведь его мне рекомендовал Волконский, и мне он очень понравился, и очень хотелось его взять, но в Царском его не выбрали.

Завадский. — Вы спрашивали его, знает ли он, нравится ли он царю или царице, а не спрашивали, нравится ли Распутину?

Протопопов. — Безусловно, я спросил, кто из них двух нравится. Мейера я хотел, но мне сказали, что немецкая фамилия. Потом Хогондокова и Спиридовича совсем не хотели, а чтобы рекомендовал пойти к Распутину, я это отрицаю, что я его посылал к Распутину.

Завадский. — Когда Распутин был убит, есть молва, что вы в тот же день явились к нему на квартиру.

Протопопов. — Я, после убийства? Никогда, ничего подобного.

Председатель. — Так что вы не были в квартире Распутина после его убийства и не послали никого?

Протопопов. — Там была полиция.

Завадский. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Я не принял его лично ни разу. Он мне писал письма, которые я оставлял без ответа.

Завадский. — Я бы хотел выяснить ваши отношения к делу об убийстве Распутина и к его предполагаемому убийству, что вы докладывали по этому поводу в Царском и какое направление вы советовали царю или царице?

Протопопов. — Было так: когда он был убит, мне утром сказали, что он убит, что он вышел и пропал; начались розыски, тут было показание городового, который говорил, что его позвали, что был в этой комнате Пуришкевич и Феликс и что оба они были пьяны. Затем дальше велись розыски, все очень, конечно, волновались, все были встревожены этим событием; затем, в конце концов, вечером нашли галошу, вытащили тело, которое было положено под мост; затем он был увезен в богадельню морского ведомства, но я сам не был нигде. Я знал, что делается, понимал, что нужно все это делать без скандалов, по возможности тихо. Затем после того, как было произведено вскрытие, его препроводили в известное место. Я сам там не был, было это передано коменданту, лично я не знал ничего.

Завадский. — Я не про это говорил, мне интересна ваша попытка на другой день отстранить прокурорский надзор посылкой туда генерала Попова.

Протопопов. — Никогда ничего подобного не было.

Завадский. — Из Совета Министров товарищ министра Бальц не телефонировал ли полициймейстеру о том, чтобы генерал Попов был сокращен, и потом с товарищем министра Бальц вы не имели никакого разговора?

Протопопов. — О чем? Вы мне расскажите, я не понимаю.

Завадский. — Товарищ прокурора окружного суда послал представителя от судебной власти, которого встретил генерал Попов и указал, что он командирован от Министерства Внутренних Дел и устраняет в порядке охраны весь прокурорский надзор.

Протопопов. — Помилуйте, как это могло быть, это не так; вот как это было: его вытащили и положили на мост, мне Попов телефонирует...

Председатель. — Кто это Попов?

Протопопов. — Командир отдельного корпуса жандармов телефонирует мне, что его хотят везти, куда везти? Сначала Макаров, если не ошибаюсь, приехал на мост. Попов узнал его или нет—не знаю, но тут вышли трения. Тот говорит: «Позвольте нам труп», а Попов говорит: «Скажите, куда его доставить, мы сами его доставим».

Завадский. — Какое право он имел, сам Попов, это делать без всяких инструкций?

Протопопов. — Я не помню.

Председатель. — Кто вам об этом сказал?

Протопопов. — Попов.

Председатель. — Будем говорить о том, как было; вы свидетелем не были, вы передаете рассказ Попова по телефону.

Протопопов. — Попов мне телефонировал, что хотят везти труп на салазках. Я говорю этого нельзя, судебная власть должна указать, куда доставить, а как доставить без скандала, это наше дело. Тогда мне говорит товарищ прокурора палаты, позвольте, как его фамилия, на З кажется.

Председатель. — Завадский?

Протопопов. — Да, да.

Председатель. — Он не товарищ прокурора, а прокурор, ныне сенатор Завадский.

Протопопов. — Да, да, кажется, Завадский. Он мне говорил — на Выборгскую сторону. Я говорю — на Выборгскую нельзя, куда-нибудь в отдаленное место, чтобы не было скандалов.

Завадский. — Я понял, что все-таки инструкция министра внутренних дел, когда идет судебное дело, давала полицейским власть, вопреки распоряжениям судебной власти.

Протопопов. — Я ничем не перечил судебной власти никогда. Судебная власть хотела взять с моста, но передача делается формально; судебной власти нужно его передать, но нужна для этого какая-нибудь форма, и тут Макаров действительно высказал какую-то претензию. Я не был в Совете Министров. Бальц был, я просил вероятно Бальца распоряжаться.

Председатель. — Так, значит, надо понимать — вы инструкции Попову не давали?

Протопопов. — Т.-е. какую инструкцию?

Председатель. — Инструкцию к устранению судебной власти.

Протопопов. — Нет, о перевозке может быть.

Председатель. — Тут интересуются вопросом об устранении судебной власти.

Завадский. — Попов заявил, что он может уйти, так как в порядке административной власти, а не судебной...

Председатель. — Этот инцидент позвольте считать исчерпанным.

Завадский. — Тогда он сам, значит он самозванец, вот что меня интересует. Тогда утверждали, что вы в Царском Селе настаивали на том, что это вопиющее преступление и что нужно параллельно производству судебного расследования вести и внутреннее дознание по Министерству Внутренних Дел, помимо судебного расследования.

Председатель. — В этом вопросе есть две вещи — утверждали ли вы в Царском, что это есть исключительное дело и потому должно быть дознание в ведении Министерства Внутренних Дел,

это во-первых, а во-вторых, производилось ли вами дознание в Министерстве Внутренних Дел?

Протопопов. — Все это было изложено на бумаге и передано в Царское Село до того момента, как дело шло. Отыскивали труп...

Председатель. — Простите, то, что вы сказали, это не есть ответ на вопрос. Вопрос заключается в том, говорили ли вы в Царском Селе, что это вопиющее дело и поэтому нужно поручить вам специально по этому поводу расследование. Это первое.

Протопопов. — Я это отрицаю. Я говорил, что это дело судебной власти.

Председатель. — Второй вопрос: было ли у вас, параллельно судебной власти, дознание?

Протопопов. — После того, как передано было судебной власти, нет.

Завадский. — Вы изволили упоминать об Орлове, председателе патриотического союза в Москве; вы говорили, что он нагло себя вел, может быть вы припомните, что он в 1917 году подавал вам докладную записку о необходимости...

Протопопов. — Да ведь они пишут ужасные вещи, много я их получал записок, не от него одного.

Председатель. — Давайте пока ограничимся Орловым и его запиской.

Завадский. — Записка, на которой, насколько мне известно, нашей рукой написано «Анне Александровне». Не делали ли вы резолюцию?

Протопопов. — Очень может быть.

Завадский. — Кто это Анна Александровна?

Протопопов. — Вырубова.

Завадский. — Я на это обращаю внимание; какая-то докладная записка к вам, как министру внутренних дел обращенная, а вы Вырубовой...

Протопопов. — Потому что, вероятно, содержание было интересно.

Председатель. — Да позвольте, какое отношение к вам, министру внутренних дел, имел Орлов, которого вы так аттестуете, который подает записку...

Протопопов. — Это я потом узнал.

Председатель. — Когда вы узнали про Орлова, что он скверный человек?

Протопопов. — В феврале.

Председатель. — Хорошо. Хороший человек Орлов министру внутренних дел дает какую-то записку, и министру внутренних дел делает на ней надпись: «Сообщить Анне Александровне».

Протопопов. — Это потому, что очень часто невозможно было показывать государю все, что может быть интересно, вероятно там был какой-нибудь интересный экономический вопрос.

Председатель. — Мой вопрос ясен: какая связь между министром внутренних дел и Анной Александровной Вырубовой?

Протопопов. — Потому что она была постоянно дежурной, потому что она жила во дворце.

Председатель. — Значит что же, министр внутренних дел находил нужным знакомым дежурным фрейлинам передавать бумаги, которые поступали к нему по должности министра?

Протопопов. — Отчего же? Тут ничего страшного нет, тут нет секретов.

Председатель. — Эта записка подана министру внутренних дел, какая же связь? По прежним законам, министр имел право в известном порядке делать доклад государю, но какая же связь между министром старого режима и Анной Александровной Вырубовой?

Протопопов. — Знакомая, которая во всякое время может прочесть и передать.

Председатель. — Часто бывало, что записки и доклады, поданные вам, как министру внутренних дел, вы направляли...

Протопопов. — Не особенно часто, но бывало, потому что весьма часто интересные вещи неловко посылать. Дело в том, что послать всеподданнейший доклад—это целая история, а если послать это дежурному флигель-адъютанту, Вырубовой—дежурной фрейлине, или коменданту, то во всякое время могут улучить момент, чтобы доложить.

Председатель. — У вас бывали случаи, когда вместо того, чтобы официально посылать в Царское, вы посылали в частном порядке или коменданту или дежурной фрейлине? Вырубова при ком была дежурной фрейлиной в Царском Селе?

Протопопов. — Она постоянно жила во дворце и постоянно бывала...

Председатель. — Я задаю вопрос, при ком она дежурила?

Протопопов. — При государыне.

Председатель. — Значит, бывшему государю вы посылали через эту фрейлину сообщения?

Протопопов. — Если это было интересно, если не интересно, то она могла бросить.

Председатель. — Значит, для сообщения бывшему государю?

Протопопов. — Иной раз.

Председатель. — Какая связь законная между министром внутренних дел и государыней императрицей?

Протопопов. — Как же Александре Феодоровне я мог передавать записки?

Председатель. — Вы все можете сделать, а я спрашиваю — по закону?

Протопопов. — А разве это противозаконно? Смотря что. Например, если бы я стал показывать в высокой степени секретные

документы. Может быть я недостаточно вдумался и не оценил всю важность той записки, о которой мне докладывал Степанов, поверив ему на слово, что это пустяки. И вот такую записку, если бы я оценил ее важность, я бы усомнился, что нужно показать государыне, а я показал бы ее царю; а если это есть более или менее интересная вещь, но не секретного свойства...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, с какой точки зрения вас заинтересовала та записка, которую вам подал Орлов?

Протопопов. — Вероятно, с точки зрения экономической?

Председатель. — Что значит экономической?

Протопопов. — Там вероятно что-нибудь по продовольствию было.

Председатель. — Значит, по поводу продовольствия вы находили нужным через дежурную фрейлину сообщать бывшей государыне?

Протопопов. — Я много посылал таких любопытных записок. То, что казалось мне любопытным, я посылал.

Председатель. — Любопытной, с какой точки зрения и в каком отношении?

Протопопов. — Ну, интересное по продовольствию, например. Мне показались мысли здравые. Мне помнится, что этот господин хороший, Орлов, именно об этом писал.

Председатель. — Какая же связь между министром внутренних дел, интересной вещью в продовольственном отношении и государыней императрицей?

Протопопов. — Александра Федоровна живо интересовалась такими делами, как продовольствие.

Председатель. — Вы ведь признавали продовольственный вопрос важным вопросом того времени?

Протопопов. — Безусловно, и всякого рода полезную мысль о нем я бы с радостью протолкнул в жизнь, если бы меня хватало.

Председатель. — Значит, вы сообщали для того, чтобы проталкивать в жизнь?

Протопопов. — Нет, просто, как мысль. Ведь я должен сказать, что ко мне отношение со стороны Александры Федоровны было очень ласковое и оттого, быть может, я так просто поступал.

Председатель. — Скажите, что же бывшая государыня при встречах ваших с ней и представлениях беседовала с вами по продовольственному вопросу?

Протопопов. — Постоянно.

Председатель. — По какому вопросу еще беседовали вы?

Протопопов. — По всем вопросам злободневным.

Председатель. — Злободневным в государственном отношении?

Протопопов. — В государственном.

Председатель. — Какие были результаты?

Протопопов. — Никаких особенных. Бывало так, что государь, императрица, Воейков, фрейлины и я бывали вместе и разговаривали на общие темы.

Завадский. — В каких отношениях вы были с Нарышкиной вдовой?

Протопопов. — Только в письменных. Она мне написала письмо, первое письмо она написала государыне, государыня дала мне прочесть. Она старая женщина, и государыня к ней относится ласково, снисходительно; это первое письмо, а потом я получил от нее письмо и сейчас же я ответил. Мне помнится, как мне трудно было ответить, потому что я был очень уставши. Она мне ответила, но несколько бранным письмом, что до меня трудно добраться.

Завадский. — Какая сущность этих писем?

Протопопов. — В одном из них она бранила Салтыкова и Волконского. Она вечно бранилась. Затем она Государственную Думу бранила.

Завадский. — Значит, она к вам обращалась, как к единомышленнику?

Иванов. — Вы считали, что только в единении с общественными силами дело возможно вести с успехом, что совершенно правильно; как же это связать с вашими мерами о недопущении, не только недопущении, но разгоне полицейскими силами съездов в Москве и кого же? Земских деятелей, городских голов, которые собрались на этот съезд по программе вам известной—рассмотреть продовольственный вопрос о снабжении и продовольствии армии и между прочим о других мерах, которые должны были удовлетворить армию. Я бы желал знать, какая связь между вашим правильным взглядом и этими мерами?

Протопопов. — Ко мне приехал полковник Грузинов, председатель управы и сказал, что им мешают собраться для того, чтобы обсудить вопрос продовольственный, потому что тогда, помнится, постановлением Совета Министров были запрещены съезды. Я говорю: «Это не может быть». — «Как это можно, чтоб запрещали съезды, когда вы его разрешаете»,—говорит он. Я говорю: «Конечно». Тогда он поехал к Мрозовскому и сказал, что я разрешил съезд председателям губернских и земских управ, и тогда же тут была вынесена резолюция, очень резкая. Вот как это случилось в первый раз. Я тогда был в положении несколько растопыренном, потому что он сказал Мрозовскому, что они собрались с моего разрешения, а сами вынесли резкую политическую резолюцию. Потом это дело рассматривалось в Совете Министров. Тут постановлено было уже съездов не допускать, таким образом, они были запрещены. Потом, когда члены съезда явились явочным порядком, тогда уже, кончено, в Москве съезда не допустили.

Иванов. — Может быть вы припомните, какая резолюция была вынесена после того, как съезды не были допущены. Вот как было, резолюция, которая была вынесена собравшимися, она была действительно вынесена явочным порядком, как вы говорите, но после того, как они были разогнаны городовыми.

Протопопов. — Да, может быть. Грузинов не выносил никакой резолюции?

Иванов. — Никакой, эта резолюция была после.

Протопопов. — А на грузинском съезде что-то было, я помню что-то было.

Иванов. — Скажите, пожалуйста, оба ваши товарища убеждали вас оставить место в виду создавшегося положения?

Протопопов. — Нет, Бальц не говорил, а говорил Волконский. Волконский раз мне сказал: «Ты на меня не рассердишься, я бы на твоем месте ушел». Я ничуть не рассердился.

Председатель. — Почему же он вам посоветовал, он представил вам доводы?

Протопопов. — Ничего не сказал — «Вот ты рассердился, я ничего тебе больше не скажу» — напрасно, а потом, главное то, что я три раза просился уйти.

Смиттен. — Вы как раз подходите к вопросу, который меня интересует. Вы три раза просились уйти, это были просьбы в виде письменных докладов?

Протопопов. — Нет, я лично просил государя.

Смиттен. — Значит, никаких письменных следов не может быть?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Как же я могу согласовать ваше заявление о том, что вы три раза просились уйти, с вашим же заявлением о том, что если бы вас не очень обидели в Государственной Думе, если можно так выразиться, если бы вы на зло не хотели остаться...

Председатель. — Это формулировка не ваша, а члена Комиссии.

Смиттен. — Я хотел правильнее войти в вашу мысль. Как связать эти два положения?

Протопопов. — Я вот что хотел сказать: если бы у меня не было чувства озлобленного, затравленного человека, я бы сумел найти и выражения и способы уйти, а мне до известной степени этого не хотелось, потому что, если с одной стороны меня травят, а с другой стороны встречаю я ласку, какую я встречал, я размякал.

Смиттен. — Меня интересует еще один вопрос: скажите, пожалуйста, бывали ли случаи, что вы через Распутина представляли на усмотрение государя или государыни какие-либо сведения, казавшиеся вам интересными или любопытными, касавшимися положения государства?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Это совершенно исключается?

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А известно вам было, что Распутин с Вырубовой находились в хороших, близких и тесных отношениях?

Протопопов. — Как? Вот я думаю, что это не так.

Председатель. — Т.-е. мы говорим в смысле отношений дружеских, принадлежности к одному кружку. Это вам было известно?

Протопопов. — Я знал.

Смиттен. — Если вам было это известно, вы через Распутина никаких сведений не представляли, потому что вы это исключаете, представляли ли вы через Вырубову только такие сведения, которые, по вашему мнению, были интересные, но секрета не представляли, или такие, которые вы бы Распутину не сказали, которые вы бы не направили через Распутина?

Протопопов. — Распутин не понял бы, я не стал бы с ним говорить. Распутина я редко видел.

Председатель. — Что же, вы считали Распутина глупым?

Протопопов. — Нет, умным, но неразвитым человеком.

Смиттен. — Был ли в бытность вашу министром внутренних дел такой перерыв по болезни, что вы как будто были не у дел, приблизительно, месяца полтора?

Протопопов. — Было месяца полтора.

Смиттен. — Верны или неверны были сведения печати, что вы продолжали посещать Царское Село?

Протопопов. — Продолжал. Я раза два был.

Смиттен. — Вы ездили для доклада государю?

Протопопов. — Помнится к государыне.

Смиттен. — Представляли ли вы какие-либо доклады служебного характера?

Протопопов. — Нет, с государыней были обыкновенные разговоры, были, конечно, и характера делового, главным образом о продовольствии шла речь, но ведь продовольствие не в моих руках.

Смиттен. — Я прямо поставлю вопрос: какие-нибудь доклады верховной власти представлялись через государыню, а не непосредственно государю?

Протопопов. — Т.-е. всеподданнейшие доклады? Никогда. Шли иной раз какие-нибудь заметки мои личные, даже по большим вопросам.

Председатель. — Что значит заметки и что значит соображения?

Протопопов. — Так, например, полезные в той или другой мере даже общегосударственного характера.

Председатель. — Например?

Протопопов. — Я думал об ответственном министерстве перед судом. Это я непосредственно докладывал государю.

Председатель. — А какие другие вопросы?

Протопопов. — Я сам не припомню, какие.

Смиттен. — Вы помните, какие такие бывали случаи?

Протопопов. — Например, справка о количестве муки, о провианте, о таких вещах очень часто я говорил. Я говорил, в каком положении текущие дела, но ведь это я говорил частным образом, а не официально, а всеподданнейшие доклады шли прямо непосредственно, даже последнее время определенная была наклонность у государя не впутывать государыню в эти дела. В последнее время это было довольно ярко.

Председатель. — В какое последнее время?

Протопопов. — После истории убийства Распутина, главным образом. Вот вы изволили меня спросить, настаивал ли я на радикальных мерах. Я говорил, что радикальные меры нельзя применять в этом случае, ибо страшный шум поднимается и то, что я сказал нехотя у Александра Михайловича, потому что он меня плохо принял, то я постарался провести в жизнь, и резкие меры не были приняты.

Смиттен. — Вы помните 14-е февраля, этот день, который был назначен для открытия Государственной Думы после перерыва. В виду нервного настроения страны и ожидавшихся, как вы говорили, беспорядков, представляли ли вы какие-нибудь всеподданнейшие доклады по этому вопросу?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Никаких?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — А с государыней императрицей вы имели разговор?

Протопопов. — Конечно.

Председатель. — Почему вы говорите — конечно, да?

Протопопов. — Потому что я часто с ней виделся. Каждый раз после доклада государю, а доклады бывали два раза в неделю, я приходил к государыне, и мы просто разговаривали.

Смиттен. — Передавали вы, какие меры приняты?

Протопопов. — Подробности я никогда государыне не сообщал.

Смиттен. — Вы говорили в качестве дилетанта или как министр внутренних дел, который владеет вопросом, о том, как государственный механизм, или аппарат, хочет реагировать на ожидаемые события?

Протопопов. — Я никаких мер не принимал, ибо, опять повторяю, я считал...

Смиттен. — Я спрашиваю, извещали вы ее о тех сведениях, которыми вы владели по вопросу, о тех мерах, которые государство полагает принять в случае возникновения событий, которые ожидались 14 февраля?

Протопопов. — Никаких подробностей, никаких проектов я государыне не представлял.

Соколов. — Вы уже сообщили, что бывали такие случаи, когда вы, император и молодая императрица, Вырубова и Воейков

совместно беседовали о разных вопросах. Кроме этих перечисленных лиц, бывал ли кто-нибудь из придворных на таких собеседованиях?

Протопопов. — Чтобы быть точным, это было только раз в Ставке, в вагоне императрицы. После доклада государь позвал меня пить чай в своей семье.

Соколов. — Когда это было, тогда беседа шла на политические темы?

Протопопов. — Нет, просто пустяки.

Соколов. — Там было несколько лиц. Кого вы из лиц, живущих в Царском Селе, могли причислить к рангу близких лиц, как Воейков и Вырубова?

Протопопов. — Думаю, никого.

Соколов. — Больше никого, значит это были самые близкие люди?

Протопопов. — По-моему, да.

Соколов. — Вы сказали, что частью непосредственно императрице, частью Вырубовой направляли записки, беседовали о продовольственных вопросах, о физиократах, — как вы можете характеризовать политическую систему или программу императрицы во внутренних реформах?

Протопопов. — У нее не было, по-моему, программы, и вообще она касалась дел, но не брала их. Она вникала, давала какие-нибудь советы и указания.

Соколов. — Но каково было ее направление, симпатизировала она правым течениям русского общества или более либеральным?

Протопопов. — Скорее правым.

Соколов. — Так что правые деятели завоевали у нее большую симпатию?

Протопопов. — Я не могу этого сказать. Она сама по себе твердый, в смысле конституции, человек и если бы от нее зависело дать что-нибудь, например, конституцию, она ее бы соблюла, она заграничная женщина. Она очень хорошо говорит по-русски, по-английски тоже очень хорошо говорит, и эта складка английская у нее очень сильная.

Соколов. — Но по направлению более правая?

Протопопов. — Про нее англичане сказали бы: «very conservatory».

Председатель. — Истинно консервативный человек.

Соколов. — Вы сообщали о текущих событиях, о возможности народного движения. Не приходилось ли вам касаться причины этого движения, указывать, что общественная среда, народная среда, недовольна определенным направлением политической жизни и выставляет такие-то и такие-то требования?

Протопопов. — Я должен ответить совершенно откровенно, что я был убежден до сего времени и только в последнее время очевидность меня разубедила, что российская политика покоится

на экономике страны, — это было мое личное мнение. Я думал дать все, что нужно стране, для того, чтобы она существовала и достигала своего счастья. Достаток этот дал бы досуг, а досуг первый друг образования; политических задач, ясно созревших, по моему мнению, не было. Это было мое мнение. Конечно, был определенный строй в государстве — интеллигенция, которая жила известной мыслью, это я понимал, но чтобы весь народ был проникнут этой мыслью, я этого не думал.

Соколов. — Заходила ваша беседа о том, что следует или не следует уступать требованиям: ответственное министерство, дать политическую свободу?

Протопопов. — Совершенно верно, я думал, что теперь нужно итти только с Думой вместе.

Соколов. — А как думал император или молодая императрица?

Протопопов. — Император со мной согласился, что эта мысль недурная.

Соколов. — А соглашался, что остальным требованиям не нужно уступать?

Протопопов. — Говорил: «Пожалуй», — он никогда прямо не отвечал.

Соколов. — А императрица как держалась?

Протопопов. — Я с ней не говорил.

Соколов. — Вы знали, что готовится 14 февраля движение народных рабочих масс к Государственной Думе. Ведь вы сознавали, что это движение не экономическое, а политическое, движение не интеллигентных верхов общества, а движение рабочих масс. Как к этому движению относилась императрица в разговоре с вами?

Протопопов. — С ужасом. Она боялась этого, говорила: «О, что будет, о, что будет». Вот какое чувство было. А я, грешный человек, я так плохо разбирался во всем этом деле, что я теперь прямо изумляюсь, до какой степени я не понимал; в настроении Государственной Думы не разобрался совершенно, и теперь, сидя в этой камере, явилось такое чувство, что другие министры знали гораздо больше, чем я, и что я один был настолько недальновиден, что я этого не чувствовал и не понимал.

Соколов. — В разговоре с императрицей по поводу 14 февраля вам никогда не приходилось говорить, что может быть не столько надо заботиться о 12 тысячах войск, сколько издать государственный акт, направленный в сторону удовлетворения общественных требований?

Протопопов. — Это она понимала.

Соколов. — Она считала нужным это сделать?

Протопопов. — Она соглашалась с той реформой, о которой я всегда говорил. Столыпин когда-то говорил: «Сначала успокое-

ние, а потом реформы». Я говорил, что нужно успокоение и реформы вместе, и она соглашалась.

Соколов. — Вы говорите, что были недальновидны и близоруки. Значит, вы не придавали политического значения движению 14 февраля?

Протопопов. — Я должен был придавать потому, что итог получился критический, но мне казалось, что главный двигатель, это недостаток продовольствия.

Председатель. — Какие были ваши главнейшие реформы?

Протопопов. — По-моему, нужно было сделать ответственное министерство, начать сверху, а затем полное равноправие евреев, оно есть на бумаге, а потом мое письмо или, вернее, циркуляр, который уже исполняется в Москве. Затем, я думал, что обязательно нужно дать духовенству возможность жить не подачками, а обеспечить его.

Председатель. — Дать жалованье духовенству? Значит: судебная ответственность министров, расширение прав евреев и жалованье духовенству?

Протопопов. — Это ближайшее, но, конечно, земства, земства и земства.

Соколов. — Вы думали, что этими реформами можно было остановить движение 14 февраля?

Протопопов. — Ох, думал, что нет.

Соколов. — Значит, ваши мысли, связанные с движением 14 февраля, были только репрессивные.

Протопопов. — Нет, это политические.

Председатель. — Вы думали, что судебною ответственностью министров, расширением прав евреям, жалованьем духовенству, земством, вы думали, что этим не удовлетворишь народ?

Протопопов. — Нет, я так не думал, я плохо выразился. Мне казалось так, что если остановится это движение, смолкнет, сделается тише, в это время и давать то, что требуется что назрело.

Председатель. — Т.-е. то, что вы говорите.

Протопопов. — Да.

Соколов. — Значит, вы движение 14 февраля решили остановить только силой, ничем другим. Вы сказали, что в разговоре с государем и государыней раздавались такие опасения: «Что-то будет»...

Протопопов. — Я и сам говорил.

Соколов. — Раз вы против этого сильного значительного движения имели только силу, вы должны были предвидеть, что столкновение сильного народного движения с силой войска может привести к кровавому и жестокому побоищу?

Протопопов. — Конечно, это нужно было предвидеть.

Председатель. — Вы предвидели?

Протопопов. — Ведь был весь план разработан, насколько я понимаю. Я там никогда не был.

Соколов. — Насколько я усвоил ваше показание, вы говорили, что вам сообщали, что в народных массах ваше имя было окружено сильной нелюбовью.

Протопопов. — Рабочим я не верил.

Соколов. — А чему вы верили? Вам это передавали?

Протопопов. — Мне сказали это министры в день моего ухода.

Соколов. — Вы говорили, что когда вам сообщал департамент полиции о том, что готовится движение, то агенты Министерства Внутренних Дел указывали, что ваше имя окружено известной нелюбовью.

Протопопов. — Нет, извините.

Соколов. — Это я неверно понял. У вас не являлось такой мысли, что в числе других мер, которые могли бы ослабить силу народного движения, был бы ваш уход в отставку?

Протопопов. — Я это и государю сказал: «Государь, я чувствую, что я не могу быть полезным, потому что я заплеван», это буквальное выражение, которое я сказал.

Председатель. — Вы на 4-е место поставили земство. Вы сказали: «Земство, земство и земство». Как вы понимали это?

Протопопов. — Расширение средств земства, по-моему, применение того, что Дума разработала, изменение земского закона. То земство, которое сейчас есть, оно неудобно.

Председатель. — Нам интересно знать ваш взгляд на земскую реформу и ее пределы.

Протопопов. — Я бы пошел в тех рамках, какие предназначались Думой, т.-е. до 1/10 ценза.

Смиттен. — Пересмотр содержания полиции — при вас эта инициатива возникла?

Протопопов. — Нет, ей уже пять лет.

Председатель. — Но все-таки пять лет лежавший проект вы провели в жизнь.

Протопопов. — По 87-й статье.

Председатель. — Теперь относительно причин.

Протопопов. — Потому что были забастовки.

Родичев. — Известны ли были вам обстоятельства увольнения А. А. Хвостова?

Протопопов. — Нет, неизвестны.

Родичев. — Вступая на министерский пост по приглашению Штюрмера, вы не озаботились узнать, за что уволен А. А. Хвостов?

Протопопов. — С Хвостовым я виделся несколько раз.

Родичев. — Считали вы Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Я его не знал.

Родичев. — Когда вы перестали считать Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Я не могу сказать, разрешите мне несколько уклониться от этого ответа.

Родичев. — Вы выразились так, что «потом» перестали считать.

Протопопов. — Я не берусь его судить, я фактов никаких не имею.

Родичев. — Вы фактов никаких не знаете? А Манасевича-Мануйлова вы считали честным человеком?

Протопопов. — Определенным мерзавцем.

Родичев. — Вы знали о связи Манасевича-Мануйлова со Штюрмером?

Протопопов. — Определенно говорю — нет.

Родичев. — Позвольте спросить, когда вы узнали о связях Манасевича-Мануйлова со Штюрмером, вы не перестали считать Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Дело в том, что Штюрмер совершенно отрицает всякую связь.

Родичев. — Но ведь судебное разбирательство было и было прекращение дела Манасевича-Мануйлова. Вы знали об этом или нет?

Протопопов молчит, разводит руками.

Родичев. — Вы знали об уходе Макарова в отставку?

Протопопов. — Нет, я не знал; он ушел, когда я был болен.

Родичев. — А выздоровевши вы не узнали, что дело Манасевича-Мануйлова разбиралось. Вы узнали о нем? Вы и тут не перестали считать Штюрмера честным человеком?

Протопопов разводит руками.

Родичев. — Александра Федоровна и император тоже считали Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Они искренно считали, что это добрый старик.

Родичев. — Им была известна прежняя роль Штюрмера?

Протопопов. — Думаю нет.

Родичев. — После первого ноября продолжали считать честным человеком?

Протопопов. — Их мнение очень пошатнулось.

Родичев. — Скажите, после роспуска Думы, совершились крупные перемены, например, назначение 16 членов в Государственный Совет. Это назначение 16 членов состоялось с вашего ведома или без вашего ведома?

Протопопов. — При чем же я?

Родичев. — Как при чем? — это был акт сопротивления стране. Это акт уничтожения возможности тех законов, о которых вы проектировали.

Председатель. — Скажем, акт Совета Министров.

Протопопов. — Нет, нет, господа, извините.

Родичев. — Значит, министерство и вы не знали о предположениях...

Протопопов. — Это государь назначает. Я определенно не знаю. Я просил только за Куколя.

Родичев. — Почему вы не возвестили о ваших реформах, о которых вы так теперь рассказываете?

Протопопов. — Как не возвестил?

Родичев. — О еврейской реформе, вы возвестили? Когда Думу открыли, Штюрмер мог заявить о вашей программе.

Протопопов. — Он про это не знал.

Родичев. — Не знал, это секрет? Как рассчитали проводить программу, например, освобождение евреев, тогда как назначали таких людей, как Чаплинский в Государственный Совет?

Протопопов. — Позвольте вам доложить, что я не так хотел провести, я хотел провести через Совет Министров.

Родичев. — По 87-й статье?

Протопопов. — Хотя бы и по 87-й статье.

Родичев. — Довольно.

Протопопов. — Хотя бы по 87-й статье и, конечно, законодательным порядком, а не обыкновенным, — это есть 87-я статья, в зависимости, конечно, от положения.

Председатель. — Скажите, за время вашей болезни, вы сохраняли общее руководство министерством?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Значит, не так были больны, чтобы не руководить.

Протопопов. — Нет, я не так был болен, я просто отошел от дела.

Председатель. — Это не была болезнь физическая?

Протопопов. — Нет, она была физическая.

Председатель. — Но вы в состоянии были заниматься общим делом? Вы не знали об уходе министра Макарова?

Протопопов. — Как не знал, конечно, знал.

Председатель. — Вы не знали о причинах ухода?

Протопопов. — Слышал, что он поехал с Треповым в Ставку; были ультимативные требования.

Председатель. — Какие?

Протопопов. — Чтобы пять или шесть министров уволить.

Председатель. — Т.-е. ультимативные требования чьи?

Протопопов. — Трепов и Макаров вместе поехали.

Председатель. — Они поехали в Ставку, и у обоих были ультимативные требования. Значит Макаров ушел, а Трепов остался.

Протопопов. — Они вместе ушли.

Соколов. — А вы не знаете, что в числе этих ультимативных требований была и ваша отставка?

Протопопов. — Знаю, я сам лично с ней ездил в Ставку. После этого у меня с Треповым был разговор.

Соколов. — Какой разговор?

Протопопов. — Он говорил разные любезности. Говорил: «Александр Дмитриевич, мне бы хотелось, чтобы вы ушли в отставку, вы мне мешаете».

Председатель. — Какие 50.000 тысяч вы получили от директора Соединенного банка?

Протопопов. — Под мой вексель. Я выдал векселя, они находятся налицо.

Председатель. — Это было до вашего ареста?

Протопопов. — Я сто тысяч подписал на муку и выдал бланк на покупку муки для лавок общества борьбы с дороговизной, и так как муки было мало, а заведующий этим делом мог купить быстро и может быть даже по повышенным ценам, тогда я ему эти деньги и финансировал.

Председатель. — Вы финансировали эти деньги, как А. Д. Протопопов или как министр внутренних дел?

Протопопов. — Меня просили подписать — «Министр внутренних дел А. Протопопов». Бурдуков достал эти деньги и так просили подписать. Я спросил государя, могу ли я так подписать, и он разрешил. Это есть заемное письмо.

Председатель. — Значит, вы у государя спрашивали, можно ли подписаться «Министр внутренних дел А. Протопопов» на заемном письме в сто тысяч? К чему вы это спрашивали?

Протопопов. — Я ему рассказал, что нужны деньги на такую-то вещь и что для скорости разрешите мне это подписать.

Председатель. — Я что-то совершенно ничего не понимаю; что же в государственном казначействе нет денег?

Протопопов. — Страшно долго доставать, а потом — это безопасно потому, что это вернется.

Председатель.—Значит, вы государю императору докладывали о необходимости достать деньги в Москве в Соединенном банке.

Протопопов. — Нет, это особая статья. Это здесь в Петрограде.

Председатель. — Значит, вам нужно сто тысяч на муку и вам долго достать из казначейства, поэтому вы даете вексель банкиру и спрашиваете, можно ли вам подписаться, как министру внутренних дел. Это для ста тысяч?

Протопопов. — Да.

Председатель. — А пятьдесят тысяч?

Протопопов. — Это мой личный вексельный банк «en blanc».

Председатель. — Значит, эти пятьдесят тысяч вы взяли под ваш бланк?

Протопопов. — Под мой вексель.

Председатель. — Какое же значение имеет вексель в сто тысяч?

Протопопов.—Эти деньги получены и отданы на покупку муки.

Председатель. — Вы достали и пятьдесят и сто тысяч. Сто тысяч у директора Соединенного банка?

Протопопов. — Первые через Бурдукова.

Председатель. — У кого?

Протопопов. — У Мануса.

Председатель. — Вы достали деньги, испросив на то разрешение государя императора?

Протопопов. — Позвольте доложить, что государю я не докладывал так подробно, как вам говорю. Я сказал, что нужны деньги на покупку муки и что я думаю, что банк потребует, чтобы я подписал, как министр, будет больше ручательства, и что могу ли я это сделать? Он посмотрел на меня и сказал — «Как вы думаете?» Я говорю — «Думаю, могу». — «Ну что же».— Вот собственно, как дело было.

Председатель. — Куда же вы эти деньги внесли?

Протопопов. — Они переданы заведующему торговой частью Кушнырь-Кушныреву, который ведает делами общества.

Председатель. — Значит, вы передали Кушнырь-Кушныреву как министр внутренних дел и получили расписку?

Протопопов. — Несомненно, получил расписку.

Председатель. — Где эта расписка?

Протопопов. — Я думаю, что она у Бурдукова, который тоже состоит при Министерстве Внутренних Дел.

Председатель. — Вы подписали?

Протопопов. — Бурдуков все дело делал, но я не успел взять расписки.

Председатель. — Значит, не вы внесли Кушнырь-Кушныреву, а вы только распорядились, чтобы внесли.

Протопопов. — Это было так недавно, я не мог узнать после.

Председатель. — Кушнырь-Кушнырев, это распорядитель, как вы говорите. . .

Протопопов. — Общества борьбы с дороговизной.

Председатель. — Одним словом, он имеет отношение к обществу борьбы с дороговизной?

Протопопов. — Если вы его спросите, он вам доставит расписку, это человек известный.

Председатель. — Как зовут Бурдукова?

Протопопов. — Николай Федорович. Это общество уже существовало, не я его завел, оно существовало на заемные деньги.

Председатель. — Это частное общество или официальное?

Протопопов. — Частное.

Председатель. — Почему же у министра внутренних дел возникает разговор с государем?

Протопопов. — Потому что этим обществом содержится 16 лавок, и очень жалко, что 16, лучше было бы 116, это было бы очень полезно.

Соколов. — У Бурдукова какое положение?

Протопопов. — Он шталмейстер, состоит при Министерстве Внутренних Дел.

Председатель. — Состоит при Министерстве Внутренних Дел?

Соколов. — Посещал он Бадмаева?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — В каких он отношениях с Андрониковым.

Протопопов. — Терпеть друг друга не могут.

Соколов. — Бурдуков имел сношения с Распутиным?

Протопопов. — Да, конечно.

Соколов. — Почему вы думаете, что конечно?

Протопопов. — Потому что я знал.

Соколов. — Какие у них отношения с Распутиным?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Распутин у него бывал и он у Распутина?

Протопопов. — Я думаю и так и сяк.

Соколов. — Манус близкий человек Бурдукова?

Протопопов. — Думаю, да. — Я Мануса видел один раз у него и затем один раз он ко мне приходил.

Соколов. — По какому делу он у вас был?

Протопопов. — Он приехал вечером ко мне, потому что днем я был занят; у него были разного рода финансовые планы, он говорил, говорил без конца.

Соколов. — Вы, кажется, знакомы были с Дмитрием Рубинштейном?

Протопопов. — Я его знал, но не был знаком.

Соколов. — Не бывали?

Протопопов. — Не бывал.

Соколов. — Вы знаете, что Манус и Рубинштейн в финансовом мире были соперниками?

Протопопов. — Они друг друга не долюбливали.

Соколов. — А Манус с Рубинштейном знакомы были?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Если Бурдуков был близок с Распутиным и знаком вместе с тем с Манусом, не мог ли он, враждебно относясь к Рубинштейну, использовать свое влияние на Распутина для борьбы с Рубинштейном?

Протопопов. — Я не думаю, вряд ли он имел влияние на Распутина, напротив, он, кажется, хорошо относился к Рубинштейну.

Соколов. — Он бывал у него?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Может быть обратно: Рубинштейн мог использовать влияние на Распутина для борьбы с Манусом.

Протопопов. — Я не знаю.

Родичев. — Манус не был произведен в действительные статские советники при вас?

Протопопов. — При мне не был, но я слышал об этом.

Родичев. — А не слыхали ли вы, что здесь было влияние Распутина.

Протопопов. — Я не слыхал, но допускаю.

Родичев. — Манус был тот человек, за которого Распутин был способен хлопотать, чтобы его произвели в статские советники?

Протопопов. — Я мало его знаю.

Председатель. — Вам неизвестно, кем основано общество борьбы с дороговизной, когда и кем?

Протопопов. — Кажется, при Хвостове.

Родичев. — При открытии этого общества была произнесена речь Степановой-Дезобри о том, что война нужна богачам Гучкову и Коновалову, а рабочим не нужна. Такого обстоятельства вы не помните?

Протопопов. — Господи Иисусе, где это было?

Родичев. — Это было при Хвостове, председательствовавшем на открытии этого общества, которому вы сто тысяч передали: Степанова-Дезобри произнесла эту речь.

Протопопов. — Ведь эту лавку очень любят рабочие.

Председатель. — Лавку-то любят, а какая цель у общества?

Протопопов. — Давать продукты дешевле.

Смиттен. — Вы говорите дешевле давать продукты, а перед тем вы говорили, что сто тысяч дали, цель этого заключалась в том, чтобы достать хлеб по какой угодно, хотя бы по повышенной цене. Какую роль Бурдуков играл. Почему через Бурдукова производили эту операцию.

Протопопов. — Потому что он часто ко мне ездил. Он кавалерийского училища.

Смиттен. — Это было ваше поручение Бурдукову — операция с лавками?

Протопопов. — Нет, простите, я поручил ему взять сто тысяч в банке.

Смиттен. — Это поручили вы ему устроить.

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А что, Бурдуков, как шталмейстер, не мог бы исходатайствовать всеподданнейший доклад для того, чтобы ходатайствовать об этом.

Протопопов. — Никоим образом.

Смиттен. — Не казался ли вам исключительным такой случай, чтобы вы из-за 16-ти лавок представляли бы всеподданнейший доклад.

Протопопов. — Это не всеподданнейший доклад, а просто доклад государю.

Председатель. — Но всеподданнейший доклад все-таки. Господа, я думаю, что мы вероятно утомили вас. Значит, мы сделаем теперь перерыв.

Протопопов. — В чем не так ответил, прошу извинить меня, во всяком случае прошу быть снисходительными, потому что я плохо соображаю. Вы понимаете, что, когда месяц просидишь в этой камере, больной. . . Покорнейше прошу меня извинить.

IV.

ДОПРОС ген. С. С. ХАБАЛОВА

22 марта 1917 г.

Содержание: Первые распоряжения Хабалова 23 и 24 февраля. План охраны города. Генерал Чебыкин и полковник Павленков. Меры по снабжению столицы хлебом. Обыски и аресты. Арест рабочей группы военно-промышленного комитета. Военные меры. 25 февраля. Эпизод на Трубочном заводе. Стрельба учебной команды у Думской часовни на Невском. Телеграмма Николая II: «Завтра же прекратить». Собрание начальников частей 25 февраля вечером. Заседание Совета Министров в ночь с 25 на 26 февраля. Мнения о способе подавления беспорядков. Глобачев об аресте двух членов рабочей группы П. П. К. 26 февраля. 4-я рота Павловского полка. Телеграмма Хабалова царю. Смещение Хабалова. Назначение генерала Иванова. 27 февраля. Распоряжение о стрельбе. Волынский полк. Преображенцы и литовцы. Отряд под начальством полковника Кутепова. Поджог окружного суда. Расчет на семеновцев, измайловцев и егерей. Резерв под начальством полковника Аргутинского-Долгорукова. Попытка достать патроны. Вечер 27 февраля и ночь на 28-е. Тщетное обращение за помощью в Кронштадт. Сообщение о приезде генерала Иванова с войсками. Присоединение к правительственным войскам Павловского полка. Колеблющееся настроение резерва на площади Зимнего дворца. Переход от нападения к обороне. Последние ресурсы старой власти. Роль Занкевича, Хабалова и Беляева. Поиски «последнего убежища». Переход в Адмиралтейство в ночь на 28 февраля. Вторник 28 февраля. Решение разойтись, сложив оружие. Арест Хабалова и Протопопова. Вопрос о пулеметах. О заседании Совета Министров 27 февраля. Совет воспользовался броневыми автомобилями, По совету Протопопова, расклеены печатные объявления, что хлеб имеется. Объявление о том, что по болезни Протопопова его замещает товарищ. Начало волнений на Нарвском тракте и на Выборгской стороне. Телефонный разговор Родзянко с Хабаловым. Совещания о предстоящих беспорядках. Павленков, Чебыкин. Контр-разведка в петроградском округе. Соколов, Якубов. Организация воздушной обороны.

Председатель. — Я должен вас ознакомить с тем, что вы находитесь перед лицом Чрезвычайной, — по первоначальному наименованию Верховной Следственной Комиссии, которая учреждена актом временного правительства для рассмотрения противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляю-

щих и других высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств. К этой Комиссии перешли права первого департамента Государственного Совета, при рассмотрении объяснений от высших должностных лиц. Таким образом, вам не только принадлежит право давать те показания, которые вы имеете здесь дать, но это составляет и вашу обязанность — дать объяснения по вопросам, которыми Комиссия интересуется. Вы изволили понять?

Хабалов. — Да.

Председатель. — Будьте добры дать эти объяснения. В изложении ваших показаний вам предоставлена свобода. . . Но, в интересах сохранения вашего и нашего времени, я просил бы вас держаться некоторого определенного плана и осветить в известном порядке вопросы, которые нас интересуют. Вы, впоследствии, будете допрошены судебным следователем. Теперь же перед Комиссией стоит вопрос о вашей роли, как начальника военного округа, командовавшего войсками округа, в 20-х числах февраля. Ваши объяснения должны коснуться тех мер, которые вы приняли, в связи с возникавшим народным движением. Будьте добры сегодня, в этих пределах, дать ваше объяснение. При этом нас интересуют не только ваши действия, но и действия ваших должностных лиц, с которыми вы за это время соприкасались. Весьма возможно, что известные действия должны быть приписаны не вам, а какому-либо другому высшему должностному лицу. . . Так как нас интересует истина, будьте добры дать объяснения в полном объеме.

Хабалов. — Возникшие с 23 февраля в городе волнения имели своим первоначальным источником недостаток хлеба. Эти волнения выразились в скопищах на улицах, и первоначально, в первый день, за исключением одного эпизода, где были красные флаги с революционными надписями — по Нарвскому тракту при пересечении с Балтийской ж. д. — носили характер скоплений на улицах толпы, которая кричала: «хлеба!!!» Впоследствии этот характер уже видоизменился: появилось большое количество флагов с надписями: «долой самодержавие!», «долой войну!» и аналогичными в этом стиле. . . А в самый последний день, 25-го февраля — и это был третий день — со стороны толпы были уже отдельные случаи нападения на войска. Видели бросание на Невском ручной гранаты, затем, петарды были брошены вслед жандармскому взводу. Затем было бросание бутылками и еще какими-то предметами в роты лейб-гвардии третьего стрелкового полка; была, наконец, стрельба из револьверов в разных местах, в том числе у часовни Гостиного двора — в 9-й резервный запасный кавалерийский полк. . . Поэтому первые мои меры заключались в распоряжении о том, чтобы толпа не была допускаема собираться, и это должно быть исполняемо по плану, заранее выработанному и не

впервые уже применяемому. Дело в том, что весь город, на этот случай был разделен на участки, соответствующие числу запасных батальонов... Всей охраной города ведал начальник запасных гвардейских батальонов генерал Чебыкин; но он был в это время болен и был в отпуску: его заменял помощник его, — полковник л.-гв. Преображенского полка Павленков... Эта охрана города, на случай народных волнений и беспорядков, в каждом районе осуществлялась таким образом, что части войск данного района, т.-е. соответствующего запасного батальона, занимали каждая — определенное здание, имеющее общественное значение: банки, дворцы и т. п. здания. В каждом из них ставился караул, а затем часть оставалась в виде резерва и должна была направляться туда, где этого потребуют обстоятельства. Желая в эти первые дни избежать какого-либо кровопролития, приказано было толпу, если она собирается и по требованию не расходится, разгонять кавалерией, что и было возложено на части двух казачьих полков, девятого запасного кавалерийского полка, который тоже здесь стоит,— на жандармов и, затем, на те конные части, которые здесь были. Все это касается того, как разгонять толпу на улицах, чтобы не было беспорядков... Но это — во-вторых. А во-первых, я постарался принять меры к тому, чтобы увеличить количество печеного хлеба. Для этого мною были приглашены 24-го — даже раньше, 23-го, пекаря, и я излагал им, что волнения не столько вызывались недостатком хлеба, сколько были волнением провокационным... За некоторое время перед этим у меня были городской голова и градоначальник, который тогда еще был уполномоченным по продовольствию. Это было за несколько дней до волнений, я думаю — за неделю...

Председатель. — Градоначальник Балк?

Хабалов. — Да, Балк и городской голова Лелянов... Разговаривали об упорядочении дела продовольствия в столице: я указывал, что пора бы городу взять это дело в свои руки, что надлежало бы ему упорядочить вопрос о выдаче муки и наблюдать за тем, как эта мука используется... Городской голова этому сочувствовал, и вслед за тем было собрание, как известно, — в городской думе, которое выработало проект карточек. Когда появилось в печати о карточках, то сразу, как мне об этом известно из доклада, в рабочей среде заволновались, считая, что по одному фунту на человека — мало и что поэтому надо запасаться... И в эти дни, перед 23-м февраля, усиленно закупали хлеб и из него выпекали сухари. Вот почему в объявлении, которое, с целью успокоения от моего имени, помещено в газетах, было сказано, что хлеба у нас хватит, что мука подвозится, — она действительно в последние дни стала подвозиться — и что, таким образом, беспокоиться нечего... На следующий день, 24-го, ко мне в штаб округа явилась депутация от общества пекарей из здешних мелоч-

ных лавочников. Они говорили: «Вот, по вашему объявлению, теперь все на нас обрушиваются: говорят, что мы не печем, что мы куда-то муку прячем, мы воруем, вот пожалуйста!». . . На это я просил депутатов высказать, чем они объясняют недостаток хлеба. «Мало,—говорят,—нам муки дают. Дают нам 30.000, а нам нужно плохо 50.000».—Я говорю на это, что 50.000 пудов давным-давно не выдавали и, при всем желании, выдать невозможно, потому что нет муки столько. . . — «Ну,—говорят,—если бы хоть 35.000: мы бы справились! У нас, кроме того, горе не в том заключается, что муки мало, а в том, что у нас рабочих мало, пекарей мало. . . Пекаря все забраны на военную службу. Мы подали прошение о том, чтобы пекарей освободили, потому что с теми, которые остались, сладу нет, не работают, пьянствуют, никак не заставить работать». . . Эта просьба их, действительно, пришла в штаб. Я приказал немедленно прошение это — об освобождении 1500 человек — переслать в главное управление генерального штаба, в отдел по отсрочкам, — с просьбой возможно скорейшим образом удовлетворить. . . Затем дальше, ко мне является депутация от общества фабрикантов, которое как раз ведает продовольствием фабрик: в это общество входят почти все фабрики. Они опять таки обратились с просьбой усилить отпуск муки и, если можно, дать ее от интендантства. Тогда я приказал окружному интенданту все количество хлеба, какое возможно, дать из полковых хлебопекарен и полковых частей войск. Однако, по выяснении вопроса о том, что можно дать из войсковых частей, оказалось, что они не в состоянии дать чего-нибудь существенного, ибо некоторые из них в огромном составе: на довольствии у них состоит около 18.000 нижних чинов, и у них остались те же печи, какие были в мирное время в казармах. . . Выяснилось, что от всех запасных частей, в Петрограде стоящих, можно дать каких-нибудь 100 или 200 пудов. . . Это выходит — не стоит шкурка выделки! . . Но, тем не менее, я приказал интенданту непременнейшим образом изыскать средства, чтобы из военных запасов дать что-нибудь, главным образом, на фабрики и заводы, именно—обществу фабрикантов. . . Интендант доложил, что положение таково: в первый день можно дать 600 пудов, следующие дни будут давать по 1.000 пудов. Затем, далее, он передает обществу фабрикантов одну из пекарен, законтрактованную военным ведомством, а именно интендантством, с тем, что она будет работать уже не на интендантство, а на фабрикантов и заводчиков, для удовлетворения рабочих. . . Эта пекарня могла дать до 2.000 пудов. Следовательно, от интендантства можно было ожидать до 3.000 пудов хлеба для фабрик.

Председатель. — В день?

Хабалов. — В день. Затем, я настоятельно потребовал от Вейса, чтобы он усилил отпуск муки и чтобы увеличил его не

только до 3.000 — 5.000 пудов, но довел бы до 10.000. Вейс возражал мне, что неосторожно увеличивать этот расход, ибо муки, вообще говоря, немного. К числу 23-му запасы муки, как у города, так и у уполномоченного, определялись в 500.000 пудов. Это, при отпуске около 35.000 пудов... виноват: при отпуске в 40.000 пудов, — выходило, что-то такое, дней на 10, на 12... Виноват, стало быть, я от Вейса требовал, чтобы он увеличил отпуск муки, при чем довел бы его до 40.000 пудов. Вейс говорил, что считает, что нужно быть осторожным, что нельзя расходовать широко. Он указывал, что, в сущности говоря, в пекарнях есть мука. Он докладывал, что 23 числа он лично объехал Большой Сампсониевский пр. и осмотрел подряд пять лавок: оказалось, что мука во всех лавках была, при чем в одной из них имелись запасы приблизительно на пять дней, судя по той работе, которую эта пекарня может выполнять. В других пекарнях имелось запасов еще больше, а в одной из них—почти на десять дней. Поэтому он объяснил, что, сколько вы ни отпускайте, они не перепекут всего в хлеб, так как делают себе запасы... Я послал генерала, состоящего при мне для поручений, генерала Перцова, осмотреть пекарни по Гороховой, чтобы проверить слова Вейса; так это, или не так?.. Генерал Перцов проверил и доложил, что он действительно заходил в две или три лавки и что в них мука тоже оказалась. Так что, кажется, не недостаток муки был виною тому, что хлеба мало. Надо сказать, что 24-го, кажется, я у себя на квартире созвал: городского голову Лелянова, кажется, его помощника — Лелянова, если не ошибаюсь; затем — Вейса, затем...

Председатель. — Какую должность занимал Вейс?

Хабалов. — Он уполномоченный по Петрограду.

Председатель. — Кроме Вейса, позвали кого еще?..

Хабалов. — Кажется, городской голова и Демкин, а затем там были полициймейстер, начальник охраны...

Председатель. — Какой полициймейстер?

Хабалов. — Балк, т.-е. виноват — градоначальник...

Председатель. — А начальник охраны кто?

Хабалов. — Павленков—начальник войсковой охраны города, т.-е. командующий теми войсками, которые выступают в случае беспорядков, например, народных волнений. Затем был Глобачев, еще — начальник штаба, и, позвольте...

Председатель. — А от департамента полиции?

Хабалов. — Может быть, Васильев, — не ручаюсь... Затем, позвольте: не было ли министра Протопопова?..

Председатель. — Так, пожалуйста, вспомните — относительно Васильева и Протопопова...

Хабалов. — Я не могу поручиться: может быть, были, а может быть, нет...

Председатель. — У вас протокол этого совещания составлен?

Хабалов. — Нет, не составлен.

Председатель. — Генерал, напрягите свою память. Ведь это совещание исключительной важности... Может быть, вы припомните. Притом Протопопов довольно крупная фигура...

Хабалов. — Совершенно верно. Но вы меня извините: память у меня плохо работает, — я не могу сказать... И не потому, что я желал бы скрыть и не сказать правду: я ручаюсь, что я желаю сказать всю правду, какую только могу сказать... Но если я скажу: «наверное был Протопопов» — это не будет верно... Хотя — весьма вероятно, что он был...

Иванов. — А когда это было?

Хабалов. — Это было 24-го.

Председатель. — Вы определили состав совещания? Будьте добры перейти к вопросу о том, о чем вы совещались, в интересующем нас направлении. Все, о чем вы говорили, ближайшим образом относится к событиям, нас интересующим. Вы совершенно правильно ведете свой рассказ... Один маленький вопрос о личном составе: был у вас генерал Гордон?

Хабалов. — Понятия не имею об этом генерале! Дело в том, что меня уже спрашивали о нем очень усиленно, — спрашивал министр юстиции Керенский. Но я решительно о нем понятия не имею. Может быть и видел, — Аллах его ведает!..

Председатель. — Кроме Глобачева, был ли еще какой-нибудь жандармский генерал?

Хабалов. — Безусловно, был жандармский генерал Клыков.

Председатель. — Какой Клыков?

Хабалов. — Начальник жандармского отделения; но на этом совещании он не был.

Председатель. — Вы знаете в лицо генерала Курлова?

Хабалов. — Знаю.

Председатель. — Не было его на этом совещании?

Хабалов. — Нет.

Председатель. — Вы это хорошо помните?

Хабалов. — Он мне не был нужен, так зачем же ему было присутствовать?

Председатель. — Но, может быть, вы ему были нужны?

Хабалов. — Нет, зачем же?

Апушкин. — Лица, которых вы назвали, участвовали в заседании по вашему вызову; а сами они не могли приехать?

Хабалов. — Нет, так как я их созывал...

Апушкин. — Разве генерал Курлов не мог приехать, если бы того пожелал?

Хабалов. — Нет, не мог.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте...

Хабалов. — Здесь, изволите ли видеть, обсуждался вопрос о мерах прекращения этих беспорядков... Меры эти слагались

из нижеследующего: во-первых, надо дать хлеба и увеличить его количество не одним только усилением отпуска муки, потому что этим способом, как выяснилось из предшествующих сообщений Вейса и Перцова, нельзя достигнуть увеличеиня печеного хлеба. Ведь говорят, что мука не перепекается, прячется про запас, если же перепекается — в хлеб для лошадей или продается в уезд, потому что в уезде она стала втрое дороже, чем в городе... Следовательно, надо было принять меры к тому, чтобы вся полученная мука перепекалась в хлеб, чтобы ежедневному отпуску муки соответствовало количество выпеченного хлеба; надо было наблюсти за тем, чтобы каждый получал столько муки, сколько он в состоянии выпечь. Я и раньше предлагал городскому голове Лелянову, и здесь подчеркнул ему настойчиво: «Вы там вырабатывайте ваши планы продовольствия населения, какие вам нужны, — это вещь сложная... Но теперь, сейчас же привлекайте к надзору за вашими пекарнями тех, кто у вас есть под рукой! У вас есть попечительства о бедных, торговые попечительства, санитарные попечительства, — словом, у вас есть известный персонал, состоящий на городской службе, который сейчас же, сию минуту возьмет на себя эти обязанности, обязанности надзора за тем, кто сколько получил муки, кто сколько израсходовал и т. д...» Я даже посоветовал завести тетрадочки, где на одной странице была бы записана ежедневная выдача муки, а на другой,— расход ее на хлеб выпеченный и где, кроме того, указано, сколько выпеченного хлеба поступает в продажу. Пускай пока проверяют, записывают; что дальше будет — неизвестно... По вопросу, о том, чтобы увеличить количество выпеченного хлеба, я несколько раз обращался к Вейсу лично по телефону с просьбой, чтобы он выдал муки, или прямо вызывал его к себе...

Затем, вот другие меры: так как усматривалось, что выступление толпы, несомненно, инспирируется кем-то (и что инспирируется оно, по моему мнению, революционерами), то начальником охранного отделения доложено было, что им намечены уже революционеры, которые это дело инспирируют, и что предположено произвести обыск в ночь с 24-го на 25-е и арестовать. По его словам, между прочим назначено было собрание, кажется в бывшем помещении рабочей группы военно-промышленного комитета, где они должны были собираться под предлогом, якобы, обсуждения вопроса о продовольствии, но в существе дела для обсуждения вопроса об организации беспорядков... Начальник охранного отделения Глобачев испрашивал разрешение произвести обыски и аресты, что мною и было разрешено. Наконец, третий вопрос был о военных мерах, которые надо принять во время беспорядков. Так как указывалось, что казаки I Донского полка очень плохо разгоняли толпу, атаковали вяло, т.-е. подойдут к толпе и остановятся, вместо того, чтобы гнать... что у них не оказыва-

лось нужных в данном случае нагаек, то мною были приняты меры, чтобы усилить состав кавалерийских частей и была вызвана из Кречевицких казарм часть запасного кавалерийского полка.

Повторяю опять таки, я усиленно не желал прибегать к стрельбе: желательно было обойтись без стрельбы... Должен сказать, что в первые дни, 23 и 24 числа, толпа свирепо расправлялись с полицейскими, которые разгоняли: один полицейский Василеостровской части, Шалфеев, был избит вдребезги (у него переломаны были руки), затем, еще несколько человек, — так что всех было 28... Но на войска нападения не было: даже были случаи, когда толпа на Невском встречала казаков криками «ура»... Это было на 25-е число. А 25-го произошло нижеследующее: толпа на Невском была гораздо больше, чем в предшествующие дни, и с утра, как я докладывал, появились красные флаги с революционными надписями. На Знаменской площади, местный пристав Крылов, поднявший руку, чтобы отнять флаг и арестовать флагоносца, был убит. Затем мне докладывали, сначала Балк, а потом по телефону жандармский ротмистр, что взвод жандармов, разгонявший...

Председатель. — Какой жандармский ротмистр?

Хабалов. — Виноват: фамилии его я, к сожалению, не помню; словом, они сообщили мне об инциденте, который произошел между Аничкиным мостом и Литейным.

Председатель. — Будьте добры сказать, этот жандармский ротмистр служил в охране, или же в полиции?

Хабалов. — В жандармском полицейском дивизионе, в конном взводе. Он доложил, что бросали ручные гранаты, петарды, которыми ранили жандармов... Виноват: еще утром, произошел другой инцидент. Нужно сказать, что по расписанию, о котором я докладывал, на все заводы были назначены войсковые части, где — рота, где — полурота — для предупреждения возникновения беспорядка на самом заводе... На Трубочном заводе, на Васильевском острове — это казенный завод артиллерийского ведомства, — рабочие с утра стали выходить бастовать. При чем, как мне сообщали, делалось это недружно: одни мастерские бастовали, другие не желали бастовать... Подпоручик Иосса (я за фамилию не отвечаю, но кажется так), командовавший ротой Финляндского полка, занимавшей этот завод, вывел ее вооруженную; тогда к нему подскочил один из рабочих и стал угрожать кулаком перед его носом и осыпать ругательствами. Тот выхватил револьвер и уложил его на месте... Это произвело такой эффект, что моментально толпа разбежалась, и беспорядки кончились. Этот инцидент со стрельбой и убийством рабочего произошел помимо распоряжения начальства, а просто потому, что, когда револьвер заряжен, — этакий случай всегда может быть!.. Затем, к вечеру уже... Я боюсь напутать: да, к вечеру, часам, должно быть,

к 8, — произошел еще случай на Невском проспекте. Учебная команда 9-го запасного кавалерийского полка, которая целый день разгоняла толпу на Невском и рассеивала ее в конном строю, без употребления оружия, — возвращаясь, после такой атаки, подверглась нападению со стороны толпы у Гостиного Двора, у часовни. Нападение выразилось в форме нескольких револьверных выстрелов из толпы, стоявшей у часовни, при чем одним из таких выстрелов был ранен в голову рядовой. Тогда начальник команды остановил ее, спешил, и открыл огонь по толпе: этим огнем было убито трое, и девять ранено... Сначало было известно, что трое убито, потом же оказалось, что больше... Это было как раз часов около 9... Нужно сказать, что в этот день я весь день был в квартире градоначальника, потому что тут же находились и начальник охраны, и распоряжавшийся войсками подполковниик Павленков. И туда являюсь очень много народа: там была порядочная суматоха и теснота, потому что все являлись туда, кто охраны просить, кто за сведениями... Раздавались звонки от военного министра и других. Опять таки, я извиняюсь, если я говорю не последовательно... Трудно изложить это так объективно...

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте...

Хабалов. — Затем, около девяти часов я получил телеграмму за подписью его императорского величества: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Председатель.—Где находится теперь эта телеграмма, генерал?

Хабалов. — Не могу вам сказать, потому что я ее передал начальнику штаба... Может быть, начальник штаба мне ее и вернул, но я не помню... Я доложу вам дальше. Эта телеграмма, как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «завтра же»... государь повелевает прекратить, во что бы то ни стало... Что я буду делать? как мне прекратить? Когда говорили: «хлеба дать»,—дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись «долой самодержавие», — какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? — Царь велел: стрелять надо... Я убит был — положительно убит! — Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату... Нужно сказать, что каждый вечер собирались все начальники участков военной охраны, докладывали, что происходило в течение дня, и затем выясняли, что делать на завтра... И тогда к 10 часам должны были собраться начальники участков, командиры запасных батальонов для выслушания распоряжений на завтрашний день.

Председатель. — Это было 25-го февраля?

Хабалов. — Совершенно верно. Как раз через час после получения этой телеграммы они должны были собраться. Когда они

собрались, я прочел им телеграмму, так что телеграмма эта мною была оглашена, и ее видели другие члены совещания.

Председатель. — Вы сейчас нам точно передали текст этой телеграммы?

Хабалов. — Я думаю — точно... Позвольте повторить еще раз: «Повелеваю завтра же прекратить беспорядки в столице, недопустимые во время тяжелой войны с Германией и Австрией. Николай».

Председатель. — Скажите, генерал, эта телеграмма была передана по телеграфу или по радио-телеграфу?

Хабалов. — По телеграфу; она была, очевидно, по прямому проводу из Ставки...

Председатель. — Вы не знаете, где был приемный аппарат этого прямого провода?

Хабалов. — Я думаю, что он был в главном штабе, потому что ее мне принесли или из главного штаба, или из генерального штаба...

Председатель. — Значит и тут и там были приемные провода?

Хабалов. — Прямые провода были и из морского штаба и из главного управления генерального штаба. Очевидно, по прямому проводу была передана телеграмма...

Председатель. — Значит, это не была радио-телеграмма?

Хабалов.— Нет, нет! Она напечатана на Юзе, а на Юзе есть прямые провода...

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте...

Хабалов. — Я тогда объявил: «Господа! государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено... Поэтому, если толпа малая, если она не аггрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд, — пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа аггрессивная, с флагами, то действуйте по уставу, т.-е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала—открывайте огонь»... Как доказательство моего состояния нервного сообщу вот что. Это меня нисколько не оправдывает, потому что, в моем положении, нервы должны быть железные, и терять голову никогда не нужно, следовательно, это не извинение, а только объяснение... Вечером ко мне обращается городской голова и говорит, что он, наконец, придумал какой-то проект распределения хлеба. Нужно сказать, что в этот день ко мне заезжал министр внутренних дел Протопопов...

Председатель. — 25-го?

Хабалов. — Да, может быть и 25-го,—он несколько раз приезжал... Вероятно, это было 25-го... Вероятно, он приехал в дом градоначальника, и тут что-то такое сказал: «Там, город, выдумал какой-то проект заведывания продовольствием, но это — непра-

вильная огранизация, это революционный проект»... Хотя, толком он ничего не сказал — что там такое? Я же этого проекта раньше не видал... Так вот: звонит городской голова и говорит, что выработан проект. А я ему отвечаю: «Вы выдумали какой-то незаконный проект, который совершенно не согласен с городовым положением: я не могу на это согласиться». Он говорит: «Что мне с ним делать?» «Делайте, — что хотите!» — вот мой ответ, показывающий, мне кажется, что у человека голова была не в порядке... Затем, в этот же вечер меня пригласили на заседание Совета Министров. Я явился в это заседание, оно происходило на квартире у председателя Совета Министров. Там, вначале, помню, что председатель Совета Министров... что-то такое говорил.. дай бог памяти! — надо вспомнить... Трудно сказать: так в этом заседании скользили мысли, бросались с одного предмета на другой!.. Сначала шел разговор о том, почему арестовали двух рабочих депутатов, которые незадолго перед тем выпустили воззвание с приглашением бастовать...

Председатель. — Это было 25-го или 26-го?

Хабалов. — Виноват: это было на 26-е... Заседание Совета Министров началось, я думаю, часов в 12 ночи.

Председатель. — На понедельник или на воскресенье?

Хабалов. — На воскресенье... То ночное заседание, о котором я вам доложил, происходило в тот самый вечер, когда я получил телеграмму.

Председатель. — Значит, заседание Совета Министров было в ночь с 25-го на 26-е, т.-е. после того, как у вас собрались начальники частей и вы дали распоряжение... Повидимому, память вам не изменяет, так как вы сразу в вашем показании, еще не рассказывая о событиях в воскресенье, инстинктивно перешли к изложению того, что было в Совете Министров.

Хабалов. — Совет Министров был 25-го. В этом заседании... Я точно не знаю: был уже, кажется, объявлен перерыв занятиям в Государственной Думе?.. Кажется, уже был объявлен перерыв... хотя не могу доложить; был ли объявлен, или только собирались объявить...

Председатель. — Расскажите вкратце, что же было на этом заседании Совета Министров?..

Хабалов. — На этом заседании было следующее: была длинная довольно речь министра земледелия о том, может ли этот современный кабинет поладить с Государственной Думой и работать с Государственной Думой... Он пришел к тому заключению, что работать невозможно, и что этот состав министров не может работать с Государственной Думой; это после всех речей и прений по продовольственному вопросу, оказалось, что, в сущности, большинство Государственной Думы, так сказать, считало распоряжения министра земледелия целесообразными и готово было их одобрить;

но оно не могло их одобрить, потому что оно стало бы в противоречие с самим собою!.. А поэтому, какие бы даже целесообразные распоряжения ни производили, все равно Государственная Дума с ними работать не станет!.. А следовательно, — выход один — уход всего министерства... Хотя последнего он категорически не сказал, но, по смыслу, можно было догадаться... Затем, говорил довольно длинную речь министр иностранных дел Покровский, который высказал общее мнение, что с Государственной Думой поладить нужно, без Государственной же Думы работать нельзя. И что, в сущности говоря, требования Государственной Думы таковы, что они должны быть приемлемы и что те, кто Государственной Думе неугодны, должны уйти. Потом была речь Кригер-Войновского, которая тоже сводилась к тому, что Государственная Дума вовсе не так революционно настроена, что в речах этого, — как его? — Родичева — и еще кого-то — были очень весские соображения... Вторая была, кажется, речь Некрасова — точно не помню... По словам Кригер-Войновского, получилось впечатление от этих речей вполне умеренное... Смысл речи Кригер-Войновского был таков, что, если Государственной Думе неугоден этот состав, если она не желает с ним работать, то об этом следует доложить государю и просить заменить нас другим составом...

Председатель. — Затем?

Хабалов. — Затем, довольно длинно докладывал Протопопов... Но так как, в сущности, он докладывал о том, что происходило на улицах, и докладывал, по моему мнению, не обстоятельно, то я попросил позволения сказать, что происходило на улицах, и доложил то, что я вам доложил, т.-е. последовательно те события, которые были в этот день, — а именно: происшествие на Знаменской площади, где был убит пристав, затем происшествия на Невском. Я доложил, затем, о происшествии на Трубочном заводе... И — вот уже не помню: доложил ли я эту телеграмму или нет?.. Но я доложил о том, какое распоряжение было мною дано. В конце концов, высказались несколько министров — военный, юстиции и земледелия — что, если уже дело так обстоит на улицах, что в войска стреляют, кидают и т. д., — то таким беспорядкам должна быть противопоставлена сила...

Председатель. — Генерал, что же? Про эту телеграмму вы не помните, доложили ли вы ее? Вам ведь не было смысла не докладывать о ней?

Хабалов. — Конечно, не было. Мне был полный смысл доложить. Но доложил ли я или нет — не могу сказать...

Председатель. — Но надо полагать, что доложили?

Хабалов. — Думаю, что доложил. Но хоть под присягу меня ведите: я не могу точно сказать, — я не помню...

Председатель. — Вы говорите: Протопопов довольно необстоя-

тельно доложил о событиях дня. Какой был вывод в речи Протопопова, — какое его предложение?

Хабалов. — Опять таки этого не могу вам доложить... Но словом, Протопопов стоял здесь за то, чтобы беспорядки были прекращены вооруженною силою... по-моему, такой смысл...

Председатель. — Перед ним высказался только что Риттих и некоторые другие министры на тему о том, что Дума и даже умеренные ее круги — не Родичев и Некрасов, а другие, — недовольны министерством и не желают с ним работать. Вы, конечно, знаете, что, главным образом, это касалось Протопопова. Не можете ли нам сказать, каково было отношение Протопопова к таким речам этих министров, которые говорили раньше его?

Хабалов. — Я должен вам сказать, что Протопопов говорил несколько раз... Когда я пришел, он говорил первый. Потом к нему обратился председатель Совета Министров с тем, чтобы он изложил, что такое происходит, — и он довольно длинно и, по-моему, не обстоятельно, все это рассказал... Я ожидал, признаюсь, что Протопопову следовало бы сказать: «Я ухожу» — по-моему, так... но такого слова я не слыхал.

Председатель. — Вы долго были на этом заседании?

Хабалов. — Я думаю, часа два...

Председатель. — До его конца? — Когда другие министры стали расходиться?

Хабалов. — Нет, я уехал до конца: я видел, собственно, что я буду присутствовать в заседании Совета Министров, где будут говорить об отставке министерства. При чем же я тут? А между тем, было три часа ночи...

Председатель. — Вы остановились на речи Протопопова и на том, что после его речи вы рассказали, что было на улицах Петрограда в субботу.

Хабалов. — Да. На мое заявление министр земледелия высказал, что он этого не знал и не слышал, но что если на улицах начинают стрелять по войскам, и толпа, которая доселе была пассивна, переходит к аггрессивным действиям, что же остается? — Остается подавлять беспорядок силою оружия...

Председатель. — Больше не было в заседании министров ничего, что вы нашли бы нужным отметить?

Хабалов. — Я говорил, что был вызван начальник охранного отделения Глобачев для объяснения, почему были арестованы эти два, оставшиеся на свободе, члена рабочих депутатов... т.-е. нет: рабочей группы центрального военно-промышленного комитета. Ну вот, он и доложил, что полиция явилась на это собрание. Собрание оказалось, в сущности, публичным, потому что там были не члены рабочей группы — их было всего два, а в общем, — было человек 50... Так как эти двое были уже привлечены к следствию по 102 статье, в числе остальной группы,

то они, по требованию судебного следователя, и были арестованы. Затем, остальные были задержаны до выяснения их личности.

Председатель. — Продолжайте ваш рассказ о последовавших событиях.

Хабалов. — В воскресенье 26-го числа войска выступили и заняли, по обыкновению, все посты, которые полагаются по расписанию... Оказалось, что им пришлось стрелять в толпу в разных местах. Волынцы стреляли в толпу на Знаменской пл. и Суворовском. Затем, Павловский полк стрелял на Невском около Казанского собора. Затем, около 4-х часов дня... Но я не могу доложить вам, господа, где и сколько стреляли... Нужно сказать, обстановка здесь была отчаянная!.. Я находился сам в здании градоначальства, и народу туда набилась целая куча... В этот день я уже о раздаче хлеба никаких распоряжений не делал. Около 4-х часов мне сообщили, что 4 рота лейб-гвардии Павловского полка, расквартированная в зданиях придворно-конюшенного ведомства и которая, как оказалось впоследствии, состояла преимущественно из эвакуированных, а численностью доходила до 1.500 человек — что она выбежала на улицу, стреляя вверх, с какими-то криками и толпится на Конюшенной площади, около мостика, недалеко от храма Воскресения Христова... Запросив командира батальона по телефону, я получил сведения, — но не от него, а от кого-то другого, — что рота эта требует, чтобы увели в казарму остальных и чтобы не смели стрелять... При чем указано было, что сама рота стреляла во взвод конно-полицейской стражи. Это последнее мне показалось неверным. С какой стати станут стрелять по конно-полицейской страже? Потом выяснилось, что эта рота, действительно, взбунтовалась; она, собственно, не выходила: ее не вызывали вовсе, — вызывали учебную команду и другие роты. А эта рота не была вызвана и сидела в своей казарме... Так вот эта рота бунтует, требует, чтобы вернулись другие, остальные роты в казармы и чтобы не смели стрелять... Тогда я приказал командиру батальона принять меры к увещеванию, водворить роту эту в казармы, потребовать, чтобы офицеры ее были непременно при роте, так как, по моим сведениям по телефону, там было два офицера, а их должно быть не два, а много больше...

Я передал начальнику охраны, полковнику Павленкову, чтобы он, со своей стороны, принял меры, чтобы это не разрослось, не разыгралось дальше... Кроме командира батальона и офицеров, приказал еще полковому священнику, чтобы он уговорил их, устыдил и привел к присяге верности и чтобы рота шла в казармы, а винтовки свои сдала... В конце концов, после увещевания батальонного командира и после увещевания священника, эта рота вернулась в свои казармы и винтовки помаленечку сдала. Но не все винтовки: 21 винтовка исчезла! Следовательно, исчезли,

повидимому, и люди с ними... Меня все время требовал военный министр, чтобы по телефону я ему сообщал, что делается в городе. Я по телефону и сообщал. Когда было сообщено вечером об этой роте, он потребовал сию же минуту полевой суд и расстрелять... Признаюсь, я считаю невозможным не то что расстрелять, но даже подвергнуть какому-либо наказанию человека, не спросив его, хотя бы упрощенным судом, не осудив его... а тем паче предать смертной казни!.. Поэтому я потребовал прокурора военно-окружного суда Менде с тем, чтобы спросить, как быть с этой ротой, в которой первоначально было 800 человек: что же делать? — «Несомненно, должно быть дознание, и только после дознания,—полевой суд».—Ну, тогда,—я говорю:—800 человек — это штука! — дело немыслимое: это в неделю не допросишь... Я приказал начальнику моего штаба, генералу Хлебникову, — а может быть Чижевскому — назначить целую следственную комиссию: было назначено 5 человек с генералом во главе. А покуда я приказал, чтобы сам полк выдал нам виновных, дабы их арестовать... Первоначально предполагалось арестовать весь батальон и посадить здесь — в Петропавловской крепости, поэтому вечером поздно я вел переговоры с Николаевым: найдется ли такое помещение, чтобы можно было арестовать такую массу. Когда же оказалось, что в действительности их не 800, а 1.500 человек, то это оказалось физически невозможно, ибо нет такого помещения... Ну, тогда я приказал арестовать хотя бы самых главных зачинщиков, приказал их допросить; их было 19 человек, и их препроводили в крепость...

Председатель. — Их полк сам выдал?

Хабалов.—Их выдало само полковое начальство, несомненно—начальство. Простите, я говорю: полк, но полков здесь нет: здесь имеются запасные батальоны. Они по числу так велики, что превышают мирный состав полка в три — четыре раза... Так, в этой роте было 1.500 человек, а во всем полку в мирное время 1.770 человек. И таким образом, одна эта рота по числу людей почти равнялась полку мирного времени... Стало быть, те, кто находился в крепости, вовсе не были такие люди, которых завтра расстреляют, а это были люди, подлежащие суду... Затем, расстреляю ли я их или нет, — это вопрос; либо до сих пор я никого не расстрелял; когда случалось, заменял каторжными работами на разные сроки... Вот уже это обстоятельство, это возмущение роты Павловского полка, оно уже показало, что дело обстоит неблагополучно. На следующий день войска должны были, опять таки попрежнему, занять те же самые пункты...

Председатель. — Простите! Это вы переходите к понедельнику. Но что же, генерал, вы сообщили о результатах в Ставку?

Хабалов. — Да, совершенно верно: я сообщил в Ставку. — Сообщил я следующее: «Не могу выполнить повеление вашего

величества», и что беспорядки продолжаются, «А я не могу»... В штабе округа, если телеграмма потребуется, — она должна быть.

Председатель. — Слушаю.

Хабалов. — Словом, в Ставку я доносил несколько раз, и в окружном штабе есть несколько донесений, — должны быть: там оттиски телеграмм сохраняются... Я государю доносил, что я ничего сделать не могу. В ответ на это я получил на другой день извещение, что вместо меня назначен генерал Иванов... Так что на следующий день я не был главнокомандующим войсками округа.

Сен. Иванов. — Это было 26-го?

Хабалов. — Нет, 27-го.

Председатель. — Вы получили опять по тому же телеграфу?

Хабалов. — Нет, это было несколько иначе: получил, очевидно, военный министр, в главном управлении генерального штаба. А мне по телефону это передали... Я должен прервать, — потому что нужно рассказать день...

Председатель. — Совершенно верно. Я вас прервал своим вопросом. Так вот вы начали излагать события с утра, с понедельника...

Хабалов. — С утра, с понедельника происходит следующее... Позвольте вернуться немножко назад: нужно сказать, что это несчастное распоряжение о том, чтобы употреблять в дело и винтовку, было вызвано, между прочим, и тем, что кавалерия была вымотана. Она разгонит одну толпу, — соберется другая! Словом, мотались непоенные лошади и некормленные люди, и они вымотались, выдохлись... Так вот, начинаю с утра. Утром я на своей квартире... дай бог памяти...

Председатель. — Вы не устали, генерал? Может быть, сделать перерыв? Или воды дать?

Хабалов. — Нет, благодарю. Воды не надо, я не нервничаю... Но при всем желании быть правдивым и последовательно рассказать то, что было, — это трудно сделать: потому что эти события — ведь это котел!..

Председатель. — Пожалуйста, будем разбираться...

Хабалов. — Словом, по какому-то случаю, утром... *(Старается припомнить.)* Да, вот что такое! — Ночью — ночью еще сообщили про 2-й экипаж, флотский, Балтийский, — что, будто ночью он подымает восстание... И что там, не знаю, какие-то агитаторы... Словом, мне это передавали ночью, но ночью не могли меня дозвониться по телефону, и это передали моему начальнику штаба. Утром рано мне это же передал градоначальник, — утром рано, часов в 7 или 6 пожалуй (имейте в виду, что я в 3 часа ночи приехал: значит, ночью не спал). Ночью мне звонили о том, что 2-й флотский экипаж волнуется, будто восстанет, станет, во главе мятежников, бастующих, — теперь я узнал,

что ночью уже были приняты меры, был произведен обыск, оказалось, ничего подобного нет, — все эти сведения фальшивые... Вообще, фальшивых сведений была масса и в первые дни и во время беспорядков: целая куча фальшивых сведений была!.. Утром же, часов в 7 или 6, мне звонят по телефону из Волынского полка — командир батальона — о том, что учебная команда этого полка отказалась выходить; что сначала сообщение было, будто бы они убили своего начальника команды учебной, а по другим сведениям, — что он сам застрелился перед фронтом, когда они отказались ему повиноваться... Ну, тогда я передал командиру батальона одно: «Постарайтесь — постарайтесь, чтобы это не пошло, не разгорелось дальше! Верните в казармы и постарайтесь обезоружить: пусть они сидят дома»... Сам же отправился немедленно в дом градоначальника. Нужно сказать, что полковник Павленков страдает грудной жабой (вообще все офицеры, здесь находящиеся, — больные, а все здоровые в армии: сюда же эвакуированы все больные). И с утра в этот день полковник Павленков был не в состоянии явиться на службу... Поэтому я вызвал в градоначальство заместителя его, полковника Михайличенко, лейб-гвардии Московского полка, и приехал сам. Когда приехал туда, то там, по полученным сведениям, оказалось, что к волынцам, которые стоят на улице и винтовок сдавать не желают, присоединяется и рота Преображенского полка, состоящая из эвакуированных; затем, то же самое — часть литовцев. А вслед за этим, дальнейшие сведения о том, что эта вооруженная толпа с присоединившейся толпой фабричных и других двигается по Кирочной, что она разгромила казармы жандармского дивизиона и что, вслед за тем, она громит и помещение школы прапорщиков инженерных войск... Тогда приходилось подумать об усмирении этой толпы. Мною был сформирован отряд в составе 2 рот кексгольмцев, 2 рот преображенцев, роты стрелков его величества, если не ошибаюсь, — словом, тех, кого можно снять из ближайших окрестностей, с Невского... К ним была присоединена, вызванная полковником Михайличенко, пулеметная рота из Стрельны, присоединен эскадрон драгун 9 запасного полка... И вот этот отряд в составе 6 рот, 15 пулеметов и полутора эскадронов, под начальством полковника Кутепова, героического кавалера, был отправлен против бунтующих с требованием, чтобы они положили оружие, а если не положат, — то, конечно, самым решительным образом действовать против них... Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное!.. А именно: отряд двинут, — двинут с храбрым офицером, решительным. Но он как-то ушел, и результатов нет... Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду...

А тут: ни да, ни нет!.. Посылаю, известий нет... Посылаю три разъезда казаков, — из тех казаков, которые были у меня. Нужно сказать, что, отправивши этот отряд, я остался без войск и надо было собирать другой отряд, чтобы в случае восстания дальнейшего, иметь что противопоставить... Отправляю этот отряд из трех разъездов. — Получаю только сведение, что отряд Кутепова дошел только до Кирочной, что двинулся по Кирочной и Спасской, но что дальше продвигаться не может, — надо посылать подкрепление... Получаю вслед за тем известие о том, что окружный суд разгромлен и подожжен... Литвинов, брандмайор, доносит по телефону, что приехал с пожарной командой тушить окружный суд, но толпа не дает, и что он это сделать не в состоянии... Тогда были взяты — не помню какие — две роты, посланы были туда к окружному суду, чтобы разогнать эту толпу или допустить пожарных для тушения пожара... Но опять эти посланные роты вышли, пропали, и вести нет! Вслед затем, донесение от Московского полка. Московский полк был расположен так: что его часть была расположена на Сампсоньевском проспекте у казарм, — эта часть должна была не допускать толпу собираться на Сампсоньевском пр. около заводов. А другая часть, 4-я рота с пулеметами, должна была занять Литейный мост и Нижегородскую ул., и здесь не пропускать толпу рабочих в Литейную часть — отсюда, а равно из Литейной — сюда... Словом, чтобы держать в своих руках, по возможности, подход к складу огнестрельных припасов... Около полудня получено донесение, что 4-я рота подавлена толпой, что офицеры, которые пытаются сопротивляться, — кто убит, кто ранен, что, вслед затем, колоссальнейшие толпы запружают Сампсоньевский проспект, что остальные роты стоят на дворе казарм, будучи бессильными, очевидно, предпринять что-нибудь... Положение становилось критическим! Дать что-нибудь в подкрепление становилось трудным: к кому я ни обращался, — везде говорят, что у них свободных рот нет, что дать не могут... Только к вечеру выяснилось, что могли дать семеновцы, измайловцы и егеря; но из них прибыло, в конце концов, только три роты измайловцев и 3 роты егерей. Засим, — Финляндский полк дать мне не может... На-ряду с этим... Хотя виноват: я не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение...

Председатель. — Пожалуйста, пожалуйста! — это очень важно.

Хабалов. — Повторяю, на-ряду вот с этим идет ряд требований: дать роту туда-то для охраны, дать сюда для охраны... Председателю Совета Министров дать караул для охраны его... Но, признаться, я считал, что это значит бросить 20 человек: что такое 20 человек? — Охраны ничего не дадут — ровно, а вот разве только лишнее кровопролитие будет... Где караула нет —

оно лучше! Но в виду настоятельных просьб, послана была рота, которая должна была занять Моховую с двух концов: со стороны Симеоновской и со стороны Пантелеймоновской. Затем, когда выяснилось...

Председатель. — А со стороны министра внутренних дел Протопопова было требование о присылке частей для охраны его?

Хабалов. — Не помню... Нет, кажется, не было... даже наверно не было. Тут разные были требования: например, Литовский замок сообщал...

Председатель. — А со стороны бывшего председателя Совета Министров Штюрмера?

Хабалов. — Нет, тоже не было. Из министров только кн. Голицын требовал; а потом было требование прислать к Мариинскому дворцу, и вечером туда была послана охрана. Затем была послана рота для занятия телефонной станции — она там ее и защищала... Виноват *(возвращается к первоначальному изложению),* когда выяснилось таким образом, что Выборгская сторона захвачена восставшей толпой, затем и Литейная часть, а что остальные части города сравнительно, относительно, благополучны, то мною предположено было собрать — стянуть возможный резерв, под начальством полковника Преображенского полка кн. Аргутинского-Долгорукова, — у себя на Дворцовой площади и затем направить таким образом: часть направить на поддержку Кутепову, который, очевидно, не мог справиться; а другую часть направить на Петроградскую сторону, вместе с лейб-гренадерами и ротой Московского полка, и постараться отбросить этих мятежников по возможности к северу, к морю... Ибо положение было тем хуже, что сзади находятся заводы Пороховые — взрывчатых веществ: сохрани бог! взрыв одного из этих заводов, — и от Петрограда не осталось бы ничего... Положение создалось трудное. И проект сформирования резервов оказался очень трудным, потому что прибывшая 3-я рота Преображенского полка оказалась без патронов, достать же патронов невозможно, потому что бастующая толпа занимает Выборгскую сторону... Достать негде! Тогда из частей (начальствовал тут всем Павленков, а я присутствовал, как старший начальник) — тогда решили достать эти патроны из частей — от 181 пехотного полка. Но оказалось, что полк, хотя и не восстал в самом деле, но, повидимому, командир только и мог сделать, что удержать этот полк. А командир Финляндского запасного полка, на требования прислать роту, говорил, что у него в полку находятся только две надежных роты, и они только своим присутствием сдерживают полк... Тогда пытались добыть патроны от военных училищ, от Павловского и Владимирского.

Председатель. — Вечером в понедельник?

Хабалов. — В ночь... Собственно, это восстание солдат и рабочих — оно произошло в понедельник: значит, — я говорю о понедельнике... Наша попытка добыть патроны оттуда не увенчалась успехом, потому что не могли доставить их: если бы они и послали, патроны попали бы в руки мятежников — революционеров... Видя, что войска отсюда мне не собрать, что у нас осталась только горсть, — я обратился по телефону в Кронштадт, к тамошнему коменданту, чтобы он прислал войско, а если не войско, то хотя бы патроны... Но комендант мне сообщил, что он не может прислать, так как тоже опасается за крепость. Таким образом, к вечеру положение становилось почти безнадежным, — в смысле атаки. Оставался только вопрос один: об обороне этого отряда (резерва, стоящего на Дворцовой пл.). Военный министр, который прибыл сюда, в дом градоначальника, сообщил мне, что вместо меня назначен генерал Иванов, что генерал Иванов прибудет с войсками, чтобы я продержался до подхода Иванова... Значит, надо было уцепиться за что-нибудь... Нужно сказать, что настроение офицеров, в частности Измайловского полка, было не таково, чтобы можно было рассчитывать на особенно энергичное действие: они высказывали, что надо войти в переговоры с Родзянко... Когда это до меня дошло, то я счел необходимым сообщить об этом военному министру — тут же в доме градоначальника. Это было часов около 6 вечера, в понедельник, или в 5, так что — в 5 или в 6 вечера... В ответ на это генерал Беляев приказал тут же находившемуся начальнику генерального штаба Занкевичу немедленно принять командование над всеми войсками Петрограда. И, следовательно, я явился как бы устраненным, хотя прямо мне не было сказано, что я устранен от должности... Генерал Занкевич принял начальство над всеми войсками, которые фактически у него находились: одна пулеметная рота, две батареи без снарядов, ибо у батареи было 8 всего снарядов; затем, в то время стояли у Зимнего дворца две роты Преображенского полка, — может быть, их было и больше немного, — а затем, в тот же вечер, пришел с музыкой Павловский полк. Он пришел сам, очевидно, по побуждению своего батальонного командира... Виноват, я забыл сказать, что в этот день Павловским полком командовал не настоящий командир батальона, потому что несчастный был смертельно ранен накануне... По одним сведениям (простите: я скачу!), по одним сведениям, он был ранен, будто бы, своими же войсками, не эти сведения неверны; а по другим, — он был ранен тогда, когда уходил от взбунтовавшихся четырех рот, которых он уговорил вернуться в казармы: он уходил к тем ротам, которые находились на Невском пр. около Казанского собора; тут, на Екатерининском канале, его остановила толпа, он пытался выхватить револьвер, чтобы стрелять, но револьвер у него выхватили и ударом

шашки отрубили у него три пальца, другим ударом разрубили ему голову — одним словом, он вероятно уже не жил... Словом, Павловский полк явился не по моему вызову, а может быть, по вызову полковника Павленкова, потому что я считал этот полк ненадежным, считал, что было бы лучше, чтобы они оставались в казармах... Но полк этот весь пришел вечером с музыкой и стал на площади около Преображенского полка. Вечером же туда заехал (т.-е. к градоначальнику) великий князь Кирилл Владимирович: он выразил неудовольствие, что ему ничего не сообщили о том, что происходит, и спрашивал, что делать с гвардейским экипажем, командиром коего он состоял... На это я доложил его высочеству, что гвардейский экипаж мне не подчинен, что я не в праве им распоряжаться, а сейчас — вот что происходит: очертил ему действия... Великий князь поговорил со мной, потом пошел говорить с градоначальником Балком; разговор, собственно, не привел к каким бы то ни было определенным результатам... В конце концов, он поставил вопрос: что делать с его частью? Я говорю: «Ваше высочество, как в вашей части? Ручаетесь вы, что она будет действовать против мятежников, — то милости просим! вот наши резервы, пускай пожалуют сюда!.. Если ж она не будет действовать против мятежников и заявит, что против своих не будет стрелять, то пусть они лучше останутся в своих казармах». Великий князь высказал, что он не ручается за то, как они будут себя держать, но что две роты учебной команды, наиболее надежные, он пришлет. — И действительно прислал... Генерал Занкевич, бывший когда-то командиром лейб-гренадерского полка, получил это назначение (командира войсками петроградской охраны), поехал домой, надел мундир лейб-гренадерского полка и выехал к резерву, стоящему на Дворцовой площади. Поговорив с нижними чинами, с командой, он вынес такое убеждение, что на них рассчитывать нельзя. Таким образом, к вечеру оказалось, что все попытки организовать резерв, достаточный для того, чтобы на Выборгской стороне рассеять толпу и открыть дорогу к источнику боевых запасов, оказались тщетными: образовать резерв, чтобы послать в патронный завод, не удалось... Тогда вопрос пошел по обороне — о том, чтобы удержаться! Первоначальное предположение было удержаться в центре города, около Зимнего дворца, занявши местность по Мойке, — от Зимнего моста и до Зимней канавки включительно. Но с выделением роты на телефонную станцию оказалось, что сил наших для этого недостаточно, а потому решено было сосредоточиться в каком-нибудь одном здании. Генерал Занкевич настаивал усиленно на Зимнем дворце. Я предлагал Адмиралтейство. Адмиралтейство по своему положению дает возможность обстреливать три улицы: Вознесенский пр., Гороховую и Невский пр., т.-е. подступы от трех

вокзалов. Затем, само по себе, это — отдельное здание, в котором можно было некоторое время держаться: предполагалось именно днем держаться... Вначале мы в него и перешли. Но ген. Занкевич усиленно настаивал на том, что мы должны умереть около Зимнего дворца, что мы должны занять дворец и там, в нем, обороняться... Потом в Зимний дворец мы и перешли. Но признаться сказать, переходил я туда не особенно охотно: именно Зимний дворец и был нежелателен, — нежелателен по тому впечатлению, что это Зимний дворец и что мы Зимний дворец обратим в крепость... Когда мы перешли в Зимний дворец, то оказалось, что из стоявших там частей: Преображенский полк ушел в казармы, Павловский полк еще раньше ушел, гвардейский экипаж тоже еще того раньше ушел, — так что там оставались: три роты Измайловского полка, одна Егерского, одна Стрелкового, две батареи, пулеметная рота, да еще часть городовых и жандармов пеших... Часть очень маленькая: всего-навсего полторы, две тысячи человек, притом с весьма малым запасом патронов! Когда мы перешли в Зимний дворец, то ко мне обратился управляющий дворцом, генерал Комаров, с просьбой чтобы мы дворец освободили, чтобы мы его не занимали... Я согласился с ним, пошел с ним и сообщил ген. Занкевичу, который опять таки наотрез отказал, говоря, что в нравственном смысле, если помирать последним верным слугам царя, то именно защищая его дворец... Через несколько времени, совершенно случайно, приехал во дворец великий князь Михаил Александрович, который в этот день был в городе (хотел уехать в Гатчину, но не мог выехать и приехал во дворец). Великий князь также высказался, что лучше не занимать дворец, при чем он попросил и меня и военного министра, обоих...

Председатель. — Вы оба были тут?

Хабалов. — Да, мы оба были.

Апушкин. — В какой роли были вы, после того, как ген. Беляев приказал принять распоряжение над войсками Занкевичу? Вы остались в распоряжении ген. Занкевича? Почему вы остались?

Хабалов. — Занкевич принял начальство над теми войсками, которые были тут...

Апушкин. — Перед этим вы сказали, что вам прямо не было сказано, что вы отстраняетесь; а раньше вы сказали, что ген. Иванов назначен на ваше место... Вопрос сводится к следующему: сначала последовало назначение Иванова, а затем последовало распоряжение Беляева принять распоряжение над войсками ген. Занкевичу: как же вы понимали вашу роль, в связи с этим распоряжением и с назначением Иванова на ваше место? Для меня неясна ваша роль в последующих событиях, с тех пор, как последовало распоряжение передать командование ген. Занкевичу.

Хабалов. — Я не знаю... Я оставался здесь, и обращались ко мне.

Апушкин. — Ген. Занкевич говорил: «Пойдем, займем Зимний дворец», а вы оставались в распоряжении ген. Занкевича?

Хабалов. — Нет, этого не было...

Апушкин. — Значит, было двоевластие? Занкевич, вы... И затем был еще ген. Беляев?

Хабалов. — Был ген. Беляев...

Председатель. — Продолжайте, пожалуйста, генерал. Вы остановились на приезде великого князя и на том, кто присоединился к вашему мнению.

Хабалов. — Он вызвал двоих: меня и ген. Беляева. Великий князь высказался...

Председатель. — Т.-е. вы были у него в Зимнем дворце?

Хабалов. — Да; великий князь высказался за то, чтобы мы не занимали Зимний дворец. Я задал вопрос: куда же итти с остальными войсками? И тут, на этом совещании, в котором принимали участие ген. Беляев, Занкевич и я, мы трое решили: нельзя ли в Петропавловскую крепость? Я звонил по телефону, вызвал бар. В. И. Сталя, помощника коменданта, с тем, чтобы спросить его: есть ли возможность пройти в крепость через Троицкий мост? Есть ли возможность сделать это без боя, а если с боем, то какие там силы около крепости, и занята ли крепость? Он сообщил, что крепость не занята, но на Троицкой площади имеются вооруженные толпы; что там имеются бронированные автомобили, что там имеются, кажется, орудия, что на Литейном мосту... т.-е. нет, не на Литейном, а на Троицком мосту имеются баррикады... Тогда я передал ген. Занкевичу, что надо пробиваться: попробуем пробиться!

Председатель. — К Петропавловской крепости?

Хабалов. — К Петропавловской крепости... И занять эту крепость, пока последнее убежище... Ген. Занкевич ответил отрицательно, указывая на то, что при том колеблющемся настроении офицеров Измайловского полка, который составляет теперь главные наши силы, производить атаку невозможно, что это кончится неудачей, а поэтому надо остановиться на том, чтобы занять Адмиралтейство. Тогда мы перешли в Адмиралтейство. На следующий день...

Председатель. — Когда вы попали в Адмиралтейство?

Хабалов. — Ночью.

Председатель. — Ночью с понедельника на вторник, с 27-го на 28-е?

Хабалов. — С понедельника на вторник.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте...

Хабалов. — Здесь мы предполагали обороняться, заняв для обороны фасады, выходящие к Невскому. Артиллерия была поста-

влена во дворе, а пехота была размещена по второму этажу; пулеметы поставлены также во втором этаже на подходящих для обстрела углах... Короче говоря, мы готовились к обороне. События показали, что и оборона наша безнадежна. У нас не только не было патронов, почти не было снарядов, но, кроме того еще, и есть было нечего! С величайшим трудом достали мы там небольшое количество хлеба, которое и роздали нижним чинам. А дальше добывать этот хлеб представлялось совершенно невозможным: надо было доставать с бою! Что касается сотни казаков, которых мы расквартировали в казармах Конного полка, они остались без сена: лошадей напоить негде, пришлось разрешить сходить в их казармы Конного полка... Они прошли туда, прошли благополучно, там попоили лошадей; но когда они шли назад, по ним стреляли, двух лошадей убили... Затем все время раздавались единичные выстрелы. Но по Адмиралтейству постреливали, а из Адмиралтейства не отвечали! Наконец, около 12 часов, адъютант военного министра...

Председатель. — В 12 час. ночи?

Хабалов. — Нет, дня.

Председатель. — Во вторник 28-го февраля?

Хабалов. — Да.

Председатель. — В Адмиралтействе находились вы и ген. Беляев?

Хабалов. — Ген. Беляев, ген. Занкевич и я.

Председатель. — Около 12 часов, значит, явился адъютант...

Хабалов. — Капитан 2-го ранга или подполковник — фамилии я не помню — и заявил от имени морского министра, что морской министр требует, чтобы очистили немедленно здание Адмиралтейства, так как, со стороны восставших заявили, что если мы в 20 минут не очистим, то с Петропавловской крепости будет открыт артиллерийский огонь... Положение казалось безнадежным... С той маленькой горсточкой, которая была у нас, обороняться было немыслимо!

Председатель. — А сколько у вас было сил численностью?

Хабалов. — Я думаю, что было около тысячи полторы — не более... Надо было очистить Адмиралтейство. Теперь явился вопрос. Что же? Если мы выйдем с оружием и будет отступать от города, проходя через город, несомненно, что это приведет к нападению со стороны толпы, и к ответу — со стороны этих *(т.-е. бывших под командою Хабалова)* войск... Т.-е. выйдет кровопролитие и кровопролитие безнадежное, в смысле какого-нибудь успеха... Поэтому здесь, так сказать, в совете (порядка здесь было очень мало: советчиков было очень много, командиров, тоже может быть, слишком много... или слишком мало!), в совете решено было так: сложить все оружие здесь в самом здании Адмиралтейства, просить принять на хранение, а затем

выйти обезоруженными, — именно на тот конец, что по обезоруженным стрелять не станут и обезоруженные отвечать не могут, — следовательно, будет избегнуто лишнее кровопролитие. Так и было поступлено. Артиллерия оставила свои замки и орудия, пулеметные роты оставили свои пулеметы. . .

Председатель. — Скажите, пожалуйста, генерал, сколько было у вас орудий?

Хабалов. — Всего было два, — без снарядов, как я докладывал. . . Снарядов было всего 80. Так что на одну батарею было мало, не только на две, — бесполезно было посылать их. . . Мы пытались достать на станции Кошелевке, где были снаряды, но попасть на станцию Кошелевку не было никакой возможности. Таким образом, эти войска постепенно так и разошлись. . . Вот, собственно, этим и кончается все то, что я говорил. . . Затем мы были арестованы, я был задержан в Адмиралтействе в этот же день.

Председатель. — В Адмиралтействе?

Хабалов. — Да.

Председатель. — Сдачи этого отряда не было, а просто разошлись?

Хабалов. — Просто разошлись, — постепенно, оставив орудия. . . Сдачи не было. Кому же сдаваться? Сдаться можно было, если бы были войска, а тут кому было сдаться? Сдаться было некому. . . Но и выйти вооруженными, так как стреляли, нельзя было.

Председатель. — Генерал, а, в частности, вас кто задержал?

Хабалов. — Меня задержала толпа нижних чинов, которая осматривала это здание.

Председатель. — И генерала Беляева тоже?

Хабалов. — Нет, уехал. Все разъехались. . . Я остался там

Апушкин. — Когда вы потеряли связь с генералом Беляевым?

Хабалов. — Должно быть тогда, когда генерал. . . уехал. . .

Апушкин. — Вы говорите, что было совещание, на котором было много советчиков, — было решено положить оружие, и после этого вы потеряли связь, каждый стал действовать на свой страх и риск?

Хабалов. — Да. . .

Председатель. — Генерал мы сделаем маленький перерыв.

После перерыва.

Председатель. — Позвольте поставить вам несколько вопросов. Что вы знаете, ближайшим образом, относительно распоряжения охранять порядок — в смысле пулеметов?

Хабалов. — В смысле пулеметов? Я решительно ничего не знаю относительно каких-то особенных пулеметов. . .

Председатель. — О пулеметах в руках полиции?

Хабалов. — Понятия не имею! Думаю, что их не было... Дело в том, что 23-го полиция отвечала за порядок на улицах.

Председатель. — У вас было введено осадное положение в Петрограде?

Хабалов. — Какое же осадное положение! Это осадное положение было поставлено на совещании у председателя Совета Министров, кажется, 27-го числа. Затем, вечером, когда мы были в Адмиралтействе, то мне передал об этом Беляев, как о высочайшем повелении. Оно было напечатано в Адмиралтействе, и так как не было возможности расклеить его по городу, то перед градоначальством по Адмиралтейской площади было разбросано несколько листков.

Председатель. — Оно было передано генералом Беляевым, как высочайшее повеление? Каким образом он его получил?

Хабалов. — Этого я не могу объяснить... Но оно было редактировано «по высочайшему повелению»... Генерал хотел, чтобы я сделал обязательное постановление, что, на основании этого осадного положения, воспрещается выходить из домов с 9-ти часов вечера. Но так как это являлось каким-то курьезом, под которым совестно было подписаться, то я его не издал... Да и какое же «осадное положение», когда власть владеет только площадью Зимнего дворца!..

Председатель. — И сама находится в осадном положении...

Хабалов. — Да и раньше, когда про это осадное положение говорили: законные права были даны командующему войсками — колоссальные... при чем тут осадное положение, которое ничего не прибавляет? Зачем его объявлять — я решительно понять не могу! Тут что-то говорили, что осадное положение потому нужно, что будто бы в это время не может заседать исполнительная Комиссия Государственной Думы... Такие были разговоры...

Председатель. — Где, в Совете Министров или нет?

Хабалов. — Вот не могу вам этого сказать: в Совете ли Министров это было, или говорил Протопопов...

Председатель. — Вы были в Совете Министров 27-го? Вы говорите, было заседание...

Хабалов. — Я там был, я днем туда поехал: это было часа в 2 — 3.

Председатель. — Где?

Хабалов. — В доме председателя Совета Министров... Но разговоры мои с председателем Совета Министров ограничились тем, что ему очень не понравилось, — он обиделся, что не был ему прислан караул для его охраны... Он даже рассердился... Но я поспешил уехать и прислал ему роту, которая закупорила Моховую.

Председатель. — Кого из министров вы видели у председателя Совета Министров?

Хабалов. — Кажется все были: был военный министр, кажется, Протопопов. . .

Председатель. — Будьте добры, очертите ваши встречи и содержание ваших разговоров с Протопоповым. Вы изволили не раз упоминать его имя, при чем вы сказали, что он несколько раз к вам приезжал. Так вот: зачем он к вам приезжал, какие были разговоры у вас с ним, и вообще, что делал в эти дни бывший министр внутренних дел?

Хабалов. — Вы меня ставите в очень затруднительное положение, — потому, что он приезжал в эти дни несколько раз, на короткое время. . . Раз он приставал, чтобы я воспользовался броневыми автомобилями. Нужно сказать, что про эти броневые автомобили я был такого мнения, — что это прекрасная вещь, если я знаю, кто там сидит и кто ими управляет, если я отвечаю за него: ведь ничего не значит повернуть направо, кругом, — нет ничего проще! . .

Председатель. — Значит, он приставал к вам с броневыми автомобилями?

Хабалов. — Да, чтобы ими воспользоваться. Нужно сказать, что в последний день, 27-го утром, я не помню, кто — должно быть, Михайличенко, — потребовал. . . или капитан Московского полка? — кажется он, одним словом, тот, кто заменял, в течение двух часов больного полковника Павленкова. . . так или иначе, но ко мне в канцелярию градоначальника явился капитан автомобильной броневой роты и доложил, что у них есть несколько автомобилей в починке на Путиловском заводе, что из них может быть изготовлено два, вернее один, автомобиль. Я на это ему поставил такой вопрос: «Ну, хорошо, автомобиль-то автомобилем, а кто будет управлять: это лицо будет надежно?» Капитан остановился в затруднении и молчал. Я говорю: «Если руки, которые будут управлять автомобилем, ненадежные, то мне ваш автомобиль ненужен».—«Можно,—говорит,—посадить туда офицеров». . . — «Прекрасно! тогда отправьтесь к генералу Секретову и привезите мне ответ, и если автомобиль надежный, тогда присылайте, а если ненадежный, тогда благоволите его не присылать. . . И, мало того, благоволите сделать так, чтобы ни один из этих автомобилей не был захвачен революционерами, т.-е. благоволите снять магниты и проч.

Председатель. — Почему вы послали капитана к генералу Секретову?

Хабалов. — Потому что генерал Секретов заведывает этими автомобилями.

Председатель. — Позвольте просить вас вернуться к тому, о чем речь шла раньше. . . На вопрос, что вы знаете о действиях

и мероприятиях бывшего министра внутренних дел Протопопова, вы изволили сказать: он ко мне заезжал и приставал с этими автомобилями. . .

Хабалов. — Не только с ними, но приставал еще и с тем, чтобы я взял его начальника штаба ген. Никольского. . . Генерала Никольского я знаю с капитанских чинов: для чего мне Никольский? Что он сделает?

Председатель. — Пожалуйста, еще относительно Протопопова. . .

Хабалов. — Затем он же сказал, что город составил такое постановление, которое принять нельзя. . .

Председатель. — Вы уже упоминали об этом, что революционным он считал это постановление. . .

Хабалов. — Что организация эта революционная. Какая эта организация — я не видел. . .

Председатель. — Он приставал к вам с автомобилями — какого числа приблизительно?

Хабалов. — Этого я не могу сказать.

Председатель. — Давайте вспомним: 25-го была суббота, 26-го воскресенье, 27-го понедельник. Когда приблизительно? Может быть, по событиям припомните: в какой момент разыгравшихся событий он мог приставать к вам с автомобилями?

Хабалов. — Честное даю вам слово, что, при всем моем искреннем желании, я затрудняюсь вам ответить! . .

Председатель. — Войска уже действовали оружием, когда он приставал с автомобилями? После приказа государя?

Хабалов. — Я думаю — раньше. . .

Председатель. — Так что еще до приказа пустить в ход оружие он приставал к вам пустить в ход броневые автомобили?

Хабалов. — Т.-е. рекомендовал как средство, чтобы ими воспользоваться. . .

Председатель. — Я понимаю. Какие еще мероприятия были предположены Протопоповым?

Хабалов. — В самый первый день он обратился ко мне, чтобы я выпустил воззвание к населению о том, что им нечего беспокоиться, что хлеб будет. . . Вот вследствие чего и было мое напечатанное объявление, что хлеб имеется — это было самое первое. Он обращался ко мне по телефону.

Председатель. — Больше вы ничего не припомните относительно Протопопова? Постарайтесь припомнить все, что вы знаете в этом отношении?

Хабалов. — Душой рад припомнить. . . Но дело в том, что тот, кто говорил с Протопоповым, тот знает, что это человек, у которого мысли скачут, и когда он приезжает, то сидит иногда довольно долго. . . А если захотите подвести резюме—да о чем же мы говорили? — это довольно трудно. . .

Смиттен. — Вы говорили, что во время вооруженного восстания, в квартире председателя Совета Министров, на Моховой, были заседания, на которых вы присутствовали. Одно из них было 27-го?

Хабалов. — Я был только на одном.

Смиттен. — Тут вы и видели Протопопова?

Хабалов. — Да.

Смиттен. — Протопопов был в качестве частного человека, или в качестве министра внутренних дел?

Хабалов. — Этого я не могу сказать. Поставлено было два вопроса: один о пресловутом объявлении об осадном положении, — позволю так назвать; другой вопрос о том, что Протопопов болен и что по болезни его заменяет товарищ. . .

Смиттен. — Было такое объявление от правительства?

Хабалов. — Да, это объявление было за моей подписью.

Смиттен. — По чьему же распоряжению?

Хабалов. — По распоряжению Совета Министров и передано через военного министра.

Смиттен. — Какого числа — вы не помните?

Хабалов. — Когда мы были в Зимнем дворце, — значит, это было 27-го.

Председатель. — Разрешите вернуться к вопросу о пулеметах... Вы помните ход вашего показания: мы перешли к Протопопову, но вы исчерпывающим образом не высказали, что вам известно относительно пулеметов?

Хабалов. — Относительно пулеметов докладываю, что я впервые услыхал этот вопрос от министра юстиции Керенского — о ген. Гордоне и о пулеметах, когда я находился в здании Государственной Думы. Он меня спросил о каких-то пулеметах, которые будто бы стояли на крышах и стреляли с крыш. Я говорю, что решительно не понимаю, какие могли быть пулеметы. Он говорит: «Генерал Гордон ими заведывал». Я решительно понятия не имею о генерале Гордоне, которого, кажется, в жизни моей не видел... Впрочем, может быть и видел. Но чтобы я с ним имел какой-нибудь разговор по делу, если бы в самом деле ему надо было дать пулеметы для обороны города, — этого я бы не мог не помнить. Я бы это помнил. Я говорю, что я такого разговора не помню.

Председатель. — Значит, в план подавления беспорядков, который был выработан на случай этих беспорядков, не входила стрельба по народу с крыш из пулеметов?

Хабалов. — Никоим образом, — ни боже мой!..

Председатель. — Так что, если бы гражданские власти говорили, что мы не знали про пулеметы, а про это знает военная власть, т.-е. в лице вас, начальника округа, то это было бы неверно?

Хабалов. — Это совершенно неверно. Позвольте мне дополнить. Дело в том, что, напрягая всю свою память: да не было ли

чего-нибудь такого? — Откуда взялся этот Гордон? Я припомнил следующее. Действително, в штабе округа была какая-то бумага от министра Протопопова, где он просил разрешения этому Гордону заниматься в окружном управлении или в складе...

Председатель. — Генералу Гордону, или просто Гордону в том или ином чине? Разрешения заниматься чем?

Хабалов. — Я понял таким образом, что от главного артиллерийского управления несколько раз поступали уведомления о том, что немецкие агенты всячески стараются устроить взрывы на заводах. Я понял, что этому господину нужно производить какие-нибудь осмотры, т.-е. свои следственные и розыскные действия.

Председатель. — Бумага от Протопопова в штаб округа или в главный штаб?

Хабалов. — Штаб округа, сколько помнится... Я сказал, что с моей стороны препятствий нет. Но затем я отсюда, будучи уже в заключении, послал довольно длинное прошение — рапорт или заявление — министру юстиции, в котором изложил, что если бы в самом деле по моему распоряжению были даны пулеметы, я не мог сделать это словесно. Откуда их дать? .. В моем распоряжении могли быть пулеметы только в частях войск, да и то в гвардейских. Гвардейские пулеметы подчинены мне не были, как начальнику гарнизона; а в остальных частях они были подчинены инспектору войск. И если бы я желал дать какому-то Гордону, то я не мог бы это сделать: мои предписания не были бы исполнены, если бы даже я их делал... Затем, даже артиллерийский склад (он назывался окружный артиллерийский склад), он не только пулеметы, но даже патроны для пулеметов мне не отпустит!... Он отпускал только по распоряжению главного артиллерийского управления. Следовательно, если бы Гордону были даны пулеметы, то по распоряжению главного артиллерийского управления, но никак не мною. Если бы я желал дать, то не мог бы этого сделать. Написавши все это (в заявлении к министру юстиции), я спохватился вот о чем: что видно существует воздушная оборона Петрограда... Эта воздушная оборона Петрограда находится в ведении начальника ген. Бурмана. Оборона эта состоит из ряда учреждений разведочных и затем полевых, т.-е. из радиостанций, расположенных частью далеко от Петрограда, частью ближе, затем из ряда прожекторов, устроенных в Петрограде и его окрестностях, и, наконец, из целого ряда батарей противоаэропланных, — в том числе и пулеметных батарей, — при чем пулеметные состоят из разного числа пулеметов: один, — два, — три пулемета. И эти пулеметы размещены, действительно, в Петрограде, на некоторых зданиях. Есть, например, такие пулеметные противоаэропланные батареи на здании Зимнего дворца...

Председатель. — А на частных зданиях есть?

Хабалов. — Весьма возможно, что есть и на частных... Но дело в том, что на эти воздушные батареи есть план у того же генерала Бурмана, где все нанесено и где сказано, где сколько стоит... Единственно, что я допускаю, что, может быть, в этот день 27-го эти противоаэропланные пулеметные батареи стреляли против жителей... А может быть, они стреляли и против правительственных войск. Может быть, они начали стрелять потому, что в них стали стрелять — господь их ведает!... Словом, я настолько мало о них знал и думал, что ни тогда министру юстиции, когда он меня спрашивал в Думе, не сказал, ни потом, писавши об этом бумагу... Я забыл об этой воздушной обороне, и потом, в конце только, вспомнил...

Апушкин. — Кому был подчинен генерал Бурман?

Хабалов. — Он был подчинен мне.

Председатель. — Я хочу спросить вас по нескольким пунктам вашего показания; вы выразились, по поводу начавшихся волнений, что вам казалось или вы полагали, что они имеют провокационный характер... Как вы понимаете это выражение?

Хабалов. — Я так понимаю: ранее, из того, что мне доносило охранное отделение и что послужило поводом к аресту рабочей группы, я уже видел, что цель, в конце концов, устроить восстание, свергнуть существующее правительство и заменить его временным правительством... Стало быть, раз такая цель поставлена, — первоначально восстание приурочивалось к 14-му февраля, но затем 14-го февраля почему-то не вышло; то, что не вышло 14-го, почему не выйдет 28-го? Так что мне казалось, что не столько действительный недостаток хлеба, сколько это поджигание...

Председатель. — Т.-е. вы «провокационный характер» понимаете в смысле «революционный»?

Хабалов. — Революционный, но в смысле, что, может быть, известные группы, может, анархические или другие устроят, — те, словом, которые бунтуют, мутят...

Председатель. — Насчет плана диспозиции войск, на случай восстания, скажите, где и у кого может находиться экземпляр этого расписания? Где его найти?

Хабалов. — Вы найдете его в управлении гвардейских запасных частей.

Председатель. — Почему там?

Хабалов. — Потому что начальником охраны петроградских войск был начальник гвардейских запасных частей и войск и туда входили все гвардейские запасные полки.

Апушкин. — Генерал Чебыкин?

Хабалов. — Да.

Председатель. — А еще где можно найти экземпляры?

Хабалов. — Затем, можно найти в штабе округа, потом у меня был экземпляр в столе, но затем все бумаги были взяты: может быть, он находится здесь у вас...

Апушкин. — Генерал Беляев, будучи в контакте с вами на площади Зимнего дворца, в Зимнем дворце, затем в Адмиралтействе, не сообщал об обстоятельствах, при которых он покинул свою квартиру в министерстве? Он не рассказывал вам, как он оттуда уехал и где он был перед встречей с вами и вообще при каких обстоятельствах и как он переехал?

Хабалов. — Я помню, он говорил, что ему пришлось уезжать под выстрелами...

Апушкин. — Может быть, он указывал, какие им были приняты меры?

Хабалов. — Нет, он не говорил... Дело в том, что когда вечером требовали послать охрану к Мариинскому дворцу, то отвечено было, по заявлению генерала Занкевича (ответил, кажется, я), что у нас мало войска и что мы не можем так растянуться: у нас нет средств охранять Мариинскую площадь, и что поэтому мы просим всех г.г. министров пожаловать или сюда или в Адмиралтейство... кажется, в Адмиралтейство... Сколько помнится, я говорил об этом по телефону...

Апушкин. — В каком платье был генерал Беляев, когда был в Адмиралтействе?

Хабалов. — В военном.

Апушкин. — В офицерском чине или была на нем солдатская шинель?

Хабалов. — Шинели на нем не было.

Апушкин. — Вам известны те меры, которые он принимал для обеспечения документов, находящихся в его руках?

Хабалов. — Об этом я ничего не знаю.

Родичев. — Беспорядки начались на Путиловском заводе?

Хабалов. — Нет: на Путиловском заводе ничего не было — там даже было дольше спокойно, чем где-нибудь... Беспорядки начались в первый день, 23-го, в двух местах, на Выборгской и на Нарвском тракте, на дороге, которая ведет к Ново-Петергофскому шоссе — там, где она пересекает Ораниенбаумскую ж. д.

Родичев. — Закрытие Путиловского завода могло состояться без вашего согласия?

Хабалов. — Без моего согласия.

Родичев. — А по чьему распоряжению?

Хабалов. — Очевидно, военное управление.

Родичев. — Вас не спрашивали об этом?

Хабалов. — Ни малейшим образом!

Родичев. — Следующий мой вопрос будет о том, когда вы узнали о роспуске Государственной Думы и каким образом?

Хабалов. — Я думаю, что я об этом узнал в заседании Совета Министров — ночью с 25-го на 26-е, — должно быть, так... хотя не ручаюсь за достоверность.

Родичев. — Скажите: на следующий день вам стало известно, что Дума не расходилась?

Хабалов. — Нет, об этом мне ничего не было известно...

Родичев. — О том, что происходило в Государственной Думе, вам ничего не сообщалось?

Хабалов. — Со мной говорил Родзянко 26-го, в воскресенье.

Родичев. — О чем были переговоры у вас с Родзянкой?

Хабалов. — Откуда он говорил, — я не знаю: из Думы или нет, — господь знает!... Он звонил ко мне в градоначальство, где я находился, и говорит: «Ваше превосходительство, зачем стреляете, зачем эта кровь?»... Я говорю: «Ваше превосходительство! я не менее вашего скорблю, что приходится прибегать к этому, но сила вещей заставляет это делать»... «Какая сила вещей?»... Я говорю: «Раз идет нападение на войска, то войска — волей-неволей не могут быть мишенью, они то же самое должны действовать оружием». — «Да где же,' — говорит, — нападение на войска?»... Я перечисляю эти случаи. Называю случай с гранатой, брошенной на Невском между Аничковским мостом и Литейным. «Помилуйте, — говорит, — городовой бросил!» — «Господь с вами! какой смысл городовому бросать?»...

Председатель. — Но почему же вы не сослались, в разговоре с председателем Государственной Думы, на высочайший указ, который у вас был, на высочайшее повеление?

Хабалов. — На это я ничего не могу сказать.

Родичев. — Когда вы посылали отряд полковника Кутепова (вы его послали на Кирочную), не было ли ему дано каких-нибудь поручений, касающихся Государственной Думы?

Хабалов. — Нет, никаких.

Председатель. — Как велика была сила отряда Кутепова?

Хабалов. — Я уже докладывал.

Председатель. — Прикиньте это на силы...

Хабалов. — Примерно, пехоты человек 700, эскадрон человек 100 — это значит — 800; пулеметная рота — двенадцать пулеметов, человек тоже около 100... Так, всего около 1.000 человек.

Родичев. — В ваших объяснениях вы употребили такую фразу: офицеры Измайловского полка были ненадежны, — они говорили: вступим в переговоры с Родзянко... Это было в воскресенье или в понедельник?

Хабалов. — Это было тогда, когда было уже восстание: это было вечером в понедельник, уже часов в 6.

Родичев. — Вы считали, что Родзянко является уже той стороной, которая предводительствует, стороной воюющей?

Хабалов. — Я считал, что Родзянко — это лицо, которое имеет вес и влияние. . .

Родичев. — Там, в другом лагере?

Хабалов. — Что существует какое-нибудь другое правительство, я понятия не имел: я не знал о его существовании. . .

Родичев. — Когда в Адмиралтействе было заседание Совета Министров, там шел разговор о переговорах с Родзянко?

Хабалов.—Нет, в Адмиралтействе заседание Совета Министров не состоялось: я предлагал туда пожаловать, но они не захотели...

Родичев. — А на Моховой в Совете Министров говорили об этом или нет?

Хабалов. — Нет.

Родичев. — Вы назначены высочайшей властью на должность командующего войсками: как же мог ген. Беляев вас отставить?

Хабалов. — Он, видите ли, не мог меня отставить от должности командующего войсками, но от должности командующего войсками здесь, в городе, он мог отставить.

Родичев. — Ведь вам было поручено государем командование войсками округа, в том числе и в Петрограде?

Хабалов. — Не только в Петрограде, но и в петроградском округе.

Родичев. — Теперь один еще вопрос: для вас распоряжение ген. Беляева было обязательно или вы просто не подумали об этом?

Хабалов. — Признаюсь, в этом случае, может быть, я и не разобрался. . .

Смиттен. — Распоряжение ген. Беляева состоялось в то время, когда вы были в градоначальстве?

Хабалов. — Да.

Смиттен. — Как же это связать: генерал Беляев в градоначальстве говорит вам о сложении полномочий и передаче распоряжений Занкевичу, а потом вы говорите, что, когда были в Адмиралтействе, вам ген. Беляев передавал, что последовал высочайший указ об осадном положении: почему он к вам обращался, а не к генералу Занкевичу?

Хабалов. — Я считаю, что Занкевич считался командующим этим отрядом в городе. . .

Смиттен. — Значит, вы считали, что ген. Беляев обращался к вам все-таки, как к командующему войсками округа?

Хабалов. — Несомненно, да.

Смиттен. — Меня интересует такой вопрос: распоряжения о подавлении беспорядков были сделаны после событий 23-го февраля, которые начались из продовольственного вопроса, или они были сделаны в предвидении начала занятий Государственной Думы 14-го февраля?

Хабалов. — Даже не это... Они составлены были гораздо раньше: они составлены были на случай беспорядков. . .

Смиттен. — Более конкретно: перед 14 февраля министр внутренних дел не входил в какие-нибудь переговоры относительно возможности этих беспорядков и необходимости созвать какое-нибудь совещание по вопросу о том, как к этим беспорядкам отнестись?

Хабалов. — Это вопрос чисто военный, и как вопрос военный я считал его лежащим не в компетенции министра внутренних дел и никогда сюда никого постороннего не допускал.

Смиттен. — А он инициативы не брал, чтобы обсудить вопрос о возможности беспорядков?

Хабалов. — Нет, я на этих заседаниях не бывал... Они бывали или под председательством Чебыкина или под председательством Павленкова. На них я командировал своего начальника штаба. Это были чисто военные вопросы...

Смиттен. — Вы говорили, что в течение этих беспорядков вы неоднократно представляли доклады государю о ходе событий. Не можете ли вы точно сказать, какого содержания вы посылали телеграммы?

Хабалов. — Вы меня ставите в очень затруднительное положение... Телеграммы эти вы можете получить совершенно точные: они в окружном штабе есть.

Председатель — Т.-е. оттиски есть?

Хабалов. — Да.

Апушкин. — Они составлялись, главным образом, начальником штаба?

Хабалов. — Да.

Смиттен. — Еще один последний, вопрос... Что, жандармский ген. Гордон, которого Протопопов командировал в штаб округа, якобы для борьбы с немцами, он вам представлял какие-нибудь доклады?

Хабалов. — Никаких. Я не знаю, уместно ли давать здесь слово или нет?... Но могу дать слово, что эту фамилию я раз в жизни на бумаге видел! Бумага эта было неособенная — рядовая бумажка!... Шла она в общем докладе: «Препятствий нет?» «Нет»...

Председатель. — Значит, там, в делах штаба округа сохранилась бумажка о командировании Гордона?

Хабалов. — Да.

Смиттен. — В вашем ведении были какие-нибудь органы, которые заведывали бы контр-разведкой или они были только при главном управлении штаба?

Хабалов. — Имелось при окружном штабе контр-разведочное отделение.

Смиттен. — В частности, вы можете мне ответить на такой вопрос: были ли какие-либо организации на фабриках и заводах города Петрограда, которые вели бы какие-нибудь разведки?

Хабалов. — Как же, конечно, были!

Смиттен. — Разведка или контр-разведка?

Хабалов. — Как сказать? . . . Это называлось контр-разведочным отделением. По существу, контр-разведочные отделения назначаются для борьбы с шпионажем, с разведчиками неприятеля. . .

Председатель. — Кто заведывал этим отделением в штабе округа?

Хабалов. — Этим заведывал капитан Соколов. Да тут был еще. . . хотя он тут не касался. . .

Председатель. — Кто?

Хабалов. — Полковник Якубов. . . Но нужно сказать, что в последнее время он мне доставлял мало сведений о рабочих.

Председатель. — Скажите: для работы при контр-разведке, именно, у Якубова или Соколова и была эта бумажка относительно Гордона, от министра внутренних дел Протопопова?

Хабалов. — Нет, не была: по-моему, вовсе не там. . .

Председатель. — А где же?

Хабалов. — В штабе.

Апушкин. — А потом, она не пошла по контр-разведочному отделению?

Хабалов. — Не могу вам сказать. . .

Смиттен. — Доклады по контр-разведке представлялись вам?

Хабалов — Да.

Смиттен. — Письменно или устно?

Хабалов. — Письменно.

Смиттен. — У вас не было сведений о том, что на фабриках началась агитация пораженческого характера, т.-е. высказывалось: «Долой войну!». . .

Хабалов. — Я говорю вам, что в последнее время, в период от 14 февраля до 23 февраля, у меня письменных докладов, как раз по контр-разведочному отделению о фабриках и заводах, не было, потому что эти доклады доставлялись не то чтобы ежедневно, еженедельно, — они доставлялись, по мере того, как было что-нибудь достойное внимания. . .

Смиттен. — Письменные доклады тоже хранятся в штабе?

Хабалов. — В штабе.

Иванов. — Из ваших объяснений видно, что вы были озабочены правильной постановкой обеспечения продовольствием населения, что до последнего дня, до начала движения, даже 25, 26 февраля, вы продолжали такую свою деятельность, собирали совещание. . . Вы изволили указать, на что было обращено внимание председателем, что Протопопов заехал к вам с планом, выработанным городским самоуправлением, относительно правильной постановки распределения хлеба между населением, при чем он указывал на то, что план этот «революционный». . . Вы, на второй вопрос господина председателя, изволили ответить, что вы

не заинтересовались этим, не знали, почему он революционный... Ведь этот план, вероятно, тот же самый, который был раньше, за месяц, представлен, но опротестован градоначальником — по вашему требованию... Так что этот план был старый, а не новый... Мне хотелось бы знать, вы интересовались этим планом? Для вас было важно осуществление его: ведь если бы этот план был целесообразным, он мог удовлетворить население, волнующуюся толпу...

Хабалов. — Я позволю себе на это доложить нижеследующее: Протопопов не приезжал ко мне с каким-либо планом не только на бумаге, письменно изложенным, но даже не говорил, что план выработан в общих каких-то чертах... Он просто заявил: «Они там выдумывают что-то... Я знаю: это революционный проект, чтобы забрать продовольствие в свои руки»...

Иванов. — Вы знали, что такой план городским самоуправлением был выработан?

Хабалов. — Я отлично знал.

Иванов. — А его нельзя было провести?

Хабалов. — Дело в том, что тот план был подвергнут обсуждению в двух комиссиях. В одной комиссии, — когда округ не был еще выделен, а входил в состав северного фронта, и вопрос о продовольствии столицы был поручен главнокомандующим Рузским начальнику снабжения этого фронта ген. Савичу. И вот ген. Савич собрал в Петрограде комиссию, состоящую из чинов ему подведомственных, а от города был городской голова и еще — не помню кто... Эта комиссия рассмотрела план и нашла его непрактичным. Непрактичным в каком отношении...

Иванов. — Я боюсь вас затруднять... Меня не это интересует в вашем объяснении. Меня интересует: Протопопов возражал против этих планов, находил их недопустимыми? Важно выяснить, находил ли он этот план, выработанный для удовлетворения петроградского населения (не фронта) городским самоуправлением, — находил ли он его неправильным, революционным или находил допустимым?

Хабалов. — Тогда Протопопова еще не было. Если даже он и был, так до него этот план не касался: его даже и не спрашивали. Было два совещания: одно ген. Савича, которое нашло, что по таким-то соображениям этот план непригоден, а другое под председательством ген. Риттиха, т.-е. не ген., а министра, — у него в министерстве земледелия...

Председатель. — Позвольте считать этот вопрос исчерпанным.

Иванов. — Я удовлетворен.

Апушкин. — Скажите, пожалуйста, вступив в начальствование округа, вы ознакомились с организацией воздушной обороны, вы осмотрели, все ли в готовности?

Хабалов. — Нет, ничего не смотрел... Получал письменные доклады Бурмана, видел план.

Апушкин. — А почему? Вы не нашли времени?

Хабалов. — Просто не нашел времени.

Апушкин. — Второй вопрос: мне бы хотелось знать, в каком соотношении стояли вы с градоначальником?

Хабалов. — Он мне подчинен.

Председатель. — Генерал, ваши объяснения кончены, вы имеете какой-нибудь вопрос или желание, что-нибудь дополнительно сообщить Комиссии?

Хабалов. — Вероятно, вопросы найдутся для дополнительных объяснений... Но сейчас я затрудняюсь...

Председатель. — Генерал, если вы будете иметь какие-нибудь объяснения дополнительные, — благоволите сообщить через крепостное начальство.

Хабалов. — Слушаюсь.

V.

ДОПРОС А. Т. ВАСИЛЬЕВА.

Заседание 22 марта 1917 г.

Председатель (обращаясь к Васильеву). — Прошу вас присесть. Вы перед лицом Чрезвычайной Следственной Комиссии. Я вызвал вас сюда затем, чтобы вы изволили передать Следственной Комиссии то заявление, которое вы написали — помните, — тогда, по моему указанию... Оно у вас готово?

Васильев. — Приблизительно готово... Дело в том, что его у меня в понедельник взяли.

Председатель. — Вы не дописали его?

Васильев. — Приблизительно... Потом, если будут вопросы, я могу дописать.

Председатель. — Позвольте его просмотреть *(просматривает документ)*. Оно довольно обстоятельное. Вы здесь дали объяснения приблизительно по тем вопросам, которые я вам здесь проставил?

Васильев. — Да, да... Они здесь отмечены.

Председатель. — Если вы захотите сделать еще какое-нибудь дополнительное сообщение, — пожалуйста, сделайте через крепостное начальство. А затем, в следующем заседании мы вас вызовем и по существу этого сообщения поставим вам дополнительные вопросы.

Васильев. — Надо будет написать?

Председатель. — Может быть, вы напишете... Значит, пока, всего хорошего.

VI.

ДОПРОС Б. В. ШТЮРМЕРА.

22 марта 1917 г.

Содержание. Вызов Штюрмера в Ставку перед назначением его премьер-министром. Его политическая программа. Штюрмер—министр внутренних дел, министр иностранных дел. Вопрос о диктатуре. Штюрмер председатель Совета Министров, министр иностранных дел и диктатор. Программа Штюрмера, как министра внутренних дел. Программа его, как министра иностранных дел. Уход Штюрмера в отставку.

Председатель. — Борис Владимирович Штюрмер?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — Пожалуйста, садитесь. Вы находитесь перед лицом Чрезвычайной, по первоначальному наименованию — Верховной Следственной Комиссии. Комиссия эта пользуется правами первого департамента Государственного Совета, т.-е. правом требовать объяснения у высших должностных лиц, потому что задачей этой Комиссии является расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц. Таким образом, отвечать на вопросы Комиссии является не только вашим правом, но и вашей обязанностью. Комиссия имеет вам задать целый ряд вопросов, так что вам, вероятно, предстоит довольно продолжительный допрос. Но сегодня, за недостатком времени, мы остановимся только на двух-трех вопросах. Мы сегодня поставим вам следующие частные вопросы: при каких обстоятельствах вы были назначены председателем Совета Министров? При каких обстоятельствах вы заняли пост министра внутренних дел? И каким образом произошло то, что вы заместили, приняв портфель министра иностранных дел, уволенного в отставку министра Сазонова? Благоволите остановиться на обстоятельствах назначения вас на эти три высоких должности.

Штюрмер. — Первый вопрос: как я был назначен на должность председателя Совета Министров... — 17-го января... виноват: кажется, это было 17-го января 1913 г... — я получил от императора записку, в которой он вызывал меня в Царское Село. На другой день (как я помню, это было 18-го января) — государь

мне сказал: то, что случилось в последнее время, он не считает возможным... Или, по крайней мере, он спрашивал мое мнение: как я отношусь к тому вопросу, который был поставлен в последнее время? Речь шла о том, что первый министр, бывший тогда, полагает, что Государственная Дума должна быть ограничена в своих работах исключительно только рассмотрением бюджетов, и что должен быть назначен ее занятиям срок. Извините, пожалуйста: я всех подробностей не помню... В общих чертах, это было так, что в две—три недели Дума должна рассмотреть бюджет и затем ее закроют. Вот как стоял вопрос.

Председатель. — Т.-е. у вашего предшественника?

Штюрмер. — Я понял так... Я ведь не был знаком со взглядами моего предшественника.

Председатель. — Вашим предшественником был?..

Штюрмер. — А. И. Горемыкин. Я понял так, что речь идет о назначении определенного срока для рассмотрения бюджета. Если бюджет не будет рассмотрен за это время, тогда вопрос решался так, что Государственная Дума не должна больше работать; что специальная ее задача: рассмотреть бюджет и больше ничего...

Председатель. — Я не понимаю: вам сказал отрекшийся император, что таково было мнение вашего предшественника?

Штюрмер. — Я так понял...

Председатель. — Что же дальше? Продолжайте вашу мысль...

Штюрмер. — Продолжение было такое. Он спросил меня прямо: как я к этому отношусь? Я сказал, что я отношусь к этой постановке вопроса отрицательно: я думаю, что, если бы Государственная Дума вышла из тех пределов, в которых ее работа должна протекать, закрыть всегда можно поспеть... А пока этого не будет, — для недоверия к Государственной Думе я не вижу причин. Я бы лично не считал этого возможным, т.-е. я говорил не в этом смысле: «лично» я, конечно, мог догадываться, о чем идет речь, но это не было формально сказано... Я считал, что этого не следовало делать, что я не могу согласиться с той постановкой вопросов, которая выдвинута... Государь выразил сочувствие этому моему взгляду. Затем разговор был очень длинен, — на многие темы... Кончилось тем, что он сказал мне, что он имел в виду меня назначить на эту должность, т.-е. когда Горемыкин оставит службу.

Председатель. — Это случилось скоро?

Штюрмер. — Это случилось 20 марта...

Председатель. — Вы говорите, что произошел длинный разговор. Что же? Ведь вы должны были занять руководящий пост в Российском государстве, — вероятно, разговор был о вашей программе?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — Какая же была программа? Как вы изложили ее бывшему императору?

Штюрмер. — Эта программа была такая, что я считаю, что Государственная Дума работать может и нужна... Я никогда не был и не буду тем человеком, который будет говорить, что Государственная Дума напрасна, что ее не нужно и т. д. Вот в этом смысле... Я не помню подробностей, — потому что я так мало ожидал этого, так удивился, что в голову не могла притти мысль о программе... Но целого ряда вопросов касались мы... Речь была тогда о Твери...

Председатель. — Какой вопрос о Твери?

Штюрмер. — Государь вспомнил, что я был когда-то председателем тверской управы. Потом я еще раз ездил в Тверь по школьным делам, потом еще... Вообще я этим был так взволнован, откровенно говоря, что не могу вспомнить всех подробностей... Но в конце разговора он сказал, что считает возможным Государственной Думе работать, считает нежелательным сокращение и высказывание недоверия. Он сказал, что рассчитывает на меня.

Председатель. — Вы изложили вкратце внешнюю, фактическую историю вашего назначения. Какова же была внутренняя история вашего приглашения к власти, т.-е. благодаря чему и каким влияниям вы получили это назначение?

Штюрмер. — Я не могу на это ответить... Никакого влияния у меня не было, никаких обращений к государю не было!.. Последний раз, когда я видел государя (это было весной 1914 г.) — это когда я выехал вместе с государем по случаю трехсотлетия дома Романовых: я выехал вместе с ним в Тверь. Он ездил по случаю трехсотлетия...

Председатель. — Но все-таки чем вы объясняли, что государь обратился к вам?

Штюрмер. — Очень трудно сказать... Всякий раз, когда я имел случай видеться с ним, а это было очень редко: по случаю получения знаков отличия, государь со мной беседовал вообще о делах...

Председатель. — При каких обстоятельствах вы были назначены министром внутренних дел?

Штюрмер. — Министром внутренних дел? Это было в начале или середине марта. Государь император высказал мне неудовольствие по поводу управления министерством внутренних дел моим предшественником и остановился на мне.

Председатель. — Кто был тогда?

Штюрмер. — Хвостов, А. Н... И его величество сказал мне, что просмотрел списки, и спросил, кого я укажу... Я ему указал графа А. А. Бобринского. Затем государь мне высказал, в следующий раз, когда когда был мой доклад, он говорил так, что он

считает более правильным, как было при Столыпине, когда Столыпин был премьером... Он полагал, что министр финансов и министр внутренних дел — это едва ли не более всего ответственное... и что для первого министра важнее быть министром внутренних дел... Я помню, я объяснил, насколько это было бы трудно...

Председатель. — Каким образом добились вы портфеля министра внутренних дел и кто посодействовал этому?..

Штюрмер. — Как же можно добиваться?! Мне так было тяжело с одной должностью!.. Так что добиваться я не мог: никогда, до последней минуты этого не было и никаких посредников между мной и государем не было...

Председатель. — Скажите, а при каких условиях вы заняли пост министра иностранных дел?

Штюрмер. — Министра иностранных дел... Это было так. Когда я был в Ставке и там был Совет Министров, начальник штаба генерал Алексеев...

Председатель. — Когда это было?

Штюрмер. — Это могу сказать: 27 и 28 июня 1916 года... Тогда мне пришлось возбудить вопрос о том, что нужно назначить особое лицо, уполномоченное для разрешения дел, касающихся войны, или — как вам сказать? — для участия гражданского лица в войне... Вообще это формулировано было так... Пожалуйста, извините, если я не буду точен: я не могу... Все это случилось с такой головокружительной быстротой, что я не мог запомнить. Я помню общую схему: что необходим диктатор... Это слово было произнесено, я его запомнил, — может быть, не Алексеевым, а кем-нибудь другим — диктатор, который бы взял все: как дело гражданское, так и военное, в свои руки... Потому что есть особое совещание, Совет Министров — все это должно быть объединено в одних руках... Я помню, что слово «диктатор» было произнесено. Последовал целый ряд возражений... При чем было указано, что надо особое лицо назначить, которому мы можем дать в иных случаях особые полномочия, — вот в какую схему вылилось... Тогда государь спросил меня: мог ли бы я принять? Я ответил: «Конечно, нет!.. Я затруднен и без того: я не в состоянии...» Тогда, в тот же день вечером, по телефону я доложил государю, что я успел обдумать и совершенно не могу совместить эти три должности...

Председатель. — Т.-е. должности председателя Совета Министров, министра внутренних дел, да еще диктатора?

Штюрмер. — Потому что слишком много... Очевидно, это даст целый ряд других вопросов и таких вопросов, которые еще не разрешены и требуют особых специальных лиц, которые этим специально занимались бы... Помню, например, был поднят вопрос о сахаре... Может быть, вспомню и несколько других

вопросов. . . И вот эти вопросы не под силу тому, кто не занимался ими отдельно. Помимо общественных и правительственных сфер, нужно было, чтобы этим занимался кто-нибудь специально и под руководством. . .

Председатель. — Но какая связь между необходимостью иметь диктатора по этого рода делам и постом министра иностранных дел?

Штюрмер. — Когда была речь об этом, я в тот же вечер доложил государю, что решительно не могу занять эту должность и всеми тремя должностями править, — тем более, что Министерство Внутренних Дел более всего дает мне работы: мне слишком трудно, я не могу заниматься, нужно отказаться. . .

Председатель. — Отказаться от председательства в Совете или от Министерства Внутренних Дел?

Штюрмер. — Результат был тот, что государь сказал, что он обдумает. . . И было решено, что я от поста министра внутренних дел увольняюсь и займу другой пост. . .

Председатель. — Почему?

Штюрмер. — Так как убедился, что государь не имеет в виду оставить Сазонова.

Председатель. — Так что вы сами, убедившись в том, что государь не предполагает оставить Сазонова, указали на эту должность?

Штюрмер. — Как я мог указывать! . .

Председатель. — Ну все - таки. . . Я поставлю вам вопрос: какая связь между необходимостью иметь диктатора и тем, что вы, не будучи диктатором, заняли пост министра иностранных дел?

Штюрмер. — Связь та, что слишком много! . . Я не мог оставаться министром внутренних дел. . . Я полагал остаться в Государственном Совете и исполнять обязанности диктатора, которые были недостаточно ясны, которые меня пугали, в особенности имея такое важное министерство, как Министерство Внутренних Дел. . . Таким образом я отказался от Министерства Внутренних Дел. . .

Председатель. — Для того, чтобы занять пост диктатора, вы перешли в Министерство Иностранных Дел?

Штюрмер. — Нет, я не думал о переходе куда-нибудь. . . Я должен был отказаться от одного из трех: я не мог быть и председателем Совета, и министром внутренних дел и еще диктатором. . . Я должен был отказаться. . . Самое трудное из трех было Министерство Внутренних Дел, от которого я и просил государя меня уволить.

Председатель. — Но вы могли быть председателем Совета Министров, диктатором и министром иностранных дел?

Штюрмер. — Это не сразу случилось. . . Когда я разобрался, какого рода диктатура, какие обязанности диктатора, я сле-

дующий раз доложил краткий мой обзор того, что мне предстоит... Я все-таки настаивал на том, что министром внутренних дел я остаться не могу. Тогда последовало назначение.

Председатель. — Значит вам показалось, что Министерство Внутренних Дел труднее, чем Министерство Иностранных Дел?

Штюрмер. — Несомненно, оно так и есть!.. Министерство Иностранных Дел не так кропотливо. Ведь там, в Министерстве Внутренних Дел, с утра до вечера, во всякое время дня и ночи — справки, телеграммы, телефоны, распоряжения!.. Вот это мне казалось весьма трудным...

Председатель. — Какова была ваша программа, как министра внутренних дел?

Штюрмер. — Как вам сказать?.. Программа... Могу сказать программу, которую я составил, набросал... Я был четыре месяца министром внутренних дел: пока, — шли текущие дела...

Председатель. — Простите: я спрашиваю не о том, какая программа была составлена вами впоследствии, а что ставили вы во главу вашей программы, которую изложили государю, когда были назначены министром внутренних дел?

Штюрмер. — Мне очень трудно указать, что именно... Одно вытекло из другого...

Председатель. — Ну хотя бы что-нибудь одно, из чего вытекло другое...

Штюрмер — Прошу верить, что говорю откровенно!.. Я полагал, что нужно сохранить то положение, которое было, — стараться без столкновений, без ссор, поддержать то, что есть... А завтра будет видно, что будет дальше...

Председатель. — Т.-е., с кем не иметь столкновений и ссор?

Штюрмер. — Чтобы Министерство Внутренних Дел не возбуждало с Думою никаких столкновений и ссор. Это было указано...

Председатель. — Значит, не иметь столкновений и ссор с Государственной Думою? Этим, так сказать, исчерпывалась ваша программа?

Штюрмер. — Да. Вы меня спросите: что и как? Может быть, я и смогу ответить...

Председатель. — Нет: не по отдельным вопросам... Но представляли ли вы себе, занимая такой важный пост в таком громадном государстве и в такой трудный момент жизни этого государства, что надлежит сделать министру по внутренним делам русского государства?

Штюрмер. — Целый ряд реформ... Например: городовая реформа, земская, волостная и т. д. — Целый ряд вопросов, которые были поставлены, и этими вопросами надлежало заняться...

Председатель. — Т.-е., они вами были поставлены?

Штюрмер. — Нет, они были поставлены жизнью. Вопрос волостной реформы, который был давно поставлен...

Председатель. — У вас было представление о способе его разрешения?

Штюрмер. — По отдельным вопросам, конечно... Я имел взгляд на волостную реформу... Относительно земства — то же самое, что нужно итти дальше! Потом о мелкой земской единице...

Председатель. — Вы говорите, что давно эти вопросы поставлены на очередь? Но чем ваша программа и ваше отношение к этим вопросам отличались от предыдущего или предыдущих министров?

Штюрмер. — Я этим не занимался... Я занимался постольку, поскольку вопросы проходили в отдельных случаях в Государственном Совете, — на обсуждение отдельных комиссий... Я не изучал их специально. Мне было поручено ими заняться и поставить их во главу угла. Я занимался этим четыре месяца.

Председатель. — А какова была ваша программа, в качестве министра иностранных дел?

Штюрмер. — В качестве министра иностранных дел моя программа была достаточно точно высказана... Во-первых, я ни о чем более не заботился, как о поддержании союзников: с ними бороться... против немцев... Первое, что было основой, — было полное сочувствие и содействие Франции, Англии и частью Италии, которая потом присоединилась... А затем, — внутренняя задача была направлена к тому, чтобы заливы получить и Константинополь!.. Я был очень рад, что уже велся разговор между моим предшественником и послами... И все время хлопотал об этом... Это было очень трудно! Сначала Англия оказывала противодействие. Я добивался того, чтобы было опубликовано безотлагательно... В особенности, когда начался польский вопрос — когда поляки просили, чтобы им были даны известные права: я настаивал, чтобы сначала русский народ получил и знал, что его ожидает!.. Но это — воля государя. — (Русский скажет: — а нам-то что?..) Опубликовать, что есть соглашение с Англией и Францией и что этот союз даст нам в будущем Дарданеллы, Босфор и проливы... Тут я встречал некоторые затруднения. Не могу в подробностях говорить, — но в общем, могу сказать, что сначала Англия согласилась — согласие было дано... Но для меня важно было это обнародовать. И против этого сначала Англия, а потом Франция протестовали до конца октября... И только, когда была составлена моя речь, которую я старался внести это в последних числах октября — наконец, было получено согласие тех и других на то, чтобы это было обнародовано...

Председатель. — Ответьте нам, пожалуйста, на последний вопрос, естественно вытекающий отсюда: вопрос о том, при каких

условиях вы оставили пост министра иностранных дел и председателя Совета Министров?

Штюрмер. — Извините... Я совершенно откровенно говорю,— считая, что вы понимаете, что я говорю открыто, — что здесь две стороны, между которыми идет борьба... Разумеется, когда идет борьба, участники этой борьбы должны употребить все силы, чтобы победить. Я исхожу из того, что было так и прежде... Во-первых, я скажу следующее: со времени, как я был назначен и выступил 9-го февраля в Думе в первый раз, я ни разу не помню, чтобы было, до конца сессии, какое-нибудь недоразумение или затруднение!.. Дело было так, что Дума была на меня в претензии. Я не хлопотал о закрытии ее. Многие мне говорили: «Отчего вы Думу не закрываете?» — «Потому что она не кончила своего дела». — «Когда же она закончит свои дела?» — «Так, в 20-х числах июня...» Тогда Дума и была закрыта. Затем, когда она открылась 1-го ноября, то картина совершенно изменилась. Я должен сказать, что в конце ноября Родзянко был у меня (у меня болела нога) и нашел необходимым сообщить, что со мной Дума работать не будет...

Председатель. — Это когда было?

Штюрмер. — Это было в октябре, за несколько дней до открытия Думы. Он сказал: «Имейте в виду: Дума не будет с вами работать!..» Я сказал, что и увольнение зависит не от меня лично... И решил, что, очевидно, не могу остаться, раз будет препятствие к совместной работе Думы и правительства... К сожалению, в день открытия Государственной Думы я уехал в Государственный Совет после речи Родзянко и не слышал речи Милюкова, который совершенно напрасно меня обвинял... Если бы я был там, я бы сказал, что никаких взяток не брал, никаких взяток ни с кем не делил!.. Я, к сожалению, этого не мог сделать. Озлобление, повидимому, было настолько сильное, что я не мог и думать выходить на кафедру, не подвергая правительство, в лице своего председателя, каким-нибудь нежелательным выходкам...

Председатель. — Вы не могли выходить?

Штюрмер. — Я знал, что если я выйду на кафедру, тогда будет такой скандал, который будет не ко мне относиться лично, а как к председателю Совета Министров и к Совету Министров...

Председатель. — Но вы только что сказали, что когда приехал Родзянко и когда он сказал вам, что Дума не может с вами работать, то вы сказали, что уход зависит не от вас. Но, тут, когда правительство, в вашем лице, не могло появляться перед Думою, каково было ваше отношение?

Штюрмер. — Я не мог ехать сейчас же в Ставку, потому что я был болен; но я следил и каждый день записывал, что про-

исходит в Думе... И вот мое резюме: если бы Дума имела что-нибудь против меня, то, в лице Милюкова, она бы сказала. Но я думал, занятия пойдут сами по себе, занятия все-таки пойдут... Но затем я увидал, что о занятиях не было и речи! Несколько заседаний сряду шел штурм власти... Обыкновенно, когда нападали на министерства, — я помню, что это всегда было по вопросам отдельным: по отдельным новым законам или при рассмотрении отдельных смет министерств, — происходили нападки на отдельные министерства... Тут я не видел нападок на отдельные ведомства, на отдельные проекты или отдельные вопросы, — а тут была прямая только критика власти, начиная с председателя и дальше!.. Тут, очевидно, шла речь не об неудовольствии данным министерством, данным вопросом, или данным законодательством, а просто — нападение принципиальное! Тогда я, при первой возможности, как только мог вставать, поехал в Ставку и доложил; разумеется, при таких условиях я не мог оставаться председателем Совета Министров и просил, чтобы меня уволили...

Председатель. — Вы говорили, что было нападение на власть принципиальное, т.-е. со стороны анархистов, не признающих власти?

Штюрмер. — Нет, были другие слова, которые я считал опасными... Неудобно было говорить в Ставке о том, что Милюков на меня нападает, но я другое орудие имел...

Председатель. — Вы различали нападение на власть принципиальное, как вы выразились, от нападения на отдельных лиц, представляющих собой данное министерство?

Штюрмер. — Очевидно. На меня было нападение, — об этом говорить нечего, потому что я был первым, на которого напали!..

Председатель. — Мы сейчас кончим наши занятия. В следующем заседании вы ваши объяснения, быть может, начнете с поставленных сегодня вопросов...

Штюрмер. — Я совершенно не предвидел, в какой области будут вопросы... Если бы я знал, о чем будет разговор, то я — не то, чтобы подготовился к какому-нибудь оправданию... Но я такую массу пережил впечатлений, такую массу занятий... что об отдельных эпизодах...

Председатель. — Дело идет не об отдельных эпизодах, а о неправильных действиях ваших вообще: согласно указу временного правительства, опубликованному Правительствующим Сенатом, дело идет о том, о чем может только итти в Следственной Комиссии для расследования противозаконных действий. Так что в этих пределах и будут задаваться вопросы.

Штюрмер. — Я не спрашиваю!.. Я не хочу забегать, чтобы подготовиться... Я хочу сказать: так было много событий, фактов, что я положительно подавлен, просто я вспомнить не могу!..

Председатель. — Вы будете давать ответы в следующий раз.

Штюрмер. — Я был председателем Совета Министров — были отдельные эпизоды... По особой диктатуре — опять отдельные... Потом был министром внутренних дел 4 месяца, был министром иностранных дел... И это так много!.. И, так сказать, — так захватывающе жизнь шла, что я могу не все подробности сразу вспомнить...

Председатель. — Вы можете быть уверены, что Комиссия войдет в ваше положение и даст вам возможность вспомнить, если вы что-нибудь позабыли, и в следующем заседании вы Комиссии сообщите...

Штюрмер. — Конечно, подделывать или придумывать я не стану: это не в моем характере... И думаю, что и вы уже в этом убедились... Если что-нибудь будет не так, я потом вспомню, в следующий раз...

Председатель. — Теперь благоволите удалиться.

VII.

ДОПРОС Б. В. ШТЮРМЕРА.

31 марта 1917 г.

Содержание: Обстоятельства назначения Штюрмера на должности председателя Совета Министров, министра внутренних дел, министра иностранных дел. Отношение к Государственной Думе, ограничение ее деятельности пределом рассмотрения бюджета. Заседание Совета Министров в Ставке, в связи с задержкой доставки в войска снарядов, угля, железа, кожи и всякого рода поставок. Вопрос о диктатуре. Отношение Штюрмера к Манасевичу-Мануйлову. Охрана Распутина. О покушении Ржевского на Распутина. О секретных поручениях. Привлечение Штюрмером Манасевича-Мануйлова к охранению Распутина. Процесс Манасевича-Мануйлова. Распутин, его роль и влияние через Вырубову на императрицу. Беседы Штюрмера с императрицей на государственные темы. Польский вопрос. Отношение Штюрмера к Государственной Думе. «Клевета» на Штюрмера Милюкова в Государственной Думе. О плане мер на случай беспорядков на почве дороговизны и отсутствия продовольствия. Отношение Штюрмера к А. А. Хвостову, как к министру внутренних дел. Замена Хвостова Протопоповым. Увольнение Климовича. Знакомство Штюрмера с Распутиным и отношения с ним. Знакомство Штюрмера с Андрониковым. Кружок вокруг Распутина. Разговор с царем по поводу назначения министров. Записка о необходимости выборов в 5-ю Государственную Думу и о способе их организации. Призыв мусульманского населения к работам. Сношения с послом Бьюкененом. Участие в отношении к румынскому выступлению. Тайные агенты министерства иностранных дел за границей. Заседание в Ставке по польскому вопросу. Дмитрий Рубинштейн. Продажа земли Штюрмера в Ярославле. Отношения с Гурляндом. Отставка Хвостова.

Председатель (обращаясь к Штюрмеру). — Благоволите сесть. Разрешите продолжать наше прерванное объяснение. Вы помните, что вы в общих чертах коснулись обстоятельств назначения вашего на должность председателя Совета Министров, затем министра внутренних дел в январе и марте 1916 года, иностранных дел 7 июля и, наконец, вашей отставки в ноябре.

Штюрмер. — Позвольте мне сделать заявление. Дело в том, что в прошлый раз вы мне ставили вопросы и я сказал, что не помню и несколько затрудняюсь точно и определенно ответить на некоторые из этих вопросов. Мне трудно восстановить в памяти точно, определенно и категорически ответить на некоторые вопросы, которые были вами мне поставлены. А именно,

что необходимо для этого восстановить в памяти целый ряд событий, из которых слагались те обстоятельства, которые вы желали выяснить. — Я не знаю, в каких выражениях это было указано, я сказал на ваш вопрос о том, как я хотел или как мог бы я себе объяснить, почему я получил предложение быть председателем Совета Министров, я вам сказал. Может быть я не помню точно выражение, вы меня извините, я вам сказал, что я не могу точно, совершенно определенно сказать, но только одно скажу, что у меня не было никакого посредника, никого, кто бы ходатайствовал перед государем, человека, который близко стоял к государю и лично меня знал. Этого я вспомнить не мог. Я же сказал, что нужно восстановить целый ряд событий в памяти. Позвольте кратко изложить их. Я поступил на службу в 72 году в Министерство Юстиции. В 78 году я был назначен. . .

Председатель. — Вам воды не нужно?

Штюрмер. — Благодарю, не нужно, у меня только горло болит.

Председатель. — Я хочу все-таки поставить вам воды, чтобы она у вас была.

Штюрмер. — Благодарю.

Председатель. — А вы в силах давать показания сегодня?

Штюрмер. — Да, в силах. В 78 году я был назначен по Министерству двора и заведывал 15 лет церемониальной частью. Государь стал обращать на меня внимание со дня торжества коронации императора Александра III. Так что с этих пор государь знал меня.

Председатель. — Со дня коронации Александра III?

Штюрмер. — Александра III. С тех пор, после коронации своего отца, когда он встречал меня при дворе, что было постоянно, знал, кто я, знал мою фамилию. Затем, когда я оставил Министерство двора, я был губернатором новгородским, во время коронации императора Николая II. Тогда государь вспомнил меня и указал, что, так как я сравнительно помню все те торжества, которые происходили недавно, то я могу быть командирован к Министерству двора для ведения церемониальной части, и я был прикомандирован. Тут уже государь после коронации благодарил меня лично, и я убедился, я, скромный по своим привычкам человек, что государь меня знает. Действительно, когда я был губернатором и представлялся государю, он говорил со мной, не как с человеком, которого знают недавно, а как с человеком, которого помнят. Тогда личные служебные отношения ко мне не имели повода обрисоваться. Они обрисовались тогда, когда я был губернатором ярославским. Государь интересовался. Я рассказываю точно для того, чтобы обрисовать показания, как это было. Государь интересовался Ярославской губернией, совершенно исключительной по своим способностям, предприимчивости, по своему богатству. Особенно его поразило то, что в этой губернии еще в 1900 году очень многие уезды были поголовно грамотные. Когда я приехал

в Ярославль в 1896 г. там было несколько уездов, в которых новобранцы в том году все были грамотные и так как вступают через известный промежуток времени, то часто бывает, что мальчики, кончив курс, забывают грамоту. Тут новобранцы не только помнили грамоту, но и развивались, и новобранцы Углицкого и других уездов все поголовно были грамотные. Я объяснил, почему это, я указал, что крестьяне Ярославской губернии не только понимают значение грамоты вообще, но и дают себе отчет в грамотности высшего порядка. Такое явление объясняется тем, что мальчик, который требуется в отхожий промысел, не берется из деревни иначе, как грамотный. Затем, если мальчик кончил церковно-приходскую или сельскую школу, то берут предпочтительнее из земской школы, потому что считают, что оттуда выходят более грамотные.

Председатель. — Если можно, вы эту часть сократите.

Штюрмер. — Государь интересовался, говорил о том, почему в других местах этого нет. — Народ там менее предприимчивый и средств имеет меньше, а это народ богатый. Как это сделать, чтобы и в других местах было. При дальнейшем разговоре, я указал, что если государь не будет отпускать средств от себя, народ своими грошами не может обеспечить себе грамотности. Это одна из тех мелочей, из которых складывались отношения. Так установились отношения и связи с государем. Затем министром внутренних дел был Сипягин. Он объезжал Ярославскую губернию, сделал доклад, который хранится в Министерстве Внутренних Дел, на котором государь начертал: «Желал, чтобы другие губернаторы так же ясно понимали, давали себе отчет, так же исполняли поручения, мною возлагаемые, как Штюрмер». Вот я и считал, что был в памяти у государя, как человек, служивший исправно.

Председатель. — Это было в каком году?

Штюрмер. — С 1896 по 1902 год, а ревизия Сипягина была в 1901 году.

Председатель. — Так что это было в 1901 году?

Штюрмер. — Да. С тех пор всякий раз, когда я приезжал в Петроград, всегда меня принимали, всегда говорили об Ярославской губернии. Затем, когда Сипягин умер, Плеве предложил мне место директора департамента общих дел. Когда Плеве умер, тогда мне сказал дворцовый комендант Гессе, что государь имеет в виду назначить меня министром внутренних дел. Гессе мне подтвердил еще раз и сказал, что я буду вызван: «несколько разговоров было, я не могу сказать, с кем и как, но на-днях вы получите вызов».

Председатель. — Это было в 1904 году?

Штюрмер. — Да, в 1904 году. Я был тогда вызван, но оказалось, что накануне было изменение, и было решено, что будет назначен князь Святополк-Мирский.

Председатель. — Предполагались вы и князь Святополк-Мирский?

Штюрмер. — Да, но князь Святополк-Мирский перебил меня.

Председатель. — Кто выдвигал тогда вашу кандидатуру?

Штюрмер. — Я позволяю себе думать, может быть с моей точки зрения это несколько опрометчиво, но я думаю, что сам государь выставил мою кандидатуру, потому что Гессе, который мне говорил, был не тот человек, который стал бы просить обо мне. Вообще в это он не вмешивался. Я объяснил все предшествующее, как завязывались сношения. Затем Святополк-Мирский виделся со мной, а слухи шли по городу, относительно того, что я буду назначен. Святополк-Мирский сказал мне: «Вот, говорили про другого кандидата, а попал я, вот я помню эту фразу, но государь очень доволен вами и желает вас, он так мне сказал, желает советами вашими пользоваться»...

Председатель. — Кто вам это сказал?

Штюрмер. — Тот же Святополк-Мирский — «и поэтому вы будете назначены членом Государственного Совета». При чем подчеркнул мне: «Вы понимаете, что иерархия такая: директор департамента, потом товарищ министра, потом министр, потом член Государственного Совета, вы же будете назначены прямо членом Государственного Совета, особой милостью государя». Тут у меня был повод убедиться в том, что государь меня помнит. Затем, когда я был назначен членом Государственного Совета, тогда уже пришлось видеться чаще и докладывать государю очень часто, при чем государь спрашивал меня о делах Государственного Совета, о тех вопросах, которые рассматривались, т.-е. которые особенно выдвигались в это время. Вот это меня еще поддерживало в том, что он имеет ко мне особое расположение.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, чем вы объясните, что с 1904 года до января 1916 года государь не вспомнил вашей фамилии при иных назначениях на высший пост, а вспомнил именно в январе 1916 года?

Штюрмер. — Виноват, здесь еще было следующее обстоятельство. Извините меня, я могу не помнить года, так сказать хронологического порядка, но, кажется, это было после министра Булыгина, а может быть Петра Николаевича Дурново, я перепутал, но это безразлично. Прошу меня извинить. Витте мне сказал — он был тогда председателем только что образованного Совета Министров, — он сказал мне: «Такой-то министр уходит, я предлагаю вас». Потом мне сказал следующее, что Дмитрий Трепов, который был тогда дворцовым комендантом, он кажется проводит (я кратко вспоминаю), другую комбинацию о том, чтобы были назначены министры из состава общественных деятелей, членов Государственной Думы и т. д.

Председатель. — Вы указываете еще на один факт, который относится к 1906 году. Как раз тогда...

Штюрмер. — Я не помню, кто из министров был тогда, кажется, Булгаков.

Председатель. — Но мой вопрос остается в силе, с маленькой поправкой. Чем вы объясняете, что с 1904 до 1916 года государь не вспомнил о вас, а в январе 1916 года вдруг вспомнил?

Штюрмер. — Опять таки я вспоминаю следующее, может быть это объяснение удовлетворит вас; дело в том, что комбинация Дмитрия Трепова не состоялас: он сам умер. После его смерти ушел Витте. Горемыкин был назначен председателем Совета Министров, и Горемыкин предложил место министра внутренних дел Столыпину. Затем, когда Горемыкин ушел, в январе Столыпин был сделан председателем Совета Министров и министром внутренних дел и когда Столыпин умер, это было в Киеве, — вот уж я не помню,—кажется был назначен Коковцев. Коковцев, вероятно, мог предложить Макарова, который был министром внутренних дел. Во время кончины Столыпина государь узнал Маклакова, и после Макарова был назначен Маклаков министром внутренних дел, потом я. Вот история этого дела. Так у меня укрепилось сознание, что государь обратил лично внимание на меня в Ярославле. Может быть вы поставите мне еще какие-нибудь вопросы, и выяснится, почему он так долго обо мне не думал. Хронологически события были таковы.

Председатель. — В своем показании, прошлый раз данном, вы говорили о диктатуре, которая предполагалась и которая была предложена вам в связи с тем, что вам пришлось переменить портфель министра внутренних дел на портфель министра иностранных дел, как менее сложный. Так вот, Комиссию интересует вопрос об этой диктатуре. Комиссия просит вас познакомить нас несколько ближе с этим вопросом. Значит, — откуда возникла мысль о диктатуре, в чем должна была эта диктатура заключаться, кто, когда и как вам предложил взять на себя диктатуру, как вы приняли это предложение и все сопутствующие события?

Штюрмер. — Позвольте сперва вам ответить на второй вопрос, который вы мне поставили в прошлый раз. Могу ли я объяснить, какая программа у меня была. Относительно готовой программы...

Председатель. — Может быть относительно программы...

Штюрмер. — Относительно программы вы изволили поставить мне вопрос: «Вы имели ли какую-нибудь программу, с какой программой вы выступили». Так был задан вопрос. Позвольте сказать следующее. Когда я продумал ваш вопрос, я себе представил, что, ведь это не в Западной Европе, не в конституционном государстве, где с переменой государственного строя во все учреждения палаты сначала проникают общественные мнения, где правительство, которому сочувствуют, поддерживают, которому не сочувствуют — не поддерживают. Наконец, есть другие группы, которые имеют свою

определенную программу. Когда монарх вызывает новых лиц к управлению, то, конечно, программы нет...

Председатель. — Вы хотите сказать, что у нас, слава богу, не было конституции?

Штюрмер. — Нет, не об этом я говорю. Вы меня спрашиваете, была ли у меня программа. Я хочу сказать, что у меня не могло быть программы, не потому, что у нас нет конституции, а потому, что у нас не так ведется, как в Европе.

Председатель. — Что у нас не было конституции, что было не так, как в Европе?

Штюрмер. — Я принадлежу к известной группе Государственного Совета. В данное время данный вопрос обсуждался в группе, так или иначе говорят, переговариваются друг с другом, соглашаются или нет, но сказать, что по всем вопросам эта группа имеет определенный взгляд, определенную программу, этого сказать нельзя. Я был в составе группы, но я никогда не слышал, чтобы была общая программа по всем вопросам, которые ставились. Я никогда не видел у группы какой-нибудь определенной программы.

Председатель. — Если мы подняли этот вопрос, то я бы вам поставил так. Европа — Европа, Россия — Россия, но все-таки жизнь идет и там и здесь и жизнь требует, чтобы человек, который брал в свои руки управление государством, имел определенный взгляд на основные вопросы, интересующие страну. Можно говорить, что в России нет никаких вопросов, тем не менее от этого в России не перестанут быть вопросы. Из того, что у нас не было конституции, не следовало, чтобы жизнь не ставила вопросов. Мы не с формальной точки зрения подняли этот вопрос, который поставили, а по существу. Нам казалось, что когда в 1916 году вы занимали последовательно высшие посты в государстве, нам казалось, что у вас должен быть взгляд на основные вопросы государственной жизни России, в такой острый момент, как война. Вот чем были вызваны наши вопросы. Наши вопросы были вызваны существом и жизнью. Вы сейчас говорите о том, что у нас не так в России, как в государствах Европы.

Штюрмер. — Я не это говорил. Я говорил в том смысле, как я ответил на ваш вопрос. Дело в том, что те вопросы, которые составляют основные вопросы страны, государственной жизни России, с этих вопросов, когда я был принят государем, и начался наш разговор. Я отлично помню, совершенно случайно в памяти осталось у меня, государь начал свой разговор с того: «Я вас последний раз видел весной в Твери». Это было в 1915 году, государь тогда осматривал все, что было приготовлено в Твери, и начал он с того, что он вынес отличное впечатление из последнего посещения Твери, что все там работают единодушно на войну. Между прочим говорил о земстве, я не помню подробности; затем спросил меня, когда

я был председателем земской управы, затем разговор перешел на земство вообще.

Председатель. — Вы говорите про Тверь, и вашу встречу в Твери?

Штюрмер. — Я говорю про Тверь. Затем про мелкую земскую единицу, первое, о чем он спросил: считаю ли я ее нужной; я сказал, что без нее обойтись нельзя, что есть целый ряд уездов, где гласные по добровольному соглашению исполняют обязанности мелкой земской единицы. Они заведуют постройками школ, дорог и т. д. Что без этого нельзя. Надо, чтобы мелкая земская единица была соединена с администрацией или чтобы были отдельные учреждения мелкой земской единицы. Дальше разговор пошел о мировых судьях. Он спросил мое мнение. Я говорил, что я был сам почетным мировым судьей в течение многих лет, отец мой был почетным мировым судьей, так что я видел, насколько важное значение имеют мировые судьи. Дальнейший вопрос был в связи с мировыми судьями, — нужны ли земские начальники. Вот все вопросы о местной жизни. Был затронут вопрос о подоходном налоге. Коснулись вопроса о Государственной Думе, о ее деятельности. Я в прошлый раз докладывал, что имелось в виду поставить известный срок, в который бы занятия Государственной Думы ограничились исключительно рассмотрением бюджета. Я имел честь уже рассказывать об этом. Я сказал, что нельзя этого делать, нельзя заранее показывать недоверие. Если будет причина, тогда можно будет Думу распустить. Вот чем кончился наш разговор. Все это были вопросы чисто местные. И только в самом уже конце государь сказал мне: «Я разделяю ваше мнение по вопросам вами изложенным, у меня имелись сведения, и я спрашиваю вас». . .

Председатель. — Позвольте связать это с вопросом о программе. Таким образом вы отвечали, что у вас было определенное отношение к Государственной Думе, которое заключалось в том, что до ее созыва нечего ее отсрочивать, что отсрочивать нужно ее только в таком случае, если, будучи созвана, она даст повод к этой отсрочке.

Штюрмер. — Повод к этой отсрочке, т.-е., если Дума будет заниматься не делом, а заниматься политикой.

Председатель. — Какую разницу вы видите между делом и политикой, почему дело противополагается политике и политика делу, и почему политика есть безделие, а не дело?

Штюрмер. — Это зависит от взгляда. То, что сейчас случилось, это было политикой, а предыдущее было не дело. Так что по своему образу мышления, по своей работе прошлой я не был склонен к этому. Это было для меня делом политики, а не делом. Это не серьезное дело, — виноват, я не так выразился, — к кото-

рому Государственная Дума была призвана, для чего она была созвана и для чего она работала. Вот как я это понимал.

Председатель. — Вы сказали, что тогда в отношении Государственной Думы было у вас, как у министра или кандидата в министры, отношение такое, что если Государственная Дума будет заниматься делом, то пускай она существует, а если она будет заниматься политикой, то ваш взгляд такой: мы сумеем ее отсрочить. Значит, это была некоторым образом ваша программа, с которой вы «повидимому» вступили. Я позволю себе спросить, какую разницу вы, и, вероятно, многие представители старой власти видите между делом и политикой. Почему эти понятия противопоставляются?

Штюрмер. — Одна есть программа: власть, которой каждый из нас в свое время присягал — царствующему монарху, и тем указаниям, которые он давал. А другое есть нечто новое, на что я не считаю себя способным. Я служил старому режиму, я считал, что этот режим нужно было поддерживать или, по крайней мере, не нападать на него. Я бы не примкнул к тому режиму, который стал бы существующее опровергать. Вот мой взгляд.

Председатель. — Существующее опровергать? Например, такое лицо, как А. Б. Самарин, вы считали приверженцем старого порядка или нового?

Штюрмер. — Я мало его знал. Считаю его приверженцем старого порядка.

Председатель. — Тем не менее вам известно, что по целому ряду основных вопросов существовали разногласия между той точкой зрения, которую вы изволили сейчас изложить и точкой зрения А. Б. Самарина.

Штюрмер. — Много было вопросов, но я Самарина мало знаю. С его братом Федором я был в большой дружбе.

Председатель. — Позвольте мне до конца осветить вашу мысль. Значит, политическое устроение России, — ибо это есть политика, — политическое устроение России вам не казалось государственной важности делом?

Штюрмер. — Политическое устроение?

Председатель. — Устроение России. Государственная Дума, которая собиралась, которую вы желали посадить исключительно на бюджет, хотели устранить. . .

Штюрмер.—Извините меня, я не хотел посадить ее на бюджет.

Председатель. — Вы желали. . .

Штюрмер. — Я хотел, чтобы она действовала так, чтобы это не было в ущерб существующему строю, но с улучшением его, так как я считал, что нужно улучшить земскую единицу, затем мировых судей и т. д. Я бы не согласился на полное ее устранение.

Председатель. — Вы изволите помнить, что это было в январе 1916 года, 4 месяца спустя после так называемого великого отсту-

пления из Галиции, т.-е., после полного разгрома русских войск, которые опирались на старый режим, который их не поддерживал, так что в январе 1916 года, повидимому, перед лицом, руководившим Россией, встали более крупные вопросы государственного строительства. Не правда ли?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — Вопросы государственного строительства и вопросы политики.

Штюрмер. — У меня не было основания думать, что эти вопросы не в достаточно крепких и надежных руках. Я мог относиться с недоверием к некоторым лицам, я говорил — разве можно обойтись без общественных сил в этом сложном деле.

Председатель. — Тут шел вопрос об ответственном министерстве, не правда ли?

Штюрмер. — Об ответственном министерстве. Да, министерство в том виде, в каком оно было до сих пор. Ответственное министерство — я думал так, что ответственное министерство есть лицо, которое выбирается, и ему представляется право назначать министров и он берет на себя большую ответственность. Тут ничего подобного не было.

Председатель. — Нет, тут были разногласия между центром и страной. Страна требовала ответственного министерства, центр не давал.

Штюрмер. — Совершенно верно.

Председатель. — Как же? В тот момент, когда страна ставит вопрос громадной политической важности, когда страна считает, что громадный очередной политический вопрос на очереди, у вас существует такое отношение к Государственной Думе, т.-е. — посмотрим, чем она будет заниматься, — делом или политикой.

Штюрмер. — Потому, что все было сосредоточено на войне. Была только война, война и война. Что делать, чтобы помогать войне?

Председатель. — А разве для того, чтобы помогать войне не нужно было сменить старую власть?

Штюрмер. — Я недостаточно знал ее недостатки. Я узнал потом уже, когда стал ближе к управлению. У меня установился взгляд к Государственной Думе. Государь меня спросил: «Вы можете взять на себя такое дело?» Я сказал ему: «Ваше императорское величество, я изложил вам свои взгляды на отдельные вопросы, вам судить, гожусь ли я или нет. Я ничего не могу сказать, я одно могу сказать, что если у меня не пойдет дело, то я настолько добросовестный человек, что скажу, что не могу его исполнить».

Председатель. — Разрешите вопрос о программе считать покончeнным. У нас вопросов нет. Теперь перейдем к вопросу

о диктатуре. Будьте добры выяснить, диктатура возникла приблизительно в конце июня, т.-е. мысль о диктатуре?

Штюрмер. — Она была предложена. Простите, что я такой вопрос ставлю, я с 28 февраля, целый месяц ничего не знаю, что делается в России, решительно ничего. Мне г. комендант объявил, что государь император Николай II отрекся от престола за себя и за наследника, также и Михаил Александрович. Что у нас на войне делается, я ужасно скорблю.

Председатель. — Но ведь государственный порядок вам известен. Сейчас существует временное правительство, вы это знаете?

Штюрмер. — Да, это было сказано.

Председатель. — Правительство, которое пользуется всей полнотою власти, которая признана решительно всеми в России, которая признана иностранными державами.

Штюрмер. — Иностранными державами? — Это для меня ново.

Председатель. — А что вас интересовало?

Штюрмер. — Меня интересовало — то, что я буду говорить, касается таких вещей, что я не знаю, как это будет, может быть это станет достоянием гласности?

Председатель. — Нет, это не станет достоянием гласности.

Штюрмер. — Что касается меня, то я могу говорить, но что касается по секрету сказанного, я буду осторожен.

Председатель. — Мы делаем дело большой государственной важности, и его делает не только Комиссия, которая вас допрашивает, но его делаете и вы, давая свои показания Комиссии. Так что мы все перед громадной ответственностью, которая на нас всех лежит. С этой точки зрения, я бы думал, все секреты отменяются.

Штюрмер. — Вот что я хотел сказать. В Ставке было заседание Совета Министров.

Председатель. — В июне месяце?

Штюрмер. — Кажется в июне. Там генерал Алексеев указал на то, что в некоторых случаях в войска идет не так успешно доставка угля, железа, и целый ряд поставок идет неблагополучно, и он считает, что надо, чтобы было такое лицо, которое бы имело право (вы меня простите, я к этому вопросу не готовился), которое бы имело сверх-власть, — когда министры ссорятся, когда несогласны, — чтобы было такое лицо, которое было бы над ними и, насколько я понял, на том месте должен быть кто-нибудь из военных людей. Тогда, при обсуждении этого вопроса, был не я, а кто-то другой, я не помню, кто предложил вопрос: «Зачем же создавать еще новое лицо, достаточно уже власти. Почему вы не можете это сделать?» «Потому что я не могу вмешиваться в отношения между министрами.» «Тогда надо предоставить это предсе-

дателю Совета Министров. Я тогда же заявил, что это слишком большая обязанность. Когда коснулись, в чем же она заключается, то выразилась она приблизительно так — в журнале Совета Министров все это занесено, вы прочтете это в две минуты, а мне восстановить это в памяти очень трудно. — Приблизительно так сказано было. Первые начали говорить министр путей сообщения и министр торговли, что нет достаточно угля на заводах, которые выделывают материал для войны, угля нет. Уголь в ведении министра торговли. Министр торговли говорит: «Да у меня уголь есть, но вы не даете вагонов», — говорит другому министру. Другой министр говорит: «Я не даю вагонов потому, что у меня Военное Министерство взяло все вагоны туда, и обратно ничего не присылает». Вероятно, слухи до вас об этом доходили, что были такие пробки вагонов, что для того, чтобы двинуть пришедшие вновь вагоны, надо было скидывать с насыпи другие вагоны. Такого рода было дело, и такой разговор. Теперь министр путей сообщения говорит: «Я ничего не могу сделать, потому, что у военного начальства есть свой особый офицер Ордин, кажется, который распоряжается отправлять или не отправлять, по месяцам ждут и ничего не могут сделать, я тоже ничего не могу сделать». — «Надо знать, кто же может разрешить, надо найти, кто бы разбил этот гордиев узел». Вот приблизительно не слова, а схема была такая. Как выяснилось потом, надо было прежде всего обратить внимание на это, потому что нет достаточно снарядов. Надо послать особое лицо в Донецкий бассейн, чтобы рассмотреть, в чем там дело. Лицо это ездило туда и сделало такой доклад, вследствие которого министр путей сообщения сам туда поехал вместе с министром торговли, и он и там разобрали, кто прав, кто виноват, и это дело лучше пошло. Следующее дело—было сахарное дело. Говорили, что нет сахара, но хуже всего, что и на будущее время не будет. Тогда нужно было предложить совету, чтобы по этому сахарному вопросу командировать специальное лицо, знакомое с плантациями, но само не заинтересованное в этом. Такое лицо было послано—товарищ председателя Государственного Совета Дейтрих. Затем вопрос о коже был чрезвычайно трудный. Кожа исчезла, были страшные злоупотребления, ее скрывали. Нужно было высочайшее повеление, чтобы было послано лицо, облеченное доверием. Вот такого рода вопросы, которые решались не мной лично, а вносились в Совет Министров, т.-е. не в Совет Министров, а на рассмотрение тех министров, которые были заинтересованы потому, что в этом составе был, например, обер-прокурор синода, которого мы не приглашали потому, что ему нет никакого дела до этих вопросов. Они обсуждались в малом совете, не то, что в малом совете, а в составе этих заинтересованных министров, и тогда делались постановления, которые приводились в исполнение, в которых мне приходилось уже потом играть роль. Я все

время избегал слова «диктатор», но оно означало «распорядитель» Началось это с генерала Алексеева. Я помню, что те, которые говорили, что это нужно, говорили потому, что мы не имели успеха на войне. Я смутно сознавал, какая это страшная ответственность, но, к сожалению, это для меня не прошло так.

Председатель. — Значит, в журналах Совета Министров занесено учреждение такой должности диктатора?

Штюрмер. — Насколько я помню, там есть памятная записка, что государь император указал, как это нужно делать.

Председатель. — Значит, диктатура заключалась в том, что одно лицо — и в данном случае вы — получало право вмешиваться в дела, подведомственные отдельным министрам, с правом эти дела решать?

Штюрмер. — Да, в ту или другую сторону изменять, но по совещанию с теми же заинтересованными министрами.

Председатель. — Как же такие полномочия возлагались на одно лицо? Как это вязалось с основными законами, которые были обязательны и для отдельных министров и для Совета Министров?

Штюрмер. — Этот вопрос я и выдвинул в Совете Министров. Этот вопрос выдвигали и другие во время прений, но я помню, что тогда принято, — я не могу сейчас точно сказать, я может быть вспомню потом, — что теперь военное время, что начальник штаба заявляет, что вопрос очень серьезный и срочный, надо сейчас действовать, нет времени, некогда рассуждать. И тут кто-то произнес слово «диктатор».

Председатель. — Так что этот вопрос поднимался, но, в виду обстоятельств военного времени, ему не было дано хода?

Штюрмер. — Вообще весь темп разговора был такой, что нечего рассуждать, надо действовать.

Председатель. — Кто был на стороне учреждения такой диктатуры? Как поделились голоса?

Штюрмер. — Простите, я помню одно, что против диктатуры возражал министр путей сообщения Трепов, это я очень хорошо помню.

Председатель. — Кто его поддерживал, вы не помните?

Штюрмер. — Это был такой удар для меня, неожиданность, что я не следил, кто и что говорил.

Председатель. — Почему удар?

Штюрмер. — Я видел, что это страшно увеличит дело.

Председатель. — Позвольте после этого разъяснения считать, что решение, принятое в июне, послужило одним из оснований к тому, что вы 7-го июля приняли портфель министра иностранных дел?

Штюрмер. — Это не только послужило, это было единственной причиной. Я сказал, что не могу, я должен был отказаться

или от председательствования в Совете Министров или от поста министра внутренних дел и взять тогда более легкое министерство. У нас легкими министерствами считались — Министерство Иностранных Дел и святейший синод.

Председатель. — Почему Министерство Иностранных Дел, т.-е., значит, учреждение, которое ведает внешней политикой мирового государства, во всяком случае великой державы? Как одно могло считаться по легкости своей равным министерству синода?

Штюрмер. — Мне трудно сказать это, я никогда в нем не служил, об этом тогда разговора не было. Мне трудно сказать.

Председатель. — Почему вы не можете сказать?

Штюрмер. — Если вы мне позволите сказать, как на практике я считал, я не буду обобщать, я буду брать, как было. Я думаю, что как в то время, так и до сих пор вся политика Министерства Иностранных Дел сосредоточивалась на войне. Дело это вели три представителя Министерства Иностранных Дел, два посла, английский и французский, и изредка приезжал итальянский посол, но он менее имел влияние потому, что в то время они ничего не делали, и дело начиналось так. . .

Председатель. — Может быть лучше не нужно говорить даже нам о представителе дружественной нам державы, о том, что он приезжал?

Штюрмер. — Во всяком случае, это случилось в связи с этими тремя послами, остальные европейские вопросы не имели того значения, да и посланники не ездили, а иногда приезжали, их принимал товарищ министра. Так, что все сгруппировалось, в одном месте. С одной стороны, было очень трудно, но, с другой стороны, это не было так бесчисленно, разнообразно и бесконечно, как в Министерстве Внутренних Дел, где целые дни телеграммы, ночью телеграммы, где экстренно желают видеть, нужно принимать. Там было адское положение. Это мне подсказал опыт.

Председатель. — Что вам подсказал опыт?

Штюрмер. — Этот опыт мне подсказал, я объясню, что я увидел потому, что понимал и чувствовал, что легче Министерство Иностранных Дел, чем Министерство Внутренних Дел.

Председатель. — Простите, когда вы изволили определять задачи Министерства Иностранных Дел, вы изволили взять совершенно внешнюю, я бы даже сказал, канцелярскую сторону. Разве в Министерстве Внутренних Дел нет мозга, который должен быть весь обращен на великую задачу ведения внешней политики со стороны нашей родины?

Штюрмер. — Совершенно верно, это и было. Это была одна задача, и все было сосредоточено на ней. С одной задачей можно было справляться, а задача Министерства Внутренних Дел, это

была ужасно непосильная работа. Я узнал, что государь император желает переменить министра иностранных дел.

Председатель. — Почему переменить? Как вы это узнали?

Штюрмер. — Не знаю, его величество не сказал почему.

Председатель. — Значит, он не сказал, почему он хочет переменить министра иностранных дел?

Штюрмер. — Определенно, чтобы те или другие шаги были, он не говорил, но вообще он был недоволен какой-нибудь ошибкой.

Председатель. — Как же вы справлялись с этой большой задачей, как вы соглашались с основной задачей Министерства Иностранных Дел, т.-е., руководить внешней политикой России?

Штюрмер. — Т.-е., что вы хотите сказать?

Председатель. — По существу, какие у вас вопросы возникали, — так, например, вопрос об отношении к союзникам?

Штюрмер. — К союзникам отношения были самые определенные, самые дружеские, откровенные.

Председатель. — Вам известно, что вся германская печать встретила с радостью ваше назначение министром иностранных дел и говорила и связывала это с предложением мира?

Штюрмер. — Нет, этого я не знаю, но я себе это объясню тем, что я был совершенно неизвестным деятелем, одним из очень многих в империи, ничем себя не выказывавший и, кроме того, с немецкой фамилией. Вот я и думаю, эта немецкая фамилия сыграла ту роль радости. Я всеми способами пользовался, чтобы разочаровать их в этом. Я был у московского городского головы и сказал ему: «Вы меня знаете, знаете, что я православный, я у вас в Москве был, а вот говорят, что я иностранец. Пожалуйста, я вас прошу говорить всем и каждому, что это неправда, что отношения у меня с английским и французским послами самые лучшие, что я держу знамя России высоко». В некоторых вопросах у нас были несогласия, но с английским послом я всегда был согласен. Один раз была история, что в газете «Русский Гражданин» было напечатано выступление против англичан. Тогда я спрашивал, посылал объясниться. Он должен был поехать объясняться с послом.

Председатель. — Вы по собственной инициативе это сделали?

Штюрмер. — Насколько помню относительно этого — да. Может быть потому мы сейчас заговорили об этом, но во всяком случае существует телеграмма (может быть неудобно об этом говорить?) лорда Грея, в которой он говорит по поводу истории Булацеля, что он сообщил Бенкендорфу и что он дело Булацеля считает покончeнным. У него осталась в памяти только благодарность за то содействие, которое министр иностранных дел Штюрмер оказал, чтобы это дело выяснить. А с английским послом всегда отношения были самые лучшие.

Председатель. — Значит, во-первых, вы это объясняете вашей немецкой фамилией, и, во-вторых, тем, что вас не знали немцы.

Штюрмер. — Я никогда не выступал в качестве министра.

Председатель. — Так что такая встреча была основана на недоразумении?

Штюрмер. — Я думаю — на немецкой фамилии.

Председатель. — Но основывать это на немецкой фамилии, значит основывать на недоразумении?

Штюрмер. — Ничего другого не было.

Председатель. — Тем не менее, это был факт. Как вы к нему относились, т.-е. к тому факту, что назначение министра иностранных дел в России, которая находится в войне с Германией, приветствуется сплошь германской печатью, как признак предстоящего мира.

Штюрмер. — Дело в том, что, когда я вступил в управление министерством, я разослал выработанную канцелярией ноту, что назначение мое знаменует прежнюю политику, т.-е. полное единение с союзниками и убеждение, что война не будет закончена без того, чтобы мы не достигли результатов, положенных в основу.

Председатель. — Вступая, министр иностранных дел делает такое разъяснение и тем не менее германская печать говорит: «Радуйтесь, дело хорошо у нас, потому что в России назначен Штюрмер министром иностранных дел, значит, скоро можно рассчитывать на мир». Таков смысл.

Штюрмер. — Что я мог сделать, кроме того, что я объявил, что я продолжаю старую политику? Что же я мог еще сделать?

Председатель. — Но вас не беспокоило такое впечатление у немцев?

Штюрмер. — Извините, когда я что-нибудь не так сделаю, у меня это на совести, а когда я знаю, что я делаю так, как следует, и это известно всем, как я мог беспокоиться? Я сам раз обращался к английскому послу, который играл первенствующую роль.

Председатель. — Как сложились ваши отношения с английским послом?

Штюрмер. — Никаких столкновений не было, он был очень доволен *(история Булацеля)*, благодарил меня, а что в душе он чувствовал, я не знаю. Если вам угодно подробности, то из них двух, я встречал гораздо более содействия и дружелюбного отношения, и меня более понимал английский посол, чем французский. Например, по польским делам с французским послом я не был согласен.

Председатель. — Разрешите, чтобы покончить с вопросом о диктатуре, поставить такой вопрос. Ведь эта мера об учреждении диктатора была обнародована? Как обстояло дело?

Штюрмер. — Я не могу сейчас ответить на это. Как вам сказать, там есть управляющий делами Совета Министров Н. Д. Лодыженский. Это очень опытный человек, я думаю, что это было сделано.

Председатель. — Это вопрос не канцелярский, вы понимаете; безответственный монарх и ответственный министр, это значит мера, которая ломала основные законы. Была она опубликована за подписью ответственного министра, за это беззаконие отвечающего?

Штюрмер. — Простите меня, мне кажется, что да. Мне очень совестно, что я не могу ответить на это, я понимаю всю важность вопроса, который вы мне ставите, но я не могу ничего сказать.

Председатель. — Разрешите потом к этому вернуться. Таким образом вопрос о диктатуре покончен. Теперь разрешите спросить вас, какие были отношения к Манасевичу-Мануйлову?

Штюрмер. — Вот какие отношения. Когда я был директором департамента общих дел, то раз в приемной Плеве ко мне подошел человек, совершенно мне неизвестный, который сказал, что он состоит при посольстве в Париже в качестве агента по сыскной части (кажется, Ратьков был), я его еще несколько раз видел, он являлся с докладом и к Плеве, очень образованный и интересный человек. Он у меня был, оставил карточку; вероятно, и я ему оставил карточку.

Председатель. — Вы были тогда директором департамента общих дел?

Штюрмер. — Да. Но дел у нас никаких не было по службе. Он состоял в ведении департамента полиции. Затем он уехал, и я его потерял из виду. И вот, когда я был членом Государственного Совета, я встретил его в приемной у Витте, и он сказал, что он состоит при Витте.

Председатель. — Который был при этом кем?

Штюрмер. — Он жил на островах, значит, был председателем Совета Министров, я это хорошо не помню. Знаю, что он был на службе на жалованье, вроде дежурного чиновника при нем, но я хорошо не помню: председателя Совета Министров или Комитета министров. Таким образом знакомство возобновилось. Так что, когда я был назначен председателем Совета Министров, то не помню, кто-то говорил о том, для вас нужна охрана, нужно людей знающих, у нас есть такой человек, который имеет отношение к прессе, и назвал фамилию Манасевича-Мануйлова. Я сказал, что я его знаю, что он был при посольстве в Париже и что он был при Витте и что я его биографию не знал, знаю, что он был информатором и сотрудником «Нового Времени» и «Вечернего Времени», где он писал под инициалами М. М. Потом он был прикомандирован в мое распоряжение — председателя Совета Министров.

Председатель. — Кем?

Штюрмер. — Он, кажется, в октябре, как я потом узнал, числился на службе, по какой — не знаю, по Министерству Внутренних Дел и получал жалованье. Кажется тут слово «информатор» и было произнесено.

Председатель. — Вы ничего дурного о нем не знали?

Штюрмер. — Тогда не знал, но потом понемножку я узнал.

Председатель. — Когда вы стали узнавать?

Штюрмер. — Когда я был министром внутренних дел. Виноват, даже раньше узнал; когда я был назначен 20-го числа, через несколько дней я был в Министерстве Внутренних Дел, и тут после этого появился отчет в газетах, в котором было сказано, что такой-то секретарь председателя Совета Министров Манасевич-Мануйлов. У меня было два секретаря, которых я унаследовал от моих предшественников, Коковцова и Горемыкина, один — церемониймейстер Юрьев, другой — Нахимов, — они и заявили, что это написано. Тогда я распорядился через бюро печати (у меня сохранилось в памяти число—23 января), чтобы в «Новом Времени» было напечатано официально, что никакой перемены в личном составе секретариата у председателя Совета Министров не произошло. Секретарями попрежнему остаются Юрьев и Нахимов, и никогда в жизни Манасевич-Мануйлов моим секретарем не был.

Председатель.—Значит, и после этого объявления Манасевич-Мануйлов попрежнему продолжал быть в вашем распоряжении?

Штюрмер. — Да. Но секретарем он не был, об этом я могу официальной справкой подтвердить.

Председатель. — Тут вы и начали узнавать, что это за человек Манасевич-Мануйлов?

Штюрмер. — Я узнал из дела, что он не порядочный, что он назвался секретарем. Конечно, он отрицал это.

Председатель. — Когда же вы узнали, что из себя представляет Манасевич?

Штюрмер. — Когда узнал я его прошлое? Насколько помню, летом.

Председатель. — От кого вы узнали?

Штюрмер. — Насколько помню, от департамента полиции.

Председатель. — Как это случилось?

Штюрмер. — Директором департамента полиции в то время был Климович. Я не могу точно определить, когда и что: он мне прислал записку. Он был у Витте, потому что, когда я ушел из Министерства Внутренних Дел летом, тогда я обратил внимание моего преемника на то, что есть справка, которую он может получить от директора департамента полиции, с которой я не успел ознакомиться. Но от него он может получить все, что нужно.

Председатель. — Т.-е., вы передали чиновника особых поручений?

Штюрмер. — Он не был чиновником, но если он был нужен, я за ним посылал.

Председатель. — Но, получив эти сведения, вы не нашли нужным такого чиновника уволить?

Штюрмер. — Просто я не успел этого сделать, потому что это так совпало. Я, конечно, этой запиской интересовался, но не имел времени ее вручить, все откладывал от одного дня до другого.

Председатель. — Таким образом, значит, это было все время, пока вы занимали должность министра внутренних дел, т.-е., до какого времени?

Штюрмер. — До 7 июля.

Председатель. — Хорошо. Скажите, почему, если вы в январе не знали еще, что собой представляет Манасевич-Мануйлов, зачем вам нужно было опровергать, что он не состоит вашим секретарем, или хотя в такой форме, без упоминания фамилии Манасевича-Мануйлова, что секретариат ваш в прежнем составе?

Штюрмер. — Потому что секретарь и его товарищи были в претензии. Потому что они думали, что я их увольняю. По штату всего два секретаря полагается. Значит, они думали, что я их увольняю.

Смиттен. — Если вы личных секретарей удостоверили, что сведения не верны, разве этого не было достаточно? Зачем же было публично в печати опровержение писать?

Штюрмер. — Конечно, я был бы осторожнее, если бы я знал.

Смиттен. — Я не об этом спрашиваю. Я говорю, что опровержение в печати вы сделали для того, чтобы успокоить секретарей; вы могли бы их лично успокоить. Зачем в печати опубликовывать?

Штюрмер. — Потому что его многие видели в Министерстве Внутренних Дел и так как они слышали про сыскную часть, где он был прежде за границей, то очень многие из чинов министерства, повидимому, выражали недоумение, зачем же такое лицо, служившее прежде при сыскной части, с министром ездит?

Смиттен. — Значит, другими словами, вы утверждаете, что сама личность его при председателе Совета Министров вызывала уже некоторое неудовольствие?

Штюрмер. — Он никогда не был определенным лицом, которое могло бы быть назначено на должность. Когда были поручения, их было весьма и весьма немного, он вызывался.

Председатель. — Ведь центр вопроса не в том, в качестве чего он бывал. Бывал ли он час во весь день, не каждый день, а центр заключается в том, что вы терпели около себя лицо опороченное. Вот в чем весь центр тяжести. Как вы могли допустить?

Штюрмер. — Дело в том, что Министерство Внутренних Дел тем и отличается, что оно имеет потребность по сыскной части в таких лицах. Может быть вы изволите помнить, много лет тому

назад Бебель обвинял Бисмарка в том, что лицо, состоявшее при нем, заведывавшее сыскной частью, торговало концессиями железнодорожными? Должен сказать, я думаю, на такую должность джентльмены не пойдут, приходится терпеть таких людей.

Председатель. — Почему на должность чиновника по поручениям при Министерстве Внутренних Дел или даже при председателе Совета Министров не пойдет такое лицо? Вы мне ответили, что в департаменте полиции не могли не быть темные лица, а дело шло о том, чтобы опороченного человека изгнать с поста чиновника особых поручений при председателе Совета Министров; где сказано или какой Бисмарк или Бебель сказали, что проходимцы должны быть чиновники особых поручений?

Штюрмер. — Он никогда не был чиновником особых поручений.

Председатель. — Т.-е. состоял при председателе Совета Министров.

Штюрмер. — Мы имеем дела такие, когда очень трудно найти таких лиц, которые на это пойдут.

Председатель. — Какие такие дела у председателя Совета Министров?

Штюрмер. — Было одно дело, на которое мне пришлось его вызвать. Это было особое дело, которое мы на него возложили.

Председатель. — А именно?

Штюрмер. — Может быть вы помните фамилию Ржевского, которому вменено было обвинение? Мне нужно было узнать от его жены, жена она или нет. Я не знаю. Надо было узнать, подтвердит ли она показания Ржевского, надо отыскать ее. Я обратился к Манасевичу-Мануйлову.

Председатель. — Почему вам это нужно было сделать?

Штюрмер. — Я должен был это сделать.

Председатель. — Почему?

Штюрмер.—Необходимо было выяснить одно обстоятельство.

Председатель. — Почему и какое обстоятельство?

Штюрмер. — Я имел готовый ответ, но я затрудняюсь.

Председатель. — Пожалуйста.

Штюрмер. — Дело в том, что было сделано заявление о том, что должно быть произведено покушение на жизнь Григория Распутина. Надо было выяснить, насколько это верно.

Председатель. — Почему надо было выяснить?

Штюрмер. — Получил указания.

Председатель. — Вы получили указания?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — От кого?

Штюрмер. — Позвольте не называть от кого.

Председатель. — По-моему это даже не ваше право не называть?

Соколов. — Надо указать, что он допрашивается не в качестве обвиняемого, а в качестве должностного лица.

Председатель. — Вам указывается, что мы допрашиваем вас, как бывшее должностное лицо, не правда ли? Мы здесь не следователи, а лица, которые должны расследовать известное дело; вы будете потом допрашиваться следователем и тогда, как у всякого обвиняемого, у вас есть право не отвечать на все вопросы.

Штюрмер. — Я не могу быть обеспеченным, что это не появится в газетах завтра или послезавтра, что вообще это будет не опубликовано.

Соколов. — Тем материалом, который вы даете, мы располагаем по нашему усмотрению, как мы желаем.

Штюрмер. — Трудно сказать.

Соколов. — Вы сказали, что если вы обязаны, то вы скажете. Вам объяснили, что вы обязаны называть тех лиц, которые вам давали указание.

Штюрмер. — Это было такое конфиденциальное поручение, я могу сказать, в чем оно заключается.

Председатель. — Насчет конфиденциального и секретного я имел случай вам несколько раз указать на большое значение, государственное значение того, что здесь делается. Вы в Чрезвычайной Следственной Комиссии, которая занята чрезвычайными следственными делами. Какой же тут может быть разговор о формальностях маленьких? Тут по существу нужно знать всю правду и правду до конца. Так что я просто удивляюсь, что приходится обращать еще раз ваше внимание на это. Вы говорите: «секрет», «неловко», все это такие категории, которые должны быть отброшены. Я вас не увещеваю, вы можете поступать так, как вам угодно, только я хотел бы, чтобы вы поняли то, что здесь происходит. Так вот, значит, вопрос заключается в том, почему председатель Совета Министров заинтересовался вопросом о том, что возникло предположение, что некоторые лица отправляются куда-то, для того, чтобы устроить, убить какого-то там человека, этого самого Распутина.

Штюрмер. — Виноват, как вы ставите вопрос? Почему он заинтересовался?

Председатель. — Да, почему этим заинтересовался председатель Совета Министров?

Штюрмер. — Мне надо было дать объяснение по этому делу. Это было секретное дело. Чтобы выяснить вообще, существует это или не существует.

Председатель. — Значит, оказывается, что у председателя Совета Министров, по крайней мере в вашем лице, были такие щекотливые поручения, для которых мог понадобиться человек не особенно безупречной репутации?

Штюрмер. — Человек, который мог вращаться в той среде, где был Ржевский. Следовательно, можно было ожидать, что он может услышать что-нибудь. Это было первой причиной, почему я к нему прибегнул.

Председатель. — Вы не устали ли, не хотите ли небольшой перерыв?

Штюрмер. — Нет, благодарю, не устал.

Смиттен. — Какие еще поручения вы делали Манасевичу-Мануйлову, давали ли вы какие-нибудь поручения за границу?

Штюрмер. — За границу — ни одного, категорически говорю, ни одного.

Смиттен. — А поручений каких-нибудь других, кроме сведений, касающихся Распутина?

Штюрмер. — Я исключительно его специализировал, наметил одного и нужно было локализировать. Он должен был наблюдать за тем, чтобы охранять, наблюдать за охраной того, что делается у Григория Распутина. Я его на этом специализировал. Когда я был назначен, он уже служил в Министерстве Внутренних Дел, не знаю, в какой должности; это было в октябре за 3 месяца до моего вступления. Получал жалованье, насколько я помню, 1.000 руб. в месяц, 12.000 в год, это было до меня. Затем он стал больше получать, сначала он получал 6.000, потом 12.000, потом возник вопрос о том, что ему хотели в министерстве прибавить, но когда я его специализировал, я его перевел на шесть тысяч.

Иванов. — По охране Распутина или по наблюдениям за Распутиным?

Штюрмер. — По охране.

Смиттен. — Вы должны были следить, как за лицом сомнительным, или охранять его особу от посягательств?

Штюрмер. — И то и другое. Дело было так. Распутин последнее время стал очень много кутить, и охранка его жаловалась, что нет никакой возможности за ним наблюдать, потому что за ним приезжают разные моторы ночью и увозят его. Куда они едут — неизвестно. Он не желает, чтобы за ним следили, его охраняли. У него бывала масса народу, целый ряд посетителей и целый ряд таких, которые вместе с ним уезжали. Стало быть, нужно было поставить человека, который знал бы приблизительно, кто из лиц приезжающих мог быть опасным, нежелательным, чего низшие агенты не могли сделать. Вот тут был нужен Манасевич-Мануйлов. Это и было на него возложено. Он знал всех. Он был у него в семейство вхож.

Председатель. — Кто у кого?

Штюрмер. — Манасевич-Мануйлов у Распутина, может быть и обратно.

Председатель. — Манасевич в семействе Распутина или Распутин в семействе Манасевича?

Штюрмер. — Может быть, последнего я не знаю. Знаю, что Мануйлов бывал у Распутина, знал всех, знал фамилии, мог следить, предупреждать относительно того, что с этим опасно дело иметь, с этим можно ездить или не ездить и т. д.

Смиттен. — Вы удостоверяете, что к вам поступили сведения о том, что Распутин ускользает от сведений агентов, которые поставлены для охраны к нему?

Штюрмер. — Да. Тут целый ряд вопросов, и я был рад, что нашелся человек, который мог следить, потому что это было мучительно, все просьбы, телеграммы.

Председатель. — От кого?

Штюрмер. — От семейства Распутина, которое боялось за него, что его увозят, что его нельзя охранять, Распутин не желал иметь с ними дела. Говорил, что они стесняют его.

Председатель. — Опять таки, почему для председателя Совета Министров имеет значение беспокойство семьи Распутина. Ведь миллион семейств беспокоится?

Штюрмер. — Ведь не для моего беспокойства я оставил Мануйлова. А со всех сторон были заявления, все жаловались. Генерала, начальника охранного отделения . . .

Смиттен. —Генерал Глобачев?

Штюрмер. — Да. Оттуда шли заявления о том, что он не слушается, что там поставлены агенты, караульные, он этих агентов прогнал, и, значит, Мануйлов играл роль примирителя, увещевателя.

Смиттен. — Позвольте мне такой вопрос поставить. Манасевича-Мануйлова, которого вы учитывали, как лицо небезукоризненное с нравственной точки зрения, вы назначили наблюдать за Распутиным, потому что Распутин от наблюдения других ускользает; доверяли ли вы наблюдению, которое Манасевич осуществлял за Распутиным, и не было ли подозрения у нас, что Мануйлов и Распутин сообща будут делать дела, которые вредны для государства?

Штюрмер. — Нет, ведь охрана есть.

Смиттен. — Ведь вы говорили, что Распутин от наблюдения других ускользал и находился под наблюдением приставленного Манасевича-Мануйлова, но Мануйлов не пользовался у вас репутацией человека безукоризненного, как же вы ограждали государственные интересы?

Штюрмер. — Я не видел, в чем государственные интересы нарушаются.

Смиттен. — Тогда для чего же было наблюдение за Распутиным. Не только охрана, но и наблюдение?

Штюрмер. — Потому что думали, что охрана не достаточно твердо исполняет свои обязанности.

Соколов. — Наблюдение в целях охраны значит было?

Штюрмер. — Так сказать, я в это не вмешивался.

Соколов. — Значит, наблюдение в целях того, не занимается ли Распутин вредным делом, или наблюдение в целях только установить правильно ли он охраняется?

Штюрмер. — В охранном отделении записывались все фамилии, кто у него бывал.

Председатель. — Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос заключается в том, чтобы выяснить, какую цель имело наблюдение. Превратностью судьбы или волею судьбы этим делом в России стал заниматься председатель Совета Министров, т.-е. председатель Совета Министров русский. Председатель Совета Министров занимается охраной Распутина, устанавливает за ним наблюдение и тогда, когда волею судеб это завершилось, вам ставят вопрос: какова была цель того наблюдения, которое вы установили. Не то, что можно прочесть в листках, там о цели наблюдения меньше всего можно прочесть, а цель знает тот, кто учреждает это особое наблюдение.

Штюрмер. — Исходный пункт был тот, что на него было сделано покушение. Надо было исследовать, правильно ли это или нет. Помог в этом Мануйлов, потому что у него были связи. С этого и началось. Затем последовали жалобы, что Распутина не могут охранять, потому что он никого не слушает и делает все по-своему.

Председатель. — От Глобачева, от департамента полиции?

Штюрмер. — Да, и от департамента полиции и оттуда шли на Распутина жалобы. Тогда был под рукой человек, который его знал лично, бывал у него, который мог ему объяснить то, чего не могли объяснить низшие агенты. Этот человек и был к нему приставлен.

Председатель. — Так что это для проведения наблюдений и для примирения с этим наблюдением Распутина?

Штюрмер. — Я извиняюсь. Я не был подготовлен к этому. Вот сейчас я вспоминаю, что было два случая, когда было заявлено, что приходили к нему два офицера ночью, опрашивали его, хотели бить. Потом другой случай был, что какой-то Таль хотел покушение сделать. Это поддерживало убеждение, что обыкновенные агенты не могли ничего сделать. Он их к себе в комнату не пускал, нельзя было установить внутреннее наблюдение. Это наблюдение велось охраной, но так как этого было недостаточно, возбуждалось опасение, что может повториться такой случай, который был в Сибири, когда на него было произведено покушение. Тогда к нему приставили Манасевича-Мануйлова с специальным поручением охранять его.

Соколов. — Вы упоминали, что получили секретное поручение расследовать дело о покушении Ржевского на Распутина. Какие-нибудь секретные поручения вы получали...

Штюрмер. — Из того же источника?

Соколов. — Из того же источника или из другого.

Штюрмер. — По вопросам политическим не могу вспомнить.

Соколов. — Какие вопросы?

Штюрмер. — Их было много.

Соколов. — Те, которые были.

Штюрмер. — Я начал с того, что я знал.

Соколов. — Кроме этого секретного поручения, были еще другие?

Штюрмер. — Опять таки мне это трудно сказать; что вы называете секретным? В Министерстве Внутренних Дел все секретно. Я не могу иначе сказать, чем секретно. Например, оценка какого-нибудь чиновника выдающегося, который непосредственно к государю императору имеет отношение, это опять таки секретно; но тем не менее я никогда не получал секретных отношений относительно его.

Соколов. —Вы считаете секретным отзыв о тех чиновниках, которые имеют непосредственное отношение к государю. Так вот, какие отзывы приходилось вам давать о лицах, имеющих непосредственное отношение к государю?

Штюрмер. — Их было немного.

Соколов. — Тем легче вам будет перечислять, если их было немного.

Штюрмер. — Я бы просил опять таки, чтобы это осталось, не оглашалось, если возможно, тут по поводу Ржевского.

Председатель. — Относительно этого, тут уже оговорка есть, Значит, вам известно, что просьба о каком-нибудь сохранении секретов между нами совершенно неуместна.

Штюрмер. — Я бы хотел, чтобы это не попало в газеты.

Председатель. — Позвольте, без деталей. Обратите внимание на то, что между нами не может быть никаких договоров относительно секретов. Я вам уже объявлял несколько раз о целях Комиссии и из этих целей вы уже сами можете сделать известный вывод относительно того, насколько это подлежит оглашению.

Соколов. — Вы начали о Ржевском.

Штюрмер. — Из этого дела о Ржевском возникла переписка между «Биржевыми Ведомостями» и другой какой-то газетой. Изложена была беседа корреспондента с Белецким, сенатором, который был назначен иркутским генерал-губернатором. Я счел своим долгом доложить государю императору, как это было.

Соколов. — Когда вы доложили, какое последовало распоряжение?

Штюрмер. — Он не был назначен генерал-губернатором.

Соколов. — Чем вы мотивировали, почему он не был назначен?

Штюрмер. — Отсутствие служебного такта.

Соколов. — В чем Белецкий проявил отсутствие служебного такта?

Штюрмер. — Он рассказывал свои интимные отношения служебные с бывшим императором, то, что тот ему сказал, что он ему ответил. Это такого рода служебная тайна, которую разглашать не дозволялось.

Соколов. — Вы говорите о том интервью, где Белецкий говорит, что Хвостов, вместе с Ржевским, имел замысел убить Распутина? Вы считали, что это интимная вещь, которую нельзя оглашать.

Штюрмер. — Нельзя оглашать, потому что я убедился, что это неправда, а он напечатал. Он не должен был писать против министра.

Соколов. — Он не был назначен генерал-губернатором, но остался сенатором?

Штюрмер. — Это дело министра юстиции.

Соколов.—Вы не возбуждали вопроса о его служебном преступлении, что он, пользуясь званием товарища министра и сенатора, распространяет заведомую клевету о министре внутренних дел?

Штюрмер. — Это послужило поводом . . .

Соколов. — К тому, что он не получил должность генерал-губернатора?

Штюрмер. — Да.

Соколов. — А сенатор он оставался. А о том, чтобы возбудить служебное расследование . . .

Штюрмер. — Я сообщил министру юстиции.

Соколов. — Кто был министром юстиции?

Штюрмер. — Хвостов.

Соколов. — Что же вам ответил Хвостов?

Штюрмер. — Что он очень возмущен, отрицательно относится к этому и остановился на мысли о том, что он не должен оставаться сенатором.

Соколов. — Это осуществилось или нет?

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — И вы терпели, как председатель Совета Министров, что лицо, с заведомой клеветой выступившее в печати, оставалось на этой должности?

Штюрмер. — Я был по должности министра внутренних дел, а в должность, касающуюся министра юстиции, я не вмешивался.

Иванов. — Скажите, когда вы получили сведения о неблаговидной деятельности Манасевича-Мануйлова, то вы изволили содействовать расследованию его деятельности. В чем-нибудь выразилось это содействие?

Штюрмер. — Нет, я его специально назначил заведывать охраной Распутина, никаких других поручений я ему не давал. Это было гораздо раньше.

Иванов. — Вы не сделали распоряжения, чтобы было быстрое расследование?

Штюрмер. — Я должен был сделать, но не сделал, не успел. Нужно бы это сделать, я передал это Хвостову, который заменил меня и сказал, что все подробности он получит от директора департамента. Прошу помнить, что Манасевич-Мануйлов оставался у меня в роли наблюдателя за деятельностью Распутина.

Завадский. — Вам было известно, что министр юстиции А. А. Хвостов был родным дядей министру внутренних дел А. Н. Хвостову. Вам Алексей Николаевич Хвостов не говорил, чтобы вы докладывали государю об увольнении Белецкого, потому что тот может подумать, что дядя мстит за племянника, и потому он, при всем желании выгнать Белецкого, не может об этом доложить государю и предпочитает, чтобы это сделал председатель Совета Министров?

Штюрмер. — Я не помню подробно, я бы скорее сказал, что это было так: докладывал сначала я, а потом Хвостов.

Завадский. — Тем не менее он от сенаторства не был уволен.

Штюрмер. — Я не просил об этом; А. А. Хвостов писал после личного словесного доклада, из которого он вынес впечатление, что он остается.

Соколов. — Господин Штюрмер, вы начали говорить, что у вас были секретные поручения относительно назначения и увольнения всех чиновников, которые имеют непосредственное отношение к государю, упомянули о случае с Белецким. Еще какие были секретные поручения?

Штюрмер. — Простите, я не припомню, может быть и были.

Соколов. — Вы сейчас не вспоминаете? Нет, секретные поручения другого характера, относящиеся не к назначениям.

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — Вы сказали, что вам давали другие. Одно было секретное поручение расследовать вопрос о том, действительно ли Ржевский покушался на жизнь Распутина, затем ваш доклад о личности Белецкого — это не по поручению, а по вашей личной инициативе. Какие еще поручения вам давались секретного характера?

Штюрмер. — По какому отдельному вопросу определенно сказать не могу. Какие поручения? Вроде этих?

Соколов. — Хотя бы и вроде. Вы секретные другие поручения не вспоминаете?

Штюрмер. — Т.-е. то, что под рубрикой секретных поручений; они у меня не являются, я их не вспоминаю.

Председатель. — Разрешите сделать маленький перерыв.

Штюрмер. — Позвольте обратиться к вам с просьбой. Дайте мне какие-нибудь указания о том, что на войне делается, потому что я, как русский человек, очень близко этим интересуюсь, и мне никто ничего не говорит.

Председатель. — Это потом.

После перерыва.

Завадский. — Комиссии очень важно знать, не были ли вы знакомы с Манасевичем-Мануйловым в бытность вашу ярославским губернатором?

Штюрмер. — Нет.

Завадский. — Никакими постройками не занимался Манасевич-Мануйлов в Ярославле?

Штюрмер. — Я его увидел, когда был директором общих дел, уже после Ярославля. Я перешел сюда в 1902 году.

Завадский. — А о деятельности Манасевича-Мануйлова при святейшем престоле в Риме и Париже вы что-нибудь слышали?

Штюрмер. — Слышать-то я слышал от директора, бывшего одновременно со мной директором духовных дел, А. Н. Мосолова. Он сам был при святейшем престоле, и он говорил о Манасевиче-Мануйлове в самых восторженных отзывах об его уме и таланте. Манасевич потом сейчас же уехал, и я не видел его многие годы до встречи у Витте, но я помню, что он отзывался о нем с очень хорошей стороны. Может быть теперь, нет, я думаю раньше, кто-то из родных Мосолова, кажется, вдова его брата рассказывала, что он в Риме вынес самое отрадное впечатление о деятельности Манасевича. В записках Мосолова, которые должны быть изданы, он очень высоко о нем отзывался. Вот все, что я помню.

Завадский. — А вам не было известно, что в составе миссии при святейшем престоле требовали отозвания Манасевича, как компрометирующего?

Штюрмер. — Нет, я этого не помню; может, в памятной записке, которая мне была подана, там это есть, но я об этом ничего не знаю.

Завадский. — И о роли, какую в Париже в сыске принимал Манасевич, вам тоже неизвестно?

Штюрмер. — Нет. Помню, что это слово «сыск в Париже» упоминалось, потому что это было кажется в последнее время.

Завадский. — Вот вы говорили, что вы дурное узнали о Манасевиче, не ранее, как поднялся этот процесс, значит в последнюю пору. А до этого не было такого происшествия, относительно книги о России, которая должна была выйти на французском языке? Участвовал тут Мануйлов и сообщал вам об этой книге?

Штюрмер. — О России?

Завадский. — О государственных деятелях России предполагалась книга, будто бы, в Париже к изданию 1916 года, в которой упоминалось и о вас, при чем Манасевич, тревожась о вас, что о вас будет дурно там написано, решил, что нужно предупредить выход этой книги.

Штюрмер. — Ничего подобного. Первый раз слышу о том, что будто бы предполагался выход такой книги, где обо мне будут дурно отзываться. Какое же было отношение Мануйлова?

Завадский. — У нас есть сведения об этом.

Штюрмер. — Нет, я этого не знаю, если я это говорю, но об этом не помню, не знаю никакой книги.

Смиттен. — Князь Волконский, в качестве товарища министра внутренних дел, не имел ли, при своем вступлении или при вашем вступлении в должность министра, беседы с вами о том, что Манасевич вполне бескорыстный человек? Не говорили ли вы, что он вам навязан и что вы хотели бы от него отделаться?

Штюрмер. — По поводу того, что было после секретарства?

Смиттен. — Секретарство было в январе, а была ли у вас какая-нибудь беседа с Волконским, не высказывали ли вы, что Манасевич-Мануйлов был вам навязан?

Штюрмер. — Я говорил ему, что я не могу простить, что он назвался моим секретарем, и я ему высказал, что я им недоволен, но чтобы сказать — хорошо, что вы мне это сказали . . .

Смиттен. — Что князь Волконский говорил при этой беседе?

Штюрмер. — Я не помню. Вы не знаете, что такое министр внутренних дел. Каждый день столько дела. Совершенно не помню.

Соколов. — Вы не высказывали князю Волконскому, что Манасевич навязан, что вы недовольны, что человек называет себя чужими именами, чужими должностями.

Штюрмер. — Очень может быть, что я это говорил. От людей близких я это не скрывал. Я помню, что мне кто-то говорил из Министерства Внутренних Дел о нем. Тогда я спрашивал: это такой черненький, маленький, который был за границей.—Нет, он теперь здесь. — Он служил тогда информатором в Министерстве Внутренних Дел, по какому департаменту — не знаю, но знаю, что в октябре он был информатором и получал 400 рублей. Эта цифра у меня осталась в памяти.

Соколов. — Я спрашиваю вас по поводу навязывания. Кем был навязан Манасевич? «Навязан» говорят тогда, когда нельзя отказаться. Не вы его искали, кто вам его указал?

Штюрмер. — Вероятно, Министерство Внутренних Дел или Белецкий, или Хвостов. Слово «навязан» я не помню, чтобы я говорил. Наконец, вы изволите видеть, он получал 12.000 рублей и был доклад о том, чтобы ему прибавить еще 6.000 рублей, а я ему дал всего 6.000 рублей.

Соколов. — Когда начался процесс Манасевича, вам известно было, что были хлопоты процесс погасить, отложить дело?

Штюрмер. — Я знаю, что этого не было.

Соколов. — Вам известно, что дело было назначено к слушанию, но потом было отложено?

Штюрмер. — Да, я это знал.

Соколов. — Вам известно, что для этого делались особые шаги, министр юстиции писал об этом, была переписка между министром юстиции и председателем суда?

Штюрмер. — Я могу сказать только по городским слухам. Меня это не касалось, как председателя Совета Министров, я в это не вмешивался.

Соколов. — Но вы, как глава правительства, не можете ли объяснить нам, почему процесс скомпрометированного чиновника то откладывается, то назначается, то употребляется какое-то давление, чтобы его прекратить?

Штюрмер. — Могу сказать одно, что я уже говорил, он был назначен заведывать Распутиным.

Соколов. — Почему процесс чиновника, скомпрометированного по службе, вызывает такое волнение и кто те силы, те лица, которые могут оказывать давление и на суд и на министра юстиции?

Штюрмер. — Они не оказали давления.

Соколов. — Кто эти люди, которые оказывали это давление?

Штюрмер. — Позвольте мне на это не отвечать, вы отлично знаете, в чем дело. Я не могу говорить, это дело меня не касалось.

Соколов. — Я потому спрашиваю, что мне это неясно; я хотел бы, чтобы вся Россия, заинтересованная, как это случилось, узнала, что в процессе чиновника, который вызывает такое волнение, пускаются в ход почти политические силы.

Штюрмер. — Я могу сказать, что один раз приехал в Совет Министров министр юстиции Макаров и заявил: «Вы знаете, что сегодня или вчера Манасевич, о котором не было речи с августа месяца, что он арестован и что с ним сделался удар, и местный врач дает такое заключение, что за ним надо ходить; там, где он сидит в тюремном заключении, это невозможно, но, сказал мне Макаров — я решил назначить особую комиссию и прокурору палаты говорил об этом, чтобы назначить особую комиссию его свидетельствовать». — А затем через несколько дней в следующее заседание эта особая комиссия пришла к заключению, что его тут содержать нельзя, и он был отпущен на дом. Вот, что я слышал.

Соколов. — Вы на мой вопрос сказали, что добивались, но не добились. Так, что вы знаете?

Штюрмер. — Я знаю, что дело следствия потом было отложено, и если добивались, чтобы дело было снято, то совсем этого не добились.

Соколов. — О процессе добивания и старания отложить, что вам известно?

Штюрмер. — Все дело идет о Распутине, а как велось дело, как добивались, я не знаю.

Соколов. — Вы сказали, вам это известно и ясно. Вы думаете, что и мы знаем. Будьте любезны сказать ваше предположение, что вам известно.

Штюрмер. — Что об этом, вероятно, хлопотал Распутин.

Соколов. — Через кого он хлопотал?

Штюрмер. — Не знаю. Посредственные или непосредственные отношения были.

Соколов. — Ведь вы наблюдали за Распутиным, читали записи филеров, кто у него бывал, кто личностью Распутина интересовался. Через кого Распутин мог добиваться давления на министра юстиции и суд?

Штюрмер. — Я у него никогда в жизни не был и не знаю, где он живет.

Соколов. — Так что, через кого добивался Распутин, вы не можете сказать?

Штюрмер. — Позвольте мне этого не говорить.

Соколов. — Вы ссылаетесь на служебную тайну; какой у вас имеется мотив, чтобы не отвечать Следственной Комиссии?

Штюрмер. — Мне это было сказано доверительно.

Соколов. — Кем было сказано?

Штюрмер. — То, что было сказано относительно Распутина, касалось дела Ржевского, мне было сказано доверительно.

Соколов. — Я спрашиваю вообще о Распутине. Вы говорите— позвольте не отвечать, через кого Распутин хлопотал.

Штюрмер. — Через кого хлопотал я могу сказать свое заключение. Думаю, что он хлопотал в Царском Селе.

Соколов. — Через кого?

Штюрмер. — У него была знакомая, госпожа Вырубова.

Соколов. — Что вы знаете об отношении Распутина к Вырубовой?

Штюрмер. — Она была им совершенно загипнотизирована, она считала его за какого-то прорицателя, чуть не за святого человека.

Соколов. — А на кого Вырубова могла влиять?

Штюрмер. — Думаю, что перед известными лицами в Царском Селе могла ходатайствовать.

Соколов. — На кого она имела влияние?

Штюрмер. — Не влияние, а думаю, она могла просить.

Соколов. — Кого просить?

Штюрмер. — Думаю, что государыню, при которой она состояла.

Соколов. — Вы думаете, что Распутин влиял на Вырубову, а Вырубова на императрицу?

Штюрмер. — Что Вырубова имела к нему отношение — это мне известно, но дальше я не знаю. Она имела к нему поклонение, а дальше я не знаю.

Соколов. — Вы говорите, что Вырубова не могла сама непосредственно влиять на министра юстиции. Для того, чтобы влиять на министра юстиции, Вырубова должна была иметь еще посредника?

Штюрмер. — Этого я не могу сказать, так как это дело не моей компетенции; я не знал, что делается во дворце.

Соколов. — Ведь вы давно состояли в придворных чинах?

Штюрмер. — Да.

Соколов. — Ваше отношение ко двору, к Царскому Селу, продолжалось в течение последнего времени?

Штюрмер. — Да. Но они не были никогда близки. Я не открещиваюсь, напротив, но я говорю то, что есть. Я 15 лет ведал церемониальной частью.

Соколов. — Вы указали на одно из лиц, которое имело влияние на Распутина и которое могло просить молодую императрицу. Кто еще из лиц, проживающих в Царском Селе, имеющих влияние, имеющих возможность влиять на императрицу, вам известен?

Штюрмер. — Только одна Вырубова.

Соколов. — Других лиц вы не знаете? Не знаете ли кого-нибудь из статс-дам?

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — Вам известна фамилия Ден?

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — Фрейлина или статс-дама Буксгевден?

Штюрмер. — Она фрейлина, дочь нашего посланника в Дании, очень симпатичная, милая женщина.

Соколов. — Она принадлежала к числу лиц, которые влияли на политические воззрения молодой императрицы?

Штюрмер. — Нет, эта совсем другого характера.

Соколов. — А кто же из деятелей другого характера, характера г-жи Вырубовой?

Штюрмер. — Г-жа Вырубова была к ней очень расположена. Так как Вырубова очень добрая женщина, то я допускаю и теперь, что она могла о многом просить. Во всяком случае дружба тут была, это мне известно, а из мужчин я никого не знаю. На ближайших я могу указать на Буксгевдена.

Соколов. — Вам не приходилось обращаться к Вырубовой, чтобы подготовить тот или другой вопрос?

Штюрмер. — Нет, нет, я получал указания, что сделать. Я не знаю, какое впечатление вы вынесли, но во всяком случае я свое знамя служебное держал высоко и никогда не делал ничего против закона.

Соколов. — Я не говорю, что против закона. Вы делали в пределах возможности. Вы, в качестве министра иностранных дел, министра внутренних дел и председателя Совета Министров, могли быть заинтересованы, чтобы тот или другой ваш государственный проект встретил бы сочувствие в Царском Селе.

Штюрмер. — Как можно обращаться к дамам. В дела государственные дамы не вмешивались, что же дамы понимают в государственных делах?

Соколов. — Вам приходилось с молодой императрицей говорить о государственных делах?

Штюрмер. — Очень часто.

Соколов. — Вы не можете сказать, на какие более серьезные государственные темы вам приходилось беседовать с молодой императрицей?

Штюрмер. — Я могу указать, например, на такой разговор. Государыню посещали поляки, часто в последнее время, осенью, перед тем временем, когда была речь о том, чтобы поляки получили то, что они просят. Они составляли списки, и тут раз был разговор об этом потому, что я приехал после того, как вышел один из поляков. И тут поневоле пришлось говорить на эту тему.

Соколов. — Что же вы говорили и что говорила императрица?

Штюрмер. — Я говорил, что моя политика, моя система такая, что как угодно будет, — вопрос еще не разработан, — надо пригласить особую комиссию, которая работает под председательством, кажется, Горемыкина. Моя теория была такая. Поляки желали, чтобы было объявлено, что им дается, и как можно скорей. Мой разговор был такой, что им будет объявлено, они получат, потому что оставить поляков так, как они есть, нельзя; но мое глубокое убеждение, что теперь этого нельзя делать, надо, чтобы русский народ раньше знал, что можно России дать, когда все бесчисленные жертвы будут закончены, что он получит.

Соколов. — Правильно ли я вас понимаю? Вы сказали, что прежде, чем будет известно, что получит русский народ...

Штюрмер. — Нельзя сказать, что можно дать полякам.

Соколов. — А что, вы думали, русский народ может получить?

Штюрмер. — Проливы.

Соколов. — Нет, вы сказали внутри. Вы это считали внутренним вопросом?

Штюрмер. — Я на это обращал все свое внимание.

Соколов. — А императрица что говорила по этому вопросу?

Штюрмер. — Государыня была согласна.

Соколов. — Она сочувствовала полякам и этому настроению или нет?

Штюрмер. — Я заметил, что нет. Извините, это мое личное впечатление.

Соколов. — Какие поляки, какие общественные деятели обращались к ней?

Штюрмер. — Я встретил там выходящим Велепольского. У меня был Велепольский и член Государственной Думы Гарусевич.

Соколов. — Затем, какие еще вопросы были?

Штюрмер. — Очень часто приходилось беседовать с государыней по текущим вопросам. Простите, может быть я вспомню потом. Позвольте мне сказать относительно того, какие другие секретные поручения мне государыня давала. Например, одно дело — это Ржевского, другие — переговорить с тем, переговорить с тем или другим о предстоящих сменах, — таких секретных поручений было много.

Соколов. — Мы к этому вернемся. Я бы хотел, чтобы вы продолжали о разговорах ваших с молодой императрицей на государственные темы.

Штюрмер. — Я может быть потом вспомню и скажу, только, извините меня, я не могу так сказать.

Соколов. — Но не можете ли вы так сказать. Я не знаю, конечно, ваших бесед, и я могу только в такой форме предлагать вам вопросы. Можете ли вы, на основании ваших бесед с императрицей, характеризовать систему ее политических воззрений: как она относилась к внешней политике, к внутренним вопросам, каких взглядов она держалась по отношению к нашим союзникам, к неприятелю, к внутренним реформам?

Штюрмер. — По отношению, например, внешней политики — самая твердая дружба с Англией, самые твердые отношения. Затем, кроме полного согласия и единодушия, я ничего не слыхал и не видал от нее. Разговоры по поводу взятия Эрзерума были в самом оптимистическом тоне.

Соколов. — В отношениях ее к Германии — находила она нужным скорейшее заключение мира?

Штюрмер. — Если кто-нибудь это утверждает, то я говорю — никогда ничего подобного не было. Это было такое презрение к Вильгельму, какое я редко от кого слышал, именно скажу презрение, иного ничего не было. Еще о чем вы меня спросили?

Соколов. — Отношение ее к Франции?

Штюрмер. — К Франции самое хорошее отношение. Она может быть была более довольна присоединением Румынии, чем это заслуживает.

Соколов. — А отношения ее к вопросам внутренней русской жизни?

Штюрмер. — Спорадически. Ее, например, возмущало, с точки зрения бедных людей, что повысили таксу на трамвай. Государь мне сказал, что, насколько для бедных рабочих людей, которые ездят, такое повышение не отвечает их средствам, надо сделать все возможное. Я помню, что я вызывал градоначальника и говорил с ним на эту тему. Потом она очень интересовалась снабжением Москвы. В Москве оказалось, что муки совсем нет. Она обратила на это особое внимание.

Соколов. — Теперь отношение ее к Государственной Думе:

Штюрмер. — Я никогда не слыхал ни одного дурного слова

Соколов. — Вам приходилось беседовать по вопросу о том, что члены Государственной Думы отрицательно относятся к действиям правительства?

Штюрмер. — Она меня сама не поощряла в таких разговорах, потому что все-таки она императрица и все-таки это дела такие, которые касаются государя, и я не заметил, чтобы я находил его мысли в ее словах.

Соколов. — Не только среди общественного лагеря, но и среди правительственных деятелей были разные течения, одни более благоприятные — народного представительства, другие менее благоприятные. Одни консервативные, другие прогрессивные. Каким течениям, среди государственных деятелей, сочувствовала молодая императрица?

Штюрмер. — Она не то что сочувствовала одним и не сочувствовала другим, ее волновало, когда говорили слишком сильно и делали нападки на правительство. Но не было принципа, которого она бы держалась, правого или левого взгляда, она в это не входила, но, если бывали какие-нибудь выступления, слова слишком резкие, тяжелые, это встречало ее неудовольствие.

Соколов. — Значит, вам приходилось говорить, что Государственная Дума так или иначе, более резко или более мягко реагирует на правительственную деятельность?

Штюрмер. — Критикует. Она была недовольна резкой критикой.

Соколов. — Как она относилась к вопросу о том, как добиться, чтобы этой резкой критики не было?

Штюрмер. — Я помню один случай, когда мне пришлось сказать, что во Франции и Англии, которые более культурные государства, бывают еще более резкие выходки.

Соколов. — Были разговоры по поводу выступления первого ноября, когда были резкие нападки по вашему адресу?

Штюрмер. — Она щадила меня, потому что выступления были настолько неверные. Конечно, я сам об этом не говорил. Она о себе — что там говорилось, — не упоминала.

Соколов. — Вы так чувствовали, или это ваше умозаключение, что она не касалась этой темы? Тогда не возникал вопрос, что тем министрам следует выйти в отставку, что следует подчиниться общественному мнению, или, наоборот, она не говорила, чтобы Государственная Дума подчинилась взглядам правительства?

Штюрмер. — Само собой, было. Когда это было, я сейчас же поставил вопрос, что я справиться не могу. Я даже поставил его раньше, когда не открылась Дума и когда председатель Государственной Думы Родзянко был у меня (я лежал с больной ногой).

Соколов. — Вы говорите о вашем отношении, а отношение императрицы?

Штюрмер. — Я говорил, что не могу оставаться.

Соколов. — Вы сказали это молодой императрице? Как она отнеслась к этому?

Штюрмер. — Она меня щадила.

Соколов. — Не нашла ли она необходимым, щадя вас, написать государю о том, чтобы ваша отставка не была принята, чтобы вы были оставлены председателем Совета Министров?

Штюрмер. — Я думаю, что этого не было, потому что я видел государыню перед самым отъездом в Ставку. Я этого не формулировал. Потом я не заметил в словах государыни какого-нибудь волнения. Сейчас же председатель Совета Министров Горемыкин вышел в отставку, на другой день то же самое, и я должен был сделать.

Соколов. — Во время вашего пребывания у власти в должности министра внутренних дел и должности председателя Совета Министров у вас не возникал среди ваших сотрудников по правительству вопрос о том, что роспуск Государственной Думы, или отложение заседания Государственной Думы, временное приостановление, может вызвать в населении брожение, недовольство, враждебные, по отношению правительства, действия?

Штюрмер. — Конечно, большинство думало, что этого следует избегать.

Соколов. — Так что такие опасения существовали?

Штюрмер. — Были разговоры. В особенности, когда был съезд представителей управ в Москве.

Соколов. — Это было в октябре месяце?

Штюрмер. — Да. Большинство, и я лично, держались того взгляда, чтобы до последней возможности не допускать закрытия Государственной Думы, не то что перерыва, а отсрочки закрытия Государственной Думы.

Соколов. — Как вы относились к отсрочке или перерыву?

Штюрмер. — При мне не было перерыва, я отстранился от перерыва сокращением срока. Государственная Дума закрылась 21 июня, так что собственно я не имел случая говорить об отсрочке; когда она открылась 1 ноября, судьба ее была решена. Я только себе представлял так: если Государственная Дума будет действовать, как в предшествующей сессии, которая сошла благополучно с критикой отдельных ведомств, но без удаления предметов занятий, если будет так, слава богу. Если будет иначе, — то все-таки сокращать срок не следует, следует итти дальше; если же будет что-либо нежелательное, то тогда можно будет закрыть.

Соколов. — Как вы ожидали, как отнесется население к предполагаемому вами решению, сокращению занятий Государственной Думы?

Штюрмер. — Я не могу вам ответить на это. Если бы я знал, что население относится ко мне отрицательно, тогда бы я сказал,

что этим нельзя рисковать, тогда мне и может быть надо было сейчас же уходить.

Соколов. — Вы 1 или 2 ноября не входили в Совет Министров с тем, что правительство встречает со стороны Государственной Думы резкие нападки, но что ее надо разогнать?

Штюрмер. — Нет. После 1 ноября я не мог вносить этого, потому что шла речь о том, что не надо в Совет Министров внести вопрос о том, что я считаю себя оскорбленным клеветою, которую член Государственной Думы Милюков сказал по поводу моего взяточничества и моей измены. Я обращался в Совет Министров с просьбой направить это дело в 1-й департамент Государственного Совета.

Соколов. — А перед этим не был возбужден вопрос о том, что следует так или иначе реагировать, что если вас, главу правительства, оскорбляют, то правительство должно ответить роспуском Думы.

Штюрмер. — Это было 1-го числа. 1-го числа я не мог.

Соколов. — Вы подали в отставку 8-го?

Штюрмер. — 8-го.

Соколов. — С 1 по 7-е в течение семи дней вы не ставили вопрос о том, что следует на эту резкую критику ответить?

Штюрмер. — Нет. Может быть кто-нибудь и подымал этот вопрос, но я не помню.

Соколов. — В вашем присутствии?

Штюрмер. — Я не помню.

Сокоров. — Значит, в вашем присутствии этого не было?

Штюрмер. — Я, может быть, совершенно память потерял, но этого не было. Я ставил вопрос о клевете. В тот же вечер собрались министры, и вопрос был поставлен так.

Соколов. — Во время вашего пребывания министром внутренних дел у вас не разрабатывались меры на случай возможного беспорядка в населении, вызванного дороговизной, отсутствием продовольствия или недовольством действиями правительства? Какие вы считали нужным поставить меры в противодействие такому народному движению?

Штюрмер. — Вообще плана кампании не вырабатывалось, а в тех местах, где могли быть центры, например, сахарный центр, кожевенный центр, чугунный завод, например, Пермской губернии, там вырабатывалось, что можно сделать, а общего принципиального плана не вырабатывалось.

Соколов. — Известно вам, чем была вооружена полиция во время пребывания вашего в качестве министра?

Штюрмер. — Такой вопрос не возбуждался.

Соколов. — Вы знали, что чины полиции вооружены или не знали?

Штюрмер. — Я не знаю, как понимать этот вопрос?

Соколов. — Самым простым образом. Каким оружием располагала полиция в то время, когда вы были во главе полиции?

Штюрмер. — Что же, мне было итти заниматься осмотром шашек?

Соколов. — Вы знали, что были шашки, револьверы; какой тип вооружения был принят во время вашего пребывания?

Штюрмер. — Не было никаких заявлений смотреть в этом отношении, что делается, вопрос такой не поднимался.

Соколов. — Вы были главой полиции. Вопрос тут следующий. Каким оружием была вооружена полиция: что бы вы могли на это ответить?

Штюрмер. — Если бы этот вопрос был поставлен, я бы знал ответить на это, а когда вопрос не возбуждался, я решительно не могу себе представить, что бы меня могло заставить осматривать.

Соколов. — Чем была вооружена полиция? Пушками, пулеметами, шашками?

Штюрмер. — Откуда я могу знать, почему, какой повод, бывали ли случаи или, лучше сказать, откуда должны были появиться пулеметы на каком-нибудь месте? Какие случаи?

Соколов. — Вы даете ответ, что, по вашему мнению, по вашему взгляду, полиция не должна была быть вооружена пулеметами?

Штюрмер. — Если бы в каком-нибудь городе оказался пулемет, я бы на это обратил внимание.

Соколов. — Как на явление чрезвычайное? Так что, по вашему мнению полиция не должна была располагать пулеметами?

Штюрмер. — Может быть, пулеметы может быть пушки, я не знаю. Надо же что-нибудь, что бы привлекло внимание.

Соколов. — Позвольте прямо вам поставить вопрос. Имелись ли сведения о том, что полиция располагает пулеметами?

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — Если бы у полиции оказались пулеметы, какой орган, вам подведомственный, мог бы снабжать их пулеметами?

Штюрмер. — В Министерстве Внутренних Дел — никакой. Я не могу себе представить.

Соколов. — Каким законным оружием полиция располагала?

Штюрмер. — Шашками и револьверами.

Соколов. — По вашему заключению, всякое иное оружие, кроме револьвера и шашек, является незакономерным?

Штюрмер. — Тут было такое переплетение военных и гражданских властей, настолько доминировала военная часть, что все, что касалось гражданской части, отходило на задний план. Этот вопрос никогда не возбуждался.

Завадский. — Я буду продолжать свой вопрос. Можете ли вы мне сказать, какое у вас было отношение к министру юстиции, а впоследствии к министру внутренних дел А. А. Хвостову?

Штюрмер. — Отношения какие, личные?

Председатель. — Не личные, а как к министру внутренних дел?

Штюрмер. — Самые лучшие. Я просил Хвостова, чтобы он принял пост министра внутренних дел, потому что я считал, что он самый подходящий человек. Он был правителем канцелярии, когда Горемыкин был председателем Совета Министров. Затем он был заведывающим местным хозяйством, это тоже самое крупное дело в Министерстве Внутренних Дел. Оттуда и пошло мое ходатайство о том, чтобы он был назначен.

Завадский. — При каких условиях вы ходатайствовали?

Штюрмер. — Я прежде с ним говорил.

Завадский. — Когда?

Штюрмер. — Числа я не помню.

Завадский. — Вы говорили 4 июля, после того, когда уже говорили с государем без ведома самого Хвостова?

Штюрмер. — Я должен был предварительно говорить государю о человеке, которого я предлагал. Совершенно верно, я говорил государю, угодно ли его принять, и он мне сказал, что согласен, а потом я говорил уже Хвостову; тот сказал, что затрудняется, что любит Министерство Юстиции, желал бы остаться в Министерстве Юстиции, но согласен, может перейти, но надеется, что это временно, о чем он и говорил государю — если будет найден другой, он вернется обратно в Министерство Юстиции. Вот какие у меня были отношения.

Завадский. — Т.-е., другими словами, вы государю доложили о замене Хвостова Макаровым, а потом говорили Хвостову?

Штюрмер. — Нет, когда было установлено, что я не могу оставаться министром внутренних дел, возник вопрос о том, кто бы мог быть министром внутренних дел. Я предложил государю Хвостова и говорил ему, что Хвостов занимал две должности крупные в Министерстве Внутренних Дел и что он исполнительный и очень хорошо знающий дело человек.

Завадский. — И Макарова указывали?

Штюрмер. — Макарова — министром юстиции.

Завадский. — Вы указывали государю, не зная, согласен ли Хвостов, распоряжались его судьбою и заместителя ему наметили?

Штюрмер. Когда государь спросил меня, кто будет заместителем, я указал на Макарова, с оговоркой на Хвостова, что это временно, если будет найден другой преемник ему. Тогда государь согласился, при чем Хвостов не очень охотно шел на это.

Завадский. — Значит, у вас нехорошие были отношения, когда вы делаете человеку без спроса то, что ему явно неприятно.

Штюрмер. — Нет, не плохие отношения. Человек, который считает, что нужно служить отечеству, может перейти и на другой пост. Вот с этой точки зрения мы и говорили. Хвостов — это был такой человек, который имел прошлое, знал Министерство Внутренних Дел.

Завадский. — Да, но Макаров был раньше министром внутренних дел, кем не был Хвостов. Во всяком случае Хвостов говорил, что он не хотел бы.

Штюрмер. — Он говорил: «Пожалуйста, освободите меня, поищите другого». Да, он несколько был недоволен.

Завадский. — Вы сказали: хотя бы временно, впредь до приискания заместителя. Значит, человек занят в Министерстве Юстиции, вы указываете на него, как на министра внутренних дел, и говорите: «Пусть он уйдет в Министерство Внутренних Дел до приискания заместителя».

Штюрмер. — Нет, я не так сказал. Я несколько подробнее расскажу об этом. Он говорил: «Найдите другого, ищите другого». Другого не нашли. Тогда он остался, говоря, что идет очень неохотно и будет очень рад, если чаша сия минует его.

Завадский. — Вы из постоянного министра юстиции сделали временным, до приискания другого, министра внутренних дел.

Штюрмер. — Нет, это неверно. Я не так ставил вопрос. Раз он согласился и сказал спасибо.

Завадский. — Вы говорите, что 4 июня Хвостов согласился на переход, вам неизвестно, что 5 июня он подавал прошение государю об отставке; просил, чтобы государь его совсем уволил?

Штюрмер. — Он сказал, что написал письмо, в котором он просил, чтобы государь его уволил, но государь не согласился.

Завадский. — Зачем Хвостов с вами-то не соглашался?

Штюрмер. — Он сказал, что он против сердца принимает, надеясь, что найдут другого. Потом он сказал мне, что государю писал письмо, чтобы его освободили, но чаша не миновала его, по его словам.

Завадский. — Значит, вы временно его назначили? Протопопова нашли через два месяца?

Штюрмер. — Нет, Протопопова я не искал. Я встречался с ним всего два раза. Он у меня был летом в прошлом году, когда уезжал, кажется, в Швейцарию или Швецию. Шведская история была мне потом рассказана. Вот он был по какому поводу. Он заявил, что он был избран губернским предводителем дворянства, и желал представиться государю. Я сказал, что я доложу государю. Затем он уехал в Швецию. Когда он вернулся, был у меня, рассказал про шведскую историю, просил государю доложить, что он желает представиться по случаю выбора его в предводители дворянства. И вот он мне сам рассказал чушь эту про историю шведскую. Протопопова я не мог рекомендовать, потому что не знал его. Я его знал только с той точки зрения, что он только что был утвержден губернским предводителем дворянства. Я не мог сказать государю ни за, ни против, не мог его предлагать.

Завадский. — Позвольте мне предложить вопрос. Ведь вы знали об увольнении Хвостова раньше, чем он сам знал?

Штюрмер. — Я этого не могу вспомнить.

Завадский. — Замена Протопоповым Хвостова произошла, когда вы были в Ставке?

Штюрмер. — Вот, как это случилось. Я был в Ставке, и государь сказал мне: «Хвостов просил его уволить, так как я обещал, что он будет назначен временно министром внутренних дел. Я нашел ему заместителя — Протопопова». И больше ничего.

Завадский. — Как вы объясните? Хвостов ушел 16 сентября, а 15 сентября был уволен Климович из департамента полиции без ведома министра внутренних дел Хвостова.

Штюрмер. — Это не совсем так. Когда Климовича А. Н. Хвостов просил быть директором департамента полиции, Климович сказал, что будет в том случае, если его сделают сенатором; тогда Хвостов А. Н. или А. А. Хвостов, я не помню хорошо, может быть Алексей Николаевич, просил государя подписать указ о назначении Климовича сенатором. Но указа не было обнародовано. Пока он служит, нельзя, а когда он уйдет со службы, — вот как это было. Так что, когда я был министром внутренних дел, Климович был сенатором. Он мне сказал раньше об этом. Потом, когда вступил А. Н. Хвостов, я его спросил, правда ли это? Он сказал: «Да, это верно. Я имею указ о назначении его сенатором». Это факт. А засим опять таки числа не помню, я рассказываю голые факты; дело в том, что оказалось, что было два случая, когда секретные распоряжения по департаменту полиции были опубликованы, не то, что опубликованы, но сделались известными. Тогда я обратился к Климовичу, как это могло случиться? Он не мог ответить. Я говорю: надо разыскать; невозможно, чтобы такие вещи случались.

Завадский. — Какой факт? Нам нужны факты.

Штюрмер. — Я не могу этих фактов вспомнить. Я не помню. Был разговор: «Как же вы делаете, вы ищите». Он мне сказал: «Невозможно отыскать». Я говорю: «Как же невозможно? Я понимаю. Если вы недавно служите, вы не знаете, как сделать, тогда нужно учиться. Как же это из департамента полиции выходят такие секреты? Тогда ищите». Он сказал: «Мы поищем». А потом, через несколько времени, сказал, что не найдено и найти нельзя. Что-то было еще другое. Я ему сказал, что такие факты нельзя допускать, — «Как же вы не знаете, что у вас делается». — «И нельзя узнать». Я понимаю, что может быть ошибка, но сказать, что нельзя узнать — это невозможно. Он сам вам скажет, как это было, я хорошенько не помню. Через несколько времени он ко мне пришел с просьбой об отставке. Я не был тогда министром внутренних дел, состоялось мое перемещение, просьбу эту я передал А. А. Хвостову.

Завадский. — Если вы не были министром внутренних дел, как же Климович мог просить об отставке вас?

Штюрмер. — Он приходил ко мне, когда я был еще министром внутренних дел, но так как я перестал им быть, я передал Хвостову, как министру внутренних дел.

Завадский. — Тем не менее он при Хвостове оставался?

Штюрмер. — Хвостов сказал мне: «Оставьте мне его недели на две, я осмотрюсь». Я сказал: «Хорошо, оставьте». Я просил государя. Я предупредил Хвостова, что в департаменте полиции человек этот не годится. Мало ли что может случиться, теперь время горячее. После этого он опять просил: «Подождите еще немного». Опять подождал.

Завадский.—Значит, вы в качестве председателя Совета Министров без ведома министра внутренних дел позволили докладывать государю об увольнении директора департамента полиции?

Штюрмер. — Это было доложено мною.

Завадский. — Без ведома и желания министра внутренних дел? А вы говорите, что никаких незаконных актов не делали.

Штюрмер. — Извините, если бы министр внутренних дел мне сказал: «Нет, я решился оставить его», я бы не докладывал государю. А дело было так. Он просил две недели срока и еще две недели. Вопрос был об отсрочке.

Завадский. — Но вы не отрицаете факта, что вы, не будучи министром внутренних дел, докладывали государю об увольнении чина Министерства Внутренних Дел?

Штюрмер. — Да, я в Совете Министров докладывал, что считаю необходимым доложить государю об увольнении такого-то и о назначении его сенатором. Я считал, что он не годится для этого места, я ждал, что министр внутренних дел ознакомится, но это продолжалось без конца, и я не мог дальше его оставить, и он был назначен сенатором.

Завадский. — И вот, неожиданно для Хвостова, без его ведома, уволен министр внутренних дел и неожиданно уволен директор департамента полиции Климович 15 и 16 сентября. И это идет за тем, что как раз состояций при вас Мануйлов-Манасевич был арестован и предан правосудию. Как сопоставить эти два факта?

Штюрмер. — Какое это имеет отношение? Я не помню, когда Макаров объявил мне, что он арестован. Я ничего не знал. По числам я не помню, когда это было.

Завадский. — 19 августа он был арестован.

Штюрмер. — Назначение Хвостова было 16 . . .

Завадский. — 15 и 16 сентября они оба были уволены.

Штюрмер. — Одновременно?

Завадский. — Климович за день до увольнения Хвостова по вашему докладу был уволен, потом Хвостов.

Штюрмер. — Я ясно не могу вспомнить.

Завадский. — Позвольте вам задать вопрос прямо. По другим министерствам об увольнении директоров департамента, в ка-

честве председателя Совета Министров, вы докладывали государю хоть один раз?

Штюрмер. — Нет, не помню.

Завадский. — Значит, только об одном Климовиче и после ареста Манасевича-Мануйлова?

Штюрмер. — Климович мне сам передал прошение об отставке.

Завадский. — Вам?

Штюрмер. — Да. И я передал министру юстиции.

Завадский. — Значит, вы передали по принадлежности министру юстиции. Значит, вам никакого дела до этого не было. А в Совете Министров вы докладывали, что считаете его человеком неподходящим. Значит, у вас с Хвостовым были самые дурные отношения?

Штюрмер. — Нет. Я говорил Хвостову: «Что же вы насчет Климовича?» А он говорит: «Подождите две недели, еще подождите две недели, месяц».

Завадский. — Позвольте вам предложить такой вопрос. Манасевич-Мануйлов на следствии позволил себе сказать: «Председатель Совета Министров уволил уже Хвостова и Климовича из-за меня. Будет уволен и Макаров и прокурор палаты». Так это он от себя говорил, хвастал?

Штюрмер. — Позвольте вас спросить. Я был разве в таких отношениях?

Завадский. — Это и типично, что такой маленький человек грозит, что если не будет прекращено дело, то еще два человека потеряют место.

Штюрмер. — Мне несколько раз говорили, только что говорилось, что у меня были отрицательные сведения о нем; вы сами хорошо знаете цену такому человеку, как же можно верить такому человеку?

Родичев. — Вы его не уволили, а Климович был уволен. Климович был уволен, а Манасевич-Мануйлов не был, несмотря на то, что вы знали, что Манасевич-Мануйлов грязный человек.

Штюрмер. — Я говорил о Климовиче, как о неспособном, я не говорил, что он грязный человек, а что он неподходящий для серьезного момента, как директор департамента полиции.

Родичев. — А Мануйлов-Манасевич был подходящий?

Штюрмер. — Он наблюдал за Распутиным, конечно, в этом отношении он был подходящим.

Завадский. — Как только вы сделались председателем Совета Министров, вы ходатайствовали перед государем об отпущении в ваше бесконтрольное распоряжение пятимиллионного фонда. При каких условиях вы ходатайствовали?

Штюрмер. — Это было до меня. Бывший министр внутренних дел Хвостов возбудил этот вопрос, доложил государю и в прин-

ципе это было одобрено. Он достался мне в таком виде: шла речь о том, чтобы правительству купить собственный орган и взять в свои руки все заведывание книжной торговлей на вокзалах и купить «Новое Время», т.-е. большинство акций «Нового Времени».

Смиттен. — Не возбуждался ли вопрос о том, чтобы распоряжение было бесконтрольно этими суммами, не подведомственно Государственному Контролю?

Штюрмер. — Нет. Может быть возбуждался, но не при мне. Я слишком мало знаком с этим делом.

Смиттен. — Вы на себя в этом деле никакой инициативы не брали?

Штюрмер. — Нет. Одно из дел было — газета, мне сказали: «Рассмотрите, в чем дело». Я рассмотрел это дело. Хорошее это дело. Правительству надо иметь собственный орган. Правительство не имеет органа. Желательно взять это дело, но при условии контроля, без контроля невозможно.

Смиттен. — Значит, вы отстаивали необходимость контроля?

Штюрмер. — Да. Затем была чисто техническая сторона. Не я вел это дело. Суворин отказался. Я не помню хорошо. Это было с первого дня моего назначения: я был тогда председателем Совета Министров, министром внутренних дел — Хвостов.

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, в качестве председателя Совета Министров, министра внутренних дел, вы получили какие-нибудь сведения от лиц, наблюдавших за Распутиным, что он вмешивается в вопросы государственные?

Штюрмер. — Нет. Позвольте мне выяснить это отношение к Распутину. Дело в том, что мне очень трудно говорить, потому что этот процесс Мануйлова-Манасевича составил против меня обвинение. Я считаю нужным это опровергнуть. Мое знакомство с Распутиным произошло следующим образом. У меня есть знакомый член думы, не член Государственной Думы, но член городской думы, некто Веретенников. Он построил собственный дом на Александровском проспекте и предлагал мне посмотреть квартиру, так как у меня кончался контракт и нужно было нанять новую квартиру. Я к нему отправился. Квартира оказалась слишком маленькая, я отказался. Он сказал мне: вот наверху, несколько времени тому назад наняла квартиру г-жа Распутина на три месяца, жена известного Распутина. Это было в 1914 году. Господин Распутин уехал в Сибирь. Распутин не имел тогда тех громких разговоров, которые потом о нем пошли. Потом какой-то господин вошел, оказалось, что Распутин вернулся из Сибири и пришел. Я его увидел первый раз. Он произвел на меня впечатление мясоторговца. Он говорил очень мало, но показался чрезвычайно интересным, достойным внимания человеком. Затем в другой раз...

Смиттен. — Вы знали, что это Распутин?

Штюрмер. — Он сам сказал. Он меня спросил: «Вы в Государственном Совете служите?» Вот эту фразу я помню. Он начал говорить со мной о приходе. Он говорил, что он приехал из Сибири, и сказал, как они там на приход смотрят. Я уехал. Через два дня Распутин ко мне приходит на квартиру вместе с Веретенниковым.

Смиттен. — Вы были тогда?

Штюрмер. — Членом Государственного Совета. Он ко мне приходит и говорит, что он был в Тобольске.

Соколов. — О чем вы беседовали?

Штюрмер. — О приходе. Он мне сказал чуть ли не об архиерее Варнаве, потом спрашивал, как Государственный Совет смотрит на приход, я ответил, что никак. Он был в Тобольске; там архиерей чуть ли не Варнава.

Смиттен. — Вы его принимали, как лицо, которое приехало с Веретенниковым?

Штюрмер. — Это было в 1914 году.

Смиттен. — Было известно, кто такой Распутин?

Штюрмер. — Было известно, что это человек, который очень интересен.

Смиттен. — Он был известен вам в 1914 году с самой лучшей стороны, так что вы не уклонялись от встречи с ним?

Штюрмер. — В 1914 году я нисколько не уклонялся потому, что это интересная личность. Затем развивалась молва, и мое впечатление было такое, что этот человек считает себя провидцем, очень много говорит, пророчествует, но не юродствует, потому, что он очень категорично и очень ясно говорил.

Смиттен. — Второе свидание было у вас в доме в присутствии Веретенникова, вы говорили о приходе. Долго эта беседа продолжалась?

Штюрмер. — Нет, но, во всяком случае, он представлял из себя интересную личность. Затем, до 1915 года я потерял его из вида, но тут росла молва о нем, как о человеке, который делает много добра и отдает все, что имеет. Например, когда у него однажды не было денег, он отдал последние часы. Это возбуждало интерес. Целая группа дам стала интересоваться им.

Смиттен. — Дальнейшие ваши свидания с Распутиным?

Штюрмер. — Я встречал его в одном доме.

Смиттен. — В каком доме?

Штюрмер. — В частном доме.

Смиттен. — Это не составляет секрета?

Штюрмер. — У генерала Никитина. Я заметил, что там есть кружок, который им восхищается. Затем, я не помню, к какому времени это относится, он раз написал записку, в которой просил меня обратить внимание, что одна дама, муж которой слу-

жил в Государственном Совете, получает мало пенсии. Я справился, оказалось, что этого нельзя сделать, так как она получает максимум. Потом эта дама пришла сама.

Смиттен. — Она ссылалась на письмо Распутина?

Штюрмер. — Вот все, что я могу сказать.

Смиттен. — Не было ли у вас свидания с ним до назначения вас на пост председателя Совета Министров?

Штюрмер. — Дамское свидание было.

Смиттен. — Позвольте так поставить вопрос: Распутин никогда не возбуждал с вами разговора о том, что хорошо бы привлечь вас к роли руководителя?

Штюрмер. — Никогда.

Смиттен. — Значит, вы слышали о Распутине, как о человеке добром, раздающем свое состояние; а дурные известия доходили до вас?

Штюрмер. — В последнее время доходили, но тогда уже меня интересовало, как председателя Совета Министров; раньше же не доходило ничего, кроме хорошего.

Смиттен. — До вас, как до председателя Совета Министров, доходили сведения о том, что молва приписывает Распутину руководящую роль в деле назначения и смещения министров?

Штюрмер. — Конечно, доходили, но я не могу ответить иначе, чем есть, чтобы он играл роль выдающуюся в назначениях, в особенности руководителей политики, этого я не представляю себе. Позвольте вам собственный пример сказать. При мне, пока я был председателем Совета Министров, состоялись назначения. Прежде всего позвольте сказать, когда обрушился гром печати на меня со всех сторон, я видел, что в одной московской газете было указано, что когда я был председателем Совета Министров, то Распутин пользовался особым авторитетом. Это мне говорили, я сам не читал и, по правде сказать, я не слышал, чтобы говорили, что мое назначение могло бы быть приписано Распутину. Во-первых, я свидетельствую, что это неправда, если даже и говорили, но я сам не читал.

Смиттен. — Я вас спрашиваю, доходили до вас сведения, что молва приписывает Распутину такую роль?

Штюрмер. — Доходили.

Смиттен. — Вам известно, как Распутина учитывает молодая императрица, как она к нему относится, имеет ли он такое влияние на нее, как на Вырубову, которой вы приписываете гипнотическое влияние?

Штюрмер. — Я, по правде, никогда не видал государыню с Распутиным.

Смиттен. — Вы никогда не имели с ней бесед о Распутине?

Штюрмер. — Имел беседы по поводу покушения на него. Позвольте сказать, если бы он имел влияние на назначение мини-

стров, то он имел бы влияние и на назначения министров, которые при мне произошли. Первый министром был назначен Покровский, он никакого отношения к Распутину не имел и не имеет, во всяком случае я никогда в жизни не слыхал об этом. Значит, Покровский не был назначен через Распутина. Следующий был Бобринский (Наумов ушел), который говорил, что он Распутина увидел у себя во время приема. Третий был А. А. Хвостов. Он говорил, что Распутин был у него, он принял его, и вся канцелярия сбежалась смотреть на него. Четвертый был Макаров. Пятый был Протопопов, о котором мне прямо государь сказал. Следующий был обер-прокурор святейшего синода Раев. Следовательно четыре министра, которые были назначены без всякого отношения Распутина.

Смиттен. — Меня не этот вопрос интересует, я не предполагал, что вы поймете его, как обвинение вас в чем-нибудь. Меня интересует, как вы относились в качестве лица, которое стоит у кормила правления, к Распутину. Вы сами пришли к заключению, что Распутин, который обладает громадной гипнотической силой, влияет на Вырубову, что он уже близок к императрице и может употреблять свое влияние на нее; как вы реагировали на эту близость Распутина ко двору?

Штюрмер. — Эти отношения придворных другие. Если бы государь император или государыня императрица сказали: «Распутин рекомендует такого-то, каково ваше мнение?» — тогда я мог сказать. Но никогда ничего подобного не было говорено.

Смиттен. — Позвольте так поставить вопрос — когда-нибудь вы имели доклады бывшему императору, что о Распутине ходят слухи, которые волнуют общественное мнение и связывают его личность с управлением государственными делами? Вы когда-нибудь говорили с государем на эту тему?

Штюрмер. — Об этом нет, но по делу Ржевского был разговор: я сказал, что ему приписывают гораздо больше, чем есть.

Смиттен. — В качестве министра внутренних дел вы получали доклады от департамента полиции о том, какие есть тайные кружки на учете, возбуждающие подозрение своею деятельностью. Намечались ли у вас, как у министра внутренних дел, опасные ячейки каких-нибудь тайных организаций или темных сил, которые опасны с точки зрения государственного порядка или с точки зрения опасности по шпионству?

Штюрмер. — Таких докладов я не помню, не было слова шпионаж, — я не понимаю к чему это, — может быть эти сведения были, но у меня не было.

Смиттен. — Вам известна личность тибетского врача Бадмаева?

Штюрмер. — Конечно, известна, я его видел у нескольких моих знакомых. Это было давно.

Смиттен. — Лично вы знакомы с Бадмаевым?

Штюрмер. — Он был приглашен к моей жене, и он ей понравился. Затем последние 10 лет я его в глаза не видел. Затем он был в одной комиссии, которая была при святейшем синоде выбрана, когда я был членом Государственного Совета, под председательством Игнатьева, и Бадмаев там был по духовным вопросам своего бурятского верховного управления.

Смиттен. — А известна вам личность Андроникова?

Штюрмер. — Известна.

Смиттен. — Вы лично были знакомы?

Штюрмер. — Я расскажу знакомство с Андрониковым. Когда я был директором департамента общих дел, то министр юстиции Муравьев написал Плеве относительно одного дела, что там какой-то шантаж и что он обращает внимание на причисленного к Министерству Внутренних Дел Андроникова. Плеве поручил вызвать Андроникова и с ним переговорить относительно того, что на него возложено такое обвинение. Это дело находится в министерстве. Я его вызвал, и тут с ним познакомился. Он просил меня попросить у Плеве аудиенцию, которая и была ему дана. Когда я с Плеве говорил, он сказал оставить это дело. Андроников у меня был в ближайший визит, кажется в новый год, расписался, затем несколько раз заставал меня дома. Он очень образованный человек, вот все, что я знаю. Он прислал мне икону, когда я был назначен. В день Пасхи приехал и яйцо мне привез.

Смиттен. — Лично вы принимали это, как дань уважения, или вы понимали, что за этим кроется что-нибудь другое?

Штюрмер. — Единственное дело, о котором я говорил, это было издание газеты «Голос Русского», в которой, когда я ушел, он меня очень разнес. Я должен быть справедливым, он не просил, чтобы ему субсидию дали, он говорил о своих сотрудниках.

Смиттен. — Для вас, как для министра внутренних дел, обрисовались какие-нибудь связи, знакомства, его занятия или деятельность? Совершенно это вам неизвестно? Докладов об Андрониковe в департаменте полиции вы никогда не получали?

Штюрмер. — Я не помню.

Смиттен. — Вам чужда была молва об Анроникове по Петрограду, что он находится на положении лица, которое даже выселить из квартиры нельзя?

Штюрмер. — Как же не знал, во всех газетах было написано.

Смиттен. — Он пользовался этим иммунитетом?

Штюрмер. — Все тысячи дел я не могу узнать. Такого дела не возбуждалось.

Завадский. — Так что до вас доходило, что его нельзя выселить из квартиры, что по указу его величества состоялось это решение о выселении, но нельзя было привести его в исполнение.

Штюрмер. — Не знаю.

Смиттен. — Вы не нашли, что здесь что-то противозаконное, ненормальное?

Штюрмер. — Если бы я знал, может быть я и нашел бы, но я не вникал. Никакой физической возможности не было, для этого есть сослуживцы-сотрудники и, если бы что было, я бы не оставил.

Смиттен. — Личность князя Андроникова внимания на себе не останавливала?

Штюрмер. — Большой болтун, очень тонкий и хитрый человек.

Смиттен. — Он был близок ко двору; имел он непосредственный доступ к государю и государыне?

Штюрмер. — Убежден, что нет, убежден, что нет. В придворных сферах был слух, что его чуждаются.

Смиттен. — Почему его чуждаются, это также вашего внимания не останавливало?

Штюрмер. — Я себе мог объяснить только тем, что он, вероятно, просил деньги на издание своего журнала.

Смиттен. — Известна ли вам личность Бурдукова?

Штюрмер. — Я его знал, но не вижу его второй год.

Смиттен. — Он субсидировался когда-нибудь Министерством Внутренних Дел?

Штюрмер. — При мне никогда.

Смиттен. — Может быть вы знаете, у кого он состоял, когда требовал материальную поддержку?

Штюрмер. — Насколько я знаю, числился в Министерстве Внутренних Дел. Затем, я слышал, что он был откомандирован в комитет.

Смиттен. — Он не состоял в числе тех лиц, которые были на учете Министерства Внутренних Дел, в качестве лиц, принадлежащих к кружкам сомнительного характера?

Штюрмер. — Он был очень близок. Он получил наследство от князя Мещерского: «Гражданин».

Соколов. — Я слушал ваши ответы на вопросы другого члена Комиссии. Мое внимание обратило ваше выражение, что вы познакомились и увидели кружок, группирующийся вокруг Распутина.

Штюрмер. — Дамский кружок, я знаю, что там была барышня Головина.

Смиттен. — Фрейлина?

Штюрмер. — Да, кажется, фрейлина ее мать, затем я упомянул о Вырубовой. Я не знал этого кружка.

Соколов. — Вы видели этот кружок или слыхали о нем?

Штюрмер. — Слыхал.

Соколов. — От кого?

Штюрмер. — В отчетах.

Соколов. — В отчетах ваших филеров, охранников?

Штюрмер. — Да.

Соколов. — Вы слыхали, что государь назначает Протопопова, а вы приехали, чтобы своих кандидатов назначить?

Штюрмер. — Когда я приехал, государь сказал: «Я исполняю просьбу Протопопова, передайте А. А. Хвостову, что я благодарю и увольняю его».

Соколов. — Вы ваших кандидатов не указывали?

Штюрмер. — Я был не подготовлен, что министром внутренних дел будет Протопопов.

Соколов. — Государь не сказал, чем он руководствовался?

Штюрмер. — Извините, может быть вам кажется это странным, но государь не держался той системы, чтобы предоставлять выбирать. Когда он спросит: «На кого вы можете указать?» — тогда другое дело, а предлагать я не могу.

Соколов. — Но некоторых вы предлагали, например, вы предлагали Макарова министром юстиции.

Штюрмер. — Это, когда он меня спросил: «Кого вы имеете в виду на место Хвостова?» я ответил — Макарова.

Соколов. — Какого рода возникали разговоры у вас с государем по поводу назначения министров, из которых вы могли бы вывести заключение, каких взглядов держится государь на систему управления, на характер административной деятельности, на состав администраторов разного рода министерств?

Штюрмер. — Трудно сказать, так много вопросов. По данному вопросу государь выслушивал мнение и затем обращал внимание на него или нет. А какое его было мировоззрение на круг деятельности, мне трудно отвечать.

Соколов. — Когда вы предлагали государю тех или других министров, вы рассчитывали, что государь согласится?

Штюрмер. — Я в прошлый раз уже упомянул: когда я проводил в министры внутренних дел, то я представил государю три имени, из которых два были старые губернаторы, а третий граф Бобринский, но они не прошли.

Соколов. — Когда вы представляли, вы были в расчете, что они пройдут; этот расчет покоился на чем-нибудь?

Штюрмер.—Расчет провести А. А. Хвостова покоился на том, что Хвостов служил в Министерстве Внутренних Дел.

Соколов. — Но, кроме предыдущей деятельности, руководились вы в этом выборе системой политических воззрений того или другого кандидата?

Штюрмер. — Да, конечно.

Соколов. — Какой системой руководились вы в это время, и как эта система отражалась на согласии или несогласии государя?

Штюрмер. — Трех кандидатов на пост министра внутренних дел не утвердили.

Соколов. — Вы на мой вопрос ответили, что при указании бывшему государю кандидатов на пост министра вы руководились не только их опытностью в министерстве, но и их политическими мировоззрениями?

Штюрмер. — Разумеется.

Соколов. — Каковы должны были быть политические воззрения кандидатов для того, чтобы обратить ваше внимание на них?

Штюрмер. — Когда я был членом Государственного Совета, то я черпал из той группы, к которой сам принадлежал, из правой группы.

Соколов. — Государь примыкал к этому?

Штюрмер. — Нет, не всегда, трех кандидатов не принял.

Соколов. — Это может быть объясняется тем, что личность не подходит, а вообще вы встречали сочувствие государя к правой системе ваших воззрений или наоборот?

Штюрмер. — Покровский не принадлежал к правой группе — государь назначил, А. А. Хвостов не принадлежал, тоже был назначен. Макаров и Бобринский принадлежали и тоже были назначены.

Соколов. — Вы меня извините, вы ищете такую прямую линию, по которой все шло и под которую все подходило. Скажите, с кем из великих князей или великих княгинь вам приходилось встречаться у государя и беседовать на политические темы?

Штюрмер. — В Царском Селе я не могу вспомнить.

Соколов. — Не только в Царском Селе, но и в Петрограде при дворе, при ваших докладах государю, при ваших обязанностях заведывающего церемониальной частью?

Штюрмер. — За какой же период времени?

Соколов. — Я интересуюсь, приходилось ли вам с кем-нибудь из великих князей или великих княгинь иметь разговоры, аналогичные тем, которые вы имели с императрицей?

Штюрмер. — С великой княгиней Марией Павловной в нынешнем году имел разговор, который сосредоточивался на войне, затем с великим князем Кириллом Владимировичем, Викторией Федоровной, но все эти разговоры были около войны. Все это было отмечено страшным негодованием и обозлением против немцев.

Родичев. — Скажите, вы представляли записку о необходимости выборов в 5-ю Государственную Думу и о способе их организаций. Она недавно обнародована, вы к ней непричастны?

Штюрмер. — *(Не слышно).*

Родичев. — Я напомню содержание записки, в которой говорится о том, что представляется возможность произвести надлежащее давление на избирателей, их надлежащим образом подготовить и привлечь к участию духовенство, назначить 80 священ-

ников в Государственную Думу. В записке этой упоминается о том, что банки не прочь поддержать, что они требуют себе некоторых мест в Государственной Думе. Об этой записке вам ничего неизвестно?

Штюрмер. — О ней я ничего не слыхал, я этой записки не составлял.

Родичев. — Вопрос о подготовлении выборов в 5-ю Государственную Думу при вас не возбуждался?

Штюрмер. — Никакого производства не было.

Родичев. — Вы свидетельствуете о том, что вопрос этот при вас не возбуждался?

Штюрмер. — Разговоров было очень много.

Родичев. — Как же не возбуждался, если разговоры были? Какие разговоры были?

Штюрмер. — Собирались группы и разговаривали. Вообще в городе я слышал очень много разговоров.

Родичев. — У вас в Совете Министров обсуждалось, с министрами и с государем обсуждений не было?

Штюрмер. — Наверно нет.

Родичев. — Затем, относительно ваших действий, весьма крупных действий. Это — вами объявленное повеление о призыве мусульманского населения к работам. Что вы можете сказать?

Штюрмер. — Я не могу подробно рассказать, но это имеется в Совете Министров, там есть все делопроизводство.

Родичев. — Что вы думаете о законности этого распоряжения? Когда вы его сделали, объявили, вы представляли себе, что вы не имеете права этого делать?

Штюрмер. — Вы спрашиваете про то, что произошло потом в Ташкенте?

Родичев. — Да, да. Распоряжение, которое вы объявили, представляли вы себе, что вы не имели права этого сделать?

Штюрмер. — Вы увидите, что там есть. Я помню, что часто у нас бывало так, — я скажу, слава богу, нечасто, например, по поводу случая с Алексеевым, по поводу диктатуры, но бывали случаи, когда горит — нужно спасать, а подробностей я не помню.

Родичев. — Вы к этому относились так же, как к вопросу о вашем праве на диктатуру?

Штюрмер. — К последнему, как к неизбежному злу.

Родичев. — Значит, вы к переступлению границ законности относились, как к неизбежному злу, и делали это с полным сознанием?

Штюрмер. — В виду того, что горит..

Родичев. — Я удовлетворен. Пожалуйста, ответьте на вопрос, касающийся деятельности министра иностранных дел. Вы сказали, что, когда вас назначили, государь сказал, что он недоволен Сазоновым. За что?

Штюрмер. — Государь мне этого не сказал.

Родичев. — Как же вы не спросили? Вы должны были узнать, чтобы избежать этого неудовольствия или чтобы предупредить его, что он ошибается. Как же вы сопоставляли это с вашими обязанностями, как министра иностранных дел?

Штюрмер. — Позвольте, надо знать отношения, как устанавливаются такого рода разговоры, как они происходили. Мне было сказано, что было решено не пользоваться сотрудничеством Сазонова. Как же я мог к этому относиться?

Родичев. — Вы сказали, что вы узнали, что царь недоволен Сазоновым, и вы не предложили вопроса, за что он недоволен?

Штюрмер. — Извините, этого нельзя было сделать.

Родичев. — Вы говорили, что вступили в сношение с послом Бьюкененом, и он выразил благодарность за ликвидацию истории с Булацелем.

Штюрмер. — Это был Грей.

Родичев. — Принимая эту благодарность, вы знали, что Булацель находится на содержании Министерства Внутренних Дел?

Штюрмер. — Нет.

Родичев.—Будучи министром внутренних дел вы не знали, что Булацель получает субсидию от Министерства Внутренних Дел?

Штюрмер. — Субсидию?

Родичев. — Да. Что то оскорбление, которое было нанесено сэру Джорджу Бьюкенен, оно было напечатано на правительственные деньги. Вы знали, что эти деньги были ему выданы?

Штюрмер. — Если бы я это знал, я бы иначе относился. Во всяком случае, независимо от этого, я взял быка за рога и заставил его извиниться.

Родичев. — Достаточно. Теперь скажите, когда вы вступили в должность министра иностранных дел, то через некоторое время товарищ министра Арцимович оказался неожиданно для себя изъятым из министерства. Зачем вы это сделали?

Штюрмер. — Видите ли, я не знаю, можно ли такие вещи говорить.

Родичев. — Можно, потому что вы этим рассеете весьма дурные предположения.

Штюрмер. — Я не для этого, а только дело в том, что существовала такого рода вещь. Арцимович служил в Берлине и так как существовало опасение, что он может быть более расположен к Германии, чем желательно, а так как у него была мечта всегда быть сенатором и нашлась возможность это сделать, так его и сделали сенатором.

Родичев. — Значит, вы сохранили Мануйлова-Манасевича, а устранили Арцимовича. Скажите, пожалуйста, секретным фондом Министерства Иностранных Дел как вы распоряжались?

Штюрмер. — Никак.

Родичев. — Вы, в вашу бытность министром иностранных дел, не расходовали из секретного фонда?

Штюрмер. — Я не помню решительно ни одного факта.

Родичев. — Значит, вы не помните, был в вашем распоряжении секретный фонд или не был, прошу вас ответить на этот вопрос.

Штюрмер. — Что называется секретным фондом? Секретный фонд был, например, когда Сазонов ушел, оставил 6.000 руб. на мелкие расходы по дому Министерства Юстиции; из этих денег часть была уплачена евреям, а я ни копейки не брал из этих сумм, они шли на уплату расходов. Двенадцать тысяч отпускали на это.

Родичев. — Это был единственный фонд, который в вашем сознании является секретным? Довольно об этом. Скажите, почему вы предложили Министерство Иностранных Дел Половцеву?

Штюрмер. — Потому что он умный человек, долго жил в Лондоне, был в Индии и жил там несколько лет. Я знал, что он будет полезен для будущего.

Родичев. — Что вы можете свидетельствовать о вашем участии в отношении к румынскому выступлению?

Штюрмер. — Мое участие? — Всей душой был за него, жалел, что долго тянется, вот и все. Между тем, когда оно состоялось, радовался.

Родичев. — Вы всей душой были за выступление? Вы не настаивали на скорейшем осуществлении?

Штюрмер. — Нет, не настаивал, а считал, что было желательно.

Родичев. — Вы не предпринимали каких-нибудь шагов? Не было ли каких-нибудь переговоров с Румынией в этом направлении?

Штюрмер. — Желал, чтобы это произошло, затем мало вмешивался, потому что генеральный штаб, Алексеев, непосредственно сносился. Я просил, чтобы Министерство Иностранных Дел не входило, не вплеталось бы в переговоры начальника штаба Алексеева с нашим посланником в Румынии, т.-е. не с посланником, а с нашим военным агентом, я не помню его фамилии. Военный агент ездил с непосредственным докладом в Ставку к Алексееву. Я ничего не знал, но все время говорил, чтобы не трогали этого дела, потому что, где военные вмешиваются, мы не судьи. Я бы хотел, чтобы у нас был лишний союзник, но ни в какой мере для этого ничего не сделал. Все военные переговоры шли все время между Ставкой и Румынией.

Родичев. — По вопросу о времени выступления и условиях вы принимали или не принимали какие-нибудь шаги? Вы только сочувствовали платонически в качестве министра иностранных дел и затем считали, что это не ваше дело?

Штюрмер. — Надо было содействовать этому делу, чем можно, а условия касались военного ведомства.

Родичев. — Как вы объясняли то обстоятельство, о котором свидетельствовал Милюков, что донесения иностранных послов в Министерство Иностранных Дел делались известными нашим врагам?

Штюрмер. — Я никогда этого не знал.

Родичев. — Вы этого не знали, а когда Милюков заявил об этом в Государственной Думе, вы спросили еще об этом?

Штюрмер. — Нет. Не было никаких донесений, чтобы выяснить.

Родичев. — Вы спросили у Милюкова, откуда у него эти данные?

Штюрмер. — Я Милюкова не видел. Я рассчитывал, что когда будет рассматриваться дело о клевете...

Родичев. — Как же вы не испугались этого обстоятельства? Как вы, министр иностранных дел, узнаете, что ваши профессиональные тайны проникли к врагам; вы привлекаете к ответственности за клевету, не спрашивая, насколько это верно?

Штюрмер. — Если бы это было верно, мои товарищи сказали бы мне об этом.

Родичев. — Как же они могли сказать об этом, если это делалось при помощи тайных агентов вашего министерства за границей?

Штюрмер. — Никогда ничего подобного не было.

Родичев. — Удостоверились ли вы в этом? Ваша обязанность была прежде всего проверить, а не опровергать. Вы это не признали своей обязанностью?

Штюрмер. — Почему же? Я убежден был, что этого не было совсем.

Родичев. — А почему вы были убеждены?

Штюрмер. — Министерство так организовано было, Сазонов так долго сидел.

Родичев. — Оказывается, что не так было организовано. Милюкову об этом говорил граф Бенкендорф, а вы даже не позаботились узнать.

Штюрмер. — Если бы это было, Бенкендорф сообщил бы министру иностранных дел, но подобного сообщения не было.

Родичев. — Почему же вы думаете, что граф Бенкендорф верил министру иностранных дел после того, как это случилось? Почему вы думаете, что граф Бенкендорф не опасался, зная, что сведения, отправляемые в Министерство Иностранных Дел, попадают в руки врагам. Еще бы вы захотели, чтобы он вам посылал это свое заявление. Он его и сообщил другому лицу, которое могло его проверить и которое могло вам предъявить официальное обвинение.

Штюрмер. — Если бы это было, у меня есть достаточно оснований, у меня есть письмо Бенкендорфа, в котором он сообщает секретное сведение.

Родичев. — Я вполне удовлетворен вашим ответом.

Соколов. — Господин Штюрмер, вы до принятия должности министра иностранных дел по этому ведомству не служили раньше?

Штюрмер. — Нет, никогда.

Соколов. — Первая ваша должность — должность министра иностранных дел? Когда вы принимали эту должность, вы имели разговор с бывшим министром г. Сазоновым о его планах, намерениях?

Штюрмер. — Да, он вкратце рассказал.

Соколов. — Вы не постарались узнать, что же из его деятельности вызвало неудовольствие отрекшегося государя?

Штюрмер. — Об этом он мне ничего не сказал.

Соколов. — Вы продолжали эту деятельность в ином направлении, чем работа Сазонова, или в том же направлении?

Штюрмер. — По отношению войны в том же направлении.

Соколов. — Во всех остальных отношениях, в той области, в которой вы стали руководителем, вы продолжали политику Сазонова или изменили в каком-нибудь отношении?

Штюрмер. — Изменение произошло только одно. Когда Румыния стала союзницей, было признано необходимым назначить посланником военного.

Соколов. — Это вопрос не направления, а личного состава. Вместо штатского лица назначили военного, генерала Мосолова. А затем, вообще, вы принимали какие-нибудь изменения в направлении общем, в направлении политики министерства?

Штюрмер. — Нет.

Соколов. — Вы, значит, рисковали, что, продолжая политику в том же направлении, вы попадаете под неудовольствие государя?

Штюрмер. — Может быть, это и случилось бы, но этого не случилось.

Соколов. — Вы и тут не постарались узнать, чего от вас хочет государь, когда вместо Сазонова назначил вас?

Штюрмер. — Он свое указание дает, а как же можно его спросить: а почему вы меня назначили?

Соколов. — Вы от самого государя узнали, в чем должно быть изменение политики, и от Сазонова не узнали, может быть вы беседовали с товарищем его, Нератовым? Может быть от Нератова вы узнали, в каком направлении должна быть ваша деятельность по министерству? Деятельность Сазонова вызывала неудовольствие государя.

Штюрмер. — Это было не мое дело вмешиваться, я не мог спрашивать, чем недоволен государь.

Соколов. — Вы не вмешивались, значит, все ведение дела шло в том же порядке?

Штюрмер. — Все шло о войне. Потом я очень жалел, что Японии был уступлен известный участок.

Завадский. — Позвольте мне сказать по поводу Сазонова и польского вопроса. У вас шло заседание в конце июня, в начале июля в Ставке заседание Совета Министров по польскому вопросу и по вопросу, кажется, о мире.

Штюрмер. — По вопросу какому? Я не помню.

Завадский. — О мире не было вопроса на этом заседании?

Штюрмер. — Нет.

Завадский. — Совет Министров собирался без Сазонова; там, вероятно, был Нератов, Сазонов был в Финляндии.

Штюрмер.—Только одно и было заседание Совета Министров в июне, Сазонов был на этом заседании. Вопрос решался о диктатуре, и Сазонов был тут.

Завадский. — Нет, это, вероятно, другое. Сазонов был в это время уволен, когда вы были в Ставке. Он был в Финляндии.

Штюрмер. — Заседание, о котором вы говорите, было приблизительно 27 июня.

Завадский. — Тогда Сазонов был?

Штюрмер. — Был.

Завадский. — Обсуждали ли тогда устав о Польше?

Штюрмер. — Нет, насколько я помню, не обсуждали. Но разговор был, вероятно. Государь велел его оставить у себя.

Завадский. — Т.-е. у кого? Неясно.

Штюрмер. — У себя велел оставить проект этого устава.

Завадский. — Он велел оставить у вас или у него?

Штюрмер. — У него.

Завадский. — Он оставил у себя?

Штюрмер. — Да.

Завадский. — Этого устава вы не обсуждали?

Штюрмер. — Нет, а такие разговоры у меня были, доклады государю...

Завадский. — А в Совете Министров перед увольнением Сазонова вы говорили об этом?

Штюрмер. — Нет.

Завадский. — Ведь и до устава о Польше, вероятно, в Совете обсуждался этот вопрос?

Штюрмер. — Не помню. Сохранились, вероятно, журналы.

Завадский. — Ведь это вопрос об автономии, о самостоятельности Польши, таких вопросов очень мало было.

Штюрмер. — Мало, но этот вопрос оставался у государя. Он не вернулся в Совет, и его не обсуждали.

Завадский. — Так что по этому поводу вы не припомните ничего?

Штюрмер. — Нет.

Завадский. — Вопрос о мире не обсуждался?

Штюрмер. — Нет.

Завадский. — Позвольте вам предложить еще один вопрос, в связи с иностранной политикой. Вам известно, что Бьюкенен был недоволен вами и вашим к нему отношением, или вы этого не знали?

Штюрмер. — Он мог быть недоволен по поводу Булацеля, но затем он сам мне принес телеграмму лорда Грея, в которой тот меня сердечно благодарил; он совершенно был удовлетворен, вот и все, так что мы друг у друга бывали, и я не имел повода думать, что он ко мне отрицательно относится .

Смиттен. — Так что никаких трений не возникало у вас?

Штюрмер. — Нет. Я с ним скорее сговаривался, чем с французским послом.

Завадский. — Позвольте вам задать вопрос из другой области. Вы о Дмитрии Рубинштейне слыхали?

Штюрмер. — Очень много пришлось слышать, но я его никогда не видел. Когда я был председателем Совета Министров, ко мне являлись банкиры по разным своим делам, которые касаются Министерства Юстиции. Нужно было сговариваться, но никогда Рубинштейн не был у меня, я его никогда не видел и не слышал.

Завадский. — Вы об аресте его слышали?

Штюрмер. — Слышал.

Завадский. — Знаете, кто его арестовал?

Штюрмер. — Из Ставки.

Завадский. — Военный генерал?

Штюрмер. — Да, да.

Завадский. — Вам известно, что при обыске и аресте присутствовал Манасевич-Мануйлов?

Штюрмер. — Я читал в газете, из отчета об его процессе.

Завадский. — Вы его не посылали?

Штюрмер. — Нет. Мне говорили, что он приехал на обыск и уехал раньше, потому что боялся, что я буду выражать свое нетерпение. Он хотел быть, чтобы мне сообщить. А кто-то из свидетелей говорит: «Как же хотел сообщить, а сам уехал раньше окончания обыска?»

Завадский. — Значит, Манасевич-Мануйлов солгал, говоря об этом?

Штюрмер. — Я никогда такого поручения ему не давал, не знал даже, что обыск делается.

Завадский. — Вы отлично понимаете, что постороннего человека на обыск не пустят, а его пустили только потому, что он состоял при председателе Совета Министров.

Штюрмер. — Может быть, это и было, что он сказал.

Завадский. — Он явился самозванцем?

Штюрмер. — Это было еще летом. Я жил на островах, он приехал и сказал, что приехал сюда для того, чтобы затем

в Москву уехать. Допросите самого Рубинштейна. Вот это все. А чтобы я его посылал, нет.

Завадский. — Вы, значит, ускорили арест Рубинштейна?

Штюрмер. — Нет, он мне говорил, что есть данные. Я говорил — зачем же так долго возиться с этим делом? Как я мог понять — это был вопрос о шпионаже.

Завадский. — Вам неизвестно, что Манасевич-Мануйлов требовал от Рубинштейна денег и говорил, что если он заплатит деньги и довольно большую сумму, то он не будет арестован?

Штюрмер. — Нет, не слыхал.

Завадский. — Вы не требовали визитную карточку вашу от Рубинштейна, чтобы он вам вернул ее?

Штюрмер. — Я никогда не был у Рубинштейна, как я мог требовать визитную карточку свою?

Завадский. — Что будто бы Манасевич-Мануйлов имел вашу карточку в своем распоряжении, которой он потом распорядился по делу с Рубинштейном, а вы хотели взять эту карточку?

Штюрмер. — Как я мог?

Завадский. — Я и спрашиваю, так говорили.

Штюрмер. — Ничего подобного не было. Это чистейшая ложь. Я никогда в жизни у Рубинштейна не был. Он не был у меня, как же я к нему поехал бы? Банкирам которые были у меня, я посылал свою визитную карточку, но, повторяю, он у меня не был, как же я мог послать ему?

Завадский. — А он не домогался свидания с вами?

Штюрмер. — Никогда. Через кого же?

Завадский. — Так что вы ему не назначали свидания?

Штюрмер. — Нет, никогда.

Завадский. — Вы больше ничего не знаете о генерале Батюшине и Бонч-Бруевиче и его расследовании, которое клонилось к оправданию Манасевича-Мануйлова? И вся эта история, которая кончилась приговором, все эти интервью с Климовичем, Хвостовым?

Штюрмер. — Ничего. Батюшин ко мне приходил три раза; он приходил с заявлением, что на него возложена обязанность проследить деятельность Рубинштейна, затем второй раз он был у меня; не помню по какому случаю, он пришел третий раз ко мне. Но то, что вы говорите мне, это мне неизвестно. Затем он мне заявил, что у него есть несколько лиц, на которых падает подозрение, но дальнейшие его сношения с Климовичем и Манасевичем-Мануйловым мне совершенно неизвестны.

Завадский. — Позвольте предложить еще один вопрос. Вы не продавали ли в прошлом году вашу землю?

Штюрмер. — В 1915 году продавал. У меня было имение в Рыбинском уезде, Ярославской губернии, которое мною было куплено для дачи. Это было в 1915 году 28 ноября. Вы меня,

вероятно, об этом спрашиваете? Я подготовлен к этому вопросу, потому что в газетах это было. Я раньше не знал №, я бы разумеется опроверг. Есть на Большой Морской улице нотариус Бологовский; у него 28 ноября я совершил купчую крепость на продажу этого имения одному заводу Штрауха, который был вывезен из Риги. Купчая совершена 28 ноября, при чем я получил около 50 тысяч. Сам я ее купил за 50 тысяч, стоило оно мне до 60 тысяч, продал я его за 75 тысяч. Взял барыша 15 тысяч рублей. 28 ноября, я точно помню это число, а назначение мое было 20 января, значит, купчая состоялась...

Иванов. — Была выдана ссуда этому заводу Штрауха из казны?

Штюрмер. — Да.

Иванов. — Эта ссуда шла через Совет ваш?

Штюрмер. — Нет, она шла через принца Ольденбургского и его помощника Иорданова.

Иванов. — А кто вам платил эти деньги?

Штюрмер. — Сам Штраух.

Иванов. — Из этой ссуды?

Штюрмер. — Из этой ссуды. Я прошу обратить на это внимание. Это было в ноябре 1915 года, вопроса о моем назначении еще не было. Мое назначение было 20 января, — я прошу отметить это, потому что, к сожалению, дома от меня скрыли, что такая заметка была, я бы написал опровержение. Когда я об этом узнал, я был в ужасе. 28 ноября это было.

Завадский. — Проверить легко.

Смиттен. — А у кого вы купили это имение? У кого была совершена купчая, когда вы приобретали это имение?

Штюрмер. — Это было полтора года тому назад, у Величкова.

Смиттен. — Нотариус города Риги?

Штюрмер. — У нотариуса, заведующего мазутным заводом гор. Рыбинска.

Смиттен. — У кого была заключена купчая по покупке?

Штюрмер. — Насколько я помню, у нотариуса Тупицына.

Иванов. — Не можете ли вы сообщить, при каких обстоятельствах был уволен Николай Николаевич от обязанностей верховного главнокомандующего и назначен верховным главнокомандующим бывший царь Николай II. При каких это было условиях, вы не знаете?

Штюрмер. — Нет.

Иванов. — У вас в кабинете не было по этому поводу разногласий?

Штюрмер. — Позвольте вас спросить, когда это было?

Иванов. — Это было 15 января.

Штюрмер. — Я был назначен 20 января 1916 года.

Соколов. — Господин Штюрмер, вы упоминали о принце Ольденбургском. Не приходилось ли вам с ним беседовать на поли-

тические темы, на ваше отношение к войне, к Германии, к Франции?

Штюрмер — Я не знаю, знаете ли вы близко принца Ольденбургского. Разве можно с ним беседовать? Он говорит категорически то-то и то-то. Это человек, который был страшно возбужден, готовый на все, так что обсуждать какие-либо вопросы было невозможно.

Соколов. — Не было ли таких бесед ваших, из которых бы принц Ольденбургский мог вынести впечатление, что вы являетесь германофилом?

Штюрмер. — У меня фамилия только немецкая. У меня соприкосновений с ними было очень мало.

Соколов. — Вы в вашей служебной деятельности как часто соприкасались с принцем Ольденбургским? Какие беседы вы имели с ним?

Штюрмер. — Почти никогда.

Иванов. — Скажите, вы не припомните того случая, когда пришлось удалить двух лиц, служащих по Министерству Внутренних Дел? Я не могу вспомнить их фамилий, но это — член хозяйственного комитета и смотритель здания, после того, как они протестовали против выдачи денег на уплату ремонта мебели бывшего министра Маклакова. Вы не помните такого случая?

Штюрмер. — Я не помню.

Иванов. — Может быть, вы припомните, что приезжал личный секретарь бывшей императрицы Ростовцев и хлопотал о том, чтобы эти деньги были выданы из сумм департамента полиции.

Штюрмер. — Я этого не помню. У меня он не был.

Иванов. — Может быть, Стремоухов докладывал?

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах состоялся уход с должности министра внутренних дел А. Н. Хвостова, что послужило ближайшей причиной или поводом его отставки?

Штюрмер. — Не знаю. Я помню, государь категорически сказал мне, что он решил расстаться с Хвостовым.

Смиттен. — Причины этой отставки неизвестны? Скажите мне, пожалуйста, получили ли вы, в связи с этой отставкой, какое-нибудь поручение об изъятии документов или производстве обыска у него?

Штюрмер. — Нет.

Смиттен. — Вы не отбирали от Хвостова какой-нибудь расписки?

Штюрмер. — Нет.

Смиттен. — Вы не предъявляли требования, чтобы он возвратил все документы, касающиеся Распутина?

Штюрмер. — Нет.

Председатель. — Вы Мануса не знали?

Штюрмер. — Нет, никогда.

Родичев. — В бытность вашу председателем Совета Министров вы весьма часто пользовались 87-й статьей. Вы провели массу законов вовсе несрочных и таким образом нарушили основные законы. Как вы к этому относились, а также к тому нарушению основных законов, которые выразились в вашем распоряжении о наборе мусульман? Вы знали, что это выходит за пределы вашей власти, но вы сказали, что когда горит — во время пожара не считаются с условиями тушения. Так вот, относительно 87-й статьи... относительно ее постоянного применения.

Штюрмер. — Я скажу только одно, что, во-первых, для меня 87-я статья и ее принятие были, как по больному месту ногтем скоблить.

Родичев. — Но вы это делали?

Штюрмер. — Делал. Но, должен сказать, она всякий раз обсуждалась и процеживалась в Совете Министров. При чем я не помню, чтобы были случаи возражения большинства, чтобы ее принять. Были соображения, что надо это сделать. Если говорили, что не нужно — я охотно. Много было случаев, когда я говорил, что не нужно это делать. Но если соглашались с иным мнением, я не мог ничего сделать.

Смиттен. — Но вы брали на себя инициативу проведения законов в порядке 87-й статьи?

Штюрмер. — Нет. Министры обыкновенно брали.

Смиттен. — В качестве министра внутренних дел вы не брали?

Штюрмер. — Я это вам говорил, что не помню, я не прикидываюсь, не говорю того, чего нет. Я говорю, что для меня это была самая обидная вещь. Может быть, вы, Федор Измайлович, помните из тверской моей эпопеи, когда я приехал и сказал, что эту управу, которую выбрали, не нужно утверждать и назначить от правительства управу? Это мне приписывают. Не я был виновен в этом. Жив еще Крыжановский, с которым я говорил. Мы говорили, надо назначить вторые выборы, и тогда можно назначать. К сожалению, это не прошло и легло на меня. Между тем есть документы, которые это подтвердят.

Родичев. — Исследование этого вопроса не входит в задачи Следственной Комиссии.

Штюрмер. — Я говорю это только для примера.

Родичев. — Я очень хорошо знаю все обстоятельства.

Председатель. — Каковы были отношения между вами и Гурляндом?

Штюрмер. — Он был профессор в Ярославле и был у меня секретарем земского присутствия. Вот наши отношения. Он был археолог, очень полезный в этой области человек, потом перешел сюда в Петроград еще при Плеве и здесь, в особенности Столыпин, его очень отмечали. Он был человек, который очень много рабо-

тал. Он очень хорошо пишет. В некоторых случаях я имел с ним отношения, он делал мне некоторые работы, я говорил мысли, он меня редактировал. Вот все, что касается его. Потом был назначен другой профессор, Удинцов.

Соколов. — При вас состоялось назначение профессора Гурлянда директором Петроградского агентства. Не пришлось ли вам хлопотать об отмене закона о совмещении государственной службы с пребыванием частным акционером компании и, в частности, не вы ли выхлопотали разрешение ему, оставаясь агентом, занимать должность члена правления общества «Треугольник»?

Штюрмер. — У меня этого в памяти нет.

Соколов. — В вашей деятельности часто были случаи ваших хлопот об отмене того или другого закона в отношении того или другого частного лица?

Штюрмер. — По всем ведомствам это делается. Может быть, это было, но относительно Гурлянда я не помню.

Председатель. — Больше нет вопросов. Значит мы кончаем.

VII.

ПОКАЗАНИЯ В. Л. БУРЦЕВА.

1 апреля 1917 г.

Содержание: Показания о стрельбе в народ на Знаменской площади. Показания о провокаторах. Две категории их: провокаторы и осведомители. Показания об Азефе. О заявлениях Бурцева к Щегловитову и Корсаку. Азеф, Трусевич, Курлов, Ратаев, Герасимов. Дело Жученко. Провокация Жученко и арест Фрумкиной при Климовиче. Жученко и Азеф. О покушении Фрумкиной на Рейнбота. Климович, Белецкий и Жученко. О Сладкопевцеве. Дело Азефа. Как шел сговор между Азефом и Герасимовым. Арест Азефа охранным отделением. Азеф переходит в охранное отделение к Герасимову. Заявление Жученко о провокаторстве Азефа Климовичу и фон-Коттену. Власть знала правду об Азефе. Роль Столыпина. Гонорар Азефа. Эпоха Макарова: покушение на Гершельмана. Сообщение о подготовке цареубийства на «Рюрике». Освобождение Герасимовым Карповича по просьбе Азефа. Роль Доброскока. Лопухин об Азефе. Об агенте-провокаторе Рысе. Еремин, начальник киевского охранного отделения, освобождает Рыса по уговору с Трусевичем. Покушение на Столыпина на Аптекарском острове. Показание Климовой. Экспроприация в Фонарном переулке. Запись-протокол о суде эс-эров над Бурцевым. Азеф и подготовка взрыва на Аптекарском острове. Дело Малиновского. О провокаторе Житомирском. Беседа с Манасевичем о Малиновском. Джунковский требует увольнения Малиновского от службы при Государственной Думе. Показания о Малиновском Попова и Васильева. Показания Виссарионова и Васильева. Роль Малиновского в Думе. Особо законспирированные агенты. Мнение Бурцева о склонности охранников к откровенным беседам. Дело Штакельберга. «Книгоиздатель». Мас. Дело «Союза русского народа». Комиссаров об убийцах Герценштейна. Дело Иоллоса. Беседа «по душам» с Манасевичем-Мануйловым. Климович и убийство Иоллоса. О Буксгевдене и Гершельмане. О Щегловитове. О Заварзине и Невражине. О полковнике Собещанском. Переписка Белецкого с полуизобличенным провокатором в 1913 г. Сообщение о шпионскем заговоре. О покушении на Сазонова. О покушении на взрыв «Марии». Сведения о контр-разведке.

I.

Председатель. — У вас есть какой-нибудь план показаний?.. Мы уже обменялись мыслями...

Бурцев. — Я бы просил разрешения сначала остановиться на отдельном эпизоде, на который вы мне указывали, — на событии расстрела. Это не относится к моим специальным изысканиям, но, если бы вы пожелали, я бы дал несколько сведений о том, что мне известно. Дело заключается в том, что в день расстрела, 26-го февраля, я был в Балабинской гостинице и из своего окна,

в присутствии некоторых своих знакомых товарищей, видел самый расстрел, видел тех, кто расстреливал... И тогда же, когда член Государственной Думы Рычков подошел ко мне со своей женой и попросил отойти от окна, я сказал: «Нет, я хочу быть свидетелем по этому поводу!» — У меня была отворена форточка, я слышал команду, видел солдат и офицеров и всю эту обстановку...

Председатель. — Где помещается Балабинская гостиница?

Бурцев. — На Знаменской площади, и таким образом, что одни окна выходят на Гончарную, другие — на Старый Невский, и видно Знаменскую. Я видел, как был расстрел по Гончарной и по Старо-Невскому и что было на Знаменской. Повторяю, этому члену Государственной Думы я тогда еще сказал: «Хочу быть свидетелем по этому поводу»... Как мне ни тяжело было смотреть, я все-таки смотрел и слышал команду.

Родичев. — Простите, это когда было? В субботу?

Бурцев. — Это было в воскресенье. В субботу был на моих глазах убит пристав, но там ничего серьезного я не видел, ничего не могу сказать, т.-е. за то время, что я был на площади. В этот день, 26-го, нас не выпускали, но я выходил несколько раз, чтобы в качестве свидетеля зафиксировать виденное. Через два-три дня я написал статью в «Биржевых Ведомостях» — «Показание свидетеля», — написал тогда по свежей памяти то, что было. Если вы позволите, я присоединю к этим документам и эту статью.

Председатель. — Сделаем так, чтобы не повторять того, что в статье написано. Вы подтверждаете, что все, изложенное в этой вашей статье, соответствует действительности?

Бурцев. — Я сделаю только маленькие комментарии. Я указал на участника и свидетелей этих событий, на фамилии 4 жандармских полковников: Фурса и др.... Но через форточку я не слышал, что они приказывали. В настоящее время некоторых из них я встретил в тюрьме, и они утверждают, будто уговаривали солдат, чтобы те не стреляли. Повторяю: я не могу сказать, что я слова их слышал, но они непосредственно участвовали в этих движениях войск...

Председатель. — Вы не допускаете возможности, что в той обстановке, в которой вы их видели, они, действительно, уговаривали? Нуждались ли в этот момент солдаты в таком уговоре — не стрелять?

Бурцев. — Солдаты, конечно, нуждались... Но мне казалось, что, наоборот, это было не уговаривание, а известного рода поощрение... Во всяком случае, довольно спокойное рассуждение с солдатами...

Председатель. — Ах, вот как!

Бурцев. — Так мне казалось. Но заявляю, если я слышал команду офицеров и разговоры солдат, то, с другой стороны, не помню ни одной фразы, которая исходила бы от того или дру-

гого жандармского чина, на которых я указываю. Однако, на другой же день я опросил людей, которые стояли вместе с этими жандармскими полковниками и жандармскими солдатами и непосредственно слышали все эти разговоры. Один — капитан Миклашевский: я хотел бы дать его записку с показаниями и его адресом.

Председатель. — Я отмечу, что представлен № 1.

Бурцев. — Второй свидетель, который дает свои показания, — Шепатовский, известный коммерсант: он, так же, как и я, наблюдал все это и видел все подробности *(передает председателю документы)*. Подробный рассказ об этом деле написан там же Шепатовским. Вы подчеркните, пожалуйста, фамилию Миклашевского, который играл очень хорошую роль во всем этом: он был из числа тех, которые уговаривали не стрелять, который многое предупредил. Он видел всех офицеров, видел солдат и мог бы дать вам обстоятельный рассказ обо всем происшедшем. Я считаю этих двух свидетелей не только компетентными, но в высшей степени добросовестными. Они дали сведения о военном шпионаже чрезвычайной важности, по словам компетентных лиц.

Председатель. — А вы интересовались сведениями о шпионаже?

Бурцев. — Непременно. Я все время и за границей и здесь до последнего времени очень много раскрывал.

Председатель. — Т.-е. о шпионаже немцев в России? ... Знаачит, что касается событий, мы все исчерпали. А насчет пулеметов?

Бурцев. — Насчет пулеметов, — я ими очень интересовался. Я имел возможность говорить с Балком и получил от него письмо, где он собственноручно высказывается по этому вопросу. Он отрицает безусловно. Все мои расспросы и расследования привели к тому, что Балк является здесь добросовестным свидетелем, человеком, который был устранен в последние дни от заведывания общей полицией, и что он, во всяком случае, о пулеметах ничего не знал.

Председатель. — Это — ваш вывод. Что вы знаете в связи с пулеметами о фактах?

Бурцев. — Я сам был под расстрелом пулеметов, но с уверенностью ничего говорить не могу по этому поводу.

Председатель. — Значит, вот все, что вы знаете относительно 26-го?

Смиттен. — Жандармских офицеров вы лично видели из окна, вы знаете их в лицо, или вам кто-нибудь их называл?

Бурцев. — Я называю их в моей статье на основании показаний свидетелей. Миклашевский и другие называли мне их фамилии. Я, когда смотрел из окна, фамилий еще не знал, а узнал впоследствии. Судя по внешнему их поведению, мне казалось, они — активные участники избиения; но утверждать это, на основании чужих показаний, не могу. Указанные мной свидетели могут вам

дать более исчерпывающие данные. Я еще пришлю письмо Плетнева... Что касается Фурса, то он также отрицает...

Председатель. — У вас есть письменное объяснение?

Бурцев. — Нет, только устный разговор. Его фамилия оглашена в моей статье. Он был там. И он и другие жандармы признают это. Но они только иначе истолковывают свое поведение. Миклашевский, мне кажется, будет свидетельствовать против них.

Председатель. — А солдаты какой части были?

Бурцев. — Волынцы.

II.

Председатель. — Какой план основного вашего рассказа?

Бурцев. — Я хочу указать на то, что последние 10 и даже больше лет я занимался борьбой с тайной полицией, где, мне кажется, совершались такого рода преступления, которые, если я верно понимаю задачи вашей Комиссии, входят в ее рассмотрение. Из этой области я хотел бы указать вам на факт следующего характера. Я всю свою борьбу с полицией разделяю на две части. Одна часть, которая едва ли вас может интересовать (я не буду на ней останавливаться, если только вы сами мне не укажете), — это борьба с осведомителями. С моей точки зрения — они были преступники, они были вредные люди, они были предатели. Так что те мои сведения, которые относятся к осведомителям, насколько я понял, Комиссию не интересуют?

Председатель. — У нас вырабатывается такая точка зрения: есть осведомители и осведомители. Часть осведомителей осведомляла о деятельности разных организаций, которые, с точки зрения существующего порядка, были преступными и т. д.... Так вот, относительно этого рода осведомителей у нас еще не установилась окончательная точка зрения, что это криминал...

Бурцев. — Но, думаю, то, что вы сказали, не относится ко второму разряду осведомителей, которых я называю провокаторами... Первый, — кто сообщал, — был вреден, он был предатель, я с ним боролся, как только мог, воевал. Но другой разряд — осведомители, которые были членами партии, которые толкали других и сами непосредственно даже участвовали в различных актах, — я их называю не осведомителями, а провокаторами. Вот с ними я особенно усердно боролся. И думаю, — сколько я понимаю задачи Комиссии, — вам придется их дела рассмотреть. Я, в этом отношении, за границей давно уже делал аналогичные попытки. Попытки такие были и после раскрытия дела Азефа. Я, в своем журнале «Общее Дело», поместил статью, с требованием предания суду Столыпина и Герасимова за то, что они руководили не осведомителями, а провокаторами. Через год я то же самое изложил в форме письма министру юстиции Щегловитову.

Председатель. — Простите: мы уже вас просили в прошлый раз, и вы нам обещали дать нам собрание ваших статей.. Давайте,

установим такой порядок. Вы написали много статей и вы нам их передадите. Тем не менее ваши личные объяснения дадут нам очень много — постольку, поскольку они осветят материал статей. Поступим поэтому так: вы будете делать ссылки на свои статьи, не излагая их содержания. И этой системы мы и будем придерживаться.

Бурцев. — В 1911 году я сделал попытку обратиться к Щегловитову опять таки с требованием о предании суду виновников провокации. Я называл провокаторов: Азефа, сенатора Трусевича, генерала Герасимова, Курлова, Ратаева, обвиняя их в определенных актах, которые я называю актами провокационными... Ответа на это мое прошение я не получил. Тогда я поместил его в газете «Утро России», где оно было целиком напечатано, без пропуска хотя бы одного слова, — и, таким образом, сделалось достоянием широкой публики. Мало того, я обращался в посольство в Париже, чтобы оно засвидетельствовало мою подпись. Посольство отказалось засвидетельствовать и сказало: «Вы слишком известный человек: ваш почерк знают, мы не хотим свидетельствовать». Вероятно, они не хотели взять на себя ответственность...

Председатель. — Это частность...

Бурцев. — Прошло еще несколько лет, года три. В 1914 году я повторил все свои требования на имя того же Щегловитова и одновременно на имя прокурора Корсака. Это прошение было помещено в газете «День» целиком. И опять никакого ответа я не получил. В 1914 году, когда разразилась война, я сейчас же поехал в Петроград и был арестован. Через месяц после ареста, когда я сидел в Петропавловской крепости, ко мне явился прокурор Корсак с такого рода заявлением: «Вы два раза посылали заявления министру Щегловитову и мне. Мы ваше прошение получили, но вы были эмигрант, и мы вам не считали возможным ответить». Я возразил на это, что я никогда эмигрантом не был, я уехал по паспорту, жил за границей потому, что так хотел. Во всяком случае констатирую, что ответа от них я не получил... Корсак говорит: «Теперь вы в России, и мы обязаны вас допросить по поводу вашего заявления». — Я говорю: «Я к вашим услугам». — И вот, в Петропавловской крепости, в продолжение двух дней, я давал свои показания, требуя предания суду тех же самых лиц, — начиная с Азефа, а затем — Трусевича, Курлова, Ратаева, Герасимова. Я кончил свое заявление так: «Правительство, на основании моих заявлений, может начать следствие, когда угодно, и я (это было в начале войны) не считаю себя в праве настаивать на рассмотрении этих дел во время войны. После войны я обращусь в печать и к правительству и буду настаивать, чтобы были рассмотрены те обвинения, которые я предъявлял». — На это Корсак ответил таким образом: — «В виду того, что вы лично не участвовали в партиях, и не участвовали в этих актах, то такого

рода доносы с вашей стороны, на основании таких-то статей закона, могут быть оставлены без последствий». — Я возразил ему, что я всегда был только журналистом и, как журналист, буду эту тему подчеркивать, пока у меня будут силы, даже без всякой надежды, что будет суд... Виноват: этим не кончились мои попытки. Когда я, после ссылки в Туруханск, вернулся снова в Петроград, то, пользуясь своим положением, как редактора «Былого», позвонил генералу Спиридовичу (подробности вас не интересуют) и говорю ему: «Я желаю вас видеть». — Он ответил: «Хорошо». — Но будет ли он говорить со мной или нет, — он скажет мне через несколько часов. Он в это время снесся с Царским Селом и получил разрешение видеться со мной. Когда я пришел к нему, я сказал: «Генерал, я — редактор «Былого» и желаю вам задать целый ряд вопросов: вы можете мне отвечать, можете не отвечать». — Я повторил ему сущность моего заявления, сделанного за границей, что я требую; его предания суду я не требовал: относительно его нет никаких данных. Выслушав меня (это я знаю не прямо, а косвенным путем), он сделал доклад царю о том, что вот приехал эмигрант Бурцев, который настаивает на предании суду таких-то лиц, и я слышал, будто была резолюция: «Так дело оставить нельзя». — Я сам лично не видел резолюции и от Спиридовича сведений о ней не имел. Я сделал попытку напечатать в газетах, но цензура запретила. Таким образом в газетах не появилось. Этим кончается внешняя сторона. Следующей главой является мое обращение к вам. Я, как сначала, так и в настоящее время, действую — как публицист и журналист. Мне не важна форма суда, я хочу, чтобы меня услышала широкая публика, взвесила, верны ли мои обвинения или нет.

Председатель. — Пожалуйста, говорите в возможно сжатой форме... И возможно больше сообщайте нам фактов.

Бурцев. — Указывайте мне, на чем мне остановиться... Одним из главных проявлений провокации я считаю дело Азефа, затем дела Жученко, Рыса, Малиновского, Штакельберга, и потом — другого порядка дела — союза русского народа. Есть нечто, относящееся к Щегловитову, — показания Лыжина... Но об этом я потом упомяну. Позвольте мне начать с изложения дела Жученко. По некоторым обстоятельствам, мне кажется, что оно наиболее характерное: она была агентшей Климовича и кроме того непосредственно в очень близких с ним отношениях.

Председатель. — В какие годы? Кем был тогда Климович?

Бурцев. — Он был начальником охранного отделения в Москве в 1906 году. Она была не только его агентшей, но и близким к нему человеком. Он к ней прекрасно относился и относится до сих пор великолепно. Я с Климовичем говорил о ней не так давно, месяцев 9 тому назад, может быть с год, когда он меня вызывал, как директор департамента полиции. Меня хотели выслать: он гово-

рил о моей высылке и когда кончил, то сказал: «А вот наша бедная Зинаида Федоровна сидит в тюрьме в Германии»... Здесь я впервые узнал об этом. Он сказал: «наша», разумея, что она ему близка; а с другой стороны, она моя «крестница»: я ее разоблачал, допрашивал. Я вчера получил документы о том, как Климович посылал ей деньги в тюрьму в Германию в 1916 году—целый год...

Председатель. — Климович лично, или как директор департамента?

Бурцев. — Как директор: «Отправитель Климович». — Очевидно, как ежемесячное жалованье...

Председатель. — У вас есть сведения? У вас есть расписка?

Смиттен. — От себя он посылал или правительство давало?

Бурцев. — Я просил снять копию фотографическую, которую я опубликую. Вам я дам подлинник. Происходило это в 1916 году. Он 11 раз посылал, может быть, — 12: ежемесячное жалованье по 200 рублей.

Родичев. — Каким путем?

Бурцев. — Официальным, через «Красный Крест». В такую-то тюрьму, Жученко и т. д. Я ее разоблачал в 1909 году. До тех пор она получала 300 рублей, а после моего разоблачения стала получать по 200 рублей. Так вот: роль этой Жученко я считаю одной из самых характерных в области провокации. И роль Климовича, в этом отношении, — столь же характерной. Она провокаторшей была давно — с 1905 года. И тогда была не агентшей, а именно провокаторшей. И на 1906 году я бы хотел остановиться; а на том, что было в течение 10 лет, я не буду останавливаться. В 1906 г. она была членом боевой организации эс-эров, в Москве, была адъютантом при Сладкопевцеве, это видный эс-эр: он, если не ошибаюсь, умер не так давно в Ницце. Эта группа совершила целый ряд террористических актов, совершила экспроприацию. В курс всего этого была введена Жученко и сама принимала участие в этих делах. Например: вы помните, конечно, дело Фрумкиной — это покушение на Рейнбота? Она пришивала ей карман для револьвера, чтобы не был особенно заметен револьвер, и в это же время давала знать, что в таком-то ряду, в таком-то театре будет сидеть Фрумкина, которая будет стрелять, и ее надо арестовать. Ее и арестовали...

Председатель. — Это произошло в бытность Климовича в Москве начальником охранного отделения?

Бурцев. — Да. Затем, та же самая Жученко, когда я ее допрашивал (после разоблачения), призналась мне, что частным путем знала об истинной роли Азефа. Но когда Азеф, как член партии эс-эров, член боевой организации, приехал в Москву...

Председатель. — Когда это было, в каком году?

Бурцев. — В 1907 — 8. — Так она была посредницей между Азефом и местными боевиками. Она, провокаторша, приводила

к провокатору всех боевиков, рекомендуя их и посылая для дальнейшей активной деятельности. Она же создала новые организации. Вот какая ее роль в этом деле. Затем, когда в 1908 г. «она должна была быть провалена или была заподозрена» (может быть, это было в 1907, а не в 1908 году), тогда вместе с начальником охранного отделения Климовичем они решили, что она должна быть арестована одновременно с другими, что должна посидеть в тюрьме, чтобы не падало на нее подозрения. Вот это я считаю типичным проявлением провокации со стороны Климовича и Жученко, так как она была членом упомянутой организации.

Смиттен. — А источники ваши?

Бурцев. — Беседа с Жученко, беседа с Сладкопевцевым, затем беседа с эс-эрами, когда я докладывал об этом деле партии эс-эров. К тому же, впоследствии, во время ее разоблачения, сама Жученко все это мне подтвердила. Я видел ее в Берлине. Все товарищи по партии, все боевики ее долго тогда защищали, говорили: «Не может быть: она участница многих террористических актов». — Я докладывал: «Тем не менее она была агентом». — Я проверил сведения с одной стороны и сведения с другой стороны.

Председатель. — У вас есть еще источники?

Смиттен. — В частности, насчет сведений о том, что она нашивала Фрумкиной карман для револьвера: вы не помните, кто вам это сообщил?

Бурцев. — Она сама мне письменно заявила. Кроме того, все то, что я говорил, я опубликовал в печати и не встретил никакого возражения.

Председатель. — В письме к вам она сама признавала факт передачи револьвера?

Бурцев. — Да.

Председатель. — Вы говорите о резком случае провокации этой самой Жученко. Но какие-нибудь еще факты, реальные, совершенно для нас с уголовной точки зрения осязаемые, вы можете дать?

Бурцев. — Будучи секретарем и близким человеком к Сладкопевцеву, она была посвящена во все экспроприации, которые делались, во все покушения. В Рейнбота была брошена бомба в Москве (может быть, вы помните, — она не разорвалась)... Человек был повешен, — кажется Александров... Она также была посвящена во все это дело. Я должен заметить, что когда я ей говорил, что она пришивала карман для револьвера, она говорила: «Это не провокация: я заранее донесла о том, чтобы Фрумкину в нужный момент могли арестовать». Я ссылался на другой пример, где в конце концов мог быть совершенно удачный акт, вопреки ее доносу...

Председатель. — Вы помните, что покушение на Рейнбота, когда не разорвалась бомба, — это точно так же дело той организации, в которой была Жученко?

Бурцев. — Организации Сладкопевцева. Он был под псевдонимом, кажется, «Казбек».

Председатель. — Это тоже было с ее участием?

Бурцев. — Они были нераздельны. Нужно сказать, Сладкопевцев был горячим защитником Жученко на суде за границей. Он говорил: «Она не только мне близкий человек, ведь я с ней работал, она могла нас выдать». Он не отделял себя от нее.

Председатель. — Владимир Львович, реально в чем заключалось участие Сладкопевцева?

Бурцев. — Он был организатором, представителем этой партии. Если вы кого-нибудь из эс-эров будете допрашивать, они вам скажут, что он был представителем в Москве боевой организации.

Председатель. — Это дело о покушении на Рейнбота. А, может быть, вы нам еще реальные факты укажете?

Бурцев. — Когда я был в Москве, ко мне явился Сладкопевцев и говорил: «А вот мы экспроприацию сделали около такой-то церкви», — не помню, кажется, Никольской... Других реальных фактов я вам не могу перечислить. Но вся деятельность Сладкопевцева прошла на глазах у Жученко. Правда, чтобы ее не скомпрометировать, хотели ее арестовать вместе с Сладкопевцевым, потому что взять одного Сладкопевцева было невозможно...

Председатель. — Значит: Климович — начальник охранного отделения — организовал покушение на Рейнбота, не удавшееся вследствие того, что не разорвалась бомба? Не так ли? И все это делается через Жученко и Сладкопевцева...

Бурцев. — О Климовиче, как о подстрекателе союза русского народа, я уже не говорю.

Председатель. — Я перечислю ваши документы: копия письма Жученко, в котором она говорит об участии ее в покушении на Рейнбота, затем, — комплект статей...

Бурцев. — Статей о Жученко у меня много: они тоже за границей. Как только получу, сейчас же представлю. Затем, — то прошение, которое я вам указывал: вы, может быть, отметите, что в «Праве» напечатано одно из моих прошений Щегловитову. Оно будет вам доставлено в следующий раз. Теперь я перейду к делу Азефа, которое представляет собой наиболее характерное явление.

Председатель. — То, что вы будете говорить о соприкосновении Азефа с некоторыми должностными лицами, относится к какому периоду времени?

Бурцев. — То, что я буду говорить, относится к 1906 и 1907 годам. Предыдущее, относящееся к лицам, которые сошли уже со сцены, едва ли может вас интересовать. Я буду говорить, начиная с 1906 — 7 г.г. — Вы, конечно, прекрасно знаете, что

Азеф был главой боевой организации эс-эров, без него ничего не делалось в партии, все покушения он организовывал, инициатива была его. В некоторых актах он принимал непосредственное участие. Относительно роли представителей власти я должен сказать так: непосредственные переговоры с ним вел за этот период только Герасимов, контролировали все его выступления Трусевич, Макаров, Курлов...

Председатель. — По должности?

Бурцев. — Трусевич — по должности директора департамента полиции, Макаров и Курлов — по должности товарищей министра.

Председатель. — Почему же два товарища министра сразу?

Бурцев. — Сначала один, потом другой; разные периоды были... В чем выражался их контроль? Опять таки я не упоминаю Рачковского, который сошел со сцены и потому вряд ли для вас интересен...

Председатель. — А где он теперь?

Бурцев. — Он помер. Через три-четыре года после разоблачения Азефа я имел возможность с ним видеться во Франкфурте в 1912 г. и поставил ему целый ряд вопросов. Он отвечал мне при обстановке, которая до сих пор приводит меня к твердому убеждению, что он был искренен. Все то, что он мне говорил, подтвердилось, а его объяснения совпали с моим пониманием его роли, почему я его словам придаю особенное значение. Я вам и сообщу это сейчас. — Нужно сказать, что, после моего выступления об Азефе, ему стали приписывать многое, что мне с первых же дней казалось неверным, т.-е. что он убивал Плеве, совместно с департаментом полиции, что с Герасимовым устраивал цареубийство, — словом, будто комплот у них был совместным. Этому я не верил, и если в некоторых напечатанных интервью со мной были подобные отдельные мысли, — в этом виноват не я, а виноваты репортеры. В моих статьях я никогда не упоминал об этом, потому что у меня не было данных. — После беседы с Азефом дело представлялось таким образом. По словам самого Азефа, у него не было никогда разговора с Герасимовым: «Давайте убьем того или другого, или хочу убить такого-то, а такого-то нельзя». — Они разыгрывали роли в молчанку. Один говорил о себе, как об осведомителе, который не принимает участия, а другой его не допрашивал, не проверял... Но, по словам Азефа, он не мог допустить, чтобы Герасимов не догадывался и не знал о его роли, как участника террористических актов. Он мне привел целый ряд примеров. Вы мне позволите сказать об его участии в деле покушения на убийство Дубасова в Москве? Это было в 1906 г. Незадолго до этого Азеф был неожиданно арестован на улице Герасимовым и привезен в охранное отделение.

Родичев. — Где, в Петрограде?

Бурцев. — Да, в Петрограде, он был тайно арестован.

Председатель. — А Герасимов был начальником петроградского охранного отделения?

Бурцев. — Да. Азеф был арестован не с специальной целью получить его, а потому, что были какие-то таинственные факты: он попал под наблюдение, что-то подозревали, и он был арестован. Но, когда его привели, филеры заявили Герасимову: «Наш арестован», — дескать: сообщник. И когда Герасимов пришел, он понял, что имеет дело с крупным провокатором.

Председатель. — Кто вам рассказал?

Бурцев. — С одной стороны рассказывал сам Азеф, с другой стороны — Герасимов.

Председатель. — Так позвольте: в то время Азеф и Герасимов еще не знали друг друга?

Бурцев. — Не знали. Азеф был агентом департамента полиции, имел дело с Рачковским. Герасимов же был по охранному отделению, поэтому Герасимов не только не встречался с ним, но и не знал об его деятельности, потому что Герасимов был сравнительно свежий человек. Когда Азеф попал в охранное отделение, Герасимов узнал, что за время дней свободы Азеф, служивший у них, не являлся несколько дней (так часто бывало, что агенты несколько месяцев не появлялись, и он иногда не являлся несколько месяцев). Герасимов поставил ему условия, вернуться к работе, выдать все, что он знает, и действовать под руководством его — Герасимова. Азеф согласился на это в присутствии Рачковского, в конце марта месяца 1906 г. С начала апреля он переходит в исключительное ведение генерала Герасимова. Генерал Герасимов не мог не знать, что он партийный эс-эр, что видный член партии. Через несколько недель происходит покушение на Дубасова в Москве. Члены партии — Сладкопевцев и другие — знали, что организатором этого покушения был Азеф и что он, в момент покушения на Дубасова, был в Москве на Тверской улице: он расставлял бомбистов, он давал указания, по его плану все это делалось.

Председатель. — Это было через несколько недель после того, как он был арестован?

Бурцев. — Да. И после того, как был заключен договор между Герасимовым и им.

Председатель. — Как вы установили дату этого договора?

Бурцев. — В процессе Лопухина было сказано: в марте. Это есть официальный документ. Дальше мне это подтвердили официально Азеф и Герасимов. С Герасимовым, в последний год пребывания моего за границей, я нередко встречался. Первый раз я приехал к нему и спросил: «Вы — генерал Герасимов? Я — Бурцев. Хотите мне давать объяснения? Хотите отвечать на мои вопросы?» — Он был вроде Зубатова, он говорил мне: «Не могу, вы меня погубите. Я получаю пять тысяч пенсии. Меня лишат

пенсии».—Так они отвечали все, в большинстве случаев. Так говорил и Герасимов. Но тут Герасимов не отказывался и дал целый ряд объяснений. Я его часто допрашивал на квартире.

Председатель. — А Герасимов теперь на пенсии?

Бурцев. — Он уже в отставке — пять лет.

Председатель. — Он получает пенсию?

Бурцев. — Я его не спрашивал. Я знаю, что он занимается биржевыми делами, так что ушел в сторону.

Смиттен. — Те показания, которые вам Герасимов давал, вы их записывали?

Бурцев. — Нет, это были устные беседы. Я допрашивал почти всех, до кого я мог добраться, и не показывал даже вида. Это моя, так сказать, специальность. Вы спрашиваете: как я установил этот факт? Я ссылаюсь на процесс Лопухина, за границей же мне рассказывал Азеф и, наконец, Герасимов подтвердил. Роль Герасимова в деле покушения на Дубасова мне кажется непонятной: потому что раз Азеф был его агентом, в Москве происходит покушение, о котором от партии эс-эров были прокламации, — как же он не мог не спросить Азефа: «Где ты был? каково твое участие? ведь ты — член этой партии...» По словам Азефа, когда он приехал из Москвы, он явился в охранное отделение и встретился с Герасимовым в присутствии Рачковского. Рачковский, кивая на Азефа, говорил: «Это его дело в Москве». — Азеф ему возражал: «Если мое дело, то арестуйте меня». — Герасимов не обратил на это внимания, и расследования этого дела не было. Он удовлетворился заявлением Азефа, что Азеф только стороной узнал о том, что в Москве происходит; а то, что эс-эры печатают прокламации, — его не касается... Я не знаю, интересно ли вам мое мнение по этому поводу... Я ведь только факты рассказываю. Если вы потребуете объяснения, я могу перейти к моим выводам...

Председатель. — Если вы хотите дать в нескольких словах ваше заключение, — пожалуйста.

Бурцев. — По моему мнению, разговоров, рассуждений о том, чтобы убить того или другого, не было. Но Герасимов понимал, что имеет дело с революционером, человеком, участвующим в политических делах, в покушениях. Повторяю, — это мое убеждение. Объективных данных у меня нет. Я не делаю утверждения, которое мне иногда приписывали в газетах, что Герасимов, совместно с Азефом, убил такого-то или хотел убить того-то. У меня на это данных нет.

Председатель. — Относительно Азефа, — мне хотелось бы, чтобы вы сообщили, насколько вы знаете, о соприкосновении его с властями в более поздний период. Дайте краткую историю Азефа, за последние годы, поскольку он соприкасался с властями.

Бурцев. — Мои сведения таковы, что, кроме Герасимова, его никто не видел, он ни с кем не имел дела.

Председатель. — Контролировали его Трусевич, Курлов и Макаров? В чем заключался контроль Трусевича, Макарова и Курлова?

Бурцев. — Тут маленькую деталь нужно привести: Жученко мне заявила, что она подозревает о деятельности Азефа, что он играет такую роль. Она письменно делала заявление Климовичу и фон-Котену относительно того, что Азеф — глава боевой организации, участник убийства. Это ее показание, по ее словам, должно было сохраниться в департаменте полиции. К этому я добавляю, что, так как у департамента полиции было много агентов среди эс-эров (о них, если вы мне позволите, буду говорить дальше), то агенты эти не могли не доносить об Азефе, как участнике террористической организации, должны были освещать его правильно департаменту полиции, а через департамент и Герасимов не мог не иметь правильного освещения насчет истинной роли Азефа. Значит, департамент полиции не мог не знать об этой роли Азефа. В этом заключается сущность той провокации, которой я возмущался, по поводу которой я так много писал. Власть, зная, что во главе партии стоит Азеф, терпела, чтобы он совершал террористические акты, как бы говорила: — «Он нам полезный человек, мы будем им пользоваться... А что кое-кого убьет, что же делать? Это неважно...»

Председатель. — Владимир Львович, вы говорите, что Азеф был агентом Герасимова, но об этом агенте Герасимова знало и начальство Герасимова, т.-е. департамент полиции?

Бурцев. — Знало. Потому что, прежде всего, он был передан Герасимову из департамента полиции. Передавал его Рачковский от имени департамента полиции: — «Берите такого полезного человека, он нам столько времени служил, мы так им довольны, получает такое-то жалованье»... (он получал 500 руб., а Герасимов набавил еще 500, вышло: 1.000 руб. в месяц, — в виду тех услуг Герасимову, которые он в 1906 г. оказывал). — Директором департамента был Трусевич. Столыпин постоянно получал указания через Герасимова о сведениях, получаемых от Азефа. Не только о внутренних делах тут шла речь, но и факты в Финляндии освещал Азеф, — съезды различные... Это были, кстати сказать, те материалы, благодаря которым я стал изобличать Азефа. До меня доходил слух, что у Столыпина есть сведения о Финляндии. Почему? Как? Какие могут быть агенты? О съезде эс-эров, происходившем в Лондоне, Столыпин через неделю уже имел сведения. Значит, один из участников или организаторов съезда — был агент. Эти сведения шли через Герасимова к Столыпину.

Председатель. — Вы говорили, что Трусевич, — как директор департамента полиции, Макаров, — в качестве товарища министра, и Курлов, — в качестве товарища министра, — не могли не знать

о существовании такого крупного агента, как Азеф... Но реальные факты у вас есть?

Бурцев. — Я маленькую оговорку сделаю насчет Курлова. Я не знаю, с какого года он стал принимать участие в этих вещах. Но относительно Макарова я знаю, что сведения о съезде в Лондоне он получил от Азефа через Герасимова.

Председатель. — А Герасимов признавался вам, что он, получив от Азефа сведения, передавал их Столыпину?

Бурцев — Специально о Столыпине — не помню. Герасимов говорил вообще про Азефа: — «Передавал, сообщал, — он был нам полезен и для этого мы его держали».

Председатель. — Что передавал ему Азеф, это Герасимов признавал, а говорил ли он, что с своей стороны он передавал Макарову?

Бурцев. — Да. Макаров и многие другие интересовались показаниями Азефа: для них Азеф был спасением, т.-е. как показывает Трусевич, донесения Азефа считались очень ценными.

Председатель. — В 1906 г. он получал по тысяче рублей в месяц. Из каких это сумм? Из сумм охранного отделения?

Бурцев. — Из каких сумм, я не знаю, но получал их от Герасимова; Герасимов передавал ему, так как никто, кроме Герасимова, не имел с ними сношений.

Председатель. — Вы выразились, что вам определенно говорили. Но что это значит? Вам говорили, что именно Трусевич и Макаров получали от Герасимова донесения Азефа?

Бурцев. — Да. И что, в свою очередь, департамент полиции задавал вопросы и на эти вопросы через Азефа получались какие-то сведения. Столыпин был прекрасно информирован, что во главе боевой организации находится агент. Столыпин после съезда, кажется, через 10 дней, говорил: — «На съезде было то-то и то-то, мы знаем то-то и то-то...» Вот одно из доказательств, что провокатор был в центральном комитете...

Председатель. — А почему именно в центральном комитете?

Бурцев — Эти сведения были достоянием только центрального комитета. Во всяком случае к Столыпину попали самые необходимые сведения, относящиеся к съезду.

Председатель. — Вы не помните: в бытность товарищем министра Макарова были какие-нибудь террористические акты или нет?

Бурцев. — Да, — например, покушение на Гершельмана в Москве. Это было в январе 1908 года. Покушение было подготовлено в Петрограде: отсюда Азеф отправил Севастьянову с бомбой. Она бросила бомбу, которая убила ее и лошадь, но Гершельман остался жив. Мне приходилось детально разбираться в этом и, когда я спросил Герасимова, как же он допустил этот акт, он ответил: — «Мы прозевали; мне дали знать, но было

поздно», т.-е. агентурные сведения не во-время были доставлены в Москву.

Председатель. — Можно было бы вас просить составить для нас список террористических актов за время Азефа?

Бурцев. — Непременно. Тем более, что у меня он почти составлен. В моем письме к министру юстиции перечислено 28 террористических актов: оно было помещено в «Утре России» и в «Праве» за июнь 1914 года.

Председатель. — Вам известен факт, что во время процесса Лопухина были приложены 22 или 26 следствий по делам, в которых Азеф принимал непосредственное участие, при чем, по распоряжению Варварина, против чего возражал защитник Пассовер, эти дела были изъяты?

Бурцев. — На-днях я разговаривал по этому поводу с Виссарионовым: он вместе с Ратаевым составлял этот список для Столыпина. — В печати я не раз говорил, что система провокации в деле Азефа была доведена до того, что царь лишь случайно не был убит, что убийца стоял около него ближе, чем Богров к Столыпину. Ко мне всегда приставали все, — разъяснить, в чем дело. Но так как я был связан честным словом, то я никогда не раскрывал тайны. На самом деле система этой провокации, во времена Герасимова, довела до того, что царь едва не был убит. Мне Азеф говорил с упреком: — «Если бы не вы, так царь был бы убит. Не сейчас, так потом, — я его хотел убить...» Если бы я не стал разоблачать Азефа, он сам говорил, что, идя тем путем, на котором он стоял, он мог сделать цареубийство. Вот тот факт, на который я ссылался в моих статьях. Никто не знает, в чем именно состояло дело. Ко мне приставал даже Герасимов и говорил: — «Это невероятная вещь, это не могло быть». — Я говорю: — «Это было».

Председатель. — Вы можете нам теперь сообщить подробности?

Бурцев. — Я думаю, что теперь я могу вам это передать. Тем более, что я знаю все из первоисточника. В воспоминаниях Савенко это со всеми именами описано. Когда меня судили за то, что я обвинял Азефа в провокации, эс-эры рассказывали этот эпизод, при закрытых дверях, во всех подробностях, дабы доказать, что Азеф не может быть провокатором. Дело было так. В Англии было судно «Рюрик», в команде было много своих людей, и вот с этой командой завязались сношения. Приехали Савенко, Карпович, Азеф и еще четверо (я не решаюсь назвать их фамилии, потому что наверное не помню).

Председатель. — В котором году это было?

Бурцев. — В 1908 году. Это, значит, было месяцев за семь до того, как я раскрыл Азефа. Я в это время обвинял, и Азеф просил не назначать суда партии надо мной: мы, мол, сначала

царя убьем и покажем, что такое Бурцев... Он с цинизмом говорил мне: — «Вся партия тогда наплевала бы вам в глаза, если бы вы против меня восставали». — Они просили отсрочить суд надо мной, чтобы покончить с царем. На «Рюрике» был офицер. Желаете — назову фамилию: — Костенко (он занимает теперь большое место). Костенко вступил в заговор с двумя матросами. Последние должны были быть вооружены браунингами или винтовками (не знаю точно — каким оружием), и когда они узнали бы, что царь будет на «Рюрике» в Кронштадте, то — покончит с ним. Однако, это не вышло. «Рюрик» пришел в Кронштадт, царь явился на него, они вооруженные стояли, но дисциплина ли, или просто не решились, — но они не стреляли. И когда меня судили, то эс-эры говорили: — «Вот Азеф сделал все, он даже по телеграфу не мог предупредить убийства. Если оно не произошло, не его вина. Как же вы обвиняете Азефа, что он провокатор, когда он все это дело подготовил». Таковы показания Савенко и эс-эров... Я первый раз рассказываю подробно этот факт. Но острил не мало над охранниками в своих нападках на провокацию: — «Так они царя своего берегут!»... — Вот провокация до чего доходила... Это было в то время, когда Азеф был агентом Герасимова. Конечно, Герасимов не был в это посвящен и даже говорил мне: — «Это невероятно, это вам кто-нибудь напутал, такого факта не могло быть»... Я его не разочаровывал.

Председатель. — Давайте дальше разбирать действия Азефа поближе к нашему времени.

Бурцев. — Незадолго до раскрытия Азефа, когда был суд надо мной, — Азеф был в Петрограде. И вот в это время, в 1908 году, в августе или сентябре, совершенно случайно, арестован был в Петрограде Карпович. Кто такой Карпович — вы знаете. Он тогда бежал из Сибири, с каторги, и стал во главе боевой организации. Он был в то же самое время горячими защитником Азефа, с браунингом должен был ехать в Париж, стрелять в меня, так как я гублю такое сокровище, как Азеф. Когда был арестован Карпович, то Азеф бросился к Герасимову и говорит: «Арестован Карпович, это мой лучший защитник, он мне нужен, освобождайте его или Бурцев меня разоблачит»... Герасимов посылает тогда Доброскока, в форме околоточного надзирателя.

Председатель. — Это ораниенбаумский полициймейстер?

Бурцев. — Тот самый. Они берут его из тюрьмы и везут в другую тюрьму, но по дороге Доброскок заезжает в аптеку и говорит: — «Ты посиди на извозчике». — Выходит из аптеки: Карпович сидит на извозчике, не бежал. Тогда он идет в какой-то магазин. Карпович, наконец, догадался и бежал. Является к Азефу благополучно. Азеф очень доволен. Они спасли Карповича исключительно для поддержания Азефа.

Председатель. — От кого вы это знаете?

Бурцев. — От Герасимова, Доброскока и от эс-эров, которые рассказывали как дело было. Когда был суд надо мной, я указывал на этот именно факт, как доказывающий, что Азеф был провокатором, — потому что не могли выпустить Карповича иначе, как намеренно, в целях полиции. Если Карповича выпустили, значит, он кого-то прикрывал, и именно, Азефа, — того, кого я разоблачал. Мне говорили наоборот: Азеф такой честный человек, что если бы он был провокатором, он сам бы его выдал, — дал бы сейчас знать, что Карпович освободился... Это было характерное проявление провокации департамента полиции. Могу сообщить еще такие факты: участие Азефа в эс-эровских съездах, вынесших постановление о цареубийстве, постановление о продолжении террористических актов, — именно он был инициатором этого. Последний съезд был в 1908 году. Резолюции были напечатаны. Азеф в извращенном виде сообщил Герасимову. На съезде участницей (я отмечаю это обстоятельство) была Жученко, которая дала подробный отчет о съезде. Были еще провокаторы (я сейчас не вспомню — кто), так что департамент полиции не мог отговориться, будто не знал о том, что Азеф участвовал в этих резолюциях. — Раскажу еще один факт со слов Лопухина. Азеф был участником съезда, где был Милюков, в 1904 году в Париже. Лопухин, когда я с ним говорил в декабре 1904 года в дороге, между Кельном и Берлином, сначала ничего не сказал, но все же 2 — 3 штриха добавил уже после того, как рассказал ему об Азефе. Он говорил: «Это тот самый, который был на съезде эс-эров, который прислал собственноручный отчет о съезде в Париже. Прочитав этот отчет, я заявил: «Такого агента держать нельзя, потому что это не агент, а провокатор». Лопухин прибавил: — «Я дожидался поездки Азефа за границу, чтобы принять меры, но в это время я вышел в отставку, и таким образом привести в исполнение удаление Азефа мне не удалось», — Лопухин провести этого не мог, а остальные не только не устранили Азефа, а пользовались его услугами, как агентом-провокатором.

Председатель. — После Лопухина кто был?

Бурцев. — Короткое время был Гарин, потом Вуич, затем одно бремя Рачковский, потом Трусевич.

Завадский. — После Лопухина был Коваленский, потом Гарин, затем Вуич, Рачковский и Трусевич, служивший до момента убийства Столыпина.

Председатель. — Давайте продолжать об Азефе.

Бурцев. — Я думаю, что передал все характерное.

Председатель. — Перейдем к Рысу.

Бурцев. — Рыс сделался агентом с ведома Трусевича. Дело было в Киеве.

Председатель. — Почему вы знаете, что с ведома Трусевича?

Бурцев. — Я заподозрил Рыса, что он играет роль провокатора, еще ранее, в сентябре 1906 года, — через два месяца после того, как он стал агентом. Указал его мне Бакай: «Фамилию, — говорит,—я не знаю, но тот, кто выпущен департаментом полиции из тюрьмы в Киеве, является сейчас агентом департамента полиции». — Я тогда стал наводить справки, кто выпущен из Киева. Оказалось, что никто не выпущен, но что совершен очень удачный побег Рысом. Тогда я взял его под подозрение и скоро пришел к заключению, что он — агент полиции. Это было в 1906 году, в сентябре. Затем, сошлюсь на показание самого Рыса. Я его не допрашивал, но я осведомился у тех, кто собирался его судить и знал его дело. Я читал собственноручные письма Рыса, где он подтверждает мое обвинение. Это письма были из тюрьмы, и со стороны максималистов этот факт установлен. — Когда Рыс был арестован в Киеве по делу об экспроприации, которая сопровождалась убийством, — там, сидя в тюрьме, он сделал такое заявление начальнику киевского охранного отделения (если не ошибаюсь, Еремину): — «Хочу служить, только отпустите меня». — Сделал он это потому, что считал себя очень нужным для партии, которая погибает. Он решил, что будет надувать охранников, что ни одного нужного сведения им не даст. Еремин снесся с Трусевичем, директором департамента полиции, и получил оттуда санкцию освободить так или иначе Рыса и привезти его в Петроград. Освободить его было не так легко, и устроили так, что Рыс был с помощью товарищей освобожден, при чем ранен был — не помню — жандарм или тюремщик. Словом, Рысу благополучно удалось убежать, но, чтобы скрыть следы, назначили следствие по поводу его побега и двух чинов полиции закатали в каторжные работы, за мнимое устройство этого побега.

Председатель. — Фамилии их не помните?

Бурцев. — Не знаю. Был процесс, и потом они были возвращены, как жертвы судебной ошибки.

Председатель. — Вследствие чьих ходатайств?

Бурцев. — Не знаю. Киевляне могут это рассказать более подробно. Освобожденный Рыс, под негласным конвоем охранников, вместе с Ереминым приехал в Петроград, незадолго до покушения на Аптекарском острове, и был передан Трусевичу. Трусевич был обманут Рысом. По моему мнению, Рыс не давал никаких сознательно-предательских показаний, он только ему обещал, врал, что будет то-то, приедет тот-то. Это не значит, что за ним не следили, и не значит, что он не было полезен полиции. Я думаю, что он был полезен. Это вас, конечно, не интересует, но он, в качестве человека, играющего двойную игру, был полезен и максималистам. Он усыпил совершенно внимание департамента полиции в деле на Аптекарском острове. Хотя поли-

ция, по словам Герасимова, уже напала на след максималистов, которые устроили слежку за Столыпиным на Аптекарском острове, но Герасимов получил от Трусевича, директора департамента полиции, если не ошибаюсь, через Васильева, который был начальником особого отдела, — прямой запрет следить за максималистами: у нас, мол, есть рука, и максималисты нам не страшны. И вот, Герасимов не мог сделать то, что хотел. Максималисты действовали на свободе и в один прекрасный день они подкатили к Столыпину и сделали этот взрыв.

Председатель. — Если не ошибаюсь, вы отметили, что Трусевич действовал через Васильева. Что вас заставляет это утверждать?

Бурцев. — Замечу, что Васильевых несколько: один — директор департамента полиции, другой — начальник особого отдела...

Завадский. — Там есть, кажется, другой Васильев, но именно директор департамента был тот, кто раньше управлял особым отделом.

Бурцев. — Может быть. Я это слышал от Герасимова, он мне говорил, что Трусевич сделал то, что они прозевали Аптекарский остров. И о роли Васильева я слышал от Герасимова.

Председатель. — Герасимов именно так и говорил, что он это распоряжение получил не непосредственно от Трусевича, а от Трусевича через Васильева.

Бурцев. — Я не буду утверждать. Герасимов, кажется, имел доклад непосредственно и у министра и у Трусевича. Сущность заключается в том, что оттуда был приказ не следить, не продолжать слежки.

Председатель. — Дело на Аптекарском острове было когда?

Бурцев. — 12 августа 1906 года, — в самом начале развития деятельности максималистов. С тех пор, в продолжение двух месяцев Трусевич имел постоянно личные свидания с Рысом, думая таким образом обмануть максималистов, а Рыс в это время сознался Климовой, от которой я узнал об этих фактах...

Председатель. — Это каторжанка? Она, кажется, теперь в России?

Бурцев. — Видная максималистка, она участвовала в организации покушения на Аптекарском острове. Ей Рыс сказал: «Делайте, что хотите: я глаза Трусевичу отведу». — А Трусевич говорил Столыпину: — «Не беспокойтесь, я все знаю через Рыса»...

Председатель. — Кто был товарищем министра?

Завадский. — Я думаю, был Макаров.

Бурцев. — Я должен сказать, что потом, кажется, в октябре 1906 г., когда задумано было ограбление на Фонарном переулке, Рыс был уже скомпрометирован в глазах Трусевича, и его могли арестовать не сегодня - завтра. Он хотел уйти в сторону, тем более, что у них был другой провокатор, участвовавший в этом

деле, — Иванов, который и сообщал все департаменту. Они установили наблюдение за Фонарным переулком но хотели, чтобы созрело это дело, и вели провокацию дальше и дальше. Назревание дошло до того, что Аптекарский остров взлетел, а Фонарный переулок, — вы знаете, чем кончился. Я всегда этими фактами оперировал, когда указывал на провокацию и участие Рыса в различных террористических актах. Упомяну еще одну экспроприацию где-то на юге. Наконец, за экспроприацию же он был арестован и повешен в Киеве. Он арестован был в 1907 году, а повешен в 1908 году.

Родичев. — В убийстве Лауница Азеф не принимал участия?

Бурцев. — Азеф в это время уехал за границу и он не мог сообщить об этом: местные революционеры, эс-эры, действовали тут независимо от полиции.

Смиттен. — Меня интересует вопрос, — суд над вами эс-эров был до вашего лондонского процесса?

Бурцев. — После него. В промежуток времени между лондонским процессом, который был в августе 1908 года, и декабрем 1908 года, когда Азеф был мною разоблачен, эс-эры судили меня за то, что я клевещу на Азефа.

Смиттен. — Суд происходил словесный, или были акты этого суда, которые могли бы быть добыты следственной комиссией?

Бурцев. — Есть чрезвычайно ценные записи моих судей, например, Кропоткина, который записывал. Но сколько я ни прошу дать эти протоколы, он не дает.

Смиттен. — Может быть Чрезвычайной Следственной Комиссии он это предоставит?

Бурцев. — Они не подлежат опубликованию, но я думаю, что никакого специального интереса к опубликованию нет. Но он, как анархист, не хочет признать слово «суд».

Смиттен. — В Лондоне вы судились по какому обвинению?

Бурцев. — Это раньше я сидел за статьи о Николае II. Это было в 1896 году.

Смиттен. — Какой это был суд?

Бурцев. — Суд присяжных в Лондоне в 1897 г. Это было чрезвычайно интересно.

Смиттен. — Позвольте вернуться опять к Азефу и задать вам вопрос: участвовал ли Азеф каким-либо образом в убийстве Столыпина?

Бурцев. — Нет. Он с 1906 - 9 г.г., после моего разоблачения ни разу не решился приехать в Россию. Тут целые басни были о том, что он служит, бывает здесь, но ничего подобного не было.

Смиттен. — А во взрыве на Аптекарском острове он принимал участие?

Бурцев. — Эс-эры подготовляли убийство на Аптекарском острове, и в разработке их плана Азеф принимал участие. Но не

в компании максималистов: они устроили это сами, его услуги были уже ненужны. . .

Председатель. — Теперь перейдем к очень для нас интересной теме о Малиновском. Это — модерн.

Бурцев. — Делом Малиновского я заинтересовался сначала вот по какому поводу. За полгода до того, как он бежал из Государственной Думы. . . в мае месяце 1914 г., т.-е. значит в январе он был в Париже. Он приехал туда по поручению большевиков.

Председатель. — У вас есть сведения — жив ли он?

Бурцев. — Точных нет, но я думаю, что он находится сейчас в Цюрихе или Женеве. То, что о нем писали, — чепуха.

Председатель. — Давно писали, что он убит на войне. . .

Бурцев. — А с тех пор я имел сведения, что он жив. Я убежден, что это вернее: я имел о нем сведения. Так вот большевики прислали Малиновского в Париж читать лекцию и защищать программу. Я видел его на реферате. Однажды он приходит ко мне с письмом от Ленина от имени Центрального Комитета, говоря, что он хочет поговорить о борьбе с провокацией, — это было в январе 1914 г. Его интересовала провокация среди эс-эров и эсдеков. Когда я увидел личное письмо Ленина, который стоял во главе большевиков, я стал говорить с Малиновским довольно интимно. Я сказал ему: — «Я дам вам два-три имени агентов в вашей среде: проверьте их. Если будет удачно, я буду говорить дальше, а то революционные организации берут сведения, куда-то записывают, а затем сведения эти пропадают, ничего из этого не выходит». Я глубоко был уверен, что раз он от Ленина, он отнесется честно к этому. Я ему говорю: — «В вашей среде есть провокатор, не опубликованный, человек, который играет активную роль, человек крови, который замешан в историю размена кредитных рублевок, в перевозке оружия. Он находится в Париже. Могу назвать вам его фамилию. Разбирательство его дела у меня в такой стадии, что я не решаюсь опубликовать его фамилию. Несмотря на это, я предупредил одного местного эс-дека — о том, что этот господин — провокатор. Он, по соображениям личного характера (женская история), отправился к одной особе и говорит: — «С кем вы имеете дело? Бурцев говорит, что он провокатор». — Тогда женщина сообщила провокатору о моих обвинениях, тот явился ко мне с негодованием. Я говорю ему: — «Вы — агент департамента полиции, вы — человек крови; но у меня нет данных выступить, и поэтому я не выступаю, а вам предоставляю вызвать меня на суд. Нет такого партийного суда, который бы меня не оправдал. Я знаю, что мне скажут, что я действую добросовестно, у меня достаточно данных; но по свей инициативе вызова на суд я еще не делаю, а пока требую от вас, чтобы вы ни в какие партийные дела не вмешивались». Еще за два года до этого разговора, косвенным путем, я устранил его от одного дела.

Я и тогда был уже убежде, что он — агент-провокатор. На этом эпизоде я хочу построить дальнейшее мое отношение к Малиновскому. Я говорил Малиновскому: «В нашей среде есть большевик-провокатор. Доказать это можно только русскими связями. Съездите, пойдите по моим некоторым связям в департамент полиции. Если бы я был там, я бы быстро это выяснил».

Председатель. — Владимир Львович, вы не можете сказать, — о ком вы говорите?

Бурцев. — Это известный в Париже — Житомирский, он же Отцов. Это человек, который в течение 10 лет участвовал во всех ответственных делах. Он сейчас на войне служит, ордена получает, играет роль. Но относительно его предупреждены 5—6 человек, которые, после моих разоблачений, ни в какие партийные дела его не пускают. Когда я ему заявил, что я не вызываю его на суд, но что он меня может вызвать, он меня не вызвал и тем самым признал мое обвинение. Малиновский заинтересовался этим. Эс-деки выбрали комиссию из двух членов, а меня выбрали председателем. Я указал эс-декам на двух чиновников департамента полиции, с которыми можно войти в сношения; сказал: — «Даю вам срок — месяц. Поезжайте, проследите. Пришлете сведения, я буду давать дальнейшие сведения, не пришлете, — давать не буду». — Прошел один, два месяца. Спрашиваю, — нет известий. Малиновский мне ответил, что ему некогда из Петрограда в Москву проехать, чтобы там справку получить, а без этого он не решается итти в департамент. Я был страшно взбешен и сказал большевикам: «Зачем вы мне присылаете человека такого? Хотя он и Малиновский, но он не выполняет своих обещаний». — Во время этих переговоров я получил телеграмму из «Русского Слова» — «Что вы думаете о Малиновском? Его здесь обвиняют в провокации». — Я ответил: «Не допускаю мысли, потому что никаких оснований не имею». — В «Русском Слове» была ссылка на то, что я его разоблачил. Я его уже подозревал, но ответил, что у меня данных нет и что его делом займусь. Эс-деки, большевики и меньшевики передали мне дело его для расследования. Он появился через 10 дней в Берлине, я требовал, чтобы он приехал в Париж. Он не приехал. Тогда я написал эс-декам, что он — негодяй, который не выполняет своих обязательств и сейчас не является для объяснений, что он — грязный человек; утверждать, что он провокатор, я еще не могу, но он подлежит устранению от всех дел. Это было перед самой войной. Когда я приехал сюда, я совершенно забыл о Малиновском. Но в нынешнем году, завязывая сношения с людьми, близкими департаменту полиции, я еще получил подтверждение, что он — агент полиции.

Председатель. — Когда?

Бурцев. — В августе или в июне 1916 г. я получил такие сведения. Я задавал вопросы такому компетентному человеку, как Манасевич-Мануйлов: он говорил, что не знает. Потом пошел к Белецкому и ставил ему вопросы в роде капкана: комбинируя его ответы, я вывел заключение, что Малиновский — агент полиции. Но — война: поднимать вопроса я не хотел. Малиновский в Швейцарии и для нас неопасный человек. Я записал свои соображения, но не опубликовал. Вдруг (в ноябре 1916 г.) в Государственной Думе Марков 2-й бросает с кафедры обвинение, что Малиновский — агент. Я в тот же вечер написал статью в «Биржевых Ведомостях», цензура вычеркнула ее. Прошло недели две. Когда стали печататься запрещенные речи, я воспользовался, и 5 декабря я в той же газете написал большую статью. «Вопросы, требующие ответов». Вот, что я написал, — в двух словах: — «Может быть, это самое ужасающее преступление, какое департамент полиции совершил, если действительно Малиновский — агент полиции. Это дело, в моих глазах, больше, чем дело Азефа, — потому что провокатор забирается в сердце Государственной Думы». — В это время я был совершенно убежден, что он — агент полиции. Я хотел дать эс-декам возможность самим выступить, но вместо этого я прочитал телеграмму в газете члена Государственной Думы Муранова, который негодующим тоном протестовал против легкомысленного обвинения, брошенного мною... В этот момент я располагал такими данными. Во время расследования я случайно, после революции, встретился с Виссарионовым (я имел разрешение для такого рода расследования). Виссарионов говорил, что, разговаривая с Белецким, он узнал, что Малиновский был агентом полиции и что Джунковский настоял на том, чтобы Герасимов от него отказался. Джунковский заявил тогда, что провокация недопустима никакая, что надо порвать со всеми, кто является активными членами партии. По инициативе Джунковского оказывается и было предложено Малиновскому уйти из Государственной Думы. Я узнал, что в Петрограде в то время был начальником охранного отделения Попов. Я попросил свидания с ним. Он дал мне свидание. Я поставил ему вопрос, — хочет ли он дать откровенные показания. Он рассказал, что Малиновскому они передали, когда расставались с ним, 6 тысяч рублей по поручению Белецкого. Затем высказал мысль, что Джунковский считается с «Будущим». У него такая репутация была, что он действует по указке «Будущего» (это мой журнал «Будущее»). Что он, в виду возможности разоблачения, пошел навстречу. Затем я стал говорить с Васильевым 2-м, не директором департамента полиции, а другим, — начальником особого отдела в охранном отделении. Он указал, что Малиновский был агентом, говорил, как к нему относился Джунковский, ссылался на слова Белецкого и Джунковского и т. д.

Председатель. — У вас не записаны показания Васильева?

Бурцев. — Нет. Но вот еще письменные указания Попова. Я задал ему дополнительные вопросы, и он ответил мне письменно (передает письма Комиссии). Попов пишет здесь, что Малиновский не зачислен в охранное отделение. Он был особо законспирированным агентом тайной полиции. Попов пишет еще, что, в виде отступного, выдал Малиновскому 6 тысяч рублей. С этого письма у меня не снята копия, это — оригинал. Я просил бы вас снять копию. Так вот, допросив нескольких лиц с разных сторон, я пришел к убеждению, что мое прежнее обвинение совершенно справедливо и что подтверждается гипотеза, которую я раньше построил. Тогда я написал статью в «Русском Слове» под заглавием: «Ответ на поставленные вопросы». Статья первая называлась: «Вопросы, требующие ответов». Я думал, что эти ответы дадут эс-деки, но они только продолжали попрежнему защищать Малиновского. Я тогда счел себя в праве вот в вашей Комиссии поставить вопрос, которому я придаю огромнейшее значение.

Председатель. — Значит, Малиновский был, по вашим сведениям, особо законспирированным агентом полиции. Кто ведает такими агентами вообще?

Бурцев. — Не всегда одно и то же лицо. С ним имел дело, по словам Виссарионова, Белецкий, И, по словам Васильева, Белецкому Малиновский показывал речи, которые он должен был произносить.

Председатель. — Откуда знает об этом Васильев?

Бурцев. — Он с Белецким говорил о Малиновском. Он был начальником особого отделения в то время.

Председатель. — К какому времени вы относите начало службы Малиновского в департаменте?

Бурцев. — Во всяком случае, по словам Васильева, до избрания в Государственную Думу. Он ведь и в Государственную Думу прошел с помощью полиции.

Смиттен. — Будьте добры сказать: вы считали Малиновского агентом-осведомителем или агентом-провокатором? Вы сами установили эти две категории. . .

Бурцев. — Я его считал агентом-провокатором, провокатором не в убийствах, не в активных действиях, а в том, что сеет раздор, ссору в социал-демократической фракции Думы — между большевиками и меньшевиками, между семеркой и восьмеркой. Он во главе большевистской фракции стоял. Думские разногласия — это его дело. Белецкий был вдохновителем всего этого, наверное влил сюда каплю своего меда, если это можно назвать медом. . .

Председатель. — Для вас совершенно ясен вопрос об этих законспирированных агентах, которые ведались только с директорами департаментов полиции: была ли такая категория агентов или — лишь единицы?

Бурцев — Единицы только. Прежде таких совсем не было. Они не вносились в списки. Меньшиков еще говорил: был такой шкафчик в охранном отделении, до которого не добирались, который передавался от одного директора другому, с надписью: — «Не вскрывать без высочайшего повеления» или — «Вскрыть»... Даже бывали директора департамента, которые так и не вскрывали, а некоторые вскрывали и передавали другим. Я имею сведения, что среди нашего общества есть два-три особо законспирированных лица, в провокации которых я убежден, но подступиться нельзя, потому что нигде следов нет.

Председатель. — Вы их наметили уже?

Бурцев. — Наметил одного, которого я в течение 10 лет на груди своей вынашиваю, но к которому все еще не могу подступиться... Теперь, когда открыты архивы, можно сопоставить, допрашивать, можно добиться, если власть пойдет навстречу. Я думаю, не только Малиновский, но и кое-какие ответственные лица откроются.

Родичев. — Кроме Малиновского, вы не знали никаких других агентов на этих же правах?

Бурцев. — Знаю двоих, о которых сейчас говорил, что они у меня на душе лежат. Они играют очень большую роль. Это члены общества. Это особо законспирированные лица, раскрытие которых сделало бы еще больше шума, чем раскрытие Малиновского.

Родичев. — Но пока вы их не обнародуете, вы никого на правах Малиновского назвать не можете?

Бурцев. — Нет. Я над ними работаю. Я хочу обратиться с просьбою к министру, чтобы мне дали возможность повторить то, что я сделал с Виссарионовым.

Председатель. — Виссарионов склонен давать объяснения?

Бурцев. — Совершенно склонен, — обстоятельно, не утаивая ничего, и добросовестно заключения дает. Кстати, я могу то же самое сказать относительно Герасимова. Я их делю на две группы. Лица, которые до революции давали сведения, и которые дают после революции. Я виделся раз десять с Герасимовым до революции. Виделся летом, осенью, весной. Он сразу пошел на объяснения, — сказал, что фамилии агентов не считает себя вправе назвать, но объяснения все давал. Я отмечаю, что за все время никакой лжи не было. Я знаю его деятельность, знаю, что он порвал всякую связь с полицией в настоящее время. Наоборот: он не столько революционер (это термин не подходящий), но настроение у него было такое, что он, не будучи в заговоре, был однако, посвящен в планы дворцовых переворотов и не в целях шпионажа, а в качестве человека сочувствующего... Вы, конечно, знаете, что в декабре — январе ждали в Кронштадте дворцового переворота. Он был в это посвящен. Нельзя было обойтись без

цареубийства, и он был за цареубийство, как и я, но с властью ничего общего он не имел. Он мог меня выдать сколько угодно, но, наоборот, — он был мне полезен, давал мне разного рода объяснения. . .

Председатель. — Значит, вы думаете, что Герасимов будет откровенно показывать. Кто еще?

Бурцев. — Будут также откровенно показывать Виссарионов и Васильев, заведывавшие особым отделом. Меня интересует этот последний — в особом смысле. Я не имею права этого касаться: чрезвычайно громкое, историческое дело, — европейское, которое вам станет известно в связи с войной, с шпионажем, с покушением на убийство Сазонова: здесь будут затронуты многие лица. Но я пока не имею права детально говорить Я вскоре буду иметь возможность документально изложить.

Председатель. — А директор департамента полиции, Белецкий, вы думаете, будет давать откровенные показания?

Бурцев. — Я не виделся с ним; если б я с ними виделся, я мог бы определенно сказать. Я видел его раза два в здании министерства внутренних дел, но не рисковал подходить близко с разговором интимным, а в частной квартире я не видел его. Затем, целый год давал мне объяснения по всем вопросам Манасевич-Мануйлов: он не скрывал ничего и поставил точки над «i»по всем вопросам. К Комиссарову я обращался тоже, он ничего не дал, заявил, что боится, не решается. . . Теперь-то, по всей вероятности, и он будет давать объяснения, но тогда не давал. Вам, думаю, неинтересны мелкие люди, с которыми я имел дело, например, «Лернер»,— настоящей фамилии я не знаю. Он известен тем, что по его делу был арестован в редакции «Биржевых Ведомостей» Проппер. . .

Председатель. — Следующим у меня записано дело Штакельберга.

Бурцев. — Дело было в Париже в 1913 году. У меня были люди, которые сообщили сведения о том, что в Финляндию ожидается приезд террористов эс-эров, едущих в Москву (я не помню,— приезд царя в Москву был в апреле или в мае 1913 года), тогда я отправился к эс-эрам и говорю: «Правда, что у вас там то готовится покушение?» — «Правда». — «Правда, что такие-то едут?» «Правда, а вы откуда знаете?» — Я говорю: «Из департамента полиции». Значит, провокация уже установлена. Когда я получаю такие сведения, у меня прежде всего является мысль: может быть, мне вдруг перепутали. Но, когда совпадает с фактом, тогда сомнений нет. Тогда я почувствовал, что мой источник правдив, что мне дают настоящие сведения. Я стал узнавать и остановил эту поездку. Террористы не поехали туда, покушение было отложено, и я занялся расследованием по моим источникам. Мой источник указал, что есть в Париже Штакельберг, — эс-эр: он и сейчас там. О нем положительных сведений я не имел, но началь-

ник парижского охранного отделения, Красильников, о нем отозвался, как об очень симпатичном человеке и, повидимому, о чем-то с ним говорил. Меня это очень заинтересовало. Я обратился к эс-эрам, нет ли среди них Штакельберга. Мне сказали: «Да, он посвящен в это дело, он уже уехал в Петербург, чтобы навести справки, и он нас поведет, куда следует: он очень полезный и ценный человек».—Один из эс-эров меня спросил, почему я интересуюсь им. Я говорю: «Есть указание, что он шпик». — Конечно, сейчас протест: «Быть не может». — Я говорю: — «Я не обвиняю, но так оставить это не могу». Это было в феврале или марте 1913 года. Моя революционная совесть не позволяла мне не поделиться с эс-эрами теми опасениями, которые у меня возникали. Я попросил, чтобы прислали Штакельберга ко мне. Прислали. Я поговорил с час и увидел, что человек способен на все. Ну, а раз человек способен на все, нельзя его обвинять. Во всяком случае я разрушил их поездку в Москву в целях цареубийства. Впоследствии я не нашел новых подтверждений, хотя были указания, что он шпион, и никакого вывода больше не делал. До последнего времени я и не вспоминал об этом, но нынче я говорил с Доброскоком, который сейчас сидит в «Крестах», последний мне сказал: «Штакельберг — наш, один из основных провокаторов». — Доброскок дал откровеннейшее показание. У меня сейчас все сведения по этому поводу. Эти сведения очень ценны в отношении Штакельберга.

Председатель. — У вас нет письменного показания Доброскока?

Бурцев. — Нет, но он отказаться не может.

Председатель. — К кому вы ведете нас от Штакельберга, — к каким представителям высшей власти?

Бурцев. — Кроме Красильникова, никого нет. Я должен сказать, что когда в Петрограде в департаменте полиции каждый день ожидали приезда в Россию эс-эров, а я их задержал. В Париж каждый день приходили запросы из Петрограда (от кого — я не знаю, но по данным можно установить; в департаменте тогда был Курлов). — Запросы такого рода: «Почему не едут? торопите приезд». — Каждый ден были телеграммы к Красильникову, который через своих агентов в Париже и осведомлялся, почему они не едут... Я тогда одновременно изобличал двух секретарей у эс-эров. Один был автомобилист, который должен был моментально ехать, а другой—Мас, которого посылали в Москву учредить книгоиздательство, — очень богатый человек. Накануне его поездки я его разоблачил. Это были два крупных провокатора. Кто-то прислал из Петербурга телеграмму (кто — не знаю), но в конце концов через этих агентов Красильников понял и дал в департамент сведения (почтой), что Бурцев какими-то путями узнал о том, что затевается, и что он остановил поездку терро-

ристов. Я получал каждый день сведения от близкого к Красильникову человека, который сообщил, что там делается. На-днях мне показали отчет Красильникова о том, как он со мной боролся, какие он принимал меры против меня: и о поездке написано, т.-е. не о поездке, а о провале ее. Так что я видел официальный документ. Они не поехали. Факт не совершился, — факт покушения на террор. Покушение, быть может, не было бы доведено до конца, но что всем виселица была бы, — в этом сомнения нет, тем более, что ехали такие, как Бартольд, по которому, — не знаю, по чьему выражению — виселица давно плакала...

Председатель. — Кто тогда был директором департамента полиции?

Бурцев. — Я думаю, что Белецкий. Происходило это не позднее 1913 — 14 года, я не помню точно, какая тогда была поездка царя в Москву.

Председатель. — Следующим у меня отмечено дело «Союза русского народа».

Бурцев. — Начну с моего разговора с Иллиодором в Норвегии. Это было в 1914 году...

Председатель. — Простите, нельзя ли тут некоторую хронологию соблюсти? Вероятно, в дела «Союза русского народа» входит, между прочим, и дело Иоллоса?

Бурцев. — Нет, то, что я хочу расказать, имело место немного раньше: это относится к делу Герценштейна, а Иоллос позднее. Я хочу говорить о том, что мне сообщал Иллиодор в 1914 году (когда я ехал сюда во время войны) и что относится к 1906 году, а именно к покушению на Герценштейна.

Председатель. — Где сейчас Иллиодор?

Бурцев. — Кажется, едет сюда, во всяком случае, — хочет сюда приехать... Итак, он рассказывал такую вещь: когда он был в Петрограде, он встретился (я едва ли могу ошибиться в фамилии) — с Комиссаровым, помощником начальника охраны, который сказал ему следующее: — «Эти молодцы, убийцы Герценштейна, отправлены к вам, в Почаевский монастырь: за ними тут охотятся, пусть переждут некоторое время»... И когда Иллиодор приехал в свой монастырь, он узнал, что убийцы эти, действительно, скрываются там, там об этом говорилось совершенно спокойно: — «Наши люди поехали, — мы их отправляли: надо было вывезти их из Петрограда, чтобы их не поймали»...

Председатель. — Иллиодор передавал вам свой разговор с кем?

Бурцев. — Я на фамилии Комиссарова не настаиваю, но почти убежден.

Председатель. — Но все же маленькая вероятность есть, что вы ошибаетесь?

Бурцев. — Почти никакой, но я хочу быть осторожным. Иллиодор будет здесь, и вы можете у него узнать...

Председатель. — Вы попросите к нам Иллиодора?

Бурцев. — Перехожу к делу Иоллоса. Изложу сущность моей статьи в «Биржевых Ведомостях» и восстановлю то, что цензура не пропустила. В Париже пришли ко мне, с просьбой достать денег на поездку в Россию революционера, для совершения террористического акта. Это было в 1909 году. Я вынул деньги (у меня было, кажется, 300 фр.) и говорю: «Все-таки вы мне скажите, кто это и по какому поводу». — Мне отвечают, что это — убийца Иоллоса. Тогда я говорю: «Убийца Иоллоса в наших делах участвовать не может». — На том и покончили. Но затем предлагают: «Поговорите сами с убийцей Иоллоса и увидите, что он такое и на что способен». — «Хорошо». — Я пригласил его прийти ко мне: я разговаривал со всеми . . .

Председатель. — Это кто был?

Бурцев. — Федоров, убийца Иоллоса. Я ему сказал: «Единственно, что я могу рекомендовать, — никогда не принимайте участия в движении. Самое большое, что вы можете сделать, это ехать в Россию, отдаться в руки властей, чтобы вас судили, и на коленях просить прощения у русского общества за то, что вы сделали, по отношению к Иоллосу. Ничего другого не могу сказать. Но, предварительно, устроим так, чтобы вас из какой-нибудь страны выдали, чтобы было у русских властей обязательство вас судить. А на суде вы все это сделаете». — Он согласился. Тогда я сказал: «Прежде, чем вам ехать в Россию, я хочу, чтобы вас допросили: с одной стороны — кто-нибудь из членов Государственной Думы, или русские адвокаты, с другой стороны — французские журналисты». Он согласился. И тогда, в моей квартире, этого убийцу Иоллоса со всей подробностью допрашивали князь С. Д. Урусов и М. С. Марголин — адвокат.

Председатель. — А протокол составлен?

Бурцев. — Они записывали. Но что с этими записями сделали, — не знаю . . . Марголин, когда я ввел Федорова и мы остались втроем, сказал: «Думал ли я когда-нибудь пожать руку убийцы моего лучшего друга?!»

Председатель. — А вы сами записали этот рассказ?

Бурцев. — Я пригласил французских журналистов, которые подробно опубликовали этот рассказ в «Matin», а затем в «Речи» появился экстракт из перевода этих показаний Федорова. Сущность того, что я сейчас говорю, я опубликовал в «Биржевых Ведомостях» не так давно, месяца три назад, в № 9 этой газеты. Я укажу, на что я обращаю ваше особенное внимание. В этом рассказе Федоров устанавливает, что имел дело с Казанцевым, агентом охранного отделения в Москве, и с графом Буксгевденом. Больше никого не назвал, но ему говорили, что есть большие люди, которые этим заведуют . . .

Председатель. — Где теперь Федоров?

Бурцев. — Страшная его судьба, мне даже трудно говорить о ней. Он несколько раз делал — так сказать — покушения на меня, приходил стрелять, резать и денег требовал... Я его, конечно, выгонял. Затем, когда я уехал из Франции, он поступил в французскую армию добровольцем и через 2 — 3 месяца устроил себе членовредительство, чтобы избавиться от окопов и получать пенсию. За это его осудили чуть ли не в каторжные работы. Может быть, он уже кончил свою жизнь Оговариваюсь: я передаю со слов других, мне об этом писали. Это падение уже окончательное... Погибший человек...

Председатель. — Неужели не существует собственноручно записанного или, по крайней мере, записанного со слов Федорова и им подписанного показания его о том, как он убил Иоллоса?

Бурцев. — Я заставил его написать собственноручно.

Председатель. — Где рукопись?

Бурцев. — В моем архиве. И, кроме того, на ней имеются подписи целого ряда свидетелей: Урусова, Марголина.

Председатель. — Из соучастников Федорова вы назвали Казанцева, Буксгевдена, Герасимова. Может быть, еще кого-нибудь из представителей власти назовете?

Бурцев. — Я назову еще Климовича. Относительно Климовича у меня есть подробные сведения, проверить которые вы в состоянии. Дело в том, что, когда я приехал в Петроград, в конце ноября 1915 года, в тот же день ко мне явился от «Вечернего Времени» Манасевич-Мануйлов. Я никогда раньше с ним не виделся, но из-за границы я раз писал письмо такого рода — (через «Новое Время»), что, если он бывает за границей, — то пусть заедет ко мне, что он, по моему мнению, очень любопытный для меня человек и что мне, редактору «Былого», есть о чем с ним поговорить... Он пришел от «Вечернего Времени» и упомянул, что раньше не мог приехать, — опасался. Я ему ответил, что если в Петербурге есть два человека, которым надо поговорить по душам, то это он и я. С тех пор мы виделись очень часто и подолгу беседовали, и не было вопроса, на который бы он не отвечал. Он дал мне очень много ценных фактов.

Председатель. — Это верно, что вы просите его на поруки вам отдать?

Бурцев. — В одно из наших свиданий он, между прочим, говорил, что приехал Рейнбот, бывший градоначальник Москвы, и что в разговоре с ним, Манасевич, сообщил за верное, что Климович назначается директором департамента полиции. — «Неужели это верно?»—спрашивает его Манасевич.—«Почему?»— «Да, кому же неизвестно, что он причастен к делу Иоллоса!»... Услышав это от Манасевича, я говорю ему: «Попросите, чтобы Рейнбот записал это». — Манасевич согласился; через некоторое время узнаю, что Рейнбот записал, но лично я не мог проверить

и говорю со слов Мануйлова. Надо было дать официальный ход этому делу. Манасевич согласился передать записку Рейнбота Штюрмеру. По словам Мануйлова, записка была передана. Записка Рейнбота заключалась в том, что он, в качестве бывшего градоначальника, имел возможность впоследствии убедиться, что Климович имел отношение к организации Казанцевым убийства Иоллоса и к укрывательству убийцы.

Председатель. — В чем это отношение заключалось?

Бурцев. — В выдаче паспорта Федорову для побега. Затем установлено, что Казанцев имел сношения в Буксгевденом и вел постоянно таинственные переговоры с ним.

Родичев. — Буксгевден был чиновником особых поручений при Гершельмане?

Бурцев. — Да. Гершельман также принимал участие во всей этой истории... Возвращаюсь к истории с рейнботовской запиской. Как говорили, Штюрмер, получив ее, заволновался, и был поставлен вопрос об удалении Климовича с поста директора департамента полиции. Не состоялось это потому, что в это время произошли новые перемены: Штюрмер отказался от поста министра внутренних дел и сделался председателем Совета Министров, а министром внутренних дел сделался Хвостов, и Хвостов отсрочил отставку Климовича. Климович не только не пострадал, а упрочился. Записка не была обнародована, ей хода не было дано, и Климович остался на этом месте. Существовала ли эта записка, какое ее содержание, — я точно не знаю. Но два раза я имел возможность, в интервью в «Вечернем Времени», коснуться существования этой записки и самого обвинения по адресу Климовича. От Климовича я не имел ни опровержения, ни возражения,— ни частного, ни в печати. Климовича я с тех пор не видел. Последний раз я видел его в апреле 1916 года, когда он объявил, что я должен уезжать; он решил меня выселить из Петрограда, но я обратился в Государственную Думу, и в конце концов меня оставили. Я здесь жил с паспортом и выехать просто отказался.

Председатель. — Эти показания ваши, значит, базируются целиком на словах Манасевича-Мануйлова, который, в свою очередь, говорил со слов Рейнбота?

Бурцев. — Я Рейнбота должен был видеть, но не мог. Я его не опрашивал.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте свои показания о «Союзе русского народа».

Бурцев. — Я сейчас ничего не могу определенного прибавить к уже сказанному.

Председатель. — В таком случае, перейдем к документам, которые у меня имеются. Вы что-то хотели сказать о Щегловитове и о показании Лыжина?

Бурцев. — Прежде всего, я поставил Щегловитова в известность о моем отношении к провокации в деле Азефа. Но ответа не имел. Это было между 1911 — 1914 г.г. Потом, когда я был арестован и был в Петропавловской крепости в 1914 году, я не думаю, чтобы Корсак не доложил Щегловитову о моем показании, данном в Петропавловской крепости, в совершенно определенной форме, для доклада Николаю II. Об этом показании и отношении к нему Щегловитова я дал целый ряд статей, что были в газетах. Я повторял это в своих изданиях за границей.

Председатель. — Вы хотели нам что-то сказать о Глобачеве?

Бурцев. — Да. А именно об его отношении к применению пулеметов. У меня сложилось убеждение, что обвинение против него или указание на его участие — неверны.

Председатель. — Значит, Глобачева надо вычеркнуть. Затем письмо Балка вы нам дали. Здесь фамилия Заварзин.

Бурцев. — Я слышал, что он освобожден. Его освобождение меня поразило, потому что у него репутация определенного охранника. О нем я, со слов Бакая, в «Былом» много писал, как о человеке, который не брезгал провокацией. Я сейчас точно не помню, — какое именно, — но только там прямое обвинение в провокации. У него порочная репутация: жандарм-провокатор. — Еще случай того же рода: выпущен сейчас на поруки Невражин, который, говорят, был правой рукой Протопопова. Это один из самых основных сотрудников Протопопова, замешанных в планы пулеметной расправы. На этой последней детали я, впрочем, не могу настаивать, но что он был непосредственный наперсник Протопопова и был арестован, а затем выпущен, — это я знаю.

Председатель. — А что вы можете сообщить о полковнике Собещанском?

Бурцев. — Я его лично знал в Петропавловской крепости в 1906 г. и теперь встречал: он меня возил в предварилку. Сведения об его участии в повешении Каляева — неточны: он столько же виноват, как все остальные, — а именно, как офицер жандармского гарнизона, который охранял Шлиссельбургскую крепость, когда Каляева вешали.

Председатель. — Каково было его официальное положение?

Бурцев. — Он был одним из офицеров Шлиссельбургской крепости. Яковлев, комендант крепости, тоже присутствовал при этой казни. Но это по официальному положению.

Смиттен. — Вы, при первой вашей беседе в Комиссии, цитировали одно письмо: оно содержало указание на то, что вы получили подтверждение о деятельности автора письма, как провокатора. Вы это письмо передали Комиссии?

Бурцев. — Я подлинник принес: это письмо провокатора к Белецкому: провокатор этот — организатор всех московских

выступлений эс-деков. Если вы позволите, я прочитаю несколько строк о том, как он обосновывает необходимость того, чтобы Белецкий шел ему навстречу и помогал ему. Это его прошение на имя Белецкого *(читает)* . . .

Председатель. — Это чьи показания?

Бурцев. — Того лица, которое я судил в Париже, при чем вынес вердикт, чтобы его устранить, но не решился этого опубликовать . . . В письме он писал Белецкому, что он еще может быть полезен, так как у Бурцева нет данных, чтобы опубликовать. Я думаю, впрочем, что это вам не подходит . . .

Смиттен. — Белецкий в какой роли выступает в данном случае?

Бурцев. — Автор прошения обращается к нему с просьбою о пенсии, просит его поддержать.

Председатель. — А что ответил Белецкий?

Бурцев. — Неизвестно. Этот документ чрезвычайно характерен с бытовой стороны, характерен для деятельности этого провокатора . . . Впрочем, я в точности не установил, что он провокатор, и на этом я не базируюсь, а говорю только о тех фактах, о которых есть точные сведения.

Председатель. — Нет, погодите, Владимир Львович! . . . По-моему, это письмо имеет к нам отношение, потому что оно устанавливает переписку агента-провокатора с Белецким.

Бурцев. — Одно письмо — к фон-Коттену, другое — к Белецкому.

Председатель. — Это одно лицо пишет и фон-Коттену и Белецкому?

Бурцев. — Да. Он писал обоим, чтобы они, один перед другим, за него постояли и оказали протекцию. В бытовом отношении это прекрасный документ, много говорящий . . .

Смиттен. — Меня интересует тот вопрос, который вы только мимоходом задели и относительно которого сказали, что не располагаете данными, чтобы выступить с разоблачениями: может быть, вы можете дать Комиссии какую-нибудь канву, по которой Комиссия пошла бы к расследованию этого вопроса, касающегося германского шпионажа и покушения на Сазонова и на взрыв моста?

Бурцев. — В интересах расследования, мне надо повременить еще полторы или две недели: тогда я смогу с именами и фактами все вам изложить. Расследование, в сущности, окончено, но я не получил лишь некоторых дополнительных сведений. Притом, получая их из известных источников, я обязался молчанием на самый короткий срок. До 1 мая будет выяснено, а, может быть, скорее. Тут замешан департамент полиции. В порядке изучения, а не в порядке допроса, я, однако, могу вас поставить до известной степени au courant всего.

Председатель. — Эта часть будет застенографирована, но мы наложим на эту часть veto, скажем, недели на две... Мы интересуемся шпионажем постольку, поскольку нам кажется, что он высоко гнездится.

Бурцев. — Позвольте излагать — без дат, фамилий, имен. Сущность вот в чем заключается. Один из самых громких нераскрытых провокаторов, фамилия которого не всплыла до сих пор, судился у меня в Париже. Мое убеждение было таково: агент — да; но ничего не поделаешь! Поговорил я с ним серьезно, дал ему понять, как я смотрю на него, — и больше я его не видел... На него это подействовало таким образом, что он ушел и больше в департаменте не служил. Это было в 1913 — 14 годах. 7 — 8 лет перед тем он играл большую роль. В начале 14-го года к нему обращается один иностранец и говорит: «Вы—выдающийся революционер (он, действительно, был выдающийся), вы боретесь с русским правительством... Теперь очень удобный момент». — Ругал меня: — вместо того, чтоб ехать в Берлин и оттуда бороться с русским царем, я, дескать, поехал в Россию и дал себя арестовать. — «Так, говорит, ему и надо». — «Вы — более умный человек, воспользуйтесь моментом, нанесите удар, для России надо, чтобы война была ею проиграна, в этих видах мы, комитет такой-то, и т. д.... От имени этого комитета вы можете устраивать взрывы в Сибири такого-то моста, покушение на Сазонова, взрыв такой-то шахты»... — Затем, появляется немецкий офицер, который дает средства — 50 тысяч рублей. И вот этот бывший агент, о котором идет речь, обращается к одному из видных представителей департамента полиции и заявляет: «Вот какие обстоятельства дела: будем обманывать немцев, деньги возьмем, и через них же узнаем их тайну». — Поселяется эта компания в России, не взрывает мостов, конечно: взрывов никто не делает. Но вмешано здесь много видных членов департамента полиции с именами (у меня все эти материалы имеются). Пользуются случаем: произошло какое-то крушение, — они сообщают немцам, что сделали такое покушение, но не вполне удачно. Затем, когда произведено было покушение на Нератова—сумасшедший какой-то ворвался в Министерство Иностранных Дел с ножом и был арестован, они опять сообщают: «Неудачное покушение». — Стали видеться с немецкими офицерами. Стали получать такие поручения: «Взорвать «Марию», «Пожар устроить в Архангельске»... Агент говорит: «Я сообщал, когда мне была дана задача взорвать «Марию». — «Мария» тогда не была взорвана, она была взорвана позднее. Вот — провокация на почве уже войны, и при наличности сношений с русской полицией. Я все имена знаю, у меня все запротоколировано, все данные мне известны. Вот это дело я хотел сообщить.

Председатель. — И здесь были замешаны высокопоставленные лица?

Бурцев. — Довольно высокопоставленные лица. Но, в интересах расследования, я некоторое время не опубликовываю этого дела.

Смиттен. — Я хотел бы получить следующую информационную справку: где сейчас находятся те материалы русской тайной полиции, которая ведала дела политических эмигрантских кружков в Париже, и все делопроизводство которой было на руках у Красильникова и при здании русского посольства?

Бурцев. — Я слышал, что этот архив запечатан сейчас Извольским. Если мои сведения верны, — часть бумаг находится на квартире самого Красильникова. Красильников — близкий человек Куркова и его ставленник. Он все дела эти вел. Курлов и Красильников спровоцировали посылку людей в Петроград и Москву. Конечно, Красильников не без ведома Курлова действовал. Я почти убежден, что это дело Курлова. Я не имею достаточных оснований, чтобы утверждать, но думаю так . . .

Смиттен. — В каком году Красильников стал во главе политического сыска в Париже?

Бурцев. — С 1910 г. До него был Андреев, потом Гартинг.

Председатель. — Вы не знаете, — почему Штюрмер хотел заменить Красильникова Манасевичем-Мануйловым?

Бурцев. — Он хотел заменить его фон-Коттеном (весной этого года, кажется), — потому что Красильников, как агент, только врал, ничего не делал, вся его деятельность сводилась к нулю. Он был совершенно бесполезный человек. Они с Курловым делили деньги пополам. Деньги шли в Париж, потом частью возвращались к Курлову: это — два вора. Они даже в сыске ничем не занимались, кроме кражи, такой широкий размах у них . . .

Смиттен. — Каким путем переводились суммы Красильникову?

Бурцев. — Официальным путем — денежной корреспонденцией в Париж; а оттуда, обратно, каким путем? — Не имею понятия, нет сведений . . . Красильников был совершенно бесполезный человек, его надо было сменить; я имел возможность читать одно его донесение; он даром хлеб ел. Ничего не делал. Для нас, конечно, он был подходящий человек, но для департамента полиции . . .

Председатель. — А о Дубровине вы ничего не знаете?

Бурцев. — Специальных сведений о нем у меня нет.

Председатель. — Владимир Львович, будьте добры сделать отметки: — письмо Плетнева, расписки Климовича, Жученко, начиная с 1916 г.; затем письмо Жученко, которое вы получили, комплект ваших статей, прошение Щегловитову, список показаний, статья: «Вопрос, требующий ответа», затем рассказ Федорова, напечатанный в «Биржевых Ведомостях». Мы просим еще

рассказ Федорова из вашего архива. Большое вам теперь списабо. У вас никаких документов не осталось?

Бурцев. — А вас не интересуют вопросы контр-шпионажной деятельности за последние годы?

Председатель. — Постольку, поскольку эта деятельность была обращена не на контр-разведочные сведения, а служила иным, преступным, целям, ничего общего с контр-разведкой не имеющим.

Бурцев. — Богатейшие данные . . . Но сейчас их дать не могу.

Председатель. — Мы очень этим интересуемся, в частности поскольку это касается Беляева.

Бурцев. — Порядок был ужасный. Они занимались всем, кроме борьбы с шпионажем. Они занимались личными делами, борьбой с рабочими организациями.

Председатель. — У вас есть сведения о провокационных выступлениях на тему о прекращении войны?

Бурцев. — Я не могу сказать сейчас, потому что я не закончил допроса лиц, которые дают эти сведения.

Председатель. — Вы знаете об организации рабочих, которая была при контр-шпионаже?

Бурцев. — Как раз у меня сегодня и вчера был допрос. Через некоторое время я его закончу . . .

Председатель. — Если, помимо этих сведений, вы получите еще какие-либо другие, — будьте добры сообщить нам.

Родичев. — Как вы думаете, — ваши сотрудники не прикусят ли язык, когда узнают, какое употребление вы делаете из их сообщений?

Бурцев. — Когда они идут ко мне, они уже знают, какое употребление я делаю из этих сведений. Я ничего не скрываю.

Председатель. — Позвольте вас поблагодарить.

VIII.

ПОКАЗАНИЯ А. Н. НАУМОВА.

4 апреля 1917 г.

Содержание: Назначение Наумова министром земледелия. Обсуждение в Совете Министров вопроса о созыве Государственной Думы. Назначение Штюрмера председателем Совета Министров. Распутин. Выступление Наумова в Государственной Думе. Отношение Штюрмера к общественным организациям. Аудиенция у бывшего царя. Штюрмер о предполагавшемся выступлении Наумова в Государственном Совете. Заседание министров в Ставке. Аудиенция у бывшего царя. Вопрос об ассигновании 5 милл. председателю Совета Министров. Обстоятельства отставки Самарина и кн. Щербатова. Воейков. Александра Федоровна. Андронников. Белецкий. Григорович. Штюрмер до назначения председателем Совета Министров.

Председатель С. В. Завадский. — Нам очень бы хотелось узнать от вас об обстоятельствах, которые сопровождали ваше увольнение с министерского поста, а затем, кроме того, нам было бы важно знать ваше отношение к главе кабинета в бытность вашу министром земледелия, обстоятельства его назначения, его отношение к другим министрам, его отношение к разным, так называемым, безответственным темным влияниям, поскольку это было вам известно.

Наумов. — Несомненно то, о чем вы спрашиваете, было областью для меня близкой и вместе с тем очень тяжелой в моей жизни. Назначение мое в министры было для меня совершенной неожиданностью. Я делал все, что мог, для того, чтобы избавиться от этого высокого назначения. До этого я работал в Верховной Комиссии, тоже следственной. После двукратного предупреждения меня относительно того, чтобы я прекратил вести дело о Царицынском заводе, я получил назначение.

Председатель. — Кто вас предупреждал?

Наумов. — Меня предупреждали некоторые лица, в их числе, насколько мне помнится, генерал Петров, через секретаря Кизельбаша, указывая на то, что это дело касается флота, не армии. Тем не менее я продолжал вести это дело и в незаконченном виде передал его графу В. А. Бобринскому. В каком положении теперь это дело — я не знаю, но я вел его усиленным темпом три недели.

Область эта очень сложна, и я был бы рад, если бы оно когда-нибудь получило должное освещение. Потом прошел слух, что меня назначают министром земледелия. Я в это время взял отпуск, уехал в Самару для того, чтобы немножко отдохнуть. Приехал я в Самару 28 октября. В это время я был членом Государственного Совета по выборам; я служил постоянно по выборам, почти четверть века, и всегда уклонялся от всяких намеков на вызов меня в центральное управление. И вот 28-го октября я нашел у себя на столе в Самаре, где проживала вся моя семья, лаконическую телеграмму за подписью статс-секретаря И. Л. Горемыкина с срочным вызовом меня в Петроград. Я догадался, что что-то такое тут для меня представляется тяжелое и роковое. Я пробыл в Самаре один день и вернулся обратно в Петроград. В тот же день, как я приехал, меня ждали и по телефону от Ивана Логгиновича Горемыкина вызывали. Прежде, чем им ответить, я вызвал своего друга, с которым привык советоваться, В. Н. Львова и Владимира Бобринского, которые ко мне приехали сейчас же. Я им показал эту телеграмму. Явилось предположение о возможности предложения мне портфеля, мы решили все трое, — в частности, и мое решение было, — не итти на министерский пост, особливо принимая во внимание, при каких условиях ушел из обер-прокуроров мой близкий знакомый и единомышленник Самарин. Я постоянно в Европейской гостинице проживал. Самарин останавливался там же. Я знал, при каких условиях ему все два месяца и 20 дней, которые он там пробыл, приходилось работать. Он всегда со мной делился своими впечатлениями и высказывал свои соображения. Я знал также, при каких условиях работал и оставил свою должность и князь Щербатов, с которым я был по предводительству дружен. Итак — мое решение было бесповоротно. Поехал я к Горемыкину, который передает мне следующее: «По высочайшему повелению, которое было мне лично передано 26 октября, я вас вызвал для того, чтобы предложить вам пост министра земледелия». — Я ему сказал: «Иван Логгинович, я категорически отказываюсь» — «Я не могу вашего отказа принять, потому что это — есть воля государя». — Я говорю: «Тогда будьте любезны доложить его императорскому величеству о моем отказе». — «Как же я это сделаю? Государя здесь нет, он уехал на южный фронт».—Я говорю: «Тем не менее я тоже не могу принять этого поста, я просил бы как-нибудь сделать, чтобы меня освободили». — «Тогда, — говорит он, — напишите письмо». — Поехал я к себе домой и написал письмо с отказом, при чем в конце просил оставить меня тем, кем я был, — членом Государственного Совета по выборам, и дать мне возможность окончить огромную ответственную работу по участию в Верховной Следственной Комиссии. Письмо это я отправил И. Л. Горемыкину. Через некоторое время, кажется, 10 ноября, я получил от Горемыкина уведомление о том, чтобы я приехал.

Он мне объявил, что, несмотря на то, что это письмо послано, на письме моем резолюция государя императора такова, что, «не взирая на все обстоятельства, о которых вы пишете, тем не менее государь считает вас способным и наиболее подходящим занять пост министра земледелия и назначает вас управляющим Министерством Земледелия». Копии письма и резолюции хранятся в моих семейных документах. — Государя тогда еще не было. Через несколько дней государь возвращается. Я еду с личным докладом, благодарю за доверие, которое государь мне оказал, вместе с тем еще раз подтверждаю свой категорический отказ. Государь на мое заявление промолчал. Не зная, как объяснить это молчание, я добавил: «Ваше величество, я должен указать те мотивы, на которые я ссылался в письме: я считаю себя неподготовленным занимать такой ответственный пост, я не могу быть более верноподданным, чем те министры, которые только что ушли; они мои искренние единомышленники — Самарин, князь Щербатов; более верноподданным, чем они были, я быть не могу. Я предупреждаю вас, государь». — После этого государь начал говорить: «Я вас десять лет знаю, как губернского предводителя дворянства, я неоднократно выслушивал ваши советы, в частности, по поводу землеустройства и местных дел, вы — человек земли, вы — человек правды». — Одним словом, государь не хотел выслушать моего отказа и в результате сказал: «Надеюсь, что ваш следующий доклад будет так же в понедельник, как было при Кривошеине». — Мне пришлось подчиниться. И началась моя министерская работа, работа огромная, не столько по Министерству Земледелия, сколько по Министерству Снабжения. В течение восьми месяцев я нес эту работу. — Что касается отношения главы кабинета к темным силам, о которых, к глубокому сожалению, кто из нас, русских, не знал раньше, могу лично про себя сказать, что я от них был далек и знал только свою работу, а работы было столько, что она совершенно отвлекала меня от всех этих закулисных дел. Отношение мое к Горемыкину было совершенно безразличным. И. Л. Горемыкин, очевидно, пережил тот период времени, когда он действительно был выдающимся деятелем Министерства Внутренних Дел и Государственного Совета. Он относился к своим обязанностям, с моей точки зрения, — старчески, никаких советов и указаний мне не давал, всегда был очень любезен по отношению ко мне, всегда корректен. Первое время все шло так, что я был до известной степени удовлетворен, хотя не скрою, что сразу же министр внутренних дел Хвостов поставил меня в тяжелые условия тем, что хотел продовольственный вопрос взять в свои руки.

Председатель. — Кто — Алексей Николаевич Хвостов?

Наумов. — Да. У него сложилось такое мнение, что продовольственный вопрос необходимо взять ему в свои руки. Я ничего против этого не имел, но сказал ему, чтобы он уже все дело взял

себе. Он отказался. Тогда я ему заявил, что в таком случае это дело должно быть целиком в моих руках, потому что оно требует единства действий, единства закупок, единства распределения. Я отвоевал себе ту позицию, которая с самого начала была занята мною. Когда созыв Государственной Думы был поставлен на повестку Совета Министров, — это было 11 января 1916 года, — я и Сазонов были теми министрами, которые стояли за созыв Государственной Думы без оговорки какого-либо срока и без каких-либо условий: например, говорили, — созвать Думу только по бюджету. Я, как старый земский работник, отлично знаю, что если хотят свалить управу, то именно по смете это и происходит. Это соображение я проводил и в Совете Министров. Так как Государственную Думу ограничивают только бюджетом, то по поводу бюджета можно говорить именно то, что может быть наиболее неприятно. Относительно срочности я сказал, что можно в три часа сказать то, чего в три года не расхлебаешь. Все это заставило меня поставить вопрос о доверии к законодательным палатам. Я сказал: «Если вы искренни, доверяете им, вам ни срок, ни предмет занятий не должен казаться страшными; если вы боитесь, — тогда не созывайте Думы совсем». — К сожалению, журналы велись с одной стороны слишком краткие, с другой стороны, с моей точки зрения, составлялись, в смысле редакции, слишком неопределенно и обще. Я усиленно настаивал на созыве Государственной Думы и об этом докладывал неоднократно государю, докладывал настойчиво, предупреждая его, что ежели он сойдется с Государственной Думой на началах полного доверия, полной искренности, то дело и войны и государственного строительства может наладиться более или менее хорошо. Указывал совершенно определенно, что если государь проявит неискренность — в данный момент в особенности, — то это раз навсегда положит предел его популярности, его силы и значения в стране. Попутно я неоднократно указывал государю на то, что тогда он будет в полном одиночестве и будет окружен той обстановкой, о которой говорят в народе. Когда я доходил в отношении предупреждения об этих слухах до «злой памяти» Распутина, государь всегда переходил к другим вопросам, и никогда мне лично не приходилось довести до желаемого конца мою речь по этому вопросу. Что касается Государственной Думы, он мне неоднократно обещал, что так, как я докладывал, и будет. В январе шла глухая борьба между министрами относительно созыва Государственной Думы. Мне многие говорили: «Это ваш совет повлиял на государя», но лично себе я не мог приписать этого значения, думаю, что, может быть, в конце концов мои настойчивые советы и повлияли на государя в смысле его отношения к созыву Думы, но назначение Штюрмера, я вас уверяю, было ошеломляющим, видимо, для всех и лично для меня событием. До меня доходил

слух, что государю Штюрмер доложил о необходимости изъятия двух лиц — П. Н. Игнатьева и меня. Я же решил совершенно определенно не оставаться при Штюрмере, как мне ни было тяжело бросать то дело, к которому я привязался, потому что работать приходилось действительно много. Об этом я государю доложил, при чем обычно в моих докладах я старался быть более или менее объективным. Я не касался личности Штюрмера, который никогда моими симпатиями не пользовался. В результате получалось то, что государь постоянно отделывался такими фразами: «Раз вы в окопах, — из окопов во время войны не уходят». — У Штюрмера я не был. Кажется, на третий день его назначения он посетил меня в моем служебном кабинете, при чем особенно подчеркивал свое благоволение ко мне и искреннее сердечное сочувствие моей мысли об отношении к законодательным палатам. И потом все время говорил о том, что он мне сочувствует, как земскому деятелю, — он к земской среде привык, и что общественный элемент играет громадную роль в жизни не только местной, но и государства. Пробыл он у меня часа полтора, старался производить самое приятное впечатление. Но роковое совпадение: когда он от меня уехал, приходит ко мне секретарь и говорит: «Вас по телефону просил Григорий Ефимович, чтобы вы его приняли в пятницу, в 5 часов дня». — Я переспросил прежде всего, кто это — Григорий Ефимович. Секретарь доложил, что говорил по телефону Распутин. Я говорю: «Передайте Распутину, что я его не приму».—Но я знаю, что в этот день по телефону меня многие голоса предупреждали, чтобы я принял Распутина: уже узнали, что он хотел быть у меня в известный час. О Распутине я слыхал многое, но не верил всему тому, что теперь сделалось ужасной действительностью. Думал, что это распутный старичок, который дурака ломает при дворе, но во всяком случае не пользуется такой властью. Уже по этому одному, что я отказался его принять и что это было понято, как проявление особого гражданского мужества, как мне об этом потом говорили, — я понял, что это — «событие» и что Распутин, очевидно, сила. На другой день у меня был общий прием. Прием начался в час дня. Секретарь доложил, что пришел Распутин с какой-то дамой и настойчиво требует, чтобы я его принял сейчас же в кабинете. Я говорю: «Передайте ему, что если он уже пришел, пусть ждет, во всяком случае в кабинет я его не пущу».— Прием продолжался; когда осталось человек 10 или 12, я вспомнил, что в 3 часа надо ехать в Совет Министров; я позвал секретаря и сказал, что выйду на общий прием. Когда я вышел, то вторым лицом около стены оказался Распутин. Я догадался, что это был он, по виду и костюму, в котором его обычно изображают. Когда я к нему подошел и спросил, что ему нужно, он вынул записку; я сказал секретарю: «Прошу взять записку, в чем дело». — Оказалось, что Распутин просит поместить какого-то студента

в гидротехническую организацию при Министерстве Земледелия. Есть такая гидротехническая организация, которая освобождает от воинской повинности. Ко мне обращались часто высокопоставленные лица, с просьбой, чтобы я поместил туда молодых людей. Не скрою, что я относился к этому нетерпимо и многим отказывал. В частности, Питирим имел наглость несколько раз присылать тоже подобные записки. Когда являлся проситель и говорил, что он от митрополита Питирима, я обычно рвал такие записки публично. Я распорядился о передаче записки Распутина князю Масальскому, потом спросил, что ему еще нужно. Он говорит: «Мне ничего больше не нужно». — «Так можете итти». — Какие жесты он делал, — я не видел; мне передавали, что он вышел с какой-то дамой под вуалью, титулованной особой (мне называли ее фамилию), потом сошли вниз, он поднял кулак по моему адресу, грозил, сели в автомобиль и уехали.

Родичев. — Когда это было, в каком месяце?

Наумов. — Это было, кажется, в феврале. Я жалею, что со мной нет записок.

Председатель. — Может быть, вы могли бы нам доставить эти записки, сняв с них копию и заверив своей подписью, т.-е. сделав выписки того, что имеет не личное, а общегосударственное значение.

Наумов. — Это было во всяком случае до созыва Государственной Думы, только что был назначен Штюрмер. В этот день и в последующие я убедился, что Распутин действительно имеет огромное значение, потому что все служащие приходили и об этом говорили. Для меня этот жест — отказ Распутину в личном приеме — был совершенно естественным, а тут выходило, что я сделал какой-то героический поступок. Один из министров говорил мне: «Я слышал, что вы Распутина не впустили к себе в кабинет, я тоже его ненавижу, но тем не менее я должен был в этом отношении пойти на уступку». — Одним словом, подчеркивал проявленное мною опять таки какое-то гражданское мужество. Тут я увидел, что Распутин является лицом, сильно влияющим на рынок политический. В этот день мне звонили много раз по телефону, говорили, что в Царское Село поступила уже жалоба. Я лично отвечал: «Слава богу, я был бы очень рад, если бы можно было освободиться от этого кошмара». — Я называл свою службу каторгой духа и мозга: духа — потому, что знал, при какой обстановке приходилось работать, особенно после прихода Распутина, а мозга — потому, что я работал не менее как по 18 часов в течение 8 месяцев. После этого инцидента этот тип больше меня не беспокоил ни разу, абсолютно ничем. Через некоторое время решили все-таки Государственную Думу созвать, не указывая срока; перед открытием Государственной Думы Штюрмер решил нам поведать декларацию. Мы — министры — несколько

раз его спрашивали, — будет ли какая-либо декларация или нет? У него была манера отмалчиваться, все, что ему говорили, все как-то по нему скользило, тогда как этот человек в такое время, казалось, должен бы был объединять всех, вникать во все, руководить. Все мы шли как-то вразброд. Никого не было, кто бы нас объединял. Между тем вопрос продовольственный постольку существенен, поскольку он связан тесно и с топливом и с транспортом. И когда было постановлено возглавить Штюрмера по продовольственному делу, он ничего не мог сделать, потому что был не в курсе... Наконец, Штюрмер созывает часть министров у себя на квартире на Конюшенной. Я немножко запоздал. Вхожу, — сидит он, Волжин (обер-прокурор), оба очень взволнованы, потом ряд других министров—Игнатьев, Григорович и еще человека 3—4. «Вот, — говорит Волжин, — Александр Николаевич вошел. Он может вам сказать — что за личность Питирим». — Штюрмер ко мне обратился: «Какое ваше мнение о Питириме?» (Волжин ссылался на меня потому, что часто слышал от меня о Питириме, ибо Самара имела несчастье иметь Питирима своим архиепископом, в бытность мою губернским предводителем дворянства). По Самаре о Питириме я знаю вот что: первое впечатление он произвел очень хорошее, обаятельное обращение, поднес икону. Потом в одном из заседаний он подверг критике деятельность епископа уфимского Андрея, в миру — князя Ухтомского; мне он — двоюродный брат (моя матушка — княжна Ухтомская), мы с ним с детства были близки, и я его хорошо знаю. В то время он писал резкие статьи о Распутине, о его влиянии на общество и на церковь. Не зная, что он мне близок, Питирим стал говорить по поводу Андрея, что он человек, который хочет составить карьеру, но епископату нужно считаться с тем, как синод смотрит на дело. Я резко возразил Питириму, и сразу он сделался для меня человеком ясным, с точки зрения ложного взгляда на обязанности епископата. Затем, через несколько времени, из разговора с губернатором, которым был тогда Протасьев, я ясно представил себе, что такое Питирим. В Тобольской губернии произошло покушение Гусевой на Распутина. Питиримом Распутину в Тобольскую губернию была послана телеграмма, в которой он выражал самые сердечные ему соболезнования и молил бога о его выздоровлении. Начальник почтового отделения это передал Протасьеву, а Протасьев мне. Тогда для меня стало совершенно ясно, что это за личность, я счел долгом на собрании предводителей и депутатов сообщить об этом, и мы решили бойкотировать Питирима. Будучи министром, я продолжал по отношению к нему вести себя демонстративно и, бывая в соборе, под благословение не подходил. Он рвал и метал, и мне передавали, что в Царском Селе, совместно с Распутиным, через императрицу Александру Федоровну, он имел также влияние на мою отставку. Когда, по поводу ссылки на меня Волжиным, у меня Штюрмер

спросил, я ответил следующее: «Всякий час и день, что Питирим возглавляет нашу церковь, — я должен сказать, что это огромный ущерб для достоинства церкви и для всего положения вещей в нашей стране». — Очень характерным был также дальнейший разговор на этом совещании.

Иванов. — Это тот момент, когда Штюрмер готовил декларацию к открытию Государственной Думы?

Наумов. —Да. Это эпизод, характеризующий Питирима. Штюрмер сказал потом: «Что вы, господа, все приписываете Питириму!» — «Как же не приписывать, — раздался ему ответ, — когда даже ваше назначение приписывают Питириму?» — Он сказал: «Что за вздор!». Декларация была составлена и кое-что было принято в отношении продовольствия, но именно только кое-что. В общем, я должен сказать, что мне трудно было работать. Я привык работать с легким сердцем в среде, которая одинаково относится к интересам общественным и государственным. А тут чувствовались постоянно какие-то недомолвки, какие-то нажимы: когда что-нибудь просишь для дела, указываешь, что вот непременно это нужно сделать, то это все принималось как-то условно: «Это нужно обдумать», и, таким образом, дело оставалось в стороне, в виду соображений так называемой высшей политики, которые для меня были подчас непонятны. Между тем, дело продовольствия, за которое я отвечал, это настолько дело шкурное, что никакие соображения высшей политики тут не должны были иметь места. Я от вас не скрою, я со дня на день делался злее, если можно так выразиться, я чувствовал, что по отношению к Штюрмеру я был подчас груб, я требовал дела, не входя в соображение, насколько это приятно ему или неприятно. Выступая в Государственной Думе, я не предполагал, что ко мне отнесутся так тепло. После этого выступления один из сановников (Кривошеин) приехал ко мне и сказал: «Приветствую вас с успехом, но вместе с тем предупреждаю вас, Александр Николаевич: вы имели массу друзей, я это знаю, вас все любят, но отныне у вас будет столько же врагов». И действительно, создалась такая обстановка, что и там, при докладах у государя, как-то холоднее стали относиться ко мне после выступления в Государственной Думе. Потом в Государственном Совете я выступил в закрытом заседании и там говорил совершенно искренно, ради дела, ради чего выступал все время и после этого,—и встретил то же отношение со стороны Штюрмера и некоторых моих коллег (мне это очень тяжело говорить, потому что я до сих пор считался добрым товарищем). Но раз вы спрашиваете об условиях, при которых моя отставка состоялась, то не скрою, что в Совете Министров создались такие трения, что все, что нужно было мне для дела, все это встречало препятствия, вместо мер принимались полумеры, и все-таки я вез этот воз, как умел и как мог. Создалась обстановка очень тяже-

лая для моей работы и в конце концов привела меня к полному разрыву на почве дела, которое меня глубочайшим образом возмущало. Надо вам сказать, что я всегда отстаивал искреннее отношение ко всем общественным организациям, потому что в такой момент, который переживала страна и ныне переживает, можно было спасти дело лишь общими усилиями, что я всегда и высказывал, и в это общее русло должны войти все наличные силы государства, какие бы они ни были. Я помню период времени от 1-го до 10-го ноября, когда я работал в Верховной комиссии. Встречает меня Родзянко, которому я поведал, что подал письмо с отказом от министерского портфеля. Он сказал: «Вы сейчас не имеете права отказываться, как и мы не имеем права отказываться сидеть в комиссии по обороне, где нам тяжело, но мы должны сидеть и все работать». Вышесказанные соображения и заставляли меня относиться действительно искренно ко всем общественным организациям, каким бы то ни было. Конечно, военно-промышленный комитет, Земский и Городской Союзы и иные организации всех их я готов был привлечь к работе. Вероятно, это подтвердят лица, которые стояли во главе этих организаций: князь Львов, Челноков. Я всегда говорил, что если вы искренним образом готовы сотрудничать, я готов, я весь к вашим услугам, давайте вместе работать; мой план продовольствия таков: правительство — это есть большой оптовик, который является комиссионером по огромным сделкам; что касается того, как применять эти оптовые сделки на местах, то тут правительство совершенно бессильно без вашей помощи, и, если вы поможете, скажу — спасибо. Тогда я получил ответ, который был мне ясен, в особенности, при конце моей службы: «Насколько это с вашей стороны искренно, не с вашей, Александр Николаевич, а насколько это искренно со стороны правительства, в составе которого вы состоите?» — Первое время меня смущал этот вопрос, я чуть не обижался, но потом, когда я убедился, что это правительство, возглавленное Штюрмером, собиралось на Фонтанке на разные тайные заседания и выдумывало всякие предлоги обезвредить «эту гидру», как выражались некоторые из членов, тогда я почувствовал, что, действительно, мое положение очень тяжко потому, что я беру иной раз смелость от имени всего правительства говорить представителям Земского и Городского Союзов, что мы будем с вами работать. Вместе с тем, я чувствовал, что, попадая в эти общие заседания, я должен был участвовать в разговорах о том, как охранить правительство от этих «страшных» общественных организаций. Я не скрою, что роль наша была тяжелая; я потом два раза был на таких заседаниях и заявил Штюрмеру, что ходить больше не стану. Для того, чтобы быть более честным в отношении всего общества, я согласился на интервью, которое помещено было в «Речи» и других газетах в июне, по поводу моего взгляда на взаимоотношения правитель-

ства и общественных организаций. В общем я уклонялся от выступлений в печати, может быть, мною даже недовольны представители печати именно потому, что у меня дело было хозяйское, чисто реальное, так что каждый раз выступать с интервью я не хотел. Но тут я счел долгом себя обелить от подозрения, будто я говорю общественным организациям одно, а вместе с тем сижу в частных заседаниях, которые думали как бы обезвредить эти организации. Меня вообще это так возмущало, что я высказал Штюрмеру, что при этих условиях работать не могу, и выступил в интервью, которое, я знаю, было доложено тогда же в июне в Ставке в том смысле, что какой же это член кабинета, который идет целиком против нашего взгляда!

Председатель. — Об этом было доложено Штюрмером?

Иванов. — В то время, когда Штюрмер был министром внутренних дел?

Наумов. — Да.

Родичев. — Эти совещания были очередными заседаниями Совета Министров?

Наумов. — Это были специальные заседания.

Смиттен. — Велись какие-нибудь журналы?

Наумов. — Не могу хорошенько вспомнить. Вообще я посещал эти заседания нехотя, и положение мои создавалось тяжелое. Я помню отлично, как шел вопрос относительно сокращения заказов; мы с Шуваевым заявили, что несогласны на эту редакцию, говоря, что если вы поднимаете вопрос о сокращении заказов, то надеемся, что этот разговор будет вестись постольку, поскольку это не будет в ущерб для заказов вообще, потому что если вы будете сокращать заказы, вы этим нанесете ущерб воинскому снабжению, а это было бы преступлением. И вот тогда в этом журнале была помещена наша оговорка: «без ущерба для воинского снабжения»; так что некоторые журналы были.

Смиттен. — Вы не знаете, кто был журналистом? Вы нам не можете указать путь, откуда мы может получить эти журналы?

Наумов. — Я думаю, что от Ивана Николаевича Лодыженского: он играл в этом отношении огромную роль, он вел все журналы.

Председатель. — Извините, мы вас прервали.

Наумов. — В июне был как раз мой раскол из-за отношений моих к общественным организациям. Тогда я у Штюрмера попросил приема, на котором заявил: «Я, при этих условиях, положительно работать отказался, не говорю уже про то, что я переутомлен за эти 8 месяцев работы, но я должен вам заявить, что при таком отношении к общественным силам лично я, как министр продовольствия, совершенно делаюсь бессильным. Пока дело идет, но чем дальше, тем делается сложнее. Я покорнейше вас просил

бы заявить его императорскому величеству о том, чтобы освободить меня. Хотите назовите это переутомлением, потому что при этой обстановке я работать не могу». — Тогда, я помню, Штюрмер принял позу совершенно иную, чем в самом начале, когда он был у меня, и все полтора часа беседовал и шел навстречу моим взглядам, при обсуждении по поводу созыва Государственной Думы. Здесь он принял другой тон, скорее менторский, и сказал: «Я вас ставлю очень высоко, в вас есть темперамент (я помню это выражение), но вместе с тем, вы мало подготовлены к государственной работе, потому что вы слишком еще общественник».—Вот это буквальное его выражение. «Вы знаете, что государственная точка зрения должна быть не только общественной: общественная входит, как известный частичный элемент этого государственного взгляда, государственного масштаба, всего государственного облика. В вас еще нет этой сноровки». — Тогда я говорю: «Отлично, это и есть обстоятельство, которое, как вы, вероятно, сами видите, заставляет меня работать в совершенно невозможной обстановке, и я покорнейше прошу доложить, чтобы меня освободили, как мне это ни тяжело, так как я самое дело успел полюбить. За 8 месяцев я не мало крови попортил». — Он ответил: «Нет, нет, об отставке сейчас нечего говорить. Что мы государя будем беспокоить. И без того ему тяжело». — После этого разговора, конечно, работать было очень трудно. Но это было уже близко к тому окончательному разрыву, который вышел у меня 21 июня, и большинство поняло, что я только так и мог сделать. Я в Ставке был с докладом 14 июня, доклад произошел вечером. На другой день, 15-го, поезд должен был отойти в 4 часа, я получил приглашение к высочайшему завтраку, и его императорское величество был особенно милостив. Теперь многие из приближенных лиц бывшего императора говорят, что это было признаком, что он уже, так сказать, решает расстаться с данным человеком, что единственно этим можно объяснить такую любезность. Я никогда не претендовал ни на что, всегда дорожил своей независимостью и никогда, как говорится, на глаза не лез, даже будучи министром. Но тут вышло так, что после завтрака его величеству угодно было подойти ко мне, взять под руку и попросить к себе для некоторых разговоров. Государь вошел в кабинет и говорит: «Я получил записку от генерала Алексеева, относительно реформирования верховного управления, пожалуйста, прочтите ее здесь же в кабинете и передайте свое впечатление». — Я говорю: «Ваше величество, может быть, я вам буду мешать?». — «Нет, я займусь своим делом, а вы прочтите». — Объемистая тетрадка и заглавие такое: «Об учреждении верховного министерства государственной обороны». Сначала идет часть историческая, где указывается на дефекты транспорта, топлива; о продовольствии сравнительно немного, а затем уже — переход

к необходимости единства фронта и тыла. И вот для того, чтобы это единство было, надо учредить какое-то новое верховное министерство государственной обороны. Я тогда доложил его величеству, что относительно самой идеи единства двух мнений быть не может, единство необходимо во что бы то ни стало, но учреждение нового министерства — это будет новым наслоением. Я думаю, что возможно было бы фронт и верховное управление фронта слить с Советом Министров и возглавить это каким-нибудь одним лицом, будь это председатель министров, будь это какое-нибудь иное, особо назначенное лицо, и затем организовать частичные заседания; я указал, как на образчик, на совещания пяти министров. Я это к тому говорю, что государь был милостив и далее продолжал спрашивать: «А если это сделать, то, как вы думаете, кого поставить, не правда ли, какого-нибудь общественного деятеля?» — Я посмотрел на государя, и говорю: «Ваше величество, я так нов в этом деле» (я догадался, что тут со стороны государя вызов, ему известно было, что у нас со Штюрмером идут раздоры на эту тему), и продолжал: «Позвольте уклониться, потому что, если вы хотите возглавить особым лицом, то нужно подумать, если же воспользоваться тем, что есть, то у вас есть председатель Совета Министров». — Тогда государь начал спрашивать мое мнение о некоторых сановниках. Я очень уклончиво отвечал и говорил, что я совершенно новый человек. Затем он спросил об общем положении в стране. Я сказал, что война популярна, я думаю, что народ вынесет ее до конца, но внутренняя политика внушает в массах ряд беспокойств. Мне указывают на ряд влияний на ход управления, которые действительно затрудняют всем отправлять дела по совести. Тогда государь сейчас же перешел к другому вопросу, относительно того, что я имею в виду делать в будущем. Я говорю: «Я собираюсь поехать в Волынь, потому что там в моем распоряжении многомиллионное хозяйство, в силу того, что отобрано много немецких земель, и там произведены посевы, и думаю, что будут произведены хорошо. Но, с другой стороны, ваше величество, имеется в виду мой скорый ответ в Государственном Совете на запрос аграриев»; я указал, при каких условиях этот запрос состоялся, и выразил сожаление, что существует какая-то разъединенность между Государственной Думой и Государственным Советом. Я в Думе с удовольствием бываю и могу сказать, что рад всегда иметь с ней сношения, потому что это дело настолько огромное, и ответственность так велика, что несомненно делаешь ошибки, так что необходимо, чтобы кто-нибудь говорил о них, и я с удовольствием буду исправлять, но только общими силами мы можем чего-нибудь добиться в это исторически-тяжелое время. Между тем, Государственный Совет не прислушивается к тому, что делается в Думе, и таким образом, приходится на несколько фронтов работать, что очень тяжело...

Тогда государь говорит: «Я это очень хорошо понимаю и думаю эту тяжесть скоро разрешить в смысле прекращения заседаний законодательных палат». — Я говорю: «Ваше величество, когда же это будет?» — «Я думаю, 21 или 22 июня Государственный Совет будет закрыт» (Государственная Дума в это время чуть ли не была закрыта). Я говорю: «Вы видите, что мне особенно надо спешить, и я особенно настаиваю обратить внимание на это обстоятельство». — Государь со мной согласился, что нужно ехать не на Волынь, а в Петроград, чтобы выступить в Государственном Совете по всем вопросам, которые мне группа предъявила, ибо только при самом близком соприкосновении к палатам, можно найти modus vivendi. После этого государь сказал: «Я согласен, и чем скорее, тем лучше, в этом деле, промедление — смерти подобно». — Я говорю: «Ваше величество, вы изволили святые слова сказать, я так поступлю и поеду в Петроград». — Я приехал в Петроград 16-го, без меня было заседание Совета Министров, где мой заместитель, — товарищ министра — высказался так, как я ему указал на случай, если без меня будет заседание по поводу того, чтобы внести на повестку вопрос 30 членов Государственного Совета о положении продовольствия в связи с транспортом. Я приезжаю и слышу, что Совет Министров распорядился поставить на повестку этот вопрос. Мне об этом было сказано 17-го, значит в моем распоряжении оставалось три дня: 18, 19, 20. Я мобилизовал все силы, которые у меня были под руками, беспокоил их довольно основательно, чтобы подготовиться. Все это я к тому говорю, что когда я 21-го пришел в Мариинский дворец, чтобы подготовленным выступить по этому вопросу, меня по дороге встречает Шаховской и говорит: «Вы хотите выступать?» — Я говорю: «Да, князь, как же не выступать, когда это касается самого жизненного вопроса страны. Я считаю необходимым это сделать, тем более, что, как говорят, Государственный Совет кончает свои занятия».— «Вы, — говорит, — не зайдете ли, вас просит председатель Совета Министров, в отдельную комнату».—Я согласился. Прихожу я туда, там сидят Штюрмер, Трепов, потом вошел А. А. Хвостов. Штюрмер поздоровался еле-еле со мной, это я подчеркиваю, потому что прежде он à bras ouverts всегда встречал, а теперь еле-еле, и потом бросил фразу: «У вас там какой-то вопрос предстоит сегодня в Государственном Совете?» — Я говорю: «Не какой-то вопрос, а очень серьезный, существенный вопрос, вопрос о продовольствии, вопрос о твердых ценах, за который приходится копья ломать в Государственном Совете. Я считаю, что непременно нужно выступить, во что бы то ни стало».—«А другие министры,— говорит Штюрмер, — считают, что теперь неуместным является какое бы то ни было выступление, потому что так налаживаются отношения законодательных палат с правительством, что хотелось бы их не портить». — Я говорю: «Я с вами совершенно несо-

гласен, каким образом эти отношения могут налаживаться путем замалчивания?».—«Да,—отвечал он,—но вы видите, какие с Государственной Думой хорошие отношения налаживаются, я иначе не могу назвать эти отношения с Государственной Думой, как симфонией». — Это его буквальное выражение. — «Я все-таки музыкант, ваше высокопревосходительство, но позвольте мне не согласиться, чтобы это было симфонией; я во всяком случае не хочу участвовать в этой симфонии, как вы изволите называть, а если вы позволите сказать откровенно, я вам заявляю совершенно категорически, что поведение правительства, если оно сегодня, сейчас же, потому что это было на повестке помещено, не выступит, — может быть сочтено за оскорбление законодательных палат, или правительство само распишется в собственном бессилии, т.-е. в замалчивании, потому что ничего не может ответить. Между тем, положение этого вопроса в Государственной Думе стоит более или менее твердо, именно, тот план, который мною намечен, нащупан, который проводится мною в жизнь, подсказан мне большинством Государственной Думы, и мне хочется, чтобы Государственный Совет пошел по этому пути, тогда мы чего-нибудь добьемся». — «Я с вами, — говорит, — совершенно не согласен и думаю, что А. Ф. Трепов и Шаховской будут со мной согласны».—А. Ф. Трепов заявил: «Я согласен, что нам нужно выступить, хотя бы вам (обращаясь к Штюрмеру), или вам, Александр Николаевич, и заявить, что осенью мы это дело изложим там, как следует». — «Да, да, то-то и есть, — обращается ко мне Штюрмер, — может быть, у вас еще не подготовлено».—Я говорю: «Относительно подготовки я одно могу сказать, что я — человек самолюбивый, я — общественный деятель, который выступает только тогда, когда чувствует под собою почву. Если вам угодно, я, конечно, подчинюсь вашему общему решению и не буду выступать, но во всяком случае — в смысле подготовки — я все, что мог, сделал». — «Но уверены ли вы, что, выступив сегодня в Государственном Совете, вы заручитесь симпатиями большинства?». — Я говорю: «Уверенность в том, что я подготовлен и что за мной правда, у меня есть, но я никогда не был самоуверенным, позвольте от этого вопроса отойти и не отвечать». — «Вот видите, если же у вас нет такой уверенности, что все будет благополучно, следовательно, раз законодательные палаты прекратят свою работу, у нас останется осадок между правительством и законодательными палатами».—«Предоставляю вам судить, но заявляю категорически, что я понимаю свою работу и свое положение только так, что я должен во что бы то ни стало, именно перед закрытием работ, выступить для того, чтобы выяснить все то, что является недоумением для г.г. членов Государственного Совета, подписавших этот запрос. Ибо, если мы все это отложим до осенней сессии, то осенью будут совершенно иные требования, совершенно иная обстановка, и выступление

осенью по этому вопросу будет анахронизмом, который никакого значения ни для кого иметь не будет. Для меня является самой существенной частью выяснить сегодня перед закрытием сессии именно вопрос о продовольствии, я на этом категорически настаиваю». — Он заявил: «Ну, как хотите, выступайте один — как знаете». — «Раз это так ставится, то я отказываюсь выступать, — отвечал я, — но вместе с тем, отказываюсь и от совместной работы с вами». — Он говорит: «Послушайте, что вы говорите, по пустяшному вопросу вы создаете серьезный конфликт». — Я говорю: «Я сказал уже, а теперь прошу вас только доложить государю, что при создавшейся обстановке я слагаю с себя всю ответственность, а раз я слагаю всю ответственность с себя, я вынужден препроводить вам портфель министра земледелия, с покорнейшей просьбой пред государем вручить его кому следует». — Взял портфель и положил на стол. После этого, Штюрмер пошел посоветоваться с Голубевым и попросил его снять вопрос с повестки. Решение председателя Государственного Совета снять этот вопрос с повестки вызвало страшные трения, сгрести разгорелись в Государственном Совете; они все пошли на частное совещание, заставили председателя Государственного Совета поставить снова этот вопрос на повестку и отказаться от своего решения. Я должен был уйти из этой комнаты, пошел в кулуары. Меня окружили, уже разнеслась весть, что у меня вышел конфликт с Советом Министров по этому поводу, и, видимо, общее сочувствие было на моей стороне. После сего я вышел из Мариинского дворца; это было 21 июня.

Иванов. — Вы считали, что бывший император вам поручил. . .

Наумов. — Не скрою от вас, что я старался избегать вмешивать государево имя куда бы то ни было. Это стремление не вмешивать имени государя заставило меня дать одну подпись: об этом я скажу несколько слов. Эту подпись я дал с большой оговоркой, которая, видимо, имела решающее значение в вопросе о выдаче этих знаменитых 5 миллионов, которые, в конце концов, не даны были Штюрмеру, чего он не мог мне простить. Повторяю, я никогда государя не вмешивал, потому что государь был человеком слабой воли, подпадавший под влияние того, кто говорил. Я никогда от государя не слыхал, чтобы он говорил что-нибудь *против*. Когда начнешь ему говорить, что непременно нужно в таком направлении действовать, он, бывало, даже кулаком по столу ударит и говорит— непременно так нужно сделать. . . но потом все это проходило. Так что его имя я избегал упоминать и в данном случае я ничего о нем не говорил. 22 июня я по телефону говорю Штюрмеру: «Покорнейше прошу меня принять», — он говорит: «Пожалуйста, приезжайте». — Я прихожу к нему и говорю: «Я еще раз повторяю мое решение относительно ухода из министерства, покорнейше прошу доложить государю». — Штюрмер всячески

меня упрашивал остаться, я был непреклонен и с этим ушел. 27 июня мы — несколько министров — выехали на заседание в Ставку. Заседание было назначено на 28 июня под председательством самого государя по поводу «какого-то» чрезвычайного обстоятельства. Все это для меня, который лично виделся с Штюрмером только по официальному поводу на заседании, было ново: все эти экстренные вопросы внезапно возникали и были для некоторых министров, в частности для меня, обычно полной неожиданностью. Мы совершенно не знали, не были в курсе дела, как высшая политика фабрикуется. Так что, несомненно, часть министров всегда была не в курсе того, что творится, другая часть была близка к первоисточнику заседания высшей политики. Для нас такие вызовы были внезапными; когда мы спрашивали, что предполагается обсуждать, то очень часто, видимо, от нас скрывали это под тем или иным предлогом; во всяком случае, мы многого не знали, что там делается. В результате, нам было сказано: «27-го вагоны будут готовы, и вы поедете в Ставку», — по какому поводу, — мы не знали. За сутки в Ставку поехал Штюрмер. 28 июня, когда мы приехали, утром все пошли в вагон председателя Совета Министров. Я пошел тоже, чтобы узнать, — доложил ли он государю о моей отставке. На мой вопрос он ответил: «Нет, нет, ничего не докладывал, и об этом не может быть теперь речи потому, что не время беспокоить теперь государя». — Я очень удивился. «Тогда мне придется самому докладывать, — заметил я, — будьте добры доложить государю, что я прошу аудиенцию».—«Хорошо,—говорит,—я постараюсь это сделать».— Я иду к себе в вагон; в это время проходит Алексеев, который отдавал визиты. Он со мной встречается и входит ко мне в купе. Он говорит: «Что это, Александр Николаевич, вы хотите уходить, почему? Только что у нас налаживается дело, мы привыкли друг к другу, я вас знаю, все у нас намечено. Почему?» — Я, говорю — причина такая-то. Я говорю: «Скажите, пожалуйста, почему вы знаете, что я ухожу, от кого вы это слышали». — Как же не слыхать, когда о вас вчера специальный был доклад, который продолжался полтора часа, при этом была артиллерийская подготовка из Царского Села». — Можете судить, что из себя представлял Штюрмер, который час тому назад говорил: «Я ничего не доложил о вас», — а оказывается, он говорил неправду. Алексеев говорит: «Ради бога, надо это как-нибудь устроить, наладить, разве теперь время? Еще новый министр, еще новый человек, опять надо привыкать, время теперь тревожное!» — Я пошел на заседание. Фредерикс подходит ко мне и говорит: «Штюрмер просил, чтобы я вам устроил аудиенцию, но государь, видимо, не хочет аудиенции, он сказал: «Штюрмер все сказал про Наумова, что же ему еще нужно?» — Я говорю: «Хорошо, что же делать, если не угодно». — Штюрмер стоял

около окна в ожидании выхода государя. Я к нему подхожу: «Ваше высокопревосходительство, скажите, пожалуйста, когда простой обыватель говорит неправду, его называют известным именем, но когда человек, облеченный такими огромными полномочиями, занимающий такой высокий пост, говорит неправду, — как его назвать?» — Создалась обстановка довольно тяжелая, он отвернулся, покраснел. Другой пошел бы на иной путь, но он про меня стал распространять слух, что я душевно расстроен. Конечно, это дело его, теперь вся страна его знает, но я тогда считал нужным сказать ему, что он за человек. Входит государь, начинается заседание.

Иванов. — Вы участвовали в этом заседании?

Наумов. — Участвовал. Государь начал с указания, что теперь требуется особое напряжение сил в виду затянувшейся войны и в виду того, что в некоторых местах есть дефекты по транспорту, по производству топлива, и, главным образом, нужно теперь единство действий. Между тем, Совет Министров, высшее учреждение в стране, не показывает нам примера этого единства. Замечаются такие трения, такие разногласия, «которые я не приветствовал бы и просил избегать». Очевидно, это было в мой огород. Дальнейшее заседание ничего существенного не представляло. Вопрос относительно верховного управления по государственной обороне прошел в том смысле, что не нужно новых наслоений делать, а пускай председатель Совета Министров и будет возглавлен. Это предложил А. Ф. Трепов, который и подсказал: «У нас есть председатель Совета Министров, пускай он возьмет в свои руки все управление, пускай объединяет».

Председатель. — Это вопрос о диктатуре?

Наумов. — Нет, не о диктатуре, но сущность его есть, несомненно, диктатура. Я ушел из министров, потом возникли разные «наслоения», которые характерным образом оттенили намерения государя и тех лиц, которые его окружали в момент устройства такой диктатуры. Но все это в какие-то футляры вдвигали, и потому все намечаемые меры делались безжизненными. Вопрос относительно борьбы с дороговизной, возбужденный на заседании особого продовольственного совещания, мы поставили на-ряду с принципом распространения твердых цен на все хлебные сделки, на-ряду с этим установили известную градацию предельных цен и на другие продукты — на кожу, на металл и проч. — Когда я внес в Совет Министров эту записку, я встретил неблагоприятное отношение, но потом эта же записка получила разрешение после моего ухода в смысле назначения особой комиссии Оболенского, харьковского губернатора, которая совершенно оказалась безжизненной. Нужно было, чтобы лицо, которое стояло во главе, относилось с известной чуткостью к требованиям жизни и направляло это в известное русло. К сожалению, Штюрмер совершенно не соот-

ветствовал своему назначению, не потому, что у нас происходили известные принципиальные несогласия, а по своим свойствам. Князь Волконский его обрисовал так: «Это человек, который способен с утра, чуть ли не с 6 — 7 часов утра и до 12 часов ночи только все впитывать, но он ничего не дает». — Действительно, он с утра до вечера всех выслушивал, но сам ничего не давал, так, что было чувство полного бессилия чего-нибудь от него добиться. После этого заседания все встали, разошлись. Я подошел вместе с другими министрами к государю и чувствовал, что отставка, несомненно, последует. Не скрою от вас, я очень обрадовался, что так быстро это уладилось, но все-таки я хотел сказать государю то, что мне совесть подсказывала, ибо боялся, что Штюрмер сделал государю слишком односторонний доклад. Я сказал: «Ваше императорское величество, благоволите дать мне сегодня аудиенцию». — Он говорит: «Когда же?» — «Когда вашему императорскому величеству угодно будет. Если бы угодно было сегодня, чтобы попасть на поезд». — «Тогда до Хвостова приходите». — Он меня принял, выслушал.

Председатель. — Что вы ему сказали? Ознакомьте нас вкратце.

Наумов. — Я сказал государю, что вся обстановка моей работы имеет значение для самого дела очень существенное, ибо продовольствие само по себе теряет всякое значение, если не связано с транспортом, с топливом и с другими сопутствующими благоприятными обстоятельствами. Напомнил ему все мои доклады, всю программу, напомнил ему, что прошлый раз говорил о том, что необходимо было в Государственном Совете выступить по этому поводу ясно и определенно. Государь все это вспомнил. Между прочим, я указал, что встретил со стороны Штюрмера. В результате я просил государя о следующем: «Ваше императорское величество, одно из двух: или разрешите мне просить вас эту обстановку изменить, устройте мне так, чтобы я мог работать продуктивно, производительно, так, как я до сих пор работал»... Государь меня прервал, хвалил меня. — «Или разрешите мне от этого дела отойти для того, чтобы передать его другому лицу». — Государь задумался, долго не отвечал. Очевидно, у него была какая-то борьба. Он сказал: «Пока я этой обстановки менять не буду, я не переменю. С другой стороны, я желал бы, чтобы вы все-таки помогали. Я привык к вашим советам, привык к вашему сотрудничеству, и я надеюсь, что вы на посту члена Государственного Совета, — я вас назначаю членом Государственного Совета, — окажете нам ваше содействие». — Я говорю: «Ваше императорское величество, я — член Государственного Совета по выборам». — «Да, но вас я назначаю членом Государственного Совета». — «Очень вам благодарен, ваше императорское величество». — Мне это представлялось совершенно неожиданным, потом

я слышал, что Штюрмер распространял всем, что я сам об этом просил.

Председатель. — Место в Государственном Совете вам было обеспечено?

Наумов. — Да. Что я перечувствовал в этот момент, — представить трудно. Во мне боролось чувство корректности и уважения к монарху, а с другой стороны, — чувство неимоверной досады, не из-за того, что я ухожу, а из-за того, что из членов Государственного Совета по выборам меня сделали членом Государственного Совета по назначению. Нужно сказать, что, когда я первый раз докладывал государю лично, прося меня освободить, государь все-таки остался при своем решении и сказал: «Пожалуйста, подайте при следующем докладе прошение об уходе вашем из Верховной комиссии». — Он теперь членом Государственного Совета по назначению меня сделал — и последнее звено, связующее меня с земством и местным обществом, оборвалось (при назначении меня министром, я был лишен должности самарского губернского предводителя).

Председатель. — А во время вашего разговора с государем не было ни одного слова сказано о вашем членстве в Верховной комиссии?

Наумов. — Нет. Когда я был назначен министром, я был удален из Верховной комиссии. Государь тогда мне сказал: «Не забудьте подать заявление об уходе из Верховной комиссии». — По окончании прощальной аудиенции я встал, поклонился государю, хотел уходить совсем, потом предчувствие какое-то явилось, что я больше не увижу его, и мне хотелось дать ему несколько искренних советов: «Ваше императорское величество, разрешите мне высказать то, что я считаю своим долгом сказать перед уходом из министерства». — Он говорит: «Пожалуйста». — Я высказал ему свое мнение, что чем искреннее относиться ко всему тому, что составляет народное представительство, к общественности, тем сильнее будет само дело, тем сильнее будет родина, и его положение. И обратно, — искренность есть такое чувство, которое ничем не заменишь, и вместе с тем, это очень ясное чувство. Если эта искренность будет только показная, то это будет еще хуже, чем окончательный обман. — Вот мои слова, то, что у меня накипело, то, что я сказал. Я поклонился и отошел. Слышу в зале шаги сзади, смотрю — идет государь. Я остановился, поклонился. Тогда государь подошел, взял за руку, приподнялся, он немного ниже меня ростом, и поцеловал. Был в слезах, такое чувство было у меня самого, что у меня спазмы сделались в горле. Я вышел, столкнулся с Хвостовым. Сел в автомобиль и поехал на поезд. Там встретил Волжина, Шаховского и Игнатьева. Я им передал. Помню, Игнатьев и Волжин еще сказали: — «Какой вы счастливый, что вам удалось уйти». — Ехал с нами и Штюрмер.

На другой день Штюрмер просит меня к себе. Прихожу к нему. — «Ну, как, что?» — Я говорю: «Очень вам благодарен, ваше высокопревосходительство, за ваше содействие, теперь я свободен». — «Да, видите, как все это хорошо». — Опять чуть ли не целоваться. — «Ведь вы — член Государственного Совета по назначению, это ведь равносильно, по положению, послу». — Я говорю: «А вы откуда знаете, что я — член Государственного Совета по назначению?» — «Ведь вам государь говорил». — Я говорю: «Да, говорил, а вы откуда знаете?» — Но что было потом, вы себе представить не можете: тут идут такие мелочные характерные черты этого господина. Я уехал из Петрограда. Я спросил государя так: «Ваше императорское величество, когда прикажете сдать должность?» — Он говорит: «Ведь вы очень торопитесь?» — Я говорю: «Да». — У меня была свадьба, моя дочь выходила замуж за Поливанова. Свадьба была назначена 5 июля, это же было 28 июня. А об этой свадьбе и об отпуске я государю 15 июня докладывал, просил разрешения на 3 недели отдохнуть, потому что, откровенно говоря, 15 июня на фронте вырисовывалось хорошее положение, надолго фронт был обеспечен. Я мог на три недели отдохнуть. Государь это знал, он напомнил: «У вас свадьба». — Я говорю: «Точно так, свадьба». — Он говорит: «Отлично, вы поезжайте, а потом вернетесь и сдайте». — Я говорю: «Слушаюсь», — так я и сделал. Когда я приехал к себе, смотрю — нет назначения. Я там задержался немного. Когда я приехал в Петроград в 20-х числах, то услыхал, что Штюрмер распространяет всем про меня, будто бы я просил государя отложить отставку до 20-го числа, чтобы я мог получить жалованье. Может быть, кто-нибудь из вас читал в газете, что я жалованье министерское пожертвовал министерской церкви. Это было вызвано тем, что по словам председателя Государственного Совета, государь, будто бы, говорил, что я ради жалованья...

Председатель. — Кто говорил?

Наумов. — Куломзин говорил, что государь намекал на это... Затем слышал я распространяемые про меня слухи Штюрмером, что будто бы я очень стремился к диктатуре, что я душевно переутомлен... и пр. Но, слава богу, все это кончилось, да и мое впечатление было такое, что это так долго продолжаться не могло. Несомненно, должно было что-нибудь случиться такое, что бы смело все это. Теперь относительно 5 миллионов; это было вскоре после назначения Штюрмера председателем Совета Министров, кажется, через 2 недели. Заседание Совета Министров кончилось, все были утомлены, было около 7 часов вечера. Я хотел уже уходить, торопился домой, смотрю, какой-то лист идет по рукам министров. Я хотел итти, но меня задержали. — «Погодите, тут журнал есть». — Это было первое заседание, в котором, между прочим, участвовал Н. Н. Покровский. Военным министром тогда

был Поливанов. Я помню, как бедному А. А. Поливанову, видимо, тяжело было подписывать этот журнал. Я смотрю — журнал уже составлен: в безотчетное распоряжение выдать 5 миллионов председателю Совета Министров.

Председатель. — Дополнительный журнал предыдущего заседания?

Наумов. — Просто неизвестно откуда свалившийся. На повестке ничего не было.

Председатель. — А разве по каждому вопросу ведется отдельный журнал?

Наумов. — По каждому вопросу отдельный журнал, но есть вопросы сверх повестки, которые обсуждались помимо журналов, в виде отдельных сведений, и редактировались отдельно Лодыженским, без канцелярии.

Председатель. — Вы не помните даты?

Наумов. — Я очень сожалею, что у меня нет с собой записной книжки, где у меня все отмечено. Меня врасплох застал вызов сюда.

Родичев. — Вы твердо помните, что это было в распоряжение председателя Совета Министров, а не министра внутренних дел?

Наумов. — Что Хвостов принимал участие, я слышал. Вижу, какой-то листок идет от председателя Совета Министров. Я обратился к Покровскому и спрашиваю: «Что же, это помимо вас?» — «Да». — Я смотрю, — все подписывают, и говорю: «Мне нездоровится, я ухожу». Мне намекают, что «неудобно» уходить. Я говорю: «Ваше высокопревосходительство, разрешите спросить, что эти 5 миллионов, они из 10-миллионного фонда ассигнуются, или как?» — Тогда он говорит о чем-то с Хвостовым и отвечает мне: «Нет, это не из 10-миллионного фонда». — После этого я спрашиваю: «Как же вы хотите дать 5 миллионов помимо ассигнования законодательных палат?» — Тогда он опять с Хвостовым что-то говорит, затем подходит ко мне Хвостов и говорит: «Это нужно подписать, непременно нужно». — «Позвольте, на какие нужды, кому они нужны, скажите мне, и я, может быть, подпишу, как же мне подписывать, когда я не знаю?» — Он отвечает: «Потом все это можно выяснить, но сейчас это нужно». — Я высказал ряд резких выражений и заявил, что я подписывать не согласен. Тогда Хвостов наклоняется к Штюрмеру и что-то говорит, а Штюрмер заявляет торжественно, что это ассигновано по высочайшему повелению, что этот журнал доложен его императорскому величеству, и государю благоугодно было приказать этот журнал составить и подписать всем министрам. Положение было такое, что я на минуту стал втупик и говорю: «Если вы так ставите вопрос, что, согласно высочайшему приказу, я, — как верноподданный государя, — даю подпись, но оговариваю право доложить государю императору, при

каких условиях я эту подпись даю». — И подписал. После этого Покровский идет ко мне в министерство, которое недалеко от Мариинского дворца. Полтора часа мы беседовали на эту тему и мучались, сознавая, в какую компанию мы попали! Я говорю: «Николай Николаевич, давайте писать по этому поводу отдельное мнение, так этот вопрос оставить нельзя». — Мы решили взяться за это дело. Через некоторое время Штюрмер заявил, что эти 5 миллионов, согласно высочайшего приказа, подлежат контролю, а потом через некоторое время эти 5 миллионов совсем отпали.

Иванов. — Вы не слышали, для какой именно цели это было?

Наумов. — Смею вас уверить, что я ничего не знаю. Меня возмущало такое легкое отношение к деньгам, потом отношение к министрам, — что же это такое, что же они хотели из нас сделать, пешек? 2 — 3 человека что-то выдумывают, и потом извольте подписывать.

Председатель. — Кто же были эти двое? А. Н. Хвостов, Штюрмер?

Наумов. — Да, я думаю, что они. Потом мне говорили, что это делалось якобы для «Нового Времени», — это раз и, во-вторых, как будто для подготовления выборов, я это слышал.

Председатель. — Вы присутствовали с самого начала в этом заседании Совета Министров?

Наумов. — Да, с самого начала.

Председатель. — Вы можете удостоверить, что о мотивах, о целях не было ни единого слова?

Наумов. — Ничего подобного. У Штюрмера была манера делать все как-то под шумок.

Председатель. — Может быть, об этом шла речь в предыдущем заседании?

Наумов. — Нет.

Смиттен. — На самые цели назначения 5 миллионов в журнале не было указано?

Наумов. — Ничего.

Председатель. — Александр Николаевич, вы кончили ваш связный рассказ?

Наумов. — Я рассказывал эпизодически, а общий ответ на вопрос, заданный вашими коллегами, тот, что я с этим темным застенком совершенно незнаком и никого там не знал, бог меня миловал! Я всегда был общественным деятелем и, когда попал в министерство, мне было особенно тяжело, что я должен был нести этот крест, и одно оправдание, что я работал для родины и армии, как мог, и не жалел здоровья. Самые условия, при которых я вышел в отставку, таковы, что, во-первых, мое нежелание быть министром безусловно у меня было уже при назначении, а затем создалась

невозможность работать так, как бы мне хотелось. Я давал максимум работы, а получался минимум результатов. Я чувствовал, что делался бессильным. Было принципиальное расхождение главным образом с председателем Совета Министров. Горемыкин был человеком безличным, а этот, очевидно, вел известную политику.

Завадский. — В начале вашего рассказа вы упомянули, что вам тем более было неприятно быть министром, что вы знали условия отставки Самарина и князя Щербатова. Так как ваши дружеские отношения с ними, разумеется, делают вас человеком особо осведомленным, то Комиссии было бы интересно узнать, какие были условия отставки того и другого?

Наумов. — Самарин боролся главным образом с Варнавой и со всей распутинщиной.

Завадский. — Вы нам все-таки что-нибудь расскажете?

Наумов. — Я не беру на себя смелость говорить подробно, лучше, если бы они сами это сообщили, но в общих чертах Самарин был, видимо, мучеником при всех докладах, когда он выступал по поводу защиты церкви от тех, которые, по его мнению, совершенно непригодны в смысле несения пастырских обязанностей. Это была главным образом ставка на Варнаву. Самарин не предполагал уходить; в тот день, когда он был у государя с обычным докладом и никакого разговора по поводу его ухода не возбуждалось, в этот же день государь передал письмо Горемыкину, чтобы он передал его Самарину об его увольнении. — Отставка князя Щербатова состоялась в связи с тем, что он был одним из тех министров, которые высказывались против того, чтобы государь принял командование вместо Николая Николаевича. Потом он стоял за общественный элемент. Помните, когда был всероссийский земский съезд и государь обратился с милостивым обращением. Потом депутация ожидалась. Всероссийское заседание земского союза было в 1915 г., в начале сентября. Щербатов стоял за то, чтобы государь принял депутацию и отнесся с доверием. На этой почве и возник вопрос о его отставке. Следовательно, Самарин ушел главным образом из-за борьбы с распутинскими силами, а князь Щербатов — на почве отстаивания принципов искреннего, самого доверчивого отношения государя к общественным силам и к общественным организациям. Несомненно, около государя были лица, которые всегда следили за каждым из нас и как только убеждались, что государь находится под влиянием, скажем — вашим, и что влияние это идет вразрез этой клике куртизанов, сейчас шли к государю и старались всяческим образом парализовать ваше влияние.

Председатель. — Значит, они играли государственную роль?

Наумов. — Я думаю, несомненно.

Завадский. — Кто же это был?

Наумов. — Ближайшим лицом был Воейков, потом, я не скрою, тут и императрица Александра Федоровна играла огромную роль.

Председатель. — А кроме императрицы?

Наумов. — Это было решающее влияние.

Завадский. — Ее влияние было, быть может, не ее, — кто-то ее вдохновлял?

Наумов. — Несомненно, тут целый ряд лиц был, которых, я думаю, теперь все знают. Думаю, что большую роль играл около государя Воейков, он большое влияние имел.

Председатель. — В связи с Распутиным?

Наумов. — Думаю, что да. Мне отец протоиерей Шабельский часто говорил о Распутине. Он говорил, что Воейков несомненно играл роль человека, который старался устранить то, что создавали лица, которые были против этого влияния, а, следовательно, этим самым содействовал влиянию Распутина.

Завадский. — А Андроников?

Наумов. — Его я совершенно не видал и не знаю.

Завадский. — Он ни с чем к вам не обращался, никаких икон не подносил?

Наумов. — Нет. Андрониковское дело было мне доложено по поводу его концессии в Хиве. Я просмотрел это дело и поручил князю Масальскому направить его к более подробному обследованию, чтобы я мог иметь всесторонний материал. Я слышал об Андроникове, как о человеке, который не заслуживает доверия. По поводу этого дела я никакой резолюции не давал в течение 8 месяцев, так что дело это мною еще не было направлено.

Завадский. — Это дело, насколько мне известно, довольно любопытно в том смысле, что оно было денежным для Андроникова делом?

Наумов. — По этому поводу князь Масальский может вам дать подробные сведения. Со стороны Андроникова ко мне не было никаких писем, ничего не было.

Председатель. — Я хотел спросить вас, Александр Николаевич, чувствовалось вам за Штюрмером фигура Манасевича-Мануйлова или вы ее не чувствовали?

Наумов. — Манасевича-Мануйлова я совершенно не знаю. Я видел его раз, когда 18 ноября 1905 г. был у графа Витте, у которого меня и принял этот чиновник — Манасевич-Мануйлов. После этого я с ним никогда не встречался.

Председатель. — А при обсуждении более общих вопросов со Штюрмером, чувствовалась за Штюрмером вся эта шайка?

Наумов. — Безусловно да. Надо вам сказать, я считаю, что он тоже несомненно принимал участие во всех этих застенках. Об этом определенно все говорили и, в частности, некий г. Белецкий. Когда я был губернским предводителем дворянства, был у нас в Самаре Белецкий, он там пробыл все свое вице-губернаторство. Я к нему

относился всегда с большим недоверием, уж очень он был услужлив, умел везде втереться. У него не было слова — «нет», он все готов был сделать. Он в Самаре в течение чуть не полугода завоевал общую симпатию, и такие скачки он производил удивительные, которые всех поражали, и меня в частности. Например, был губернатор Якушин, ныне покойный, который уехал в отпуск и оставил губернию на руках Белецкого. Приехал, кажется, через два месяца и остался недоволен действиями Белецкого. Он решил от него всю полицию взять в свое распоряжение, а через 4 месяца Якушин уже провожал Белецкого в качестве вице-директора департамента полиции. — Белецкий, когда был разрыв с Якуниным, обращался ко мне, так как у меня есть знакомства и связи с промышленными сферами, нельзя ли дать ему частное место, а через 3 — 4 месяца его уже провожают сановником. Этот Белецкий попал сюда в Петроград и, несомненно, был в курсе дела. Виделся я с ним редко (за два года раза 2 — 3), но я убедился, что он имеет огромные знакомства по департаменту полиции. Первый раз я сам вызвал его из департамента полиции, когда я был в Верховной комиссии, по поводу царицынского дела. Мне здесь неудобно говорить об этом, если бы взяли стенографические отчеты, вы ознакомились бы с этим колоссальным делом. Оно от меня отошло, когда я ушел из Верховной комиссии. И вот по поводу этого дела я и вызывал Белецкого. Я с ним частно беседовал 2 раза, но он сказал, что многое запамятовал. В первый раз, когда я с ним виделся, мы говорили по поводу выемки после смерти жены одного сановника. Он говорил, что эти выемки были, что были чиновники при этом, но когда мне понадобились для дела более официальные сведения, он сказал, что не помнит точно, и чиновника нужного найти нельзя. В это свидание я убедился, что он в курсе дела и в отношении темных сил.

Председатель.—В курсе дела там? По департаменту полиции?

Наумов. — Да, я думаю по департаменту полиции. Он человек очень ловкий и несомненно был в курсе дела. Это единственный человек, которого я знал из тех осведомленных и влиятельных лиц, если причислить Белецкого к этой категории: возможно ведь, что он пользовался всеми благами жизни по положению директора департамента полиции — как тогда называли «черного кабинета», где он царствовал. Затем я встречался с ним во всех заседаниях, когда он докладывал по делам сыскным. Такие заседания бывали в Совете Министров; например, по забастовкам среди рабочих он выступал, говорил. Я думаю, что он мог бы дать очень ценный материал.

Завадский.—Вы в самом начале своего показания упомянули о том, что приписываете ваше назначение на пост министра тому, что вас хотели почетно отставить из Верховной комиссии.

Наумов. — Я этого категорично не говорю.

Завадский. — Вы только предполагаете?

Наумов. — Мне говорил член Государственного Совета Карпов и некоторые другие лица, но сам я не знаю. Куломзин категорически поддерживал мнение о назначении меня лично государем, Хвостов себе приписывал, что государю подсказал мое имя, и говорил, что государь наверно отнесется ко мне хорошо. Куломзин может вероятно подтвердить, что ему государь говорил про меня.

Завадский. — Я понял так, что вас слова Карпова заинтересовали потому, что раньше вам было предупреждение не настаивать. Вы сказали, что Петров говорил?

Наумов. — Да, не то что категорически, но было предупреждение.

Завадский. — На кого он ссылался?

Наумов. — Об этом он умалчивал.

Завадский. — Григоровичу не нравилось это?

Наумов. — Григорович сталкивался со мной, когда я работал в Верховной комиссии, и говорил: «Вы меня допекаете письмами, какое вам дело до флота, когда вам поручены совсем иные дела».— Я говорю: «Я не могу разделить флот и армию потому, что оборудование царицынского завода не преследует лишь одну артиллерию морского типа, но несомненно там были заказы и для полевой артиллерии».

Завадский. — Значит, Григорович сам говорил и, значит, все это шло от Григоровича?

Наумов. — Позвольте об этом категорически не говорить.

Завадский. — Значит, вы только предполагаете?

Наумов. — Да, потому что Григорович обращался ко мне.

Завадский. — Затем, — по поводу первого периода вашего министерства, когда был председателем Совета Министров Горемыкин, вы упоминали, что считали журнал Совета Министров пристрастным. Чья была редакция и как именно ее изменяли?

Наумов. — О пристрастности я не буду говорить, но, несомненно, там были большие стилисты. Для того, чтобы провести известную мысль, требовались особые усилия.

Завадский. — Это была их общая болезнь: они живого слова не допускали.

Наумов.— Конечно, журнал составлялся очень хорошо, но надо было очень следить.

Завадский. — Значит не то, чтобы делалось это сознательно, а ради изящества канцелярского стиля?

Председатель. — Может быть, ради затемнения?

Завадский. — Им непременно нужна была какая-то канцелярская рутина.

Председатель. — Вы основываетесь на объективных актах некоторого несоответствия?

Наумов. — Иной раз, да.

Завадский. — Может быть, злой умысел был?

Наумов. — Позвольте этого так не говорить, но было известное сдерживающее начало, для того, чтобы облечь положение вещей в такую форму, которая была нужна для известных докладов.

Завадский. — Так сказать, сгладить острые углы. Затем вы упомянули, что назначение Штюрмера произвело на вас ошеломляющее впечатление. Вы сказали: «Я и раньше к нему относился с недоверием». Значит вы знали его?

Наумов. — Как политического деятеля?

Завадский. — Какое впечатление производил на вас Штюрмер до его назначения?

Наумов. — У меня каких-нибудь фактов нет. Я считал, что это был — деятель политики ради своих эгоистических целей, политик-эгоист. Казалось, что для него все остальное является только известным фоном. Так мне казалось. Я не могу сказать, чтобы у меня были какие-нибудь факты, на основании которых я мог бы сказать, что он делает что-нибудь политически преступное. Я не могу этого сказать. Просто сердце у меня к нему не лежало. А потом согласитесь, раз он не был назначен городским головой в Москве, это было на протяжении полутора лет, и затем, после отмены этого назначения, иметь его старшим своим товарищем не хотелось.

Завадский. — А относительно денежных его дел, вам ничего неизвестно?

Наумов. — Этого я не знаю.

Завадский. — Я думал, что и на этой почве у вас было недоверие?

Наумов. — Я с ним не был знаком близко. Его сын был в Самаре, ужасное он производил впечатление. Он временно служил там, отец приехал к нему. Я ему раз отдавал визит. Это было несколько лет тому назад, этим кончилось наше знакомство.

Завадский. — Вы не припомните ли, кто были те лица, хотя бы некоторые из них, кто по телефону беседовал с вами по поводу предстоящего появления Распутина?

Наумов. — Мне курьер докладывал. Курьер говорил — мне приказали передать то-то и то-то; потом, когда мне лично кто-нибудь говорил, я отвечал — перестаньте, оставьте.

Завадский. — Так что у вас осталось только общее впечатление?

Наумов. — Общее впечатление.

Завадский. — Вы в четверг принимали Штюрмера, а по поводу Распутина звонили в пятницу?

Наумов. — Все время. В Европейской гостинице, где я жил, есть центральная станция, потом соединяли со мной. Из моих дру-

зей никто об этом со мной не говорил, а это были такие лица, которые хотели меня запугать.

Завадский. — Запугать вас?

Наумов. — По моему, запугивать.

Завадский. — Я записал два ваших выражения. Вы сказали, что когда Распутин явился к вам, то вам еще его огромная власть была неизвестна; значит, впоследствии вы убедились?

Наумов. — Да, я убедился.

Завадский. — Какие примеры?

Наумов. — Все то, что случилось в этот день, все это представлялось мне актом простым, естественным, а вокруг этого создавалась такая обстановка, что я сделался каким-то героем. Я увидел тут что-то такое, с чем приходится действительно считаться. Ведь я провинциал, я приезжал сюда лишь на сессии. Слухи были очень упорными, я знал, что он мерзкий человек, но не знал, что он такой силой обладает, я считал, что он избалован обществом, потому что несомненно само общество поставило его на такой пьедестал, с которым все считались.

Завадский. — Больше Распутина вы не видали и никаких дел с ним не имели?

Наумов. — Нет.

Завадский. — Вы говорили, что вам Питирим присылал записки. Какое было содержание этих записок?

Наумов. — «Прошу принять такого-то», «прошу сделать», «прошу исполнить такую-то просьбу». Это было, кажется, раза два-три.

Смиттен. — Вы не можете сказать по поводу этих записок Питирима, — которому конечно было известно, что министры принимают всех лиц, обращающихся к ним, — они не касались предосудительных дел?

Наумов. — Нет, просто — «Прошу принять».

Смиттен. — В виде рекомендации?

Наумов. — Да, в виде рекомендации.

Завадский. — Последний вопрос. Вы сказали со слов генерала Алексеева, что была артиллерийская подготовка из Царского Села?

Наумов. — Так назывались письма государыни императрицы из Царского Села.

Завадский. — Значит, это был намек на письма от Александры Федоровны?

Наумов. — Да, от Александры Федоровны. Надо вам сказать, что за время моей службы министром у меня было два доклада у императрицы. Первый доклад был по поводу знаменитого кустарного комитета, который Кривошеиным был передан и возглавлен императрицей Александрой Федоровной. Она захотела быть во главе кустарного комитета. После Кривошеина попал сырой материал ко мне в распоряжение, и мне нужно было доложить

о состоянии кустарного комитета и, кроме того, представиться императрице. Это был первый прием, он был очень короткий, других дел никаких не было, докладывал в самых общих очертаниях. 25 июня я получил приглашение от императрицы для доклада по делам кустарного комитета. Императрица меня встретила несколько сухо, впрочем у нее всегда был замкнутый вид. У нее были листочки и по ним она задавала мне вопросы, производила экзамен по делу кустарного комитета, очень настойчиво проводила свои мысли. На этой почве у меня вышел, с точки зрения придворного этикета, серьезный гаф. Я разгорячился и начал совершенно определенно противоречить государыне. Из ее слов я увидел, что кустарное дело постольку может вестись, поскольку необходимо инструктирование нашими силами. Она начала с того, что без инструкторов дело не пойдет. Из ее слов я понял, что этих инструкторов надо найти извне, но что из народных масс их найти трудно. Тогда я стал говорить, что кустарное дело теперь имеет уже известную законченность и что это могу я доказать присылкой фотографий таких художественных вещей, которые представляют собой нечто совершенно законченное, и по ним можно судить, что у нас можно найти своих инструкторов. Удивительная была настойчивость у нее и заинтересованность. Она производила впечатление иное, чем государь. Государь относился обаятельно-благосклонно, если можно так выразиться, всегда соглашался, императрица же останавливала, начинала спорить, доказывала и, видимо, осталась недовольна моим докладом. Потом я вспомнил, что государь мне сказал 28-го, как-то при случае: «Императрица писала мне, что вы были у нее».—Я рассказал, что было. Тут я убедился, что несомненно письма были от императрицы, это мне было подсказано, и, видимо, они подготовили почву для того, чтобы моя отставка была принята.

Председатель. — Вопросы, которые она вам задавала, не производили впечатления тенденциозно направленных к тому, чтобы дискредитировать вашу деятельность и ваше отношение к кустарному делу? Это не был ход ваших противников?

Наумов. — Нет. Тут у нее играла огромную роль некто Шнейдер. Здесь есть школа народного искусства. Г-жа Шнейдер, по делам кустарным, была несомненно вдохновительницей.

Смиттен. — По поводу записок, по которым шла у вас беседа с государыней: вы знаете ее почерк?

Наумев. — Нет.

Смиттен. — Вы не можете сказать, — они были ею написаны, или для нее составлены?

Наумов. — Не знаю.

Иванов. — Я понял так, что у вас были частые сношения с генералом Алексеевым по поводу продовольственного вопроса и что он сочувственно относился ко всем нашим мероприятиям. Вы не можете сказать—как генерал Алексеев относился к Штюрмеру?

Наумов. — Отвратительно.

Иванов. — Он был против?

Наумов. — Против.

Иванов. — Кто поддерживал его в Ставке?

Наумов. — Я думаю — царскосельский застенок, главным образом Питирим. Он хорош был с Питиримом, с Распутиным, постоянно бывал, постоянно по телефону переговаривался. Об этом совершенно определенно говорилось.

Иванов. — А когда вы беседовали с государем и вам пришлось сказать, что вы разошлись со Штюрмером, не произвело ли это на вас впечатление, что это ему было неприятно?

Наумов. — Нет.

Председатель. — К какому времени относятся эти тайные заседания части Совета Министров, очевидно единомышленної части, направленные к выяснению вопроса о борьбе с общественными организациями?

Наумов. — Сейчас могу сказать только приблизительно: к первой половине июня.

Председатель. — Когда они начались?

Наумов. — Может быть, в конце мая.

Завадский. — Вероятно это у вас в книжке есть. (Обращаясь к председателю.) Я просил Александра Николаевича, у него, оказывается, есть маленький дневничок, там, разумеется, есть кое-что, что принадлежит лично Александру Николаевичу, но он даст нам в течение недели выписку того, что имеет общественное значение.

Председатель. — Александр Николаевич, вы придете домой и ваша мысль будет работать в связи с сегодняшней беседой, — может быть вы что-нибудь еще вспомните. У меня тут отмечено — подпись под ассигнованием пяти миллионов?

Наумов. — Я дал подпись под ассигнованием пяти миллионов, когда меня спровоцировали, сказав: «Как же вы — министр государя — и не хотите подчиниться воле государя?» Я подчинился, но оговорил себе право доложить государю, при каких условиях даю подпись.

Председатель. — Ваша отставка помешала вам сделать это заявление?

Наумов. — Нет. Надо сознаться, что очень часто играли именем государя.

Родичев. — Когда в последний раз вы были в Ставке, не заходил ли вопрос о предоставлении Штюрмеру поста министра иностранных дел?

Наумов. — Нет.

Родичев. — Когда вы уехали в отпуск?

Наумов. — Я выехал первого июля.

Родичев. — Когда вы вернулись, назначение Бобринского уже состоялось?

Наумов. — Про назначение Бобринского мне сообщил Волконский в Рязани. Это было 23 июля.

Родичев. — Скажите, пожалуйста, вы о том влиянии, следствием которого было назначение Бобринского, ничего не знали?

Наумов. — Нет.

Родичев. — Увольнение Глинки приписывают Бобринскому или другим влияниям?

Наумов. — Я думаю, Бобринскому.

Родичев. — Во главе подписавших запрос стояла чья подпись?

Наумов. — Н. Б. Щербатова, А. Б. Голицына.

Родичев. — Вы не считали запрос направленным против вас? Эта подпись удостоверяет, что это не было враждебно вам?

Наумов. — Нет. Мне создали такую обстановку: говорили— под вас подкапываются, неоднократно мне об этом говорили. Щербатов был у меня и говорил обратное. Интересно то, что некоторые подписавшие приезжали ко мне с сожалением, что они подписались. Все это такая мелочь, которой я никакого значения не придавал. Важно было дело направить, дело спасти. Я считал — хорошо, что они запрос сделали в комиссиях. Я на эти запросы отвечал, со всеми, видимо, умел столковаться. Комиссии эти велись под председательством Коковцева. Когда был разговор в маленьком кабинете 21 июня, Штюрмер говорит: «В комиссиях ведь работали, в комиссии вас выслушали, однако они все-таки хотят в общем собрании». — Это доказывает полное его недомыслие: в комиссии черновая работа, работают не в комиссиях, работает Государственный Совет в общем собрании. Следовательно, если вопрос идет о том, принять или не принять, решает это не комиссия, а общее собрание. Вопрос еще не принят, следовательно, должно общее собрание принять и решить так или иначе; это было страшное недомыслие и страшное насилие надо мной. Я и до сих пор не могу говорить об этом хладнокровно.

Председатель.—Вы считаете ваш вызов государыней 25-го случайным совпадением или о вас докладывал Штюрмер государыне?

Наумов. — Положительно не могу сказать.

Председатель. — Странное совпадение. Первая ваша аудиенция когда была?

Наумов. — Это было в самом начале моего управления министерством. Потом я составил подробный доклад. Это дело застряло в силу того, что меня не принимали. После первого доклада я много работал. Составил новую схему, новую организацию, нужно было, чтобы государыня санкционировала своею подписью состав комиссии, и в результате ждал.

Председатель.—Вы дождались только 25-го, при чем вопросы, которые были вам заданы, повидимому стояли, — если там было записано то, что она спрашивала, — в противоречии с вашей точкой зрения?

Наумов. — Как сказать, я принял близко к сердцу, так сказать, обиделся за наших инструкторов. Мне показалось, что как будто императрица относилась снисходительно к нашим силам народным. Я хотел доказать, что среди наших сил народных найдутся лица, которые могут быть инструкторами. Мне чувствовалось в тоне императрицы отношение к России — как к провинции мало культурной. Так мне показалось. Я стал доказывать как только мог, но был принят очень холодно.

Смиттен. — В бытность вашу министром произошла перемена верховного командования в армии?

Наумов. — Нет, это было при Кривошеине.

Председатель.—Александр Николаевич, позвольте вас поблагодарить и попросить, когда вы придете домой, справиться с вашей книжкой.

Наумов. — Я просмотрю ее и отмечу красным карандашом то, что представляет интерес.

IX.

ДОПРОС кн. М. М. АНДРОНИКОВА

6 апреля 1917 г.

Содержание: Знакомство Андроникова с Витте. Знакомство со Штюрмером. Андроников и Гермоген. Журнал «Голос Руси». Обстоятельства назначения Штюрмера председателем Совета Министров. Штюрмер, Манасевич-Мануйлов и Питирим. Распутин. Устранение Владимира с поста экзарха Грузии и назначение Питирима. Андроников в своем журнале объявляет Штюрмера потомком Анны Кашинской. О Палеологе. История с заговором Хвостова против Распутина. Знакомство с Сухомлиновым. Андроников впервые проникает в «покои министра юстиции». Мясоедов у Сухомлинова. Об Альтшуллере. Расхождение Андроникова с Сухомлиновым. Андроников и Распутин. Генерал Отлетаев и Николай II. Встречи с Вырубовой. Об отставке Сухомлинова. Шпионы или «недоброжелатели». Свидания с Распутиным: пресвященный Евдоким, Варнава, иеромонах Августин и Белецкий. Кто «валил» Сухомлинова? Защитник Андроникова — Воейкова. Знакомство с Хвостовым. Характеристика Вырубовой и бывшей императрицы. «Исцеление» Вырубовой Распутиным. Свидания у Вырубовой бывшей императрицы с Сухомлиновой и Протопоповым. Вырубова и Хвостов. Разочарование Андроникова в Распутине. Сближение с Хвостовым. О Манасевиче-Мануйлове. Последнее свидание Андроникова с Распутиным и разрыв. Как держал себя Распутин в Царском Селе. Распутин о Вырубовой. Варнава и Распутин. Червинская. Кусова и Мосолов. Отношение между Александрой Федоровной и Вырубовой. О Курлове, Бадмаеве, Протопопове. Комиссаров. Разрыв с Вырубовой. Андроников и Воейков. О письме Николая II к Трепову и телеграмме к Александре Федоровне насчет прекращения дела Манасевича. Макаров. Воейков и его отношение к Николаю II и бывшей императрице. О Белецком. О Джунковском. О Маклакове. Палеолог отчисляет Андроникова от Министерства Внутренних Дел. Увольнение Белецкого и назначение его в Сенат. Белецкий и Распутин. Белецкий и Хвостов. Белецкий назначается товарищем министра внутренних дел. Обеды и ужины у Хвостова и Белецкого. Протопопов. Бывшая императрица смещает Хвостова. Отношение Александры Федоровны к вел. кн. Николаю Николаевичу. Первое появление на сцену Распутина. Бывшая императрица и «черногорки». Отставка военного министра Редигера. Кандидатура полковника Рязанова. Назначение Протопопова. Бадмаев, Распутин, Манасевич, Питирим. Отношения между Распутиным и Протопоповым. Протопопов и Курлов. Протопопов и Манасевич-Мануйлов. Протопопов и Штюрмер. Высылка Андроникова. О Варбурге. О причинах смещения Сазонова. О шпионстве.

Председатель. — Вы изъявили желание дать нам показания. Мы сегодня не столько будем вас спрашивать, сколько выслушивать, и надеемся услышать всю правду, которую вы знаете. . . Так что будьте совершенно свободны в вашем рассказе. Но будьте все же добры приблизительно наметить схему вашего рассказа. Мне крепостное начальство передало вашу заметку. Тут есть такие рубрики: «Отношение к военному министру, отношение к Воейкову, к Распутину, к Вырубовой, обер-прокурору, Беляеву, Протопопову, к «звездам генералов», к Штюрмеру, Покровскому, Коковцеву; встречи и проводы министров; чиновник особых поручений при св. синоде, Горемыкин, «известный журнал» и «конкретные вопросы». Таким образом, вы предполагали изобразить в объяснении ваше отношение к целому ряду лиц.

Андроников. — Г. председатель, это та схема, по которой я писал г. министру юстиции. . .

Председатель. — Остановитесь на всем этом вкратце. Нам бы хотелось, чтобы вы в сжатой форме передали лишь факты, относительно той группы лиц, которые упомянуты в вашей записке.

Андроников. — С кого вы прикажете начать? Может быть, вы скажете, кто вас из этих господ более интересует?

Председатель. — Не изберете ли вы хронологический порядок. Возьмите несколько лет и расскажите о том, как происходили эти встречи и как развивались факты, вам известные.

Андроников. — Слушаюсь. Я начну с того, что в последнее время в газетах писали о каких-то моих влияниях на правительство. Конечно, все это было чрезвычайно преувеличено, ибо фактически влияния не было, а были добрые отношения с теми или другими высокопоставленными лицами. Еще в бытность мою в Пажеском корпусе, я, как человек более или менее светский, приобрел знакомство в свете и, затем, когда я впоследствии вышел в жизнь, из чисто светских отношений отношения эти сделались деловыми. Так я познакомился с некоторыми министрами. . . Например, я познакомился с гр. Витте совершенно случайно. . . Знакомство это было для меня чрезвычайно интересное, так как Витте был в то время очень большой человек. Это было лет 18 тому назад. . .

Председатель. — Может быть, это слишком дальнее время. Вы несколькими мазками пройдите это и затем перейдите к отношениям, которые к нам ближе.

Андроников. — Затем, мне пришлось совершенно случайно оказать ему несколько любезностей. После мне пришлось собирать материал о его деятельности. Этот материал был впоследствии помещен в периодических изданиях. Конечно, эти отношения нас сблизили. Раз я был знаком с таким большим человеком, как Витте, то, совершенно естественно, знакомиться потом с другими министрами было чрезвычайно легко. Это было начало,

откуда пошли мои отношения со власть имущими — с правительством. Знакомство с Ермоловым, Ванновским, все это естественно образовалось после этого. Должен сказать еще об одном обстоятельстве, которое мне дало возможность потом сойтись с некоторыми из теперешних министров, как с Макаровым и Штюрмером. Это произошло, когда мне пришлось, 14 лет тому назад, совершенно случайно взять на себя инициативу разоблачения гнусной истории Татьяны Золотовой, которая была на ст. Тихорецкой в вагоне изнасилована судебным следователем Т..... Я поехал туда и разбирал это дело. Это наделало очень много шуму и много неприятностей тогдашнему всесильному министру юстиции Муравьеву. Когда я приехал в Петроград, то меня вызвал сейчас же директор департамента общих дел Штюрмер. Я в то время состоял причисленным при министерстве. Он меня принял очень сурово, и заявил, по приказанию министра внутренних дел Плеве, что я позволяю себе вмешиваться совершенно не в свое дело. Тут я заявил Штюрмеру, что я нисколько не раскаиваюсь... После этого разговора, когда он увидел, что я на этом настаиваю, что меня нисколько не запугивают заявления министра внутренних дел Плеве, что я могу выйти в отставку (я тут же принес свою записку об отчислении меня от министерства), он подал руку и сказал: «Пожалуйста, садитесь. Я вижу, что в вас кипит кровь: я люблю таких людей!..» Это была наша первая встреча со Штюрмером. Затем приходилось его видеть, как директора департамента, очень редко. Впоследствии, его сделали из директора департамента прямо членом Государственного Совета, что было очень большим скачком, — он был этим всецело обязан своему другу Гессе, тогда дворцовому коменданту, с которым он дружил. Тут я его потерял из виду. Через некоторое время была какая-то история, в которой он, Штюрмер, нуждался в совете Витте; тогда он, зная мои добрые отношения с Витте, обратился ко мне и просил, не могу ли я ему посодействовать в получении свидания... Я сейчас же это сделал. И сделал это так, что Витте сам поехал к Штюрмеру. Помню, это было в январе 1904 года: 6-го января была Иордань, когда из пушки был залп в Зимний дворец, и Витте тогда взял одну из пуль, которая попала туда. Он ее поднял и привез к Штюрмеру показать. Штюрмер мне потом говорил: «Как я вам благодарен: Витте был у меня и даже показал мне пулю!..» Это осталось у меня в памяти. Потом я Штюрмера не видел несколько лет, и уже лет пять тому назад, когда Коковцев был председателем Совета Министров, произошла история с увольнением преосвященного Гермогена. Бывший государь требовал его немедленного отъезда из Петрограда, и это наделало много шуму. Это было, вероятно, в 1912 году—лет пять тому назад. Штюрмер чрезвычайно интересовался участью преосвященного Гермогена и так много говорил об этом, что я этим вопросом тоже заинтересовался. Совершенно

его не зная, но слыша много о добродетели этого архиепископа от А. А. Макарова, который в то время был, если не ошибаюсь, государственным секретарем или товарищем министра внутренних дел, — я решил поехать к Гермогену и расспросить его, что он сделал, в чем провинился... Никакого ответа я не получил. Этот вопрос чрезвычайно интересовал Штюрмера, и Штюрмер (не знаю, откуда он узнал, что я был у Гермогена) хотел меня повидать и предложил, не поеду ли я к нему пообедать. Я к нему поехал, и мы были втроем — Штюрмер, его жена и я. Мы очень подробно обсуждали этот инцидент, при чем Штюрмер стоял за архиепископа. Тут много говорилось о текущих событиях, о том, что тогда волновало общество. После этого обеда я уже с ним не встречался совершенно. Мы обменивались только карточками на новый год и на большие праздники. Затем, когда его сделали председателем Совета Министров (это было в январе 1916 года), то я сейчас же позвонил по телефону на его квартиру с просьбой, не может ли он меня принять. Ответ последовал через несколько часов; уже на другой день после его назначения, я был у него на Б. Конюшенной. Мне очень было важно его повидать для моего журнала, который я начал издавать: «Голос Руси», и я хотел его интервьюировать. Когда я приехал, его первая фраза была: «Мы с вами четыре года не виделись»...

Председатель. — Что вы знаете о тех обстоятельствах, при которых был назначен Штюрмер?

Андроников. — Обстоятельства эти для меня были загадочные, и мне казались чрезвычайно странными. Во-первых, я не мог себе этого представить... Для меня был неожиданностью уход Горемыкина. Сам Горемыкин этого не знал, не знал до такой степени, что когда я к нему приехал в день его доклада в Царском и говорил ему: «Excellence, c'est votre dernier rapport» — он улыбался: «Quelle bêtise, ce n'est par possible!..».

Председатель. — А почему вы это думали?

Андроников. — А потому, что мне говорили со всех сторон, что дни Горемыкина сочтены, что Горемыкин человек уже конченный...

Председатель. — Почему вы думали, что ваши сведения, а не сведения Горемыкина соответствовали действительности?

Андроников. — Весь город говорил о том, что Горемыкин должен непременно уйти, что это вопрос нескольких дней! А он, старик, этому совершенно не верил... В день его отставки я тоже ездил в Царское к ген. Воейкову, и когда я говорил ему: «Вот я сижу у вас, а во дворце сидит Горемыкин, и это, мне кажется, его лебединая песнь», — Воейков говорит: «Нет, это не может быть, — это не верно... Откуда вы знаете?» — «Все это говорят»... Когда я вернулся из Царского и поехал к Горемыкину, он сказал, что я был прав, что бывший государь «m'a signalé de

quitter mon poste». . . Затем, относительно назначения Штюрмера, могу сказать следующее. Со всех сторон это имя называлось. Мне казалось чрезвычайно странным, что останавливаются именно на Штюрмере. Что он хотел власти, я это знал. Знал это по факту, который позволю себе сейчас рассказать: в 1912 году вдруг разнесся слух о том, что Штюрмера назначают от правительства городским головою в Москву. Я совершенно не мог себе это представить: как это члена Государственного Совета и вдруг назначают городским головою? Но потом сообразил, что это место, очевидно, очень выгодное во всех отношениях и что ему будет предоставлен дом генерал-губернатора для пребывания. . . Но Коковцев, который был тогда председателем Совета Министров, мне тогда сказал, что это дело расстраивается, что он категорически против этого. . . И это дело тогда, действительно, расстроилось. Вот почему, когда мне говорили, что Штюрмер идет в премьеры, я вспомнил, что раз он хотел быть городским головою, то какую бы ему власть ни дали, — он ее принял бы. Только впоследствии, из разговоров, я узнал, что в его назначении принимал горячее участие Распутин, с которым я тогда порвал всякие отношения, затем, Манасевич, будто бы, горячо проводил его и будто бы в этом деле был замешан митрополит Питирим, которого я совершенно не знал. . . Мне казалось это неправдоподобным, потому что Манасевич сам — маленький человек. . .

Председатель. — Почему вы не верили?

Андроников. — Я не верил, что Манасевич со Штюрмером в хороших отношениях. . . Но, когда мне пришлось бывать у Штюрмера после его назначения, я неоднократно встречал там Манасевича в простом пиджачке, с папироской в руках, довольно развязно себя держащим. . . Тогда я понял, что есть какая-то близость.

Председатель. — Но для того, чтобы попасть на пост премьер-министра, Штюрмеру нужна была близость не только Манасевича, но и еще какие-то отношения?

Андроников. — Вне всякого сомнения. У Манасевича не было никакой лазейки наверх и вот тут-то ему и послужил Распутин. Очевидно, Распутин помог Манасевичу. . . Или он сам стоял за Штюрмером, я этого сказать не могу. Но знаю одно: мне постоянно говорили, что Манасевич с Распутиным и Штюрмером встречаются. . . Тогда для меня было совершенно ясно: раз встречается Штюрмер с Распутиным, значит Распутин так или иначе его двигает вперед. А Распутин действовал прямо на Царское Село. потому что он там бывал совершенно бесцеремонно и говорил все. . .

Председатель. — Вы интересовались этим вопросом: как эти люди встречались — Распутин, Манасевич и Питирим?

Андроников. — Этого я сказать не могу. Мне приходилось слышать, что встречи бывали у митрополита Питирима в лавре, и будто бы бывали у Манасевича; но я этого проверить не мог. Но мне был ясен факт, что в самом деле назначения Штюрмера было что-то странное, потому что ни с того ни с сего спихнули Горемыкина!.. Штюрмер хотел быть у власти: чтобы ему ни давали, — давайте ему только власть!.. Тут вдруг является Манасевич, который очень развязно себя держит, сразу записывается в его секретари, хотя он не был его секретарем, а только состоял при нем... Я самым серьезным образом настаивал и упрашивал Штюрмера отстранить от себя Манасевича.

Председатель. — Когда это было?

Андроников. — Через два-три дня, когда я увидел Манасевича с папироской в руках. Штюрмер на это мне говорит: «Не я его избрал, он мне был назначен: мне сказали, что должен быть при мне человек, который бы меня охранял, что моя жизнь в опасности... Мне его и назначили... Так как я Манасевича знал со времен Плеве, то мне было приятнее взять знакомого, чем незнакомого»...

Председатель. — Как вы расшифровали это назначение Мануйлова?

Андроников. — Я это расшифровал очень просто. Штюрмер хотел иметь при себе знакомого и близкого человека, через спину которого он прошел, т.-е. получил назначение в премьеры...

Председатель. — Как вы полагаете: эта компания, которая провела Штюрмера — она же свергла и Горемыкина?

Андроников. — Г. председатель! Я этого сказать не могу... Вне всякого сомнения, что нужно было спихнуть старика, чтобы посадить Штюрмера, потому что место было занято... Горемыкин Мануйлова не пускал к себе и ни в какой охране не нуждался. Я говорил это Штюрмеру: «Почему ваш предшественник не нуждается в охране, а вам эта охрана нужна?» Штюрмер отвечает: «Мне говорят, что эта охрана нужна». Ну, я сразу понял, что дело тут не совсем чисто, что это, мол, — услуга за услугу... Я это так, по своему разумению, расшифровал. Затем, ему нужно было свергнуть митрополита Владимира, потому что Владимир был всегда против Распутина. Это я знаю, потому что митрополит мне сам это говорил: я его знаю с Пажеского корпуса, — лет 25... Когда он был экзархом Грузии, я виделся с ним и питал к нему глубокое уважение: я с ним встречался каждый год, когда он приезжал сюда... Он был митрополитом московским в течение 15 лет. Когда он был назначен в Петроград, я часто у него бывал, говорил с ним, и он всегда был против Распутина, против всей этой компании... Его нужно было устранить, чтобы назначить экзархом Питирима, а Питирим был в добрых отношениях с Распутиным. Я это знаю совершенно точно, потому что в течение целого года

мне пришлось поддерживать отношения с Распутиным. Когда я вернулся, Распутин спрашивает: «А ты знаешь Питирима?» — я говорю: «Не знаю». — «Так ты поди к нему, он очень хороший человек... Он наш»... Мне рассказывал Саблер-Десятовский, что он просил вместо Питирима совершенно другое лицо на пост экзарха и представил несколько кадидатов. Бывший государь вычеркнул всех кандидатов и написал: «Питирима». Очевидно, значит, это верно, что Питирим был в добрых отношениях с Распутиным... Можно определенно сказать, следовательно, что этой компании нужно было спихнуть Горемыкина, спихнуть мешающего им митрополита Владимира, чтобы назначить своих кадидатов на эти должности. Так оно, как по щучьему велению, и произошло. Был назначен Штюрмер, а митрополиту Владимиру была предложена киевская эпархия. Я неоднократно виделся со Штюрмером и каждый раз, при каждой беседе, указывал ему на несоответствие Мануйлова. На это он говорил, что он видит его очень редко... Между тем, это была ложь: Мануйлов бывал каждый день утром и поздно ночью, когда его никто не видел...

Председатель. — Почему вы думаете, что Мануйлов как бы потихоньку бывал у Штюрмера?

Андроников.— Не то, что потихоньку, а Штюрмер имел обыкновение вставать в 6 час. утра и Мануйлов знал, что Штюрмер пьет чай и являлся к нему... А когда ему нужно было показать, чтобы его видели, — видели, что он там свой человек, что он там бывает, — он являлся туда и днем... Штюрмер дал мне для моего журнала сведения и продиктовал мне, между прочим, что он происходит от женской линии от св. Анны Кашинской. Я, по простоте душевной, это написал, и был жестоко высмеян при дворе за эту Анну Кашинскую!.. Ровно ничего этого не было: выяснилось, что его мать Панина, да не та Панина, а другая... Затем я несколько раз виделся со Штюрмером, и у меня были разговоры относительно некоторых из его подчиненных. Он очень покровительствовал некоторым. Я всегда восставал против одного из них: это был вице-директор департамента общих дел — Палеолог, против которого я всегда шел, потому что это карьерист и, по моему мнению,— человек незначительный... Теперь он, конечно, говорит, что он всегда был республиканцем, но этому верить нельзя!.. Штюрмер производил следствие по делу Хвостова. Это дело меня очень интересовало, потому что мне хотелось знать, какую роль предоставит Штюрмер Хвостову, чтобы сесть на пост министра внутренних дел... (Я забыл передать одно важное заявление, которое впоследствии оправдалось: при первой моей встрече, после его назначения председателем Совета Министров, он говорит: «Вот, я мог бы быть прекрасным министром внутренних дел и очень хорошим министром иностранных дел!..» Я ему тогда возражаю: «Министром внутренних дел — я понимаю, так как вы были директором

департамента общих дел и вам эта техника знакома... А министром иностранных дел» ... Он говорит: «О, я знаю все трактаты великолепно!» Впоследствии, это так и оказалось). Меня чрезвычайно интересовало, как он поведет следствие относительно Хвостова, который был замешан чуть не в организации покушения на убийство Распутина...

Председатель. — К какому времени это относится?

Андроников. — Это относится к январю — февралю 1916 г... Кто всю эту историю создал, кто ее выдумал, — я сказать не могу. Но факт остается фактом. Раз, поздно вечером, я встретил Ржевского у бывшего министра внутренних дел Хвостова. Я спросил, на каком основании у него Ржевский? Хвостов ничего не ответил, сказал только, что вызвал его по делам... Но о том, что он собирается сделать, ни звука не говорил. Потом, когда это было открыто и стало ясно, что Хвостов яко бы в этом деле был инициатор, Штюрмеру было поручено ведение всего этого дела. Вот тут я несколько раз заходил к Штюрмеру... Меня прямо интересовало узнать: действительно ли Хвостов в этом виноват и было ли какое покушение? Он давал довольно уклончивые ответы, говоря, что надеется, что Хвостов выйдет из всего этого дела чистым. Надежды эти не оправдались: наоборот, вышло так, что он топил Хвостова, чтобы самому сесть на его место и быть министром внутренних дел...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, по чьему докладу на Штюрмера была возложена такая большая миссия?

Андроников. — Мне было ясно только, что это ему было поручено государем. Просил ли он сам, напрашивался ли он на этот доклад, или кто-нибудь другой подсказал, — этих подробностей я совершенно не знаю. Мы становимся перед сложившимся фактом, что Штюрмер, будучи председателем Совета Министров, садится на пост министра внутренних дел. Тут часто мне приходилось его видеть и каждый раз приходилось высказывать удивление, что во всем этом деле, якобы, оказывается виновным Хвостов... Затем меня особенно возмущало, что меня лично приплели в эту историю и говорили, будто бы я принес тот яд, который был всыпан кошкам Распутина в молоко, вместо...

Председатель. — Позвольте вас спросить, почему вы так часто видались со Штюрмером и в то время, когда он был в должности председателя Совета Министров, и когда он был в должности министра внутренних дел? ...

Андроников. — Как издателю журнала, мне было чрезвычайно интересно получать целый ряд освещений по многим вопросам... Мой журнал начал выходить в марте 1916 года; это был еженедельный журнал, но выходил неаккуратно — в виду тяжелых чисто технических условий...

Председатель. — Главная причина ваших посещений, что вы, как журналист, хотели его видеть?

Андроников. — Да . . . как журналист . . . Кроме того меня интересовала наша политическая жизнь и, так как я видел многих министров до Штюрмера, я хотел знать, какой курс, какую линию он поведет, т.-е. что он будет делать и как будет вести дело . . .

Председатель. — Может быть вы скажете теперь, как сложились ваши отношения с Распутиным?

Андроников. — Распутин уже был 10 лет на российском небосклоне. Я о нем много слышал, но никогда не имел желания с ним познакомиться. Мне несколько раз предлагали, говорили, что это замечательный человек . . . Но так как я для себя лично не искал решительно ничего, то я не считал для себя возможным итти этими путями. В 1914 году, за месяц до войны, я возвращаюсь к себе домой по Фонтанке на таксомоторе, и вдруг на извозчике какой-то господин мне машет . . . Я остановился. Он вылезает, бежит, бросается ко мне в объятия и говорит: «Николай Петрович (или Петр Николаевич — я точно не помню), что же ты меня забыл?» Я удивленно говорю: «Виноват, вы ошибаетесь». — «А ты кто же будешь?» — «Я — князь Андроников». — «Я — Распутин . . . Я про тебя много слыхал . . . Сам бог тебя мне послал . . . А ты куда едешь?» — «Домой». — «Вези меня домой!» — «А вы где живете?» — «На Гороховой . . .» Я его отвез на Гороховую и так как я в этот день уезжал в Варшаву и очень спешил, я к нему не заехал, а проводил только до дому. Он меня тут прямо убедил. Глядит на меня и говорит: «Ты сегодня в путь собираешься?» — «Откуда вы знаете?» — «Да, я вижу: ты в путь собираешься . . . » «Совершенно верно». Он начал на меня смотреть, но на меня этот взор не повлиял. Я не из тех людей, которых можно гипнотизировать . . . Мы разошлись. Недели через две, когда я вернулся из Варшавы, мне как-то докладывают, что ко мне пришел мужик в поддевке. Я принимал всех: у меня двери были открыты . . . Входит — Распутин. «Ну, я к тебе . . . Где твоя молельня?» — (У меня в спальне был уголок с образами.) — «А вы откуда знаете?» — «Мне говорили, что у тебя есть молельня . . .» Я говорю: «Пожалуйте . . .» Я показал, мы вошли, он помолился там. Потом он сказал: «Дай бумагу» . . . Я дал ему листочек. Он написал своими каракулями, что я сильный духом человек: «Сила твоя в духе». — Один словом, какую-то ерунду, — свои соображения . . . Я, конечно, это, как написанное его рукой, странное, — сохранил у себя . . . Затем он говорит: «А вот что: давай, расскажи мне, что здесь делается . . .» — Я говорю: «Какая область вас интересует?» — «Ну вот! всякая вообще . . . Как у вас дела идут?» Я говорю: «Не знаю, что вас интересует . . .» Он говорит: «Все меня интересует, рассказывай, — будем с тобой знакомы . . .» — Я говорю:

«Пожалуйста!». Вдруг он заговорил о Сухомлинове, которого он очень не любил: он сказал: что Сухомлинов назвал его «скотиной», говорил, что его «сокрушит» . . . Тут у меня появилась добрая надежда, и я решил, что, очевидно, сам бог мне помогает . . . Нужно сказать, что до войны у меня с Сухомлиновым совершенно отношения испортились. Частью была виной г-жа Сухомлинова, которая тому способствовала, а частью мне не нравилось то общество, которое там бывало . . . Я не считал возможным с ними продолжать отношения! Когда я увидал, что Распутин против Сухомлинова (а я знал, как Сухомлинов внедрился в Царском Селе и как, несмотря на все его ошибки, на все смотрят сквозь пальцы и все ему прощается), я решил, что быть может мне придется воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селе раскрыть некоторые действия Сухомлинова. Я тут же спросил его, когда он будет свободен в следующий раз, чтобы мне повидаться с ним. Он мне назначил день, сказал, что приедет на уху . . . Уха была приготовлена. Он приехал. Тут мы говорили о Сухомлинове, затем он исчез . . .

Председатель. — Почему вы были недовольны к этому времени Сухомлиновым? И может быть вы знаете, что заставило Распутина быть против Сухомлинова?

Андроников. — Распутин имел обыкновение лазить вообще к министрам, писать записки со всякими просьбами. Сухомлинов его не пускал к себе, относился к нему отрицательно и приказал его не принимать. Это до него дошло. Он решил Сухомлинову за это мстить . . . Так он мне, по крайней мере, рассказывал . . .

Председатель. — Это было после добрых отношений?

Андроников. — Нет. Он с Сухомлиновым никогда ни в каких отношениях не был, — он мне это говорил. Потом с г-жей Сухомлиновой он сошелся очень близко, но с ним, с Сухомлиновым, никаких отношений не было.

Председатель. — Ну, а каковы были ваши отношения с Сухомлиновым?

Андроников. — Мои отношения были очень давние. За пять лет до того, как его сделали министром, я ему написал письмо с просьбой, не сочтет ли он возможным меня принять . . . Он сейчас же мне ответил очень любезно. Я был у него через день или два. В газете «Новое Время» был фельетон Меньшикова, в котором Меньшиков очень метко его назвал «еврейским батькой», потому что в бытность свою генерал-губернатором в Киеве Сухомлинов будто бы очень покровительствовал евреям . . . С этой газетой я пошел к нему и поставил чистосердечно вопрос: как он относится к этой статье, к этому обвинению? Он, смеясь, говорит: «Это пустяки. Вот видите по́лки эти? — Это все адреса, которые я получил в Киеве, при отъезде оттуда . . . Вы там найдете несколько еврейских адресов». Там действительно было

два-три адреса от евреев, очень теплых и ласковых. «Вот что заставило Меньшикова разразиться против меня»... Я улыбнулся... Затем я его спросил: что он собирается делать, будет ли у него известная программа? Он начал развивать программу... Он мне заявил, что когда мне нужно будет что-нибудь, чтобы я к нему непременно приходил, и он надеется, что я буду с ним в добрых отношениях, так как обо мне он и раньше слышал очень много... С этого времени начались, так сказать, наши отношения... Через несколько времени он отдал мне визит. Он ли первый пришел, или я к нему опять поехал — не помню. Одним словом, наши отношения завязались... У нас были добрые отношения, и он начал плакаться, что ему так тяжело, что про него пишут гадости, что Бутович причиняет ему столько неприятностей, что он хочет осчастливить бедную женщину, которая много страдала от своего первого мужа, Бутовича... Я его слушал; затем он меня посвящал в свои частные, семейные дела, в свое несчастье, что он не может предаться работе, что его постоянно тяготит травля, которая на него идет и в Царском Селе и в печати, что этот процесс его волнует... Я ответил, что я ничем помочь ему не могу. Тогда он мне говорит: «Вы в хороших отношениях с духовенством?» — Я говорю: «Да». — «Может быть, вы поговорите кое с кем из архиереев, которые идут против меня, получая сведения от Бутовича, идущие против меня? Может быть, вы поможете мне в этом деле?» Помню, был тогда еще епископ рязанский Димитрий, ныне покойный. Съездил я тогда к этому епископу — он вылетел чуть ли не с посохом. Когда я сказал о Сухомлинове, он говорит: «Он негодяй — какая-то нечистая сила!... Нет, нет! это дело грязное: я его видеть не могу и слышать не могу...» Я приехал к Сухомлинову и сказал, что я потерпел полное фиаско, ничего не мог сделать: «Но, если хотите, я поговорю с протопресвитером Янышевым»... (Он мой духовник, член синода)...

Председатель. — Может быть, вы это передадите несколько короче, в нескольких словах?

Андроников. — По просьбе Сухомлинова я был у Янышева. Янышев согласился его принять, — принял его, говорил с ним. Так что Сухомлинов считал, что я ему оказал любезность, услугу, что я сердечно относился к его горю, его семейному делу... Затем Сухомлинов знал мои отношения с очень большим тогда человеком — М. И. Газенкампфом, помощником Николая Николаевича. А между Военным Министерством и главнокомандующим всегда были традиционные распри. Я знал Газенкампфа с детства, потому что он был преподавателем в Пажеском корпусе... Когда приехал сюда Михаил Александрович, мы с ним, естественно, возобновили добрые отношения. Я у него бывал. Сухомлинов стал пользоваться этим: иногда передавал мне целый ряд сведений,

которые он хотел довести до Газенкампфа в своем освещении, чтобы тот передавал дальше — великому князю. Таким образом, мне неоднократно приходилось быть trait-d'union между Сухомлиновым и великим князем, при посредстве Газенкампфа. Это он знал. Затем, он знал мои отношения к другим министрам — впоследствии, когда был еще Столыпин . . . Со Столыпиным я не был в хороших отношениях, но с Хвостовым . . .

Председатель. — Мы сочтем, что знакомство с вами представляло для Сухомлинова некоторый интерес вследствие ваших связей . . . Это было в 1910 году. Чем питались в это время ваши взаимные отношения и к чему сводились?

Андроников. — Исключительно к целому ряду услуг, которые мне приходилось оказывать ему, и к целому ряду просьб: я завалил его массой просьб! — Положим, мелких просьб . . . Впоследствии они были более реальные . . . Не то что реальные . . . Но все же одним из высокопоставленных лиц они были мне поставлены в вину: «звезды генералам», — будто бы я выхлопатывал звезды некоторым генералам . . . Т.-е. иногда я указывал на то, что . . .

Председатель. — Это частности . . . Не будем отвлекаться. Итак, он вам был нужен и вы ему были нужны.

Андроников. — Он мне был нужен, как всякий военный министр . . . До него и после него я был в добрых отношениях с министрами . . .

Председатель. — Не только с военным?

Андроников. — Не только с военным, но и с министрами внутренних дел . . . кроме юстиции: — потому что там было дело испорчено . . . Лишь после назначения Макарова я в первый раз вошел внутрь, — там, где покои министра юстиции . . .

Председатель. — Вернемся к Сухомлинову: вы друг у друга часто бывали?

Андроников. — Он ко мне приезжал . . . Я давал обеды, — он бывал на этих обедах. Он бывал у меня и я бывал у него часто. Я был ему еще нужен, потому что он знал впоследствии мои отношения с Воейковым. Этим всем он, конечно, пользовался. Он знал мои отношения к статс-даме Елисавете Алексеевне Нарышкиной, что ему было чрезвычайно важно впоследствии для его будущей жены. Это, конечно, все им учитывалось. А кроме того еще при генерале Редигере, у меня была мысль . . .

Председатель. — Знакомые Сухомлинова были вашими знакомыми? Кого вы там встречали?

Андроников. — Первое время я постоянно встречал там ключницу Марту Францевну Кюнье. Она жила там. Затем первое время, когда я приходил к ним, то никогда никого не бывало, они меня очень, так сказать, — оберегали: никому не показывали . . .

Председатель. — Почему оберегали?

Андроников. — Ну, как сказать? . . . И я не хотел знакомиться с лишними людьми . . .

Председатель. — Почему? Вы общительный человек, петербуржец . . .

Андроников. — Но из этого не следовало, что все родственники его жены доставляли мне большое удовольствие . . .

Председатель. — Почему? Теперь мы знаем ретроспективно Сухомлинова, но тогда вы, надеюсь, не знали, что он собой представляет?

Андроников. — Не знал. Но для меня не представляли интереса его провинциальные родственники и родственницы . . . Впервые я был приглашен на завтрак и там увидел супругов Гашкевичей; с первого раза они произвели на меня самое отталкивающее впечатление . . . Когда мне сказали, что это родственники жены, я сказал: «J'en ai assez! если все такие родственники, они даром мне не нужны!» — Решительно ни в чем никогда не представляли интереса . . .

Председатель. — Позвольте вас спросить: не то, что они вас ограждали от своих родственников, но, по вашим словам, вы сами как бы избегали их?

Андроников. — Я вообще таких отношений не любил: министр и его жена — одно, а все знакомые и компания . . .

Председатель. — Кого вы еще, кроме Гашкевичей, встречали?

Андроников. — Гашкевич с женой, затем мать мадам Сухомлиновой — тоже очень странная старуха . . . Там бывала часто Червинская, их дальняя родственница: с ней мы потом подружились, — очень умный и хороший человек, Наталия Илларионовна . . . Она давала свое показание Верховно-Следственной Комиссии, — той Комиссии, которой я давал свои показания . . . Затем, кто еще бывал? Впоследствии, уже гораздо позже, появился вдруг Мясоедов . . . Вот я этого никак не мог переварить! Тут я сразу заявил Сухомлинову, что я считаю, что этот жандарм не может бывать у него в доме . . . На меня тут же набросилась его жена и заявила, что это все вздор, что это милейший, прекрасный человек, самый лучший человек из всех, кто у них бывал! Но я пошел дальше, пошел к министру внутренних дел Макарову и просил его, не может ли он написать подробное письмо Сухомлинову, что такое Мясоедов . . .

Председатель. — А каким образом вы осведомлены были о том, что собой представлял Мясоедов?

Андроников. — Я знал Мясоедова, потому что часто ездил за границу и слышал массу не совсем красивых рассказов. О шпионстве его ничего не слыхал, о каких бы то ни было изменах его я не знал, но о том, что он вообще большой гешефтмахер, что это вообще человек подозрительный, я знал, и я питал к нему

большую антипатию . . . Одним словом, бывают люди, которые сразу не нравятся, и другие, которые симпатичны . . .

Председатель. — Кого вы еще там встречали?

Андроников. — Я встречал Альтшуллера — это личный друг Сухомлинова. Он был австрийским консулом к Киеве. Я этого человека совершенно не знал, а впоследствии слышал, что это чрезвычайно подозрительная личность . . . Он играл не малую роль в деле развода, т.-е. он взял на себя грязную роль смотреть в щель, скважину . . . Очень грязное дело! . . . Это мне не нравилось . . . Тут я тоже высказал свое мнение, что он мне не нравится . . . Затем, бывали: адъютант Сухомлинова, дворцовый комендант Воейков, Булацель, с которым я ничего общего не имел, и Боткин . . . Да, еще бывал адъютант Каменев — теперь он генерал: он бывал с женой там . . .

Председатель. — А кто бывал не из адъютантов?

Андроников. — А не из адъютантов, может быть, и бывали многие, но я сейчас припомнить не могу: это мне не так было интересно . . .

Председатель. — Таким образом, у вас были добрые и, повидимому, близкие отношения с Сухомлиновым. Каким же образом они расстроились?

Андроников. — Расстроились они вот так. Во-первых, мои личные нападки на близких к мадам Сухомлиновой людей, из которых видную роль играли Мясоедов и Альтшуллер. Затем мои подозрения, что Гашкевичи не совсем правильно себя ведут и не щадят имени министра: в различных местах — ресторанах — афишируют эту дружбу. (Это мне передавали.) Все это чрезвычайно настраивало и возбуждало мадам Сухомлинову против меня, и она находила, что я совершенно лишний и ненужный человек в их доме . . .

Председатель. — Когда это случилось?

Андроников. — За полтора года до нашей размолвки (значит уже в 1913 — 14 году) отношения были совсем нехорошие, холодные . . .

Председатель. — За полтора года до вашего окончательного разрыва? А когда же произошел тот разрыв?

Андроников. — В апреле или мае 1914 года, — до войны.

Председатель. — Мы исследовали ваши отношения с Сухомлиновым. Теперь вернемся к вашей встрече с Распутиным и даже, пожалуй, к «ухе». Уха была первым моментом, когда вы обменялись мыслями по поводу ваших взаимоотношений с Сухомлиновым. Что же оказалось?

Андроников. — Нужно сказать, что когда я был в добрых отношениях с Сухомлиновым, то он постоянно ругал Распутина, и Воейкова, и Вырубову . . . Раз была сказана такая фраза:

«Смотри, Володечка, топи Распутина и Воейкова: иначе они тебя затопчут! . . .»

Председатель. — Значит, Сухомлинов был против Воейкова, против Вырубовой, т.-е. против самых близких лиц к бывшей императрице, и он был против Распутина: на кого же, собственно, он опирался?

Андроников. — Сухомлинов сам был сильный человек, потому что он сумел влезть в душу бывшего императора, как ни один министр! Он был вкрадчив, ласков; император скажет только слово, выскажет пожелание, — к следующему докладу министр уже успеет избегать тридевять земель и принесет ему, как вылупленное яичко, то, о чем мечтал император . . . Его называли «генералом Отлетаевым», потому что он вечно разъезжал и катался. Таким образом, никакие силы не могли его из этого сердца вывести — никоим образом! Это было главное основание — бывший император в него веровал . . .

Председатель. — Теперь мы хотели бы вкратце выслушать о ваших отношениях с Распутиным.

Андроников. — Это было до войны, в 1914 году. У меня уха была чрезвычайно короткая: он куда-то спешил . . .

Председатель. — Кто был еще на этой ухе?

Андроников. — Он и я. Мы были вдвоем. Он просил, чтобы никого не было, чтобы мы могли с ним подробно поговорить . . . Он уехал, и я его больше не видел, вплоть до его отъезда в Тюмень, где случилось это поранение — кажется, в июле месяце 1914 года, в год объявления войны. Я послал ему несколько телеграмм, справлялся о его здоровье, он отвечал. В конце концов (это было в августе или сентябре), он опять приехал сюда в Петроград: я на вокзал не поехал, а поехал на его квартиру, чтобы его, так сказать, повидать, уже больного, и встретил там впервые Вырубову, которую я не знал совершенно, но о которой много слышал . . . Затем, когда ему здоровье позволило (значит, уже в октябре или позже), он начал выходить. Он бывал у меня изредка, и каждый раз я в разговоре возвращался к Сухомлинову и говорил ему: «Вот мы слышим, что у нас того-то нехватает, другого нехватает . . . Одни его хвалят, другие ругают, а мне кажется, что он ведет дело не совсем правильно» . . . Он чрезвычайно внимательно прислушивался к моим разговорам. Это было в течение всей зимы, но главный удар был нанесен Сухомлинову на пасхе, в апреле 1915 года, когда он ушел. . .

Председатель. — Кем же?

Андроников. — В январе 1915 года я имел целый ряд сведений и для меня было совершенно ясно, что Сухомлинов ведет нечестно и нечисто свои дела. Самые подробные показания, которые я теперь припомнить не могу, находятся в той Верховной Следственной Комиссии, на которую я указываю в моей бумаге.

Для меня было совершенно ясно, что он не на высоте своего положения, что его окружает целый ряд бандитов, которые, на несчастие, на крови и на слезах всей России . . .

Председатель. — Т.-е. попросту шпионы?

Андроников. — Я бы не сказал шпионы, а — недоброжелатели . . . Я тогда совершенно не мог верить, я боролся с этой мыслью . . . Я не хотел верить, чтобы Сухомлинов, русский генерал, мог до такой степени опуститься, чтобы он шпионил, — мне это казалось неправдоподобным! Хотя эта идея у меня была . . .

Председатель. — А идея о г-же Сухомлиновой, как о шпионке, у вас была?

Андроников. — Относительно нее у меня были все скверные идеи, потому что это был человек чрезвычайно непорядочный, нехороший, и относительно нее нет того скверного, чего я бы не мог сказать: и шпионство, и все, что хотите, — все было! . . . Но это было «божество»! . . . Достаточно было сказать Сухомлинову полслова против нее, этого ангела-хранителя, чтобы раз навсегда вылететь из дому — как бывшей царице достаточно было сказать против Распутина, чтобы вылететь из Петрограда . . . Что я и испытал на себе . . .

Председатель. — Что еще вас соединяло с Распутиным, кроме определенного отношения к Сухомлинову?

Андроников. — Решительно никаких дел у меня не было. Я первое время считал его за человека серьезного. Каждый раз, когда он бывал у меня, — очень часто — на эту уху приходила Червинская. Он рассказал о своих отношениях к богу, плел что-то непонятное, и мы находили, что это очень серьезный человек . . .

Председатель. — Серьезный человек?

Андроников. — Он вел себя в высшей степени корректно. Выпивал одну бутылку мадеры, после которой не пьянел совершенно, вел себя прилично и уходил.

Председатель. — Но что же вам говорило тут о его серьезности?

Андроников. — Его рассуждения о высших материях, его вдумчивость . . . Все, что ему говорили, он воспринимал и кипел любовью к отечеству, высказывал свои воззрения, что нужно то-то и то-то сделать . . . Словом, высказывал свои идеи . . . Я в нем скверного в то время ничего не находил. Но впоследствии, когда он после обеда просил, чтобы кто-нибудь непременно начал играть, я его спрашивал: «Для чего?» — он говорил: — «Я хочу потанцовать», пускался в пляс и в течение часа до упаду танцовал. Мне это казалось странным, — я этого не понимал . . . Затем он подходил к телефону и вызывал всевозможных дам. Я должен был делать bonne mine au mauvais jeu, — потому что все эти дамы были чрезвычайно сомнительного свойства . . .

Председатель. — А в продолжение вашего знакомства он один бывал у вас? Бывал ли при этом еще кто-либо, кроме Червинской?

Андроников. — Кроме Червинской, был Драгомирецкий. Все эти свидания я хранил исключительно для известных целей. Мне было чрезвычайно интересно, чтобы никто не мешал, так как мы с Червинской были заодно. Мой приятель Драгомирецкий был посвящен в это, он бывал.

Смиттен. — Кто такой Драгомирецкий?

Андроников. — Это бывший директор департамента духовных дел, а теперь член совета министра внутренних дел... Уже впоследствии раз присутствовал преосвященный Евдоким, архиепископ Аляский и Алеутский, затем Варнава, иеромонах Августин и С. П. Белецкий.

Председатель. — Эти лица, значит, бывали у вас не один раз, а несколько раз?

Андроников. — Эти лица бывали... хотя не могу сказать, что часто. Варнаву я совершенно не знал. Он явился ко мне тоже два года перед тем. Я о нем слышал от великого князя Дмитрия Константиновича и покойного Константина Константиновича. Он их хорошо знал и там бывал. Он явился ко мне и отрекомендовался епископом Тобольским. А во второй раз он приехал ко мне совершенно больной (8 сентября 1915 года... или 1914? — не помню) из св. синода, когда его выругали и спрашивали, как он смел произвести прославление св. Иоанна. Он остался у меня, потому что не в состоянии был ходить, и жил у меня три недели, за что я был выслан из дома Толстой, потому что он жил без прописки... Вся свита у меня жила, и я должен был всех поить и кормить, и лечить Варнаву...

Председатель. — Вы сказали несколько раньше, что Распутин слышал про вас и даже про вашу молельню. Как же вы объяснили себе это и кто рекомендовал вас Распутину?

Андроников. — Г. председатель! я этого не могу сказать: там такая масса была людей, которые были близки к Распутину... Может быть, кто-нибудь из дам ему рассказывал... Вообще обо мне гораздо больше говорили, чем следовало, и таким образом до него дошло...

Председатель. — Возвратимся к 1915 году, когда был нанесен, как вы выразились, «удар» Сухомлинову...

Андроников. — Когда мне стало совершенно ясно (а я много слышал из целого ряда источников и, в частности, от Червинской), что Сухомлинов делает недобрые дела и ведет себя неправильно, а главное, что тут пошли в ход взятки и раздача заказов тем фирмам, которые предлагают больший процент, — я решился написать великому князю Николаю Николаевичу — верховному главнокомандующему — письмо.

Председатель. — Эту часть вашего рассказа вы сократите, потому что об этом вы давали уже пространные показания другой Комиссии.

Андроников. — Я об этом написал. Затем, после этого письма я писал еще несколько писем и видел, что они попадают на правильную почву. Следовательно, с одной стороны — верховный главнокомандующий, с другой стороны — Распутин. И вот у меня была надежда на то, что так или иначе этот сильный человек будет сломлен. Конечно, слишком дерзко приписывать себе эту роль, так как я был маленькой спицей в той колеснице, которая валила этого человека . . .

Председатель. — «Удар», который вы нанесли в мае месяце,— в чем заключался?

Андроников. — Это то, что Сухомлинову тогда не удалось меня спихнуть: он требовал от министра Маклакова моей высылки из Петрограда и писал всякие инсинуации в газетах (я понимал, что это косвенно касается меня, что я мешаю его работе).

Председатель. — Чем вы защищались, на кого опирались?

Андроников. — На свою собственную совесть. Я громко его ругательски-ругал! . . .

Председатель. — Но вы знаете, в прежнем российском государстве собственная совесть была довольно шаткой основой . . . На какую реальную силу вы опирались, отстаивая свое пребывание в Петрограде?

Андроников. — Маклаков не счел возможным удовлетворить его ходатайство, потому что не было причин.

Председатель. — Может быть играла роль ваша близость к Распутину, который был силой?

Андроников. — Этого я не думаю. У меня был защитник, ген. Воейков: я верил, что если будет приказано меня выселить, то я обращусь к Воейкову и скажу, что это интрига Сухомлинова . . .

Председатель. — Значит, Сухомлинов, защищаясь, пытается удалить вас из Петрограда, но, наконец, в мае . . .

Андроников. — Память мне изменила: кажется, 11 июня он получил письмо от государя, где ему дается отставка . . . Он всех министров возбуждал против меня, просил меня не принимать . . .

Председатель. — Сколько времени продолжаются после этого ваши отношения с Распутиным?

Андроников. — Это было в июне 1915 года, — значит: весь июнь, всю осень — вплоть до истории с кошками. История с кошками была в январе 1916 года . . .

Председатель. — Вплоть до истории с кошками? Значит, до истории с Ржевским и А. Н. Хвостовым. Какие у вас были отношения с А. Н. Хвостовым?

Андроников. — Хвостова я знал, как губернатора. Я слышал о его путешествии в Вологду — он много путешествовал, — и один чиновник препроводил мне фотографии, которые он снимал во время своего путешествия по Северному краю. Затем я знал о его деятельности в Н.-Новгороде. Знал, что он деятельный человек. Когда был убит покойный Столыпин, то в газетах писалось (но это неправдоподобно), что будто бы Столыпин оставил записку, в которой он просит своим заместителем назначить Хвостова... Это оказалось неправдой. Но факт был фактом, бывший государь желал сделать Хвостова министром внутренних дел и об этом, при отъезде из Киева, сообщил В. Н. Коковцеву, которого он тогда сделал председателем Совета Министров. Коковцев сильно возражал и просил государя этого не делать, так как ему, Коковцеву, пришлось бы уйти, потому что он не мог с Хвостовым работать... Таким образом, тогда был назначен Макаров, а Хвостов, как я слышал, был кандидатом на министерский пост. Затем, после речи Хвостова в Государственной Думе, в июне 1915 года, о немецком засилье и дороговизне, которую я прочел, мне чрезвычайно понравилось, что явился человек, который энергично открывает глаза на все, и я искал случая с ним познакомиться. Я высказывал желание с ним познакомиться. Тут как тут — Червинская: «Помилуйте, это мой друг по Мариенбаду! Я вас с ним познакомлю»...— «Пожалуйста!» Они постоянно, несколько лет, бывали в Мариенбаде. Она его пригласила к себе, и мы познакомились. Я его отца очень хорошо знал и его помню лицеистом.

Председатель. — Он вам показался подходящим к посту министра внутренних дел?

Андроников. — Он мне показался человеком энергичным, он здраво рассуждал, но я далек был от мысли, что выбор остановится именно на нем. И тогда мне пришлось с ним побывать вместе у Вырубовой. Нас в вагоне увидели, да и трудно было его не заметить (я тоже был полнее, чем теперь)... — Нас увидело несколько знакомых и сейчас же, после назначения Хвостова, они говорили: «Ах, Андроников возил Хвостова в Царское, — значит, вот откуда все это происходит!..»

Председатель. — Значит, ваша поездка в Царское была до его назначения?

Андроников. — Да.

Председатель. — А вам приходилось говорить с Распутиным относительно назначения Хвостова?

Андроников. — Меня злило, когда Распутин говорил: «Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого»... Это было неправда, потому что Хвостов был назначен 24 — 25 августа, а Распутин приехал в сентябре!...

Председатель. — А как случилось, что вы с Хвостовым поехали к Вырубовой в Царское Село?

Андроников. — Случилось это очень просто. Я Вырубову встретил у Распутина, когда он приехал после своего ранения . . . Она сказала, что слышала обо мне много скверного. Я тут же поблагодарил за любезность и сказал, что это—de fil en aiguille . . . Она сказала, чтобы я к ней заехал. Я с удовольствием воспользовался этим приглашением и был у нее. Конечно, разговор шел только о бедном Григории Ефимовиче: какой он несчастный, как на него много сплетничают и какой он хороший человек! . . . После этого я бывал несколько раз и потом я начал ездить туда открыто, и главная тема была всегда — Распутин. Впоследствии, когда Распутин проявил всю свою канальскую и скверную душу, весь свой разврат, — я продолжал ездить к Вырубовой и умолял ее как-нибудь остановить и воздержать его от кутежей и безобразий, — так как, по моему мнению, это совершенно не соответствовало тем отношениям, которые к нему питали в Царском Селе — наверху . . . Она каждый раз во время моего визита зевала, охала, ахала, говорила, что все это вранье, находила, что я скверный человек . . . Можно было приводить факты, что он там-то и там-то кутил, но она ничему не верила.

Председатель. — Как вы характеризуете Вырубову?

Андроников. — Совершенно больной особой. Это две больные женщины . . .

Председатель. — Вырубова и бывшая императрица?

Андроников. — Это две истерички, — глубоко несчастные женщины, которые верили в этого Распутина, как в посредника между ними и господом богом. Дальше этого человек итти не может! . . .

Председатель. — Вырубова — умная женщина?

Андроников. — Все, что хотите, только не это! — Глупа . . . Удивительно добрая, — очень добрая личность . . .

Председатель. — Какое у них было представление о Распутине? Кто он такой, с православной точки зрения?

Андроников. — Что это какой-то посланный господом богом — спаситель, пророк . . . Все, что он говорит, — истина святая. Ясновидящий! Так они его характеризовали . . . Я бывшую императрицу никогда не видел и у Вырубовой не встречал, хотя знаю, что она многим устраивала там свидания . . . Но от Вырубовой я постоянно слышал, что Григорий Ефимович — это святой человек . . . Она в это твердо верила. Позвольте рассказать следующее. Статс-даму Нарышкину, например, очень бойкотировали за то, что она была против Распутина, и никогда с бывшей императрицей у ней разговора о Распутине не было, а если был, то прекращался, потому что старуха твердо стояла на своем . . . Она мне говорила, что когда Вырубову (она это знала от бывшей императрицы) после крушения поезда вытаскивали из-под обломков, она все время кричала: «Отец, отец, помоги!» (это

про Распутина). Она верила, что он ей поможет... Так оно и вышло. Я не знаю, известно ли это почтенной Комиссии, но положение было такое, что когда ее перевезли совершенно больную, почти безнадежную, то вызвали Распутина. Распутин тогда звонит по телефону ко мне, не могу ли я ему устроить какой-нибудь автомобиль. Я этого сделать не мог. Кто-то из других знакомых дал автомобиль, и он помчался в Царское Село. Когда он приехал в Царское, то тут около больной Вырубовой стояли бывший государь, государыня, вся царская фамилия, т.-е. дочери, и несколько докторов. Вырубова была совершенно безнадежна. Когда Распутин пришел, он поклонился, подошел к ней и начал делать какие-то жесты и говорить: «Аннушка, слышишь ли?», и она, которая никому ничего не отвечала, вдруг открыла глаза... Это гипноз. Про это мне подробно рассказывала, кажется, та же Нарышкина...

Председатель. — Вы говорите, что многим Вырубова устраивала у себя свидания с императрицей? Кому, например?

Андроников. — Сухомлиновой.

Председатель. — Еще кому?

Андроников. — Больше не могу сказать...

Председатель. — Но вы утверждаете, что такие свидания устраивались?

Андроников. — Да, устраивались. Но я даю слово, что я не знаю, кто был... Виноват: Протопопов был впоследствии...

Председатель. — Когда?

Андроников. — После назначения его министром внутренних дел... Там часто бывали всякие свидания.

Председатель. — Как надо было воздействовать на Вырубову, чтобы устроить свидание с бывшей императрицей?

Андроников. — Очень просто! — Сказать «Анна Александровна, я хотел бы вас попросить то-то и то-то, нельзя ли выхлопотать у матушки-царицы?» Так как приезд во дворец был сопряжен с разными фокусами (давали знать охране и т. д.), то устраивали гораздо проще: царица садилась в пролетку или приходила пешком через парк к своей подруге...

Председатель. — Что связывало императрицу с Вырубовой?

Андроников. — Этого я не могу сказать... Думаю, что десятилетняя дружба.

Председатель. — Вы говорите, что не только Протопопов пользовался услугами Вырубовой для своих дел, но и другие лица, и для всяких дел — государственных и частных?

Андроников. — Да. Вы меня спрашивали: как я привел к ней Хвостова? — Совершенно случайно, после этой знаменательной его речи в Думе я заговорил о Хвостове у Вырубовой: «Читали вы речь?»—«Да,—говорит,—читала: он много говорит про дороговизну... Какой он умный, как он хорошо все знает! Я бы хотела его повидать, — мне говорили о нем их величества»... Я говорю:

«Очень просто: скажите, — и он приедет» . . . Она отвечает: «Как-нибудь, когда я буду посвободнее» . . . Потом она протелефонировала: «Желаю видеть Хвостова» — я его и привез. Затем приехал государь. Хвостов, кажется, уезжал в деревню. Я помню, что он был в ужасном состоянии, — спрашивал, как ему надеть ордена (они у него болтались) . . . «Я, — говорит, — получил приглашение к государю!» . . . Для меня было ясно, что государь о нем вспомнил, что дни Щербатова кончались и что Хвостова прочат в министры. После этого, когда я там бывал, я неоднократно говорил Вырубовой и писал, что речь Хвостова все более и более распространяется . . . Хвостов дал мне несколько отпечатков, и я сам распространил их — в конце августа. 25 августа 1915 года он был назначен министром внутренних дел. Очевидно, наперекор Горемыкину, который совершенно этого не желал и проводил С. Е. Крыжановского, бывшего государственного секретаря; но Крыжановского не пожелали . . .

Председатель. — Каковы были в это время отношения ваши с Распутиным?

Андроников. — Он заходил ко мне, бывал у меня, посылал уйму всяких девиц, которых нужно было устроить, чтобы им давали побольше денег . . . Я очень был озадачен, потому что некоторые приходили, просили места, другие приносили ломбардные квитанции, говоря, что им нужно выкупить вещи и нет денег . . . Что возможно, я делал, но всего не мог!

Председатель. — К этому времени ваше отношение к Распутину изменилось?

Андроников. — Да. После того, как я видел эти пляски, как видел девиц известного свойства, я озлился, а потом, когда я услышал о поездке в «Вилла Родэ» к цыганам, о всевозможных кутежах, тут я увидел, что он развратник . . .

Председатель. — Ваши отношения с Хвостовым продолжались в бытность его министром внутренних дел?

Андроников. — Я был с ним в добрых отношениях.

Председатель. — Вам было известно его отрицательное отношение к Распутину?

Андроников. — Безусловно. Он мне передавал о нем такие вещи, где тот доходил до редкостного нахальства! Например, Распутин звонил по телефону и вызывал министра. Ему говорят: «Министра нет». — «Что ты врешь? Я знаю, что он дома, передай, что я Распутин, иначе я его сокрушу, уничтожу!» Это он передавал дежурному чиновнику, секретарю . . .

Председатель. — Расскажите в двух словах про инцидент с кошками

Андроников. — Тут есть один очень важный пункт, на который я, предварительно, позволю себе обратить ваше внимание. После назначения Штюрмера, — по его просьбе, был назначен

Мануйлов-Манасевич и был прикомандирован к министерству внутренних дел. А по просьбе Вырубовой, тот же Манасевич-Мануйлов назначен охранять Распутина . . .

Председатель. — Скажите, каким образом Вырубова узнала о Манасевиче-Мануйлове, что он будет хорошо охранять Распутина?

Андроников. — А потому, что Мануйлов постоянно бывал у Распутина и встречался там с Вырубовой. Мануйлову только и нужно было каким-нибудь образом протянуть щупальцы свои к Царскому Селу, ибо этих связей у него не было . . . В Распутине же он видел великолепного проводника всех своих дел. Это было для меня совершенно ясно.

Председатель. — Вырубова охранять Распутина назначила Мануйлова, т.-е. это было официальное назначение?

Андроников. — Т.-е. это шло не прямо через Вырубову, а через государя . . .

Председатель. — Иначе сказать: Штюрмер получил распоряжение от государя, чтобы Мануйлов охранял Распутина? Теперь скажите, пожалуйста, в каком положении Мануйлов был по отношению к генералу Глобачеву, который тоже имел приказание охранять Распутина?

Андроников. — Я думаю, что отношения Манасевича были чрезвычайно нахальные. Манасевич-Мануйлов считал себя maître de la position: — генерал Глобачев должен был плясать по его дудке, а если бы он этого не делал, то был бы выгнан в 24 часа . . .

Председатель. — Продолжайте рассказ о том, как испортились ваши отношения с Распутиным.

Андроников. — Становится известным, что Штюрмер ведет следствие о том, что Хвостов покушался на отравление кошек, не на отравление, а на . . .

Председатель. — Штюрмер ведет следствие через того же Мануйлова-Манасевича?

Андроников. — Нет, нет! . . . Но Штюрмер, видимо, знал, кто ему помогал . . . Манасевич-Мануйлов был приглашаем на совещания и на допрос. Вообще, дело велось при его участии . . . Я это знаю потому, что Мануйлов несколько раз самым нахальным образом вызывал по телефону Хвостова и говорил ему: «Vous êtes dans une position fichue!» (т.-е., что вы в глупом положении).—Это ему было известно из следствия. Значит, Штюрмер ведет расследование покушения на Распутина, и выясняется, что Хвостов желал, так сказать, отправить на тот свет г-на Распутина! Он, действительно, ничего против этого не имел, потому что этот тип ему был не по-нутру . . . Я бы, конечно, не плакал, если бы это совершилось, но клянусь вам, что своих рук я к этому не прикладывал! И без меня было достаточно . . . Но в душе я против ничего не имел — это вопрос другой! . . . Тут выясняется, что А. Н. Хвостов в деле

действительно принимал участие... И вот последний раз было (перед тем я у Распутина в течение всего того года почти совершенно не бывал) — Распутин приехал обедать к Червинской на уху и был чрезвычайно грустен и задумчив. (Это было вскоре после назначения Штюрмера: в феврале или январе 1916 года.) Это было последний раз, что я его видел... Он заявил: «Ах, Хвостов нечист! Хвостов нечист! мне все это так неприятно, так грустно» и т. д. ...

Председатель. — Это было, когда расследование уже началось?

Андроников. — Когда началось и когда он от Мануйлова узнал обо всем том, что происходило.

Председатель. — Значит, он приехал к Червинской и встретил вас там?

Андроников. — Я был приглашен к обеду. Потом приехала Акилина Лапшинская. Эта госпожа с меня глаз не спускала, шипела, как змея, говорила колкости и гадости все время! Я говорю: «Скажите, Акилина, что вы ко мне придираетесь сегодня?» — «Да мы все знаем отлично, что вы в этом деле нечисты, что вы принимали участие!» — Тут я взбесился и говорю: «Да вы сумасшедшая!»... Тут мы поругались, и это было последнее мое свидание с Распутиным и с Акилиной... Тут она мне еще шипела и доказывала, что ей известен очень подробно весь мой разговор с Воейковым. Я должен сказать, что я поехал встречать Воейкова, который возвращался из своего имения, из Куваки, Пензенской губ. В это время как раз шло следствие, и я хотел его предупредить, что Штюрмер, по моему мнению, ведет очень пристрастно все дело и что, несомненно, в этом деле Хвостов, как мне казалось, не так виноват. Тут я обрушился на Распутина: в разговоре с Воейковым я, конечно, Распутина не щадил и ругал его...

Руднев. — Я хотел задать такой вопрос: как себя вел Распутин в Царском Селе? Вы говорили, что не верили рассказам о безобразиях, им чинимых, в Царском Селе. Он там пьянствовал?

Андроников. — Нет, нет! Я глубоко убежден, что он притворялся святым...

Руднев. — А у Вырубовой?

Андроников. — Тоже.

Руднев. — У Вырубовой вы видели Распутина?

Андроников. — Видел один раз.

Руднев. — Как он вел себя?

Андроников. — Вел он себя прилично. Там была сестра Вырубовой — Пистолькорс.

Руднев. — А обычное трепание по плечу было?

Андроников. — О да! это — постоянно... И тут было.

Руднев. — Но из границ приличия не выходил?

Андроников. — Нет.

Руднев. — Так что Распутин у вас — там — был совершенно другим?

Андроников. — Совершенно другим. Нужно вам сказать, что он меня боялся!.. Он знал мой совсем независимый, правдивый язык, он знал, что я ни перед чем не остановлюсь!.. Он несколько раз, после хорошей рюмки вина, отводил меня в сторону и говорил: «Знаешь, ты добрый человек! Я тебе скажу: никогда не верь, что тебе будут говорить, что я люблю Аннушку... Никогда не допускай мысли, что я был в коротких отношениях с ней!»...

Руднев. — Скажите: это случайно, что Варнава из Тобольска и Распутин из Тобольска?

Андроников. — Тут кроется недоразумение: Варнава глубоко ненавидел и презирал Распутина! И до сих пор это для меня совершенно ясно... Варнава, прежде всего, строгий монах. Распутин — развратник. Так что эти два понятия уже совершенно не сходятся. Распутин виделся раньше с Варнавой, так как Варнава был один из тех архиереев, которые его не ругали, напротив, был с ним в добрых отношениях... Но Распутин не выдвигал при дворе Варнаву, потому что Варнава уже 20 лет был при дворе, ибо при вдовствующей императрице был вхож через Константина Константиновича и через греческую королеву Ольгу Константиновну, которая знала его давно... Он давно был своим человеком при дворе. Распутин просил его сделать епископом Тобольским, так как при этом архиерее он бы легче безобразничал, вмешивался в дела, чем при другом епископе...

Председатель. — Каким же образом при Варнаве, которого вы охарактеризовали, как строгого монаха, развратничать было бы легче?

Андроников. — Распутин думал, что Варнава будет сквозь пальцы смотреть и при случае поддержит его, т.-е. не будет открывать все его гадости, как это делали целый ряд губернаторов и архиереев...

Руднев. — Что же? Варнава был добрый, слабый человек? — Так вы это объясняете? ...

Андроников. — В душе своей Варнава его ненавидел, но ради Царского Села прощал ему многое: il fermait son bec...

Председатель. — Так что этот Варнава был монах с некоторым расчетом?

Андроников. — Да... О, да! Их постоянно сводили вместе в Царском и заставляли быть в добрых отношениях...

Руднев. — Не приходилось ли вам прежде, чем через Распутина, топить Сухомлинова через Воейкова и как-нибудь действовать на Царское Село?

Андроников. — Да, приходилось... Я прямо, непосредственно говорил Воейкову, а он рассказывал царю.

Руднев. — А вы просили Воейкова докладывать государю?

Андроников. — Просил.

Руднев. — А вы сами не писали государыне?

Андроников. — Писал.

Руднев. — Вы не можете сказать, когда вы государыне писали.

Андроников. — 1 сентября 1914 года. Я писал вдовствующей императрице подробнейшее письмо на французском языке, где я характеризовал эти отношения...

Руднев. — Помимо Воейкова вы не действовали в этом смысле?

Андроников. — Да, очень часто...

Руднев. — Прежде, чем писать государыне Марии Феодоровне, вам приходилось быть на фронте, в Ставке Николая Николаевича?

Андроников. — Нет, никогда... Я ездил на фронт в октябре 1914 года: т.-е. я ездил в Варшаву и, между прочим, заехал к моему бывшему учителю по Пажескому корпусу — Епанчину, который мне говорил о том, что очень нехорошо на фронте и что он в этом винит, главным образом, Сухомлинова. В Варшаве я встретил Белосельского, бывшего командира... полка, который мне говорит, что Ренненкампф недалеко. Я тогда проехал к Ренненкампфу. Тогда я услыхал от Ренненкампфа такую вещь, что армия чуть ли не гибнет, благодаря тому, что Сухомлинов виноват!.. Ренненкампф написал по этому поводу записку и эту записку просил передать.

Председатель. — Какие отношения были у Сухомлинова с Распутиным?

Андроников. — Никаких... Я, по крайней мере, не знаю.

Соколов. — Мне хотелось бы выяснить ваши отношения к распутинскому кружку. Вы упоминали, что у Сухомлинова встречались с г-жей Червинской: вы с ней были знакомы раньше? Кто такая Червинская?

Андроников. — Родственница — родная кузина Бутовича, первого мужа Сухомлиновой.

Соколов. — Какое общественное положение она занимала?

Андроников. — Она — рантье. Жила так, как все живут...

Соколов. — Она принадлежала к кружку Распутина?

Андроников. — Нет, нет! Она бывала у меня. У нас были общие цели с Червинской. Когда я увидел все гадости Сухомлинова, мы с ней решили выяснить все эти гадости и действовать вместе. У нее была масса родни...

Соколов. — Она посещала салон Распутина?

Андроников. — Нет, она всячески сторонилась... Она бывала у него очень редко, но в салоне Распутина не бывала никогда, боже упаси!..

Соколов. — Скажите, пожалуйста, вам известна баронесса Кусова? Что вы можете сказать о ее отношении к Распутину?

Андроников. — Ну, это уж!..

Соколов. — Нас интересует только общественная, политическая сторона.

Андроников. — Кусова постоянно там вращалась, постоянно там бывала, постоянно у нее были дела, всякие гешефты... И затем, она сводила генерала Мосолова — директора канцелярии его величества — с Распутиным, в надежде, что Распутин его проведет в министры двора.

Соколов. — Это тот Мосолов, который был впоследствии назначен посланником в Румынию? Скажите, а баронесса Кусова с Червинской близкие приятельницы?

Андроников. — Нет, нет! Хорошие знакомые... Червинская в дружбе с сестрой Кусовой—Коломниной. Кусова и Коломнина—родные сестры. А Коломнина бывала постоянно у Сухомлиновой. Сухомлинова покровительствовала Коломнину, состоявшему при Сухомлинове. Когда Коломнин увидел целый ряд гадостей (у него был flair), он совершенно открыто заявил военному прокурору, что он считает Мясоедова шпионом. Это было большое гражданское мужество!..

Соколов. — На какой почве была близость между Вырубовой и императрицей?

Андроников. — Они давнишние приятельницы: это мне было известно по рассказам. Была очень близкая императрице фрейлина, покойная кн. Орбелиани. Когда она заболела, — это было очень давно, у нее ноги отнялись — то она рекомендовала дочь Танеева — что, вот мол, очень хороший и преданный человек — т.-е. А. А. Вырубова... И вот близость на этом и была основана. Что императрица в ней нашла? Даю вам слово, я до сих пор не могу себе представить... Я понимаю, что можно любить человека близкого, хотя и глупого, да, но близкого человека... Но то, чему я был свидетелем!.. Я сижу час у Вырубовой, она уже зевает, ее ничто не интересует... В это время приносят цветы от ее величества, записку от ее величества, телефон ее величества! И так постоянно! Они три раза в день виделись: утром, днем и вечером, и, кроме этого, постоянные были сношения... Для меня было совершенно непонятным, что в этой очень доброй, но безусловно глупой женщине могла находить, как говорили, умная императрица!..

Председатель. — Скажите, свойственно было Вырубовой некоторое лукавство?

Андроников. — Да, царедворство есть... Сказать одно, а подумать другое — мне так казалось...

Соколов. — Скажите, Кусова к военным кругам имела отношение?

Андроников. — Да! ее муж военный.

Соколов. — Она имела отношение к Сухомлинову?

Андроников. — Да, она бывала у Сухомлиновых, потому что отец ее, бывший жандармский полковник Горленко, бывал у Сухомлинова.

Соколов. — Муж Долиной.

Андроников. — Да. Отец Кусовой и Коломниной. Горленко часто бывал у Сухомлиновых. Но Сухомлинова очень быстро его выставила...

Соколов. — Почему они разошлись?

Андроников. — Горленко откровенно высказывался против Гашкевичей. Он не выносил Гашкевич, которые продавали Сухомлинова направо и налево! Одним словом, все те, которые выступали против родственников Сухомлиновой, оказывались опозоренными и зачумленными, и нужно было их, под тем или другим предлогом выставить...

Соколов. — Кто еще, помимо уже упомянутых вами, бывал у Распутина?

Андроников. — Там бывала масса народу!..

Соколов. — Ну, а именно кто?

Андроников. — Дочь Любовь Валериановны Головиной (сестры жены великого князя Павла Александровича — Пистолькорс), которую звали Муня...

Соколов. — Кто еще?

Андроников. — Я видел там потом какую-то старуху, которая живет около Александро-Невской лавры: я не знаю, кто она...

Соколов. — А кто из политических деятелей? Курлов бывал?

Андроников. — Нет. Я только знаю, что Курлов с Бадмаевым был в большой дружбе, Бадмаев с Распутиным, а все они — с Протопоповым...

Руднев. — А в назначении А. Н. Хвостова вы лично не принимали участия через Воейкова?

Андроников. — Нет, боже избави!

Руднев. — Никого вы не просили?

Андроников. — Я писал несколько раз после речи Хвостова; я указывал на эту речь, я писал Вырубовой, писал императрице Александре Федоровне...

Руднев. — А как на министра внутренних дел, вы никогда не указывали: не говорили, что в качестве министра внутренних дел он был бы хорош, как энергичный человек?

Андроников. — Я указывал, что Хвостов предназначен был уже государем.

Руднев. — Вы не напоминали об этом?

Андроников. — Я вот Вырубовой писал и государыне Александре Федоровне писал...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, вас обвинили в том, что вы отравили распутинских кошек?

Андроников. — Т.-е. меня обвиняли в том, что я принимал участие в отравлении этих кошек.. Яд в чай Распутина должен был подсыпать генерал Комиссаров, который состоял при Распутине — в качестве кого? — Не знаю... (Его, кажется, выдвинула Вырубова или Белецкий,—я не знаю...) Вырубова просила Комиссарова состоять при Распутине. Ей мало было Манасевича-Мануйлова: ей нужен был генерал, который охранял бы Распутина... Как мне рассказывали, Комиссаров подсыпал кошкам яд в молоко вместо того, чтобы подсыпать в чай Распутину: кошки подохли...

Председатель. — Так думали и предполагали Вырубова и Белецкий?

Андроников. — Т.-е. Вырубова, я думаю, думала совершенно другое... Я этого хорошо не знаю, потому что после этого я ее совершенно не видал.

Председатель. — При чем тут Белецкий и Вырубова?

Андроников. — Г-н председатель, — видите ли, собственно они создали Комиссарова, как генерала-жандарма, охраняющего Распутина... А между тем молва шла, что я всыпал яд в молоко кошкам. Но я там даже не бывал! Это испортило отношения мои с Распутиным. После этого фабула пошла от Распутина и от Акилины Лапшинской. Вырубова, очевидно, в это поверила, потому что после этого я ее не видел, как своих ушей...

Руднев. — А кто подговаривал подсыпать яд?

Андроников. — Не знаю... Я этого не слыхал...

Соколов. — Вы сказали, что Хвостов, несомненно, в этом деле участвовал, т.-е. в чем же именно он участвовал?

Андроников. — Он, несомненно, желал избавиться от Распутина.

Соколов. — Какие действия он для этого предпринимал?

Андроников. — Я лично только знаю, что действия были, чтоб отправить его на тот свет... Я лично видел только Ржевского, и затем фабула о Ржевском разошлась, что он должен был ехать в Норвегию и вызвать Иллиодора, чтобы затем... *(не договаривает).*

Председатель. — Перейдем к вашим отношениям к Воейкову.

Андроников. — Слушаюсь. Я его знал еще как кавалергардского офицера. Затем, когда он назначен был дворцовым комендантом, я написал ему письмо с просьбой его повидать. В ответ на это получаю предерзкое письмо, что дворцовый комендант занят и не может меня принять!.. Я был глубоко обижен, что мой знакомый пишет мне в такой форме. Через несколько времени, мне пришлось видеть министра двора Фредерикса, с которым я изредка встречался. Я ему показываю ответ на мое письмо его beau fils'a и спрашиваю, что я должен делать... Он говорит: «Ничего: это чепуха! Я это улажу». И действительно, в этот же день вечером Воейков позвонил мне по телефону и извинился, говоря, что про-

изошло недоразумение, что письмо должно было касаться не меня, а кого-то другого, и заявил, что он приедет ко мне. Я сказал, что я этого не прошу, но что очень рад... Это было вскоре после его назначения. Я был ему интересен потому, что я рассказывал ему про Сухомлинова. Сухомлинов, с своей стороны, давал поручения узнавать, как его акции там стоят, как о нем говорят... Так что мы друг другу рассказывали много интересных вещей... А впоследствии он меня посвящал: говорил про свою «Куваку», говорил о своем горном деле... Но каждый раз, уходя от него, я считал своим долгом упоминать о Сухомлинове и освещать неправильные, по-моему, стороны поведения Распутина. Затем, тут произошел быстрый переворот. После этих кошек я Вырубову не видел совершенно и — по правде сказать — я не просил свиданий... Я только написал письмо, — уже гораздо позже, скажем, в ноябре 1916 года, по-французски, что я прошу ее меня принять, потому что меня страшно возмущало поведение Манасевича-Мануйлова, который всем рассказывал о том, что было письмо от государя на имя председателя Совета Министров и к императрице о прекращении его дела в суде.

Председатель. — Было такое письмо?

Андроников. — Будто бы государя на имя председателя Совета Министров Трепова о том, чтобы его дело было прекращено, и телеграмма к императрице Александре Феодоровне от государя, так как императрица покровительствовала Манасевичу-Мануйлову, как охранителю Распутина... Поэтому все, что касалось Манасевича, было твердо и свято, и поэтому императрица просила государя, чтобы это дело было прекращено... И будто бы было такое распоряжение от государя. Я сейчас же поспешил к Макарову и спросил, действительно ли он получил такое повеление... Он сказал: «Никоим образом!... Но мы живем во времена чудес...» Он рассказывал чрезвычайно интересные явления. Он всегда стоял за то, чтобы Сухомлинов оставался в крепости и чтобы его не выпускали. Государь с этим согласился. Доклад этот был в сентябре. А в октябре была получена записка, чтобы меру пресечения изменить и Сухомлинова выпустить!..

Председатель. — Записка — от бывшего императора... Какие у вас были отношения с Манасевичем?

Андроников. — Я его помню очень давно и всегда относился к нему отрицательно... Так вот, — я тогда обратился к Макарову: он говорит, что он такого письма не получал. Я тогда же — à contre coeur — написал Трепову, чтобы он меня принял, что я хочу поговорить... Спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, вы получили приказание?» (это было позже, в конце ноября или в первых числах декабря): — «Верно ли, что вы получили приказание от государя?» У него пенснэ слетело с носа: «Никакого приказания не получал, и это дело будет слушаться!» И тогда я совершенно

спокойный оставил свое намерение посетить Вырубову: я хотел предупредить ее, что, если императрица будет настаивать на прекращении этого дела, то она сама себе роет яму в общественном мнении: все против нее, и это будет лишним плюсом, чтобы ее окончательно повалить.

Председатель. — До каких пор вы были в хороших отношениях с Воейковым?

Андроников. — Со времени этих кошек он действовал против меня... С Воейковым я с октября прошлого года не виделся, несмотря на самое сильное мое желание... На мои письма, телеграммы, телефоны я всегда получал ответ: «Комендант очень занят», «комендант уехал», — потому что было приказание со мной порвать сношения, ибо я был зачумленный!..

Председатель. — Каковы были отношения Воейкова к бывшему императору и к бывшей императрице?

Андроников. — Положение его было самое двусмысленное, потому что он должен был считаться с Вырубовой, с которой он не мог не считаться, потому что его жена была в большой с ней дружбе... С больной императрицей он должен был считаться и вместе с тем оберегать себя, чтобы не вылететь в трубу. Положение было такое, что нужно и направо и налево...

Председатель. — По тем сведениям, которые вы имели, — Воейков имел самостоятельные отношения или действовал через Вырубову?

Андроников. — Нет, конечно, он как дворцовый комендант, имел самостоятельные отношения...

Председатель. — Как же вы, порвав с Вырубовой, продолжали или могли продолжать сохранять знакомство с ним?

Андроников. — Это никакого отношения не имело... Он несколько раз говорил: «Почему вы разошлись с Анной Александровной?» — Я говорю: «Я не разошелся... Но я — барин, ни в чем не нуждаюсь; зачем я буду умолять и просить милости у человека, который, кроме любезности, от меня ничего не видел? С какой стати? Я вовсе не в положении просителя: мне ничего не нужно — ни для кого, ни для чего!.. А г. Распутину петь хвалебные гимны я не буду»... «Но вы, говорит, могли бы»... Я отвечаю: «Я совершенно не собираюсь»...

Председатель. — В вашем рассказе несколько раз мелькнула фамилия Белецкого. Будьте любезны очертить ваши отношения с ним.

Андроников. — Если не ошибаюсь, лет семь тому назад, он из Киева приехал сюда и был сделан директором департамента полиции. В департаменте общих дел мы с ним познакомились. Я изредка туда захаживал, как причисленный к Министерству Внутренних Дел. (Я 18 лет состоял причисленным, с правом не ходить в министерство. Я ничего не получал, мне шли только чины. Меня

это не интересовало. Это давало мне право надевать изредка вицмундир, например, когда приезжала королева Ольга Константиновна. Вот что мне давала служба в министерстве...) Не помню, кто из нас сделал первый визит: Белецкий или я?.. Одним словом, он мне очень понравился: хохол, добрый человек. И что меня особенно поразило — чрезвычайно культурный человек, с широкими взглядами!.. А так как он служил в департаменте полиции, где эти взгляды очень ценны, то мне казалось, что нужно на него обратить особенное внимание. Не помню, кто был тогда директором департамента полиции, но когда был назначен министром внутренних дел Макаров, я его спрашиваю: «Есть у вас кандидат на директора департамента?» Он отвечает: «Да, есть,—С. П. Белецкий». И тогда Белецкий был назначен сначала исполняющим должность, а потом директором. Это было в 1911 — 1912 г.г., я это приблизительно говорю: может быть память мне изменяет... Его сделали директором департамента, это было мне особенно по-нутру, потому что мне это давало возможность забрасывать его всякими просьбами, чтобы из тюрем выпускали людей, которые, по моему мнению, там невинно страдали... С. П. Белецкий на это реагировал чрезвычайно любезно, т.-е. то, что было возможно в пределах закона, конечно, — делалось; а я был очень горд, что мне приходилось иногда просить за невинные жертвы. Это сблизило наши отношения, и мы виделись у Макарова с ним, где он был своим человеком. Затем, впоследствии, на его место назначен был Кафафов (я его знал очень мало). Я видел, что Белецкий удивительный работник и слышал от Коковцова, который был председателем Совета Министров, что Белецкий хороший работник, гуманный, энергичный и хороший человек... Затем, когда ушел Макаров, благодаря интригам покойного князя Мещерского, на его место был назначен его же ставленник, Маклаков. В декабре 1913 года был назначен Маклаков, и Белецкий оставался еще некоторое время. Товарищем министра внутренних дел был назначен Джунковский — друг и приятель Маклакова. Джунковский с Белецким не ладили, — не то, что лично, а в принципиальных взглядах на охрану...

Председатель. — По существу вы не можете сказать?

Андроников. — По существу, мне припоминается что-то... Например, взгляды на жандармов у них совершенно расходились, взгляды на разведку... На политический сыск у них были совершенно различные взгляды...

Председатель. — Вы не знаете, по существу, в чем расходились?

Андроников. — Джунковский стоял за уничтожение, а Белецкий стоял за то, что сыск необходим.

Председатель. — Вы не знаете, не разошлись ли они по вопросу о провокации?

Андроников. — Это, кажется, было... Кажется, Джунковский был против, как человек военный и здравомыслящий, а Белецкий, если не ошибаюсь, к его великому стыду, был за провокацию, и это поддерживал... Не по этому, а по целому ряду других поводов и у меня с ним были разногласия.

Председатель. — Но ведь Джунковский был товарищем министра?

Андроников. — Министр ничего не понимал. Министр, который передразнивал всех животных и забавлял в Царском Селе...

Председатель. — Но по основным вопросам, по ведомству Министерства Внутренних Дел — какую он позицию занимал?

Андроников. — Я думаю, ему было решительно все равно, какую бумагу ему подсунут... Ему было все равно: кричать петухом или в чехарду играть в Царском!.. Простите, что я так говорю откровенно... Он был мой министр, но я не считал даже нужным к нему явиться: у меня не было никакого дела, за которое меня могли бы отчислить... А этот г. Палеолог, будучи в министерстве, придрался к параграфу, что, кто состоит более известного количества лет при министерстве, не может долее состоять. Я состоял 18 лет, — и вот мне ко дню ангела прислали billet doux, что «вы отчисляетесь, потому что не занимаете должности по министерству...» Я Маклакова тогда не видел, не сочувствовал его действиям и всегда действовал против него. И когда был назначен Горемыкин, я ему сказал: «Est-ce que vous allez tolérer longtemps cet imbécile? — Он ответил: «Que dois-je faire? — Очевидно, он там, наверху, пришелся понутру и от него трудно избавиться!..» Джунковский вершил все в департаменте полиции и, разумеется, доложил о том, что Белецкий совершенно непригоден, и его уволили. Сперва его хотели сделать губернатором Олонецкой губернии, но потом это не состоялось и, так как он очень любил подъезжать и подхалимничать (это было в его натуре), то он подъехал к тогдашнему министру юстиции Щегловитову, которого я никогда в жизни не видел и ничего общего с ним не имел. Щегловитов его приласкал и ему было обещано сенаторство. Но Белецкий просил, кажется, десять тысяч, а ему давали только восемь. Он приехал ко мне и говорит: «Нельзя ли как-нибудь выхлопотать у В. Н. Коковцова?» (который был в то время и премьером и министром финансов). Я взялся просить у Коковцова, который был очень скуп, как министр финансов. И ему, кажется, прибавили одну, а не две тысячи...

Председатель. — Что вы знаете об отношении Белецкого к Распутину?

Андроников. — Итак, Белецкий — сенатор, ушел из департамента полиции. Сенатор Белецкий без дела. Ему, конечно, трудно, потому, что в нем кипела кровь, он искал деятельности, и ему нужно было что-нибудь найти. Он ездил ко всем. Я знаю, что он

очень дружил с членом Государственного Совета Римским-Корсаковым и со Щегловитовым. Я этому не сочувствовал, потому что я Щегловитова вообще не любил, как оставшегося в наследство от Столыпина... Там была тройка: он, Кривошеин, Рухлов и — в хвосте этого движения — был Тимашев, как националист. Это был триумвират — крайне правый и узкий! Вдруг Белецкий является на горизонте у Распутина... Их познакомила, если не ошибаюсь, жена Комиссарова. Комиссаров был жандармский генерал (это тот самый, который впоследствии подсыпал яд кошкам). Его жена постоянно бывала у Распутина и бывала у Белецкого. В один прекрасный день (как это устроилось, — я не могу сказать) Белецкий очутился у Распутина и, когда я заявил ему, что Григорий Ефимович будет у меня на ухе, то Белецкий просил, не может ли и он приехать... И таким образом, он был у меня вместе с Распутиным.

Председатель. — Значит, знакомство Белецкого с Распутиным было ранее, чем ваше с Распутиным?

Андроников. — Это установить мне очень трудно. Но Белецкий как-то раз в разговоре спросил, почему я не знаком с Распутиным. Я говорю: «Потому, что мне нет никакого дела до этого господина!» Тогда он говорит: «У меня есть дама, через которую можно познакомиться» .. Хвостова сделали министром внутренних дел... Я помню такой рассказ Хвостова: «Белецкий вместе с Макаровым гонялись (конечно, в переносном смысле) за мной, как за губернатором; хотели узнать мои, так сказать, любовные погрешности, но их перехитрил!» (Он поймал какую-то телеграмму: Белецкий следил за деятельностью Хвостова.) Стало быть, они были уже знакомы. Кто подсказал, как подсказал? — Но во всяком случае, при Хвостове Белецкий очутился кандидатом на пост товарища министра внутренних дел. Белецкий, бывая у Распутина, познакомился там с Вырубовой. И, помню, в один прекрасный день Вырубова мне говорит: «Мне нужно видеть Белецкого». Я говорил с ней по телефону (очень часто говорили по телефону и очень редко были записки, например по поводу устройства куда-то сына Распутина она просила узнать: я ей написал, и она написала благодарность... Я второй раз получил billet doux, но ничего незначащее. (Через нее я подносил ко дню ангела образа императрице и поздравления к Новому году.) Когда приехал Белецкий, я звоню ей по телефону, что С. П. Белецкий приехал, и спрашиваю, когда ему явиться... Она говорит: «Приезжайте вместе». И вот, вместе мы раз очутились у нее в Царском. Это было в августе 1915 года, еще до назначения Хвостова... Белецкий с большим интересом рассказывал о настроении страны, так как он ездил, как уполномоченный от комитета великой княгини Марии Павловны собирать какие-то сведения... (Белецкий был сенатором, он попал как-то к Марии Павловне через Римского-Корсакова,

и она сделала его своим уполномоченным). Там было, кажется, несколько сенаторов, которые ездили по ее поручениям. У него даже на погонах были буквы «М. П.» с короной, — сенаторские погоны, и он очень важно разъезжал по России... Он приезжал со мной к Вырубовой и рассказывал о своих впечатлениях. Вырубова говорит: «Ах, вы такой хороший человек!.. Неужели вам не будет ничего при всех переменах?» Я думаю: «Ага, не метит ли он в обер-прокуроры?» — вот как мне показалось тогда... Но, оказалось, его назначили товарищем министра внутренних дел. Тогда я спрашиваю Хвостова: «Как же так: вы говорите, что он за вами гонялся, а теперь?»... — «Да, — говорит, — он хорошо знает полицию... Со всех сторон мне о нем говорят, и я думаю, мы дело поведем»... Я говорю ему: «Белецкий у Макарова был золотой человек, потому что Макаров говорил: «Степан Петрович, что у вас завтра к докладу?» а для доклада нужно было прочесть тысячу страниц, и он в течение всей ночи не спал, и к 10 часам утра доклад был готов. Но Белецкий avait des mains puissantes, и мы видели, как он развернулся в министра полиции — форменно! Вышло так, что Хвостов должен был знать, что делает Белецкий, но Белецкий знал, что делает Хвостов... Начались обоюдные déjeuners dinatoirs. На нескольких обедах и ужинах мне пришлось быть вместе с иерархами, но без Распутина...

Председатель. — Кто бывал на тех обедах и ужинах?

Андроников. — Были: Хвостов, Варнава, Серафим, а во второй раз — Белецкий, Хвостов и я.

Председатель. — Чем вы объясните отсутствие Распутина?

Андроников. — Хвостов не хотел с ним встречаться, не хотел его видеть... Затем, было чрезвычайно интересно вот что: в конце февраля или в марте был большой раут у Белецкого, на котором были: Штюрмер, Питирим, затем, — чуть ли не весь синод! — Все съехавшиеся архиереи, — еще кто-то... Но Хвостов отсутствовал: его не было.

Иванов. — Белецкий назначался генерал-губернатором в Иркутск. Почему это назначение не состоялось?

Андроников. — После этой знаменитой статьи (интервью), я помню, я выхожу от Штюрмера утром, вдруг навстречу, впопыхах, бежит Белецкий, — звезда у него летит... Я спрашиваю: «Что случилось?» — «Что-то скверное... У меня предчувствие... Я не знаю, что... Погодите: сейчас скажу...» Я подождал, и Штюрмер ему объявил, что его кандидатура в генерал-губернаторы отпадает, вследствие его интервью... Это было в марте 1916 года.

Председатель. — Белецкий с Распутиным до конца дней Распутина были в дружбе?

Андроников. — Да, Белецкий туда ездил. Они где-то встречались....

Председатель. — Теперь сообщите, что вам известно относительно Протопопова?

Андроников. — С Протопоповым я познакомился 15 сентября 1916 года. Должен сказать, что года два тому назад, мои знакомые Кашкины (тайный советник по Министерству Внутренних Дел) меня приглашают к обеду и говорят: «У нас с вами хочет познакомиться член Государственной Думы Протопопов». Что-то мне помешало, и я на обед не явился и Протопопова не видел. Я слышал, что А. А. Хвостов, очень почтенный человек, который не пускал к себе Распутина и не кланялся Вырубовой, — делал по своему, и Сухомлинова из крепости не выпускал — что он надоел императрице... Его считали лишним и нужно было его ликвидировать...

Председатель. — Кто вам это говорил?

Андроников. — Все это было так ясно и так видно по всем действиям, что, даю вам слово, я бы вам соврал, если бы я сказал, кто мне это говорил...

Председатель. — Вы сказали, что Хвостов надоел императрице. Скажите, как вы себе в реальных чертах представляете роль бывшей императрицы?

Андроников. — Очень просто: властолюбивая женщина, которая считала, что она может Россию спасти тем, что она всех в бараний рог согнет и будет над всеми главенствовать... Я знал о ней раньше, бывая у одной моей родственницы, от графа Гендрикова, состоявшего при императрице. Этот граф Гендриков неоднократно рассказывал, какие у нее либеральные взгляды были, чисто конституционные, — на все... Эти взгляды, конечно, с годами изменились, в силу каких обстоятельств? — я не знаю, — но в корень изменились... После конституционных воззрений, которые у нее были раньше, она стала страшной поборницей самодержавия и если бы не она, то, очень может быть, что у нас давным давно было бы ответственное министерство... Но она сдерживала бывшего императора и влияла на это. Теперь такая картина. В самом начале войны или до войны императрица берет бразды правления, чего раньше не было, потому что она в политические дела не вмешивалась. Во-первых, ей было неприятно, что целый ряд великих князей влиял. Она всегда не любила великого князя Николая Николаевича, хотя безусловно она могла быть ему обязанной, потому что Распутина выдумал великий князь Николай Николаевич...

Председатель. — Каким образом?

Андроников. — Очень просто. У него заболела легавая собака в Першове. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар заявил, что по щучьему велению — это довольно странно! Он заявил, что у него есть такой заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщик был выписан: оказался г-н Распутин. Он заговорил собаку. Я не знаю, каким

это образом возможно, была ли это случайность или нет, но факт тот, что собака не околела...

Председатель. — Откуда вы это знаете?

Андроников. — Я знаю из рассказа одного из покойных Газенкампфов. Потом заболела герцогиня Лейхтенбергская. (Она еще не была великой княгиней: она была невестой Николая Николаевича, жила в Першове.) Распутин ее тоже заговорил — одним словом, она ожила... Великий князь и герцогиня знали наклонность императрицы Александры Федоровны к гипнотизму (как вы изволите помнить, был сначала Филипп, потом Папиус и целый ряд других гипнотизеров), и вот они рекомендовали Распутина государыне. Это было давно; лет 10 тому назад. Тогда совершенно скромно явился этот мужичок, который развернулся впоследствии в большого политического деятеля.

Председатель. — Для вас несомненна политическая роль Распутина?

Андроников. — Ясно, как божий день! Если он позволял себе звонить к министрам и говорить: «Я тебя сокрушу, выгоню»...

Председатель. — Не только говорил, но в иных случаях и реализовал...

Андроников. — Реализовал, потому что он имел огромное влияние: он вхож был к больной императрице и к сумасшедшей Вырубовой, и этих двух заставлял делать все по-своему. Они, в силу гипноза, опять таки совершенно болезненного, всецело подчинялись всем требованиям этого глупого мужика...

Председатель. — Вернемся к моменту стремления бывшей императрицы к власти...

Андроников. — Императрица видит, что целый ряд великих князей дают свои советы,—советы, часто ей не нравящиеся; в особенности, она воевала с великим князем Николаем Николаевичем и двумя «черногорками», — Милицей и Анастасией Николаевнами. Они были раньше очень дружны, потому что все могли поставлять гипнотизеров... Потом они перегрызлись, — в корень разошлись и рассорились... Говорят, предлогом этой ссоры было желание Анастасии Николаевны во что бы то ни стало выйти за великого князя Николая Николаевича... Факт тот, что бывшая императрица разошлась с «черногорками» и всячески старалась устранить их влияние. Между тем, личные отношения государя с Николаем Николаевичем всегда были хорошие, потому что Николай Николаевич командовал гусарским полком тогда, когда государь, в дни молодости, служил в этом полку. Великий князь вмешивался во все дела, уже как бывший инспектор кавалерии, затем, как председатель совета государственной обороны. Он же тогда спихнул бывшего военного министра Редигера за то, что тот согласился с мнением члена Государственной Думы Гучкова, который заявил, что великим князьям нужно сойти со сцены... Редигер согласился

с этим, — и великий князь настоял, чтобы спихнули Редигера. И тогда был, совершенно случайно, назначен Сухомлинов... Все это не нравилось императрице. Сознавая это, государыня решила взять в свои руки бразды правления и решила ограждать бывшего государя от тех министров, которые могли бы на него легче влиять. Таким образом, она официально вмешивалась... Я это отношу — начало этого — ко времени до войны, к последнему году, потому что раньше это не проскальзывало... Затем, является такой министр, как Хвостов, сенатор, который совершенно не покладист, позволяет себе иметь свое мнение. А. А. Хвостов заявляет, что он Распутина не пустит через порог своей двери, что он на поклон к Вырубовой не пойдет... Это все шло против шерсти властолюбивой женщины. Она решила, во что бы то ни стало, быть вежливой и вызывала его несколько раз, была очень любезна; но в душе этого простить не могла... И в один прекрасный день, т.-е., значит, 17 декабря — это было все предрешено — Хвостов оказался неудобен... Кстати, нужно сказать, что Хвостов со Штюрмером совершенно не ладил, — принципиально с ним расходился, потому что Штюрмер, будучи назначен министром иностранных дел, продолжал воображать, что он министр внутренних дел, и своих кандидатов в Министерство Внутренних Дел на различные посты октроировал, навязывал А. А. Хвостову. Так, между прочим, относительно директора департамента полиции — может быть, вы изволите помнить? — была статья в «Речи», которая авторитетно заявляла, что назначается полковник Резанов. Это было при содействии Штюрмера, но к счастию, это не состоялось.

Председатель. — Вернемся все-таки к Протопопову.

Андроников. — Я как-то был у Хвостова, и он мне заявил, что он уходит, что это — факт решеный и что будет назначен Протопопов... Тогда я посмотрел «Весь Петроград» и звоню к Протопопову: — «Доложите, что князь Андроников просит разрешения приехать»... Мне ответили, что просят приехать сегодня же... Через несколько часов я поехал. Не помню: 14-го, кажется, это было, или 15-го? Я приехал в 9 часов вечера на Кирочную, где он жил. Подождал некоторое время. Вышел ко мне военный, который ко мне направился, потом вышел Протопопов, которого я впервые имел честь видеть, — посмотрел вдумчиво в глаза... Смотрит на меня и говорит: «Я много слышал о вас, хотел познакомиться»... Припомнил о несостоявшемся обеде у Кашкина; сказал, что он слышал, как кто-то из покойных иерархов назвал меня «апостолом господа бога»... Ему очень понравилось мое амплуа, — он знает, что я оригинальный человек... Я, с своей стороны, заявил: «Я слышал, что вас назначают на пост министра внутренних дел. Очень прошу вас быть откровенным и сообщить мне сведения, которые мне необходимо дать о вас в моем журнале — изложить вашу программу»... Затем, я указываю на

некоторые мои больные пункты, на некоторых чиновников, относительно которых я не считал бы возможным, чтобы они оставались, например — Палеолог... Он выслушал, наговорил мне без конца, что он либеральный, что он такой, что он сякой, что он введет, прежде всего, законность и справедливость... Разговор шел от половины десятого до половины третьего ночи. Вы можете себе представить, что в этот промежуток времени, можно было друг с другом три раза познакомиться, погрызться пять раз и потом опять сойтись, — что и было сделано... Я был приятно поражен, когда он мне рассказал, что к нему явился какой-то еврей, и он спрашивает его: «Вы по делу газеты?» «Нет». — «По делу банков?» «Нет». — «Вы по военному делу?» — «Нет, я по личному делу: я отец 4 сыновей, из которых 3 убитых на войне; а мой последний сын при смерти. Он получил Георгиевский крест, все отличия, и хотел бы умереть прапорщиком; будьте добры, похлопочите, чтобы его сделали прапорщиком!..» Одним словом, ему понравился чрезвычайно еврей, и тут у него показались слезы на глазах, из чего я ясно увидел, что этот человек хорошо относится ко всем... Наговорил мне с три короба: принял все, что я сказал, и просил меня у него непременно бывать... Затем, 17-го, состоялось это назначение. Если не ошибаюсь, 19 или 20-го я позвонил по телефону и спросил, когда я могу приехать... Мне сказали: «Сейчас». Это было в 1 час дня... Я ждал целый час, увидел его на полторы минуты в кабинете, — стоя... Он сказал: «Я так занят! Я еду на заседание...» Я сказал: «В вашей речи вы сказали, что вы будете проводить законность и справедливость... Я прошу разрешения, в память нашего разговора, прислать вам образ...» — «Охотно! очень вам благодарен...» Уехал. Вступив в министерство, он сказал прекрасную речь о закономерности и справедливости. Эта речь меня приятно поразила. Я решил послать ему образ спасителя, и сзади написал на образе слова из его речи; я был уверен, что эти слова о законности и справедливости он будет проводить в жизнь. Каково же было мое удивление, когда, через две недели, прошу по телефону разрешения быть принятым и мне отвечают, что думать нечего, никого не принимает!.. Я звоню к Балашеву, спрашиваю: «В чем дело?» Он говорит: «Никакой возможности нет!»

Председатель. — Как вы себе представляли механизм назначения Протопопова?

Андроников.— Я совершенно не знал вначале... Потом догадался...

Председатель. — Т.-е. не догадались, а узнали?

Андроников. — Он хотел, во что бы то ни стало, добиться власти и всех водил за нос, — говорил то, чего впоследствии не оказывалось, и не брезгал никакими путями!.. Для меня было ясно, что, так как Хвостов не понутру, то надо было найти человека

покладистого, который выполнил бы желания, который был бы вторым Сухомлиновым... Для этого было много способов. Во-первых, лечился у Бадмаева: там бывал Распутин, туда же втерся и Мануйлов-Манасевич... Для меня было совершенно ясно, что эта компания, конечно, будет способствовать его назначению... Оговариваюсь: еще одно, очень серьезное обстоятельство, которое говорило за Протопопова — это его посещение Англии и Италии... Как я знаю, английский король был от него в восторге, — от его, так сказать, разговоров... Он писал государю, что он находится под чрезвычайно хорошим впечатлением после беседы с Протопоповым и радуется, что в России есть такие выдающиеся люди. Это, конечно, — с одной стороны. С другой стороны — Распутин, митрополит Питирим, Мануйлов и остальные. Все они, конечно, очистили ему путь, и они, так сказать, великолепно это учитывали!...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, вам известны отношения Распутина с Протопоповым?

Андроников. — Это он мне сам сказал. Я с ним виделся два раза, но не у него, а у княгини Мышецкой, кузины Протопопова... Первый раз, когда я у нее просидел с ним пять часов, я его спросил: «Знаете ли вы Распутина?» — «Да, — говорит, — знаю»... «Какое он на вас производит впечатление?» — «Удивительно приятное — у постели больного... Я это испытывал, когда был болен: он мне помог... И вообще это личность замечательная!»... Я замолчал. Во время нашей беседы вдруг телефон звонит. Приходит человек и говорит: «Генерал Курлов»... Я вытянул лицо и говорю: «Неужели вы с этим негодяем знакомы?» — «Это мой друг!»... (Как политический деятель, я не мог взять своего слова обратно...) «Я, — говорит Протопопов, — его знаю, как чрезвычайно приятного человека»... — Христос с тобой, дорогой Павлик!» — говорит он по телефону: «Спасибо! Все будет сделано». Я спросил. Он говорит: «Мы — конные гренадеры. Он мой большой друг и приятель, и он так много перестрадал, что вся вина может быть ему прощена»... Я говорю: «Не думаете ли вы его приблизить к Министерству Внутренних Дел?» — «Да, я усиленно думаю...» «Простите! Тогда мы друг друга не можем понять — потому что Курлов в Министерстве Внутренних Дел — это волк среди овец!» Первый, кого приблизил Протопопов — и самым незаконным образом — был, конечно, Курлов, который фактически был правой его рукой в департаменте полиции. Протопопов писал бумагу в Сенат, и Сенат эту бумагу вернул...

Председатель. — Скажите, какие были отношения у Протопопова с Мануйловым-Манасевичем?

Андроников. — Отношения были самые дружеские.

Председатель. — Почему вы знаете?

Андроников. — Потому что они друг у друга бывали. Потом я спрашивал у Протопопова, знаком ли он с Мануйловым, и он сказал, что — да... Вспоследствии говорил, что его процесса не следовало начинать... Я из этого заключил, что он за него горой стоит. — Почему нельзя было начинать это дело, раз он мошенник? Почему его нельзя судить?

Председатель. — А каковы были отношения Протопопова со Штюрмером?

Андроников. — Я думаю, что Штюрмер чрезвычайно боялся Протопопова: Протопопов был опасным конкурентом для него... Но потом они поладили, потому что у них были общие приятели; соединяющим звеном были те же: Распутин, Питирим и Мануйлов, которые их всех соединяли... Второй раз я видел его у Мышецкой 10 декабря и затем говорил по телефону несколько раз, и в день моей высылки, когда он врал по телефону мне, что он тут не при чем, что он ко мне относится хорошо, что это военные власти (а оказалось, что военной властью был он!). Он сделал это — страха ради иудейска, ибо я тогда порицал его деятельность...

Председатель. — Это вторая высылка?

Андроников. — Первая, в связи с делом Сухомлинова, не удалась: Маклаков заявил, что не за что меня высылать, и об этом было доложено государю.

Председатель. — 10 декабря у Мышецкой у вас разговор с Протопоповым был политического характера?

Андроников. — Да, мы вообще касались всех дел и выясняли, как он смотрит на вещи... Он чрезвычайно оптимистически относился! Я его спросил, почему я его не мог видеть у него, а случайно встречаю у кн. Мышецкой, и верно ли то, что Штюрмер, от имени императрицы, запретил меня принимать? Он говорит: — «Нет, прямо так сказано не было, но я понял так»... Тогда я на него набросился: «Как вы могли назначить Курлова? Как могли одеваться в жандармский мундир?»—На эту тему мы разговаривали без конца... «Вы не знаете; дайте мне выступить!» и т. д. Он спрашивает: «Скажите, за что меня не любят?» — «А потому, что вы были человеком одних убеждений, а теперь сделались plus royaliste que le roi, и этого общество вам не прощает! Зачем вы дурных людей привлекаете? Главным образом, — зачем вы привлекли ненавистного Курлова?» Вот такой разговор был... Затем, он самым бесцеремонным образом написал глупое письмо Драгомирецкому, директору департамента общих дел, бывшему директору департамента духовных дел: «Так как вы не в состоянии будете выполнять моих будущих предначертаний, то я не считаю возможным вас оставить!» Драгомирецкий был близкий мне человек. Ни жив ни мертв приходит он ко мне. Я надел очки — думал, что это неправда... Думал, что министр не мог подписаться под этой глупой бумагой... Но факт оставался фактом.

Я решил твердо заступиться за Драгомирецкого, который 27 лет безупречно служил в этом департаменте. Я просил свидания. Свидания не давали. Тогда я написал несколько самых серьезных писем, которые на него, оказывается, произвели впечатление, как он мне об этом сам 10 декабря говорил. . . Он сказал еще, что он страшно был возмущен, что его разговору с Варбургом придают не то значение, что потребовали какие-то сведения от нашего посланника Неклюдова в Стокгольме и что Покровский якобы действует против него. . . Тогда я говорю: «Я думаю, что это не совсем так. Если желаете, я узнаю от Покровского, что было послано в Стокгольм». . . Я тогда отправился к Покровскому, которого я хорошо знал — с того времени, когда он был товарищем министра финансов. Покровский сказал: «Я уполномачиваю вас передать Протопопову, что послано было до меня; но если бы я был на этом месте, я бы тоже послал запрос по поводу этого разговора». . .

Председатель.—В ваших показаниях относительно Штюрмера я отметил вот какое обстоятельство: Штюрмер вам еще в начале своей высокой политической карьеры говорил о том, что он хочет быть министром иностранных дел. Это так и исполнилось. . .

Андроников. — Причина была — недовольство Сазоновым за его польскую политику.

Председатель. — Откуда вы это знаете?

Андроников. — Об этом очень много говорилось! . . Вообще, я за всем следил 20 лет, — за время моей жизни в Петрограде. . .

Председатель. — Скажите, вы не видали следов соприкосновения со шпионством, с немецкой организацией — со стороны некоторых лиц, с которыми вы встречались?

Андроников. — Никогда не было и подозрения. . .

Председатель. — Ну, например, Альтшуллер?

Андроников. — Он был другом дома Сухомлиновых. . . Лично мне он внушал отвращение и омерзение! Я бы к себе, будучи военным министром, австрийского консула никогда, ни под каким видом не пускал. . .

Председатель. — А Гашкевич?

Андроников. — Она была в добрых отношениях с Сухомлиновым. . .

Председатель. — Одним словом, реальных фактов вы не знаете?

Андроников. — Не знаю.

X.

ПОКАЗАНИЯ А. Н. НАУМОВА

8 апреля 1917 г.

Содержание: Частные совещания у Штюрмера о снабжении фронта и продовольствии. Доклад Степанова о революционном движении. Роль Штюрмера. Совет Министров и общественные организации, обслуживающие фронт. Спасения политические. Записная книжка Наумова. Отношение его к «темным силам»—визит Штюрмера и телефонада Распутина. Распутин на общем приеме у Наумова; беседы с Николаем II и его характеристика. Ассигновка Штюрмеру и Хвостову в 5 миллионов. Визит Белецкого к Наумову. О покушении Хвостова на Распутина. Отставка Поливанова. Тяжелое положение Наумова в Совете Министров. О всесильном Гурлянде. Внезапные резолюции Николая II. О роли Воейкова при Николае II. Вырубова и императрица. Беседа с Крыжановским о кандидатуре Сухомлинова в Государственный Совет.

Председатель. — Вы дополнительно представите некоторые объяснения? . .

Наумов. — Я сам просил разрешения быть сегодня — для того, чтобы указать некоторые даты. Мне казалось, вам особенно интересны те заседания частного порядка, которые происходили на квартире председателя Совета Министров, в то время бывшего министра внутренних дел Штюрмера, касавшиеся реорганизации военно-промышленных комитетов и вообще соотношений общественных организаций и правительственных мероприятий в деле упорядочения воинского снабжения и, частично, даже продовольствия. . . Первое из этих заседаний у меня отмечено в моем кратком дневнике 4-го июня 1916 года: «Вечером у Штюрмера Совет Министров по поводу военно-промышленного комитета». Значится также доклад Степанова, который заключал в себе данные относительно революционного движения в рабочих массах; указано, что в этом заседании был намечен ряд мер, в смысле более серьезного надзора со стороны военного министра, против чего восставал Трепов. По этому поводу была речь Шуваева. У меня отмечено: «Отрывистая, довольно своеобразная, но, во всяком случае, — в защиту военно-промышленного комитета и общественных организаций». Заседание не было окончено, и было ска-

зано, что будем еще собираться. И, действительно, следующий раз нас собрали 11-го июня. Трепов, бывший против надзора со стороны военного министра, имел в виду надзор со стороны всего правительственного органа, возглавляемого председателем Совета Министров: «11-го июня вечером совещание у Штюрмера — опять по поводу военно-промышленного комитета. Хотят все ломать вместо того, чтобы проявить разумно и серьезно свой надзор». Вот моя заметка. . . Это моя точка зрения.

Председатель. — Скажите, как сочеталась тут точка зрения ломки военно-промышленного комитета со взглядом на военно-промышленный комитет, как на организацию, работающую на войну, если такой взгляд разделяли присутствующие?

Наумов. — Эти заседания были организационные. Вот у меня тут отмечено, что было еще два заседания. Разрешите сообщить эти даты. 18-го июня было опять заседание. На этот раз я открыто высказал серьезные по этому поводу с своей стороны возражения. Вы меня спрашивали прошлый раз относительно секретаря. Я помню: секретарем был Лодыженский. Но был еще Фогель, личный секретарь самого Штюрмера, который сидел на всех заседаниях, — с моей точки зрения — тайных заседаниях. . . Тут уже высказывалась видимо тенденция не только организовать по-новому, в смысле усиления надзора, но уже серьезным образом нарушать дееспособность комитета. Против этого высказывались: Шуваев, я, кажется Игнатьев, во всяком случае, мы заставили в ту всегда холодную, обыкновенно обезличивающую редакцию журнала, которая стилизировалась Лодыженским, вставить наше заявление о необходимости усиления надзора, не в ущерб, однако, заказам. . . На эту уступку пошли, и мы были более или менее удовлетворены, и дали свои подписи. Вероятно, Шуваев еще больше даст вам материала, не только по тем вопросам, которые я знал, но и по самому существу дела. Я знаю, что на него не подействовало сильно. . .

Иванов. — Штюрмер как высказывался?

Наумов. — Штюрмер всегда имел такой величавый хладнокровный вид! . . Я лично никогда от него не слыхал совершенно определенного ответа на какие-либо самые серьезные, так сказать жгучие, злободневные вопросы. . . Это всегда как-то от него отскакивало. Он никогда не проявлял определенного отношения, не реагировал на то, что волновало каждое из тех лиц, которые составляли в то время кабинет министров. У меня этих вопросов была масса. Я считал себя не столько министром земледелия, сколько министром продовольствия и снабжения. Я относился совершенно отрицательно к каким-либо обращениям к самому Штюрмеру, считая это совершенно ни к чему неприводящим. . . Но, думается мне, у него была совершенно определенная мысль, — во всяком случае, итти против *всякой* общественности. Я уже

в прошлый раз имел случай вам говорить, что неоднократно на мои заявления о невозможности работать и просьбы доложить об этом государю, в виду его частых поездок в Ставку, — он отвечал уклончиво, и, напротив, просил оставаться и говорил, что все образуется и устроится. . .

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, какую позицию занимал в этих заседаниях, относительно военно-промышленного комитета, бывший морской министр Григорович?

Наумов. — Насколько мне память не изменяет, он был только раз на этих заседаниях, потом он, кажется, уехал. . . Ясно и определенно я помню Шуваева. У меня еще отмечено заседание 24-го июня, касающееся военно-промышленного комитета. После моего решения, во что бы то ни стало уйти окончательно, я счел своим долгом выявить свои условия работы путем интервью с прессой. Тогда у меня было несколько человек корреспондентов, и я высказал свой взгляд о тех условиях и взаимоотношениях между правительственной властью и общественными организациями, которые с моей точки зрения могли бы принести пользу и являлись бы допустимыми. . .

Председатель. — Вы назвали эти заседания организационными, т.-е. в некотором роде подготовительными, но подготовительными — к чему?

Наумов. — К тому, чтобы реформировать все: самую схему организации военно-промышленного комитета. В Совете Министров высказывалось желание упорядочить дело всех общественных организаций, которые образовались при начале войны, т.-е. Всероссийского Земского и Городского Союза и военно-промышленного комитета. В Совете Министров не раз высказывались по этому поводу заявления и соображения, которые при мне еще не осуществлялись. Что после меня было, я не знаю, и о результате доклада Степанова, относительно этих организаций, — мне тоже неизвестно. Если я подписал журнал, то это касалось заказов военно-промышленного комитета; оговорка моя и Шуваева была помещена: «Без ущерба интересам войны». А остальное я не знаю. Я уехал в деревню и все время жил там.

Иванов. — Когда возбуждался вопрос о необходимости реорганизации, очевидно, должны были выставляться мотивы, почему та организация, которая существовала, не удовлетворяла. В чем же она не удовлетворяла?

Наумов. — Эти материалы вы найдете в соответствующих докладах. Но, насколько мне память не изменяет, с одной стороны, указывалось на то, что средства, даваемые в эту организацию, не достигают цели. Известный процент приводился в доказательство, что военно-промышленные организации какой-то минимальный процент давали по осуществлению заказов, между тем это дорого стоило казне. . .

Иванов. — Указывалось на недостатки чисто организационные или на то, что не достигалось цели, не давалось тех предметов снабжения, которые нужны были?

Наумов. — Помимо критики материальной стороны дела, думается мне, был и другой мотив, мотив чисто политического характера, т.-е. предположения были, что на место наше желают непременно стать эти организации, т.-е. Всероссийский Земский и Городской Союз и военно-промышленный комитет, которые за длительный период войны настолько сковались, что решили нас, т.-е. правительственую власть, сместить... Между тем, когда кн. Львов или Челноков приходили ко мне относительно сотрудничества, я посильно шел к ним навстречу. Но у них всегда при этом была оговорка: «Вот каково отношение со стороны правительства»... Я говорил, что, «действительно, я слышал, как будто бы вы хотите заменить нас... При этих условиях я, как член кабинета, не буду согласен итти рука об руку с вами; если же вы пойдете навстречу нам лишь в смысле помощи, то рад с вами совместно работать». Они постоянно говорили: «Конечно, в смысле помощи!» Я откровенно высказывался, где только мог. Если возьмете стенограммы выступлений моих в Государственной Думе и секретные стенограммы Государственного Совета (мартовское мое выступление), то там найдете мое credo. Повторяю, несомненно, здесь играли роль политические мотивы...

Иванов. — Но ссылки были на материальную сторону?

Наумов. — Ссылки на недостатки снабжения и малую производительность военно-промышленного комитета. Что касается Земского Союза, то в отношении помощи раненым я всегда слышал самые лучшие отзывы.

Ольденбург. — Обсуждался ли вопрос о том, что совещания по обороне и его комиссии относились всегда сочувственно к общественным организациям, а представители правительства часто расходились с членами палаты и другими представителями общественности? Совещание по обороне чрезвычайно тесно с ними соприкасалось, и отношение этого совещания для правительства должно было служить известным мерилом. Этого совершенно не касались?.. Между тем и военному министру это было близко известно, потому что он председательствовал на совещании по обороне...

Наумов. — Мне кажется, Поливанов и Шуваев могли бы сказать по этому поводу что-нибудь более ясное и определенное...

Председатель. — Может быть, вы сделаете так: будете перелистывать вашу записную книжку (вы знаете по опыту прошлого вашего показания, что нам интересно) и в конспективном порядке отметите то, что забыли отметить прошлый раз, когда не имели перед собой этой книжки.

Наумов. — Я очень сожалею, что мне так внезапно был поставлен вопрос относительно освещения огромной области: ведь насколько я понял прошлый раз, вас интересовало мое отношение к Штюрмеру и к темным силам, но в каком смысле: в смысле моего ли личного отношения или объективно, т.-е. поскольку эти темные силы действовали?

Председатель. — Нам интересно было бы выслушать вас и в первом и во втором смысле.

Наумов. — Факт самого назначения Штюрмера произвел чисто ошеломляющее впечатление! Указ об увольнении Горемыкина был 20 января, и назначение Штюрмера последовало 20 же января. 21 января состоялся визит ко мне Штюрмера, который разделил мой взгляд на созыв Государственной Думы. Тут же дальше у меня пометка: «Секретарь мой доложил, что Распутин желает, чтобы я принял его в 5 часов вечера в тот же день. Я отказал, объяснив, что он может явиться ко мне на общий прием»...

Председатель. — Это было в тот же день, что и визит Штюрмера?

Наумов. — У меня значится 21 января. Я попрошу позволения прочесть так, как у меня записано: «объяснив, что он может явиться ко мне в общий прием». — «Обиделся!» — заявляет мне секретарь... Пишу: «Посмотрим... Чем скорей освобожусь, тем лучше!» Дальше следует: «Бедная Россия!» Вот то впечатление, которое произвел на меня этот инцидент... Этот момент мне воочию показал, насколько это сильная фигура! . Вечером, несколько раз я слышал по телефону: «Что вы сделали? Вас, вероятно, скоро из министров попросят!» — «Ну, и отлично, — отвечал я, — чем скорей тем и лучше!» Кто говорил — не знаю, — и женские голоса и мужские... Дальше было интервью с Клячко, представителем печати. Его рассказы о назначении Штюрмера, о желании свалить Игнатьева и меня... У Клячко удивительная осведомленность... На следующий день, 22 января, у меня был общий прием. Масса разных лиц. Явился Распутин. Я вышел в зал и по очереди подходил. Подошел к нему. Теперь доложу свои впечатления, как они кратко обозначены в моей записной книжке: «Отвратительный мужик, делающий круглые глаза. Я в упор на него посмотрел. Он опустил глаза. Я чувствовал, что его поборол... Чувство гадливости. Впечатление я произвел на всех сильное. Все восхваляли мое гражданское мужество — для меня это было отвратительно!..» Затем, дальше: «Совет Министров. Впервые Штюрмер. Иные песни: министры решили созыв Думы бессрочной...» Отмечено: «Моя победа»... Затем получил сведения, что Распутин, после моего приема, поехал в Царское жаловаться. Его сопровождала княгиня Долгорукова на своем автомобиле... Пишу: «Я в восторге, — как после удачной охоты! Штюрмер хотел меня выставить, но запнулся о цар-

ское распоряжение. . . Поживем — увидим. Противно работать при этих условиях!» (Это касается появления Распутина. . .) В дальнейшем изложении я был бы благодарен, если бы вы сами мне подсказывали: я, может быть, постепенно вспомнил бы и давал бы известные данные. . .

Председатель. — Сначала воспользуемся вашей книжкой: если бы вы вкратце упомянули все, что у вас заложено? Это будет очень полезно.

Наумов (читает): — «25 января у меня был доклад государю, где я настаивал на созыве Государственной Думы и об отношении к ней. . .» Я долго и горячо говорил государю, что если он искренно будет относиться, — тогда будет все упрочено; но чтобы искренность была настоящая! . . Я, помню, говорил государю так: «Если ваше величество верите мне, то помните, что Государственная Дума — добрая половина ее — состоит из земцев, моих единомышленников; если бы вы их приближали к себе путем не только официальных бесед, а путем приглашения для того, чтобы с ними поговорить о нуждах и состоянии России, о том внутреннем волнении, которое в настоящее время распространяется, в силу известных влияний, — тогда ваше величество были бы не односторонне осведомляемы при управлении такой обширной страной. . .» Я неоднократно государю говорил об этом.

Председатель. — А что отвечал вам ваш собеседник?

Наумов. — Государь всегда соглашался. Я никогда не уходил от государя неудовлетворенным. . . Но, в результате, — получалось чрезвычайное разочарование с моей стороны! . . Первое мое разочарование было по поводу первого же моего выступления в Совете Министров относительно использования немецких земель. Образовалось меньшинство из нескольких лиц: Сазонов, Игнатьев, кажется, Трепов — и я. Было предложено два способа ликвидации немецкого землевладения: или в такой форме, как ныне установлено, — путем деятельности крестьянских банков, или же признать ликвидацию в смысле реквизиции немецкого землевладения. Вот к последнему решению я и примкнул. Я считал, что если отобрать немецкое землевладение, это именно мера временного военного характера, при чем возможно было бы использовать эти земли быстро, с точки зрения учета посевной площади и утилизации ее. . . Но большинство высказалось против. Мы заявили о своем несогласии. . В этом отношении порядок был таков: если заявляется несогласие, то меньшинство может самостоятельно государю докладывать свое по этому поводу мнение. В виду этого я высказывал свои соображения государю, и он со мною согласился. При чем министры Барк и Игнатьев, бывшие у государя после меня, подтвердили, что государь признал нашу точку зрения совершенно правильной. А через неделю он сделал резолюцию: «Согласен с большинством». Это на меня произвело

тяжелое впечатление. Если бы государь сказал: «Я подумаю», но он сказал: «Я совершенно и вполне согласен», а потом, через неделю, — изменил свое решение... Это очень характерный эпизод, который обрисовывает его безволье...

Смиттен. — Вы не можете сказать, какие именно, влияния действовали на бывшего государя, по поводу вашего доклада о немецком землевладении?

Наумов. — Я думаю, что так было доложено Горемыкиным: он был представитель большинства. Затем, на 26-е января у меня записано так: «Смена государственного контролера. Вместо Харитонова — Покровский: прекрасный человек!.. 2½ часа — Совет Министров. Журнал заготовлен: об ассигновании, по высочайшему повелению, в распоряжение Штюрмера и Хвостова (у меня так записано) 5 миллионов рублей в безотчетное распоряжение. Возмущение общее! Вынужден был дать подпись. Решение бесповоротное — протестовать — в пятницу подать заявление... Разговор по этому поводу с Покровским, который зашел прямо из Мариинского дворца в мой кабинет. На него произвело подавляющее впечатление. Он в первый раз попал в заседание Совета Министров. Мы решили вместе подумать...» Это было 26 января 1916 года. Потом дальше занесено у меня в книжке следующее: «Решение уйти—бесповоротно». Меня ужас просто взял! Я работал в верховной комиссии, был участником такой комиссии, которая обследовала целый ряд дел, и потом мне пришлось самому попасть в состав Совета Министров и быть невольным участником, с моей точки зрения, — полного беззакония!.. Но затем, дальнейшее: 29 января переговоры по телефону были с Покровским, относительно этих 5 миллионов. Покровский мне сообщил, что Штюрмер решил сам заявить о контроле 5 миллионов. Затем было заседание Совета Министров 29 января, Штюрмер действительно заявил в этот день о высочайшем повелении подчинить пятимиллионный расход государственному контролю...

Иванов. — Значит, эта сумма была выдана.

Наумов. — Нет. Он затем совсем отказался... 27-го у меня был разговор с князем Васильчиковым — членом Государственной Думы, который ко мне зашел в кабинет. Я к нему всегда отнесился с большой симпатией... Я ему сказал все откровенно, по поводу составления журнала о 5 миллионах. Я был возмущен и был рад, когда в Государственной Думе после этого сделано было всенародное заявление о 5 миллионах... По этому поводу, в Совете Министров было заявлено о том, что как это странно, что некоторые вопросы, которые носят чисто конфиденциальный характер, делаются достоянием широких масс...

Председатель. — Это не Штюрмер сделал такое заявление?

Наумов. — Я не помню... Позвольте мне докончить об этих 5 миллионах. 1-го февраля в одном частном доме я встретился

с В. Н. Коковцовым. Он говорил об этих пяти миллионах. Видимо очень сочувственно отнесся к нашему с Покровским поведению. Он хорошо всегда относился к Покровскому. Я лично не знал, на что, собственно, требовались эти огромные суммы, никто не был предупрежден... Может быть, некоторые и знали, но я не знал. Граф Коковцов мне сообщил, что таковая сумма предназначалась на предвыборную агитацию. При чем вот что у меня записано: «Горемыкин сначала Хвостову отказал, а теперь это прошло». Далее у меня, отмечено: «5 февраля было заседание Совета Министров, где требовался некоторый аванс от Совета Министров царицынскому заводу». Я тогда заявил, что как бывший член верховной комиссии, обследовавшей специально дело царицынского завода, совершенно определенно протестую против каких-либо авансов, так как я познакомился недавно детально с положением царицынского завода. Против этого было видимое, как у меня записано, неудовольствие со стороны адмирала Муравьева...

Председатель. — Было отказано в авансе?

Наумов. — Да, было отказано. Затем, по поводу царицынского завода было в Совете Министров еще одно заседание (это было незадолго до моего ухода) — относительно передачи в казну или вообще приобретения царицынского завода... Было сделано предложение, чтобы комиссия, которая будет принимать, была бы сосредоточена в морском ведомстве. Но по настоянию моему и тех, которые поддержали меня, решили избрать комиссию из состава всех заинтересованных ведомств с участием Государственного Контроля... Затем, в дальнейших моих кратких записках остановлюсь на более интересных для дела... Так, после моего думского выступления, — 18 февраля 1916 года, — отношение ко мне со стороны многих было очень хорошее: приветствовали меня; а с другой стороны — отношение некоторых лиц, в том числе и некоторых членов кабинета, — было тайно или явно недружелюбное... Далее, запись 3 марта: «У меня в министерстве был с визитом Белецкий, представившийся мне, в качестве назначенного иркутским генерал-губернатором...» Человек этот безусловно был осведомлен обо всем, что происходило в тех верхах, где, так сказать, высшая политика решалась. Не могу удостоверить, происходило ли это от близости его к темным силам, а может быть, происходило от прежнего положения директора департамента полиции, — в близких отношениях я с ним не был,— особенно в период столичной службы... Явившись ко мне в кабинет, Белецкий стал желчно рассказывать о «Хвостовской неделе...» (Помните: когда Хвостов являлся в качестве члена Государственной Думы, сидел среди членов, оставаясь министром? Затем, предположение о покушении Хвостова на Распутина, — дело, которому не дали, однако, ходу...) Белецкий заявил: «Хвостов будет отставлен, министром внутренних дел будет назначен Штюрмер».

Затем он говорил о последнем указе, о влиянии Распутина на Штюрмера, про их почти ежедневные телефонные переговоры. . . Я говорю Белецкому: «Вы, Степан Петрович, откуда все это знаете?» — «Уж знаю! . .» Дальше у меня отмечено так: «Был Кривошеин. Он заявляет о моих успехах и о том, что у меня являются горячие поклонники; но на ряду с этим, масса врагов». Думается, что он разумел под ними некоторых членов кабинета: это — материал, если хотите, который касается условий моего ухода. Тут, помимо разногласий в кабинете, является некоторое отношение, чисто субъективного свойства, со стороны некоторых из его членов. . . «17 марта был у меня А. А. Поливанов. Печальный рассказ об условиях его отставки. Говорит, что его доконали . . .»

Председатель. — Может быть, вы остановитесь на этом: что вам по этому поводу приходит на память?

Наумов. — Мне вспоминается, что когда А. А. Поливанов пришел ко мне 17 марта, он был очень расстроен. (Мы с ним были в самых добрых отношениях.) Он совершенно откровенно говорил, что он прямо был подавлен условиями своей отставки. Вот его слова относительно условий отставки: «Отставили даже без высочайшей благодарности за старые заслуги. . » Но он рассказывал, что у него масса сочувствующих со всех сторон. Заезд был японского посла, который выразил ему сожаление от имени всей нации. Догадки о причине тут у меня указаны: «Распутин, *плюс* — братолюбовская история, где замешаны великие князья Михаил Александрович и Борис Владимирович. . .» Он указывал на то, что, очевидно, братолюбовская история была поддержана сильным временщиком Распутиным. . .

Председатель. — Александр Николаевич, может быть, вы, в нескольких словах, нам воспроизведете эту историю?

Наумов. — Я боюсь, что не удовлетворю вас: я думаю, что А. А. Поливанов, если вы его допросите, скажет вам более подробно. Смысл был такой: Братолюбов изобрел горючую жидкость, воспламяняющуюся. Он долгое время все хотел, чтобы военно-технический комитет сделал испытание, но это никак ему не удавалось. В конце концов, как — я не знаю (может быть, тут Распутин играл роль), но он заручился сильными мира сего. . . Очевидно, и великие князья тут играли роль. . . Я помню, что был ряд высочайших повелений по этому поводу, — и затем предоставлены были в его распоряжение масса денег и право чуть ли не реквизиции домов для осуществления этого предприятия. . . Была дана огромная власть! Это настолько испугало Военное Министерство, что им, помню, была составлена особая записка. Состоялось даже заседание Совета Министров частного характера, специально для того, чтобы заслушать доклад генерала Лукомского. Дело это было, действительно, сенсационное — и, по существу

своему — более чем странное! По этому докладу соображения были доложены государю А. А. Поливановым. Государь был в большом смущении: ему-де докладывали совершенно иначе... В каком положении это дело теперь, — я не знаю... Перехожу к цитированию дальнейших моих заметок. 20 марта: «Начались первые слухи о моем уходе...» Как раз князь Львов был у меня, и мы беседовали на злободневные темы. Беседовали мы откровенно: я обещал мое сотрудничество, если они не хотят правительство заменить... Затем было «заседание Совета Министров по поводу парижской конференции. Моя резкая защита сельского хозяйства и упреки Совету Министров в том, что интересы сельского хозяйства были совершенно им игнорированы...» Вообще, в этом отношении, мне приходилось очень часто копья ломать и кровь портить, потому что, действительно, наше сельско-хозяйственное дело было в совершенном загоне у Совета Министров, и мне всегда приходилось с большим трудом доказывать, что эти интересы должны быть поставлены, с моей точки зрения, во главу угла! В тот же день, 20 марта, — «аудиенция у Штюрмера, после заседания по поводу парижской конференции: мое заявление о решении уйти из министерства, его протест и просьба остаться...» Тогда это было в таком положении, что я еще не окончательно решил, потому что условия были такие, что я еще мог более или менее выдерживать положение вещей... 21 марта было мое выступление в закрытом заседании Государственного Совета. После этого были отклики моего выступления и недовольство им. Недовольство, которое не высказывалось, но проглядывало в отношении ко мне Штюрмера, потому что то доброе, даже ласковое отношение, которое я встретил в самом начале, оно исчезло... Между прочим, в записной книжке у меня отмечено мое тяжелое положение в связи с крайне бесцеремонным, с моей точки зрения, отношением Совета Министров, в смысле отобрания в моем отсутствии, помимо меня, всего того количества военнопленных, которое я собирал для сельско-хозяйственной промышленности. Меня это глубоко возмущало!.. Я, при самом вступлении в министерство, задался целью образовать фонд для сельского хозяйства, а когда мне, в конце концов, это удалось, — в мое отсутствие, в то время, когда я был в Государственной Думе, — 25 марта, Советом Министром 50.000 военнопленных из этого фонда были взяты!.. Это постановление Совета, по докладу кн. Шаховского, состоялось в марте, когда на юге начались работы... Тут я написал письмо Штюрмеру. Приходилось итти на очень резкие объяснения. У меня записано: «29 марта в Совете Министров были заслушаны претензии кн. Шаховского относительно военнопленных, Досадно, что члены Совета Министров не отдают себе отчета о сельском хозяйстве. Обидно, что много было сделано в течение многих месяцев для образования фонда для сельско-хозяйствен-

ных работ, и отбирают в острый момент начала сева...» В это время у меня был по этому поводу с Советом Министром целый ряд конфликтов. 31 марта в Совете было много говорено относительно неподачи топлива мельницам и сахарным заводам, что ставило в чрезвычайно затруднительное положение и мое министерство и всю работу продовольствия... Под этим числом у меня отмечено следующее: «Совет Министров из себя представляет состав лиц, про которых нельзя сказать, чтобы все они жили дружно. Кн. Шаховской вечно нервничает; Штюрмер попрежнему сонлив, сух. Военный министр в это время прикрывает шпагатный завод в Орле. Удалось отстоять. Штаб верховного командования требует одного миллиона работников, требование предъявлено, главным образом, ко мне, министру земледелия...» Вот, вы можете видеть, какое отношение к министру земледелия! Ясное дело, как у меня записано: невозможно при этих условиях работать!.. 15 марта был парадный обед у председателя Совета Министров, после коего, совершенно для меня неожиданно, состоялось целое совещание по поводу продовольствия... Штюрмер, видимо, хотел при всех поставить меня в затруднительное положение, потому что, совершенно не предупредив меня, заявил: «Вот Александр Николаевич, мы пользуемся тем, что вы здесь в присутствии некоторых членов Государственой Думы и Государственного Совета: не сообщите ли вы нам о том, в каком положении находится продовольствие?..» — Я говорю: «Я всегда готов отвечать по этому поводу... Но странно, что вы меня ставите в такое положение: при совершенно неожиданной обстановке, сложный и злободневный вопрос освещать заставляете...». Тогда В. Н. Коковцов задал мне целый ряд вопросов. — Я стал отвечать и почти перешел уже к форме серьезного доклада... 16 марта началась по отношению ко мне тяжелая газетная травля, по поводу пресловутого гнилого мяса, которое оказалось в холодильниках на Черниговской улице... У меня был целый ряд заготовленных опровержений, но эти опровержения не помещались... Тогда все дело печатных заявлений в газеты было сконцентрировано в руках секретаря Штюрмера — Гурлянда... У меня, между прочим, в записной книжке отмечено: «Есть предположение, что Гурлянд, всесильный секретарь Штюрмера, начал поход против меня...» По этому поводу у меня был резкий разговор со Штюрмером, потому что, несомненно, Гурлянд, который, видимо, стоял в его глазах очень высоко, был всесильным, и, пользуясь своим влиянием на Штюрмера, забрал в свои руки всю часть, касающуюся печати... При чем мне жаловались мои сотрудники, что если мы хотим что-нибудь печатать, то нужно непременно через Гурлянда. И, действительно, казалось странным, что такая огромная машина, как Министерство Земледелия и Министерство Снабжения, непременно должна только через Гурлянда печатать свои материалы! Я про-

тестовал против этого. Гурлянд явился ко мне и высказал желание, чтобы я его выслушал. Но тем не менее все составленные нами опровержения продолжали долгое время не печататься. Я был поставлен в очень тяжелое положение. . .

Председатель. — А какой разговор был у вас со Штюрмером относительно Гурлянда?

Наумов. — Я говорил: «Раз вы поручили Гурлянду, — вы с него и взыскивайте! Создали особое правительственное русло, чтобы печатать опровержения, а оно не печатает. . .» Он ответил, что сделает распоряжение, но не сделал. . . Он всегда обещал, но часто ничего не делал. Я слышал в обществе, что Штюрмер любит Гурлянда и близко его держит к себе. Все, кто бывал у Штюрмера, всегда наталкивались на Гурлянда, постоянно, где-то там, около Штюрмера, существовавшего. . . 18-го марта утром я опять-таки говорил Штюрмеру относительно моего окончательного решения уйти и просил подыскивать мне заместителя. Когда он меня спросил: кого же? — я говорю: «Пожалуйста, вы сами подыскивайте, кого угодно! . . Я лично никого не могу вам указать. . .» Продолжение этого разговора у меня в дневнике записано так: «Во всяком случае, будьте добры доложить государю, что я ухожу — с одной покорнейшей просьбой: остаться лишь членом Государственного Совета, так как я есмь (т.-е. я был выбранным от совета земств). Я особенно оттеняю это обстоятельство, потому, что, когда я получил потом назначение члена Государственного Совета, то очутился в положении невероятно тяжелом. . . С одной стороны, я был всегда корректным монархистом, и положение создалось такое, что несомненно мне дана была милость со стороны государя: эту милость я не могу вернуть обратно. . А между тем, до меня слух дошел, что Штюрмер распространяет, будто я просил его об этом! Ничего подобного не было. Напротив, я просил по этому поводу, чтобы не было никаких благодарностей, никаких наград, потому что я смотрел на всю мою службу, как и прошлый раз говорил, буквально как на каторгу духа и мозга! 18 часов в сутки работал при условиях невероятных — ни взаимного уважения ни взаимного доверия! . . Когда государь принимал мою отставку 28-го, он меня поздравил с назначением членом Государственного Совета. Я говорю: «Ведь я член Государственного Совета по выборам. . .»

Председатель. — Как же вы это объясняете: Штюрмер вас не понял, что ли?

Наумов. — Вам никогда не приходилось иметь с ним дело? Он представлял из себя какой-то ходячий церемониал: ни один мускул не движется. . . Говоришь ему что-нибудь — и будто видишь перед собой какой-то футляр. . . Я потом все время спрашивал, докладывал ли он государю? . . Я тогда стал государя подготовлять сам, ссылаясь на то, что я утомлен и т. д. Но потом

уже, в конце концов, решил... Я долго вынужден был колебаться, ибо бросать сразу портфель при такой обстановке, при которой мне приходилось работать, было невозможно, потому что перерыв был бы нежелательный для дела: я был тогда не только министром земледелия, а главное — министром по продовольственному снабжению... После разговора, который у меня был со Штюрмером, относительно моего желания безусловно уйти, — я 20 мая был в Могилеве с докладом к государю императору. Тут я государя предупреждал относительно своего сильно пошатнувшегося здоровья. Действительно, в это время у меня были сердечные припадки, началась бессонница; я государя предупреждал, что вряд ли я могу работать в дальнейшем... 21 мая приезжает туда же в Могилев Штюрмер. Я передал ему разговоры мои с государем, и он перекрестился, узнав, что я пока остаюсь... Конечно, я записал это, потому что видел в этом, безусловно, его неискренность. 26 мая интересная была беседа со стороны П. М. Кауфмана о влиянии Распутина на церковь, на Питирима, на внутренние дела, на Штюрмера... Я полагаю, что в этом отношении член Государственного Совета П. М. Кауфман мог бы многое осветить... Прошлый раз вы спрашивали: на кого бы я мог сослаться? — Он человек откровенный и был при Ставке... В конце моей службы, в среде Совета Министров чувствуется резкое ко мне отношение со стороны Трепова, Шаховского и К°... Особенно, в этом направлении, повидимому, действует Штюрмер... Конечно, долг подсказывал, что я должен оставаться «в окопах», — иначе говоря: на службе. А совесть подсказывала, что мне тяжело оставаться в этой обстановке! В июне месяце, со 2-го июня, начинается движение среди членов Государственного Совета; со стороны князя Щербатова, Голицына и других лиц, относительно необходимости выяснения вопроса о продовольствии, чему я лично был чрезвычайно рад в интересах всестороннего осведомления... У нас были добрые отношения с поименованными лицами, но этот вопрос был, очевидно, в Совете Министров принимаем с иной точки зрения. Иногда в Совете Министров обсуждение дел прерывалось внезапно, потому что высочайшая резолюция неожиданно обрушивалась и прекращала дело в том или другом направлении... Например, 3 июня в Совете Министров был вопрос о разгрузке Петрограда. Этот вопрос ранее обсуждаем был в течение нескольких месяцев. У меня был ряд заявлений и докладов по этому поводу. 3 июня мы опять принялись за этот вопрос. Вдруг неожиданное заявление генерала Шуваева о высочайшей резолюции: «Этим делом не заниматься!».. Сколько по этому поводу было заседаний предварительных и т. д... Но был доклад сделан в Ставке, и состоялась внезапная резолюция: не заниматься!..

Иванов. — Как вы понимали: почему?.. Вероятно, этот вопрос возбуждался: почему такое высочайшее повеление? Это был очень важный момент...

Наумов. — Тут касались вопросов о скоплении войск, и Шуваев, очевидно, предполагал, что эти войска нужны. Я не знаю, сколько теперь войск в Петрограде, но в то время было свыше 400.000. Лично я предлагал их разгрузить поблизости от Петрограда. Предлагал им быстро выстроить удобные деревянные помещения по железным дорогам — на случай необходимости мобилизации... В этот же день было резкое выступление генерала Шуваева по поводу железнодорожного ведомства и непорядков там. Шуваев нападал на Трепова, на все железнодорожные непорядки. Был ряд острых столкновений между ними... Это чрезвычайно тяжело отзывалось на мне лично. Я записывал свои впечатления в дневник: «Крест господень — служить и работать при этой обстановке»... 14 июня у меня отмечено: «Свидание у меня было с Игнатьевым в Могилеве. По его словам называли непрочным положение: Штюрмера, Шуваева и Трепова»...

Иванов. — Скажите, пожалуйста, вы не слышали о князе Андроникове: играл он какую-нибудь роль у Штюрмера и Хвостова?

Наумов. — Я князя Андроникова ни разу не видал и совершенно его не знаю. Между тем, я о нем услыхал с первых же шагов, когда я принял Министерство Земледелия — по поводу его Хивинской концессии...

Иванов. — Но в личную жизнь министров он не вмешивался? К вам не являлся?

Наумов. — Ни разу. Я об Андронникове слышал так же, как о Распутине, и т. д. Я их никого не знал, и решил так себя вести, как и раньше вел, т.-е. определенно отрицательно, если будет со стороны этой компании предъявлено ко мне какое-нибудь требование или известное желание!.. Дело Андроникова мне было доложено вскоре по вступлении в министерство. С первым докладом был Глинка и сказал: «О Хивинской концессии будет доложено князем Масальским»... Когда он упомянул об Андроникове, я дело это отложил. Познакомившись с ним, я увидел, что это важное дело и необходимо дополнить сведениями местного генерал-губернатора. Я решил это дело исследовать. Тут вопрос связан с пользованием водой. (Там земля имеет постольку значение, поскольку она орошается.) Это дело было вполне не обследованное, на мой взгляд, не упорядоченное было дело, откровенно сказать — и незнакомое!.. Я, по этому поводу, просил от местных властей подробное изложение и сведения о положении дела...

Председатель. — В какой роли выступал Андроников, в роли ли бескорыстного радетеля о повышении производительности земли

или культуры России, или это был просто ходатай, заинтересованный в проведении известного предприятия?

Наумов. — Я думаю, что последнее — скорее: Андроников казался одним из тех лиц, которые были заинтересованы новыми предприятиями...

Председатель. — Ваша книжечка исчерпана?

Наумов. — Она всегда к вашим услугам. Из первой книжки вы, между прочим, могли бы увидеть, что за ужас меня обуял, когда меня назначили министром! Так же интересны записи относительно Верховной комиссии. (Я вам некоторые приводил.) Там вы найдете, что морское министерство мною недовольно, в виду моего расследования Царицынского завода, и доводит об этом до сведения государя императора. При чем я отмечаю, что при этих условиях «тяжело работать»... Это было 23 октября 1916 года. Затем относительно члена Государственного Совета Карпова, указывавшего, что мое назначение в министры являлось результатом решения наверху изъять меня из Верховной комиссии, в виду чего он, Карпов — «хвалит за отказ» от поста министра... (Но, к сожалению, этот отказ ни к чему не привел!) Насколько мне помнится, я прошлый раз упоминал о Воейкове?.. Я лично с ним интимным образом не был знаком. Придворная сфера для меня, как провинциала, была совершенно незнакома. В результате, я могу давать характеристику постольку, поскольку говорили люди, которым я верил. Так, например, сошлюсь на кн. В. М. Волконского, который 12 января у меня завтракал. Мы давно с ним были знакомы по предводительству. Им было высказано определенно о необходимости отстранить государя от Воейкова, и потом наладить важное дело сближения с Думой. Будучи министром, я видел несомненно, что Воейков играл основную роль, в смысле советчика государя и сопровождавшего его всюду на прогулки. То же самое говорил Шавельский...

Председатель. — Как же представлялось вам и вашему собеседнику: что через Воейкова действуют темные силы и управляют Россией?

Наумов. — Думается, — при содействии знаменитой Вырубовой... Я не знал ее и никогда не видал. Я знаю ее отца, Танеева. Несомненно, основную роль играла сама императрица. Это мое глубокое убеждение! Императрица, видимо, имела огромное влияние, и думается, что Воейков был одним из тех лиц, который этому делу не только не мешал, но считал это за нормальное явление... Итак, главным влиянием пользовалась императрица, не только личным, но и через письма, которые посылала императрица из Царского в Ставку, по поводу тех или других лиц и отношений... Я думаю, что Петр Михайлович Кауфман мог бы многое из этой области показать. Он также скорбел. Он хорошо

ко мне относился и высказывался откровенно... Я всегда был таким монархистом, который говорил, что «не родина — для царя», а «царь — для родины». К сожалению, масса было таких лиц, как Штюрмер, которые любили только царя, а родина была забываема... И ради царя, чтобы царя не побеспокоить, чтобы царю было легко, ради этого, — они многое скрывали, или представляли доклад в ином совершенно свете... И я думаю, что государь находился в такой обстановке. А другие лица, которые считали, что сущность монархического правления — не только благо царя, но и благо родины, говорил с государем откровенно обо всем; но это всегда действовало на государя (я, по крайней мере, заметил) очень раздражающе!.. Когда касались вопроса какого-нибудь неприятного, государь обычно уклонялся: делал вид, как будто бы рассеянно слушал... Чувствовалось, что он к вам невнимателен... Или быстро какой-нибудь вопрос задавал, на который приходилось отвечать, обрывая нить того, что хотелось сказать... Думается мне, что Воейков был в этом отношении наиболее вредный советчик, который, очевидно, в угоду характеру государя, старался всяческим образом неприятные доклады сглаживать последующими прогулками, разговорами... Я помню, Шавельский (это было в июне месяце, когда назрел вопрос относительно моего ухода) был со мной откровенен, разговаривал о положении вещей, о влиянии Распутина, о том, что он предупреждал государя о роковом будущем; но, к сожалению, разговоры о Распутине ни к чему не приводили... Я сказал ему тогда: «Да, видимо, — это наше общее положение!..» Вот тогда Шавельский, мне помнится, сказал: «Часто я говорил государю о положении дела, но государь относился к этому поверхностно и невдумчиво»... Шавельский говорил о Воейкове: «Я этого Воейкова, в конце концов, испугал тем, что если случится народное какое-нибудь возмущение, то поверьте, вас не пощадят»... Тогда, будто бы, Воейков стал тоже по отношению внутренних событий более осторожен, и стал как будто бы говорить государю по поводу взаимоотношений Царского Села; о влиянии темного застенка в Царском Селе на ход дел в Ставке и внутреннее управление вообще... Шавельского, я думаю, комиссии тоже интересно было бы опросить, ибо думаю, что это — человек безусловно порядочный. Просматривая сейчас свою книжку за 1915 год, я считаю небезынтересным сообщить следующую отметку: «28 декабря 1915 года государь был в Царском, и мой доклад как раз совпал с этим числом. В этот же день приезжал государственный секретарь Крыжановский с докладом государю о назначении председателя Государственного Совета и членов Государственного Совета на 1 января 1916 года»... И вот, к моему глубочайшему изумлению, как участника Петровской Верховной комиссии, Крыжановский мне сообщил о возможности на 1-е января назначения Сухомлинова

членом Государственного Совета... От этой вести я пришел в ужас!.. Но потом, через несколько дней, тот же Крыжановский по телефону мне сообщил, что Сухомлинов не будет назначен. Но тогда, после первого сообщения, я по телефону начал говорить с некоторыми моими сотрудниками по Верховной комиссии. Они пришли в большое смятение: «Если это будет — сказано было нами — то будет общее возмущение, и то, чего все опасаются, случится гораздо раньше»...

Приложение.

ПИСЬМЕННЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ А. Т. ВАСИЛЬЕВА

чрезвычайной следственной комиссии.

I.

На предложенные мне вопросы отвечаю.

С конца июня 1913 г. по 7 ноября 1915 г. я исполнял обязанности вице-директора департамента полиции, а со 2 октября 1916 г. состоял директором того же департамента.

Директорами при мне были сначала С. П. Белецкий, потом В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит и, наконец, Моллов, а товарищем министра по конец августа 1915 г. состоял генерал Джунковский. Затем в сентябре 1915 г. полномочия товарища министра получил директор Моллов, а в конце октября того же года на должность товарища министра был назначен сенатор Белецкий. Последний, пригласив меня через несколько дней по вступлении в должность, сказал мне, что я очень устал и что он устроит меня членом совета главного управления по делам печати сверх штата, но что я буду использован для командировок, а именно, как мне потом при представлении ему сказал бывший тогда министром А. Н. Хвостов, «для контакта между центральным правительством и местною властью».

Хотя такие командировки и представляли материальную выгоду, однако я от них решил отказаться, о чем и заявил исполнявшему обязанности директора К. Д. Кафафову.

Департамент полиции состоит из следующих делопроизводств: I — личный состав, чины полиции, II — обязательные постановления, полицейская стража, III — счетное, IV — общественное движение, V — административная высылка, особый отдел — политическая часть, VII — законопроекты, VIII — сыскная (уголовная) часть, IX — все дела, связанные с войною. Кроме того, в департаменте имеются — регистрационный отдел, казначейская часть и архив.

В частности Особый отдел был подразделен на отделения, а именно I — общего характера переписки, II — социал-революционеры, III — социал-демократы, IV — инородческие организации, V — разборы шифров, VI — следственное было выделено и присоединено к V делопроизводству, VII — справки о благонадежности (бывшее VI делопроизводство). Кроме того, было специальное отделение, в котором сосредоточивались все поступавшие сведения о секретных сотрудниках местных жандармских управлений и охранных отделений.

Для меня лично совершенно неинтересно было в общем, кто именно состоит сотрудником, Петров ли, Сидоров ли и т. д.,—мне важно было знать, насколько данный сотрудник соответствует или будет соответствовать своему назначению и насколько он будет правдив. Здесь я кстати замечу, что о каждом случае изгнания сотрудника за предосудительные его в отношении розыска сведения оповещались циркулярно все жандармские власти в целях недопущения такого лица к делу.

Поэтому, когда мне приходилось самому читать бумаги или выслушивать доклады о сотрудниках, то я естественно обращал внимание на характеристику лица, но не на его имя. Этим я хочу объяснить, что я не в состоянии упомнить и здесь изложить имена всех сотрудников, так же точно, как я не мог бы назвать по фамилиям многих чиновников департамента, хотя некоторых знаю уже много лет. Но если мне напомнят о ком-либо или же покажут переписку, то я скажу то, что мне известно.

Так, например, 15 марта господин председатель чрезвычайной следственной комиссии спросил меня, кто такой «Старый», коего я рекомендовал московскому охранному отделению, как рекомендуют хорошего знакомого. Поставленный в такой редакции вопрос совершенно меня ошеломил, и я долго ломал голову, к чему это может относиться? Если формулировка вопроса остается такою, как здесь изложено, то я категорически отрицаю правдивость полученных комиссиею сведений. Но, может быть, этот вопрос относился в следующему случаю. Ровно три года тому назад бывший директор Брюн-де-Сент-Ипполит приказал мне (я был тогда вице-директором) передать полковнику Мартынову, чтобы он «связался» и впредь имел дело с сотрудником Малиновским.

Это поручение я и исполнил. Какую кличку дал Малиновскому полковник Мартынов, я не интересовался знать и не знаю теперь, с Малиновским я нигде и никогда не встречался и его не видел, а значит и рекомендовать его не мог.

Далее, на вопрос о «Пьере» могу сказать, что такой сотрудник был заграницею. Если я не ошибаюсь, то он во время войны приехал в Россию, где был призван в войска и отправился на Кавказ, при чем должен был присылать сведения, если таковые будут,

прямо в департамент. Как настоящая фамилия «Пьера», я не помню, — мне кажется, что он — уроженец Кавказа.

Знал я сотрудника «Шарля», который проживал под фамилиею Полонского, настоящую же его фамилию (он—еврей) я также не помню. Была у меня — должно быть тоже в 1914 году — Шорникова, которая затем была передана в распоряжение судебного следователя.

Я забыл упомянуть, что в состав политической части входила и заграничная агентура, во главе которой находился А. А. Красильников. У него были офицеры Люстих и Лиховской и чиновник Литвин.

Отношение к провокации со стороны департамента всегда было отрицательное. Лучше всего это выразилось в следующем факте. Кажется, в декабре 1916 г. начальник харьковского губернского жандармского управления, отвечая на какую-то бумагу департамента, между прочим высказал, что неосновательные, по его мнению, придирки к делу розыска департамента могут довести дело это до провокационных действий. На этой бумаге начальника управления я собственноручно написал, не помню точно, в каких выражениях, что малейшие намеки на провокацию вызовут со стороны департамента беспощадное отношение ко всем, замешанным в провокации, лицам. Затем, по моим указаниям была составлена ответная бумага, которую я подписал.

Далее — чины особого отдела могут подтвердить, как я возмущался и категорически отклонил просьбу начальника полтавского губернского жандармского управления об оставлении у него сотрудником «брюнета» (какой-то галичанин, вывезенный им из Львова), который был замечен в доставлении неверных сведений по Киеву. Наконец, в самые последние дни было получено донесение начальника тульского губернского жандармского управления о забастовке на заводе и о том, что в числе главарей был субъект (фамилию не помню), известный жандармскому управлению по тому, что несколько лет тому назад дал какие-то сведения. Я тотчас же — это было во время доклада особого отдела — приказал изготовить ордер генералу Попову, дабы он немедленно выехал в Тулу и там детально разобрал это дело.

На вопрос «об отношении Протопопова и Курлова к департаменту» — что я могу ответить? Ген. Курлов действовал очень недолго — я думаю, не более трех недель, — ему делали очередные доклады по текущим делам вице-директоры, в большинстве случаев не в моем присутствии, при чем вице-директоры сообщали обыкновенно мне в общих чертах суть своих докладов ген. Курлову и распоряжений последнего. Ничего принципиального или выдающегося припомнить я не могу, так как все касалось обыденных переписок. Лично я в присутствии ген. Курлова сделал один

неполный доклад Протопопову (это было в середине октября) также по неважным делам. Затем более определенных докладов у меня у министра не было, и являлся я к Протопопову в подавляющем большинстве случаев по его вызову. Здесь позволю себе заметить, что газетные сведения о том, что ген. Курлов после освобождения его от исполнения обязанностей товарища министра все-таки присутствовал при моих докладах, совершенно не соответствуют действительности, так как, во-первых, никаких фиксированных часов моих у министра не было, а, во-вторых, ген. Курлов, насколько мне известно, долгое время, отчасти по болезни, вовсе не приезжал к Протопопову. Лично я видел ген. Курлова у Протопопова с ноября по февраль не более двух раз, при чем у меня особенно врезалось в память, что в разговоре Протопопов упомянул что-то о правых организациях. Курлов его перебил и при мне сказал Протопопову, что никогда нельзя путать правые организации к департаменту полиции, а что ему, как министру, можно иметь дело, с кем он хочет.

Таким образом постоянных, так сказать, бюрократически установленных часов для моих докладов Протопопову установлено не было. Пытался я просить через секретарей Б. И. Григорьева и Б. В. Андро уделять мне полчаса времени в день, если будет нужно, а именно после 5 часов дня, говорил об этом Протопопову лично, но ничего из этого не вышло, так как Протопопов решительно не умел распоряжаться своим временем. Потому приходилось представлять ему письменные доклады.

Отношение Протопопова к правым организациям было несомненно благожелательное, и по его приказанию мне приходилось посылать деньги Маркову, о чем Протопопов и заявил при мне 12 сего марта господину министру юстиции. Деньги эти, по словам Протопопова, предназначались для оборудования отделов Союза и поддержку правой печати. Лично я был против этого, с одной стороны, по принципиальным соображениям — правительство должно избегать партийности, а с другой стороны, в виду того, что в этом случае отсутствует контроль расходования сумм. Я это высказывал Протопопову, но. . . получал приказание, которое обязан был исполнить. Равным образом был я против выдачи денег Василию Орлову. Последний был у меня в октябре, вскоре после моего назначения. Пришел он «представиться», денег не просил, а спросил только, выдам ли я ему железнодорожные (бесплатные) билеты. Я ответил отрицательно.—Значит, ездить не будем,—сказал он и ушел. В феврале уже Орлов был у Протопопова и просил у него денег, при чем подал какое-то заявление, которое потом мне было прислано. Я возвратил это заявление Протопопову при своей записке, на которой написал (приблизительно): «Если прикажете, то я выдам эти деньги, но прежде выдачи следует выждать

результатов порученного мною начальнику московского охранного отделения расследования о шантажных действиях Орлова в отношении евреев». Результатом была резолюция — выдать 2.000 р., каковые деньги я передал вместе с перепискою вице-директору Броецкому. Не знаю, выдал ли он деньги Орлову, или нет. В общем же таких чрезмерных расходов, какие отмечены в записке департамента, находящейся ныне у господина министра юстиции, конечно не было, и прошлый год я закончил с остатком свыше 80.000 р. Экономил я деньги и старался отучить всех, которые раньше, на мой взгляд, неправильно получали из департамента. Я затрудняюсь на память привести все примеры этому, но на некоторые случаи позволю себе указать. Отклонил я уплату за телефон в Лесное (кажется 250 р.) состоявшему у министра В. А. Чумикову. Отклонил продолжить содержание бывшему вице-губернатору Фришу, коему было назначено таковое до 1 января 1917 г. Отклонил выдачу к рождеству наградных денег В. А. Гольмстрему, который, числясь чиновником департамента полиции, занимался в главном управлении по делам печати. Категорически отклонил просьбу секретаря министра В. В. Граве о выдаче по примеру прошлых лет наградных денег чинам железнодорожного жандармского управления Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороги. Два раза я поручал вице-директору Лерхе лично войти в переговоры о непременном возвращении Г. И. Кушнырь-Кушнарем ссуды, выданной ему еще до моего назначения на продовольственное дело.

На заданный мне в общей форме вопрос «о событиях «январь-февраль» могу ответить следующее. И Протопопову, и начальнику охранного отделения и градоначальнику я всегда говорил, что при существовании в Петрограде военного положения все вопросы, касающиеся общественного порядка, подлежат докладу главному начальнику военного округа. Однажды по этому поводу Протопопов мне с некоторым раздражением (так мне показалось) заметил: «Что же мы (т.-е. мин. вн. дел) упразднены?» На это я ответил: «Нет, мы не упразднены, но главный начальник военного округа сегодня имеет право издать такие правила, против которых вы, как министр, можете спорить, но до отмены которых мы обязаны им подчиняться». Вот почему все мероприятия, какие были приняты охранным отделением, были одобрены главным начальником округа предварительно приведения их в исполнение.

Я считал и продолжаю утверждать, что такими указаниями я соблюдал закономерность.

Ни на каких военных совещаниях я у главного начальника военного округа никогда не присутствовал.

Был я у генерала Хабалова три раза.

Первый раз был у него в штабе (на Дворцовой площади) по приказанию Протопопова передать ему повеление о воспрещении

князю Андроникову проживать в Петрограде. Второй раз дело было так. Однажды Протопопов по телефону передал мне, чтобы я приехал в тот же день вечером к ген. Хабалову «потолковать»— о чем именно, он не сказал, прибавив, что приедет туда сам. Узнав по телефону, что Протопопов в тот день дома не обедал, и имея в виду привычку Протопопова опаздывать, я приехал к ген. Хабалову приблизительно через час после назначенного мне Протопоповым времени (он мне назначил 9½ ч. вечера), бывшего министра у генерала не застал и уехал домой часов в одиннадцать, без всякого совещания. Наконец, третий раз было так. Начальник охранного отделения при мне доложил министру сведения о чисто революционных намерениях, проявленных рабочею группою центрального военно-промышленного комитета. Выслушав доклад (это было часов 5 пополудни), Протопопов сказал нам ехать с ним к ген. Хабалову. Мы отправились в штаб, где ген. Хабалов выслушал доклад ген. Глобачева и приказал ему произвести необходимые действия. Доклад продолжался минут десять, ни я, ни Протопопов ни в какие разговоры не вступали, а затем ген. Глобачев и я уехали, а Протопопов остался у ген. Хабалова. Сколько он там провел времени и о чем говорил, мне неизвестно.

Должен пояснить, что второй раз я был у ген. Хабалова на его квартире (Литейный пр.) и что в ожидании там Протопопова никаких принципиальных вопросов мы не касались.

Кроме того, считаю необходимым отметить, что официальное сообщение по поводу арестов членов рабочей группы изложено не в редакции департамента полиции. Протопопов приказал мне изготовить по этому поводу сообщение для прессы. Сообщение было составлено в особом отделе и представлено мне. Я сделал некоторые исправления и отдал перепечатать. В это время позвонил ко мне секретарь министра Б. И. Григорьев и сказал: «Александр Дмитриевич поручил мне спросить вас, готово ли сообщение и говорили ли вы с Гурляндом». На это я ответил дословно следующее: «Передайте Александру Дмитриевичу, что проект сообщения перепечатывается и будет представлен через полчаса, и доложите ему, что я прошу его избавить меня от каких бы то ни было разговоров с Гурляндом». Поясняю: Гурлянда я никогда в жизни не видел и с ним незнаком даже. На следующий, кажется, день появилось известное официальное сообщение, ничего общего с моею редакциею не имеющее и с фразою о превращении России в демократическую республику.

По поводу «беседы с Протопоповым», в которой упомянул и мою фамилию, должен сказать, что до сих пор не уясняю себе смысла того, что хотел сказать Протопопов? Вероятно, Протопопов имел в виду первый мой разговор с ним 18 сентября, когда он, так сказать, «экзаменовал» меня еще до моего назначения. Тогда

разговор касался многих тем общественных, моей службы прежней. Может быть касался вопрос и провокации, — я положительно не помню, но во всяком случае «краснеть и бледнеть» мне было незачем, так как я в то время при активном политическом деле не состоял, а на вопрос о провокации я имел — и держусь теперь — совершенно определенный взгляд, который не стыдятся признавать вообще. Неудачная ли это передача в печати слов Протопопова, или же последний не сумел ясно и понятно выразить свою мысль, — во всяком случае у массы лиц, меня не знающих, могло сложиться крайне для меня обидное и незаслуженное мнение обо мне, которое естественно ни в то время, а тем более теперь, я изменить не могу.

Что касается до сведений по Государственной Думе, то надлежит отметить, что самые серьезные данные о тактике партий, взглядах отдельных лидеров на положение вещей и проч. получались из московского охранного отделения, но от каких именно сотрудников, я не знаю и не справлялся, так как сведения эти излагались в письмах на мое имя. Информационного характера сведения доставлял полковник Бертгольдт, но его сообщения никак нельзя назвать агентурными, так как очень часто бывало, что его сведения дословно были напечатаны на следующий день в газетах, в отделе: «Государственная Дума». Бертгольдт писал то, о чем говорил вслух.

У меня лично никаких сотрудников не было. Моя жизнь была на виду, и все всегда знали, где я нахожусь и у кого бываю. Выезжать в гости мне было некогда, а у меня никаких посторонних лиц, неизвестных прислуге, не бывало.

Еще в самое недавнее время ко мне обращался по телефону и письменно какой-то субъект, в роде Рехберг — не помню фамилии, с просьбою принять его. Я отклонил его просьбу и, наконец, сказал ему переговорить с вице-директором Броецким. Последнему же я сказал, что, в случае предложения просителем своих агентурных услуг, пусть Броецкий направит его в охранное отделение, объявив, что департамент своих сотрудников не имеет. Подробности своего разговора с этим лицом может передать вице-директор Броецкий.

В должность директора департамента полиции я вступил фактически 2 октября 1916 г. Я всегда считал, что департамент полиции не должен играть какой-либо самостоятельной роли, а должен служить центром, где сосредоточиваются те или иные сведения, по существу коих должен так или иначе оперировать лишь министр внутренних дел. Вот почему я обещал последнему при вступлении в должность: трудолюбие, правдивость и полное отсутствие каких-либо дел, которые проделывались бы без его, министра, ведома.

Я держался того убеждения, что я являюсь одним из многих директоров центральных учреждений, что никаких особых преимуществ мне не присвоено и что какою-либо особою «политикою» я заниматься не буду, да и не могу, так как не склонен к этому по складу своего характера. Полагал я, что буду лишь начальником учреждения, коему я постараюсь привить порядочные начала, и что если такие мои намерения не будут соответствовать видам и желаниям начальства, то я уйду с должности без всякого сожаления. Так как я никогда карьеризмом не страдал, то об этом я всегда совершенно определенно и убежденно высказывал тем лицам, в разговоре с которыми мне приходилось касаться этой темы.

Исходя из этих соображений, я и с внешней стороны держал себя соответственным этому моему мнению образом. Так, по установившемуся обычаю, мне надлежало по вступлении в должность явиться ко всем министрам. Я это сделал, за исключением графа Фредерикса, у коего я не был. Затем у министров, назначенных в бытность мою директором, как-то Ритиха, Феодосьева и Кульчинского, я также не был. Равным образом я не пытался быть у председателей Совета министров: Трепова и князя Голицына, после их назначения.

Показателем моего стремления к отчуждению от какой бы то ни было «политической роли» могут служить следующие два факта.

Однажды в декабре 1916 г. мне доложил мой секретарь на службе, что председатель Совета министров Трепов просит меня приехать к нему в назначенный час (вечером). Я тотчас же отправился из департамента к А. Д. Протопопову, доложил ему об этом приглашении и просил впредь уладить дело так, чтобы председатель Совета министров имел беседы не со мною, а с ним, А. Д. Протопоповым, так как от всяких разговоров на политические темы (а не справочного характера) я отказываюсь.

Другой случай был с приглашением меня к кн. Голицыну. Узнав об этом приглашении, я позвонил по телефону к Протопопову и сказал ему решительно, что это — невозможная вещь, что и второй председатель Совета министров зовет меня к себе. После этого Протопопов по телефону переговорил с кн. Голицыным, а затем мне передал, что со мною поедет к председателю и Протопопов.

Далее я уклонился от всяких частных знакомств как с должностными, так и с другими лицами; например супруге Протопопова я сделал визит спустя больше месяца после своего назначения, да и то просил подп. Балашова (состоявшего при министре) передать г-же Протопоповой мою просьбу принять меня в $4^{3}/_{4}$ часа дня, т.-е. за четверть часа до приемного времени. В приемной у б. министра я познакомился с Н. Ф. Бурдуковым, фамилия кото-

рого, конечно, мне была известна раньше. Бурдуков как-то затем зашел ко мне в департамент с ходатайством о каком-то полицейском чине. Затем, через некоторое время я получил от него записку с приглашением отобедать у него. Опять-таки, не желая вступать в какие бы то ни было компании, я под благовидным предлогом от этого обеда отказался и у Бурдукова не был.

По тем же соображениям не был я и на рауте у кн. Голицына, хотя получил именное приглашение.

Не был я на празднике 6 декабря в жандрамском дивизионе и не посылал телеграммы.

Быть может, и еще есть факты, доказывающие это правдивое изложение моего настроения, но сейчас я их припомнить не могу.

Выше я упомянул, что решил провести хорошие начала в департаменте.

Прежде всего я совершенно запретил юбилейные подписки. Издавна существовал обычай делать по подписке среди чиновников департамента подарки лицам, выслужившим 25, 30, 35 лет. Несомненно, это ложилось бременем на бюджет небогатых людей, которые часто мало и знали юбиляров. Да и по существу этот «обычай» носил, на мой взгляд, несимпатичный характер.

Затем я категорически и неоднократно приказывал, чтобы продукты в продовольственной лавочке департамента в первую же очередь отпускались низшим чиновникам и курьерам и лишь после такого распределения остальные продукты получали высшие чины. Эти приказания, я повторяю, неоднократно отдавал Н. В. Волчанинову, Н. В. Симановскому, должен знать об этом секретарь И. К. Крупени.

Далее: ранее прием у директора происходил так: докладывали директору, что явился такой-то, — его принимали и часто, когда просьба касалась неизвестного на память директору дела, разговор был лишь общего характера. Я сделал иначе. Во главе приема поставил очень способного и толкового чиновника Н. В. Коперницкого, которому приказал непрестанно следить, чтобы для просителей не было задержек в выдаче справок и чтобы каждый проситель уходил из департамента с определенным ответом на свое ходатайство. Затем приказал ему, Коперницкому, опрашивать каждого, по какому делу проситель явился, истребовать это дело из делопроизводства и представлять мне, дабы я в беседе с просителем мог совершенно согласно с обстоятельствами дела дать просителю исчерпывающий ответ.

Это распоряжение о порядке приема было отдано мною в письменном приказе по департаменту.

Так как установленного ранее меня одного дня в неделю для приемов оказалось недостаточно, я установил прием у себя ежедневно от 3 до 4 часов дня, а в четверг — целый день.

Во всех своих беседах с чинами департамента я всегда указывал на необходимость благожелательного отношения ко всем просителям в удовлетворении их просьб, если таковые по закону и по существу могут подлежать удовлетворению. Сам я показывал этому пример. Позволю себе привести некоторые случаи. По делу сахарозаводчиков Цехановского, Бабушкина, Гейнера и др. ко мне обращались присяжные поверенные Слиозберг, Парховский Ив. Ив. и Грузенберг Оскар Осипович. Они могут удостоверить, что их все просьбы исполнялись мною без замедления. А прис. повер. Грузенбергу я дал совет (по телефону), за который он меня потом благодарил. Дело в том, что после полученного уже в департаменте распоряжения главного начальника военного округа о высылке по п. 17 ст. 19 военного положения, сенатор Плеве получил телеграмму из Ставки о перечислении арестованных по этому делу лиц за киевским судебным следователем, — так мне сказал по телефону О. О. Грузенберг и спросил, что ему делать. Я ответил: просите сенатора Плеве послать прокурору киевской судебной палаты телеграмму с запросом, будут ли привлечены в качестве обвиняемых его клиенты и представляется ли для судебной власти надобность в дальнейшем содержании их под стражею. Через несколько дней О. О. Грузенберг сообщил мне по телефону о получении от прокурора отрицательного ответа, а еще некоторое время спустя, когда это дело было окончательно ликвидировано, прис. повер. Грузенберг позвонил мне утром на квартиру и благодарил меня за содействие. Полное содействие, насколько это было возможно и закономерно, оказал я женщине-провизору (фамилии не помню, кажется, Винтер), которую военные власти выселяли из Петроградского и Киевского округов и которая, благодаря этому, не могла выехать в Киев, дабы добиться там отмены п. 17 ст. 19 военного положения в отношении ее.

После постановления военных властей о высылке из Петрограда доктора Предкальна я дал последнему отсрочку, а затем лично сказал Предкальну, что отменить постановление военных властей я не в праве, но что на запрос военного округа я не встречу препятствий к оставлению его в Петрограде. Я указал доктору Предкальну путь, и он был оставлен в столице.

В конце января или начале февраля был у меня старик Розенберг, Яков Михайлович (кажется, я не ошибаюсь в фамилии—если ошибся, то восстановить может упомянутый выше заведывавший приемом Н. В. Коперницкий) и сказал мне, что он пришел только поблагодарить меня за хлопоты о нем, хотя из этого ничего и не вышло, так как военные власти так и не разрешили ему выехать заграницу для лечения.

Вспоминается мне случай, относящийся, кажется, к началу 1915 г., когда я, идя навстречу просителю, довел дело (тогда я был

вице-директором) до переписки между б. министром Маклаковым и военным министром, по главному управлению военно-учебных заведений. Дело касалось производства в прапорщики Ивана Ивановича Сергеева, несмотря на наличие о нем сведений, препятствовавших этому производству. Мое отношение к этому делу могут подтвердить как сам Сергеев, так и его жена Животова, кажется Наталья Николаевна.

В 1914 или 1915 г. был такой случай в моей служебной деятельности. Однажды в департамент (я тогда был вице-директором) в числе массы бумаг к подписи я остановил свое внимание на ответе о благонадежности одного лица, фамилии коего не помню. Так как мне некогда было рассмотреть всю переписку, подложенную к этой бумаге, то я приказал прислать мне на дом это дело. Вечером я прочитал от доски до доски все дело и увидел, что дело касалось какой-то террористической (кажется) группы, в коей будто бы были замешаны 10 - 15 человек. В самом конце дела я увидел, что все это предприятие есть плод измышления гнусного провокатора, которого изобличил бывший в то время начальником московского охранного отделения полковник Заварзин, при чем этот провокатор собственноручно записал в протокол, что ранее он врал все об этой группе. Меня привело в ужас, что об упоминаемых в этой переписке лицах могли сообщить неблагоприятные сведения. На следующий же день я об этом доложил бывшему директору Брюн-де-Сент-Ипполиту, а старшему помощнику делопроизводителя П. Н. Шиллеру приказал немедленно сделать соответствующие технические (по регистрационному отделу) отметки, дабы, в случаях запросов, давались благоприятные отзывы о всех лицах, кои упоминаются в этом деле.

Исходатайствовал я у Протопопова право постоянного жительства в Петрограде зубному врачу Лазарю Львовичу Аронсону (Колокольная) независимо от занятия им практикою, а ранее содействовал невыселению из Петрограда по требованию военных властей его семьи во время его отсутствия.

Исполнил я немедленно по телеграфу просьбу члена Государственной Думы М. И. Пападжанова относительно (кажется, я не ошибаюсь) пропуска через границу в Россию турецко-подданных армян. Мое доброжелательное отношение к М. И. Пападжанову вызвало, видимо, то, что я получил от него альбом армянских добровольцев — этот альбом до сих пор хранится у меня.

Особенное внимание я обратил в департаменте на улучшение сыскного (уголовного) дела, а главное личного состава сыскных отделений. Очень просил бы допросить подробно по этому вопросу делопроизводителя А. Ф. Кошко, который должен подробно показать, как я относился к этому делу. В частности укажу, что совер-

шенная перед рождеством 1916 г. в Харькове кража в банке очень крупной суммы денег была раскрыта благодаря тому же Кошко, которого я командировал специально по этому делу.

По делам общей полиции я ввел специальные, подробные аттестации чинов полиции и неукоснительно требовал, чтобы замеченные во взятках или рукоприкладстве отнюдь не оставлялись на местах, а немедленно изгонялись со службы. Об этом я говорил всем губернаторам, которые бывали у меня, а также решительно всем чинам полиции, мне представлявшимся.

Алексей Тихонович Васильев.

Марта 22 дня 1917 г.

II.

Имею честь представить вам и просить предложить вниманию Чрезвычайной следственной комиссии нижеследующее мое ходатайство.

После совершившегося изменения государственного строя в России я окончательно и бесповоротно порвал с прошлым и отрекся от него. Тогда я самостоятельно явился в Государственную Думу, подал письменное заявление на имя господина председателя Государственной Думы и вполне сознательно отдал себя в распоряжение нового правительства.

Я хорошо понимал, что должен буду дать новому правительству — в данном случае в лице возглавляемой вами комиссии — ответы на многие вопросы, которые ныне имеют чисто практическое значение, составляют интерес момента. Отчасти я это выполнил в своем письменном докладе и впредь обязуюсь давать исчерпывающие объяснения по всем вопросам, сотавляющим предмет расследования комиссии.

Вместе с тем, отдав себя в распоряжение нового правительства, я преследовал, в виду создавшегося у меня обдуманного решения (ныне это стало моим убеждением) другую цель — присоединиться к жизни обновленной России и стать в скромные ряды работников в том или ином качестве.

К великому моему сожалению и горю при первых же моих объяснениях, как на второй день после моей явки в Государственную Думу, так и впоследствии, ко мне отнеслись с некоторым недоверием. Я позволяю себе думать, что в этом виною служит скорее должность, которую я занимал в последнее время, чем моя личность, так как неправды в своих объяснениях я не излагал и не изложу.

Вследствие этого я несколько приостановился с представлением этой моей просьбы в то время.

15 минувшего марта вами, господин председатель, были поставлены мне вопросные пункты, на которые я представил письменное объяснение в заседании 22 того же марта комиссии in pleno.

Я ждал дальнейших вопросов для дачи разъяснений, но пока эти вопросы мне поставлены не были.

В дополнение к моему письменному объяснению от 22 марта позволяю себе доложить, что я никогда ни к каким крайним правым группам не принадлежал, даже не примыкал к отдельным кружкам, и никогда по своей последней должности, да и ранее того, крутой, реакционной политики не проводил, а требовал от подчиненных благожелательного отношения ко всем предъявляемым ходатайствам.

В указанном моем письменном объяснении из числа массы случаев я привел достаточно примеров, проверка которых докажет точность отмеченного мною отношения моего к делу.

Я, как и тысячи других, делал закономерно дело того времени, которое ныне кануло безвозвратно в вечность.

Теперь же я, повторяю, отрекся и от того времени, и от того режима.

Вот почему я и обращаюсь с моим ходатайством. Я не могу больше тунеядствовать, бездельничать. Я хочу работать, трудиться.

Усердно прошу комиссию разрешить мне и оказать свое содействие вновь поступить на службу новому правительству по какому угодно ведомству и на какую угодно, самую незначительную должность, так как я хотел бы, чтобы и комиссия и новое правительство убедились бы воочию, что я — не ретроград, не реакционер, а убежденный ныне сторонник и нового правительства, и нового строя возродившейся родины, а также честный и трудолюбивый работник.

Пусть расследование обо мне идет своим чередом, я всегда буду давать все необходимые и правдивые объяснения, но пусть же я буду причастен к новой радостной жизни России в качестве скромного незаметного работника.

Представляя это мое усердное ходатайство, горячо прошу об его удовлетворении.

С полною уверенностью в справедливость, гуманность и отзывчивость комиссии и нового правительства я покорно ожидаю решения своей участи.

А. Васильев.

5 апреля 1917 г.
Петропавловская крепость.

Необходимые исправления.

В целях ускорения выхода в свет настоящего издания издательство вынуждено было отказаться от первоначального замысла давать при каждом томе указатель собственных имен, соединенный с необходимыми комментариями и пояснениями. Одновременно с появлением в печати последнего тома издания будет дан особым приложением указатель собственных имен ко всем томам издания.

Настоящее издание воспроизводит точно текст застенографированных допросов и показаний, а потому сохраняет неправильности и неточности, принадлежащие говорящим лицам (неправильные именования, неточные даты и т. п.). Все они будут оговорены и исправлены в указателе собственных имен. Здесь же даются указания на необходимейшие исправления к тексту, без которых было бы затруднительно понимание текста.

Стр. 74 — Климович ошибочно называет чиновника Дмитрова: в действительности это — Митрович.

Стр. 64, 87, 399 — не полковник Балашев, а подполковник Балашов, упоминаемый на стр. 427.

Стр. 91, 92 — Климович неправильно называет двух видных деятелей военной контр-разведки: не Смирнов, а капитан С. А. Соколов, не Якубович, а подполк. В. М. Якубов.

Стр. 92 — показания Бурцева напечатаны под № VII, надо № VIII.

Стр. 120 — вместо Г. Д. Караулов, надо М. А. Караулов.

Стр. 235 — вместо Булгаков, надо читать Булыгин.

Стр. 246 — вместо Н. Д. Лодыженский — И. Н. Лодыженский.

Стр. 246 — Штюрмер Ратьковым называет Ратаева.

Стр. 293 и сл. — неправильно Рыс, надо Рысс.

Стр. 307, 308 — не Савенко, а Савинков Б. В.

Стр. 363 — вм. 1904, надо 1905.

Стр. 371 — вм. М. И. Газенкампф, надо М. А. Газенкампф.

Стр. 427 — вм. Кульгинский, надо Кульчицкий.

Стр. 429 — вм. Пархóвский, надо Торховский.